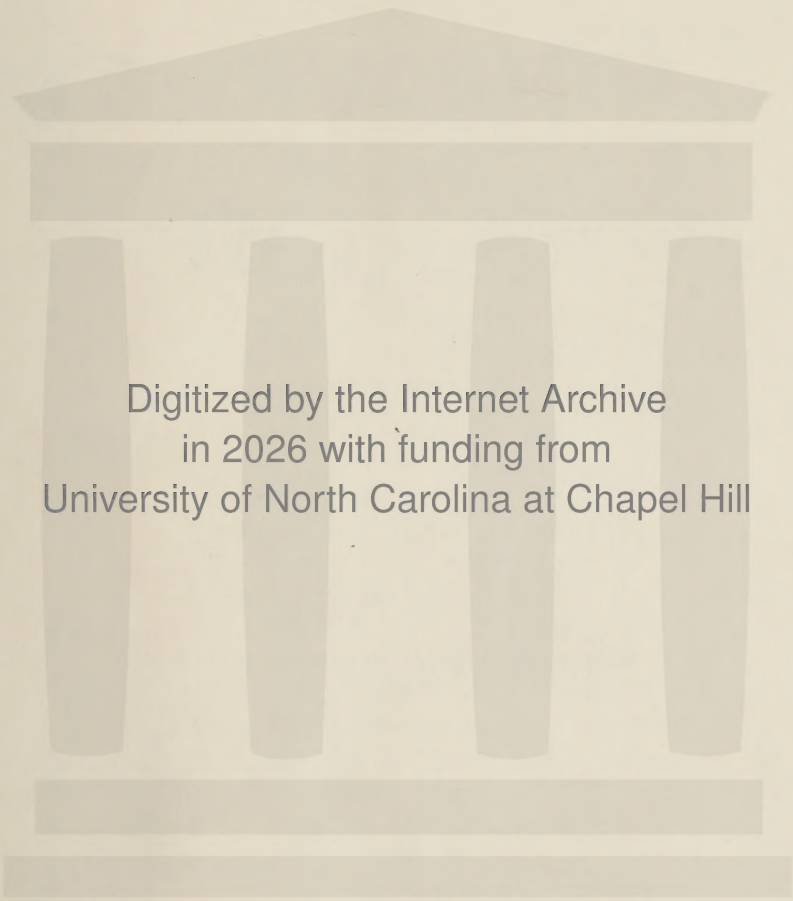
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

947.005
N253
v.1
1907

This book must not be taken from the Library building.


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/nashastranaistor1190unse

№. 1. 1907 г.

„НАША СТРАНА“

Подписная цѣна: за годъ—6 руб.; за ½ г.—3 руб.; за 1 мѣс.—50 коп.

Редакторъ-Издатель В. И. Царда.

Контора и редакція: Б. Монетная, 8.

Историческій Сборникъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письмо къ Чельсо Черетти М. А. Бакунина . 1
2. Къ исторіи земскаго движенія въ Россіи. И. П. Бѣлоконскаго 25
3. Къ исторіи возникновенія Р. С.-Д. Р. Партіи. Б. Д. 126
4. Студенческое движеніе 1869 года (Бакунинъ и Нечаевъ). С. Г. Сватикова 165
5. Россія подъ охраной. Н. И. Фалѣева . . . 250
6. Нераскрытое дѣло *(изъ воспоминаній о Судейкинѣ)*. О—й. 295
7. Отрывки изъ воспоминаній 1872—1873 г. г. С. Л. Чудновскаго 329
8. По Владимиркѣ. Н. А. Виташевскаго. . . 377
9. По поводу замѣтки Н. А. Морозова: «Отголосокъ давнихъ дней». М. Р. Попова. . . 399

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1907

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на внѣпартійный историческій и историко-литературный журналъ

„МИНУВШІЕ ГОДЫ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами 18—20 листовъ.

ПРОГРАММА:

1) Изслѣдованія и статьи по русской исторіи и русской литературѣ.
2) Матеріалы, документы, мемуары и письма изъ области русской исторіи и русской литературы.
3) Біографіи дѣятелей русской исторіи и литературы.
4) Критика историческая и литературная и библіографія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

В. П. Акимовъ; М. А. Антоновичъ; К. К. Арсеньевъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; Ф. Д. Батюшковъ; А. В. Бауленъ; П. А. Берлинъ; П. Д. Боборыкинъ; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Я. Брюсовъ; В. Л. Бурцевъ; Б. Н. Бугаевъ; П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; Е. Н. Водовозова; В. В. Водовозовъ; В. С. Голубевъ; М. О. Гершензонъ; И. С. Джабадари; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; Н. И. Іорданскій; Н. И. Карѣевъ; А. А. Кизеветтеръ; В. О. Ключевскій; М. М. Ковалевскій; Н. А. Котляревскій; А. А. Корниловъ; В. П. Кранихфельдъ; Л. П. Купріянова; Е. Д. Кускова; Ю. Н. Лавриновичъ; А. С. Лаппо-Данилевскій, И. И. Лапшинъ; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. И. Любатовичъ; И. И. Майновъ; И. Л. Манучаровъ; П. Н. Милюковъ; Б. Я. Мадзалевскій; Н. А. Морозовъ; Д. С. Мережковскій; Н. К. Муравьевъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянико-Куликовскій; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. В. Прибылевъ; А. П. Прибылева-Корба; А. С. Пругавинъ; П. Н. Переверзевъ; Ф. И. Родичевъ; Н. С. Русановъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; П. Б. Струве; Е. В. Тарле; В. Г. Танъ; М. Н. Тригони; Н. И. Фалѣевъ; В. Н. Фигнеръ; Д. В. Философовъ; С. Л. Чудновскій; П. Е. Щеголевъ; П. И. Щукинъ; В. Е. Якушкинъ и др.

ЦѢНА ЖУРНАЛА: на годъ — 8 руб.; на $^1/_2$ года — 4 руб.; на $^1/_4$ года—2 руб. За границу (при выпискѣ изъ Россіи)—10 руб. Выписывающіе черезъ мѣстныя заграничныя почтовыя учрежденія платятъ только 8 р. 50 к. Цѣна отдѣльнаго номера—1 руб.

Подписка ГОРОДСКАЯ принимается: въ конторѣ журнала „Минувшіе Годы“, Троицкая, д. № 3, кв. № 8 и въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ **С.-Петербургѣ**, Гостинный дворъ, 18 и Невскій пр., д. 13; въ **Москвѣ**, Кузнецкій мостъ и Моховая.

Подписка ИНОГОРОДНЯЯ направляется по адресу: Троицкая, д. 3, кв. 8.

Временный адресъ редакціи: Знаменская, 19.

Редакторъ **Н. Я. Селюкъ.** Издатель **Н. В. Мѣшковъ.**

Настоящій Сборникъ разсылается тѣмъ подписчикамъ пріостановленнаго журнала „Былое“, которымъ издатель его былъ обязанъ доставить ноябрскую и декабрскую книжки, но не могъ исполнить этого, вслѣдствіе пріостановки журнала. Сверхъ Сборника означенные подписчики получатъ алфавитный указатель всѣхъ именъ, встрѣчающихся во всѣхъ вышедшихъ двадцати двухъ книжкахъ журнала „Былое“ съ надлежащими къ нимъ поясненіями, перечень всѣхъ напечатанныхъ въ этихъ книжкахъ статей и ихъ авторовъ, списокъ помѣщенныхъ въ нихъ портретовъ, рисунковъ, факсимиле и пр. Указатель этотъ будетъ отпечатанъ и разосланъ по назначенію въ самомъ близкомъ будущемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Лит. „ЭНЕРГІЯ“. Загородный 17
1907.

1005197

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на внѣпартійный историческій и историко-литературный журналъ

„МИНУВШІЕ ГОДЫ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами 18—20 листовъ.

ПРОГРАММА:

1) Изслѣдованія и статьи по русской исторіи и русской литературѣ.
) Матеріалы, документы, мемуары и письма изъ области русской исторіи и русской литературы.
3 Біографіи дѣятелей русской исторіи и литетатуры.
4) Критика историческая и литературная и библіографія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

В. П. Акимовъ· М. А. Антоновичъ; К. К. Арсеньевъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; Ф. Д. Батюшковъ; А. В. Баулеръ; П. А. Берлинъ; П. Д. Боборыкинъ; В. Я. Богучарскій; А К. Бороздинъ; В. Я. Брюсовъ; В. Л. Бурцевъ; Б. Н. Бугаевъ; П. И Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; Е. Н. Водовозова; В. В. Водовозовъ; В. С. Голубевъ; М. О. Гершензонъ; И. С. Джабадари; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; Н. И. Іорданскій; Н. И. Карѣевъ; А А. Кизеветтеръ; В. О. Ключевскій; М. М. Ковалевскій; Н. А. Котляревскій; А. А. Корниловъ; В. П. Кранихфельдъ; Л. П. Купріянова; Е Д. Кускова; Ю. Н. Лавриновичъ; А. С. Лаппо-Данилевскій; И. И. Лапшинъ; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. И. Любатовичъ; И. И. Майновъ; И. Л. Манучаровъ; П. Н. Милюковъ; Б. Я. Мадзалевскій; Н. А. Морозовъ; Д. С Мережковскій; Н. К. Муравьевъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянико-Куликовскій; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій Л. ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. В. рибылевъ; А. П. Прибылева-Корба; А С. Пругавинъ; П. Н. Переверзевъ; Ф. И. Родичевъ; Н. С. Русановъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; П. Б. Струве; Е. В. Тарле; В. Г. Танъ; М. Г. Тригони; Н. И. Фалѣевъ; В. Н. Фигнеръ; Д. В. Философовъ; С. Л. Чудновскій; П. Е. Щеголевъ; П. И. Щукинъ; В. Е. Якушкинъ и др.

ЦѢНА ЖУРНАЛА: на годъ—8 руб.; на 1/2 года—4 руб.; на 1/4 года—2 руб. За границу (при выпискѣ изъ Россіи)—10 руб. Выписывающіе черезъ мѣстныя заграничныя почтовыя учрежденія платятъ только 8 р. 50 к. Цѣна отдѣльнаго номера—1 руб.

Подписка ГОРОДСКАЯ принимается: въ конторѣ журнала „Минувшіе Годы“, Троицкая, д. № 3, кв. № 8 и въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ **С.-Петербургѣ,** Гостинный дворъ, 18 и Невскій пр., д. 13; въ **Москвѣ,** Кузнечный мостъ и Моховая.

Подписка ИНОГОРОДНЯЯ направляется по адресу: Троицкая, д. 3, кв. 8.

Временный адресъ редакціи: Знаменская, 19.

Редакторъ **Н. Я. Селюкъ.** Издатель **Н. В. Мѣшковъ.**

LIBRARY UNIV. OF
NORTH CAROLINA

№. 1. 1907 г.

„НАША СТРАНА“

Подписная цѣна: за годъ—6 руб.; за ½ г.—3 руб.; за 1 мѣс.—50 коп.

Редакторъ-Издатель В. И. Царда.

Контора и редакція: Б. Монетная, 8.

Историческій Сборникъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Письмо къ Чельсо Черетти М. А. Бакунина 1
2. Къ исторіи земскаго движенія въ Россіи. И. П. Бѣлоконскаго 25
3. Къ исторіи возникновенія Р. С.-Д. Р. Партіи. Б. Д. 126
4. Студенческое движеніе 1869 года (Бакунинъ и Нечаевъ). С. Г. Сватикова . . . 165
5. Россія подъ охраной. Н. И. Фалѣева . . 250
6. Нераскрытое дѣло (*изъ воспоминаній о Судейкинѣ*). О—й 295
7. Отрывки изъ воспоминаній 1872—1873 г.г. С. Л. Чудновскаго 329
8. По Владимиркѣ. Н. А. Виташевскаго . 377
9. По поводу замѣтки Н. А. Морозова: «Отголосокъ давнихъ дней». М. Р. Попова. . . 399

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Черезъ контору журнала „МИНУВШІЕ ГОДЫ“ можно выписывать слѣдующія изданія.

1) „БЫЛОЕ“

ЖУРНАЛЪ

издававшійся за границею подъ редакціей

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНІЕ перваго выпуска:

1. Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневицкаго; 2. Памяти Гриневицкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли“ и „Рабочей Газеты“; 7. Процессъ 20-ти, В. Бурцева; Завѣщаніе А. И. Баранникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли“; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНІЕ второго выпуска

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ, Н Волкова; 2. Два письма С. Г. Ширяева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія пропагандистки“ Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882—84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову“, стих. Н. Огарева; 9. „Узнику“, стих. Н. Утина 10. Прокламаціи 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г.“, Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“. князя Д. Н. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича“. (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

---

2) ИЗДАНІЯ

„РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“.

1) **Государственныя преступленія въ Россіи** въ XIX вѣкѣ. Сборникъ извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составлено подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**

Томъ первый 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ второй 1877. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти. и др. Цѣна 1 р.

Томъ третій. 1877. Процессъ 193-хъ и др. Ц. 1 р.

Приложенія къ сборникамъ „Государственныя преступленія“:

Первое приложеніе: Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ Ц. 75 коп.

Второе приложеніе: Революціонная журналистика 70-хъ г. Ц. 1. р.

Третье приложеніе: Литература партіи „Народной Воли“.

Вып. 1-й Ц. 1 руб Вып. 2-ой Ц. 1 руб.

(Оба эти выпуска конфискованы впредь до суда).

2) Процессъ 16-ти террористовъ, подъ редакціей и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Ц. 60 к. 3) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г. Ц. 30 коп. 4) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 г. (Изданіе д-та полиціи). Ц. 50 к. То-же за 1901 г. Ц. 50 к. 5) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біограф. Съ пред. **В. Л. Бурцева**. Ц. 6 к. 6) Убійство императора Павла. Разсказы современниковъ. Редакція **П. Е. Щеголева**. Ц. 20 к. 7) Декабристъ Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ **Н. Павлова-Сильванскаго** Ц. 70 к. 8) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская. Біографическіе очерки. Съ предисл. **В. Л. Бурцева** Ц. 10 к. 9) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. **Н. А. Виташевскаго**. Ц. 8 к. 10) Къ событію 1-го марта 1881 г. **А. В. Тыркова**. Ц. 8 к. 11) Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. **Н. И. Фалѣева**. Ц. 15 к. 12) „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. Воспоминанія **О. В Аптекмана**. Ц. 85 к.

Письмо Бакунина къ Чельсо Черретти [1]).

(Переводъ съ французскаго Л. И—вой).

Дорогой мой другъ!

Одновременно съ вашимъ письмомъ я получилъ крупное тяжелое извѣстіе: Маццини умеръ [2]).

Италія только что потеряла одного изъ своихъ наиболѣе выдающихся сыновъ. Ибо никто изъ насъ не сомнѣвается, не правда ли? что Маццини, какъ и Гарибальди, былъ одной изъ величайшихъ личностей среди итальянцевъ, вторымъ героемъ настоящаго столѣтія. Выдающійся умъ, пылкое сердце, непоколебимая воля, неизмѣнная великая преданность,—вотъ качества, которыя никто не осмѣлится у него оспаривать, и которыя дѣлаютъ великихъ людей.

И однако, къ концу своей долгой и великолѣпной дѣятельности онъ встрѣтилъ въ насъ своихъ убѣжденныхъ и непримиримыхъ противниковъ. Мы боролись противъ него не съ веселымъ сердцемъ, а съ печалью въ душѣ и потому, что *нашъ долгъ*, *наша религія*, религія человѣчества, противоположная религіи божества, повелѣвали намъ эту борьбу.

Теологическія идеи Маццини, вооруженныя той убивающей всякую свободу силой, свойственной всѣмъ божественнымъ абстракціямъ, въ концѣ концовъ побѣдили его революціонный темпераментъ и его глубоко свободомыслящую натуру итальянца и сдѣлали изъ него въ послѣдніе дни его жизни безпощаднаго врага революціи. Онъ проклялъ революцію во всѣхъ ея наиболѣе великихъ современныхъ проявленіяхъ: онъ проклялъ ее въ лицѣ Парижской Коммуны, разрушительная программа которой политической централизаціи государства, ея возстаніе и геройское мученичество открыли новую эру въ исторіи; въ лицѣ Интернаціонала, великолѣпной организаціи, вышедшей изъ самыхъ нѣдръ жизни европейскаго пролетаріата и безспорно ставшей теперь самымъ лучшимъ, если не единственнымъ, орудіемъ его будущаго освобожденія; въ лицѣ свободной мысли, этомъ *alter ego*, этомъ идеальномъ выраженіи, неразрывно связанномъ съ матеріальнымъ осво-

---

[1]) Подлинникъ письма написанъ по-французски и найденъ біографомъ М. А. Бакунина Неттлау; напечатанъ впервые въ Брюсселѣ въ журналѣ „Société Nouvelle“ 1896, февраль. На русскомъ языкѣ это письмо не появлялось.

[2]) Маццини умеръ 10 марта, 1872 года. *Прим. перев.*

божденіемъ человѣческаго рода; въ лицѣ положительныхъ наукъ, человѣческомъ солнцѣ, восходящемъ теперь, чтобы замѣстить своимъ вѣрнымъ свѣтомъ, сомнительный свѣтъ божественнаго солнца; и, наконецъ, въ лицѣ смѣлаго и плодотворнаго союза, заключеннаго наиболѣе живой и развитой частью вашей молодежи съ итальянскимъ пролетаріатомъ, на единственной основѣ человѣческой справедливости и солидарности. Маццини подвергалъ своимъ нападкамъ все, что для насъ дорого и священно, и хотѣлъ навязать намъ идеи и учрежденія, которыя мы ненавидимъ отъ всей души и всей силою нашихъ убѣжденій. Мы были бы трусами и измѣнниками, если бы не боролись противъ него до послѣдней крайности. Глубокое чувство уваженія и благоговѣнія, которое мы всегда испытывали по отношенію этого великаго и искренняго ретрограда, дѣлало для насъ эту борьбу очень тяжелой и непріятной, но намъ невозможно было отказаться отъ нея, не измѣнивъ нашему дѣлу, великому дѣлу конечнаго торжества, путемъ экономическаго и соціальнаго освобожденія пролетаріата, человѣческаго надъ божественнымъ и животнымъ, составляющими одну общую регрессивную силу.

Подобно Исусу Навину, Маццини пытался остановить солнце. Онъ палъ въ непосильномъ трудѣ. Его великая душа, истомленная, измученная нашла теперь покой, котораго она никогда не знала при жизни. Великій патріотъ мистики, послѣдній божій пророкъ на землѣ, умеръ, унеся съ собой въ могилу, вмѣстѣ съ послѣднею религіею, самого Бога, который, надѣемся, на этотъ разъ не воскреснетъ болѣе.

Партія Маццини не въ состояніи продолжать его пропаганды, отнынѣ ставшей невозможной, и которая, не находя никакихъ живыхъ основъ въ реальныхъ инстинктахъ итальянскаго народа, держалась только силою его регрессивнаго генія. Въ этой партіи остаются люди, безъ сомнѣнія очень уважаемые: Саффи, Кампанелла и въ особенности старикъ Кабріо, наиблагороднѣйшій и чистѣйшій изъ людей, какихъ только мнѣ приходилось встрѣчать въ своей жизни, старикъ, котораго я обожаю, и который, вѣроятно, меня проклинаетъ... нѣсколько еще другихъ, имена которыхъ мнѣ неизвѣстны; но ни одинъ изъ нихъ не будетъ въ состояніи стать наслѣдникомъ Маццини, а какъ теоретическое, такъ и практическое построеніе этой авторитарной партіи таково, что для своего существованія она нуждается въ главарѣ. Глава исчезъ, слѣдовательно, она должна распасться. Не сейчасъ. Напротивъ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ первое время, пораженные катастрофой, которая только что на нихъ обрушилась, мацциньянцы сдѣлаютъ невѣроятныя усилія, чтобы объединиться еще тѣснѣе; но когда пройдутъ эти первыя минуты, такъ какъ между всѣми ими не существуетъ реальной связи, и такъ какъ партія ихъ не пустила корней въ народной жизни, то они не преминутъ распасться на множество маленькихъ церквей, которыя, управляемыя различными главарями, превратятся въ столько же мелкихъ очаговъ политическихъ интригъ,... [1]) и чаще всего противоположныхъ одинъ

[1]) Неразборчиво написанное слово во французской рукописи.

другому. Многіе, и безъ сомнѣнія самые живые, самые искренніе и молодые, захотятъ присоединиться къ вамъ. Вы, конечно, примите ихъ по братски, но, пожалуйста, не допускайте ихъ заполонить васъ, не позволяйте имъ внести въ вашъ, такой сплоченный лагерь, своихъ мелкихъ честолюбивыхъ, обманчивыхъ и авторитарныхъ политическихъ страстей. Откройте имъ широко двери: *но примите ихъ подъ условіемъ смѣлаго принятія съ ихъ стороны всей программы Интернаціонала.*

Позвольте, какъ другу, предостеречь васъ еще противъ другой опасности. Вся мыслящая и чувствующаа Италія, охваченная глубокой скорбью, сливается теперь въ нѣкоторомъ родѣ въ одно цѣлое въ общемъ чувствѣ поклоненія Маццини. Если бы даже не существовало другихъ доказательствъ, одно это обстоятельство достаточно было бы, чтобы показать, насколько, среди общаго разложенія Европы, Италія остается еще великой и живой націей. Италія показываетъ свою жизненность и вызываетъ къ себѣ уваженіе, воздавая культъ одному изъ своихъ величайшихъ людей, одному изъ своихъ наиболѣе горячо преданныхъ дѣтищъ и слугъ. Вполнѣ естественно, что въ этотъ моментъ великой скорби и энтузіазма мацциньянцы и итальянскіе интернаціоналисты, буржуазные революціонеры и соціалисты революціонеры, забывъ на минуту свои прежніе раздоры, протягиваютъ другъ другу братскую руку. Но, пожалуйста, среди этого патріотическаго взрыва чувствъ, не забудьте пропасти, отдѣляющей вашу программу отъ программы мацциньянцевъ. Не допускайте ихъ увлечь себя—что они не преминутъ, конечно, попытаться сдѣлать—на какое-нибудь общее практическое дѣло, согласное ихъ программѣ, ихъ планамъ, ихъ способамъ дѣйствія, а не вашимъ. Приглашайте ихъ присоединиться къ вамъ на вашей собственной почвѣ, но не слѣдуйте за ними по ихъ пути, который вы не можете принять, не принеся въ жертву великое дѣло пролетаріата, отнынѣ ставшее вашимъ дѣломъ, и не измѣняя ему. Не забывайте, что между буржуазной революціей, о которой они мечтаютъ, и соціальной революціей, которая требуетъ теперь вашихъ услугъ, лежитъ пропасть, не только что касается цѣлей, существеннымъ образомъ различныхъ, но также въ отношеніи средствъ, которыя должны непремѣнно сообразоваться съ вашими цѣлями. Принявъ ихъ планъ дѣйствія, вы не только разрушите всю вашу соціалистическую работу и разорвете связь революціонной солидарности, объединяющей въ настоящій моментъ вашу страну со всей Европой, но вы обречете также самихъ себя и всѣхъ тѣхъ, которые за вами послѣдуютъ по этому новому гибельному пути, на вѣрное пораженіе, на кровавое и полное фіаско.

Всѣ попытки, предпринимаемыя и выполняемыя Маццини, безъ единаго исключенія, всегда терпѣли неудачи. Однако жъ, кто осмѣлится сказать, что эти попытки были безполезны? Разсматриваемыя во всемъ своемъ цѣломъ, какъ система практическаго воспитанія, приложенная къ итальянской молодежи, они дали громадный результатъ: они пробудили, сформировали, воодушевили и создали эту патріотическую молодежь и сдѣлали изъ нея истинный зародышъ итальянскаго возрожденія. Вотъ великое дѣло, безсмертное дѣло Маццини:

онъ создалъ эту молодежь и при ея посредствѣ создалъ Италію, какая она есть; *да, но только такую, какая она есть*: Италію цивилизованную, грамотную, буржуазную, Италію политическую, Италію-государство, а не соціалистическую, не народную и живую Италію. Въ теоретической и политической дѣятельности Маццини не доставало признанія народа, не того наружнаго и искусственнаго признанія, которое достигается посредствомъ политическихъ голосованій, той абстракціи, той политической лжи, именуемой всеобщей подачей голосовъ, а широкаго и плодотворнаго признанія, которое достигается только путемъ дѣйствительнаго участія и самостоятельной дѣятельности народной жизни. Вся работа Маццини происходила внѣ этой реальной жизни массъ. И вотъ почему этотъ гигантскій трудъ, предпринятый величайшимъ человѣкомъ нашего вѣка и выполнявшійся двумя поколѣніями итальянскихъ героевъ мучениковъ, кажется мертвымъ дѣломъ, напоминающимъ собою скорѣе разлагающійся трупъ, чѣмъ могучее и живое тѣло; и вотъ почему, несмотря на возвышенный идеализмъ, лежащій въ основѣ созданнаго Маццини и теперь больше, чѣмъ на половину прогнившаго, политическаго единства, послѣднее сдѣлалось Эльдорадо паразитовъ и гнусныхъ хищниковъ. Какъ бы ни былъ великъ геній человѣка, въ его головѣ можетъ зародиться мысль, онъ можетъ вдохновить ею самыхъ молодыхъ людей, но онъ не можетъ создать жизнь, ни силъ жизни, ибо жизнь никогда не можетъ быть порожденіемъ абстракціи; наоборотъ, послѣдняя всегда является продуктомъ первой и всегда только ея неполнымъ выраженіемъ. Тайна и сила жизни всегда лежатъ только въ обществѣ, въ народѣ. И пока народъ не дастъ своей санкціи такъ называемому національному дѣлу, это дѣло никогда не будетъ въ дѣйствительности ни національнымъ, ни живымъ...

Италія, созданная Маццини, фатально свелась къ Италіи разныхъ Лауца, Бонги, Коврети и Висконти-Веноста, къ Италіи Кристи, Мордини, Никотера и *tutti quanti*... это было не простой несчастной случайностью, а логической и фатальной неизбѣжностью.

Никто этого не чувствовалъ менѣе, чѣмъ Маццини. Такъ, вы найдете имя народа во всѣхъ его писаніяхъ; народъ составляетъ даже второй терминъ его знаменитой формулы: Dio e Popolo [1]), и Маццини всегда говорилъ, что онъ только тогда станетъ считать свое дѣло окончательно законченнымъ, когда оно получитъ санкцію народа. Но народъ, о которомъ говоритъ Маццини, не есть реальный народъ, разсматриваемый въ своей самопроизвольной и живой дѣйствительности,—его народъ, это фиктивное, абстрактное, такъ сказать, теологическое существо. Народныя массы, взятыя въ ихъ настоящей, живой и реальной жизни, составляютъ въ его глазахъ только *толпу*; и чтобы эта толпа стала народомъ, нужно, чтобы она приняла *божій законъ*, *божію мысль*, открытую пророками, геніальными людьми, увѣнчанными добродѣтелью. Эта мысль, стало быть, которая обладаетъ силою превращать толпу въ народъ, отнюдь не является выраженіемъ собственной жизни этой толпы; она рождается внѣ ея и, слѣ-

[1]) Богъ и народъ.
Перев.

довательно, принесена и навязана ей извнѣ. Таково истинное значеніе этой формулы; *Dio e Popolo*, Dio это догматическая, аристократическая, внѣ-народная и, слѣдовательно, противу-народная мысль, которую во что бы то ни стало должно навязать массамъ, чтобы эти послѣднія санкціонировали ее своимъ, съ виду добровольнымъ вотомъ и, санкціонируя, сдѣлались народомъ. Народъ Мацціни, это прирученная толпа, приносимая въ жертву и слабо представляемая въ соборахъ и учредительныхъ собраніяхъ людьми, черпающими свое вдохновеніе не въ интересахъ массъ, не въ реальной жизни массъ, а въ теолого-политической абстракціи, абсолютно чуждой этимъ массамъ.

Нашъ принципъ, не правда ли, совершенно противоположный; внѣ положительной науки мы не признаемъ никакого другого источника нравственныхъ истинъ, кромѣ самой народной жизни; сами положительныя науки есть только методическое, продуманное резюме громаднаго историческаго народнаго опыта. Общество, взятое въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, народъ, *презрѣнная* толпа, рабочая масса даетъ не только силу и жизнь, она даетъ также элементы всѣхъ существующихъ идей, и мысль, которая не почерпнута въ его нѣдрахъ и не служащей вѣрнымъ выразителемъ народныхъ инстинктовъ, является, по моему мнѣнію, мертворожденной мыслью. Отсюда я вывожу то заключеніе, что роль преданной и образованной молодежи не есть роль открывателей, пророковъ, учителей и наставниковъ, не роль творцовъ, а только акушеровъ мысли, рожденной самой народной жизнью; т. е., что молодежь, желающая служить народу, должна искать свое вдохновенье не внѣ его, а въ немъ, чтобы дать ему въ ясно выраженной формѣ то, что онъ смутно понимаетъ въ своихъ стремленіяхъ, настолько же безсознательныхъ, насколько могучихъ.

Между народными идеями, первое мѣсто въ стремленіяхъ массъ всѣхъ странъ въ настоящее время безспорно занимаетъ идея *матеріальнаго или экономическаго освобожденія*. Мацциньянцы съ высоты своего внѣ народнаго и трансцендентальнаго идеализма слишкомъ пренебрегаютъ этой тенденціей, и если въ послѣднее время они почувствовали необходимость сдѣлать ей нѣкоторыя уступки, то они это дѣлаютъ съ какой-то пренебрежительной снисходительностью къ *презрѣнной грубости* этихъ массъ, неспособныхъ забыть своего желудка и жить исключительно созерцаніемъ идеала. Ихъ исполненный презрѣнія соціализмъ служитъ какъ бы приманкой для массы, которую не трогаетъ красота этого идеала. Ослѣпленные своими собственными теологическими и политическими идеями, идеями, которыя въ сущности всѣ являются старыми или новыми оковами для народа, они видятъ въ этомъ стремленіи только грубое выраженіе грубыхъ аппетитовъ и не понимаютъ, что въ своей безсознательной и наивной формѣ, оно содержитъ наиболѣе возвышенную и наиболѣе освободительную идею нашего столѣтія; идею, которая, разрушая идеалистическія сущности, какъ абстракціи, какъ фракціи или, какъ теологическіе, поэтическіе, юридическіе и политическіе символы, должна всѣхъ ихъ превратить въ живыя народныя реальности: истину, спра-

ведливость, свободу, равенство, солидарность, братство, человѣчность Всѣ эти прекрасныя вещи, пока онѣ оставались въ состояніи теологическихъ, поэтическихъ, политическихъ и юридическихъ истинъ, служили только для укрѣпленія и прикрытія самаго грубаго и самаго жестокаго угнетенія и эксплуатаціи въ реальной жизни народа, выражали собою только осужденіе массъ на вѣчную нищету и вѣчное рабство. Эксплуатація вынужденнаго труда массъ въ пользу привилегированнаго меньшинства, называемаго классомъ, составляетъ реальную основу и въ то же время конечное слѣдствіе всѣхъ этихъ, прекрасныхъ абстракцій. Она всегда существовала съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ исторія. Самая идеальная изъ церквей по своему принципу католическая церковь съ первыхъ лѣтъ своего офиціальнаго существованія, т. е. со временъ императора Константина *Великаго*, всегда была самымъ хищнымъ, самымъ алчнымъ учрежденіемъ. И подъ стать ей все остальное. Всѣ великолѣпія христіанской цивилизаціи, церковь, государство, матеріальное процвѣтаніе націй, наука, искусство, поэзія, все это имѣло своей каріатидой рабство, порабощеніе, нищету милліоновъ работниковъ, составляющихъ дѣйствительный народъ. Что же дѣлаетъ народъ, выдвигая этотъ ужасный экономическій вопросъ? Онъ нападаетъ на дѣйствительную основу всей этой цивилизаціи, которая такъ долго его порабощала. Онъ заставляетъ вѣчныя химеры упасть съ теологическаго или политическаго неба на землю реальной жизни и превратиться въ живыя и плодотворныя реальности для народа. Требуя себѣ свой насущный хлѣбъ, полный продуктъ своего труда, народъ требуетъ этимъ для себя науку, справедливость, свободу, равенство, солидарность, братство и, выражая все однимъ словомъ, человѣчность. Отсюда слѣдуетъ, что его матеріализмъ, къ которому такъ презрительно относятся мацциньянцы, есть самое высшее выраженіе практическаго и реальнаго идеализма.

Вотъ чего никогда не поймутъ мацциньянцы, пока они останутся вѣрными политико-религіозной доктринѣ своего учителя. Но изъ различія принциповъ и цѣлей неизбѣжно вытекаетъ разница средствъ и революціонной практики. Мацциньянцы влюбленные въ свои идеи, взятыя внѣ народной жизни и внѣ реальныхъ народныхъ стремленій, воображаютъ, что достаточно имъ составить изъ себя небольшіе заговорческіе центры въ главныхъ городахъ Италіи, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ въ каждомъ, привлекши къ себѣ самое большее нѣсколько сотенъ рабочихъ, и выступить внезапно и одновременно, чтобы массы послѣдовали за ними Но во-первыхъ, они даже никогда не сумѣли организовать одновременно возстанія, а затѣмъ, и въ особенности, массы всегда оставались глухими и индифферентными къ ихъ призыву, такъ что всѣ мацциньянскія попытки имѣли своимъ неизмѣннымъ результомъ кровавыя и даже иногда смѣшныя фіаско. Но такъ какъ мацциньянцы, неисправимые доктринеры, остающіеся систематически глухими къ тяжелымъ урокамъ жизни, этотъ непрерывный рядъ ужасныхъ горькихъ пораженій, самъ этотъ опытъ ничему не научилъ ихъ. Каждую весну они снова принимаются за то же, приписывая всѣ прошлыя пораженія не присущему ихъ системѣ пороку, а побочнымъ обстоятельствамъ, неблагопріятнымъ случайно-

стямъ. Эти случайности мы находимъ во всѣхъ извѣстныхъ историческихъ попыткахъ, но они могли быть побѣждены только тѣми попытками, которыя исходили изъ самыхъ нѣдръ реальной жизни.

Стали ли мацциніанцы теперь болѣе прозорливыми, болѣе практичными? Нисколько; и доказательствомъ этому служитъ то, что, если бы Маццини былъ живъ, они предприняли бы новую попытку, обреченную, конечно, той же участи. Они неисправимы, они умрутъ неисправимыми и навсегда осуждены на безплодный трудъ.

Эти вѣчно неудававшіяся попытки имѣли свой raison d'être, несмотря на свою постоянную и фатальную неудачу, когда требовалось пробудить и оформить патріотизмъ итальянской молодежи. Это, какъ я уже сказалъ, было великимъ дѣломъ Маццини. Но выполнивъ эту работу, необходимо нужно было перемѣнить систему изъ опасенія, чтобы не уничтожить или не извратить само дѣло. Старая система Маццини, превосходная, чтобы создать смѣлую молодежь, не годилась для того, чтобы совершить великую торжествующую революцію. Находясь постоянно самъ подъ властью своихъ теологическихъ, поэтическихъ, политическихъ и патріотическихъ абстракцій, добившись, съ другой стороны, того, что доктринерскій энтузіазмъ, воодушевлявшій его самого, стали болѣе или менѣе раздѣлять его молодые ученики, число которыхъ, впрочемъ, всегда было ограничено, Маццини думалъ, что его абстракцій было достаточно, чтобы поднять массы. Онъ не понималъ, что массы приходятъ въ движеніе только когда ихъ къ этому побуждаютъ силы—одновременно интересы и принципы,—вытекающія изъ ихъ собственной жизни, и что абстракціи, родившіяся внѣ этой жизни, никогда не могутъ оказать на нихъ такого дѣйствія. Обманутый этой постоянной иллюзіей своей жизни, онъ до послѣдней минуты думалъ, что революцію можно совершить внезапно, и что быстраго и одновременнаго захвата оружія нѣсколькими сотнями молодыхъ людей, разбросанныхъ небольшими группами во всѣхъ странахъ, достаточно, чтобы поднять народъ.

Возстаніе, которое онъ проектировалъ для этой весны, подготовленное, разсчитанное и организованное все тѣмъ же способомъ, неизбѣжно постигла бы судьба всѣхъ предшествовавшихъ попытокъ. Послѣдствія его, можетъ быть, были бы еще болѣе ужасны; потому что, мнѣ кажется, Италія находится теперь въ одномъ изъ тѣхъ критическихъ положеній, при которомъ каждая ошибка можетъ стать фатальной. Не надо, чтобы революція обезславила себя безразсуднымъ движеніемъ и чтобы идеи революціоннаго возстанія сдѣлалась посмѣшищемъ.

Что можетъ и должно спасти Италію изъ того унизительнаго и раззорительнаго состоянія упадка, въ которомъ она теперь находится, что, мнѣ кажется, вы должны подготовить и организовать, это не смѣшное возстаніе героической, но слѣпой молодежи, а *великую народную революцію*. Для этого не достаточно захвата оружія нѣсколькими сотнями молодыхъ людей, не достаточно даже поднять городской пролетаріатъ, нужно, чтобы поднялись также деревни, ваши двадцать милліоновъ крестьянъ.

Со временъ среднихъ вѣковъ и даже со временъ древняго Рима,

съ тѣхъ поръ, какъ Италія вступила на историческое поприще, вся ея политическая и соціальная жизнь, весь ходъ ея цивилизаціи сосредоточился въ городахъ. Въ средніе вѣка деревни ваши въ политическомъ и нравственномъ отношеніи составляли какъ бы громадную тихую и безплодную пустыню, среди которой ваши полныя движенія, изобилующіе богатствомъ, умомъ и жизненной силой города сіяли, какъ блестящіе оазисы. Это отсутствіе участія деревень въ живой, богатой жизни вашихъ городовъ было одной изъ главныхъ причинъ упадка вашей страны. Въ этомъ столѣтіи славное возрожденіе Италіи было также дѣломъ вашихъ городовъ, помимо почти всякаго участія деревень. Слѣдовательно, до настоящаго времени ваши крестьяне, т. е. почти двадцать милліоновъ итальянцевъ оставались внѣ исторической жизни Италіи, или принимали въ ней участіе, лишь какъ рабы и жертвы.

Вотъ въ чемъ самая большая опасность. Все будущее ваше зависитъ отъ того, какъ будутъ держать себя ваши крестьяне во время слѣдующей революціи. До настоящаго времени они оставались пассивными и почти безъ всякаго протеста переносили судьбу и формы правленія, какія угодно было навязать имъ городамъ. Но вы, также хорошо, какъ и я знаете, что ваши крестьяне, какъ и всюду, и ваши, можетъ быть, больше, чѣмъ другіе, не любятъ городовъ. Города были болѣе или менѣе революціонны въ политическомъ отношеніи, крестьяне были неизбѣжно реакціонны; не такъ въ силу вреднаго, оказываемаго на нихъ духовенствомъ вліянія, какъ вслѣдствіе той вполнѣ естественной и, скажемъ, законной ненависти, какую они питаютъ къ городамъ, какъ въ силу исторической традиціи, такъ и въ силу всѣхъ своихъ болѣе недавнихъ опытовъ. Крестьяне ненавидятъ буржуазію.

Теперь, когда городской пролетаріатъ пробуждается и революціонно организуется въ Италіи такъ же, какъ и въ другихъ странахъ Европы, деревня, компактная крестьянская масса сдѣлалась единственнымъ средствомъ спасенія и единственной точкой опоры для революціи. Такой твердой точкой опоры, что до тѣхъ поръ, пока мы не вырвемъ ее изъ рукъ реакціи, мы не сможемъ восторжествовать надъ послѣдней, мы всегда будемъ побиты ею. Весь вопросъ торжества революціи сводится, стало быть, къ слѣдующему: *Какъ поднять, какъ революціонизировать крестьянъ*?

Друзья мои! Не ясно ли для васъ, такъ же, какъ и для меня, что магическія и мистическія формулы Маццини, потерявшія теперь даже ту силу, которую онѣ имѣли по отношенію итальянской молодежи, не достаточны для того, чтобы поднять не только крестьянъ, но даже и весь городской пролетаріатъ? Крестьянскія и городскія массы жаждутъ освобожденія. Но то, что называютъ политической свободой, въ дѣйствительности освобождаетъ только одну буржуазію, и такъ какъ этотъ видъ свободы, организованной въ большое централизованное государство, будь это государство даже республикой, какъ этого хотѣлъ Маццини, и какъ этого хотятъ еще маццинiьянцы, такъ какъ эта свобода стоитъ дорого, и такъ такъ всѣ государственныя издержки ложатся въ послѣднемъ счетѣ на рабочій народъ, то отсюда слѣдуетъ, что эта политическая свобода ложится новымъ

бременемъ на *народную избу* (*chateau populaire*), обремененную до такой степени, что они не въ состояніи больше таскать эту тяжесть, какъ прекрасно выразился генералъ Гарибальди. Эта такъ называемая политическая свобода, именемъ которой мацциньянцы, несмотря на столько горькихъ разочарованій, не потеряли еще надежду поднять народныя массы, безъ содѣйствія которыхъ невозможна никакая революція, эта политическая свобода означаетъ, стало быть, ни что иное для этихъ массъ, какъ новое рабство и новую нищету.

Дѣйствительное народное освобожденіе можетъ быть достигнуто только путемъ соціальной революціи. Эта революція, какъ все живое и активное, необходимо будетъ имѣть двѣ стороны: отрицательную сторону и сторону положительную. Отрицательная сторона, это разрушеніе всего существующаго, всего, что раззоряетъ и угнетаетъ народную жизнь. Это будетъ актъ, которымъ народная изба сброситъ съ себя все возрастающее бремя, которое вѣка давитъ ее. Само это бремя двоякаго рода. Бремя политическое и фискальное, которое мѣшаетъ свободному развитію, свободной дѣятельности массъ съ одной стороны, и обременяетъ и раззоряетъ ихъ податями и налогами съ другой,—это государственное бремя. Другой видъ этого бремени—экономическая эксплуатація народнаго труда капиталомъ, монополизированнымъ въ рукахъ крупной и богатой буржуазіи. Въ сущности, эти два вида бремени нераздѣльны, потому что государство, неизбѣжно враждующее, стремящееся къ завоеваніямъ и нарушающее человѣческую солидарность за своей территоріей, внутри—никогда не имѣло другой миссіи, какъ утвердить, узаконить и урегулировать эксплуатацію народнаго труда, въ пользу привилегированныхъ классовъ.

Уничтоженіе государства и существующей финансовой монополіи,—таковы, слѣдовательно, отрицательныя задачи соціальной революціи. Гдѣ будетъ предѣлъ этой революціи? Теоретически, логически она должна пойти очень далеко. Но практика всегда отстаетъ отъ теоріи, потому что она подчинена массѣ соціальныхъ условій, сумма которыхъ составляетъ дѣйствительное состояніе страны, и которыя неизбѣжно оказываютъ давленіе на всякую истинно народную революцію. Долгъ руководителей будетъ состоять не въ томъ, чтобы навязывать свои собственныя фантазіи массамъ, а въ томъ, чтобы итти настолько далеко, насколько это позволятъ или повелятъ народные инстинкты и стремленія. Положительной задачей соціальной революціи будетъ новая организація болѣе или менѣе освобожденнаго общества.

Въ этомъ отношеніи также идеалъ очень точно и ясно поставленъ теоріей. Какъ политическая организація—добровольная, абсолютно свободная федерація коммунъ и рабочихъ ассоціацій; какъ организація соціальная—переходъ капитала и земли во владѣніе рабочихъ ассоціацій. Практически же это будетъ, что каждая провинція, каждая коммуна и каждая рабочая организація сможетъ и захочетъ, лишь бы это было на самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ желаніемъ народа, а не рѣшеніемъ произвола и фантазіи главарей.

Одна изъ самыхъ крупныхъ заботъ тѣхъ, кто стоитъ теперь во главѣ соціалистическаго революціоннаго движенія въ Италіи, должна,

по моему мнѣнію, заключаться въ томъ, чтобы найти и установить, насколько это теперь возможно, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ планъ и въ особенности программу будущаго народнаго возстанія. Ни на минуту не теряя изъ виду идеала, который долженъ быть нашей путеводной звѣздой, какъ служила нѣкогда полярная звѣзда путеводителемъ для моряковъ—подъ именемъ идеала я подразумѣваю всю сумму справедливости и свободы, наиболѣе полное экономическое и соціальное равенство и всемірную солидарность и человѣческое братство,—чтобы составить практическую и возможную программу, необходимо считаться съ различными условіями каждой вашей провинціи, а также съ желаніями и стремленіями нѣкоторыхъ классовъ вашего общества. Не всѣхъ. Потому что, если бы вы захотѣли удовлетворить всѣ классы, въ результатѣ неизбѣжно бы получился нуль; интересы правящихъ и высшихъ классовъ слишкомъ противоположны интересамъ низшихъ слоевъ общества, чтобы примиреніе между ними было возможно. Я думаю, стало быть, что всѣ классы, которые прямо или косвенно заинтересованы въ сохраненіи современнаго государства, должны быть принесены въ жертву, безъ пощады: такъ, все дворянство и вся крупная, финансовая, коммерческая и промышленная буржуазія, всѣ крупные земельные собственники и капиталисты и въ большинствѣ случаевъ также средняя буржуазія: та, дѣти которой наполняютъ въ настоящее время армію въ качествѣ офицеровъ и бюрократію, въ качествѣ чиновниковъ. Эта средняя бружуазія, какъ въ Италіи, такъ и повсюду, составляетъ подлый и глупый классъ, опору всякаго разврата, всѣхъ несправедливостей, всякаго деспотизма.

Въ Италіи, по моему мнѣнію, существуетъ четыре общественныхъ слоя, которые нужно приниматъ во вниманіе. И прежде всего, два существенныхъ слоя, наиболѣе многочисленныхъ, составляющихъ дѣйвительную основу всякаго народа: *городской и сельскій пролетаріатъ*; *рабочіе въ собственномъ смыслѣ слова и крестьяне*. Они должны дать главный тонъ, настоящую тенденцію будущей революціи. Нужно ли вамъ говорить, что, какъ одни, такъ и другіе въ полномъ смыслѣ слова, необходимо, инстинктивно соціалистичны?

Ваши городскіе рабочіе даютъ вамъ каждый день въ этомъ новыя доказательства. Быстрота, съ какой они группируются вокругъ знамени Интернаціонала, повсюду, гдѣ только есть нѣсколько человѣкъ, желающихъ работать и способныхъ воздвигнуть его, служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Сами мацциньянцы должны были это признать; такимъ образомъ, вы видите, что они начали тоже теперь заниматься соціализмомъ, конечно, соціализмомъ очень низкой пробы, и очень неловко. Какъ идеалисты, они никогда не сумѣютъ сдѣлать изъ него что-нибудь серьезное. Но соціалистическій духъ, охватившій рабочія массы, слишкомъ силенъ, чтобы они могли его дальше игнорировать. Въ этой массѣ, которую я назвалъ городскимъ пролетаріатомъ, идеалъ, какъ я только что его опредѣлилъ, является предметомъ очень замѣтнаго, очень яснаго стремленія; такъ что если бы мы имѣли передъ собой только городской пролетаріатъ, можно было бы пойти очень далеко. Въ особенности его воодушевляетъ страсть къ абсолютному равенству, къ абсолютной справед-

ливости. Онъ хочетъ, чтобы всѣ люди одинаково работали, въ одинаковыхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ, чтобы весь міръ состоялъ изъ однихъ работниковъ, и чтобы не было больше господъ, чтобы не было больше ни для кого возможности жирѣть на счетъ труда другого. Онъ хочетъ, чтобы каждый работникъ пользовался *полнымъ продуктомъ своего собственнаго труда*. Самъ Маццини въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ призналъ законность этого требованія, которое вписано первымъ въ программѣ Интернаціонала. Но знаете вы, что означаетъ это требованіе? Не что иное, какъ захватъ всѣхъ капиталовъ рабочими ассоціаціями, совершенный тѣмъ или инымъ способомъ. Ибо пока капиталы останутся монополизированными въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, какъ частная собственность, и пока вслѣдствіе тѣхъ же причинъ рабочія ассоціаціи, представители труда въ собственномъ смыслѣ этого слова, будутъ оставаться лишенными капитала, ничто не сможетъ помѣшать капиталистамъ забирать въ свою пользу всегда наибольшую часть продукта этого труда. Проценты на капиталъ и всѣ преміи, получаемыя имъ въ различныхъ финансовыхъ спекуляціяхъ, есть не что иное, какъ это возмутительное присвоеніе продуктовъ чужого труда. Потому что сложите, напримѣръ, вмѣстѣ сколько хотите капиталовъ, они никогда не произведутъ новыхъ, сами по себѣ. Когда рабочія ассоціаціи освободятся отъ ига капитала, т. е., когда они будутъ сами владѣть капиталами и имъ не понадобится больше платить за услуги чужимъ капиталамъ, послѣдніе не будутъ приносить больше никакой прибыли, и ихъ теперешніе владѣльцы очень скоро проѣдятъ ихъ. Освобожденіе труда не можетъ, стало быть, означать, ничего другого, какъ экспропріацію капиталистовъ и переходъ всѣхъ необходимыхъ для труда капиталовъ въ коллективную собственность рабочихъ ассоціацій.

Что касается политическаго идеала, хранящагося въ инстинктахъ городскаго пролетаріата, мнѣ кажется, въ настоящее время онъ распадается на двѣ довольно противоположныя и противорѣчивыя тенденціи. Съ одной стороны, городской рабочій, даже наименѣе развитый, освободившись самимъ родомъ своихъ занятій отъ того мѣстническаго духа (l'esprit local), отпечатокъ котораго налагаетъ обработка земли, легко понимаетъ всемірную солидарность рабочихъ всѣхъ странъ, видитъ свое отечество скорѣе въ своемъ ремеслѣ, чѣмъ въ той территоріи, на которой онъ родился. Городской рабочій болѣе или менѣе космополитъ. Съ другой стороны, несомнѣнно подъ вліяніемъ буржуазныхъ доктринъ, вліяніемъ, которому онъ такъ долго подвергался, онъ не особенно противился централизаціи государства. Нѣмецкіе и англійскіе рабочіе мечтаютъ теперь объ этой централизаціи большого государства, лишь бы только, говорятъ они, это государство было народнымъ: *государство работниковъ*; что по моему мнѣнію является утопіей, такъ какъ всякое государство и всякое централизованное правительство необходимо заключаетъ въ себѣ аристократію и эксплуатацію, хотя бы правящаго класса. Не будемъ забывать, что государство означаетъ господство, и что человѣческая природа такъ устроена, что всякое господство переходитъ всегда и фатально въ эксплуатацію.

Наоборотъ, крестьянская масса по самой своей природѣ федералистична. Крестьянинъ страстно привязанъ къ землѣ и всѣмъ сердцемъ ненавидитъ господство городовъ и всякое постороннее ему, не мѣстное правительство, которое навязываетъ ему свою мысль и свою волю. Въ Англіи и Германіи готовящаяся революція принимаетъ рѣшительно характеръ городской революціи, стремясь къ новому господству городовъ надъ деревней. Въ Англіи опасность, которая отъ этого произойдетъ, для самой революціи, будетъ не особенно велика, потому что, если собственно исключить Ирландію, крестьянскій классъ въ ней не существуетъ,—всѣ сельскіе работники—наемные, получающіе поденную плату, какъ городскіе рабочіе. Въ Германіи же совсѣмъ иное; крестьянская масса въ ней громадна, и много крестьянъ-собственниковъ, какъ во Франціи. По винѣ буржуазіи, которая три раза подавила крестьянское возстаніе въ Германіи: сначала въ 1520 году, потомъ въ 1830 г. и затѣмъ въ 1848 г., въ настоящій моментъ эта огромная масса образуетъ прочную крѣпость реакціи, громадную точку опоры, на которую г. Бисмаркъ опираетъ свой грозный рычагъ, направляя его противъ всѣхъ свободъ Европы; и абстрактный соціализмъ нѣмцевъ встрѣчаетъ въ ней очень серьезную и очень опасную оппозицію.

Вы не впадете въ ошибку нѣмцевъ и не ограничитесь проповѣдью городского соціализма; вы не оставите безъ вниманія духъ и могучія стремленія вашего сельскаго пролетаріата, вашихъ двадцати милліоновъ крестьянъ. Вы не обречете свою революцію на вѣрное пораженіе. Хотите, я вамъ скажу все, что я думаю. Такъ вотъ, я думаю, что вы имѣете революціонный элементъ гораздо болѣе сильный и реальный *въ деревняхъ, чѣмъ въ городахъ*. Безъ сомнѣнія ваши городскіе рабочіе болѣе развиты. Невѣжество, увы, разлито по всей вашей странѣ. Но оно сильнѣе въ деревняхъ, чѣмъ въ городахъ. Городской пролетаріатъ больше думаетъ, у него больше революціоннаго сознанія, но въ деревняхъ больше естественной силы.

Вашъ крестьянскій народъ по природѣ революціоненъ, несмотря на духовенство, вліяніе котораго только поверхностно. Кстати, я хочу сказать вамъ, что я думаю объ антирелигіозной пропагандѣ свободомыслящихъ. Эта пропаганда превосходна для выправки ума и практическихъ тенденцій болѣе или менѣе грамотной молодежи. Но на народъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, она не оказываетъ никакого дѣйствія. Религія народа не столько слѣдствіе его теоретической аберраціи, сколько практическаго протеста народной жизни противъ узкихъ границъ ей поставленныхъ, противъ народнаго рабства и нищеты. Освободите какъ слѣдуетъ и дѣйствительно народъ и вы увидите, что всѣ религіозные предразсудки, всякія небесныя химеры исчезнутъ сами собой. Не антирелигіозная пропаганда, а соціальная революція убьетъ религію въ народѣ.

Вашъ крестьянинъ по необходимости соціалистиченъ, и съ революціонной точки зрѣнія, можно сказать, онъ находится въ самыхъ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ онъ находится въ отвратительномъ экономическомъ положеніи. За исключеніемъ, можетъ быть, крестьянъ Тосканы, гдѣ много мызниковъ—я не знаю экономическаго положенія

вашихъ романьольскихъ крестьянъ—крестьяне Пьемонта, Ломбардіи, всего прежняго неаполитанскаго королевства находятся въ такой ужасной нищетѣ, ихъ существованіе стало настолько невозможнымъ, что крестьянская революція мнѣ кажется неминуема, если даже не будетъ никакихъ руководителей. Поднялись же крестьяне сами два года тому назадъ по поводу закона «del macinato» [1]). И замѣтьте, насколько былъ вѣренъ ихъ инстинктъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ Пармѣ, напр., они сожгли всѣ офиціальные бумаги и документы—своего смертельнаго врага. Аутодафе всѣхъ офиціальныхъ бумагъ, уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ мнѣ кажется однимъ изъ самыхъ лучшихъ средствъ настоящей соціалистической революціи. Это гораздо болѣе человѣчно, а также и гораздо болѣе радикально, чѣмъ рубить головы на манеръ якобинцевъ.

Вообразите себѣ, что во всѣхъ итальянскихъ деревняхъ раздается кличъ: «Guerre aux châteaux et paix aux chaumieres!» [2])—какъ во время возстанія нѣмецкихъ крестьянъ въ 1520 г.; или тотъ другой, еще болѣе выразительный: «Земля крестьянамъ, т. е. всѣмъ тѣмъ, и только тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками!»—Вы думаете много найдется въ Италіи крестьянъ, которые останутся спокойны? При этомъ жгите побольше офиціальныхъ бумагъ и документовъ, и соціальная революція будетъ сдѣлана.

Такимъ образомъ, экспропріація владѣльцевъ капиталовъ и переходъ капитала въ коллективную собственность рабочихъ ассоціацій, и организація всемірной солидарности—таковъ идеалъ городского пролетаріата.

Полная мѣстная свобода и переходъ земли во владѣніе земледѣльческихъ работниковъ,—таковъ идеалъ сельскаго пролетаріата.

Эти два идеала превосходно можно примирить, посредствомъ принципа свободной федераціи коммунъ и рабочихъ ассоціацій, смѣло провозглашеннаго годъ тому назадъ Парижской Коммуной. И если бы существовали только эти два общественные слоя, программа соціальной революціи была бы живо готова.

Но есть два другіе слоя, которые вы должны принять во вниманіе; во-первыхъ, потому, что по своему положенію, становящемуся все болѣе и болѣе бѣдственнымъ, они, поневолѣ, съ каждымъ днемъ становятся все болѣе и болѣе революціонными, и затѣмъ потому, что очень многочисленные, тотъ и другой, они оказываютъ далеко не призрачное вліяніе на народъ: въ городахъ, это *мелкая буржуазія*, а въ деревняхъ, *классъ очень мелкихъ собственниковъ*. Эти два класса собственно не имѣютъ никакой программы, такъ какъ оба они совершенно спутались. По своимъ традиціямъ и тщеславію, связанному съ ихъ общественнымъ положеніемъ, они слегка примыкаютъ къ привилегированнымъ классамъ. По своимъ инстинктамъ, которымъ все болѣе

---

[1]) Возмутительный законъ, выработанный политическимъ дѣятелемъ Квинтино Селла. По этому закону съ каждаго должна была взиматься пошлина за помолъ зерна. Такимъ образомъ, крестьянинъ, везя свой хлѣбъ на мельницу, долженъ былъ платить извѣстную сумму денегъ государству (такса была установлена закономъ), иначе онъ не могъ превратить свое зерно въ муку. *Прим. перев.*

[2]) „Война замкамъ и миръ лачугамъ!“

и болѣе грозитъ опасность, и которые все чаще и чаще приносятся въ жертву интересамъ крупной буржуазіи, они, наоборотъ, приближаются къ пролетаріату. Тѣмъ не менѣе они еще сохранили нѣкоторые интересы, которые пострадаютъ отъ слишкомъ послѣдовательнаго и логическаго примѣненія соціалистическаго принципа, какъ онъ уже обнаруживается въ стремленіяхъ массъ: примирить эти интересы съ этими стремленіями, *не жертвуя, однако, этими послѣдними*,— таковъ трудъ, выпадающій теперь на вашу долю.

Федерализмъ и соціализмъ,—вотъ два главные элемента будущей революціи. Это абсолютно противоположно мацциньянской программѣ. Не ясно ли теперь, что всякое примиреніе между этими двумя партіями невозможно на мацциньянской почвѣ? Вы не можете принимать участія въ ихъ попыткахъ, во-первыхъ потому, что онѣ фатально осуждены на вѣчное пораженіе, во-вторыхъ, потому, и въ особенности, что ваши цѣли и ваши средства абсолютно различны. Вы хотите полнаго и окончательнаго освобожденія итальянскаго общества и организаціи или новой переорганизаціи его на основахъ одновременно свободнаго и коллективнаго труда, снизу вверхъ, путемъ федераціи и естественныхъ группировокъ. А они хотятъ, напротивъ, для этого общества новаго порабощенія подъ игомъ единнаго великаго государства. Вы хотите подготовить и организовать громадное народное возстаніе, которое смететъ всѣ препятствія, ломая на своемъ пути все, что осмѣлится ему сопротивляться, и дѣлая само сопротивленіе невозможнымъ. А мацциньянцы, неспособные организовать или даже только мечтать о такомъ возстаніи, будутъ продолжать тратить свои силы на смѣшныя предпріятія...

Я предвижу—и это, можетъ быть, съ болѣе практической точки зрѣнія самое лучшее, что можетъ съ ними случиться,—что многіе изъ нихъ, *сами не подозрѣвая этою*, попадутъ въ руки Агостино Бертани. Это единственный изъ *второстепенныхъ* главарей или иниціаторовъ прошедшихъ патріотическихъ движеній, который не окончательно выдохся и не совсѣмъ скомпрометировалъ свое положеніе и характеръ стараго революціонера.

Среди мацциньянскихъ знаменитостей нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы дѣйствительно способенъ руководить движеніемъ. Это доктринеры, а не люди дѣйствія. Кадріо, наиболѣе уважаемый и симпатичный среди нихъ, можетъ воодушевлять, приводить въ энтузіазмъ молодежь, къ которой онъ чувствуетъ большую любовь, но я не считаю его способнымъ составить планъ дѣйствія и руководить имъ. Саффи—родъ неудавшагося ученаго, докторъ наукъ несуществующаго факультета, Меланхтонъ мерворожденной религіи; Петрони, говорятъ, нѣчто вродѣ глупаго іезуита; Кампанелла, основатель секты въ мацциньянской партіи, какимъ былъ Али въ магометанской религіи. Впрочемъ, я его знаю менѣе всѣхъ, но, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя до меня дошли, не онъ можетъ замѣнить дѣятельность, слабую, но всегда геніальную, Мацціни.

Бертани не мацциньянецъ; но онъ сумѣлъ сохранить болѣе или менѣе близкія отношенія съ мацциньянцами и съ самимъ Мацціни, какъ онъ сумѣлъ сохранить ихъ съ гарибальдійцами, не будучи самъ

гарибальдійцемъ, съ свободомыслящими и съ бывшей прежде лѣвой демократической партіей,—пришедшей теперь въ состояніе gorgonzola [1]), или лимбургскаго сыра,—съ разными Криспи, Никотери и компанія. Бертани всегда былъ со всѣми, другомъ всего свѣта и никогда ни съ кѣмъ не былъ близокъ; онъ даже другъ Альберто Маріо, который слишкомъ тщеславенъ и гордъ, чтобы искать себѣ другого друга, кромѣ самого себя, и о которомъ можно сказать, несомнѣнно съ большимъ основаніемъ то, что сказалъ Камиль Демуленъ о Сенъ-Жюстѣ: «онъ носитъ свою голову, какъ святые дары».

Бертани, политическій дѣятель par excellence. Онъ всегда хотѣлъ *fare da se* [2]). Люди, партіи и вещи, — все должно было ему служить средствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я его считаю очень искреннимъ республиканцемъ. Я думаю, и припоминая нѣкоторые разговоры, которые я не особенно давно имѣлъ съ нимъ, я склоненъ вѣрить, что онъ питаетъ въ глубинѣ души честолюбивый тайный помыселъ не умереть, не добившись, или по крайней мѣрѣ, не оказавши сильнаго содѣйствія торжеству и установленію республики въ Италіи. Только какой республики? Федералистической или централистической? Вотъ, въ чемъ я еще не могъ хорошенько разобраться. Я думаю, что онъ самъ еще хорошо этого не знаетъ. Бертани, не будучи доктринеромъ, не имѣетъ предвзятаго идеала, и я думаю, что если у него и есть какія нибудь излюбленныя идеи, онъ безъ большого труда пожертвуетъ ими, если обстоятельства и характеръ движенія отъ него этого потребуютъ. Онъ другъ Джюзеппо Мацони де Прато, котораго зовутъ Тосканскимъ Катономъ, другъ Альберто Маріо, а оба они, каждый на свой ладъ, областные федералисты. Онъ съ ними федералистъ и централистъ съ мацциньянцами, какъ конституціоналистъ въ парламентской лѣвой. Въ случаѣ нужды, онъ будетъ соціалистомъ и интернаціоналистомъ съ вами. Однимъ словомъ, онъ стоитъ *выше* всѣхъ партій, по крайней мѣрѣ, онъ не такъ думаетъ, намѣреваясь извлечь пользу изъ каждой для выполненія своихъ цѣлей, скорѣе практическихъ, чѣмъ теоретическихъ и принципіальныхъ. Это государственный человѣкъ par excellence, скорѣе ученикъ Маккіавели, чѣмъ ученикъ Данте.

И именно, потому, что онъ ученикъ Маккіавели, я считаю его призваннымъ управлять разсѣяннымъ войскомъ мацциньянцевъ, учениковъ Данте. Для мацциньянцевъ это будетъ безспорно очень полезно, потому что Бертани придастъ ихъ революціоннымъ и республиканскимъ стремленіямъ практическій характеръ, чего одни они никогда не въ состояніи будутъ сдѣлать. Но не надо себя обманывать, республика, ради торжества которой будетъ работать Бертани, будетъ исключительно буржуазной республикой; самъ буржуа, буржуа по крови, по всѣмъ своимъ стремленіямъ и всѣмъ своимъ инстинктамъ, по своимъ интересамъ, своимъ честолюбивымъ замысламъ и всѣмъ своимъ дружескимъ связямъ, онъ никогда не сможетъ дѣйствовать въ иномъ смыслѣ, какъ въ смыслѣ дѣятеля буржуазнаго государства, скорѣе централистическаго, чѣмъ федералистическаго, скорѣе эксплу-

---

[1]) Особый сортъ сыра. *Пер.*

[2]) Дѣлать все самъ, одинъ; дѣйствовать за свой счетъ. *Пер.*

ататорскаго, чѣмъ соціалистическаго; безъ сомнѣнія, онъ постарается примирить два противорѣчивые и непримиримые термина, но инстинктивно и въ силу привычекъ своего ума, какъ и въ силу необходимости своего положенія, какъ, впрочемъ, и подобаетъ всякому государственному мужу, онъ всегда принесетъ въ жертву автономію и мѣстныя свободы централизаціи государства и народное благоденствіе эксплуатаціи капиталистовъ.

Если, какъ я предполагаю, Бертани фактически станетъ главой и тайнымъ руководителемъ революціонныхъ попытокъ мацциньянцевъ, какую позицію займете по отношенію къ нему вы, соціалисты революіоцнеры, сторонники серьезнаго освобожденія пролетаріата?

Игнорировать его было бы ошибкой; войти съ нимъ въ союзъ было бы другой ошибкой, и по моему мнѣнію еще болѣе крупной. Вы не теоретики утописты, вы хотите образовать активную и сильную партію, способную, въ возможно ближайшій срокъ, преобразовать вашу чудную Италію въ страну свободы, равенства, справедливости, счастья и чести для всѣхъ. Вы организуетесь для дѣйствія; слѣдовательно, вамъ не позволено не знать ни одного изъ элементовъ, составляющихъ настоящую дѣйствительность. Вы должны хорошо знать значеніе тѣхъ ошибокъ, съ которыми вамъ придется бороться, а также тѣ элементы, которые, не будучи въ точности вашими, принуждены до нѣкоторой степени и въ продолженіе всего переходнаго періода стать въ нѣкоторомъ родѣ вашими союзниками, вашими друзьями, имѣющими одинаковыхъ съ вами враговъ. Мацциньянцы, хотя на иной ладъ и по другимъ причинамъ, отъявленные враги существующаго правительства, которое боясь васъ гораздо болѣе, чѣмъ ихъ, начинаетъ преслѣдовать васъ по всей Италіи и скоро, я думаю, будетъ преслѣдовать еще съ большимъ ожесточеніемъ. До нѣкоторой степени, стало быть вы будете принуждены итти параллельно съ ними, быть въ курсѣ всѣхъ ихъ предпріятій и не только не мѣшать ихъ свободѣ дѣйствія, но иногда даже, конечно, въ очень рѣдкихъ случаяхъ и соблюдая наибольшую осторожность, *косвеннымъ образомъ* помочь имъ, поскольку дѣлая это, вы можете надѣяться ослабить и деморализовать существующее правительство, вашего отнынѣ наиболѣе ожесточеннаго, наиболѣе сильнаго и наиболѣе неудобнаго врага. Во всѣхъ случаяхъ борьбы мацциньянцевъ и бертаньянцевъ, т. е. буржуазныхъ республиканцевъ съ правительствомъ вы, конечно, всего чаще и насколько это будетъ возможно сдѣлать, не причиняя себѣ нравственнаго и матеріальнаго самоубійства, будете воздерживаться; но всякій разъ, когда почувствуете необходимость выйти изъ этого наружнаго пассивнаго состоянія, вы выйдете изъ него, само собою разумѣется, только для того, чтобы принять ихъ сторону противъ правительства.

Вы будете, слѣдовательно, принуждены организоваться и итти параллельно съ ними, чтобы извлечь пользу въ виду осуществленія своихъ собственныхъ цѣлей, изъ каждаго ихъ революціоннаго предпріятія. Но вы будете остерегаться, не правда ли, вступать съ ними въ тѣсный союзъ, смѣшиваться съ ними, вы *никогда не допустите ихъ проникнуть въ вашу организацію*, въ которую они могутъ пожелать войти только для того, чтобы извратить и, чтобы отвлечь ее отъ ея

цѣли, чтобы парализовать ее и разстроить. Если бы у нихъ даже не было такого намѣренія, они косвеннымъ образомъ все-таки дѣйствовали бы въ виду этой цѣли,—такъ ихъ природа противоположна вашей.—Поэтому мнѣ кажется абсолютно необходимымъ, чтобы всѣ ваши организаціи, какъ открытыя, такъ и тайныя, оставались бы совершенно въ сторонѣ отъ мацциньянскихъ и бретаньянскихъ организацій.

* * *

Теперь одно слово о вашей романьольской организаціи и вообще объ организаціи секцій Интернаціонала въ Италіи. Думаете ли вы, что онѣ могутъ устоять противъ преслѣдованій вашего правительства и продолжать существовать, какъ открытыя и легальныя организаціи? Невозможно больше сомнѣваться, преслѣдованія противъ Интернаціонала повсемѣстны, интернаціональны. Послѣ пораженія республиканской и соціалистической фракціи, этого слѣдовало, впрочемъ, ожидать, Имперская Германія, Германія Бисмарка, нѣжно обнявшись съ русскимъ . . . . . кнутомъ, стоитъ, какъ и подобаетъ ей, во главѣ реакціи. На видъ Бисмаркъ мало дѣлаетъ самъ, но онъ заставляетъ дѣйствовать другихъ. Онъ часто управляетъ внутренней политикой всѣхъ другихъ странъ, которыя сами этого не подозрѣваютъ; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что между всѣми ними существуетъ дѣйствительное соглашеніе противъ Интернаціонала, этого самаго сильнаго и, можно сказать, въ настоящее время единственнаго представителя революціи въ Европѣ.—Во Франціи, въ Италіи, въ Бельгіи, въ Германіи правительства свирѣпствуютъ противъ него. Если такъ будетъ продолжаться въ теченіи нѣкотораго времени, Швейцарія вступитъ на тотъ же путь. Во-первыхъ, она слишкомъ слаба, чтобы могла долго противостоять настойчивому давленію окружающихъ ее крупныхъ державъ, которыя ничего больше не желали бы, какъ подѣлить ее между собою; затѣмъ, нужно еще сказать, что такъ называемая радикальная буржуазія, стоящая теперь у кормила правленія въ большинствѣ швейцарскихъ кантоновъ, будетъ рада необходимости, подъ дипломатическимъ давленіемъ великихъ державъ, открыть преслѣдованія противъ Интернаціонала. Въ настоящій моментъ эта ассоціація имѣетъ только одно убѣжище въ Европѣ: это Англія. Нужна аристократическая революція, уничтоженіе конституціи, чтобы прогнать ее оттуда. И рабочія ассоціаціи образуютъ тамъ уже дѣйствительную силу, такъ что политическія партіи, тори, виги и радикалы принуждены считаться съ Интернаціоналомъ. Но во всѣхъ странахъ европейскаго континента *открытому существованію* Интернаціонала грозитъ большая опасность. И никогда онъ еще не достигъ такой концентраціи силъ, которая сдѣлала бы его грознымъ въ свою очередь,—я говорю о настоящемъ, а не о будущемъ, такъ какъ я увѣренъ, что будущее принадлежитъ намъ,—нигдѣ за исключеніемъ, быть можетъ, Испаніи. Дѣйствительно, въ получаемыхъ мною изъ различныхъ мѣстъ этой страны письмахъ мнѣ сообщаютъ, что рабочіе соціалисты въ Испаніи очень... [1]) и очень

[1]) Неразборчивое слово во французской рукописи.

серьезно организованы; и не только рабочіе, но и андалузскіе крестьяне, среди которыхъ соціалистическая пропаганда велась съ большимъ успѣхомъ, предполагаютъ принять очень дѣятельное участіе въ готовящейся революціи, оказавъ на этотъ разъ поддержку политическимъ партіямъ, не смѣшиваясь однако съ ними, и съ очень опредѣленнымъ намѣреніемъ придать этой революціи открыто соціалистическій характеръ. Мы съ безпокойствомъ всѣ ждемъ исхода предстоящихъ рѣшительныхъ событій. Весь югъ Франціи, до самаго Парижа включительно, несмотря на всѣ законы, вотированные версальскими аграріями, организуется, и эта организаціонная работа ведется подъ руководствомъ нашихъ союзниковъ,—не лондонскихъ руководителей, пропаганда которыхъ, такъ прославленная и превознесенная до небесъ, въ дѣйствительности сводится къ нулю. Если революція восторжествуетъ въ Испаніи, это будетъ безъ сомнѣнія громадной поддержкой для революціи въ Европѣ. Если она потерпитъ пораженіе, грозящая намъ повсюду реакція станетъ еше болѣе ужасной.—Но даже въ случаѣ торжества революціи въ Испаніи, первымъ неминуемымъ ея слѣдствіемъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, во Франціи, въ Бельгіи, Германіи, Италіи и въ Швейцаріи, благодаря, главнымъ образомъ, централистической реформѣ, грозящей убить кантональныя свободы въ этой странѣ,— будетъ усиленіе реакціи. Если даже версальское правительство не въ состояніи будетъ подавить революцію на югѣ Франпіи, не будемъ забывать, что армія Бисмарка занимаетъ еще сѣверо-востокъ Франціи; и, что касается меня, то я нисколько не сомнѣваюсь, что существуетъ уже теперь соглашеніе между Бисмаркомъ и вашимъ правительствомъ, и что въ послѣднихъ имѣвшихъ мѣсто дипломатическихъ переговорахъ, случай торжества революціи въ Испаніи не былъ забытъ, тѣмъ болѣе, что онъ непосредственно задѣваетъ вашу царствующую династію.

Словомъ, я предвижу во всѣхъ странахъ Европы, и въ особенности въ Италіи, очень серьезныя преслѣдованія, направленныя противъ соціалистовъ и противъ всѣхъ организацій Интернаціонала. То что произошло въ Миланѣ, служитъ тому доказательствомъ. «Martello», газета, которая никогда не позволяла себѣ никакихъ эксцентричностей,—но очень рѣшительная,—когда она касается существа дѣла, приняла очень осторожный и очень умѣренный тонъ. Систематически конфискуя ее, отдавая приказы объ арестѣ ея издателя и редактора, грозя молодежи, входящей въ составъ комитета «Circolo operaio» [1]), ссылкой въ «domicilo coatto» [2]), ваше правительство ясно показываетъ, что оно умышленно, систематически преслѣдуетъ Интернаціоналъ; и я не думаю, что дѣло ограничится одной Ломбардіей. Я думаю, что

---

[1]) Рабочій кружокъ. *Пер.*

[2]) Острова, куда итальянское правительство ссылаетъ всѣхъ неудобныхъ для себя лицъ. Ссыльнымъ выдается по 50 сантимовъ въ день на человѣка, на которые они и принуждены жить, если не имѣютъ собственныхъ средствъ или какого-нибудь заработка. Кто имѣетъ хоть малѣйшую матеріальную возможность, снимаетъ для себя отдѣльное помѣщеніе, что не запрещается начальствомъ; тѣ же, кому судьба не благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи, принуждены жить въ общихъ казенныхъ камерахъ вмѣстѣ со всякими отбросами общества. *Пер.*

эта мѣра принята по отношенію всей Италіи. Я не сомнѣваюсь, что скоро будутъ приняты очень энергичныя и произвольныя мѣры съ цѣлью закрыть, уничтожить ваши «fasсhio operaio» [1]). Что вы тогда предпримете? Поднимете возстаніе? Это было бы превосходно, если бы вы могли имѣть надежду на побѣду. Но думаете вы имѣть такую надежду? Достаточно вы хорошо подготовлены, достаточно прочно организованы для этого? Увѣрены вы поднять всю Романью до крестьянъ включительно? Если да, поднимите брошенную вамъ перчатку. Но, если у васъ нѣтъ этой увѣренности,—я говорю не объ иллюзіяхъ, а объ увѣренности, основанной на положительныхъ фактахъ,— тогда, пожалуйста, имѣйте мужество подавить ваше естественное негодованіе, избѣгнуть сраженія, которое должно для васъ кончиться пораженіемъ. Помните, что новое пораженіе будетъ смертельнымъ, не только для васъ, но и для всей Европы. Я думаю, что нужно подождать исхода испанскаго движенія, и тогда, когда движеніе въ этой странѣ приметъ широкій и открытый революціонный характеръ, нужно будетъ подняться всѣмъ вмѣстѣ, поднять возстаніе не только въ Романьи, но во всѣхъ частяхъ Италіи, способныхъ къ революціонному движенію.

Ну, а пока, что дѣлать, если насильственно закроютъ вашу открытую организацію? Нужно будетъ ее передѣлать тогда въ тайную организацію, съ гораздо болѣе революціоннымъ характеромъ и программой, чѣмъ это было до сихъ поръ...

Безъ сомнѣнія, очень желательно было бы, чтобы вы могли сохранить открытую и легальную организацію романьольскихъ и другихъ секцій, составляющихъ «fasсhio operaio». Но, если преслѣдованія правительства принудили васъ закрыть ихъ, какъ открытыя организаціи, вы принуждены будете преобразовать ихъ въ тайныя организаціи, если не хотите осудить себя и всѣхъ своихъ друзей, а вмѣстѣ съ собой и свое дѣло на полное исчезновеніе. Для того, кто знаетъ васъ, какъ я, послѣднее предположеніе немыслимо. Скажу больше; даже въ случаѣ, если вамъ удастся, съ помощью энергичной и искусной борьбы, отстоять существованіе вашихъ открытыхъ секцій, я думаю, что рано или поздно, вы должны будете признать необходимость основать внутри ихъ *nuclei* [2]), составленныя изъ наиболѣе вѣрныхъ, преданныхъ, умныхъ и энергичныхъ членовъ, однимъ словомъ, изъ людей, наиболѣе близкихъ между собою. Эти ячейки, тѣсно связанныя между собою и съ подобными же ячейками, которыя организуются или будутъ организоваться въ другихъ районахъ Италіи, будутъ имѣть двойную миссію: во-первыхъ онѣ будутъ вдохновляющей и живительной душой этого огромнаго тѣла, называемаго въ Италіи и другихъ странахъ международнымъ обществомъ рабочихъ; во-вторыхъ онѣ будутъ заниматься такими вопросами, *которые невозможно обсуждать публично*. Онѣ будутъ составлять необходимый мостъ между пропагандой соціалистическихъ теорій и революціонной прак-

---

[1]) Рабочая организація, примыкающая къ Интернаціоналу. *Пер.*

[2]) Ядра, ячейки. *Пер.*

тикой.—Для такихъ умныхъ людей, какъ вы и ваши друзья, я думаю, что я достаточно сказалъ.

Особенно въ виду этой *тѣсно сплоченной* организаціи, обнимающей собою всю Италію, я такъ сильно желалъ, чтобы конгрессъ итальянской демократіи, иниціативу котораго вы взяли на себя вмѣстѣ съ вашимъ знаменитымъ генераломъ, [1]) состоялся поскорѣе. Это было бы для всѣхъ соціальныхъ демократовъ, для всѣхъ наиболѣе серьезныхъ революціонныхъ соціалистовъ Италіи прекраснымъ случаемъ узнать другъ друга, притти къ соглашенію и составить союзъ на основѣ одной общей программы. Разумѣется, этотъ тайный союзъ принялъ бы въ свою среду только очень небольшое число лицъ, самыхъ вѣрныхъ, преданныхъ, умныхъ, словомъ, самыхъ лучшихъ; въ такого рода организаціяхъ нужно искать не количество, а качество. Отличіе вашей практической революціонной дѣятельности отъ мацциньянской, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что вамъ не нужно набирать солдатъ для небольшихъ тайныхъ армій, способныхъ пробовать свои внезапныя нападенія. Мацциньянцы должны это дѣлать, потому что они хотѣли и считаютъ возможнымъ совершить революцію помимо народа. Вы же хотите только народную революцію; стало быть, вамъ не надо набирать армій, ибо ваша армія—это народъ. Что вы должны образовать,—это *генеральные штабы*, хорошо организованную и съ хорошими стремленіями сѣть руководителей народнаго движенія. И для этого нѣтъ никакой необходимости имѣть большое число лицъ, посвященныхъ въ тайную организацію.

Итакъ, я, стало быть, былъ сильно опечаленъ, увидавъ, что генералъ, недовольный разногласіемъ демократическихъ и соціалистическихъ мнѣній Италіи, отказался, такъ сказать, отъ мысли созвать этотъ конгрессъ, или отложилъ его на неопредѣленное время, когда будетъ больше гармоніи въ идеяхъ. Я думаю, что если вы будете ждать этого времени, то вамъ придется долго ждать, вѣчно; и вы всѣ умрете, не дождавшись осуществленія этой абсолютной гармоніи. Скажу вамъ, мой дорогой другъ, что та гармонія неосуществима и даже нежелательна. Гармонія эта: отсутствіе борьбы, отсутствіе жизни, это—смерть. Въ политикѣ это деспотизмъ. Возьмите всю исторію и вы убѣдитесь, что во всякую эпоху и во всѣхъ странахъ всегда, когда существовали на лицо развитіе и разцвѣтъ жизни, мысли, творческой и свободной дѣятельности, происходили раздоры, умственная и соціальная борьба политическихъ партій, и именно среди той борьбы и, благодаря ей, народы были наиболѣе счастливыми и наиболѣе сильными въ человѣческомъ смыслѣ этого слова. Эта борьба отсутствовала, или почти отсутствовала, въ большихъ азіятскихъ монархіяхъ: и потому тамъ было полное отсутствіе человѣческаго развитія. Посмотрите, съ одной стороны, на персидскую монархію съ ея безчисленными и дисциплинированными войсками, и съ другой на свободную Грецію, едва представлявшую федерацію, съ ея постоянной борьбой народовъ, идей и партій. Кто побѣдилъ? Греція. Какая эпоха была наиболѣе плодотворной въ римской исторіи? Эпоха борьбы пле-

[1]) Гарибальди.

беевъ съ патриціями. А что дало величіе и славу средневѣковой Италіи? Конечно не папство и не имперія, а муниципальныя свободы и внутренняя борьба идей и партій. Наполеону III удалось остановить внутреннюю борьбу во Франціи и тѣмъ самымъ онъ убилъ ее. Да хранитъ судьба вашу прекрасную родину отъ эпохи умиротворенія и согласія всѣхъ умовъ. Это будетъ эпохой смерти.

Видите, какъ могутъ быть различны мнѣнія. Многіе итальянскіе демократы пугаются расколовъ, которые возникли за эти послѣдніе два года внутри демократической партіи. А я, наоборотъ, вижу въ этомъ ея вооруженіе и гарантію ея плодотворной и жизненной силы. Внутри «Consorteria» [1]) нѣтъ раскола.—Ну и что же? Болѣе жизненна она отъ этого? Пока еще въ ея средѣ происходили разногласія въ нѣкоторыхъ... [2]), она хранила остатки жизни. Но теперь, когда въ ней установилось трогательное единство и когда это общее согласіе распространилось еще и на лѣвую парламентскую партію, которую теперь отдѣляютъ отъ нея только личные интересы и честолюбіе, не чувствуете ли вы, что вся офиціальная Италія умерла? Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ итальянская демократія, заснувшая въ гармоничномъ однообразіи тѣхъ же... [3]) была уже при смерти.—Соціализмъ вернулъ ей жизнь и тѣмъ самымъ вызвалъ въ ея средѣ громадное развитіе различныхъ идей и тенденцій, а, слѣдовательно, и внутреннюю борьбу, эту великую воспитательницу творческой силы...

Я не перестану повторять: однообразіе, это смерть. Разнообразіе, это жизнь. Дисциплинированное единство, которое можетъ установиться въ какой-нибудь соціальной средѣ только въ ущербъ творческой силы самопроизвольной мысли и жизни, убиваетъ народы. Живое, дѣйствительно могучее единство, единство, котораго мы всѣ хотимъ, это то, которое создается свободой въ самой средѣ свободныхъ и разнообразныхъ проявленій жизни, выражающейся въ борьбѣ: это равновѣсіе и гармонія всѣхъ живыхъ силъ.—Я понимаю, что генералъ дивизіи регулярной арміи долженъ обожать спокойствіе смерти, какую дисциплина налагаетъ на войско.—Вашъ генералъ, нашъ генералъ, генералъ народа не нуждается въ этомъ рабскомъ спокойствіи: привыкшій жить и командовать среди бурь, онъ никогда не бываетъ такъ великъ, какъ во время бури. Буря, это просторъ народной жизни, которая одна способна смести весь міръ существующихъ несправедливостей,—и мы не можемъ дать достаточно широкій просторъ этой страсти и этой жизни.

Возвращаясь къ конгрессу итальянской демократіи, я долженъ вамъ сказать, что я никогда не надѣялся и даже не желалъ, чтобы произошло невозможное примиреніе и гармонія между всѣми мнѣніями, дѣйствительно передовыми, считающими себя такими или выдающими себя за таковыхъ: между франкъ массонами, Кампанелла, Стефанони, Филоппанти и *tutti quanti* и между искренними соціалистами революціонерами. — Подобное примиреніе, если бы оно могло когда-нибудь

---

[1]) Консерваторы крайней правой. *Пер.*
[2]) Неразборчивое слово во французской рукописи.
[3]) Неразборчивое слово во французской рукописи.

осуществиться, было бы, по моему мнѣнію, величайшимъ несчастьемъ, какое только можетъ постигнуть Италію, потому что въ силу вѣчныхъ законовъ логики +1—1=0. — Это было бы уничтоженіемъ живой народной жизни во славу нѣсколькихъ мертвыхъ фразъ и нѣсколькихъ фразеровъ —доктринеровъ и буржуа. Вашъ конгрессъ, какъ всѣ конгрессы, будетъ нѣчто въ родѣ Вавилонскаго столпотворенія; но онъ дастъ возможность узнать своихъ, т. е. соціалистовъ революціонеровъ всѣхъ районовъ Италіи и образовать вмѣстѣ съ ними серьезное, хорошо организованное и единственно сильное, какъ выражающее народныя стремленія и народные интересы, большинство: одно оно будетъ представлять народъ на этомъ конгрессѣ.

Теперь, дорогой другъ, когда я вполнѣ искренно сказалъ вамъ свое мнѣніе относительно единственной итальянской революціи, которая, мнѣ кажется желательной и возможной, я хотѣлъ бы отвѣтить на ваши другіе вопросы.

1. Я думаю, я твердо убѣжденъ, что генералъ неправъ, подозрѣвая политическую честность этого бѣднаго Тергази. Мнѣ кажется, что я уже говорилъ вамъ свое мнѣніе относительно него. Это сумасбродная голова, немного легкомысленный и суетный характеръ. Въ послѣднее время онъ велъ себя, какъ сумасшедшій, въ своемъ «Proletario», — перескакивалъ съ одной фантазіи на другую, отъ одного предложенія къ другому, безъ сомнѣнія, не ради наибольшаго реальнаго блага Интернаціонала. Но я убѣжденъ, что онъ неспособенъ на измѣну. Что вѣрно, такъ это то, что онъ не обладаетъ достаточной стойкостью и уравновѣшенностью ума и характера, необходимыми для того, чтобы хорошо руководить туринской секціей. Эта бѣдная секція, состоящая, какъ мнѣ кажется, изъ переходныхъ и очень многочисленныхъ элементовъ, повидимому остается безъ всякаго руководства, и находится въ рукахъ честолюбцевъ и интригановъ. Этотъ г. Бечелли приносилъ ей большой вредъ, и повидимому въ Туринѣ нѣтъ никого, чтобы принять мѣры противъ этой отвратительной анархіи. Я давно не имѣю никакихъ извѣстій изъ Турина; Терцаги мнѣ показался слишкомъ нескромнымъ, слишкомъ болтливымъ для близкихъ сношеній, а кромѣ него я никого не знаю. Если у васъ есть связи съ серьезными людьми въ Туринѣ, постарайтесь дѣйствовать черезъ нихъ. Я долго разсчитывалъ на Анатоля, который внушалъ мнѣ большую симпатію и довѣріе. Къ сожалѣнію Анатоль, кажется, слишкомъ дружитъ съ г. Бечелли, чтобы оставаться моимъ другомъ. Онъ мнѣ не отвѣтилъ на мои послѣднія письма, и наша переписка прекратилась.

2: Я очень жалѣю, также, что генералъ ставитъ на одну доску неаполитанскую газету «La Campana» и туринскую «Il Proletario». «La Campana» гораздо болѣе серьезная газета. Вы, конечно, читали тамъ замѣчательныя письма нашего друга доктора и соціалистическаго депутата Саверіо Фришіа. Мнѣ нѣтъ надобности вамъ его рекомендовать. Вамъ должно быть извѣстно его имя, какъ имя стараго патріота, очень умнаго, серьезнаго и честнаго. Это замѣчательный умъ и твердый характеръ, весь міръ къ нему относится съ уваженіемъ,— онъ пользуется большимъ вліяніемъ въ Сициліи. Думаете вы, что онъ,

такъ хорошо знающій Неаполь, тамошнихъ людей и все, что тамъ происходитъ, думаете вы, что онъ писалъ бы въ «La Campana», если бы онъ не считалъ ее за серьезную газету? И, дѣйствительно, я нашелъ тамъ замѣчательныя статьи, очень умно и талантливо написанныя. Ясно, что молодые люди, завѣдующіе этой газетой, горячо и искренне убѣжденные люди. Они влагаютъ, безъ сомнѣнія, много страстности въ свое дѣло... Но Santo Diavolo! [1]) какъ говорятъ въ Неаполѣ, съ какихъ это поръ страстное и горячее рвеніе стало считаться порокомъ въ молодыхъ людяхъ? Они исповѣдуютъ нѣкоторыя идеи, которыя вамъ не нравятся; такъ боритесь противъ нихъ; противопоставьте имъ другія идеи, но предоставьте имъ, пожалуйста, эту святую свободу мнѣній, которая не должна быть монополіей въ рукахъ нашего пріятеля г. Стефанони, который, скажемъ мимоходомъ, широко пользуется ею, чтобы съ буржуазной точки зрѣнія клеветать на Интернаціоналъ.

3. Наконецъ я подхожу къ третьему вопросу, вопросу, касающемуся лично меня. Нападенія еврейско-германской секты не являются для меня новостью. Начиная съ 1848 года они публично нападали на меня въ нѣмецкихъ газетахъ самымъ гнуснымъ образомъ, утверждая, что мы съ Герценомъ состояли на жалованьи у панславистскаго царскаго комитета. Мы съ Герценомъ всю свою жизнь боролись противъ царской политики. Что касается меня, то я съ самаго начала своей дѣятельности поставилъ себѣ долгомъ бороться спеціально противъ панславизма—и никто не знаетъ этого такъ хорошо, какъ эти нѣмецкіе евреи.—Но со стороны нихъ это умышленная клевета. До настоящаго времени я не отвѣчалъ имъ. Очевидно, они хотятъ вынудить меня прекратить мое молчаніе. Я это сдѣлаю, хотя противъ желанія, потому что мнѣ противно вносить личные счеты въ наше великое дѣло, и ничто мнѣ такъ не претитъ, какъ занимать публику своей собственной особой. Я сдѣлалъ все возможное, чтобы мое имя не вмѣшивалось въ полемику итальянскихъ газетъ по поводу Интернаціонала. Изъ-за этого я пріостановилъ печатаніе моихъ статей противъ мацциньянцевъ; и когда г. Энгельсъ косвеннымъ образомъ задѣлъ меня въ своемъ отвѣтѣ Маццини, я опять хранилъ молчаніе... Теперь они распространяютъ противъ меня темныя клеветы. Одновременно съ вашимъ письмомъ я получилъ другое письмо изъ Милана и еще письмо изъ Неаполя; въ этихъ письмахъ мнѣ сообщаютъ почти то же самое. Тогда мнѣ пришла въ голову мысль помѣстить въ итальянскихъ газетахъ письмо съ вызовомъ интриганамъ генеральнаго совѣта. Я это сдѣлаю, если они выведутъ меня изъ терпѣнія. Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, такъ какъ дѣло идетъ о личностяхъ, а не о принципахъ, я хочу попробовать еще послѣднее средство примиренія. Я хочу сначала написать въ Генеральный Совѣтъ частное письмо, *копію съ котораго я пришлю вамъ*. И если они не дадутъ мнѣ удовлетворительнаго отвѣта, тогда я заставлю ихъ объясниться публично.

А пока я посылаю вамъ рѣчь о Россіи, которую я произнесъ

---

[1]) Выраженіе, соотвѣтствующее русскому „чертъ возьми“.

въ Бернѣ; она вамъ дастъ точное представленіе о томъ, что они называютъ моимъ панславизмомъ.

Братски жму вашу руку, дорогой другъ, и благодарю васъ за то благородное довѣріе, которое вы мнѣ оказали; на это довѣріе я отвѣчаю полною искренностью.

Преданный вамъ **Б.**

Кстати, въ прекрасныя резолюціи вашего послѣдняго съѣзда проскользнуло маленькое недоразумѣніе.—Именно въ третью, касающуюся разницы, существующей между Генеральнымъ Совѣтомъ и Комитетомъ Бернской Юры.—Этому послѣднему никогда не приходило въ голову выставлять себя за генеральный совѣтъ. Онъ занимаетъ положеніе вашего болонскаго Consolato [1]); онъ всегда былъ простымъ комитетомъ юрскаго района, нисколько не претендуя навязывать свой авторитетъ какому бы то ни было другому району.—Онъ самъ признаетъ генеральный совѣтъ, но только въ узкихъ границахъ установленныхъ главными статутами Интернаціонала его правъ и обязанностей.

[1]) Болонская рабочая федерація. *Пер.*

Къ исторіи земскаго движенія въ Россіи [1]).

Бываютъ историческіе моменты, когда силою обстоятельствъ, выдвигаются люди незначительные, почти никому неизвѣстные и играютъ крупную историческую роль.

Это особенно случается при высокихъ подъемахъ общественнаго движенія, когда волны его выбрасываютъ на поверхность дотолѣ скрытыхъ лицъ и заставляютъ, весьма часто помимо ихъ воли,—брать на себя просто непосильныя задачи.

Вотъ именно въ такомъ положеніи въ концѣ августа 1904 года очутился министръ внутреннихъ дѣлъ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій.

Носились слухи, что онъ долго и упорно отказывался занять мѣсто убитаго Плеве, но въ концѣ концовъ, будто бы въ высшихъ сферахъ настояли на принятіи имъ портфеля министра внутреннихъ дѣлъ.

Единственно, что было извѣстно о кн. Святополкъ-Мирскомъ въ обществѣ,такъ это то, что онъ—добрый и въ то жо время слабохарактерный человѣкъ.

Насколько было цѣнно первое качество, настолько пугало второе: «если министръ внутреннихъ дѣлъ слабохарактерный, то имъ будутъ управлять другіе»—не безъ основанія разсуждало общество.

И тутъ же говорили, что на самомъ дѣлѣ кн. Святополкъ-Мирскій—ставленникъ Витте, ширма послѣдняго, и что предсѣдатель комитета министровъ имѣетъ въ виду, при посредствѣ кн. Святополкъ-Мирскаго, провѣдать, какъ широко и глубоко развито въ обществѣ освободительное движеніе, дабы сообразовать съ этимъ свои дѣйствія. [2])

Насколько вѣрны были всѣ эти слухи, объ этомъ трудно судить, но многія событія, имѣвшія мѣсто къ концу министерства кн. Святополкъ-Мирскаго, какъ будто бы ихъ подтвердили.

---

[1]) Настоящая статья И. П. Бѣлоконскаго, представляющая собою вполнѣ законченное цѣлое, по своей темѣ примыкаетъ къ ряду статей того же автора, печатавшихся въ журналѣ „Былое“ за 1907 годъ. *Редакція Сборника.*

[2]) Любопытно, что эти слухи упорно подтверждаетъ членъ „Русскаго Собранія“, „Князь Михаилъ Шаховской“. Именно въ статьѣ своей—„Смутное время въ Харьковѣ“, напечатанной въ „*Историческомъ Вѣстникѣ*“ №№ 1 и 2 за 1907 г. Онъ въ февральской книжкѣ, на стр. 517, говоритъ: „но власть олицетворялась тѣми, кто не отступалъ ни на одинъ шагъ отъ внушенной гр. Витте князю Святополкъ-Мирскому идеи: „предоставить революціонное движеніе его естественному теченію, дабы выяснить его организацію и его вдохновителей“.

Однако не будемъ забѣгать впередъ.

16 сентября при представленіи членовъ министерства внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскій произнесъ слѣдующую рѣчь:

Приступая сегодня къ выполненію возложенныхъ на меня Монаршимъ довѣріемъ обязанностей, я считаю долгомъ заявить, что въ основу направленія ввѣреннаго мнѣ министерства мною будутъ положены начала, провозглашенныя съ высоты престола Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 26 февраля 1903 г. Приглашаю васъ, господа, къ дѣятельному семоотверженному сотрудничеству именно въ этомъ направленіи. Административный опытъ привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-благожелательномъ и истинно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства. Призывая васъ, господа, къ неустанной работѣ, я вѣрю въ силы и опытность вашу, которыя мнѣ помогутъ достигнутъ цѣли въ предстоящемъ трудѣ".

Это точь-въ-точь воззваніе гр. Лорисъ-Меликова, сдѣланное 24 года тому назадъ къ жителямъ Петербурга, въ которомъ онъ, какъ мы знаемъ уже, говорилъ, что «на поддержку общества» смотритъ, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти и т. п. А въ въ бесѣдѣ съ редакторами графъ Лорисъ-Меликовъ заявлялъ, что въ его программу входитъ—«дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ пользоваться тѣми правами, которыя дарованы законами, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность» и т. д. Еще большее сходство съ выступленіемъ Лорисъ-Меликова мы увидимъ, если приведемъ бесѣду кн. Святополкъ-Мирскаго съ петербургскимъ корреспондентомъ «*L' Echo de Paris*». Онъ говорилъ этому представителю печати, что большихъ перемѣнъ отъ него, кн. Святополкъ-Мирскаго ждать нечего. Онъ думаетъ лишь выполнить программу манифеста 26 февраля 1903 г., но проведетъ ее въ широкомъ и честномъ либеральномъ духѣ, не касаясь, однако, основъ существующаго строя. Земскія собранія должны получить возможно большую свободу и большія полномочія. «Это лучшее средство для противодѣйствія совершенно негодному для Россіи парламентаризму». [1]) О евреяхъ Святополкъ-Мирскій сказалъ, что онъ вообще не врагъ ихъ, но, если имъ дать свободу, они скоро достигнутъ черезчуръ большого значенія. «Пока что,—добавилъ князь,—я полагаю относиться къ нимъ съ большею благожелательностью и особенно думаю озаботиться улучшеніемъ судьбы низшихъ слоевъ еврейскаго народа. Добротой можно достигнуть удачныхъ результатовъ [2]). Что касается революціоннаго движенія, то министръ заявилъ, что «мы будемъ бороться противъ террористовъ», а затѣмъ сейчасъ же сказалъ: «лично я снисходительно отношусь къ молодежи и другъ сту-

---

[1]) Вспомнимъ, что во всеподданѣйшемъ докладѣ отъ 28 января 1881 года гр. Лорисъ-Меликовъ писалъ: „для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы поколебать всѣ основныя его политическія возрѣнія и т. д.

[2]) Тоже „диктактура сердца" Лорисъ-Меликовскаго времени.

дентовъ». Относительно войны кн. Святополкъ-Мирскій явился совсѣмъ плохимъ предсказателемъ: «въ концѣ концовъ русскіе все-таки одолѣютъ»,—увѣрялъ онъ корреспондента.

Но если много общаго съ Лорисъ-Меликовымъ мы видимъ въ словахъ и пожеланіяхъ Святополкъ-Мирскаго, [3]) то въ общественномъ настроеніи 1904 года не было ничего схожаго съ 1881 годомъ. Кн. Святополкъ-Мирскій имѣлъ уже дѣло съ организованнымъ обществомъ.

Во главѣ этой организаціи стояла земская партія въ широкомъ смыслѣ этого слова.

---

[3]) Впрочемъ на первыхъ порахъ дѣятельности кн. Святополкъ-Мирскаго, какъ и гр. Лорисъ Меликова, кромѣ словъ, были и дѣла. Прежде всего отмѣтимъ освобожденіе изъ Шлиссельбурга извѣстной В. Н. Фигнеръ, 20 лѣтъ пробывшей въ крѣпости, а также Ашенбренера и Иванова. Возвратились изъ ссылки сосланные административнымъ порядкомъ: писатели и общественные дѣятели: Анненскій, Мякотинъ, Пѣшехоновъ, Чарнолусскій, Фальборкъ, Вахтеровъ, и жившій за-границей Рубакинъ: присяжный повѣренный Переверзевъ, докторъ севастопольской городской больницы Никоновъ; земскіе дѣятели (возвращены изъ ссылки или возстановлены въ правахъ): тверскіе—Фонъ-Дервизъ, Милюковъ, Петрункевичъ, Балавинскій, Апостоловъ; уфимскіе—Балахонцевъ, Колумбаевъ, Георгіевскій, Гудзь, Пашковскій, Салтыковъ, Ильинскій, Бриллингъ; курскіе: кн. Долгоруковъ, Звягинцевъ, Сытинъ, Чернашевскій, Калистратовъ; воронежскіе—Мартыновъ, Бунаковъ, Щербина, Перелешинъ.

Скажемъ здѣсь къ слову, что С. В. Мартыновъ предъ своимъ освобожденіемъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ такое письмо:

„Высочайшимъ манифестомъ отъ 11 августа губернаторамъ предоставлено право сокращать срокъ ссылки лицамъ, которыя того заслужатъ своимъ поведеніемъ. Полагаю что г. начальникъ архангельской губерніи найдетъ возможнымъ примѣнить это право и ко мнѣ. Но, не желая вводить въ заблужденіе департаментъ полиціи, а также ставить, какъ архангельскаго губернатора, такъ и самого себя въ ложное положеніе, я долженъ объяснить, что будучи высланъ за то, что исполнилъ свой долгъ согласно убѣжденію и совѣсти, я до сей поры въ этомъ актѣ усмотрѣть своей вины не могу. Если г. архангельскій губернаторъ подъ „добрымъ поведеніемъ“ подразумѣваетъ отсутствіе проступковъ общеуголовнаго характера или нарушенія благочинія, то въ этомъ я и раньше виновенъ не былъ; если же здѣсь должно разумѣть мои убѣжденія, то я считаю необходимымъ повторить, что мнѣнія, высказанныя мною въ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, и теперь не считаю за ошибочныя, а также продолжаю думать, что репрессивныя мѣры покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ противъ лицъ, принявшихъ участіе въ комитетахъ, были противозаконны по формѣ и неправильны по существу. Странно и несправедливо карать людей, призванныхъ при томъ самимъ же правительствомъ къ исполненію своей обязанности лишь за то, что они исполнили свой долгъ, согласно Высочайшему повѣленію, и еще несправедливѣе было бы примѣнять къ нимъ манифестъ за вину несуществующую. Вашему превосходительству предстоитъ рѣшить, какъ отнестись къ моему заявленію, но я долженъ сказать, что и въ будущемъ, при исполненіи моихъ общественныхъ обязанностей, намѣренъ слѣдовать принципамъ строгой законности, которыхъ я придерживался до момента, когда меня постигла кара административнаго воздѣйствія. Какъ и прежде, я буду полагать высшую добродѣтель гражданина въ точномъ исполненіи своего долга и, какъ прежде, буду совершенно игнорировать противозаконныя и безнравственныя распоряженія чиновныхъ лицъ, какъ бы ни было высоко ихъ служебное положеніе, и какъ бы ни велика была моя зависимость отъ нихъ“.

Подобное же заявленіе сдѣлалъ кн. П. Д. Долгоруковъ, когда получивъ право, онъ былъ опять избранъ предсѣдателемъ Суджанской управы. 9 декабря, когда онъ впервые послѣ опалы участвовалъ въ собраніи кн. Долгоруковъ сказалъ, что считаетъ нужнымъ засвидѣтельствовать передъ земскимъ собраніемъ, что смотритъ на возвращеніе въ земство, какъ на возстановленіе въ своихъ правахъ, а не какъ на помилованіе, такъ какъ ему никакой вины объявлено не было, и онъ таковой за собой не знаетъ, вслѣдствіе чего и считаетъ нужнымъ дословно повторить сказанное имъ два года тому назадъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Валю, который пріѣзжалъ въ Суджу для разслѣдованія дѣла: „послѣ зрѣлаго размышленія по поводу каждаго сказаннаго

Еще въ январѣ 1904 года, послѣ объявленія войны, въ самый разгаръ реакціи, въ Москвѣ состоялось частное совѣщаніе у Ю. К. Новосильцева, на которомъ присутствовали представители большей половины земскихъ губерній. На этомъ совѣщаніи горячо дебатировался вопросъ относительно необходимости земскимъ собраніямъ, во что бы то ни стало, выступить съ протестомъ противъ всесокрушающей политики Плеве и выставить конституціонныя требованія. Въ общемъ всѣ были согласны въ настоятельности такого шага, но многіе опасались, что далеко не во всѣхъ земскихъ собраніяхъ можно собрать необходимое большинство для конституціонныхъ постановленій, тѣмъ болѣе, что подъ вліяніемъ только что начатой войны, возможно наткнуться на искреннія или неискреннія патріотическія чувства, которыя не только могутъ затормозить дѣло, но, пожалуй, вызовутъ совершенно обратныя постановленія. Въ силу этихъ соображнній рѣшено было переждать до осени, когда между прочимъ, выяснится и ходъ войны, но, по мѣрѣ силъ и возможности надо постараться, гдѣ будетъ возможно, сдѣлать кое что и на ближайшихъ экстренныхъ собраніяхъ.

Такого рода рѣшеніе, скажемъ къ слову, было весьма раціонально, такъ какъ на февральскихъ и мартовскихъ чрезвычайныхъ собраніяхъ, о которыхъ мы уже говорили, дѣйствительно были попытки патріотическихъ выступленій.

Но все же до осени ждать не пришлось: событія шли такъ быстро, что надо было предпринять дѣйствія много ранѣе осени.

Вскорѣ послѣ смерти Плеве, въ іюлѣ мѣсяцѣ состоялось въ Москвѣ экстренное земское совѣщаніе, которое впервые названо было «съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей»; на немъ обсуждался вопросъ о привлеченіи на слѣдующіе съѣзды «представителей всей земской и неземской Россіи», съ каковою цѣлью бюро съѣзда, совмѣстно съ представителями окраиныхъ городовъ, поручено было выяснить, какія организаціи пользуются на мѣстахъ довѣріемъ и играютъ роль болѣе или менѣе правильнаго представительства, чтобы войти съ ними въ соглашеніе и привлечь ихъ представителей къ участію въ слѣдующихъ съѣздахъ.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, благодаря энергіи «Союза Освобожденія», эта мысль была уже осуществлена: на сентябрьскомъ московскомъ съѣздѣ уже участвовали и представители неземскихъ губерній. [1])

мною слова и каждаго сдѣланнаго мною шага по участію въ Суджанскомъ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, я пришелъ къ убѣжденію, что я ничѣмъ не провинился ни передъ своею совѣстью, ни передъ населеніемъ, ни передъ царемъ, а потому я заявляю вамъ и прошу васъ передать пославшимъ васъ, что, повторись вновь тѣ же обстоятельства, я ни въ чемъ не отступилъ бы отъ моего прежняго образа дѣйствій". Земское собраніе единодушно выразило кн. Долгорукову свое привѣтствіе, которое и было покрыто дружными, долго несмолкавшими аплодисментами.

[1]) Роль „Союза Освобожденія" въ судьбахъ русскаго освободительнаго движенія была весьма значительна именно съ конца 1904 до зимы 1905 года, когда онъ прекратилъ свое существованіе т. е. когда значительное число членовъ его вступило въ К. Д. партію, а остальные либо разбились среди партій, лѣвѣе к.-д. стоящихъ, либо остались безпартійными. Въ описываемое г. Бѣлоконскимъ время, точнѣе въ октябрѣ 1904 г., Совѣтъ

На этомъ съѣздѣ постановлено было въ слѣдующій разъ устроить въ ноябрѣ въ Москвѣ же явочнымъ порядкомъ открытый съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей и открыто во всеуслышаніе провозгласить конституціонныя требованія. Но, по случайнымъ обстоятельствамъ, объ этомъ съѣздѣ правительство узнало ранѣе, чѣмъ онъ осуществился. Дѣло произошло такъ. Бывшій тогда представителемъ харьковской губернской земской управы В. Г. Колокольцевъ всегда имѣлъ большое влеченіе къ администраторамъ. Состоялъ онъ такъ же въ пріятельскихъ отношеніяхъ и съ бывшимъ, послѣ кн. Оболенскаго, харьковскимъ вице-губернаторомъ и губернаторомъ Гербелемъ, который раньше, въ качествѣ еще предсѣдателя херсонской губернской земской управы, былъ правою рукою кн. Оболенскаго. Этотъ послѣдній, кажется, способствовалъ тому, что Гербель пристроился въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ качествѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ земскаго и городского хозяйства. Какъ истый бюрократъ, каковымъ онъ былъ и во время своего предсѣдательства въ Херсонѣ, Гербель велъ себя по отношенію къ земству, согласно взглядамъ правительства. Мы уже видѣли, какъ онъ относился къ харьковскому губернскому земству, когда послѣднее преслѣдовалъ кн. Оболенскій,—такъ же онъ велъ себя и будучи начальникомъ главнаго управленія: Гербель былъ сначала строгій исполнитель воли Плеве, а затѣмъ—кн. Святополкъ-Мирскаго. Почуявъ, что при послѣднемъ повѣяло «вольнымъ духомъ», Гербель тотчасъ же сдѣлался либераломъ, какъ и всѣ чиновники тогда внезапно «полѣвѣли».

„Союза Освобожденія“ принялъ, въ цѣляхъ агитаціи за введеніе въ Россіи конституціоннаго режима, слѣдующія рѣшенія, которыя и провелъ въ жизнь: 1) принять самое дѣятельное участіе въ предстоящемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей и употребить всѣ силы, чтобы направить его на путь открытаго заявленія конституціонныхъ требованій; 2) имѣя въ виду, что 20 ноября того же года исполняется сорокалѣтіе судебныхъ уставовъ, организовать въ этотъ день черезъ своихъ членовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и возможно большемъ количествѣ другихъ городовъ *банкеты*, на которыхъ должны быть приняты конституціонныя и демократическія резолюціи, составленныя въ гораздо болѣе рѣшительномъ тонѣ, нежели тѣ, которыхъ можно было ожидать отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей; 3) поднять черезъ своихъ членовъ—земцевъ на предстоявшихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, въ возможно большемъ числѣ ихъ вопросъ о введеніи въ Россіи конституціоннаго строя и необходимости созыва для этой цѣли народнаго представительства на широко-демократической основѣ; 4) начать агитацію за образованіе союзовъ адвокатовъ, инженеровъ, профессоровъ, писателей и другихъ лицъ либеральныхъ профессій, организацію ихъ съѣздовъ, выбора ими постоянныхъ бюро и объединеніе этихъ бюро какъ между собою, такъ и съ бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей въ единый *Союзъ Союзовъ*. (Именно это, ставшее вскорѣ весьма громкимъ, названіе было предложено въ Совѣтѣ „Союза Освобожденія“ для будущей объединенной организаціи союзовъ). Этотъ Союзъ Союзовъ долженъ былъ установить организаціонныя связи съ центральными учрежденіями всѣхъ лѣвыхъ политическихъ партій, выработать общую платформу и явиться въ нѣкоторомъ родѣ Vorparlament'омъ. Всѣ эти постановленія Совѣта были приведены „Союзомъ Освобожденія“ въ исполненіе съ весьма значительнымъ успѣхомъ: не говоря уже о проведенной имъ цѣлой „банкетной кампаніи“, вопросъ о конституціи и созывѣ народныхъ представителей удалось поднять, подвергнуть широкому обсужденію и привести къ принятію желательныхъ рѣшеній не только въ очень многихъ земствахъ, но также и въ городскихъ думахъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на правительство знаменитый конституціонный адресъ Московской городской думы. Что касается Союза Союзовъ, то его роль въ движеніи была также весьма значительна. Она еще ждетъ своего историка. Вообще въ этотъ періодъ времени дѣятельность „Союза Освобожденія“ была наиболѣе продуктивна. При

Вотъ у этого-то Гербеля и былъ названный Колокольцевъ, по окончаніи московскаго сентябрьскаго съѣзда, причемъ, во время обѣда частнымъ образомъ сообщилъ, что въ ноябрѣ проектируется въ Москвѣ земскій съѣздъ. На это Гербель замѣтилъ, что, во-первыхъ, городъ для съѣзда избранъ неудачно, такъ какъ московскій генералъ-губернаторъ, велик. кн. Сергій Александровичъ, не любитъ никакихъ проявленій земской самодѣятельности, а во-вторыхъ—не лучше ли собраться съ разрѣшенія начальства, при чемъ предложилъ свои услуги для переговоровъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Колокольцевъ тотчасъ же сообщилъ о своей удачной миссіи земцамъ, и отъ нихъ къ кн. Святополкъ-Мирскому отправилась депутація для переговоровъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не только сочувственно отнесся къ съѣзду, но постарался получить на него разрѣшеніе и отъ самого Государя. Это извѣстіе произвело тогда громадное впечатлѣніе на всю Россію, несмотря на то, что кн. Святополкъ-Мирскій поставилъ условіемъ, чтобы въ съѣздѣ приняли участіе лишь предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, да тѣ изъ земцевъ, которые принимали участіе въ съѣздахъ, устраивавшихся Д. Н. Шиповымъ, и, кромѣ того, на съѣздѣ не долженъ былъ присутствовать И. И. Петрункевичъ. «Союзъ Освобожденія» рѣшилъ, что одновременно съ оффиціальнымъ съѣздомъ состоится въ Петербургѣ и съѣздъ неоффиціальный, такъ что все равно, условія правительства будутъ отпарированы и, въ концѣ концовъ, на съѣздѣ будутъ участвовать всѣ. Но скоро само правительство оказало громадное содѣйствіе устройству такого именно съѣзда.

1-го ноября, т. е. всего за 5 дней до Высочайше разрѣшеннаго съѣзда, когда оповѣщены были всѣ земскіе и городскіе дѣятели, а

энергичномъ участіи членовъ „Союза“ 1 ноября 1904 года въ Петербургѣ стала выходить первая „лѣвая“ газета „Наша Жизнь“. Выходъ въ свѣтъ этой газеты предположенъ былъ ея издателемъ значительно позже, но „освобожденцы“ рѣшили, во что бы то ни стало, приспособить ея появленіе ко времени земскаго съѣзда (6—9 ноября) и даже на нѣсколько дней раньше его. Такъ какъ издатель на это не соглашался, то одинъ изъ членовъ Совѣта „Союза Освобожденія“ гарантировалъ издателю уплату убытковъ, если газета будетъ въ это время закрыта, или если окажется въ теченіе ноября дефицитъ. Съ этой цѣлью имъ, этимъ членомъ Совѣта, былъ сдѣланъ на свое имя крупный денежный заемъ (быстро погашенный) у извѣстнаго Саввы Морозова. На эти деньги и начала издаваться „Наша Жизнь“ въ ноябрѣ 1904 года. Въ это же время (въ концѣ ноября) нѣсколько членовъ „Союза Освобожденія“ вошли въ сношенія съ мало еще кому тогда вѣдомымъ священникомъ Гапономъ, но форма открытаго выступленія на политическую арену петербургскихъ рабочихъ, которую предложили Гапону эти „освобожденцы“, была весьма отлична отъ той, которая имѣла мѣсто затѣмъ 9 января 1905 года. Мысль освобожденцевъ сосгояла въ томъ, чтобы предложить рабочимъ принять во всѣхъ гапоновскихъ „отдѣлахъ“ приблизительно тѣ же резолюціи, которыя тогда принимались вездѣ на баликетахъ. Необходимо замѣтить, что Гапонъ въ то время вполнѣ соглашался съ „освобожденцами“, и у него тогда и мысли не было вести рабочихъ къ двору. Въ тотъ же періодъ времени „Союзъ Освобожденія“ рѣшился вступить въ правильныя отношенія къ революціоннымъ партіямъ и съ этой цѣлью мѣсяца за полтора до земскаго съѣзда три члена Совѣта „Союза Освобожденія“ и одинъ членъ организаціи, постоянно проживавшій тогда за-границей (изъ нихъ трое играютъ въ настоящее время выдающуюся роль въ К.-Д. партіи, а четвертый остался безпартійнымъ), поѣхали въ качествѣ представителей „Союза Освобожденія“ въ Парижъ на съѣздъ делегатовъ отъ дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи различныхъ партій (русскихъ, польскихъ, финляндскихъ, грузинскихъ и др.) и вошли съ ними въ нѣкоторыя соглашенія.

Мы дѣлаемъ это примѣчаніе для большей ясности всѣхъ излагаемыхъ далѣе г. Бѣлоконскимъ событій. *Ред. Сбор.*

значительная часть ихъ уже прибыла въ Москву, вдругъ стало извѣстно, что съѣздъ... не разрѣшенъ!

Отправились съ запросомъ къ кн. Святополкъ-Мирскому. Тотъ заявилъ, что, по желанію Государя, съѣздъ долженъ быть отложенъ до окончаніи очередныхъ земскихъ собраній сессіи 1904 г., т. е.— прибавилъ отъ себя — болѣе чѣмъ на годъ, но что онъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, прикажетъ смотрѣть полиціи «сквозь пальцы», если земцы будутъ бесѣдовать «за чашкою чая на частныхъ квартирахъ».

Этого только и нужно было оппозиціонной части съѣзда, принадлежавшей къ «Союзу Освобожденія». Но, вопросъ — чѣмъ руководствовалась бюрократія, взявъ назадъ разрѣшеніе на съѣздъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она, какъ огня, боялась земцевъ, не сомнѣвалась, что они потребуютъ конституціи,—тѣмъ болѣе, что кн. Святополкъ-Мирскій былъ ознакомленъ даже съ запиской В. Е. Якушкина, въ которой излагались конституціонные тезиси,—и разсуждала, несомнѣнно, такъ: «если конституціонныя требованія будутъ заявлены въ частной бесѣдѣ, то они для правительства совершенно не обязательны; если же съѣздъ будетъ разрѣшенъ оффиціально, то или придется наложить veto на нежелательныя постановленія—что скомпрометировало бы правительство,—или считаться съ такимъ постановленіемъ». [1]) Но правительство или не знало, или упустило изъ виду, что въ тотъ моментъ авторитетъ земства для общества былъ несравнено выше правительственнаго, и чѣмъ дальше стояло оно отъ правительства, чѣмъ самостоятельнѣе дѣйствовало, тѣмъ дѣлалось популярнѣе. Такъ оно и случилось. Правительство вмѣсто того, чтобы выступить съ земствомъ или даже впереди его, скрылось за кулисы, выпустивъ земство на авансцену и предоставивъ ему всѣ, такъ сказать, лавры.

Земцы, конечно, поспѣшили воспользоваться такимъ, болѣе чѣмъ благопріятнымъ, обстоятельствомъ. Уже второго ноября состоялось въ Москвѣ въ извѣстной намъ квартирѣ Ю. А. Новосильцева довольно многолюдное предварительное засѣданіе съѣхавшихся земскихъ и городскихъ дѣятелей, на обсужденіе которыхъ представлена была вышеупомянутая записка В. Е. Якушкина съ 11 тезисами, которые будутъ изложены ниже. Послѣ продолжительныхъ и крайне оживленныхъ преній всѣ эти тезисы были приняты и лишь по тезису 10-му, какъ увидимъ, образовалось большинство и меньшинство.

Принявъ тезисы, московское совѣщаніе постановило провести ихъ на съѣздѣ въ Петербургѣ, куда и отправились изъ Москвы земскіе и городскіе дѣятели.

Здѣсь въ историческихъ засѣданіяхъ 6-го (въ квартирѣ И. А. Корсакова), 7-го (въ квартирѣ А. Н. Брянчанинова) и 8 го ноября (въ квартирѣ В. Д. Набокова), и были приняты тѣ 11 тезисовъ, ко-

[1]) Опасеніе признанія оффиціальнаго значенія съѣзда было такъ велико, что кн. Святополкъ Мирскій побоялся принять делегатовъ отъ съѣзда, желавшихъ передать ему нижеприводимыя резолюціи для освѣдомленія Государя. „Не какъ министръ, а какъ частное лицо“, онъ принялъ лишь Д. Н. Шипова, который вручилъ кн. Святополкъ-Мирскому письмо отъ делегатовъ, съ приложеніемъ резолюцій.

торые извѣстны читателямъ «Былого» изъ статьи барона Р. Ю. Будберга и приложенія къ ней, сдѣланнаго редакціей журнала [1]).

Помимо приведенныхъ въ вышеназванныхъ статьяхъ пунктовъ, состоялись 9-го ноября такого рода постановленія совѣщанія: 1) Совѣщаніе находя, что Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 14 августа 1881 г. является однимъ изъ главныхъ условій, создающихъ почву для административнаго произвола и общественнаго неудовольствія и тѣмъ препятствующихъ взаимному довѣрію и единенію правительства и населенія, признаетъ желательнымъ немедленную отмѣну названнаго Положенія.

2. Имѣя въ виду, что основанная на вышеупомянутомъ Положеніи система административной репрессіи, примѣнявшаяся въ послѣднее время съ особой силой, имѣла своимъ послѣдствіемъ множество жертвъ административнаго произвола, подвергшихся различнымъ карамъ и ограниченіямъ правъ, совѣщаніе считаетъ долгомъ высказаться за необходимость полнаго освобожденія ихъ отъ всѣхъ взысканій, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ.

3. Вмѣстѣ съ симъ совѣщаніе выражаетъ надежду, что актомъ помилованія по отношенію къ лицамъ, подвергшимся преслѣдованію и наказанію по политическимъ дѣламъ, Верховная Власть внесетъ въ страну умиротвореніе.

Затѣмъ совѣщаніе коснулось дѣла народнаго образованія и постановило:

1. Несоотвѣтствующее потребностямъ страны положеніе народнаго образованія во всѣхъ его отрасляхъ и степеняхъ, по мнѣнію совѣщанія, объясняется стоящимъ въ связи съ общей бюрократической системой отрицательнымъ отношеніемъ правительственныхъ сферъ къ мысли о пользѣ и значеніи всесторонняго умственнаго развитія народа для правильнаго теченія общественной и государственной жизни.

2. Широкое развитіе умственныхъ силъ страны необходимо требуетъ полнаго устраненія преградъ и стѣсненій, которыми нынѣ обставлено дѣло народнаго образованія.

3. Совѣщаніе высказываетъ пожеланіе, чтобы на предстоящихъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ былъ подвергнутъ всестороннему разсмотрѣнію вопросъ о положеніи дѣла народнаго образованія на мѣстахъ.

По вопросу *о дальнѣйшемъ направленіи заключеній совѣщанія* въ засѣданіяхъ 6 и 8 ноября 1904 г. постановлено:

1. Представить всѣ заключенія совѣщанія черезъ особую депутацію г. министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой доложить ихъ Его Императорскому Величеству Государю Императору.

2. Выразить пожеланіе, чтобы члены совѣщанія познакомили земскую среду своихъ губерній съ заключеніями совѣщанія и чтобы въ предстоящихъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ при обсужденіи текущихъ вопросовъ земской жизни былъ затронутъ, въ томъ объемѣ и въ тѣхъ предѣлахъ въ какихъ это окажется возможнымъ, и вопросъ объ общихъ условіяхъ, необ-

---

[1]) См. Съѣздъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. въ Петербургѣ, Барона Р. Ю. Будберга. Былое, мартъ 1907 г.

ходимыхъ для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни.

3. Выразить пожеланіе, чтобы очередныя губернскія земскія собранія возбудили ходатайства о созывѣ выборныхъ представителей земствъ для пересмотра Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и для обсужденія общихъ условій земской дѣятельности.

4. Для предварительной разработки вопроса о пересмотрѣ земскаго Положенія образовать особую комиссію въ составѣ всѣхъ членовъ организаціоннаго бюро, а также всѣхъ тѣхъ членовъ совѣщанія, которые заявятъ бюро о своемъ желаніи принять участіе въ работахъ комиссіи.

По вопросу *о будущей организаціи частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей* въ засѣданіи 8 ноября состоялось слѣдующее постановленіе:

1. Признать, что совѣщаніе въ будущемъ должно состоять: а) изъ всѣхъ выборныхъ предсѣдателей губернскихъ управъ и б) изъ лицъ, избираемыхъ въ количествѣ 4 отъ каждой губерніи частными совѣщаніями губернскихъ гласныхъ.

2. Просить членовъ настоящаго совѣщанія для избранія представителей, указанныхъ въ предыдущемъ пунктѣ, созвать въ подлежащихъ губерніяхъ частныя совѣщанія губернскихъ гласныхъ съ тѣмъ, чтобы на такія совѣщанія приглашались всѣ гласные даннаго губернскаго собранія, но уклоненіе какого бы то ни было числа гласныхъ отъ участія въ совѣщаніи не служило бы препятствіемъ къ производству выборовъ.

3. Признано, что впредь до окончательнаго сформированія совѣщанія на новыхъ началахъ, настоящее совѣщаніе, а равно его организаціонное бюро, сохранятъ свой составъ и устройство, при чемъ составъ бюро пополняется однимъ изъ членовъ бюро С.-Петербургскаго совѣщанія общественныхъ дѣятелей, приглашаемыхъ по соглашенію между обоими бюро.

Этими постановленіями, произведшими громадное впечатлѣніе на всю страну, земская партія *открыто* начала освободительное движеніе, въ которое далѣе мало-по-малу втянуто было уже все населеніе страны. Мы говоримъ «открыто», потому что тайно это движеніе, какъ мы видѣли, никогда не прекращалось, но въ скрытомъ видѣ оно, конечно, не оказывало того вліянія, какое возымѣло, выступивъ на широкій просторъ, занявъ позицію, видимую всѣмъ населеніемъ, заговоривъ громкимъ голосомъ, услышаннымъ отъ края и до края великой Россіи [1]).

---

[1]) Однимъ изъ доказательствъ отношенія страны къ этому знаменательному открытому выступленію можетъ служить масса адресовъ и привѣтствій, полученныхъ совѣщаніемъ. Его уже на первыхъ порахъ привѣтствовали: одесская городская дума, хвалынское земство, совѣтъ общества содѣйствія народному образованію въ Ярославлѣ, общее собраніе консультаціоннаго бюро помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при кіевскомъ съѣздѣ мировыхъ судей, профессора и преподаватели юрьевскаго университета, группа университетскихъ дѣятелей изъ Москвы, соединенное собраніе всѣхъ группъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты, саратовскіе адвокаты, члены нижегородской присяжной адвокатуры, врачи клиникъ и институтовъ московскаго университета, земскіе врачи московской губерніи, пироговская комиссія по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ, совѣщаніе общественныхъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ, одесскіе журналисты, студенты московскаго университета (1237 подписей), студенты московскаго техническаго училища (424 подписи), общее собраніе студентовъ московскаго сельско-хозяйственнаго института, студенты Константиновскаго

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, мы здѣсь же должны замѣтить, что 11 тезисовъ, прежде ихъ утвержденія, вызвали большія и горячія пренія, при чемъ чрезвычайно рельефно выяснились три ранѣе намѣтившіяся земскія теченія: славянофильское, чисто конституціонное и конституціонно-демократическое, или освобожденское. Уже на московскомъ январьскомъ засѣданіи Ф. И. Родичевъ доказывалъ, что земскія собранія, если не желаютъ похоронить земство въ глазахъ общества, должны требовать конституціи. Еще категоричнѣе были заявленія освобожденцевъ на ноябрьскомъ московскомъ же совѣщаніи, когда обсуждалась записка В. Е. Якушкина. Они, ратуя за конституцію, въ то же время проводили взглядъ, что въ составленіи ея могутъ принять участіе только свободно избранные народомъ представители, или учредительное собраніе, при условіи свободы печати, совѣсти, собраній и полной амнистіи для лицъ, пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія. Въ концѣ-концовъ въ Москвѣ въ совѣщаніи 2 го ноября побѣда оказалась на сторонѣ парламентарнаго направленія, т. е. признано было необходимымъ—народное представительство съ законодательными функціями, отвѣтственное передъ парламентомъ министерство и утвержденіе парламентомъ государственнаго бюджета. Этотъ же взглядъ, но безъ учредительнаго собранія, въ общемъ, одержалъ верхъ и въ петербургскихъ совѣщаніяхъ, какъ то видно изъ приведенныхъ выше 11-ти пунктовъ, но для этого пришлось дать генеральное сраженіе славянофильскому направленію. Оно произошло во 2-мъ засѣданіи, 7-го ноября, въ которомъ блестящія рѣчи были произнесены И. И. Петрункевичемъ и Ф. И. Родичевымъ. Въ защиту славянофильскаго направленія выступилъ Д. Н. Шиповъ, но, по окончаніи преній, за него изъ 108-ми присутствовавшихъ высказались лишь 27 человѣкъ.

Вопросъ объ учредительномъ собраніи трактовался, при обсужденіи 11 го пункта резолюціи, въ третьемъ засѣданіи, 8-го ноября. Противъ него выступилъ Н. Н. Львовъ и гр. П. А. Гейденъ,—доказывая невозможность осуществленія учредительнаго собранія при существующемъ въ Россіи сочетаніи общественныхъ силъ,—и привлекли на свою сторону большинство.

Вопросъ объ амнистіи поднятъ былъ уже 9-го ноября, послѣ утвержденія всѣхъ пунктовъ резолюціи. Иниціаторомъ его явился членъ

межевого института (135 подписей), группа слушательницъ московскихъ женскихъ курсовъ, бывшіе студенты кіевскаго университета, собравшіеся въ день его основанія; лица, принадлежавшіе къ земской экономической организаціи московской губерніи, воскресенское общество трезвости въ г. Плесѣ, группа лицъ въ Москвѣ (67 подписей), группа лицъ въ Самарѣ (206 подписей), группа лицъ въ Одессѣ (34 подписи), разныя лица (4 заявленія съ 39 подписями), совѣтъ кіевскаго политехническаго института, оренбургское физико-математическое общество, самарскій отдѣлъ общества охраненія народнаго здравія, кіевское общество врачей, новгородскій педагогическій кружокъ, аткарское общественное собраніе, профессора университета св. Владиміра, повѣренные при елизаветградскомъ окружномъ судѣ, группа политическихъ ссыльныхъ изъ Архангельска, рядъ отдѣльныхъ лицъ, финляндскіе граждане г. Гельсингфорса, группа тамбовской интеллигенціи, петербургскій политехническій институтъ, совѣтъ кишиневской безплатной народной библіотеки читальни. Въ послѣднее время резолюціи всѣхъ многочисленныхъ банкетовъ, профессіональныхъ союзовъ и организацій направлялись въ бюро земскаго съѣзда, организованнаго при московской губернской земской управѣ.

Союза Освобожденія покойный профессоръ Н. А. Карышевъ, горячо поддержанный кн. Петромъ Дм. Долгоруковымъ, который, когда рѣчь зашла о томъ, кого амнистировать,—сказалъ: «Мы здѣсь, господа, только еще храбрились, а они (т. е. пострадавшіе за политическія и религіозныя убѣжденія) уже фактически проявили эту храбрость. О чемъ же тутъ разговаривать? Слѣдуетъ прямо высказаться за полное возстановленіе въ правахъ всѣхъ, безъ исключенія, пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія».

Побѣда парламентарнаго направленія, конечно, не могла не вызвать раскола среди участниковъ съѣзда, и эта рознь впослѣдствіи все увеличивалась и увеличивалась,—но, вслѣдствіе высокаго культурнаго уровня земскихъ сферъ, громаднаго процента лицъ съ широкимъ европейскимъ образованіемъ, привычка земцевъ къ представительству и то обстоятельство, что земство, по природѣ своей, являлось учрежденіемъ всесословнымъ, внѣ-классовымъ, несмотря на искаженія, внесенныя положеніемъ 12 іюня 1890 г.,—все это вмѣстѣ взятое было причиною того, что въ земскихъ сферахъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, господствовала неограниченная терпимость и уваженіе къ чужимъ взглядамъ, какъ бы ни были они противоположны: эта характерная и, на нашъ взглядъ, необыкновенно цѣнная черта цѣликомъ перешла и къ «Союзу Освобожденія». Поэтому, не взирая на сильную дифференціацію, произведенную петербургскимъ совѣщаніемъ, личныя отношенія между представителями различныхъ направленій нисколько не измѣнились, и, напротивъ, по окончаніи совѣщанія всѣ чествовали Д. Н. Шипова, по заслугамъ, отдавая ему дань уваженія. Та же самая широкая терпимость была причиною, что въ 10 пунктѣ резолюціи было, какъ мы видѣли, приведено мнѣніе большинства и меньшинства. Помимо терпимости, освобожденцы, въ частности,—какъ мы уже говорили,—старались объединять земскія и другія сферы по какимъ-либо отдѣльнымъ вопросамъ.

Мы считали нужнымъ упомянуть объ этой характерной чертѣ земской партіи, потому что,—какъ это мы видѣли и еще увидимъ,—она играла громаднѣйшую роль въ земскомъ движеніи.

Теперь перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію.

Петербургское совѣщаніе закончилось рѣшеніемъ строгаго урегулированія представительства на будущихъ земскихъ съѣздахъ. Было постановлено, чтобы земскія собранія избирали на эти съѣзды по 6 человѣкъ (4 представителя и 2 кандидата, на случай невозможности участвовать кому-либо изъ представителей), при чемъ, если выборы почему-либо, въ томъ или иномъ собраніи не состоятся, депутатами считаются участники ноябрьскаго петербургскаго съѣзда отъ данной губерніи; предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ рѣшено было считать непремѣнными членами съѣздовъ; кромѣ того, съѣздъ могъ приглашать тѣхъ лицъ изъ состава бюро петербургскаго съѣзда, присутствіе которыхъ явится желательнымъ.

Между тѣмъ, прекрасно организованный «Союзъ Освобожденія», при посредствѣ своихъ отдѣловъ, быстро оповѣстивъ общество о постановленіяхъ совѣщанія, предложилъ устраивать повсемѣстно банкеты и на нихъ открыто, во всеуслышаніе, *присоединиться къ названнымъ*

постановленіямъ совѣщанія [1]). И вотъ, несмотря на обширность страны, предложеніе Совѣта «Союза Освобожденія» было выполнено съ рѣдкою, никогда невиданною въ Россіи быстротою. Безъ преувеличенія можно сказать, что вдругъ открыто заговорила вся страна, сотни лѣтъ до тѣхъ поръ молчавшая и работавшая для своего освобожденія лишь въ подпольи. Явленіе было грандіозное, неповторяемое, которое бываетъ только въ моменты весны свободы, если можно такъ выразиться, когда еще нѣтъ партійной вражды, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, объединяются для достиженія единой цѣли. Сначала откликнулись на земскій призывъ столицы и крупные культурные центры, а затѣмъ волны понеслись далѣе и достигли самыхъ отдаленныхъ медвѣжьихъ угловъ. Первый грандіозный «банкетъ»,—невиданное для Россіи явленіе съ самаго начала ея существованія,—состоялся 20 ноября въ С.-Петербургѣ, въ залѣ Павловой, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго писателя В. Г. Короленко. Предлогомъ для этого банкета, какъ и для другихъ, явилось 40-лѣтіе судебныхъ уставовъ, а участниками были до 650 литераторовъ, ученыхъ, врачей и другихъ представителей либеральныхъ профессій. Послѣ блестящихъ рѣчей, въ которыхъ охарактеризовано было печальное положеніе суда, «какъ продуктъ общихъ нашихъ политическихъ условій», и выяснена была невозможность улучшенія судебнаго строя внѣ общей коренной государственной реформы, единогласно была принята и всѣми подписана «резолюція»,

---

[1]) Это не совсѣмъ вѣрно: какъ уже было сказано въ предыдущемъ редакціонномъ примѣчаніи, постановленіе Совѣта „Союза Освобожденія“ о повсемѣстной организаціи 20 ноября банкетовъ состоялось не *послѣ* земскаго съѣзда, а *до* не г, при чемъ всѣмъ членамъ Союза, – организаторамъ банкетовъ, – рекомендовалось предлагать на банкетахъ проекты резолюцій, которые не выражали бы только *„присоединеніе“* къ постановленіямъ земскаго съѣзда, а провозглашали конституціонныя и демократическія требованія въ формѣ гораздо болѣе яркой и рѣшительной. Въ резолюціяхъ банкетовъ было выставлено прямое требованіе Учредительнаго Собранія, тогда какъ въ постановленіяхъ земскаго съѣзда, какъ извѣстно, не было произнесено даже самое слово „конституція“. Въ Петербургѣ это дѣло было организовано такъ: уже съ 1902 года литераторы собирались по нѣсколько разъ въ годъ на совмѣстные ужины. Собранія эти были правильно организованы: для того, чтобы стать ихъ членомъ, необходимо было подвергнуться баллотировкѣ особаго выборнаго комитета, въ шутку называвшагося, комитетомъ „Кулинарнымъ“. Иногда эти ужины происходили съ „гостями“, и тогда число ихъ участниковъ возрастало до 200 и болѣе. На ужинахъ всегда разбирался какой нибудь животрепещущій общественный или политическій вопросъ, по которому и принимались резолюціи, систематически печатавшіяся въ „Освобожденіи“. „Кулинарный комитетъ“, число членовъ котораго достигало до 10, состоялъ почти поголовно изъ „освобожденцевъ“. Вотъ этотъ то Комитетъ, въ составъ котораго входили и нѣкоторые члены Совѣта Союза Освобожденія, и взялъ на себя иниціативу устройства банкета 20 ноября. Сдѣлать это ему было нетрудно, такъ какъ банкетъ 20 ноября по формѣ являлся лишь однимъ изъ „ужиновъ съ гостями“, но только устроеннымъ при наиболѣе торжественной обстановкѣ. Комитетъ былъ для этого усиленъ представителями адвокатуры, профессуры и пр. Тутъ былъ намѣченъ предсѣдателемъ банкета В. Г. Короленко, установлена очередь для рѣчей, также намѣченныхъ и изъявившихъ на то свое согласіе ораторовъ, выработанъ проектъ резолюціи (которая безъ всякихъ измѣненій и была принята банкетомъ), заготовлены особые картонные листы, на которыхъ участники банкета должны были дать свои подписи подъ резолюціей, словомъ, дѣло это было правильно организовано, именно въ томъ духѣ, въ которомъ это было рѣшено постановленіемъ Совѣта Союза Освобожденія. Примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, но совершенно въ духѣ постановленія Совѣта, такіе же банкеты были организованы освобожденцами въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Саратовѣ и рядѣ другихъ городовъ. *Ред. Сбор.*

однородная съ земскими заключеніями [1]). Затѣмъ, почти такого же рода «резолюціи» по поводу 40-лѣтія судебныхъ уставовъ были приняты во многихъ городахъ [2]).

Въ чисто земскихъ сферахъ петербургское совѣщаніе земскихъ дѣятелей оказало еще большее вліяніе, что и выразилось на земскихъ собраніяхъ въ томъ же 1904 и частью въ 1905 г.

Въ бессарабскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный К. Ф. Казиміръ заявилъ: «Большинство гласныхъ бессарабскаго губернскаго земства, въ числѣ 25-ти, вполнѣ присоединяясь къ постановленіямъ съѣзда земскихъ дѣятелей, бывшаго въ Петербургѣ 6—9-го ноября сего 1904 года, одобряетъ образъ дѣйствій на этомъ совѣщаніи предсѣдателя бессарабской губернской земской управы, барона А. Ѳ. Стуарта и выражаетъ ему свою благодарность за правильное выраженіе мнѣній и желаній большинства губернскаго собранія». Въ вологодское губернское земское собраніе было внесено нижеслѣдующее обширное и обстоятельное заявленіе 14-ти гласныхъ.

„Рядъ тяжелыхъ испытаній, постигшихъ нашу родину, небывалыя еще бѣдствія, обрушившіяся извнѣ и раздирающія ее внутри, должны глубоко волновать всѣхъ русскихъ людей, а въ особенности лицъ, причастныхъ къ общественной дѣятельности. Война, породившая невѣроятныя физическія и нравственныя страданія для сотенъ тысячъ нашихъ братьевъ, погибающихъ на далекихъ и чуждыхъ намъ поляхъ Манчжуріи, для милліоновъ покинутыхъ ими отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, раскрыла вмѣстѣ съ тѣмъ такія глубокія язвы въ нашемъ государственномъ организмѣ, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ ея ужасы.

Земскіе люди, собравшіеся 6—9 ноября въ Петербургѣ, прямо и открыто высказали свое мнѣніе о причинахъ внутренняго неустройства и заявили, что безъ коренного измѣненія всего государственнаго строя, безъ постояннаго участія народныхъ представителей въ законодательствѣ и управленіи, совершенно невозможно правильное теченіе общественной жизни, невозможно ни умственное, ни нравственное, ни матеріальное развитіе населенія,

---

[1]) Повторяемъ,—это невѣрно: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить резолюціи земскаго съѣзда (см. „Былое“, мартъ 1907 г. стр. 88 и слѣд.) съ резолюціей петербургскаго банкета 20 ноября (см. „Право“ 1904 г., № 48, стр. 32—33). *Ред. Сбор.*

[2]) 20 и 21 ноября 1904 г. состоялось собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ по случаю 40-лѣтія со дня введенія судебныхъ уставовъ 1864 г. На собраніи въ Москвѣ присяжныхъ повѣренныхъ собралось 300 человѣкъ, въ Петербургѣ — 400 человѣкъ. Но въ Петербургѣ прокуроръ судебной палаты Вуичъ не разрѣшилъ собранія въ помѣщеніи окружного суда. Тогда громадная толпа присяжныхъ, ихъ помощниковъ и публики, въ количествѣ 650 человѣкъ, устроила собраніе въ зданіи Городской Думы, гдѣ, выразивъ негодованіе Вуичу, вынесена была такая резолюція, ставшая общею для всѣхъ банкетовъ въ Россіи: „Собравшись въ день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ и обсудивъ положеніе русскаго суда, мы находимъ, что правильная организація отправленія правосудія невозможна безъ признанія за всѣми гражданами равныхъ правъ, гарантіи неприкосновенности личности и жилища, свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы печати, собраній и союзовъ. Какъ гарантія этихъ правъ и основа правильнаго теченія государственной жизни, необходимо участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, утвержденіи бюджета и надзорѣ за законностью дѣйствій органовъ администраціи. Къ этому прибавлено было ходатайство объ общей амнистіи политическихъ и религіозныхъ преступниковъ.

что дальнѣйшее существованіе такого порядка, основаннаго на безправіи личности и общества, должно вести страну къ застою и гибели. Пожеланія, высказанныя земскими дѣятелями, вызвали громадное сочувствіе въ печати и обществѣ, выразившееся въ массѣ адресовъ, сочувственныхъ статей и резолюцій, принятыхъ въ большомъ числѣ въ земскихъ, городскихъ и всевозможныхъ другихъ общественныхъ собраніяхъ и въ рядѣ манифестацій, и такимъ образомъ стало ясно, что эти пожеланія раздѣляются всею мыслящею Россіею.

12 декабря 1904 года состоялся Высочайшій указъ Правительствующему сенату, признавшій наличность административнаго произвола и необходимость дѣйствительныхъ мѣръ къ измѣненію правового положенія крестьянъ, къ охраненію полной силы закона, къ расширенію дѣятельности и самостоятельности думскихъ и городскихъ учрежденій, къ установленію равенства всѣхъ передъ судомъ и должной самостоятельности судебныхъ установленій, къ обезпеченію участи промышленныхъ рабочихъ, къ возможному ограниченію исключительныхъ законовъ, къ охраненію вѣротерпимости, къ расширенію правъ инородцевъ и устраненію излишнихъ стѣсненій печати. Этотъ указъ, признавшій до извѣстной степени законность и неотложность выставленныхъ земскими людьми требованій, далъ обществу нѣкоторое нравственное удовлетвореніе. Но самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго осуществленія всѣхъ преобразованій вызвалъ въ общественныхъ дѣятеляхъ вполнѣ законное опасеніе и безпокойство, ибо призванное для этой цѣли учрежденіе, Комитетъ Министровъ, по своимъ традиціямъ и той роли, которую онъ игралъ въ исторіи русскаго управленія, представлялось въ глазахъ общества всего менѣе приспособленнымъ для установленія основныхъ принциповъ и путей грядущей коренной реформы. Но почти одновременно съ этимъ указомъ появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ высказанныя земскими людьми пожеланія и требованіе, въ противорѣчіе съ Высочайшимъ Указомъ, признаются недопустимыми въ силу освященныхъ основными законами Имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя; общественное движеніе, явившееся результатомъ совѣщанія земскихъ дѣятелей, объявляется дѣломъ лицъ, стремящихся внести смуту въ общественную и государственную жизнь, признается чуждымъ русскому народу, за нимъ отрицается значеніе общаго стремленія и въ заключеніе объясняется, что лица, увлеченныя этимъ движеніемъ, дѣйствуютъ на пользу не родины, а ея враговъ. Это правительственное сообщеніе внесло еще большую тревогу за дальнѣйшую судьбу тѣхъ широкихъ реформъ, которыя общество, казалось бы, имѣло основаніе ожидать. Не способствовало успокоенію общества и циркулярное письмо министра внутреннихъ дѣлъ отъ 31 декабря 1902 года, въ которомъ выясняется взглядъ высшей администраціи на значеніе важнѣйшаго пункта Указа 12 декабря: вмѣсто обѣщаннаго въ немъ объединенія закона о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ Имперіи, съ цѣлью прочнаго обезпеченія пользованія ими положеніемъ полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей, губернскимъ совѣщаніямъ предлагается положить въ основу своихъ работъ проекты новаго положенія о крестьянахъ, выработанные министерствомъ Плеве, насквозь пропитанные идеей сословности и стремленіемъ навсегда отгородить крестьянство отъ прочихъ сословій и стоящіе въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми пожеланіями, какія были высказаны мѣстными сельскохозяйственными комитетами. Цѣлый рядъ мѣръ, принятыхъ противъ печати, общественныхъ собраній, съѣздовъ, нарушеніе самыхъ элементарныхъ началъ правосудія въ гомель-

скомъ процессѣ, жестокое и прямо безчелевѣчное подавленіе мирныхъ уличныхъ демонстрацій ясно показали обществу, что все направленіе правительственнаго курса далеко отъ измѣненія, что всесильная бюрократія желаетъ имѣть все и не желаетъ уступать ничего. Наконецъ, все это завершилось ужасными событіями послѣднихъ дней, зловѣщимъ кровопролитіемъ на улицахъ Петербурга, массовымъ избіеніемъ мирныхъ рабочихъ, желавшихъ только представить Государю петицію о своихъ нуждахъ.

До глубины души потрясенные этими горестными событіями, являющимися результатомъ безправія и полнаго господства административнаго произвола и удрученные неизвѣстностью о томъ, что происходитъ въ настоящее время въ Петербургѣ, мы нижеподписавшіеся, гласные губернскаго земскаго собранія, не находя возможности съ надлежащимъ спокойствіемъ и вниманіемъ обсуждать подлежащіе нашему разсмотрѣнію текущія дѣла, просимъ отсрочить настоящее очередное собраніе до тѣхъ поръ, пока правительство не пойдетъ навстрѣчу законнымъ желаніямъ общества и не внесетъ въ страну умиротворенія".

Воронежское губернское земское собраніе въ адресѣ на Высочайшее имя, принятомъ въ засѣданіи 13 января 1905 года большинствомъ 49 голосовъ противъ 3-хъ, между прочимъ, говорило, что оно «не можетъ не высказать совершенно открыто то, что оно считаетъ правдой по отношенію къ переживаемымъ внѣшнимъ и внутреннимъ горестнымъ событіямъ, завершившимся на этихъ дняхъ зловѣщимъ кровопролитіемъ на улицахъ Вашей столицы [1]). Глубоко потрясенные этимъ послѣднимъ, являющимся въ существѣ своемъ лишь однимъ изъ проявленій того неустройства нашего, которымъ порождены всѣ означенныя событія, собраніе твердо вѣритъ, что лишь немедленный призывъ

свободно избранныхъ представителей всего народа для разработки реформъ, направленныхъ къ устраненію существующаго произвола и безотвѣтственности администраціи и къ водворенію господства права въ нашемъ отечествѣ можетъ внести надлежащее успокоеніе и устранить распространеніе по всей Россіи подобныхъ же кровавыхъ событій, а также установить на незыблемыхъ основаніяхъ тѣ правовые устои, при которыхъ только возможны преуспѣяніе и дальнѣйшее развитіе дорогого нашего отечества. Сдѣлать это необходимо тѣмъ болѣе, что историческія условія, при которыхъ сложился современный нашъ строй, существенно измѣнились: внутренняя жизнь Россіи и ея задачи осложнились, общественное правосознаніе выросло. Только переустройство ея на началахъ истиннаго правового государства съ постояннымъ участіемъ народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, позволитъ нашей странѣ итти не позади, а рядомъ съ другими культурными европейскими государствами.

Вятское губернское земское собраніе, заслушавъ словесный докладъ предсѣдателя губернской земской управы, Л. В. Юмашева, о

[1]) Рѣчь идетъ объ ужасномъ событіи 9-го января, о которомъ мы будемъ говорить, когда петербургскіе рабочіе, во главѣ со священникомъ о. Гапономъ, отправившись къ зимнему дворцу, были встрѣчены выстрѣлами. Вологодское земское собраніе было уже въ 1905 г.

поѣздкѣ въ С.-Петербургъ на частное совѣщаніе и ознакомившись съ выработаннымъ тамъ пунктами резолюціи, большинствомъ 39 голосовъ противъ 4-хъ, присоединились къ ней. Далѣе оно приняло адресъ на Высочайшее имя, въ которомъ, между прочимъ, указывалось на необходимость даровать «свободу общественному правдивому слову» и право «свободно работать» на пользу родины.

Екатеринославское губернское земское собраніе въ ходатайствѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополка-Мирскаго также говорило о призывѣ «свободно избранныхъ представителей земли для постояннаго участія ихъ въ разработкѣ законоположеній» и «въ разсмотрѣніи всѣхъ вообще законовъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ».

Казанское губернское земское собраніе въ такомъ же ходатайствѣ выражало надежду, что, при взысканіи способовъ проведенія въ жизнь правовыхъ началъ, «не будутъ лишены голоса свободно выбранные для этой цѣли представители земствъ».

Калужское губернское земское собраніе, въ адресѣ на Высочайшее имя, указывало, что «искренне лишь свободное слово, производителенъ лишь трудъ равноправныхъ и лично неприкосновенныхъ гражданъ, чиста лишь свободная совѣсть и горяча молитва въ открытыхъ храмахъ всѣхъ вѣроисповѣданій». Во всеподданнѣйшемъ адресѣ Костромского губернскаго земскаго собранія говорилось, между прочимъ, что «произволъ власти, стѣсненіе свободы слова и вѣроисповѣданія, неправильная постановка преподаванія, отрывающая юношество отъ спокойныхъ занятій,—все это порождаетъ въ странѣ броженіе, подавляемое крававыми репрессіями.» Средствомъ для выхода изъ такого положенія Костромское собраніе считало—призывъ «къ постоянному участію въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ представителей страны».

Въ Москвѣ на призывъ земскаго совѣщанія откликнулись и Земское собраніе, и Городская Дума.

На земскомъ собраніи предсѣдатель управы, Ѳ. А. Головинъ, произнесъ рѣчь, которую закончилъ такъ: «Когда государство подвергается тяжкому испытанію, то, чтобы оно могло съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія, необходимо напряженіе всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа, необходима дружная, энергичная совмѣстная работа правительства и общества, основанная на взаимномъ довѣріи и пониманіи. Мало, конечно, однихъ словъ о довѣріи правительства къ обществу, мало одного личнаго благожелательнаго отношенія министра къ общественнымъ силамъ. Необходимо чтобы довѣріе легло въ основу тдердыхъ законовъ, регулирующихъ отношенія правительства и народа, и это можетъ быть достигнуто только сплоченіемъ всего народа въ одну крѣпкую семью равноправныхъ гражданъ, свободныхъ въ выраженіяхъ своихъ мыслей, желаній и вѣрованій и призванныхъ державною волею Царя, чрезъ выбранныхъ представителей своихъ, къ правильному участію въ законодательствѣ страны». Въ адресѣ, предложенномъ управою и принятомъ собраніемъ точно также выражена надежда, что Верховная Власть «призоветъ свободно избранныхъ представителей всей земли Русской къ участію

въ законодательствѣ, дабы при содѣйствіи ихъ упрочить могущество государства, величіе престола и процвѣтанія родины на незыблемыхъ началахъ законности, личной неприкосновенности и равноправности всѣхъ гражданъ, свободы слова и вѣроисповѣданія». Въ Московской Городской Думѣ 74 гласными сдѣлано было заявленіе, единогласно принятое Думою, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

Существеннымъ препятствіемъ для дѣятельности и дальнѣйшаго развитія городского хозяйства являются тѣ правовыя условія, въ которыя поставлена городская община и населеніе города. Городское населеніе во всѣхъ его слояхъ и городское управленіе въ различныхъ отрасляхъ принуждены постоянно подвергаться и подчиняться административнымъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, основаннымъ на „усмотрѣніи“ и, во многихъ случаяхъ, несогласнымъ съ закономъ. Общая приниженность русскихъ гражданъ, особые и стѣснительные законы для сословныхъ группъ, составляющихъ большую часть населенія Москвы, система опеки надъ каждымъ шагомъ гражданъ и городского управленія, все это лишаетъ ихъ возможности проявлять и развивать самодѣятельность, эту лучшую и главную основу полезной личной и общественной работы. Лѣтопись городского управленія насчитываетъ многократные примѣры доходящаго до мелочей вмѣшательства административныхъ вѣдомствъ въ вопросы чисто-хозяйственной его дѣятельности. Вслѣдствіе существующихъ условій, опредѣляющихъ въ русскомъ обществѣ положеніе личности, права общей печати, предѣлы гласности и право совѣщаній, живая и тѣсная связь общественнаго управленія съ населеніемъ и откровенное обсужденіе общественныхъ вопросовъ неосуществимы. Отчужденность населенія отъ общественнаго управленія усиливается ограниченіемъ права свободнаго исповѣданія вѣры для многочисленныхъ группъ населенія. Единственнымъ выходомъ изъ описаннаго положенія представляется твердое установленіе начала законности, какъ общегосударственнаго условія, правильной и плодотворной дѣятельности общественныхъ управленій и созданіе законовъ при постоянномъ участіи выборныхъ отъ населенія.

На основаніи изложеннаго, имѣемъ честь предложить Думѣ принять слѣдующее постановленіе: представить высшему правительству, что, по мнѣнію Московской Городской Думы, неотложно необходимо: 1) установить огражденіе личности отъ внѣсудебнаго усмотрѣнія, 2) отмѣнить дѣйствія исключительныхъ законовъ, 3) обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова и печати, свободу собраній и союзовъ, 4) провести вышеуказанныя начала въ жизнь на обезпечивающихъ ихъ неизмѣнность незыблемыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно избранныхъ представителей населенія, 5) установить правильное взаимодѣйствіе правительственной дѣятельности съ постояннымъ, на законѣ остновнномъ, контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи“.

Въ нижегородское губернское земское собраніе было внесено заявленіе губернской управы и 18-ти гласныхъ, въ которомъ указывались, что «для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особо-выборнаго учрежденія». Затѣмъ въ обращеніи къ князю Святополкъ-Мирскому,

принятому большинствомъ 45 голосовъ противъ 2-хъ, между прочимъ, говорилось, что «внутреннія нестроенія Русской Земли велики, чреваты осложненіями, требующими отъ всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества смѣлаго слова и дружной работы для устроенія государства. При широкомъ, правдивомъ и свободномъ изложеніи своихъ убѣжденій и нуждъ со стороны самихъ представителей народа, Высочайшія предначертанія будутъ надежно обезпечены въ своемъ жизненномъ осуществленіи».

Въ Новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи былъ сдѣланъ рядъ заявленій. Экономическая комиссія заявила, что «для разработки коренныхъ реформъ, возвѣщенныхъ Высочайшимъ Указомъ 12 декабря и для наилучшаго проведенія ихъ въ жизнь, безусловно необходимъ скорѣйшій созывъ свободно избранныхъ представителей населенія». И это заявленіе было единогласно принято собраніемъ. Затѣмъ, Новгородское губернское земское собраніе въ частномъ совѣщаніи своемъ, избравъ предсѣдателемъ губернскаго предводителя дворянства, 10 января 1905 г., выработало резолюцію, подписанную 50-ью гласными:

I. Существующій нынѣ государственный строй привелъ Россію единовременно къ внѣшнему и внутреннему кризисамъ, и въ послѣдніе дни и къ ужасающимъ событіямъ, сопровождавшимъ рабочее движеніе въ Петербургѣ. Репрессивныя мѣры, принимаемые администраціей къ подавленію этого движенія и въ результатѣ—громадное число убитыхъ и раненныхъ рабочихъ едва ли способны внести успокоеніе въ русскую жизнь, а наоборотъ ведутъ къ усиленію революціоннаго движенія, грозящаго странѣ неисчислимыми бѣдствіями.

II. Всей душой желая мирной эволюціи политической и экономической жизни Россіи, Новгородскіе губернскіе гласные, повинуясь велѣніямъ своей совѣсти и долгу передъ родиной, признаютъ неотложнымъ созывъ свободно избранныхъ представителей народа дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на путь спокойнаго государственнаго развитія въ духѣ началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

Далѣе, выслушавъ сообщеніе предсѣдателя Новгородской губернской управы о земскомъ совѣщаніи 6—9 ноября въ Петербургѣ, собраніе въ частномъ совѣщаніи, большинствомъ 24 голосовъ противъ 5 ти, постановило: «независимо отъ признанія неотложной необходимости созыва свободно избранныхъ представителей народа, всецѣло присоединиться къ постановленіямъ съѣзда земскихъ дѣятелей».

Во всеподданнѣйшемъ адресѣ Орловскаго губернскаго земскаго собранія выражалась надежда, что «соберутся у Всероссійскаго Престола люди всей земли русской, на то общественнымъ довѣріемъ облеченные, дабы правдиво и свободно повѣдать своему Царю о нуждахъ родной земли».

Въ Полтавскомъ земскомъ адресѣ говорилось, что «только свободное развитіе, широкая дѣятельность общественныхъ учрежденій и правильное участіе народныхъ представителей, какъ особо выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью

дѣйствій администраціи — дадутъ устойчивость внутренней жизни Россіи».

Въ Псковскомъ земскомъ адресѣ точно также указывалось, что «только свободно избранные представители могутъ дать вѣрный и правдивый отвѣтъ» относительно того пути, по которому долженъ идти народъ, чтобы выбраться «изъ тяжелаго и опаснаго положенія, которое нынѣ переживаетъ наша дорогая родина».

Рязанское губернское земское собраніе въ адресѣ своемъ выражало надежду, что общественная жизнь получитъ правильное и законодательное теченіе «при дальнѣйшемъ развитіи самодѣятельности земства, при неприкосновенности личности, свободы совѣсти и слова».

Въ Самарскомъ адресѣ, между прочимъ, говорилось:

Со всѣхъ сторонъ необъятной нашей родины неудержимой волной несутся къ Престолу Вашего Величества голоса земскихъ людей, городскихъ, сословныхъ и общественныхъ установленій, готовыхъ отдать свой трудъ, знанія и силы святому и великому дѣлу устроенія Русской земли. Голоса этихъ близкихъ къ народу людей неустанно и единодушно говорятъ о тяжкихъ недугахъ, подтачивающихъ жизнь народа и грозящихъ нынѣ даже незыблемости государственнаго строя. Отсутствіе правовыхъ нормъ, которыя обезпечивали бы неприкосновенность личности, стѣсненіе народнаго образованія, отсутствіе свободы совѣсти, слова и печати, собраній и союзовъ, въ связи съ установленіемъ усиленной охраны, создали такое положеніе, при которомъ господствуетъ въ странѣ административный произволъ. Съ другой стороны экономическая отсталость и застой, непосильные и неравномѣрные налоги, неустройство въ землепользованіи и фактическое безправіе крестьянскихъ и рабочихъ массъ подготовляютъ почву для опаснаго броженія и недовольства въ самыхъ глубинахъ народной жизни. Вашему Величеству угодно было признать, что многія насущныя потребности страны донынѣ не удовлетворены и начертать путь преобразованій въ указѣ 12 декабря. Но успѣшное выполненіе благихъ предначертаній Вашего Величества и удовлетвореніе другихъ нуждъ не можетъ быть проведено въ жизнь, пока между Царемъ и Его народомъ стоитъ преграда, не допускающая до Царя свободнаго и правдиваго голоса народа и отстраняющая его отъ возможности непосредственно знать истинную волю Царя. Вѣковая преграда эта въ лицѣ самовластной бюрократіи скрываетъ отъ Царя вопіющія нужды народныя и препятствуетъ свободному развитію страны. Государь, призовите Державной Волей Вашей свободно избранныхъ представителей земли Русской и они скажутъ Вамъ о великихъ нуждахъ страны. Мы же Самарскіе губернскіе гласные, движимые безграничной любовью къ родинѣ и памятуя святость принятой присяги, высказываемъ Вашему Величеству прямо и нелицемѣрно свою непоколебимую вѣру, что только единеніе Царя съ народомъ при посредствѣ представителей его, свободно избранныхъ для постояннаго участія въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи и для контроля надъ законностью дѣйствій административныхъ властей, способно даровать странѣ миръ и порядокъ". Этотъ проектъ адреса былъ одобренъ большинствомъ 31 противъ 17.

Саратовское губернское земское собраніе, въ первомъ засѣданіе своемъ 9-го января 1905 г., заслушавъ сообщеніе предсѣдателя управы

о необходимости, въ виду крайней напряженности переживаемаго Россіею момента, отозваться на вопросы о коренныхъ нуждахъ русскаго общества,—постановило избрать для обсужденія ихъ комиссію, куда пригласить всѣхъ гласныхъ, желающихъ принять въ ней участіе. Вечеромъ въ тотъ же день состоялась засѣданіе этой комиссіи, при участіи почти всего состава губернскаго земскаго собранія. Ею заслушаны были постановленія с.-петербургскаго земскаго совѣщанія, адреса и резолюціи, поданные управѣ отъ саратовскихъ рабочихъ (975 подписей), плательщиковъ, избирателей и городскихъ жителей г. Саратова и Саратовской губерніи (2.327 подписей), отъ учредительнаго собранія Саратовскаго педагогическаго общества (575 подписей), отъ женщинъ г. Саратова (600 подписей), телеграммы отъ гласныхъ, не прибывшихъ въ собраніе. Послѣ этого комиссія приступила къ обсужденію постановленій с.-петербургскаго совѣщанія, и былъ выработанъ слѣдующій проектъ, имѣющій быть внесеннымъ на утвержденіе губернскаго земскаго собранія: «Саратовское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 10 января 1905 года, заслушавъ докладъ о происходившемъ 6—9 ноября 1904 г. въ С.-Петербургѣ совѣщаніи земскихъ дѣятелей постановило:

1) Одобрить образъ дѣйствій предсѣдателя губернской управы, какъ одного изъ участниковъ съѣзда и какъ выразителя желаній, вполнѣ согласныхъ съ общимъ мнѣніемъ саратовскаго земства.

2) Присоединиться къ мнѣнію земскихъ дѣятелей, выраженному въ постановленіяхъ 6—9 ноября съ добавленіемъ къ 6-му пункту словъ: „свободы науки и ея преподаванія и свободы стачекъ".

3) Выразить глубокое убѣжденіе, что великія начала, возвѣщенныя Высочайшимъ Указомъ 12 декабря—общій для всѣхъ правопорядокъ и законность—не могутъ быть проведены въ жизнь бюрократическимъ путемъ, и наше настоятельное желаніе, чтобы правительство обратилось къ творческимъ силамъ страны, въ лицѣ ея свободно избранныхъ представителей. Лишь постоянное и правильное народное представительство,—на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права, съ тайной подачей голосовъ,—дастъ странѣ столь необходимый ей внутренній миръ и возможность развить всѣ великія духовныя и матеріальныя силы народа.

4) Просить саратовскаго губернскаго предводителя дворянства, какъ имѣющаго право личнаго представительства предъ Государемъ Императоромъ, не отказать доложить Его Величеству, что саратовское губернское земское собраніе, раздѣляя вполнѣ вышеуказанныя мнѣнія, считаетъ путь внутреннихъ преобразованій, намѣченный земскими дѣятелями, единственно вѣрнымъ и единственно спасительнымъ исходомъ изъ бѣдствій, переживаемыхъ нашей родиной. Ослабленіе матеріальныхъ средствъ русскаго народа, оскудѣніе народнаго духа, его творческихъ силъ, благодаря всепоглощающей опекѣ бюрократической власти, должно неизбѣжно привести къ крушенію самыхъ устоевъ государства. Подобно царству, раздѣлившемуся внутри себя, Россія клонится къ неминуемому упадку.

Мы просимъ г. губернскаго предводителя дворянства склонить вниманіе Государя Императора къ голосу земскихъ людей, увѣрить, что нами руково-

дить не что другое, какъ искренняя преданность Государю и пламенное чувство любви къ родинѣ; мы ничего не хотимъ для себя, а все для Россіи.

Не смуту мы создаемъ, а ищемъ, со всѣмъ сознаніемъ важности происходящихъ событій и со всею добросовѣстностью, счастливаго выхода изъ тягостнаго состоянія нашего отечества".

Этотъ проектъ подписали 40 гласныхъ.

10 января этотъ проектъ предсѣдателемъ управы былъ предложенъ на обсужденіе земскаго собранія. Г. предсѣдатель собранія доложилъ, что онъ, по разъясненію, данному ему предъ открытіемъ собранія администраціей, не долженъ допускать до обсужденія собранія докладъ комиссіи, но если большинство собранія найдетъ это необходимымъ, онъ согласенъ допустить обсужденіе доклада. Собраніе не приняло предложенія предсѣдателя собранія, не согласилось возложить отвѣтственность только на него одного и въ то же время оно, въ виду важности переживаемыхъ событій, безъ обсужденія общихъ вопросовъ, разработанныхъ въ докладѣ комиссіи, не находило возможнымъ перейти и къ обсужденію вопросовъ обычнаго порядка въ земскомъ хозяйствѣ. Въ виду сего собраніе постановило: прервать засѣданія земскаго собранія впредь до того времени, пока ему не будетъ разрѣшено обсужденіе вопросовъ по докладу комиссіи; постановленія же комиссіи вмѣстѣ съ протоколомъ послѣдняго засѣданія собранія представить министру внутреннихъ дѣлъ". Послѣ этого постановленія занятія собранія прекратились.

Въ симбирское губернское земское собраніе было представлено нижеслѣдующее «особое мнѣніе 16-ти гласныхъ:

Всю жизнь насъ заставляли молчать, повиноваться и не разсуждать. Въ каждой нашей новой мысли и даже словѣ администраторы усматривали какіе то красные призраки, грозящіе нарушить устои государства. Сорокъ лѣтъ мы только и твердили, что все обстоитъ благополучно и до того свыклись съ этою мыслью, что всякое иное выраженіе мысли считалось чуть-ли не государственнымъ преступленіемъ. Вотъ это-то рабски приниженное состояніе населенія и довело Россію до того кризиса, изъ котораго полумѣрами и палліативами ее нельзя вывести. Страна на пути полнаго обнищанія и разоренія. Опасность для отечества очень велика и опасность не только отъ внѣшнихъ враговъ, съ которыми ведетъ борьбу въ настоящее время наше государство, и не отъ внутреннихъ мнимыхъ враговъ, съ которыми такъ долго и съ такимъ вредомъ для отечества боролась бюрократія,—опасность въ томъ глубокомъ застоѣ въ общемъ развитіи народа и страны, который искусственно создала многолѣтняя бюрократическая опека надъ населеніемъ. Русскій народъ искусственно задержанъ въ своемъ естественномъ ростѣ, и какъ во всякомъ человѣческомъ организмѣ остановка жизни влечетъ за собою смерть, такъ и во всякомъ государственномъ организмѣ продолжительный глубокій застой влечетъ къ неминуемой гибели страны. И вотъ, когда земскимъ людямъ представлялась возможность честно, открыто и согласно съ своею совѣстью высказаться о всѣхъ недочетахъ русской жизни, господа охранители приняли всѣ мѣры, чтобы отнять у нихъ эту возможность. Господиномъ предсѣдателемъ Симбирскаго губернскаго земскаго собранія былъ предложенъ адресъ, заключавшій въ себѣ между прочимъ совершенно несвойственный для земства призывъ къ борьбѣ съ внутренними врагами, въ которомъ въ то же время не было затронуто самыхъ существенныхъ и больныхъ сторонъ русской жизни.

Долгъ нашъ передъ родиной и престоломъ вынуждаетъ насъ не согласиться съ предложенной редакціей и высказаться въ томъ духѣ, въ которомъ диктовала намъ наша совѣсть. Но г. предсѣдатель не далъ возможности освѣтить разносторонне вопросъ и, останавливая свободное выраженіе мысли гласныхъ Дмитріева и Метальникова, заявилъ собранію, что вопросъ выясненъ и дальнѣйшія пренія не могутъ имѣть мѣста, такъ какъ имъ представится возможность высказаться въ комиссіи. Между тѣмъ въ комиссію вопросъ не переданъ, а рѣшенъ по существу 22 гласными противъ 18 въ смыслѣ принятія адреса, предложеннаго предсѣдателемъ съ устнымъ добавленіемъ, сдѣланнымъ гласнымъ Ермоловымъ. Такимъ образомъ адресъ этотъ остался недостаточно обсужденнымъ по существу и сверхъ того къ нему была добавлена поправка гласнаго Ермолова, которая вовсе не обсуждалась, такъ какъ не была формулирована передъ голосованіемъ. Когда послѣ объявленнаго перерыва г. Предсѣдателемъ былъ прочитанъ адресъ съ поправкою Ермолова, формулированной уже послѣ баллотировки, гласные Кирмаловъ, Метальниковъ, Филатовъ и Микешинъ заявили Предсѣдателю о незаконности такого образа дѣйствій, и такъ какъ Предсѣдателемъ были запрещены дальнѣйшія пренія по этому вопросу, то гласные Кирмаловъ, Березовскій, Метальниковъ, Филатовъ, Микешинъ и Дмитріевъ покинули залъ засѣданія, а предсѣдатель губернской управы кн. Баратаевъ заявилъ, что онъ не удаляется только потому, что онъ, какъ предсѣдатель губернской управы, лишенъ возможности это сдѣлать. Въ виду всего вышеизложеннаго мы, нижеподписавшіеся, считаемъ своимъ долгомъ въ этомъ особомъ мнѣніи высказать то, что не дали намъ сказать въ собраніи.

Въ настоящій исторической важности моментъ преступно закрывать глаза передъ грозящей странѣ опасностью и не сказать, что лишь свободно выбранные представители народа могутъ найти выходъ изъ того тяжелаго положенія въ которомъ находится въ настоящее время Россія. Только прочныя правовыя гарантіи въ видѣ постояннаго участія свободно избранныхъ представителей народа въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи—могутъ вывести Россію на мирный и славный путь развитія страны".

Сущность изложеннаго „особаго мнѣнія" названная группа гласныхъ послала министру внутреннихъ дѣлъ.

Въ смоленскомъ адресѣ, подписаннымъ 46 гласными губернскаго земства, говорилось, что

„Разобщеніе Верховной Власти съ народомъ довело наше отечество до того состоянія, при которомъ многообразно проявляется разстройство нашихъ внутреннихъ силъ. Проявляется оно въ приниженіи личности, въ подавленности общества, въ задержанномъ и въ болѣзненномъ ростѣ народа, а также въ томъ, что молодое поколѣніе, надежда страны, ложною системою школьнаго воспитанія и неустройствами нашей внутренней жизни отторгнуто отъ мирныхъ задачъ просвѣщенія. Тяготы народной жизни непрестанно возрастаютъ при отсутствіи личной неприкосновенности, свободы слова и духа во всѣхъ сферахъ его проявленія и при стѣсненіи творческой дѣятельности общественныхъ силъ. Населеніе, не принимая участія черезъ своихъ избранныхъ людей въ законодательныхъ трудахъ и въ дѣлахъ государственнаго устроенія, терпитъ отъ законовъ,

не согласованныхъ съ истинными потребностями страны, отъ неправильной системы финансовой политики и отъ административнаго произвола. Оскудѣваетъ вѣра въ возможность общественнаго служенія и гаснетъ голосъ правды; много лучшихъ общественныхъ силъ остается въ сторонѣ отъ работы въ пользу родинѣ".

Заканчивался адресъ указаніемъ на необходимость «созвать свободно избранныхъ представителей страны».

Но предсѣдатель собранія не допустилъ не только баллотировки, но и оглашеніе этого адреса. Тогда, вечеромъ въ тотъ же день, 10 декабря 1904 г., собравшееся частное совѣщаніе гласныхъ, въ числѣ 28-ми, составило особое постановленіе и за своими подписями отправило его министру внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ постановленіи излагалось то же самое, что и въ адресѣ.

Въ февралѣ опять собралось смоленское губернское земское собраніе, но администрація придала ему значеніе экстреннаго и не разрѣшила обсуждать жизненные вопросы.

Тогда 33 гласныхъ внесли въ собраніе заявленіе, въ которомъ писали:

„Въ минувшемъ очередномъ собраніи намъ запрещено было обсудить вопросъ о бѣдственномъ положеніи, переживаемомъ нашимъ отечествомъ. Настоящее собраніе своимъ чрезычайнымъ характеромъ еще болѣе закрѣпляетъ господство надъ нашей дѣятельностью стѣснительныхъ условій. Въ общемъ мы приведены въ состояніе духовнаго плѣненія, которое служитъ типичнымъ явленіемъ для всего строя нашей внутренней жизни. Личность подавляется въ ея завѣтныхъ духовныхъ интересахъ, чѣмъ подорвано въ самомъ первоисточникѣ всякое проявленіе общественной дѣятельности. А между тѣмъ именно такой дѣятельности неотложно требуютъ самые коренные интересы нашей родины, потрясенной событіями современной жизни. Война быстро развернула всю ужасающую картину нашихъ внутреннихъ нестроеній. Рабочее движеніе, не имѣя законныхъ путей для организованнаго проявленія насущныхъ интересовъ трудящагося класса, подрываетъ производительныя силы страны. Броженіе учащейся молодежи, оторванной отъ благотворнаго авторитета науки и ея преподаванія, получаетъ все большіе размѣры. Всѣ высшія учебныя заведенія цѣлой страны пріостановили свою дѣятельность. Мѣры, принимаемыя для возстановленія нарушеннаго порядка, имѣютъ исключительно бюрократическій характеръ, и направляются только къ усмиренію и подавленію, не внося умиротворенія въ потрясенную жизнь. При такомъ положеніи у насъ нѣтъ силъ молчать. Если бы русская жизнь вдохнула въ насъ вѣру, что наше молчаніе нужно для блага родины, мы мужественно остались бы въ рядахъ самыхъ убѣжденныхъ молчальниковъ русской земли. Но слишкомъ ясно, что глубокое, долгое, а, по временамъ, мрачное молчаніе русскаго народа, полное отстраненіе общественныхъ силъ отъ интересовъ и дѣлъ государства, развило только безграничное самовластіе бюрократіи, которая роковымъ образомъ подготовила наши неудачи извнѣ и наши неисчислимыя бѣдствія внутри. Сила общественнаго молчанія уже до дна исчерпана на пользу бюрократическаго режима; насталъ чередъ испытать силу слова на благо родины. Въ настоящую историческую минуту Россія переживаетъ великую стадію развитія сознательнаго и свободнаго слова, которое всегда пріуготовляетъ воплощеніе очередныхъ

идей въ жизни. Мужественное, честное слово стало нынѣ жизненнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ. Сила идей возрожденія оживила все русское общество, охваченное дѣятельной любовью къ родинѣ и жгучимъ стыдомъ переживаемой современности. Идеи эти становятся правящимъ принципомъ русскаго общественнаго самосознанія, объединяя самыя разнообразныя категоріи людей. Ихъ провозглашаютъ лучшіе общественные дѣятели и ученыя общества, скрѣпляютъ имена нашихъ извѣстныхъ ученыхъ, поднимаютъ земства и думы, начинаютъ проповѣдывать съ духовныхъ кеѳедръ. Точно и ясно формулированныя на съѣздѣ земскихъ дѣятелей и поддержанныя почти всѣми земскими собраніями, идеи эти пріобрѣли общеземскій характеръ. Всего знаменательнѣе, что неотложная необходимость возрожденія гражданскаго быта Россіи признана Высочайшимъ указомъ 12 декабря 1904 г., который долженъ былъ содѣйствовать умиротворенію тревожнаго общественнаго настроенія, если бы къ осуществленію провозглашенныхъ имъ началъ были призваны организованныя силы народа. Но такое осуществленіе предположено выполнить въ бюрократическомъ порядкѣ, къ которому русское общество потеряло всякое довѣріе. Обычные пріемы этого порядка, мертвящіе всякія благія предначертанія, не замедлили ярко проявиться въ сопровождавшемъ Высочайшій указъ правительственномъ сообщеніи отъ 14 декабря того же года. Надежды, оживленныя въ обществѣ Верховной Властью, сразу были подорваны. Единственнымъ выходомъ изъ тяжелаго и опаснаго кризиса, переживаемаго нашимъ отечествомъ, можетъ служить переустройство правящей рукою Верховной Власти Государя Императора, при посредничествѣ свободно избранныхъ представителей народа, всей нашей внутренней жизни на началахъ обезпеченнаго правопорядка. Только этотъ путь можетъ привести потрясенную Россію къ полному умиротворенію и счастливому развитію ея внутренней жизни. Внѣ этого нѣтъ спасенія для мирнаго развитія русскаго народа, который всѣми явленіями стараго уклада нашей жизни неудержимо втягивается въ крайне длительный, тягостный процессъ хроническихъ внутреннихъ потрясеній со всѣми ихъ фактическими ужасами въ настоящемъ и гадательными надеждами въ будущемъ.

При такихъ условіяхъ мы не можемъ безмолвствовать и считаемъ необходимымъ представить въ губернское земское собраніе настоящую записку, какъ выраженіе нашего глубочайшаго убѣжденія по вопросу самой основной важности".

Въ адресѣ таврическаго губернскаго земскаго собранія говорилось, что выполненіе предначертаній Государя и охраненіе ихъ въ полной неприкосновенности «возможно лишь при участіи въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ представителей всего народа».

Указывалось на необходимость «призвать свободно избранныхъ представителей Русской земли къ участію въ осуществленіи законодательной власти» и въ адресѣ, составленнымъ комиссіею тамбовскаго губернскаго земскаго собранія, но предсѣдатель не разрѣшалъ не только обсуждать, но и огласить его содержаніе.

Тогда комиссія и отдѣльно 21 гласный опротестовали дѣйствіе предсѣдателя собранія. И въ этомъ протестѣ изложили основныя пожеланія адреса и просили все это внести въ журналъ засѣданія, какъ приложеніе.

Не разрѣшилъ оглашенія адреса и предсѣдатель тульскаго губернскаго земскаго собранія: проектъ этого адреса шелъ отъ большинства (31-го) гласныхъ и въ немъ, какъ и въ другихъ адресахъ, возлагалась надежда на призывъ къ участію въ законодательствѣ «свободно избранныхъ представителей страны». Тогда группа тульскихъ гласныхъ внесла такое заявленіе.

„Осуществляя задачи государственнаго управленія въ тѣсномъ кругу мѣстнаго хозяйства, общественное земское самоуправленіе не можетъ остаться безучастнымъ и обособленнымъ отъ общей государственной политической жизни, когда сердце каждаго русскаго бьется тревогой. Оно должно сознательно отнестись къ событіямъ. Событія громадны, всемірны. Несчастная война, несчастная потопленная эскадра, несчастный многострадальный Портъ-Артуръ, грозное стояніе полумилліонныхъ армій, будущее столкновеніе которыхъ внушаетъ трепетъ всему міру, это за 12000 верстъ отъ насъ, а здѣсь дома небывалое высокое настроеніе внутренней политической жизни. Смерть Плеве, воплотившаго въ себѣ въ идеальной чистотѣ бюрократическій абсолютизмъ, замѣна его кн. Святополкомъ-Мирскимъ, не только провозгласившимъ, но и установившимъ благожелательное довѣрчивое отношеніе къ обществу и всему населенію, въ высшей степени напряженное общественное правосознаніе и наконецъ, Высочайшій указъ правительствующему сенату 12 декабря, обѣщавшій равноправность, законность, свободу слова, совѣсти, вѣроисповѣданій и расширеніе сферы мѣстнаго самоуправленія,—и, несмотря на это, общее тягостное, невыносимо неопредѣленное состояніе и мучительное исканіе исхода изъ него. Исходъ несомнѣнно есть, но чтобы найти его надо знать причины тягостнаго положенія. Общественное сознаніе точно, ясно и безошибочно указало, какъ на основаніе нашихъ страданій, на угнетенное состояніе человѣческой личности и ея свободы въ зависимости отъ режима бюрократическаго деспотизма. Безусловныя права человѣческой личности не подлежатъ никакому сомнѣнію. Нравственное начало требуетъ признанія внутренняго достоинства человѣческо личности. Вотъ уже 19 вѣковъ это нравственное начало служитъ основой общественной и государственной жизни всѣхъ христіанскихъ государствъ и тѣмъ не менѣе у насъ оказывается возможнымъ система управленія, совершенно исключающая самое понятіе о свободѣ личности. Это естественное послѣдствіе полнаго извращенія отношеній въ бюрократическомъ управленіи области нравственной и правовой. Забыто, что область закона и права должна способствовать воплощенію добра и ограниченію зла. Постепенно право стало отдѣляться отъ своихъ нравственныхъ принциповъ и цѣлей, и власть обратилась въ орудіе произвола, а съ водвореніемъ произвола исчезла и правда. Она исчезла въ управленіи, но ее берегли и хранили въ нѣдрахъ общества, въ духовныхъ тайникахъ народа. Пусть бюрократія безъ правды заблудилась въ Маньчжуріи и дома. Правда жива на Руси, и нашъ священный долгъ, какъ единственной части общества, организованной закономъ, вывести эту правду на свѣтъ, дать реальное выраженіе той правдѣ, которую носимъ мы въ сердцахъ своихъ, какъ истинные сыны нашей отчизны, и, по долгу совѣсти и чести, открыто и смѣло, безъ утайки сказать ее Государю Императору. Таковы мотивы, побудившіе насъ внести 25 января на обсужденіе земскаго собранія проектъ вѣрноподданническаго адреса, но предсѣдатель земскаго собранія въ засѣданіи 26 января отказалъ намъ въ нашей просьбѣ. Мы признаемъ, что

отказъ этотъ лишаетъ насъ возможности выполнить нашъ гражданскій долгъ и обязанности присяги. Поэтому мы заявили 26 января устно протестъ противъ такого отказа и въ настоящее время письменно подтверждаемъ его и считаемъ долгомъ присовокупить, что дѣйствія г. предсѣдателя собранія мы обжалуемъ въ правительствующій сенатъ.

Просимъ пріобщить настоящее наше заявленіе къ журналу губернскаго земскаго собранія 26 января".

Въ адресѣ уфимскаго губернскаго земскаго собранія, между прочимъ, говорилось, что «законность, расширеніе предѣловъ вѣдомствъ общественныхъ учрежденій и ихъ самостоятельность, судъ независимый, правый и равный для всѣхъ, равенство всѣхъ передъ закономъ, дѣйствительная отвѣтственность должностныхъ лицъ, вѣротерпимость, свобода слова и печати, уравненіе въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ Россіи инородцевъ, отмѣна положенія объ усиленной охранѣ— все это части того незыблемаго фундамента, на которомъ только и возможно сохранить прочность государственнаго зданія... Уфимское губернское земство твердо надѣется, что къ предстоящей законодательной работѣ будутъ призваны свободно избранные представители народа. Постоянное и правильное участіе народныхъ избранниковъ въ законодательствѣ гарантируетъ незыблемость закона, внесетъ умиротвореніе въ государство, а въ расходованіе народнаго достоянія— большую осмотрительность и цѣлесообразность.

Въ адресѣ харьковскаго губернскаго земскаго собранія, принятомъ 66 голосами противъ 4-хъ, говорилось:

„Ваше Императорское Величество! Харьковское губернское земское собраніе всеподданнѣйше приноситъ Вамъ свои поздравленія по случаю рожденія Наслѣдника Цесаревича. Въ тяжелое лихолѣтіе подъ громъ пушекъ и многихъ кровавыхъ стоновъ многихъ тысячъ подданныхъ Вашихъ, умирающихъ на далекой и чуждой окраинѣ,увидѣлъ свѣтъ будущій властитель Земли Русской. Мы, земскіе люди, по слову присяги, обязанные по совѣсти доводить до вѣдома Вашего, Государь, „все что къ Вашего Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной принадлежать можетъ, о ущербѣ же Вашего Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаемъ, не только благовременно увѣдомлять, но всякими мѣрами отвращать и не допускать тщатись", долгомъ почитаемъ сказать Вамъ, Государь, что не только ужасы войны и скорбь за неудачи наши омрачаютъ колыбель Наслѣдника Вашего. Надъ ней, какъ и надъ всей страной, нависли иныя тучи: много лѣтъ бюрократическаго гнета, насилій и произвола, оскудѣніе народа и безправіе его, попираніе основныхъ принциповъ свободы личности, мысли, совѣсти и слова создали невыносимое долѣе нестроеніе государственное и собрали грядущую и уже близкую грозу, первые раскаты которой уже прогремѣли. Она несетъ странѣ кровавыя междоусобія и потрясеніе Престолу Вашему. Государь, пока не поздно еще, отвратите эти бѣдствія отъ отечества: три вѣка тому назадъ уполномоченные выборные земли вывели Россію изъ смутной эпохи на великій историческій путь, избравъ на царство державнаго Предка Вашего и призвавъ къ правленію династію Романовыхъ. Государь, еще великъ и силенъ русскій народъ, выслушайте его черезъ посредство избранныхъ имъ представителей, призовите ихъ къ участію въ осуществленіи законодательной власти.

Государь, еще мощна и незыблема державная Ваша власть, не опасайтесь умалить ее предоставленіемъ законныхъ гарантій Вашимъ подданнымъ, оградите ихъ личность и жилища отъ административнаго насилія и произвола, не дозволяйте заглушать въ общественныхъ собраніяхъ, на академической каѳедрѣ или въ печати то искреннее свободное слово, въ которомъ должны постоянно выражаться и доходить до Престола Вашего неподдѣльныя мысль и чувство Вашего народа, дозвольте всѣмъ Вашимъ подданнымъ, не насилуя совѣсти своей, по обрядамъ своей вѣры молиться о благѣ отечества и Царственной семьи Вашей. Указомъ 12 декабря Вашему Величеству угодно было намѣтить рядъ законодательныхъ реформъ и поручить комитету министровъ осуществить эту задачу, но ему невѣдомы нужды наши; только свободно избранные населеніемъ представители земли Русской въ силахъ выполнить Ваши предначертанія. Великій пращуръ Вашъ Петръ I сказалъ, что всуе законы писать, ежели ихъ не исполнять; слова эти начертаны на зерцалѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ малѣйшаго русскаго города, и все же Россія управляется не законами, а циркулярами и временными правилами, въ обходъ и нарушеніе законовъ. Ваше Величество, мало дать законы, необходимо обезпечить ихъ исполненіе, необходимо гарантировать народу его права, необходимъ бдительный контроль. Никакая бюрократическая система сдѣлать этого не можетъ: она уже утратила довѣріе страны. И не въ силахъ Монархъ, какъ бы великъ Онъ ни былъ, знать все, дѣйствовать за всѣхъ и одинъ нести отвѣтственность передъ Богомъ и народомъ за судьбы своей родины. Не полагайтесь, Государь, на слугъ нерадивыхъ и лукавыхъ, довѣрьтесь избранникамъ народа, поспѣшите собрать ихъ въ постоянно дѣйствующее учрежденіе съ законодательными полномочіями, слѣдящее за тѣмъ, чтобы не нарушались законы, не расхищалась казна и чтобы собираемые изъ народныхъ копѣекъ милліарды находили себѣ правильное и цѣлесообразное употребленіе, и дозвольте имъ раздѣлить съ Вами отвѣтственность передъ исторіей за дальнѣйшее теченіе и исходъ кровавой борьбы на Дальнемъ Востокѣ. Государь, создайте изъ Россіи царство свободныхъ и полноправныхъ гражданъ.

Черниговское губернское земское собраніе въ адресѣ своемъ писало:

Въ переживаемую нашимъ отечествомъ тяжелую годину войны и внутреннихъ неустройствъ, черниговское губернское земское собраніе рѣшается выразить Вамъ, Государь, свое глубокое убѣжденіе, что правильная дѣятельность общественныхъ учрежденій и всего государственнаго управленія совершенно невозможны при тѣхъ условіяхъ, какія давно уже переживаетъ Россія. Бюрократическая система управленія, создавъ полную разобщенность Верховной власти съ населеніемъ, ревниво устраняя всякое участіе общества въ управленіи и охраняя полную обособленность и безотвѣтственность своихъ дѣйствій, довела страну до крайне тягостнаго положенія. Личность русскаго человѣка не ограждена отъ произвола властей; свободы совѣсти онъ лишенъ; оглашеніе въ собраніяхъ и въ печати злоупотребленій и нарушеній закона въ управленіи строго преслѣдуется; значительная часть Россіи находится подъ дѣйствіемъ усиленной охраны, крайне тягостной для населенія и дающей полный просторъ широкому произволу администраціи; судъ стѣсненъ и ограниченъ въ дѣлѣ огражденія правды и закона. Такое положеніе дѣлъ создаетъ неисчислимыя бѣдствія населенію во всѣхъ проявленіяхъ его частной и обще-

ственной жизни и вызываетъ всеобщее недовольство. Черниговское губернское земское собраніе, пребывая въ твердомъ убѣжденіи, что водвореніе въ странѣ порядка, права и правды можетъ быть достигнуто единственно установленіемъ тѣснаго общенія Верховной Власти съ народомъ, всеподданнѣйше проситъ Ваше Величество услышать искреннее и правдивое слово Русской земли, для чего призвать свободно избранныхъ представителей земства и повелѣть имъ независимо и самостоятельно начертать проектъ реформъ, отвѣчающихъ столь близко имъ извѣстнымъ основнымъ нуждамъ русскаго населенія, и проектъ этотъ дозволить непосредственно представить Вашему Величеству". [1])

Наконецъ, въ ярославскомъ адресѣ выражалась увѣренность, что будутъ призваны выборные представители «къ общей работѣ на началахъ права и справедливости, — сближеніе Царя съ Его народомъ, объединеннымъ свободой слова и вѣроисповѣданій, большею равноправностью и личной неприкосновенностью».

Если мы припомнимъ теперь адреса и привѣтствія, полученныя петербургскимъ земскимъ совѣщаніемъ со всѣхъ частей Россіи и отъ различныхъ организацій, то не остается никакого сомнѣнія, что открытое выступленіе земцевъ 6—9 ноября 1904 года взволновало рѣшительно всю страну, и она, слѣдуя примѣру земцевъ, точно также *открыто* поддержала послѣднихъ, громогласно выставивъ чисто парламентарныя требованія.

Что же дѣлало правительство? Какъ реагировало оно на совершенно мирныя конституціонныя требованія, предъявленныя страною?

Его дѣятельность, съ одной стороны, напоминала неопытнаго кучера, который, то разгонитъ лошадей, то вдругъ на всемъ скаку ихъ останавливаетъ, а съ другой,—растерянность.

Въ самомъ дѣлѣ, совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей 6—9 ноября, хотя и безъ разрѣшенія, происходило не публично, но, какъ мы уже знаемъ, превосходно было извѣстно правительству. Между тѣмъ, на земскихъ собраніяхъ сплошь и рядомъ ставились преграды не только для принятія этихъ резолюцій, но не дозволялось упоминать о самомъ совѣщаніи, вслѣдствіе чего приходилось, какъ мы видѣли, устраивать «частныя» засѣданія, выступать отдѣльнымъ гласнымъ и т. д. А въ то же время на многолюдныхъ банкетахъ почти безпрепятственно утверждались земскія резолюціи и происходило «присоединеніе» къ совѣщанію земскихъ и городскихъ дѣятелей. Но верхомъ изумленія всей страны было опубликованіе 12 декабря двухъ совершенно уничтожающихъ одинъ другого актовъ. Это именно:

---

[1]) 6 декабря предсѣдатель черниговскаго земскаго губернскаго собранія, предводитель дворянства Мухановъ представилъ Его Императорскому Величеству по телеграфу означенное ходатайство. На этой телеграммѣ государемъ сдѣлана была надпись: „Нахожу поступокъ предсѣдателя черниговскаго губернскаго земскаго собранія дерзкимъ и безтактнымъ. Заниматься вопросами государственнаго управленія не дѣло земскихъ собраній, кругъ дѣятельности и правъ которыхъ ясно очерченъ закономъ". 27 декабря Мухановъ вышелъ въ отставку. Тоже сдѣлалъ и предсѣдатель черниговской губернской земской управы Свѣчинъ.

1) Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату 12 декабря 1904 года и 2) правительственное сообщеніе, помѣченное тѣмъ же числомъ.

Въ первомъ изъ нихъ говорилось:

„По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ предковъ Нашихъ, непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ Державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ народа отъ нерѣдко ошибочными и преходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій. *Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній.* Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ сочувствіемъ благомыслящей части Нашихъ подданныхъ, которая истинное преуспѣяніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ.

Во главѣ заботъ Нашихъ поставляя мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія, Мы усматриваемъ, что, согласно Нашимъ предуказаніямъ, дѣло это уже подвергается обсужденію: наряду съ подробнымъ на мѣстахъ разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ, нынѣ въ особомъ изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія совѣщаніи изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельскохозяйственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признанныхъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ обывателей“.

Обозрѣвая засимъ обширную область дальнѣйшихъ народныхъ потребностей, Мы, для упроченія правильнаго въ Отечествѣ Нашемъ хода государственной и общественной жизни, признаемъ неотложнымъ:

1) принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона,— важнѣйшей въ Самодержавномъ Государствѣ опоры Престола,—дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ; неисполненіе же неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія;

2) предоставить земскомъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ на однородныхъ основаніяхъ представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ

учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдованію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ небольшихъ по пространству участкахъ;

3) въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность;

4) въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже нами мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія;

5) пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности;

6) для закрѣпленія выраженаго Нами въ манифестѣ 26-го февраля 1903 г. неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную основными законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ иностраннымъ и иновѣрнымъ исповѣдованіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія;

7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа.

и 8) устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнить высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи.

Предуказывая на сихъ основаніяхъ рядъ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій, часть которыхъ по прежде даннымъ Нами указаніямъ подвергается уже предварительному изслѣдованію, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ, по разнообразію и важности сихъ преобразованій, признаемъ за благо установить самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго ихъ осуществленія. Въ ряду государственныхъ Нашихъ учрежденій задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ комитету министровъ; вслѣдствіе сего повелѣваемъ комитету министровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній Нашихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣйшемъ, въ установленномъ порядкѣ, направленіи подлежавшихъ мѣ-

ропріятій. О послѣдующемъ ходѣ разработки означенныхъ дѣлъ комитетъ имѣетъ Намъ докладывать.

Къ исполненію сего правительствующій сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе".

А въ правительственномъ сообщеніи, которое въ газетахъ печаталось рядомъ съ «указомъ», въ то же время говорилось нижеслѣдующее.

„Осенью текущаго года въ Петербургѣ происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимости, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформъ внутренняго управленія Имперіей. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшись возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ, преимущественно въ воспріимчивой средѣ молодежи,—въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить правительству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ основными законами Имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, при чемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ коренного измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не родины, а ея враговъ. Законный долгъ правительства ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни,—поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противуправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія управленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія, не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія".

Вслѣдъ за этимъ начались уже почти систематическія репрессіи.

И это въ разгарѣ того момента, когда чуть не вся страна была объята страстнымъ стремленіемъ къ избавленію отъ полицейско-бюрократическаго режима! Что должно было получится отъ шлюза, поставленнаго противъ широкаго и глубокаго, хотя еще совершенно мирнаго, въ смыслѣ требованій и пожеланій, освободительнаго теченія? Конечно, напоръ этого теченія неминуемо долженъ былъ уничтожить этотъ шлюзъ и вырваться уже, въ видѣ бурнаго, неудержимаго потока.

Такъ оно и случилось въ 1905 году.

* * *

Начало 1905 года ознаменовалась извѣстнымъ кровопролитіемъ въ Петербургѣ 9-го января. Событіе это произвела колоссальное впечатлѣніе во всей Россіи. Возбужденіе принимало весьма значительные размѣры.

18 февраля 1905 г. опубликованъ былъ Высочайшій указъ Сенату:

„Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія Имперіи признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышанными. Въ виду сего повелѣваемъ возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ совѣтъ министровъ, сверхъ дѣлъ, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія".

Въ тотъ же самый день опубликованъ былъ и Высочайшій рескриптъ, данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ, гофмейстера А. Г. Булыгина, смѣнившаго Святополкъ-Мирскаго.

Въ названномъ рескриптѣ говорилось нижеслѣдующее:

„Александръ Григорьевичъ! Вѣрные исконному обычаю народа русскаго нести къ Престолу изъявленія чувствъ своихъ во дни радости и печали, переживаемые отечествомъ, дворянскія и земскія собранія, купечество, городскія и крестьянскія общества со всѣхъ концовъ земли Русской принесли Мнѣ многочисленныя поздравленія по случаю радостнаго событія—рожденія Наслѣдника Цесаревича—съ выраженіемъ готовности пожертвовать своимъ достояніемъ дѣлу успѣшнаго завершенія войны и посвятить всѣ свои силы для содѣйствія Мнѣ въ усовершенствованіи государственнаго порядка. Отъ имени Ея Величества и Моего поручаю вамъ передать привѣтственно обращавшимся ко Мнѣ собраніямъ и обществамъ Нашу благодарность за выраженныя ими вѣрноподданническія чувства, которыя въ трудное переживаемое Нами время были Намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ этихъ обращеніяхъ готовность по слову Моему придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ Мною преобразованій всецѣло отвѣчаетъ душевному Моему желанію совмѣстной работой правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Моихъ предначертаній, ко благу народа направленныхъ. Преемственно продолжая царственное дѣло вѣнценосныхъ предковъ

Моихъ собираніе и устроеніе земли Русской, Я вознамѣрился отнынѣ съ Божьею помощью *привлекать достойнѣйшихъ довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній*. Соображая особыя условія обширнаго отечества Нашего, разноплеменный составъ его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ его частяхъ развитіе гражданственности, государи россійскіе въ мудрости своей всегда даровали необходимыя въ зависимости отъ назрѣвшихъ потребностей преобразованія лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающей неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залогъ прочности и устойчивости преобразованій въ будущемъ. И нынѣ, предпринимая сіе преобразованіе, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизнь *при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи*. А посему, хорошо зная многолѣтнюю административную Вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера Вашего, я признаю за благо учредить подъ Вашимъ предсѣдательствованіемъ особое совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли. Да благословитъ Господь сіе благое начинаніе Мое и да поможетъ вамъ исполнить оное успѣшно на благо Богомъ ввѣреннаго Мнѣ народа".

Такимъ образомъ создавалась учрежденіе только законосовѣщательное, т. е. такое, которое не могло удовлетворить общество.

Много большее значеніе имѣлъ указъ на имя сената, такъ какъ онъ, казалось, разрѣшалъ до нѣкоторой степени свободу слова, а слѣдовательно давалъ возможность открытаго обсужденія и рескрипта на имя Булыгина. Но бюрократія постаралась немедленно умалить значеніе этого акта. Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ губернаторамъ такого рода секретный циркуляръ, который сталъ извѣстенъ обществу только въ апрѣлѣ 1905 года.

„Основной смыслъ и значеніе Высочайшаго указа Правительствующему Сенату отъ 18 февраля сего года, какъ это ясно выражено въ воспослѣдовавшихъ одновременно съ нимъ Высочайшемъ манифестѣ и Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, состоитъ въ томъ, чтобы откровенное слово благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній обезпечило плодотворность предстоящихъ законодательныхъ работъ на истинную пользу народа. Такое первостепенной важности значеніе Высочайшаго указа 18 февраля сего года и тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, которыя ожидаются отъ примѣненія его, налагаетъ на всѣ мѣстныя власти непремѣнную обязанность оказывать содѣйствіе къ возможно полному осуществленію дарованнаго имъ населенію права. Между тѣмъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ дошло, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчалось затрудненіе при примѣненіи означеннаго указа, основанныя, повидимому, на недостаточномъ уясненіи точнаго смысла этого указа. Съ одной стороны, нѣкоторые губернаторы, основываясь на буквальномъ смыслѣ пункта 14 статьи 63 положенія о земскихъ учрежденіяхъ и п. 21 ст. 63 положенія городового, дозволяющихъ губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ представлять черезъ губернато-

ровъ высшему правительству ходатайства лишь о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, почитаютъ незаконнымъ обсужденіе означенными учрежденіями вопросовъ, выходящихъ за предѣлы мѣстныхъ нуждъ и пользъ. Съ другой стороны, означенныя общественныя учрежденія, разныя общества, дѣйствующія по особымъ уставамъ, а также частныя лица признаютъ возможнымъ организовываться въ собранія, съѣзды, комиссіи и т. д. для совмѣстнаго обсужденія вопроса о государственномъ благоустройствѣ. Независимо отъ сего, даже нѣкоторыя правительственныя учрежденія считаютъ себя вправѣ заявлять разныя пожеланія за силою указа 18-го февраля. Такой образъ дѣйствій, будучи несогласнымъ съ точнымъ смысломъ Высочайшаго указа 18 февраля сего года и существенно расширяя или ограничивая его примѣненіе, въ то же время не оправдывается и законами. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 18 февраля сего года, въ облегченіе всѣмъ вѣрноподданнымъ возможности быть съ высоты Престола услышанными, въ полной мѣрѣ предоставляется какъ частнымъ лицамъ, такъ и учрежденіямъ направлять свои виды и предположенія по вопросамъ общей пользы и нуждъ государственныхъ въ установленномъ порядкѣ на Высочайшее благовоззрѣніе. Этимъ уже само собою устанавливается право для земскихъ и городскихъ учрежденій подвергать своему обсужденію вопросы общегосударственнаго значенія. Всякія возможныя во время такого обсужденія уклоненія собраній отъ законами установленныхъ границъ, а равно и всякія попытки, пользуясь означеннымъ обсужденіемъ, угрожать государственному порядку и общественной безопасности, должны быть предупреждаемы и пресѣкаемы на точномъ основаніи существующихъ на этотъ счетъ правилъ, но отнюдь не должны считаться поводомъ къ запрещенію самаго обсужденія. Не усматривая также никакихъ данныхъ и для того, чтобы воспретить существующимъ ученымъ, просвѣтительнымъ и инымъ обществамъ, дѣйствующимъ согласно утвержденнымъ надлежащею властью уставамъ, подвергать своему обсужденію вопросы общегосударственнаго значенія, хотя бы такого рода обсужденіе не входило въ предметъ непосредственнаго вѣдѣнія означенныхъ обществъ. Подобныя воспрещенія имѣли бы своимъ слѣдствіемъ нарушеніе силы и значеніе Именного указа отъ 18 февраля сего года, цѣлью коего именно и является стремленіе облегчить возможность всѣмъ вѣрноподданнымъ способствовать усовершенствованію благоустройства и народнаго благосостоянія. Не отмѣняя дѣйствующихъ законовъ и лишь даруя въ дополненіе къ нимъ рядъ существенныхъ облеченій, *Именной указъ отъ 18-го февраля сего года вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть толкуемъ, какъ основаніе для земскихъ и городскихъ учрежденій, а равно и для различныхъ Обществъ возбуждать какія либо ходатайства по предметамъ, непосредственно до ихъ вѣдѣнія не относящимся.* Виды и предположенія, Именнымъ указомъ отъ 18-го февраля сего года предусматриваемые, имѣя своимъ назначеніемъ уяснить высшему правительству стремленіе, пожеланіе и общее направленіе мыслей различныхъ сословныхъ и общественныхъ группъ, не являются еще однозначущими съ ходатайствами, для которыхъ въ соотвѣтствующихъ законоположеніяхъ установлены особые предѣлы и особый порядокъ направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ *Именнымъ указомъ* отъ 18 февраля с. г. *не представляется*, въ отмѣну ст. ст. 111, 112 и 116 устава о пред. и пресѣч. прест., *самовольно образовывать какія либо общества, собранія и сборища*, но подъ понятіе таковыхъ не должно подойти *совмѣстное обсужденіе частными лицами* видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и

улучшенія благосостоянія, какъ скоро это совѣщаніе *не носитъ характера многолюдныхъ сборищъ, а тѣмъ болѣе публичныхъ, нарушающихъ общественное спокойствіе.*

Въ виду этого и озабочиваясь необходимостью установить однообразное во всей Имперіи примѣненіе Именного указа отъ 18 февраля с. г., министръ внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгинъ вошелъ въ совѣтъ министровъ со своими по этому поводу предположеніями. Нынѣ, по одобреніи ихъ, губернаторомъ и градоначальникомъ предлагается принять къ руководству и неукоснительному исполненію слѣдующія правила:

Не препятствуя существующимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ, а равно и обществамъ, дѣйствующимъ на основаніи уставовъ, подлежащею властью утвержденныхъ, подвергать своему обсужденію и предположеніе по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, *надлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть наблюденіе, чтобы обсужденіе это, ни въ чемъ не противорѣча началу незыблемости основныхъ законовъ Имперіи,* велось въ составѣ, установленномъ для означенныхъ учрежденій и обществъ соотвѣтствующими законами, причемъ постановленія, которыя могли бы явиться въ послѣдствіе такого обсужденія, должны быть направляемы въ совѣтъ министровъ. Этимъ ни въ какой мѣрѣ не ослабляется значеніе и сила всѣхъ тѣхъ законоположеній, которыя устанавливаютъ предѣлы, формы и порядокъ направленія ходатайствъ по мѣстнымъ или спеціальнымъ пользамъ и нуждамъ (п. 14 ст. 63 полож. о земск. учр. и п. 21 ст. 63 гор. пол.).

Сообразно сего въ занятіяхъ земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ учрежденій могутъ принимать участіе лишь лица, входящія въ составъ означенныхъ учрежденій, а не должно быть допускаемо, какъ это имѣли мѣсто въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, приглашеніе къ участію въ обсужденіи означенныхъ вопросовъ разныхъ постороннихъ лицъ и даже всѣхъ желающихъ. Предсѣдательствующіе въ засѣданіи сихъ учрежденій, не имѣютъ права допускать разсмотрѣніе вопросовъ, по содержанію своему не соотвѣтствующихъ предуказаннымъ съ высоты Престола преобразованіямъ, *а тѣмъ болѣе стремящихся подорвать силу и значеніе основныхъ законовъ Имперіи. Въ случаѣ нарушенія предсѣдательствующими своихъ въ этомъ смыслѣ обязанностей, они неукоснительно должны быть привлекаемы къ законной отвѣтственности.*

Надлежитъ также имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы общества, дѣйствующія на основаніи особыхъ, подлежащей властью утвержденныхъ уставовъ, не иначе обсуждали виды и предположенія, Именнымъ указомъ отъ 18 февраля с. г. предусматриваемые, какъ *въ закрытыхъ засѣданіяхъ*, т. е. въ составѣ лишь своихъ членовъ, такъ какъ публичность засѣданій можетъ быть допускаема только при обсужденіи дѣлъ, уставомъ общества предусмотрѣныхъ. Сообразно съ этимъ и всѣ постановленія общества въ закрытыхъ засѣданіяхъ принятыя, *не подлежатъ опубликованію.* Не разрѣшая, въ нарушеніе ст. 111, 112 и 116 уст. о пред. и пресѣч. прест., сходбищъ, собраній или самовольно образуемыхъ обществъ, подлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду, что само по себѣ совмѣстное обсужденіе частными лицами видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, не должно быть затрудняемо, если въ таковыхъ собраніяхъ по ихъ многолюдству или по особымъ условіямъ, сопровождавшимъ

ихъ занятія, *не будетъ усмотрѣно опасности,* возможныхъ вслѣдствіе сего нарушенія общей тишины и спокойствія.

Всѣ правительственныя учрежденія и должностныя лица, имѣющія строго опредѣленныя служебныя обязанности, не могутъ быть признаваемы тѣми лицами и учрежденіями, которымъ Высочайшимъ указомъ 18 февраля с. г. предоставлено право обращаться съ заявленіемъ на Высочайшее Имя".

Нужно ли говорить, что приведенный циркуляръ министра, который строго сталъ примѣняться, съ одной стороны, совершенно дискредитировалъ «булыгинскую конституцію», а съ другой—повлекъ за собою рядъ жестокихъ конфликтовъ, такъ какъ члены обществъ и различныя организація, не взирая на правительственные приказы, продолжали собираться, совѣщаться и выносить резолюціи, шедшія совершенно въ разрѣзъ съ требованіями бюрократіи.

Такъ, 12 марта 1905 года была опубликована записка собравшихся въ Петербургѣ дѣятелей по народному образованію, въ которой народные учителя, учительницы и лица, близко стоящія къ дѣлу просвѣщенія народа, требовали:

„1) согласованія всѣхъ типовъ школъ такъ, чтобы общеобразовательныя школы высшаго типа составляли непосредственное продолженіе школы низшаго типа; 2) введенія всеобщаго и безплатнаго обученія; 3) установленія свѣтскаго, общеобразовательнаго характера школъ съ свободнымъ преподаваніемъ на родномъ языкѣ мѣстнаго населенія; 4) предоставленія завѣдыванія дѣломъ народнаго образованія общественнымъ учрежденіямъ съ представителями отъ учителей.

Такая реформа будетъ имѣть успѣхъ только при условіи цѣлаго ряда существенныхъ мѣропріятій для поднятія экономическаго благосостоянія трудящихся классовъ. Для осуществленія всего вышеизложеннаго необходимы: 1) полная гарантія неприкосновенности личности и жилища, 2) свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, собраній и союзовъ. Существующіе органы власти не въ состояніи провести требуемыя жизнью измѣненія, и поэтому самой насущной потребностью настоящаго момента является созывъ народнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности, и вѣроисповѣданія, при условіи немедленной отмѣны положенія объ усиленной охранѣ и амнистіи пострадавшимъ за политическія и религіозныя убѣжденія".

Записка эта принята была и подписана 256 учителями и другими дѣятелями по народному образованію, но затѣмъ къ ней стали присоединяться еще новыя лица и уже 27 марта подъ запиской было 400 подписей. Въ апрѣлѣ 1905 г. въ Москвѣ, на состоявшемся частномъ съѣздѣ педогоговъ и дѣятелей по народному образованію, на которомъ участвовали представители 30 губерній, были выработаны основанія и проекъ всероссійскаго учительскаго союза, имѣвшаго не только профессіональныя, но и политическія цѣли.

На съѣздѣ журналистовъ столичныхъ и провинціальныхъ органовъ, состоявшемся 3—4 марта 1905 года, въ Петербургѣ; на съѣздѣ присяжныхъ повѣренныхъ и инженеровъ, осуществившихся одновременно, было заявлено о необходимости созыва представителей на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, о свободахъ и т. д.

На банкетѣ, состоявшемся въ Архангельскѣ 12 марта было постановлено: 1) созывъ учредительнаго собранія изъ народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ; 2) немедленное дарованіе свободы слова, печати, собраній и неприкосновенности личности; 3) амнистія всѣмъ пострадавшимъ за политическія убѣжденія; 4) прекращеніе войны. Резолюцію за подписями присутствующихъ на банкетѣ рѣшено было послать на имя предсѣдательствующаго комитета министровъ.

20-го марта осуществилось въ Москвѣ «холерное» засѣданіе Пироговскаго общества, не разрѣшенное 19 го марта, когда градоначальникъ предъявилъ такого содержанія бумагу:

„Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціей, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Рыдзевскій, въ виду полученныхъ у него свѣдѣній о томъ, что устроители назначеннаго на 21—24 марта въ Москвѣ правленіемъ этого общества съѣзда врачей для выработки мѣръ борьбы съ холерой намѣриваются воспользоваться таковымъ для производства противоправительственныхъ демонстрацій и произнесеніе ряда рѣчей недопустительнаго содержанія, сообщилъ мнѣ, что означенный съѣздъ разрѣшенъ быть не можетъ".

Тогда врачи послали телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ, который и разрѣшилъ съѣздъ. Съѣздомъ приняты были политическія резолюціи, требовавшія созыва выборныхъ представителей на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, осуществленія свободъ и т. д. По этому поводу были запрещены 2 книжки «журнала» общества и возникло цѣлое дѣло, прекращенное, впрочемъ, въ слѣдующемъ году.

Съѣздъ агрономовъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей экономической помощи населенію, состоявшійся 25—28 марта 1905 года, при обсужденіи условій своей дѣятельности, прежде всего пришелъ къ заключенію, что ихъ работа не можетъ быть нормально направлена при настоящихъ условіяхъ общественно-политическаго и хозяйственнаго состоянія страны.

„Въ странѣ началось революціонное движеніе, вызванное попираніемъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ населенія. Налоговое бремя, падающее наибольшею своего тяжестью на крестьянъ, и высокія арендныя платы истощили производительныя силы крестьянства. Полное безправіе, невѣжество и нищета, въ которыя ввергнута масса населенія современнымъ бюрократическимъ режимомъ, мѣшали и мѣшаютъ развитію народнаго хозяйства и поставили его въ безвыходное положеніе. Современное правительство, подавляя всякую самостоятельность, препятствуя организаціи народнаго представительства на началахъ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія, мѣшаетъ разрѣшенію этого кризиса законодательнымъ путемъ. Такое положеніе вещей приводитъ къ тому, что революціонное движеніе и, прежде всего, крестьянское выливается въ форму стихійныхъ, разрушительныхъ бунтовъ, которые грозятъ анархіей гражданской войны. Въ виду этого съѣздъ полагаетъ необходимымъ:

1) Замѣну самодержавнаго бюрократическаго режима свободно-демократическимъ строемъ, для каковой цѣли необходима немедленная организація

учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ ограниченія пола, національности и вѣроисповѣданія.

2) При немедленномъ уничтоженіи положенія объ усиленной охранѣ—полную неприкосновенность личности и частнаго жилища, свободу слова, печати, вѣроисповѣданій, передвиженій, собраній, союзовъ, стачекъ и освобожденіе всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія,—при каковомъ условіи единственно возможно правильное представительство всего народа въ учредительномъ собраніи.

Проектъ аграрной реформы.

1. Для наемныхъ рабочихъ всѣхъ сферъ труда долженъ быть установленъ 8-ми часовой рабочій день, минимумъ выработанной платы, государственное страхованіе—на началахъ самоуправленія, страхованіе отъ болѣзней, старости, инвалидности и безработицы, нормировка рабочаго времени подрядовъ и вообще широкое законодательство для охраны интересовъ трудящихся классовъ.

2. Финансовую политику реорганизовать на началахъ замѣны косвенныхъ налоговъ прогресивнымъ подоходнымъ, а также прогресивнымъ реальнымъ налогомъ, съ отмѣнной выкупныхъ платежей и недоимокъ.

3. Немедленное прекращеніе настоящей губительной войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ высказываетъ увѣренность, что все русское общество въ настоящее время не можетъ возлагать никакихъ надеждъ на работающія нынѣ различныя правительственныя комиссіи.

Въ цѣляхъ проведенія въ жизнь программы, изложенной въ настоящей резолюціи, и активнаго участія въ происходящемъ народномъ движеніи за политическое освобожденіе и экономическія реформы, съѣздъ призналъ необходимымъ организовать союзъ агрономовъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей экономической помощи населенію.

Курское общество содѣйствія народному образованію въ общемъ собраніи 2 апрѣля 1905 г., указавъ на бѣдствія переживаемыя страною, высказало взглядъ, что единственнымъ выходомъ оно считаетъ—скорѣйшій созывъ народныхъ представителей, избранныхъ всеобщимъ и равнымъ для всѣхъ голосованіемъ, для осуществленія коренныхъ реформъ.

Въ Москвѣ, въ первой половинѣ мая 1905 г., 14 делегатовъ отъ различныхъ союзовъ, образовали объединенную организацію союзовъ, подъ названіемъ «Союзъ Союзовъ», куда вошли, между прочимъ,—земскіе дѣятели, доктора, фармацевты, адвокаты, журналисты, инженеры, ветеринары, педагоги, профессора, женщины, агрономы, бухгалтеры, конторщики, евреи, желѣзнорожники.

29 апрѣля 1905 года въ собраніи служащихъ воронежскаго губернскаго земства былъ принятъ проектъ организаціи всероссійскаго профессіональнаго союза служащихъ въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Проектъ этотъ разосланъ былъ во всѣ уѣздныя земства Воронежской губерніи для организаціи уѣздныхъ союзовъ, послѣ чего предполагался губернскій съѣздъ, чтобы выбрать на немъ делегатовъ и путемъ сношеній съ другими губерніями, гдѣ вопросъ этотъ въ то время разрабатывали, созвать первый всероссійскій съѣздъ служащихъ въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Въ апрѣлѣ 1905 г. было опубликовано слѣдующее заявленіе женщинъ земскому совѣщанію. „Цѣлымъ рядомъ общественныхъ бѣдствій Россія дошла до сознанія необходимости ликвидаціи стараго строя. Мы наканунѣ важныхъ коренныхъ реформъ. Россіи предстоитъ положить въ основу своего обновленія принципъ равноправности. Влагая всѣ свои надежды на торжество этого принципа, мы увѣрены, что земство и городъ, сумѣвшія за 40 лѣтъ гоненія сохранить неприкосновенность своихъ идеаловъ, поддержатъ идею справедливости и въ вопросѣ женской правоспособности. До сихъ поръ женщина могла мириться съ недочетомъ своего положенія и находить объясненіе своей безправности въ безправности всѣхъ. Но теперь, наканунѣ переоцѣнки общихъ правъ, она не должна молчать. Она имѣетъ право стоять рядомъ со всѣми и требовать признанія своей равноправности, тѣмъ болѣе, что сама жизнь уже доказала ея работоспособность. Мы твердо надѣемся, что наступитъ время для нашей родины, когда иниціатива и энергія всѣхъ гражданъ получатъ возможность примѣненія. Пора устранить ненормальность правового положенія женщины, ограничивающую ее даже въ имущественныхъ правахъ. Неся повинности и платя налоги, она не имѣетъ голоса въ ихъ назначеніи и распредѣленіи и лишена возможности приносить ту пользу родинѣ, на которую чувствуетъ себя способной. Поэтому, твердо вѣруя въ силу общественнаго мнѣнія и въ чувство справедливости, присущее прогрессивнымъ элементомъ русскаго народа, нижеподписавшіяся (1208 подписей) заявляютъ требованія, чтобы, при предстоящемъ пересмотрѣ земскаго и городового положеній, женщинамъ было предоставлено активное и пассивное избирательное право въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи“.

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть, что, какъ мы сказали, общество игнорировало запрещенія правительства. Земцы тѣмъ болѣе, продолжали дѣлать то, что они находили нужнымъ, не обращая вниманія на бюрократическіе приказы.

Къ концѣ февраля 1905 года въ Москвѣ происходили совѣщанія конституціонной группы земскихъ дѣятелей, съѣхавшихся въ Москву изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Тогда же происходили совѣщанія и городскихъ дѣятелей [1]). На земскихъ совѣщаніяхъ обсуждался прежде всего вопросъ о предстоящей организаціи народнаго представительства, и было признано, что оно должно быть организовано на началахъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права. При двухпалатной системѣ, причемъ вторая палата состояла бы изъ представителей реформированныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій. Меньшинство высказалось за двухстепенные выборы, признавая, однако въ остальныхъ частяхъ формулу, принятую собраніемъ. Оживленныя пренія вызвали вопросы объ отношеніи къ совѣщанію, образованному на основаніи Высочайшаго рескрипта 18 февраля подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина. Собраніе пришло къ заключенію, что участіе въ этомъ совѣщаніи выборныхъ отъ земства и представителей существующихъ общественныхъ учрежденій

---

[1]) Результатомъ этого совѣщанія были впослѣдствіи энергичныя петиціи нѣкоторыхъ городскихъ думъ, не только требовавшихъ всеобщаго (равнаго, прямого и тайнаго) голосованія, но даже и учредительнаго собранія. Наиболѣе крайне были настроены города Кавказа.

и прежде всего значительныхъ городовъ необходимо для правильнаго освѣщенія и разрѣшенія задачи совѣщанія; въ виду этого значительное большинство присутствовавшихъ примкнуло къ мысли обратиться съ соотвѣтствующей петиціей въ совѣтъ министровъ на основаніи указа Сенату 18-го февраля. Наконецъ, особенно серьезное вниманіе земскихъ дѣятелей остановилъ на себѣ аграрный вопросъ. Признавъ первостепенную важность послѣдняго и настоятельную необходимость широкой реформы въ этомъ отношеніи, собраніе приняло слѣдующія положенія:

1) Государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь должно распространяться и на область аграрныхъ отношеній. 2) Правильная постановка аграрнаго законодательства обусловливается кореннымъ преобразованіемъ государственнаго строя Россіи на началахъ всеобщаго избирательнаго права. 3) Предстоящая реформа должна быть построена на слѣдующихъ началахъ: I) улучшеніе экономическаго положенія земледѣльческаго класса путемъ обязательнаго выкупа изъ частновладѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ въ интересахъ малоземельныхъ группъ разныхъ категорій. II. Признаніе государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ и части удѣльныхъ земель; увеличеніе этого фонда путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель и эксплоатаціи его въ интересахъ трудящагося населенія. III. Упорядоченіе условій арендъ путемъ государственнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія. IV Образованіе общественно государственныхъ посредническихъ комиссій для проведенія въ жизнь аграрныхъ мѣропріятій, согласно вышеуказанныхъ началамъ. V. Правильная постановка на широкихъ началахъ переселенія и разселенія, облегченіе пользованія различными видами кредита, реформа крестьянскаго банка и содѣйствіе кооперативнымъ предпріятіямъ. VI. Коренной пересмотръ межевого законодательства въ видахъ облегченія ускоренія и удешевленія размежеванія земель, уничтоженія черезполосицы частновладѣльческихъ и надѣльныхъ земель, обмѣна участковъ и т. д. [1]).

Въ апрѣлѣ 1905 года въ Москвѣ состоялся особый аграрный съѣздъ земствъ, работавшій подъ предсѣдательствомъ И. П. Петрункевича и при участіи: Кн. Петра и Павла Дмитріевичей Долгоруковыхъ, проф. И. В. Лучицкаго, Ѳ. И. Родичева, гр. Хребтовича-Бутенева, проф. Бажанова, Н. А. Каблукова, г. Вихляева, проф. В. М. Хвостова, проф. В. И. Вернадскаго, Ю. А. Новосильцева, А. А. Корнилова, проф. кн. Е. Н. Трубецкого, гр. С. Л. Толстого, проф. А. А. Мануилова, кн. Д. И. Шаховского, г. Яновскаго, С. Н. Прокоповича, А. М. Колюбакина, А. А. Кауфмана, Ф. В. Татаринова, проф. А. А. Васильева, проф. П. Н. Милюкова, г. Завойко, проф. В. Э. Дена, Ю. А. Спасскаго, А. А. Зубрилина, проф. кн. С. Н. Трубецкого, г. Анисимова, Д. Д. Плетнева, Кн. Н. С. Волконскаго, проф. М. Е. Герценштейна, Н. Н. Шейкина и другихъ. Заслушавъ доклады: Кн. Петра Д. Долгорукова—«Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія», А. Ф. Фортунатова—«аграрное законодательство въ Авст-

[1]) Въ мартѣ мѣсяцѣ состоялся III й съѣздъ „Союза Освобожденія". Объ этомъ съѣздѣ, какъ и о IV-мъ, августовскомъ, мы будемъ говорить ниже, связавъ эти съѣзды съ учредительнымъ октябрьскимъ собраніемъ конституціонно-демократической партіи.

раліи», А. А. Кауфмана—«о переселеніяхъ», М. Я. Герценштейна—«о крестьянскомъ банкѣ», и «о выкупной операціи» А. А. Мануилова и А. А. Чупрова—«о дополнительномъ надѣленіи землею», В. Э. Дена—«о земельно-устроительныхъ комиссіяхъ» и И. А. Иверова—«о межевомъ дѣлѣ»,—съѣздъ принялъ слѣдующія резолюціи:

1) Широкая аграрная реформа представляетъ въ настоящее время насущную и неотложную государственную потребность, удовлетвореніе которой возможно только подъ условіемъ коренного преобразованія государственнаго строя Россіи, и должно составлять одну изъ первыхъ задачъ народнаго представительства. Эта реформа столько же необходима въ цѣляхъ дѣйствительнаго и прочнаго умиротворенія страны, сколько и въ интересахъ развитія ея культурныхъ и производительныхъ силъ и, въ частности, агрикультурнаго прогресса, 2) въ ряду вопросовъ, разъясненіе которыхъ необходимо для проведенія широкой аграрной реформы, настоящій съѣздъ остановился на выясненіи одного изъ наиболѣе коренныхъ и наиболѣе достойныхъ для законодательнаго разрѣшенія въ ближайшее время,—вопроса о малоземельѣ крестьянъ. Само собою разумѣется, этимъ нисколько не устраняется необходимость постановки и разрѣшенія вопросовъ о другихъ сторонахъ аграрной реформы, объ увеличеніи производительности и поднятіи техники сельскаго хозяйства, объ отношеніи аграрной реформы къ податной, къ формамъ землевладѣнія и землепользованія и т. д. Въ частности съѣздъ вполнѣ признаетъ необходимость коренной реформы финансовой и экономической политики, съ цѣлью отмѣны выкупныхъ платежей и пониженія налогового бремени трудящихся массъ, извѣстные въ экономической литературѣ проекты націонализаціи земли (Генри Джорджа и др.) въ настоящее время не могутъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи, 3) существенный подъемъ благосостоянія сельскаго населенія, такъ-же какъ и агрикультурный прогрессъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, усовершенствованіе техники земледѣлія и повышеніе продуктивности почвы встрѣчаютъ непобѣдимое препятствіе прежде всего въ крестьянскомъ малоземельѣ, устраненіе котораго и должно быть ближайшей задачей поземельной политики. Сказаннымъ не только не намѣчается, но, напротивъ, выдвигается на первый планъ вопросъ о широкой постановкѣ политики содѣйствія развитію сельско-хозяйственной культуры, 4) возможность широкаго переселенія на государственныя земли исключается недостаткомъ свободныхъ земель, годныхъ для выходцевъ изъ мѣстностей, наиболѣе нуждающихся въ разрѣшеніи населенія. Переселеніе поэтому не можетъ ни устранить, ни отсрочить необходимости въ болѣе коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства, 5) Крестьянскій банкъ при современной его организаціи на началахъ коммерческаго учрежденія не можетъ открыть выхода изъ аграрныхъ затрудненій, въ которыхъ находится страна въ настоящее время, такъ какъ расширеніе дѣятельности банка влечетъ за собою земельную спекуляцію и непомѣрное возрастаніе покупныхъ цѣнъ, 6) аграрная политика, имѣющая цѣлью расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, можетъ быть планомѣрно развита только при условіи дополнительнаго надѣла. Та же политика должна быть положена въ основу мѣръ, направленныхъ къ поземельному устройству всѣхъ разрядовъ безземельнаго населенія, ведущаго самостоятельное земледѣльческое хозяйство (на арендѣ), 7) фондомъ для дополнительнаго надѣла должны служить не только государствен-

ныя земли, но и земли другихъ владѣльцевъ (удѣльныя, монастырскія, и частновладѣльческія), такъ какъ лишь при ихъ условіи выкупа даже частновладѣльческихъ земель поземельная реформа можетъ дать ощутительные результаты, 8) частновладѣльческія земли, поступающія въ пользованіе крестьянъ при дополнительномъ надѣленіи ихъ, должны быть выкуплены государствомъ и подлежатъ занесенію въ государственный земельный фондъ, для отвода крестьянамъ на основаніяхъ, которыя будутъ впослѣдствіи установлены, 9) съ финансовой точки зрѣнія пректируемая выкупная операція представляется выполнимой безъ особаго финансоваго напряженія въ виду задолженности частнаго землевладѣнія, 10) для проведенія перечисленныхъ выше мѣропріятій необходимо учрежденіе особыхъ, государственно-общественныхъ, поземельно-устроительныхъ комиссій, 11) для прочнаго улучшенія экономическаго благосостоянія деревни такъ-же, какъ и въ интересахъ развитія и усовершенствованія земледѣлія, помимо дополнительной прирѣзки земли земледѣльцамъ, необходимо законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній въ цѣляхъ упроченія пользованія арендною землею, обезпеченіе правъ арендаторовъ на произведенныя ими, но не использованныя къ окончанію арендnаго срока, затраты, на улучшеніе и урегулированіе арендной платы на основаніяхъ, установленныхъ закономъ.

22—26 апрѣля 1905 года совѣщаніе земскихъ дѣятелей, въ Москвѣ, продолжая работу петербургскаго совѣщанія 6—9 ноября 1904 года [1]), на основаніи установленныхъ имъ началъ и въ твердомъ убѣжденіи, что лишь правильное участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, установленіи государственнаго бюджета и въ контролѣ надъ дѣятельностью администраціи можетъ не только создать прочный правовой порядокъ, но и обезпечить успѣшное проведеніе мѣропріятій, настоятельно необходимыхъ для поднятія народнаго благосостоянія, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

А. По вопросу объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи и о порядкѣ введенія въ жизнь представительныхъ учрежденій.

1) Въ организаціи народнаго представительства Россійской Имперіи не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни такъ называемое представительство интересовъ (т. е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ или группъ населенія).

2) Въ основу будущей постоянной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи должны быть положены слѣдующія начала:

а) Необходимы выборы представителей отъ населенія путемъ всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ.

б) Вышеозначенные выборы отъ населенія должны быть прямые, т. е.

---

[1]) Представителямъ этого совѣщанія было объявлено, что ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ собираться имъ не разрѣшено, такъ какъ земцы не спрашивали разрѣшенія, а предсѣдатель московской губернской земской управы А. Ѳ. Головинъ, по требованію градоначальника, былъ привлеченъ къ отвѣтственности „за незаконный созывъ общеземскаго съѣзда".

представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право.

в) Наряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія (палатой народныхъ представителей), должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россійскую Имперію органовъ мѣстнаго самоуправленія.

г) Обѣ палаты должны быть равноправны.

3) Мнѣніе большинства (71 голосъ). Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (37 голосовъ). Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, тайнаго, но двухстепеннаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (17 голосовъ). Первые выборы въ представительное собраніе должны быть произведены:

а) въ земскихъ губерніяхъ—губернскими земскими собраніями, пополненными представителями крестьянскаго населенія и рабочихъ тамъ, гдѣ развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнѣйшихъ городовъ, пополненными представителями городского рабочаго класса и высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій;

б) въ внѣземскихъ губерніяхъ (9 губерній Западнаго края, Область Войска Донского, Прибалтійскія, Привислянскія губерніи) должны быть введены коллегіи на началахъ, на коихъ организованы земскія учрежденія;

в) примѣненіе къ остальнымъ окраинамъ общаго избирательнаго закона должно составить предметъ занятій перваго собранія народныхъ представителей съ привлеченіемъ делегатовъ отъ этихъ окраинъ.

4) Никакое правильное представительное собраніе, однако, невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ предоставлены населенію неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраній, и пока не будутъ повсемѣстно отмѣнены положеніе объ усиленной охранѣ, а также административная карательная власть земскихъ начальниковъ и сельскаго и волостного начальства.

5) Только немедленный созывъ народнаго представительства съ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти можетъ привести къ мирному и правильному разрѣшенію насущныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ вопросовъ современной жизни Россіи.

6) Если окажется, что представители Земства и городовъ могутъ участвовать въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина по выбору общественныхъ учрежденій, а не по приглашенію правительства, и при томъ на равныхъ правахъ съ правительственными членами совѣщанія и если участіе въ выборахъ такихъ представителей будетъ предоставлено всѣмъ Губернскимъ Земскимъ Собраніямъ, то желательно, чтобы они участвовали въ совѣщаніи во всѣхъ стадіяхъ его дѣятельности. Въ противномъ случаѣ общественнымъ дѣятелямъ лучше было бы уклониться отъ участія въ этомъ совѣщаніи. Но и при участіи общественнаго элемента дѣятельность совѣщанія

можетъ быть лишь тогда плодотворна, если она будетъ доступна самой широкой гласности.

7) Задача особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина должна заключаться въ выработкѣ: а) порядка избранія представителей въ первое представительное собраніе, которое должно имѣть право участія въ осуществленіи законодательной власти, б) общихъ условій, необходимыхъ для производства свободныхъ выборовъ, а именно: отмѣны положенія о мѣрахъ къ охранѣ государственнаго порядка и спокойствія отъ 14 Августа 1881 года, широкой политической амнистіи, отмѣны дискреціонной власти надъ крестьянами земскихъ начальниковъ и волостного и сельскаго начальства, установленія права собраній и союзовъ и права свободнаго выраженія мысли путемъ слова и печати.

8) Главной задачей перваго представительнаго собранія должно быть не столько законодательство по частнымъ вопросамъ, сколько установленіе государственнаго правопорядка.

Б. По вопросу объ участіи земскихъ дѣятелей въ правительственныхъ комиссіяхъ.

9) Совѣщаніе, признавая что въ настоящее время бюрократическая законодательная работа совершенно безплодна и нежелательна, полагаетъ, что земскимъ дѣятелямъ надлежитъ относиться отрицательно къ участію въ правительственныхъ комиссіяхъ и въ частности въ комиссіи по пересмотру земскаго положенія.

10) Совѣщаніе, относясь отрицательно къ возможности организовать борьбу съ холерой на основаніи правилъ 11 Августа 1903 года, находитъ необходимымъ настаивать на немедленной пріостановкѣ, а затѣмъ и отмѣнѣ этихъ правилъ. Всѣ мѣропріятія и работа по борьбѣ съ холерой должны быть сосредоточены въ рукахъ органовъ общественнаго самоуправленія, коимъ по закону вмѣнена обязанность заботиться о народномъ здравіи вообще и борьба съ заразными болѣзнями въ частности.

11) Совѣщаніе признаетъ невозможнымъ для общественныхъ дѣятелей принимать участіе во временныхъ уѣздныхъ комиссіяхъ, учреждаемыхъ на основаніи Высочайшаго указа отъ 10 Апрѣля 1905 года о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ, торгово-промышленныхъ заведеній и проч. крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ самая организація въ этихъ комиссіяхъ разбирательства дѣла и вознагражденія потерпѣвшихъ находится въ противорѣчіи съ принципомъ права, требующимъ безпристрастнаго рѣшенія законнаго суда, не соотвѣтствуетъ нравственнымъ понятіямъ многихъ лицъ и вызоветъ не успокоеніе населенія, а новое обостреніе классовыхъ интересовъ. Для правильнаго и мирнаго разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности участниковъ вышеозначенныхъ безпорядковъ необходимо немедленное упраздненіе названныхъ комиссій и передача подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ общимъ судебнымъ установленіямъ [1]).

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ пояснить, что 10 апрѣля 1905 года опубликованъ былъ именной Высочайшій указъ объ образованіи министромъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ произошли аграрные безпорядки, уѣздныхъ комиссій, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, а также приглашаемыхъ, 1-го

В. По вопросу о проведеніи въ жизнь вышеприведенныхъ положеній совѣщаніе постановило выразить слѣдующія пожеланія:

1) чтобы заключенія совѣщанія черезъ посредство бюро и членовъ совѣщанія были преданы возможно широкой гласности;

2) чтобы члены совѣщанія довели его заключенія до свѣдѣнія подлежащихъ земскихъ собраній;

3) чтобы губернскими и уѣздными земскими управами были приняты мѣры для ознакомленія мѣстнаго населенія съ содержаніемъ Высочайшаго указа 12 Декабря 1904 года и Высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18 Февраля 1905 г.;

4) чтобы въ ближайшемъ будущемъ были созваны губернскія земскія собранія для обсужденіи положенія дѣлъ, созданнаго Высочайшимъ рескриптомъ 18 Февраля 1905 года и для представленій о необходимости отмѣны указа 10 Апрѣля 1905 года о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ и торгово-промышленныхъ заведеній крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Изъ приведенныхъ заключеній явствуетъ, что въ земскихъ оппозиціонныхъ сферахъ въ 1905 году взгляды «Союза Освобожденія», сдѣлались не только господствующими теоретически, но, основываясь на нихъ, земское совѣщаніе уже проектировало составленіе соотвѣтствующей конституціи. Это обязательство произвело полный расколъ въ земской средѣ, и Д. Н. Шиповъ выработалъ собственный проектъ государственнаго переустройства, чтобы съ своими единомышленниками окончательно выдѣлиться въ особую земскую группу. Программа этой группы была такова.

I. Народное представительство должно быть организовано, какъ особое выборное учрежденіе—государственный земскій совѣтъ. II. Въ кругъ обязанностей государственнаго земскаго совѣта должны входить: а) разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ; б) обсужденіе государственнаго бюджета; в) разсмотрѣніе отчетовъ по исполненію государственной росписи и дѣятельности вѣдомствъ; сверхъ того, предоставляется государственному земскому совѣту возбужденіе вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ.

Примѣчаніе. Всѣ законопроекты, возникшіе какъ по правительственной иниціативѣ, такъ и по иниціативѣ государственнаго земскаго совѣта, по предварительной разработкѣ ихъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ, поступаютъ въ особое правительственное учрежденіе, которое и вноситъ ихъ въ окончательной формѣ на разсмотрѣніе государственнаго земскаго совѣта.

или 2-хъ, гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія. На эти комиссіи возлагались „выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и сочленныхъ сходовъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коимъ произведены разгромы и грабежи".

III. Государственному земскому совѣту должно быть предоставлено право запроса министровъ, но министры отвѣтственны не передъ народнымъ представительствомъ, а передъ Государемъ.

IV. Предсѣдатель государственнаго земскаго совѣта утверждается Государемъ изъ избранныхъ совѣтомъ кандидатовъ, и всѣ мнѣнія совѣта докладывается государю предсѣдателемъ совѣта.

V. Народное представительство должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія, причемъ послѣднее должно быть распространено по возможности на всѣ части Россійской Имперіи.

VI. Русскій государственный строй представляется въ слѣдующемъ развитіи: мелкія земскія единицы и уѣздные города, объединенные въ уѣздныхъ земствахъ, уѣздныя земства и губернскіе города—въ губернскихъ земствахъ, губернскія земства и города съ населеніемъ свыше установленной нормы—въ государственномъ земскомъ совѣтѣ.

VII. Представительство въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія должно быть организовано не на сословныхъ началахъ, и къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи должны быть привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго самоуправленія.

Однако, скоро послѣ московскаго апрѣльскаго совѣщанія послѣдовали такія событія, что освобожденцамъ и шиповцамъ пришлось еще разъ встрѣтиться въ общемъ дѣлѣ. [1]).

Но прежде чѣмъ говорить объ этой встрѣчѣ, считаемъ нужнымъ показать, какъ реагировали на описанныя нами событія тѣ земства, въ которыхъ состоялись весною экстренныя собранія.

Вятское чрезвычайное губернское земское собраніе, въ засѣданіи 15 марта 1905 г. выработало петицію на Высочайшее имя, въ которой указывало на необходимость «немедленнаго созыва свободно избранныхъ народныхъ представителей для правильнаго участія въ законодательствѣ», и для скорѣйшаго осуществленія этой реформы—«созывъ избранныхъ представителей отъ существующихъ общественныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, какъ полноправныхъ членовъ, въ особое совѣщаніе, образованное подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, которое должно происходитъ «при гласномъ обсужденіи вопросовъ». Необходимо одновременно осуществить свободу печати, слова, собраній и обезпеченіе неприкосновенности личности съ отвѣтственностью только по суду.

Чрезвычайное Ярославское губернское земское собраніе, состоявшееся 27—28 марта 1905 г., постановило представить адресъ на имя Государя, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

---

[1]) Послѣ апрѣльскаго земскаго совѣщанія въ Москвѣ образовались и еще двѣ партіи: 1) монархическая, организовавшаяся, изъ подражанія земцамъ, ячочнымъ порядкомъ, причемъ при редакціи „*Московскихъ Вѣдомостей*“ было учреждено бюро и 2) политическая группа подъ предсѣдательствомъ (бывшаго либерала и даже тульскаго земскаго статистика) звенигородскаго предводителя дворянства гр. П. С. Шереметева съ такою программою: а) незыблемность и неприкосновенность самодержавія; б) содѣйствіе реформамъ, объявленныхъ—въ манифестѣ 12 декабря и въ рескриптѣ 18 февраля в) противодѣйствіе всѣми способами всѣмъ другимъ партіямъ, имѣющимъ иныя политическія цѣли и задачи.

„Губернское собраніе полагаетъ, что для правильнаго направленія занятій особаго совѣщанія, учрежденнаго по рескрипту отъ 18 февраля 1905 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ для установленія порядка привлеченія достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, а также для того, чтобы работы совѣщанія внесли столь желанное успокоеніе въ настроеніе общества и народныхъ массъ,—необходимо ускорить ходъ работъ особаго совѣщанія, ввести въ составъ его на всѣхъ стадіяхъ работъ, начиная съ первой, представителей существующихъ въ странѣ общественныхъ учрежденій и прежде всего представителей губернскихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ болѣе значительныхъ городовъ, по избранію этихъ учрежденій, а также обставить всѣ занятія особаго совѣщанія полной гласностью, предоставить вмѣстѣ съ тѣмъ свободному обсужденію печати тѣ вопросы, которые должны составить предметъ занятій особаго совѣщанія".

Полтавская губернская земская управа обратилась къ губернатору съ ходатайствомъ—разрѣшить внести въ чрезвычайное губернское земское собраніе докладъ о видахъ и предположеніяхъ полтавскаго земства относительно усовершенствованія государственнаго устройства, на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля. Полтавскій губернаторъ снесся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ по поводу этого ходатайства, и министръ увѣдомилъ, что не находитъ возможнымъ допустить обсужденіе названнаго доклада въ земскомъ собраніи.

Собраніе единогласно постановило обжаловать дѣйствіе министра и избрало комиссію въ составѣ всѣхъ гласныхъ для выработки краткой резолюціи о насущнѣйшихъ нуждахъ момента съ тѣмъ, чтобы эта розолюція доложена была текущему собранію, и затѣмъ направлена по назначенію.

9-го апрѣля 1905 г. въ чрезвычайномъ херсонскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный П. А. Зеленый произнесъ большую рѣчь, въ которой изложилъ тяжелыя условія жизни народа, охарактеризовалъ бюрократическо-самодержавный строй, указалъ на поводъ и ужасы войны, на разгромы и анархію и въ концѣ концовъ предложилъ собранію ходатайствовать:

1) О допущеніи къ участію въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гофм. Булыгина какъ въ предварительной разработкѣ законодательныхъ предначертаній, такъ и въ дальнѣйшихъ его трудахъ на ряду съ представителями разныхъ вѣдомствъ и общественныхъ самоуправленій, также и представителей херсонскаго земства по его избранію и 2) чтобы на время работы названнаго совѣщанія были гарантированы неприкосновенность личности общественныхъ представителей, свобода обсужденія въ печати вопросовъ, составляющихъ предметъ Особаго Совѣщанія, гласность по отношенію къ его занятіямъ. а также право собраній, гдѣ вопросы дня могли бы обсуждаться своевременно и наравнѣ съ обсужденіемъ печатныхъ органовъ

Тверское губернское земское собраніе постановило широко распространять среди населенія докладъ управы о народномъ представительствѣ, рѣчи земскихъ депутатовъ 6-го іюня и отвѣтныя слова Государя.

Группа гласныхъ нижегородскаго земства въ заявленіи своемъ Булыгину, между прочимъ, говорила, что работы совѣщанія, подъ его предсѣдательствомъ, могутъ идти плодотворно только при условіи полной гласности и только при свободѣ обсужденія этого вопроса въ печати и въ широкихъ общественныхъ кругахъ... Русское общество проявитъ довѣріе къ работамъ совѣщанія, когда въ него будутъ включены не представители общественныхъ учрежденій, назначенные министромъ внутреннихъ дѣлъ, а когда будутъ допущены лица, избранные общественными организаціями: земскія и городскія собранія, университеты, общества.

Въ ветлужскомъ, Костромской губерніи, экстренномъ земскомъ собраніи, 24 марта 1905 г., былъ посланъ на Высочайшее имя адресъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что, въ интересахъ умиротворенія страны

„необходимъ скорѣйшій призывъ народныхъ представителей, свободно избранныхъ на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Избраннымъ народнымъ представителямъ должно быть предоставлено право законодательной власти, право рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ, право разсмотрѣнія и утвержденія государственной росписи и право общаго контроля надъ всѣми дѣйствіями исполнительной власти и необходимо сейчасъ же: 1) отмѣнить всѣ исключительные законы по охранѣ государственнаго порядка, 2) провозгласить равенство всѣхъ передъ закономъ и отвѣтственность по закону передъ судомъ независимымъ, 3) полная гарантія неприкосновенности личности и жилища и 4) свобода вѣроисповѣданій, свобода слова, печати, свобода собраній, союзовъ и различныхъ общественныхъ организацій".

Старицкое, Тверской губерніи, земское собраніе, обсуждая въ маѣ 1905 г., на основаніи Высочайшаго указа отъ 18 февраля 1905 г. и въ связи съ Высочайшимъ рескриптомъ, отъ того же числа на имя т. с. А. Г. Булыгина, вопросы объ измѣненіи и улучшеніи государственнаго строя въ нашемъ отечествѣ, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„1) что необходимый правопорядокъ въ русскомъ государствѣ можетъ быть прочно установленъ лишь при существованіи народнаго представительства, въ видѣ постояннаго учрежденія, участвующаго съ рѣшающимъ голосомъ въ разсмотрѣніи всѣхъ законодательныхъ проектовъ, государственной росписи доходовъ и расходовъ, отчетовъ и другихъ дѣлъ высшаго государственнаго управленія, и при томъ при условіяхъ права запросовъ и законодательной иниціативы народныхъ представителей и отвѣтственности предъ ними министровъ, при наличности вполнѣ независимой и несмѣняемой судебной власти, при широкомъ распространеніи контроля надъ правильностью дѣйствій этой власти въ области какъ частнаго, такъ и публичнаго права, въ порядкѣ, установленномъ закономъ, при судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ на общихъ съ прочими гражданами основаніяхъ и, 2)—что проведеніе въ законодательство и жизнь намѣченной программы государственныхъ преобразованій должно быть неразрывно связано съ осуществленіемъ какъ широкой просвѣтительной дѣятельности со стороны государства, такъ и разумныхъ уравнительныхъ мѣропріятій въ области аграрныхъ отношеній, фабричнаго и ремес-

леннаго труда, финансовой политики и въ области земскаго и городского управленія и хозяйства.

Въ частности, по вопросу о самомъ устройствѣ народнаго представительства Россійской Имперіи, которое должно быть введено немедленно (и никакъ не позже осени текущаго года),—старицкое земское собраніе полагаетъ, что въ организаціи этого представительства не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни такъ называемое представительство интересовъ (т. е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ и группъ населенія). Въ основу будущаго народнаго представительства въ Россійской Имперіи должны быть положены слѣдующія три условія:

1) необходимость выборовъ представителей отъ населенія путемъ всеобщей, безъ различія пола и національностей, равной и тайной подачи голосовъ,

2) вышеозначенные выборы должны быть прямыя, т. е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право.

Въ заключеніе, старицкое земское собраніе считаетъ нужнымъ высказать свое глубокое убѣжденіе, что никакой правопорядокъ въ Россіи и никакое правильное представительство русской земли—не возможны до тѣхъ поръ, пока не будутъ повсемѣстно предоставлены населенію основныя гражданскія права, какъ-то: неприкосновенность личности, свобода слова, печати, союзовъ, собраній, и пока не будутъ повсемѣстно отмѣнены—положеніе объ усиленной охранѣ, а также административная карательная власть на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, до земскихъ начальниковъ, уѣздной и городской полиціи и должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія включительно".

Бузулукское и новоуземское, Самарской губ., чрезвычайныя земскія собранія постановили ходатайствовать о немедленномъ созывѣ народныхъ представителей.

Въ городненскомъ, Черниговской губ., уѣздномъ земскомъ собраніи, 8—10 марта 1905 г., были избраны всѣ тѣ губернскіе гласные, которые, за адресъ Государю отъ 5 декабря 1904 г., должны были отказаться отъ своего званія, а именно: Н. Н. Евреиновъ (земскій врачъ), Ковичъ (присяжный повѣренный), А. А. Свѣчинъ (бывшій предсѣдатель черниговской управы) и А. А. Бакуринскій (членъ губернской земской управы).

Въ тѣхъ земствахъ, въ которыхъ чрезвычайныя собранія состоялись въ іюнѣ и позже сдѣланы были еще болѣе энергичныя и рѣзкія постановленія, но это произошло уже послѣ гибели эскадры Рождественскаго при островѣ Цусимѣ, въ битвѣ, когда былъ постановленъ крестъ надъ нашимъ флотомъ, и когда уже совершенно выяснилось, что японцы разгромили насъ окончательно.

Цусима вызвала сильнѣйшій взрывъ народнаго негодованія и повсемѣстныя требованія созыва народныхъ представителей. Д. Н. Шиповъ обратился съ послѣднимъ уже воззваніемъ къ земствамъ, предлагая прислать въ Москву отъ каждой губерніи отъ 4 до 6 представителей на «Коалиціонный» съѣздъ. И вотъ 24—26 мая 1905 года съѣхались въ Москву не только члены съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, но также и многіе другіе земскіе и городскіе дѣятели, собиравшіеся въ то время въ особыя совѣщанія для обсужденія вопросовъ го-

сударственнаго строительства. На означенномъ съѣздѣ было постановлено чрезъ особую депутацію представить Государю адресъ слѣдующаго содержанія [1]).

«Ваше Императорское Величество. Въ минуту величайшаго народнаго бѣдствія и великой опасности для Россіи и самаго престола Вашего, мы рѣшаемъ обратиться къ Вамъ, отложивъ всякую рознь и всѣ различія, насъ раздѣляющія, движимые одной пламенной любовью къ Отечеству.

Государь. Преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіемъ Вашихъ совѣтниковъ Россія ввергнута въ гибельную войну, наша армія не могла одолѣть врага, нашъ флотъ уничтоженъ, и грознѣе опасности внѣшней разгорается внутренняя усобица.

Увидавъ вмѣстѣ со всемъ народомъ Вашимъ всѣ пороки ненавистнаго и погубнаго приказнаго строя, Вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія. Угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всяческій произволъ множатся и растутъ. Вмѣсто предуказанной Вами отмѣны усиленной охраны и административнаго произвола полицейская власть усиливается и получаетъ неограниченныя полномочія, а подданнымъ Вашимъ преграждаютъ путь, открытый Вами, дабы голосъ правды не могъ доходить до Васъ.

Вы положили созвать народныхъ представителей для совмѣстнаго съ Вами строительства земли, и воля Ваша осталась безъ исполненія донынѣ, несмотря на все грозное величіе совершающихся событій; а общество волнуютъ страхи о проектахъ, въ которыхъ обѣщанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй, замѣняется сословнымъ совѣщаніемъ.

Государь. Пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими. Пусть рѣшатъ они въ согласіи съ Вами жизненный вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣлятъ они условія мира или, отвергнувъ его, превратятъ эту войну въ войну народную. Пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную болѣе, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи и сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго. Пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй.

Государь, въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній міръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній міръ ея. Въ рукахъ Вашихъ Держава Ваша, Вашъ Престолъ, унаслѣдованный отъ Предковъ.

Не медлите, Государь; въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша передъ Богомъ и Россіей».

Въ составъ депутаціи избранными оказались: Гр. П. А. Гейденъ, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, И. И. Петрункевичъ, Д. Н. Шиповъ, кн. Павелъ Дм. Долгоруковъ, Ф. А. Головинъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, Н. Н. Ковалевскій, Ю. А. Новосильцевъ, Ф. И. Родичевъ, кн. Д. И. Шаховскій, кандидатами: Н. Н. Щепкинъ, Н. А. Хомяковъ.

6 іюня въ $12^1/_2$ часовъ дня въ Фермерскомъ дворцѣ въ Петергофѣ Государемъ Императоромъ приняты были прибывшіе въ Петербургъ земскіе и городскіе дѣятели: [2]).

---

[1]) Организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ предлагало много болѣе смѣлый адресъ, но сторонники Шипова, преобладавшіе на совѣщаніи, сильно смягчили его.

[2]) Здѣсь кстати сообщимъ, что за четыре дня до этой аудіенціи, именно 2-го іюня, въ Москвѣ состоялось совѣщаніе городскихъ головъ: Москвы, Харькова, Казани и Нижняго-Новгорода. На этомъ совѣщаніи было рѣшено, по примѣру земцевъ, образовать

1) Графъ П. А. Гейденъ, Опочецкій уѣздный предводитель дворянства, Псковскій губернскій гласный; 2) Князь Г. Е. Львовъ, предсѣдатель Тульской губернской управы; 3) Н. Н. Львовъ, Саратовскій губернскій гласный; 4) И. И. Петрункевичъ, Тверской губернскій гласный; 5) Ѳ. А. Головинъ, предсѣдатель Московской земской управы; 6) Князь П. Д. Долгоруковъ, Рузскій уѣздный предводитель дворянства, Камергеръ Высочайшаго Двора; 7) Н. Н. Ковалевскій, Харьковскій губернскій гласный; 8) Ю. А. Новосильцевъ, Темниковскій уѣздный предводитель дворянства; 9) Ф. И. Родичевъ, кандидатъ Весьегонскаго, Тверской губерніи, предводителя дворянства; 10) Князь Д. И. Шаховской, Ярославскій губернскій гласный; 11) Князь С. Н. Трубецкой, ординарный профессоръ Московскаго университета; 12) Баронъ П. Л. Корфъ, гласный С.-Петербургской городской думы; 13) А. Н. Никитинъ, замѣститель предсѣдателя С.-Петербургской городской думы; 14) М. П. Ѳедеровъ, гласный С.-Петербургской городской думы.

Князь С. Н. Трубецкой обратился къ Государю съ рѣчью слѣдующаго содержанія.

«Ваше Императорское Величество. Позвольте выразить Вашему Величеству нашу глубокую, искреннюю благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представляетъ насъ, общественныхъ и земскихъ дѣятелей, чуть ли не измѣнниками Престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство—любовь къ Отечеству и сознаніе долга передъ Вами.

Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то вѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика, Государь.

Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ Царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово «измѣна» произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ: и въ генералахъ и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ» вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплуатируется. Одни натравливаютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими эконо-

---

обще-городскую организацію и организаціонное бюро. Черезъ 2 недѣли послѣ этого, предъ іюльскимъ земскимъ совѣщаніемъ, въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Московскаго городского головы кн. Голицына, состоялся большой обще-городской съѣздъ, на которомъ отъ 86 губернскихъ городовъ участвовало 117 представителей. Съѣздъ этотъ безусловно отрицательно отнесся къ „булыгинской конституціи“, которая, какъ передавали газеты, вырабатывалась особою комиссіею, и высказался, какъ и земцы на апрѣльскомъ съѣздѣ, за всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право,—при участіи и женщинъ, и за двухпалатную систему. Затѣмъ съѣздъ постановилъ собраться въ Москвѣ въ іюлѣ, одновременно съ земцами.

мическими условіями, подымается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что въ началѣ облекается въ патріотическія формы,—тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій—это путь, указанный Вами, Государь,—созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія и, наконецъ, оно должно служить «преобразованію государственному», какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренне желающихъ итти по намѣченному Вами пути.

Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные—равно и безъ различія—чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чужіе намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ—своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ русскій Царь—а не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій,—а Царь всея Руси, такъ и выборные люди, отъ всего населенія призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

Далѣе народное представительство должно служить дѣлу «преобразованія государственнаго». Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй» Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна знать подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ Державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между имъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать сво-

боднаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь.

Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи».

Послѣ этого гласный С.-Петербургской городской думы М. П. Федоровъ высказалъ слѣдующее:

«Позвольте, Ваше Величество, присоединить къ тому, что сейчасъ было высказано княземъ Трубецкимъ, еще и то, что тревожитъ и волнуетъ города. Городъ и деревня такъ близки другъ другу, что всякая невзгода деревни отражается и на благосостояніи города,—бѣднѣетъ деревня и мы страдаемъ.

Мы не можемъ не безпокоиться о задачахъ ближайшаго будущаго: какъ бы Ваше Величество ни разрѣшили вопросъ войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится, и тогда настанетъ необходимость залѣчивать нанесенныя ею раны—экономическія и финансовыя; мы предвидимъ, что нашъ бюджетъ долженъ будетъ увеличиться ради этого на много милліоновъ въ годъ. Чтобы достать эти милліоны, чтобы найти источникъ для покрытія этихъ расходовъ, нужно начать огромную культурную работу, нужно озаботиться о подъемѣ производительныхъ силъ страны, а это только возможно тогда, когда будетъ призвано къ жизни все, что есть даровитаго и талантливаго въ народѣ, и возбуждена широкая самодѣятельность общества.

У Вашего Величества есть, правда, люди, и люди талантливые, но ихъ немного, и они могутъ присматриваться къ потребностямъ и нуждамъ народнымъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни. Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ здѣсь передалъ князь Трубецкой».

На обращенныя рѣчи депутатовъ Государь отвѣтилъ:

«Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко Мнѣ.

Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля—воля Царская созывать выборныхъ отъ народа—непреклонна; привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ».

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этой аудіенціи, 6—8 іюля, состоялось въ Москвѣ совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей. Участ-

ники совѣщанія, на которомъ уже не присутствовалъ Д. Н. Шиповъ, подверглись преслѣдованіямъ, а относительно самаго совѣщанія назначено было строгое разслѣдованіе. Въ виду важности этого съѣзда, мы цѣликомъ приведемъ краткіе журналы его засѣданій.

Предсѣдателемъ избранъ Графъ П. А. Гейденъ, товарищами предсѣдателя И. И. Петрункевичъ, Н. Н. Щепкинъ и Ф. А. Головинъ, секретарями Н. И. Астровъ, С. М. Леонтьевъ, Т. И. Полнеръ и В. А. Розенбергъ.

Предсѣдатель Московской губернской земской управы Ф. А. Головинъ доложилъ о сношеніяхъ съ администраціей по поводу созыва совѣщанія.

Совѣщаніе постановило благодарить Ф. А. Головина и организаціонное бюро за полное достоинства поведеніе по отношенію къ администраціи и просить бюро разослать участникамъ съѣзда всѣ касающіеся этого вопроса документы.

Вслѣдъ за тѣмъ въ залъ засѣданія допущены были представители полиціи для объявленія распоряженія и. о. Московскаго градоначальника о распущеніи совѣщанія, при чемъ присутствующимъ предложено разойтись.

Распоряженіе это, въ коемъ содержалась ссылка на телеграмму товарища министра внутреннихъ дѣлъ Трепова, признано совѣщаніемъ явно незаконнымъ, почему исполнить его собравшіеся отказались.

Полиціей составленъ протоколъ, къ которому приложенъ протестъ совѣщанія, послѣ чего занятія съѣзда продолжались.

Кн. С. Н. Трубецкой доложилъ совѣщанію о пріемѣ депутаціи Государемъ Императоромъ; при этомъ отмѣчено было нѣсколько незначительныхъ неточностей въ оффиціальной передачѣ рѣчи Государя и князя С. Н. Трубецкого.

Совѣщаніе постановило большинствомъ противъ 1 голоса: благодарить депутацію за исполненіе даннаго ей порученія.

Н. Н. Щепкинымъ и Ф. Ф. Кокошкинымъ прочитанъ докладъ бюро о проектѣ народнаго представительства, выработанномъ гофмейстеромъ Булыгинымъ.

При этомъ на разсмотрѣніе совѣщанія представленъ слѣдующій проектъ резолюціи:

Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей, ознакомившись съ содержаніемъ составленнаго гофмейстеромъ Булыгинымъ проекта «Учрежденія Государственной Думы», выслушавъ докладъ по этому предмету организаціоннаго бюро и принимая во вниманіе:

1) что положенный названнымъ проектомъ въ основу организаціи «Государственной Думы», начала имущественнаго ценза, классоваго раздѣленія избирателей и многостепенныхъ выборовъ лишаютъ проектированное учрежденіе возможности быть дѣйствительнымъ выразителемъ мысли и воли народной;

2) что устраненіе отъ участія въ выборахъ многочисленныхъ разрядовъ русскихъ гражданъ, несущихъ наравнѣ съ другими всѣ государственныя повинности и тягости, какъ напримѣръ лицъ, не обладающихъ требуемымъ имущественнымъ цензомъ, всѣхъ лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія и другихъ, противорѣчитъ началамъ справедливости и разумной государственной политики;

3) что отсутствіе предварительныхъ гарантій личной и общественной свободы и неприкосновенности личности, а также возложеніе ближайшаго надзора за правильностью выборовъ, а въ неземскихъ губерніяхъ и составленія избирательныхъ списковъ, на административные и полицейскіе органы создаетъ положеніе вещей, при ко-

торомъ является совершенно необезпеченнымъ соотвѣтствіе результатовъ выборовъ дѣйствительной волѣ избирателей;

4)освобожденіе членовъ «Государственной Думы», въ видѣ особой привилегіи, отъ лишенія и ограниченія свободы распоряженіемъ административной власти, подтверждая и на будущее время полную неогражденность всего остального населенія отъ административнаго произвола, вмѣстѣ съ тѣмъ не установляетъ гарантіи личной неприкосновенности и для выборныхъ людей, ибо не исключаетъ возможности задержанія ихъ безъ разрѣшенія «Думы» подъ предлогомъ возбужденія противъ нихъ судебнаго преслѣдованія;

5) что обязательное для «Государственной Думы» раздѣленіе ея личнаго состава на опредѣленное число заранѣе установленныхъ закономъ «отдѣловъ», замѣщеніе должностей предсѣдателей общаго собранія и отдѣловъ и секретарей по назначенію, предоставленіе ничѣмъ не ограниченной дискреціонной власти предсѣдателямъ и прочія правила организаціи и дѣлопроизводства «Думы» лишаютъ ея дѣятельность необходимой свободы и вносятъ въ нее мертвящій бюрократизмъ;

6) что полное исключеніе публичности засѣданій «Государственной Думы» и замѣна дѣйствительной гласности лишь внѣшнею видимостью таковой лишаютъ «Думу» необходимаго для представительнаго собранія непрерывнаго и живого взаимодѣйствія съ населеніемъ и довѣріемъ этого послѣдняго;

7) что проектъ, вопреки возвѣщенному Верховной Властью единенію Царя и народа черезъ посредство народнаго представительства и въ соотвѣтствіи съ началами осужденнаго самою властью и народомъ бюрократическаго строя, ставитъ между Монархомъ и выборными людьми государственный совѣтъ, отводя «Государственной Думѣ» по отношенію къ нему зависимое и подчиненное положеніе, низводящее ее фактически на степень подготовительной комиссіи при государственномъ совѣтѣ, тогда какъ бюрократическое учрежденіе, каковымъ является этотъ послѣдній, не можетъ ни занимать мѣсто на ряду съ выборнымъ собраніемъ въ видѣ второй палаты, ни тѣмъ болѣе играть по отношенію къ нему роль высшей инстанціи;

8) что вмѣсто необходимаго для народнаго представительства права законодательнаго почина проектъ лишь формально предоставляетъ «Государственной Думѣ» право «возбужденія законодательныхъ вопросовъ», обставляя его при томъ на практикѣ условіями, фактически ставящими «Думу» въ невозможность пользоваться этимъ правомъ;

9) что проектъ представляетъ «Государственной Думѣ» при обсужденіи законопроектовъ и государственной росписи лишь совѣщательный голосъ и кромѣ того открываетъ широкую возможность разрѣшенія законодательныхъ и бюджетныхъ вопросовъ даже безъ ея заключенія, а нѣкоторыя и при томъ наиболѣе важныя части бюджета совершенно изъемлетъ отъ ея разсмотрѣнія, тогда какъ въ условіяхъ современной государственной жизни народное представительство осуществимо лишь на конституціонныхъ началахъ, т. е. въ видѣ учрежденія, безъ согласія котораго не могутъ быть ни издаваемы, ни установляемы Государственныя доходы и расходы;

10) что вопросы внѣшней политики по проекту совершенно изъемлются изъ предметовъ вѣдомства «Государственной Думы» несмотря на то, что тѣсная связь ихъ со всею внутреннею и въ особенности съ экономической жизнью страны и ставшія нынѣ всѣмъ очевидными гибельныя послѣдствія безконтрольныхъ и безотвѣтственныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ въ этой области, указываютъ на безусловную необходимость послѣдовать примѣру западныхъ государствъ, гдѣ народному представительству принадлежитъ контроль надъ иностранной политикой въ видѣ права запросовъ и интерпелляцій, привлеченія министровъ къ отвѣтственности, участія въ заключеніи важнѣйшихъ государственныхъ договоровъ;

11) что проектомъ не предоставляется «Государственной Думѣ» никакого дѣйствительнаго контроля надъ законностью и цѣлесообразностью управленія и въ частности надъ правильностью государственнаго хозяйства, ибо въ немъ не содержатся ни начала отвѣтственности министровъ передъ «Думой», ни права этой послѣдней производить разслѣдованія и предавать министровъ суду; право же «Думы» «просить о сообщеніи свѣдѣній» относится исключительно къ дѣйствіямъ, противорѣчащимъ законамъ и Высочайшимъ повелѣніямъ и въ конечномъ результатѣ сводится къ доведенію о такихъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія Верховной Власти,—въ виду всего вышеизложеннаго признаетъ, что *осуществленіе проекта гофмейстера Булыгина или иного проекта, построеннаго на сходныхъ съ нимъ основаніяхъ, и потому не создающаго народнаго представительства въ истинномъ смыслѣ этого слова, не можетъ внести успокоеніе въ страну, предотвратить всѣ опасности, ей угрожающія, и вывести ее изъ настоящаго состоянія анархіи на путь правильнаго и мирнаго развитія на основахъ твердаго государственнаго правопорядка».*

Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній, заключительная часть резолюціи и соображенія 2—11 приняты совѣщаніемъ большинствомъ голосовъ противъ 2; соображеніе 1-е большинствомъ противъ 29; при чемъ изъ двухъ представленныхъ особыхъ мнѣній видно, что отрицательное отношеніе къ проекту гофмейстера Булыгина раздѣляютъ всѣ члены совѣщанія безъ исключенія, расходясь съ большинствомъ въ двухъ указанныхъ случаяхъ лишь въ мотивахъ.

По второму вопросу («объ отношеніи общественныхъ дѣятелей къ имѣющему быть изданному закону о народномъ представительствѣ») на разсмотрѣніе совѣщанія представленъ слѣдующій проектъ резолюціи:

«Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей, полагая, что собраніе выборныхъ людей, организованное по проекту гофмейстера Булыгина или на сходныхъ съ нимъ началахъ не можетъ быть признано народнымъ представительствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что выборное собраніе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ Имперіи, можетъ послужить средоточіемъ и точкой опоры для общественнаго движенія, стремящагося къ достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства, признаетъ желательнымъ, чтобы въ случаѣ осуществленія вышеупомянутаго или иного подобнаго проекта, земскіе и городскіе дѣятели, объединившіеся на политической программѣ, установленной совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 года и 22—26 апрѣля 1905 года и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 года вошли въ возможно большомъ числѣ въ будущее собраніе и образовали тамъ сплоченную группу съ цѣлью добиться черезъ его посредство гарантій личной и общественной свободы, указанныхъ въ постановленіяхъ совѣщанія 6—9 ноября 1904 г., и введенія народнаго представительства на началахъ, установленныхъ совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. и 22—26 апрѣля 1905 г. и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 г.».

Обмѣнявшись взглядами, совѣщаніе *постановило:* отложить рѣшеніе впредь до распубликованія закона о представительствѣ съ тѣмъ, чтобы организаціонное бюро, немедленно же по распубликованіи этого закона, созвало совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей и вновь поставило вопросъ на обсужденіе.

Ф. Ф. Кокошкинымъ доложено, что проектъ «Основного закона Россійской Имперіи», напечатанный въ № 180 «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 6 іюля 1905 года составленъ нѣсколькими членами бюро на основаніяхъ, одобренныхъ предшествующими земскими съѣздами. Проектъ не разсмотрѣнъ бюро въ деталяхъ, но заслушанъ имъ и принятъ въ цѣломъ. Бюро предлагаетъ поручить разослать ему этотъ проектъ въ мѣстныя земскія и городскія общественныя учрежденія, а также отдѣльнымъ компетентнымъ лицамъ и просить ихъ доставить въ бюро свои замѣчанія не позже 15

августа. Исправленный на основаніи полученныхъ замѣчаній проектъ внести на детальное обсужденіе слѣдующаго съѣзда. При этомъ Ф. Ф. Кокошкинъ указалъ на важность самостоятельной выработки законченнаго «Основного закона Россійской Имперіи», который можно было бы въ каждый данный моментъ предъявить взамѣнъ выдвигаемыхъ правительствомъ законодательныхъ предположеній.

Во время возникшихъ преній С. А. Муромцевъ обратилъ вниманіе совѣщанія на цѣли, поставленныя себѣ составителями проекта: предшествующіе съѣзды достаточно опредѣленно выяснили главнѣйшія основанія, на которыхъ долженъ быть созданъ конституціонный законъ; нужно было теперь ясно и ярко воплотить ихъ въ форму законченнаго законопроекта. Содержаніе проекта распространяется лишь на тѣ области законодательства, которыя подлежатъ отмѣнѣ или измѣненію при самомъ введеніи конституціоннаго порядка, и не касаются тѣхъ дѣйствующихъ законоположеній, которыя не противорѣчатъ безусловно этому порядку. При редактированіи «Основнаго закона» составители пользовались языкомъ, терминологіей, группировкой матеріала, принятыми въ русскомъ дѣйствующемъ законодательствѣ, на отдѣльныя статьи котораго въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ дѣлались ссылки. Въ конституціонныхъ странахъ принято подвергать каждый законодательный проектъ тремъ чтеніямъ: принятіе проекта въ первомъ чтеніи означаетъ, что въ основѣ онъ встрѣчаетъ сочувствіе и признается достойнымъ дальнѣйшаго обсужденія; при второмъ—проектъ разсматривается по статьямъ, во всѣхъ деталяхъ, въ третьемъ—еще разъ подвергается заключительному голосованію въ цѣломъ. Бюро предлагаетъ принять теперь напечатанный законопроектъ въ первомъ чтеніи.

Большинствомъ противъ семи голосовъ совѣщаніе *постановило:*

«*Принять* въ первомъ чтеніи проектъ «Основного закона», напечатанный въ № 180 «Русскихъ Вѣдомостей», и поручить бюро разослать его въ мѣстныя земскія и городскія учрежденія, а также отдѣльнымъ компетентнымъ лицамъ съ просьбою представить свои замѣчанія не позже 15 августа, послѣ чего пересмотрѣть проектъ и представить его ближайшему совѣщанію земскихъ и городскихъ дѣятелей для детальнаго обсужденія по статьямъ.

Членомъ совѣщанія С. Г. Бередниковымъ внесено предложеніе: представить высшему правительству выработанный конституціонный проектъ.

Предложеніе это отвергнуто большинствомъ противъ 1 голоса.

Заслушанъ прочитанный В. Е. Якушкинымъ докладъ бюро о дѣятельности правительства за время съ изданія манифеста 12 декабря 1904 г.

Совѣщаніемъ единогласно *постановлено:* отпечатать докладъ и разослать его въ земскія и городскія общественныя учрежденія, а также всѣмъ членамъ съѣзда.

Кн. Петромъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ прочтенъ докладъ бюро «О пріобщеніи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ».

Кн. Павломъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ прочтенъ докладъ бюро «О разработкѣ избирательной системы на мѣстахъ».

Обсудивъ совмѣстно оба доклада, совѣщаніе единогласно приняло слѣдующія резолюціи:

1) По докладу о пріобщеніи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ:

1. Съѣздъ признаетъ неотложной задачей данной минуты для общественныхъ дѣятелей войти въ ближайшее общеніе съ широкими массами населенія для совмѣстнаго съ народомъ обсужденія предстоящей политической реформы, для завоеванія необходимыхъ для ея проведенія свободъ и для подготовленія къ выборамъ.

2. Т. к. при теперешней организаціи органовъ мѣстнаго самоуправленія народъ

не можетъ видѣть въ нихъ правильнаго представительства своихъ интересовъ, то общественные дѣятели должны къ предстоящей работѣ привлечь возможно большіе круги населенія черезъ дѣйствующіе при управахъ совѣты, коммиссіи, участковыя попечительства и т. п., а также черезъ временные съѣзды, совѣщанія, коммиссіи и комитеты изъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ и общественныхъ дѣятелей. Кромѣ того, къ политической дѣятельности слѣдуетъ привлечь волостные и сельскіе сходы, товарищества мелкаго кредита и ссудо-сберегательныя товарищества, сельско-хозяйственныя общества и другія самостоятельныя организаціи.

3. Для наиболѣе широкаго привлеченія народныхъ массъ къ сознательной работѣ государственнаго строительства, общественнымъ дѣятелямъ слѣдуетъ входить въ сношенія и совмѣстно работать со всѣми видами профессіональныхъ союзовъ, соприкасающимися съ населеніемъ и раньше всего содѣйствовать объединенію на политической почвѣ самого населенія.

4. Съѣздъ придаетъ особое значеніе немедленному привлеченію сельскаго и городского населенія къ участію въ обсужденіи избирательной системы. Въ этихъ цѣляхъ признается желательнымъ, чтобы всѣ перименованныя въ пунктахъ 2 и 3 организаціи, а также спеціально для того устраиваемые на мѣстахъ комитеты брали на себя ознакомленіе населенія не только съ техникой выборовъ, но и содѣйствовали бы выясненію и выработкѣ тѣхъ пожеланій, которыя народъ передастъ своимъ будущимъ представителямъ въ моментъ ихъ выбора.

5) Съѣздъ признаетъ желательнымъ содѣйствовать распространенію среди народа популярно изложенныхъ постановленій и резолюцій политическаго характера, на которыхъ сошлись за послѣднее время общественныя организаціи. Затѣмъ нужно содѣйствовать широкому распространенію въ ближайшемъ будущемъ популярной литературы по конституціоннымъ и соціально-экономическимъ вопросамъ и по избирательному праву въ особенности, какъ въ видѣ брошюръ и листковъ, такъ и въ видѣ дешевыхъ періодическихъ изданій.

6) Съѣздъ признаетъ также желательнымъ широко воспользоваться, напечатавъ особыми листками, Высочайшимъ Указомъ Сенату и Рескриптомъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 18 февраля с./г. для ознакомленія населенія съ возможностью обсуждать коренные вопросы государственнаго устройства, сходиться для этого и постановлять соотвѣтственные приговоры и резолюціи. Для этой же цѣли полезно, какъ это уже и сдѣлано нѣкоторыми городскими и земскими управами, отпечатать адресъ и рѣчи депутатовъ къ Государю отъ общественныхъ дѣятелей 6 іюня с./г. и отвѣтную рѣчь Государя. Для популяризаціи этихъ актовъ желательно сопровождать ихъ напечатанными или изустными комментаріями».

II. ПО ДОКЛАДУ О РАЗРАБОТКѢ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА МѢСТАХЪ:

1) Желательно, чтобы общество теперь же приняло возможно широкое участіе въ разработкѣ на мѣстахъ (по губерніямъ, уѣздамъ и городамъ) вопроса о проведеніи въ жизнь выборной системы, выработанной общеземскимъ съѣздомъ. (Примѣненіе избирательныхъ нормъ, намѣченіе избирательныхъ округовъ и участковъ и т. п.)

2) Губернскія и уѣздныя земскія управы, а также городскія управы должны взять на себя иниціативу проведенія въ жизнь этого постановленія съѣзда созывомъ совѣщаній по организаціи выборовъ и постепеннымъ привлеченіемъ въ эти совѣщанія возможно большаго количества лицъ всѣхъ классовъ населенія.

Для этого бюро съѣзда должно въ возможно скоромъ времени препроводить въ городскія и губернскія земскія управы значительное количество экземпляровъ выработанныхъ съѣздомъ нормъ и основаній выборовъ.

3) Когда нельзя ожидать отъ земской и городской управы сочувственнаго от-

ношенія къ выработанной съѣздомъ избирательной системѣ, то надо, чтобы иниціативу созыва совѣщанія брала на себя группа земскихъ или городскихъ дѣятелей.

4) Желательно, чтобы губернскія земскія управы организовали работу эту по возможности во всѣхъ уѣздахъ губерній и чтобы члены съѣзда содѣйствовали въ этомъ губернскимъ управамъ, а также представили бы будущему съѣзду свѣдѣнія о ходѣ работъ въ губерніяхъ и городахъ, коихъ они являются представителями.

5) Разработанныя такимъ образомъ данныя о примѣненіи на мѣстахъ избирательной системы представляются въ возможно скоромъ времени (желательно не позднѣе 1 октября) въ бюро съѣзда для того, чтобы бюро могло сдѣлать сводную работу, взвѣсивъ всѣ замѣчанія.

6) Если представится возможность, желательны заключенія земскихъ собраній и городскихъ думъ о примѣненіи избирательной системы въ данной губерніи, уѣздѣ или городѣ.

При этомъ разъяснено, что исполненіе принятыхъ по этимъ двумъ докладамъ резолюцій *рекомендуется* совѣщаніемъ, но не устанавливается имъ, какъ *обязательное* для всѣхъ членовъ съѣзда и пославшихъ ихъ организацій.

Заслушанъ докладъ бюро, прочитанный П. А. Столыпинскимъ, объ участившихся за послѣднее время случаяхъ административнаго произвола.

По этому вопросу большинствомъ противъ 1 голоса принята слѣдующая резолюція:

«Въ виду часто повторяющихся въ настоящее время случаевъ нарушенія чинами администраціи личныхъ и общественныхъ правъ русскихъ гражданъ, нарушеній, которыя стоятъ въ противорѣчіи не только съ нравственными требованіями и общественнымъ правосознаніемъ, но въ противорѣчіи съ заявленіями Высшей Власти и даже прямо съ дѣйствующими законами, общій съѣздъ земскихъ и гордскихъ дѣятелей постановляетъ: выразить глубокое негодованіе по поводу многочисленныхъ случаевъ безнаказаннаго проявленія произвола различныхъ представителей власти и твердую увѣренность въ томъ, что такія дѣянія своевременно получатъ должную оцѣнку и соотвѣтственное возмездіе и просить всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей оказывать всякое содѣйствіе лицамъ, пострадавшимъ отъ указанныхъ случаевъ въ защитѣ ихъ попранныхъ правъ и въ сохраненіи слѣдовъ и доказательствъ, совершенныхъ въ отношеніи ихъ незаконныхъ и самоуправныхъ дѣйствій властей, при чемъ эти нарушенія остаются при нынѣшнихъ порядкахъ безнаказанными.

Ф. И. Родичевымъ прочитанъ докладъ *«объ отношеніи общественныхъ учрежденій къ стѣсненіямъ ихъ дѣятельности со стороны администраціи»*.

Къ резолютивной части доклада предложена В. Д. Набоковымъ поправка, согласно которой большинствомъ противъ 3 голосовъ совѣщаніе постановило:

«Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, принимая во вниманіе, что осуществленіе естественныхъ правъ человѣка и гражданина, при условіяхъ существующаго въ Россіи строя, постоянно встрѣчаетъ препятствіе въ распоряженіяхъ власти, полагаетъ: что отстаиваніе естественныхъ правъ, указанныхъ въ резолюціяхъ съѣзда 6-9 ноября 1904 г. должно быть совершаемо всѣми мирными способами, не исключая и неподчиненія распоряженіямъ власти, нарушающимъ эти права, хотя бы подобныя распоряженія и ссылались на формальный законъ».

С. А. Муромцевъ докладываетъ совѣщанію постановленіе бюро о необходимости обобщить всѣ пожеланія о привлеченіи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ и обратиться къ странѣ съ яснымъ и общедоступнымъ изложеніемъ постановленій земскихъ съѣздовъ, высказанныхъ ими пожеланій и съ сообщеніемъ о мѣрахъ, принятыхъ для проведенія этихъ пожеланій въ жизнь.

Въ преніяхъ, возникшихъ по прочтеніи составленнаго бюро проекта обращенія къ странѣ, выяснилось, что по мысли бюро, утвержденный совѣщаніемъ текстъ долженъ быть разосланъ мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ и членамъ съѣзда для дальнѣйшаго распространенія.

По прочтеніи проекта обращенія къ странѣ, выработаннаго бюро, присутствовавшими предложенъ цѣлый рядъ поправокъ.

На баллотировку поставленъ вопросъ о своевременности подобнаго обращенія къ странѣ; большинствомъ противъ пяти голосовъ вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно.

Единогласно постановлено: поручить бюро окончательно проредактировать текстъ обращенія, принявъ по возможности, во вниманіе предложенныя поправки.

Е. В. Де-Роберти предложилъ всѣмъ желающимъ подписать обращеніе къ странѣ, чтобы не пускать его въ народъ въ видѣ анонимнаго произведенія. Всѣ присутствующіе спрошены предсѣдателемъ о желаніи дать свою подпись подъ обращеніемъ. Постановлено обратиться также къ отсутствующимъ членамъ съѣзда съ тѣмъ же вопросомъ.

Кн. Петръ Дм. Долгоруковъ сдѣлалъ докладъ отъ имени бюро о расширеніи полномочій послѣдняго, учрежденіи при немъ и финансированіи делегаціями постояннаго секретаріата.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ внесъ поправку къ первой части предложенія бюро, находя, что послѣднее должно вести работу по прежнему, не выходя изъ предѣловъ постановленій съѣзда; въ исключительныхъ случаяхъ порядокъ этотъ можетъ быть нарушенъ, но бюро должно каждый разъ докладывать о томъ ближайшему съѣзду и брать передъ нимъ на себя отвѣтственность за самостоятельныя дѣйствія.

Предложеніе бюро и поправка В. Д. Кузьмина-Караваева поставлены на баллотировку, причемъ предложеніе бюро принято 78 голосами противъ 56, при нѣсколькихъ воздержавшихся. Остальныя части проекта резолюціи, внесенной бюро (объ увеличеніи его состава, образованіи секретаріата и финансированіи дѣлопроизводства), приняты единогласно. Такимъ образомъ большинствомъ голосовъ съѣздъ постановилъ:

Съѣздъ уполномочиваетъ свое организаціонное бюро, кромѣ подготовительныхъ и исполнительныхъ функцій, брать на себя, въ случаѣ надобности, иниціативу самостоятельныхъ дѣйствій, вступать для этого въ сношенія и соглашенія съ тѣми организаціями, съ которыми оно признаетъ нужнымъ.

Кромѣ того съѣздъ уполномочиваетъ бюро въ исключительныхъ случаяхъ пополнять свой составъ, взамѣнъ выбывающихъ членовъ бюро, членами съѣзда по своему усмотрѣнію.

Въ исполненіе выраженнаго на съѣздѣ желанія получать болѣе своевременно и въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ всѣ матеріалы съѣзда, а также для исполненія другихъ текущихъ, все умножающихся и осложняющихся обязанностей бюро, съѣздъ уполномочиваетъ организовать постоянный секретаріатъ бюро съ оплатой въ случаѣ надобности, труда привлекаемыхъ къ работѣ лицъ.

Для покрытія связанныхъ съ расширеніемъ дѣятельности бюро расходовъ, съѣздъ постановляетъ, кромѣ установленнаго ранѣе ежегоднаго членскаго десяти-рублеваго взноса участниковъ съѣзда, установить взносы отъ мѣстныхъ делегацій, пропорціонально количеству делегатовъ, считая по 50 рублей съ делегата. Такимъ образомъ отъ каждой земской делегаціи ежегодный взносъ будетъ равняться 250 рубл. и отъ городской делегаціи пропорціонально участвующему въ съѣздѣ количеству делегатовъ».

В. О. Янчевскимъ прочитанъ докладъ бюро о привлеченіи представителей окраинъ къ участію въ съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Большинствомъ голосовъ *постановлено:* поручить бюро совмѣстно съ представителями окраинныхъ городовъ, уже участвующими въ съѣздѣ, выяснить, какія организаціи пользуются на мѣстахъ довѣріемъ населенія и работаютъ на выборныхъ началахъ; войти съ этими организаціями въ сношенія и привлечь ихъ представителей къ участію въ слѣдующемъ же съѣздѣ; число делегатовъ отъ каждой мѣстности предоставлено опредѣлить самому организаціонному бюро.

В. Г. Карповъ внесъ предложеніе о привлеченіи въ составъ организаціоннаго бюро представителей крестьянъ и рабочихъ, а Н. Н. Ковалевскій о приглашеніи въ слѣдующій же съѣздъ выборныхъ отъ крестьянъ.

Оба доклада переданы въ бюро для предварительнаго разсмотрѣнія.

Кн. Д. И. Шаховской сдѣлалъ отъ имени бюро сообщеніе о необходимости вызвать на мѣстахъ теперь же обсужденіе проекта гофмейстера Булыгина.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ настаивалъ на необходимости отсрочить обсужденіе этого важнаго предложенія въ виду малочисленности и утомленія собранія.

Большинствомъ 66 противъ 33 предложеніе В. Д. Кузьмина-Караваева о т в е р г н у т о.

Послѣ оживленныхъ преній совѣщаніемъ большинствомъ противъ одного голоса принята слѣдующая резолюція:

«Считая въ высшей степени важнымъ вызвать теперь же проявленія общественнаго отношенія къ законопроекту гофмейстера Булыгина, съѣздъ считаетъ необходимымъ организовать по всей странѣ въ теченіе іюля многолюдныя собранія, какъ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ и внести на эти собранія принятое настоящимъ совѣщаніемъ заключеніе по означенному законопроекту. Желательно, чтобы резолюціи собраній съ подписями, принявшихъ эти резолюціи, присылались въ бюро общаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей».

В. И. Вернадскій доложилъ заявленіе о положеніи повременной печати, представленное въ съѣздъ присутствовавшими представителями прессы. Совѣщаніемъ принята слѣдующая резолюція:

«Признавая нетерпимымъ современное положеніе печати, задерживающее правильное развитіе общественнаго самосознанія страны, выразившееся въ частности за послѣднее время въ рядѣ административныхъ каръ, завершившихся карами по отношенію къ газетамъ «Слово» и «Русскія Вѣдомости», съѣздъ единогласно *постановилъ:* выразить свое негодованіе по поводу репрессивныхъ дѣйствій администраціи, принимаемыхъ по отношенію къ печати».

Ю. А. Новосильцевымъ прочтенъ докладъ бюро о мѣрахъ общественной борьбы съ надвигающимся на нѣкоторыя губерніи неурожаемъ и предложенъ на разсмотрѣніе съѣзда слѣдующій проектъ резолюціи:

«Принимая во вниманіе: I) что неурожай, постигшій нѣсколько черноземныхъ и восточныхъ губерній угрожаетъ голодомъ многимъ милліонамъ сельскаго населенія, II) что въ текущемъ году это бѣдствіе можетъ оказаться болѣе ужаснымъ нежели въ памятные 1891 и 1901 г. г., такъ какъ съ одной стороны населеніе обезсилено мобилизаціей, заработки подъ вліяніемъ войны сократились, настроеніе крестьянъ тревожное и возбужденное, а съ другой стороны власти, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ находятся въ состояніи полной растерянности и дезорганизаціи и потому менѣе, чѣмъ когда-либо способны принять своевременныя мѣры для спасенія жизни голодающихъ, для поддержки благосостоянія деревни и даже для охраны внѣшняго порядка, съѣздъ постановилъ признать совершенно необходимымъ и неотложнымъ организовать

борьбу съ надвигающимся народнымъ бѣдствіемъ на широкихъ общественныхъ началахъ, для чего:

1) Земскія собранія, экстренныя и очередныя, должны немедленно войти съ представленіемъ къ правительству объ отмѣнѣ нынѣ дѣйствующаго продовольственнаго устава и о неотложной оффиціальной передачѣ всего продовольственнаго дѣла въ руки земства;

2) Въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, земства губернскія и уѣздныя должны немедленно взять на себя полное завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ: опредѣленіе размѣровъ нужды, подсчетъ необходимыхъ средствъ и учрежденіе сѣти продовольственныхъ попечительствъ, дѣйствующихъ на основаніи инструкцій мѣстныхъ земскихъ собраній;

3) Организацію общественной благотворительной помощи, необходимой для пострадавшаго населенія сверхъ продовольственной, основанной на началахъ ссуды, должна принять на себя общественная организація, подобная той или та же самая, которая завѣдуетъ земскими врачебными отрядами на Дальнемъ Востокѣ;

4) Въ городахъ и мѣстностяхъ, не посѣщенныхъ неурожаемъ, для населенія, стекающагося въ нихъ изъ мѣстъ пострадавшихъ отъ неурожая, образовать мѣстные комитеты для организаціи продовольственной и благотворительной помощи голодающимъ.

Изъ предложеній бюро лишь первое вызвало значительное число возраженій.

Резолюціи доклада поставлены на голосованіе, при чемъ первая изъ нихъ (о земскихъ представленіяхъ правительству) принята большинствомъ противъ 14 голосовъ, остальныя—*единогласно*.

Кн. Петръ Дм. Долгоруковъ доложилъ совѣщанію, что въ организаціонное бюро поступило 17 заявленій различныхъ союзовъ, отстаивающихъ равноправность женщинъ; всѣ эти документы содержатъ указанія на необходимость распространенія избирательныхъ правъ на все взрослое населеніе Россіи—безъ различія пола. Разсмотрѣвъ поступившія заявленія, бюро представило на обсужденіе совѣщанія слѣдующій проектъ резолюціи:

«Вполнѣ признавая и съ точки зрѣнія справедливости и находя съ практической стороны желательнымъ политическое равноправіе женщинъ при будущемъ правовомъ строѣ Россіи, съѣздъ тѣмъ не менѣе стремясь къ наискорѣйшему осуществленію этого строя, находитъ при данныхъ условіяхъ непрактичнымъ затруднять моментъ учредительства слишкомъ сложными требованіями полнаго достиженія улучшенія всѣхъ сторонъ жизни. Для примѣра можно указать, хотя бы на общепризнанную необходимость усовершенствовать мѣстное самоуправленіе и распространить его на всю Россію, на необходимость предоставленія большей самостоятельности областному устройству окраинъ. Разработку и проведеніе этихъ многихъ другихъ насущнѣйшихъ реформъ практичнѣе отложить до того времени, когда принимать участіе въ законодательной работѣ могутъ свободно выбранные народные представители и при прочно установленныхъ необходимыхъ свободахъ. — Поэтому съѣздъ полагаетъ цѣлесообразнымъ вопросъ о предоставленіи политической равноправности женщинъ не ставить при данныхъ условіяхъ русской дѣйствительности одновременно съ вопросомъ о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, а оставить открытымъ или до измѣненія условій учредительства, или до того времени, когда народные представители будутъ уже собраны».

По предложенію И. В. Лучицкаго, большинствомъ 63 голосовъ противъ 37 постановлено: «отложить обсужденіе этого вопроса до второго чтенія проекта конституціи,

выработаннаго коммиссіей бюро и напечатаннаго въ № 180 «Русскихъ Вѣдомостей» за 1905 годъ».

А. А. Шмаринъ заявилъ, что съѣзду необходимо высказать свое мнѣніе по поводу участившихся за послѣднее время случаевъ примѣненія смертной казни.

Предсѣдатель предложилъ вопросъ этотъ передать на предворительное разсмотрѣніе бюро.

Предложеніе о передачѣ возбужденнаго вопроса на разсмотрѣніе бюро отвергнуто большинствомъ 48 голосовъ противъ 35.

Затѣмъ, послѣ обмѣна мнѣній, единогласно *постановлено:* «съѣздъ протестуетъ противъ сохраненія смертной казни въ ряду наказаній и противъ участившихся въ послѣднее время случаевъ примѣненія этого наказанія на основаніи сепаратныхъ законовъ и въ формѣ военнаго суда».

Ф. А. Головинъ доложилъ о поступленіи въ бюро съѣзда заявленій отъ нѣсколькихъ еврейскихъ союзовъ. Большинство этихъ заявленій рисуетъ тяжелое положеніе еврейства въ Россіи и требуетъ участія евреевъ въ будущемъ законодательномъ учрежденіи страны на равныхъ правахъ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Бюро полагаетъ излишнимъ докладывать съѣзду эти заявленія, такъ какъ въ предшествующихъ резолюціяхъ съѣздовъ, въ проектѣ конституціи, представленномъ на разсмотрѣніе совѣщанія, предусмотрѣны справедливыя пожеланія еврейскихъ союзовъ.

Совѣщаніе согласилось съ предсѣдателемъ бюро и просило послѣднее отвѣтить въ этомъ смыслѣ еврейскимъ союзамъ, обратившимся къ съѣзду.

По предложенію И. И. Попова, совѣщаніе единогласно *постановило:* «благодарить предсѣдателя графа П. А. Гейдена и организаціонное бюро за понесенные труды и выразило князьямъ Павлу и Петру Дмитріевичамъ Долгоруковымъ глубокую признательность за гостепріимство, оказанное имъ съѣзду».

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій совѣщанію доложены привѣтствія, присланныя съѣзду; *постановлено*—благодарить учрежденія и частныхъ лицъ, отъ которыхъ поступили привѣтствія [1]).

Приложенія: I. обращеніе къ обществу отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей.

«Восемь мѣсяцевъ тому назадъ, 6—9 ноября 1904 г., въ Петербургѣ собрался съѣздъ земскихъ людей отъ всѣхъ губерній. Россія уже переживала тяжелое время. Въ войнѣ, необдуманно вызванной правительствомъ, не сознававшимъ ясно ни истинныхъ интересовъ страны, ни силъ противника, русскія войска терпѣли тяжкія пораженія: внутри разгоралось народное недовольство, которое не могли утушить строгія мѣры. Раззоренное населеніе съ трудомъ выносило непосильную тяготу податей. Чувствовалось, что одними своими силами правительству не вывести Россію изъ бѣдственнаго положенія. Земскіе люди заявили тогда, что безурядица и раззореніе происходятъ отъ того, что правительство держитъ народъ въ темнотѣ и не допускаетъ, чтобы въ Россіи люди сами о себѣ заботились, какъ это повсюду дѣлается въ благоустроенныхъ государствахъ; что въ русской землѣ не позволено ни думать, ни вѣрить, ни

---

[1]) Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей продолжался три дня (6—8 іюля), въ теченіе коихъ состоялось пять засѣданій. Число участниковъ съ правомъ рѣшающаго голоса—представителей губернскихъ земствъ и городовъ—колебалось на отдѣльныхъ засѣданіяхъ отъ 100 до 200 человѣкъ. Работы съѣзда происходили въ присутствіи представителей русской и иностранной прессы.

говорить и писать, ни дѣйствовать свободно; что нѣтъ равенства въ правахъ и что самое многочисленное сословіе—крестьяне, хотя и перестали быть крѣпостными, но все еще не сдѣлались полноправными гражданами. Земскіе люди сказали также, что Россія воспрянетъ только тогда, когда самъ народъ черезъ своихъ выборныхъ представителей будетъ блюсти за тѣмъ, какъ казна собираетъ и расходуетъ деньги, правильно ли управляютъ чиновники, хороши ли законы и не нужно ли перемѣнить ихъ и замѣнить новыми, болѣе справедливыми. Земскіе люди посовѣтывали уравнять всѣхъ людей Русскаго государства въ ихъ правахъ, отмѣнить чиновничій и полицейскій произволъ и наказывать не иначе, какъ по суду и по закону.—Совѣты эти дошли до Царя и 12 декабря 1904 г. былъ изданъ указъ, въ которомъ обо всемъ было сказано, о чемъ просили земскіе люди, и было обѣщано все въ скоромъ времени исправить: но не было сказано о томъ, чтобы отъ земли выбирались постоянные народные представители, которые бы сами провѣряли чиновниковъ, слѣдили за приходомъ и расходомъ государственной казны и вырабатывали законы для утвержденія ихъ Государемъ. Между тѣмъ наступила пора новыхъ бѣдствій. Палъ Портъ-Артуръ; японская армія надвигалась на сѣверъ. Когда же въ Петербургѣ рабочіе пошли къ Зимнему дворцу, чтобы просить Царя помочь имъ въ ихъ положеніи, а ихъ встрѣтили пулями, какъ бунтовщиковъ, то по всей Россіи заволновался рабочій людъ, а за нимъ и вся страна. Повсюду—въ земскихъ собраніяхъ, въ городскихъ думахъ, въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, на всякихъ съѣздахъ люди разнаго званія—ученые, врачи, учителя, адвокаты, рабочіе, крестьяне, учащаяся молодежь и другіе—въ одинъ голосъ повторяли все тѣ же требованія, которыя выставилъ въ ноябрѣ земскій съѣздъ. Восемнадцатаго февраля 1905 г. былъ обнародованъ Высочайшій рескриптъ о намѣреніи Государя отнынѣ созывать выборныхъ отъ населенія, довѣріемъ народа облеченныхъ людей, но не съ тѣмъ однако, чтобы только съ ихъ согласія могли устанавливаться законы, какъ о томъ просили земскіе люди....

Съ тѣхъ поръ прошло почти пять мѣсяцевъ, а положеніе страны измѣнилось только къ худшему. Насилія и всякія злоупотребленія стали доходить до крайнихъ предѣловъ, и страна поневолѣ перестала вѣрить, что правительственная власть дѣйствительно въ состояніи искоренить эти злоупотребленія. Повсемѣстно возникли безпорядки, междоусобицы, грабежи и убійства. Дошло до того, что всякій сталъ надѣятся только на собственную силу. На Дальнемъ Востокѣ наши войска потерпѣли новое пораженіе подъ Мукденомъ; въ теченіе одного дня погибъ цѣлый флотъ, заранѣе обреченный на эту гибель своимъ неустройствомъ и неподготовленностью. Въ такомъ отчаянномъ положеніи страны, потрясенные духомъ земскіе и городскіе люди, соединившись на этотъ разъ безъ различія своихъ мнѣній, рѣшили обратиться непосредственно къ Царю. Царь принялъ ихъ выборныхъ, которые настойчиво просили созвать немедленно всю землю безъ различія и выслушать голосъ народныхъ представителей.

«Отбросьте ваши сомнѣнія», отвѣтилъ Царь выборнымъ, «Моя воля—воля Царская созвать выборныхъ отъ народа—непреклонна. Привлеченіе къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ. Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущихъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ. Я надѣюсь вы будете содѣйствовать мнѣ въ этой работѣ». Таковы были Царскія слова; но Царскіе совѣтники все еще не исполнили волю Государя. Извѣстно только, и то лишь частнымъ путемъ, что ими былъ изготовленъ такой проектъ закона о представительствѣ, по которому предложено выборныхъ избирать не всѣмъ населеніемъ, а близко къ тому порядку, какой былъ по старому земскому положенію. Если это будетъ такъ, то перевѣсъ легко окажется за сильными, а отъ крестьянъ въ выборные попадутъ, пожалуй только тѣ, кому помогутъ земскіе началь-

ники. Выборные эти сами не будутъ имѣть права окончательно вырабатывать законы, а будутъ только давать Царю совѣты—и то не прямо, а черезъ чиновниковъ, которые и теперь сочиняютъ законы въ Государственномъ Совѣтѣ. Не такимъ выборнымъ управиться съ тяжкими послѣдствіями войны, съ земельной тѣснотой, нуждами рабочаго люда, со всѣмъ безправіемъ и обидою народными... И нѣтъ возможности помочь правильному осуществленію объявленной воли Государя, потому что работа чиновниковъ ведется втайнѣ, а полиція вопреки указа Государя отъ 18 февраля, препятствуетъ всѣмъ попыткамъ населенія обсудить и высказать желанія и мнѣнія. Невольно растетъ смятеніе, становится всѣ тяжелѣе и тяжелѣе чувство неизвѣстности, слабѣетъ съ каждымъ днемъ надежда на скорое возстановленіе порядка...

Въ такомъ чрезвычайномъ положеніи съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей рѣшилъ дать самую широкую огласку своимъ намѣреніямъ и стремленіямъ. Утвержденіе правды и правопорядка мирнымъ путемъ должно стать дѣятельной заботой всѣхъ и каждаго. Соединенными силами всего народа надо выступить противъ государственнаго раззоренія, которое отъ приказнаго строя умножается и ширится по нашей землѣ. И не въ разбродъ, не по одиночкѣ надо бороться, защищая свою жизнь, свое право. У всѣхъ—и у земцевъ, и у городскихъ людей—цѣль была и есть общая: достиженіе истиннаго народнаго представительства путемъ всеобщей подачи голосовъ, ибо только такое представительство сможетъ разрѣшить, какъ слѣдуетъ, всѣ назрѣвшія и гнетущія народную жизнь нужды. Но недостаточно усилій однихъ только земскихъ и городскихъ людей: надо дружно работать всѣмъ вмѣстѣ.

Будемъ же соединенными итти къ общей цѣли. Надо спокойно и открыто собираться, обсуждать свои нужды и высказывать свои желанія, не опасаясь того, что кто нибудь станетъ препятствовать этому. Вполнѣ законно, если населеніе будетъ сговариваться, какъ ему лучше устроиться при той перемѣнѣ, которая его ожидаетъ.

Вездѣ найдутся земскіе и городскіе дѣятели на мѣстахъ, готовые пойти на встрѣчу такимъ стремленіямъ и столковаться со своими земляками и сосѣдями, какъ вывести Россію изъ общей бѣды. Если всѣ сообща рѣшатъ, что имъ дѣлать, тогда за ихъ голосомъ будетъ такая сила, противъ которой не устоитъ никакой произволъ и беззаконіе.

Путь, нами указываемый, путь мирный. Онъ долженъ привести страну къ новому порядку безъ великихъ потрясеній, безъ потоковъ крови и безъ тысячъ напрасныхъ жертвъ».

Подписали представители губернскихъ земствъ:

Бессарабскаго—предс. губ. упр. баронъ А. Ф. Стуартъ, губ. глас. А. Ф. Алейниковъ, В. В. Яновскій, К. Ф. Казиміръ, С. М. Сырбъ; Владимірскаго—губ. гласные Н. П. Муратовъ, М. Г. Коммиссаровъ, Г. А. Смирновъ, Н. М. Іорданскій; Вологодскаго—губ. гласн. В. А. Кудрявый, Н. Я. Масленниковъ; Воронежскаго—губ. гласн. баронъ Р. Ю. Будбергъ, А. Г. Хрущевъ, П. Я. Ростовцевъ, К. К. Шуриновъ; Вятскаго—предс. губ. упр. Л. В. Юмашевъ, губ. гласн. П. Л. Матвѣевъ, В. А. Батуевъ, В. С. Депрейсъ; Екатеринославскаго—предс. губ. упр. М. В. Родзянко, губ. гласн. Н. П. Рудь, В. Н. Радаковъ, П. В. Каменскій; Казанскаго—губ. гл. г. Трубниковъ; Калужскаго — губ. гласн. В. М. Кашкаровъ, А. А. Рихтеръ; Костромского—пред. губ. упр. И. В. Шуленниковъ, губ. гласные В. Н. Каратыгинъ, А. В. Перелешинъ, П. В. Калачевъ, г. Сафоновъ; Курскаго—предс. губ. упр. Н. В. Раевскій, губ. гласные А. Н. Фонъ-Рутценъ; Московскаго—предс. губ. упр. Ф. А. Головинъ, губ. гласные князь Павелъ Дм. Долгоруковъ, С. А. Муромцевъ, Н. Н. Щепкинъ, Ф. Ф. Кокошкинъ; Нижегородскаго—пред. губ. упр. А. А. Савельевъ, губ. гласн. А. В. Иконниковъ; Новгородскаго—предс. губ. упр. А. М.

Колюбакинъ, С. С. Холоповъ, С. Г. Бередниковъ, А. П. Храмовицкій; Орловскаго—губ. гласные Ф. Татариновъ, А. А. Стаховичъ; Пензенскаго — губ. гласный В. Н. Умновъ; Петербургскаго—губ. гл. К. К. Арсеньевъ; Псковскаго—губ. гласн. графъ П. А. Гейденъ; Рязанскаго—пред. губ. упр. В. Ф. Эманъ, губ. гласный А. К. Дворжакъ; Самарскаго—предс. губ. упр. А. А. Ушаковъ, губ. гласн. Г. Н. Костромитиновъ, П. А. Шишковъ, Д. Д. Протопоповъ; Саратовскаго—пред. губ. упр. А. Д. Юматовъ, губ. гласные С. М. Ермолаевъ, Н. Н. Львовъ, С. А. Унковскій; Симбирскаго—пред. губ. упр. Колюбакинъ, С. С. Холоповъ, С. Г. Бередниковъ, А. П. Храповицкій; Орловскаго—пред. губ. упр. Б. Т. Садовскій, губ. гласные В. П. Энгельгардтъ, В. М. Вороновскій, П. Н. Опочининъ, М. Д. Лебедевъ; Таврическаго—губ. гласн. кн. В. А. Оболенскій, М. К. Мурзаевъ, С. С. Крымъ, А. В. Новиковъ; Тамбовскаго—губ. гласн. М. П. Колобовъ, В. В. Измайловъ, Ю. А. Новосильцевъ, В. И. Вернадскій; Тверского—предс. губ. упр. В. Д. Фонъ-Дервизъ, губ. гласн. Ф. И. Родичевъ, И. И. Петрункевичъ, Е. В. Де-Роберти, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ; Тульскаго—пред. губ. упр. кн. Г. Е. Львовъ, губ. гласные кн. М. Р. Долгоруковъ, М. В. Ушаковъ, г. Арбузовъ, Л. Л. Любенковъ; Уфимскаго—пред. губ. упр. П. Ф. Коропочинскій, Н. П. Денрейсъ, Графъ П. П. Толстой; Харьковскаго—губ. гласн. П. М. Линтваревъ, Н. Н. Ковалевскій; Херсонскаго—губ. гласные Д. К. Михальчи, Д. С. Горшковъ, Я. А. Новиковъ; Черниговскаго—пред. губ. упр. А. А. Свѣчинъ, губ. гласные А. А. Мухановъ, И. Л. Шрагъ, Ю. Н. Глѣбовъ; Ярославскаго—губ. гласные С. А. Мусинъ-Пушкинъ, князь Д. И. Шаховской, Н. Н. Глѣбовъ, С. М. Леонтьевъ.

Представители городовъ:

Астрахани—гласн. гор. думы Л. А. Шмаринъ; Вильны—гласн. гор. думы Ю. Ю. Янушевскій; Вологды—гл. гор. думы И. Ф. Клушинъ; Воронежа—гл. гор. думы С. А. Петровскій; Вятки—гл. гор. думы Н. А. Красовскій; Екатеринослава—гласные гор. думы В. Г. Карповъ и г. Мордовскій; Екатеринодара—членъ гор. упр. С. Л. Хлѣбниковъ; Житоміра—гор. голова А. Д. Давыдовскій; Иркутска—гл. гор. думы И. И. Поповъ; Кишинева—гор. голова Л. Е. Сицинскій; Казани—гор. гол. Р. Ф. Николаи; Калуги—гл. гор. думы Г. А. Разумовскій; Кіева—гл. гор. думы И. В. Лучицкій и Н. Ф. Страдомскій; Ковно—гл. гор. думы М. А. Легчецкій; Костромы—гор. голова Г. Н. Ботниковъ; Курска—гор. голова А. В. Алехинъ; Керчи Еникале—гл. гор. думы Дм. Дм. Поспополитаки; Красноярска—гор. гол. Н. А. Шенетковскій; Минска—гл. гор. думы В. О. Янчевскій, К. Г. Павликовскій; Нижняго Новгорода—гор. гол. А. М. Меморскій; Новороссійска—гл. гор. думы Н. И. Гемолицкій; Оренбурга—гор. гол. г. Кузьминъ и гл. гор. думы г. Савинковъ; Орла—гор. гол. С. К. Живописцевъ; Одессы—гл. гор. думы С. П. Ярошенко; Пензы—гл. гор. думы Н. Р. Евграфовъ; Перми—гл. гор. думы Н. В. Мѣшковъ и Л. Г. Вульфіусъ; Полтавы—гл. гор. думы Г. Е. Старицкій; Саратова—гор. гол. А. О. Немировскій, гласн. гор. думы А. А. Токарскій; Симбирска—гор. гол. М. А. Волковъ; Смоленска—гор. гол. Б. П. Рачинскій; Ставрополя—гласн. гор. думы Г. К. Праве; Симферополя—гл. гор. думы Ш. В. Дуванъ; Севастополя—П. Дм. Лескевичъ; Твери—гл. гор. думы А. П. Апостоловъ; Тобольска—гл. гор. думы И. И. Корниловъ; Тифлиса—гор. гол. Х. А. Вермишевъ; Томска—гор. гол. А. М. Макишинъ; Харькова—гор. голова А. Г. Погорѣлко, М. Д. Жуковъ; Херсона—гор. гол. А. М. Грабенко; Ярославля—гл. гор. думы К. А. Некрасовъ; С.-Петербурга — гл. гор. думы М. П. Федоровъ, Н. Н. Оппель; Москвы—гл. гор. думы М. Я. Герценштейнъ, С. В. Пучковъ, А. С. Вишняковъ.

Члены организаціоннаго бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей:

Н. Ф. Рихтеръ, В. Н. Линдъ, В. Е. Якушкинъ, князь П. Д. Долгоруковъ, Е. Д. Артыновъ, Н. Н. Хмѣлевъ, М. В. Челноковъ, баронъ Н. Г. Черкасовъ, В. А. Розен-

бергъ, Т. И. Полнеръ, Н. Н. Баженовъ, Н. И. Гучковъ, Н. И. Астровъ, В. В. Пржевальскій, П. А. Столыпинскій, А. А. Мануиловъ.

II. Копія трехъ писемъ къ Ф. А. Головину отъ Московскаго Губернатора по поводу съѣзда:

Письмо 1-е.

Копія.

Секретно.

«Милостивый Государь Федоръ Александровичъ, Московскій Генералъ-Губернаторъ сего 18 іюня за № 502 увѣдомилъ меня, что въ случаѣ созыва Вами на будущее время въ предѣлахъ Московской губ. собранія земскихъ или иныхъ общественныхъ дѣятелей изъ разныхъ городовъ Имперіи, необходимо предварительно, до разсылки приглашеній, испрашивать разрѣшенія на созывъ такого съѣзда съ точнымъ указаніемъ цѣлей, для которыхъ онъ созывается; несоблюденіе сего порядка повлечетъ за собой, въ силу 116, 118 см. Уст. о пред. и прес. прест., закрытіе Генералъ-Губернаторомъ такихъ неразрѣшенныхъ собраній порядкомъ, указаннымъ въ пунктѣ 2 ст. 16 Прил. къ ст. I (пр. 2) Уст. о пред. и прес. прест.

О семъ по распоряженію Его Высокопревосходительства поставляю Васъ въ извѣстность, Милостивый Государь.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности

Г. Кристи».

№ 1252
Іюня 20 дня 1905 года.

Письмо 2-е:

Копія.

«Милостивый Государь Федоръ Александровичъ, Московскій Генералъ-Губернаторъ поручилъ мнѣ сообщить Вамъ, что хотя въ разговорѣ съ Вами по поводу устраиваемаго въ Москвѣ 6 іюля сего года съѣзда Его Высокопревосходительство и не усмотрѣлъ достаточныхъ основаній къ запрещенію его засѣданій, такъ какъ приглашенія были въ то время уже разосланы, но ознакомившись съ программой предполагаемаго съѣзда, изложенной въ приглашеніяхъ, и съ предполагаемымъ составомъ съѣзда, онъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить этихъ засѣданій.

Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату отъ 18 февраля сего года, разъясненный циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 12 апрѣля № 13 разрѣшаетъ лишь учрежденіямъ, существующимъ на основаніи законовъ и утвержденныхъ уставовъ, совѣщаться о своихъ дѣйствительныхъ нуждахъ, между тѣмъ общеземскій съѣздъ, въ составъ котораго предполагается ввести и представителей городскихъ управленій и постороннихъ лицъ не установленъ ни законами, ни уставами и разсужденія на такомъ съѣздѣ о проектѣ гофмейстера Булыгина, уже разсматриваемомъ Совѣтомъ Министровъ и объ отношеніи «общественныхъ» дѣятелей къ будущему закону, текстъ коего еще никому неизвѣстенъ, не могутъ быть ни по какимъ соображеніямъ допущены; равнымъ образомъ и разсужденія о мѣрахъ проведенія въ жизнь началъ, выработанныхъ Совѣщаніемъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, не имѣютъ никакихъ основаній, такъ какъ единственной мѣрой могло бы быть проведеніе этихъ началъ законодательнымъ порядкомъ.—Наконецъ, приглашенія на съѣздъ никѣмъ не подписаны, а слѣдовательно нѣтъ лица, отвѣтственнаго за соблюденіе должнаго

порядка на съѣздѣ; поэтому съѣздъ Генералъ-Лейтенантомъ Козловымъ допущенъ не будетъ, о чемъ во избѣжаніе недоразумѣній и предлагается Вамъ предупредить всѣхъ приглашенныхъ.

Не допуская засѣданія самаго съѣзда, Его Высокопревосходительство по тѣмъ же соображеніямъ нашелъ лишенными цѣли и законнаго основанія происходящія нынѣ въ помѣщеніи губернской земской управы засѣданія организаціоннаго бюро этого съѣзда, а потому проситъ меня предупредить Васъ принять мѣры къ прекращенію этихъ засѣданій, которыя впредь допущены не будутъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности

Г. Кристи».

Іюня 24 дня 1905-го года.
№ 7270.

Письмо 3-е.

Копія.

Конфиденціально.

«Милостивый Государь Федоръ Александровичъ. 24 сего іюня за № 7270, мною Вамъ было сообщено распоряженіе г. Генералъ-Губернатора о недопущеніи какъ самаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, такъ и засѣданій организаціоннаго бюро этого съѣзда въ помѣщеніи гуверискей земской управы. Между тѣмъ, по дошедшимъ до меня нынѣ свѣдѣніямъ, засѣданія означеннаго организаціоннаго бюро будто бы Вами предположено устроить въ занимаемомъ Вами лично помѣщеніи.

Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, не отказать въ самомъ непродолжительномъ времени сообщить мнѣ самыя подробныя свѣдѣнія и разъясненія по поводу всего вышеизложеннаго.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности

Г. Кристи».

№ 1333.
Іюня 28 дня 1905 года.

III. Копія письма, переданнаго 1 іюля Московскому Генералъ-Губернатору отъ организаціоннаго бюро съѣзда:

«Милостивый Государь Александръ Александровичъ, организаціонное бюро съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей въ засѣданіи своемъ 1 іюля узнало изъ сообщенія своего предсѣдателя, что Вашимъ Высокопревосходительствомъ сдѣлано распоряженіе о недопущеніи съѣзда, назначеннаго на 6 іюля, съ угрозою въ случаѣ попытки съѣзда собраться, разогнать его даже силою.

Бюро считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія, что созывъ ни въ какомъ случаѣ отмѣненъ быть не можетъ, и приглашенія на него вновь подтверждены.

Въ то время, когда наше отечество приведено существующимъ у насъ государственнымъ строемъ, распоряженіями и дѣйствіями правительства на край гибели, когда общая дезорганизація всѣхъ силъ страны сказывается все рѣзче, когда безсиліе правительственной власти обнаруживается въ ея явной неспособности обезпечить нормальное теченіе жизни и мирное ея развитіе, мы, какъ представители общества, не можемъ не употреблять всѣ силы къ тому, чтобы вывести Россію мирнымъ путемъ изъ переживаемаго ею тяжелаго кризиса. Вы же пытаетесь поставить намъ затрудненія въ нашей трудной задачѣ. Мы обращаемся къ Вамъ не только, какъ къ Генералъ-Гу-

бернатору, но и какъ къ русскому и просимъ Васъ принять въ соображеніе тѣ послѣдствія, къ которымъ приведетъ попытка силою воспрепятствовать собранію съѣзда. Приведеніе Вашей угрозы въ исполненіе покажетъ всей странѣ, что мирный исходъ изъ нынѣшняго положенія невозможенъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи».

IV. Копія полицейскаго протокола, составленнаго 2 іюля въ квартирѣ Ф. А. Головина:

«1905 года іюля 2 дня исправляющій обязанности полиціймейстера 1 участка подполковникъ Носковъ, вслѣдствіе предписанія г. градоначальника отъ 2 сего іюля за № 6226, прибылъ въ домъ Шанксъ, на Покровкѣ, Яузской части, 2 участка, въ квартиру предсѣдателя Московской губернской земской управы г. Головина, въ которой происходитъ собраніе земскаго бюро при чемъ при входѣ оказались сидящими около стола подъ предсѣдательствомъ г. Головина около 25 лицъ. По объясненію г. Головина собраніе состоитъ изъ 6 членовъ депутаціи, принятой Его Величествомъ 6 іюня с./г. въ Петергофѣ, и другихъ лицъ имъ близкихъ, живущихъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ. Всего въ собраніи оказалось 26 лицъ. Собраніе происходило подъ предсѣдательствомъ г. Головина. Разрѣшенія на собраніе не имѣется, собраніе, по мнѣнію г. Головина, надобности въ разрѣшеніи не имѣетъ. Цѣль собранія: согласно воли Государя Императора, выраженной имъ членамъ депутаціи, представлявшейся минувшаго 6 іюня въ Петергофѣ, передать всѣмъ близкихъ ихъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ, волю Государя о созывѣ выборныхъ отъ народа и кромѣ того выполнить призывъ Государя содѣйствовать ему въ работѣ по созыву выборныхъ отъ народа, и что по поводу настоящихъ собраній были разговоры съ г.г. Генералъ-Губернаторомъ и Градоначальникомъ.

Въ присутствіи мѣстнаго пристава, подполковника Линголь, всѣмъ собравшимся объявлено, что 1) на основаніи циркулярнаго распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, отъ 12 апрѣля с./г. за № 13, основаннаго на ст. 111, 112 и 116 Уст. о пред. и пресѣч. прост. и прест., обсужденіе видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія (вытекающемъ изъ содержанія Высочайшаго указа 18 февраля) дозволено лишь существующимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ, а равно обществамъ, дѣйствующимъ на основаніи Уставовъ, надлежащей властью утвержденныхъ, съ согласія Правительственной власти и 2) такъ какъ настоящее собраніе не принадлежитъ къ числу названныхъ обществъ Московскій градоначальникъ, руководствуясь означеннымъ циркуляромъ и ст. 16 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, закрываетъ настоящее собраніе. По объявленіи изложеннаго, собравшіеся въ квартирѣ сдѣлали слѣдующее заявленіе, записанное въ протоколъ собственноручно г. Головинымъ.

Не входя въ обсужденіе вопроса о правильности составленія протокола и имѣя въ виду: 1) что объявленная намъ часть циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ касается лишь учрежденій и обществъ, но не частныхъ лицъ, 2) что именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 18 февраля с./г. предоставлено всѣмъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ представлять въ совѣтъ министровъ свои виды и предположенія по усовершенствованію Государственнаго благоустройства, 3) что воспользоваться этимъ правомъ частнымъ лицамъ невозможно безъ предварительнаго обмѣна мыслей по симъ вопросамъ въ частныхъ совѣщаніяхъ, 4) что правильность приведеннаго пониманія Высочайшаго указа явствуетъ изъ факта пріема Госуда-

ремъ Императоромъ 6 іюня с./г. депутаціи, избранной такого рода частнымъ совѣщаніемъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, происходившимъ 24—25 мая с./г. въ г. Москвѣ и изъ словъ Его Императорскаго Величества, обращенныхъ къ названной депутаціи, опубликованныхъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ и заключающихъ въ себѣ разрѣшеніе передать Высочайшія слова всѣмъ близкимъ, живущимъ на землѣ и въ городахъ и призывъ содѣйствовать Государю Императору въ предначертанной имъ государственной работѣ, 5) что согласно основнымъ законамъ Россійской Имперіи законы и другіе акты Высочайшей воли не могутъ быть отмѣняемы циркулярами министровъ и распоряженіями администраціи, самые же циркуляры несогласные съ законами, исполняемы быть не могутъ, а должны быть представляемы властямъ, ихъ издавшимъ, при соотвѣтствующихъ объясненіяхъ, а въ случаѣ подтвержденія таковыхъ въ Правительствующій Сенатъ, присутствующіе, составляющіе организаціонное бюро частныхъ совѣщаній земскихъ и городскихъ дѣятелей, признавая предъявленное къ нимъ требованіе о прекращеніи частнаго совѣщанія въ квартирѣ г. Головина явно незаконнымъ, подчиниться ему отказались.

Независимо отъ изложеннаго выше, означенныя лица заявляютъ, что входъ полиціи въ частное помѣщеніе, гдѣ собрались для совмѣстной бесѣды частныя лица, не нарушающія ничѣмъ порядка, принадлежитъ къ актамъ, дѣлающимъ совершенно невозможнымъ мирное теченіе жизни».

V. Копія распоряженія по телеграфу, сдѣланнаго Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати:

«На основаніи ст. 140 предложите редакторамъ періодическихъ изданій не печатать никакихъ свѣдѣній и статей о съѣздѣ представителей биржевыхъ комитетовъ и промышленниковъ въ Москвѣ, состоявшемся 4 сего іюля и подтвердите распоряженіе 23 минувшаго мая о воспрещеніи печатать что-либо о съѣздѣ представителей земствъ и городовъ. *Бельгардъ*».

Но этимъ преслѣдованіе совѣщанія не ограничилось. По Высочайшему повелѣнію, сенатору Постовскому было поручено произвести особое дознаніе. Какъ отнеслись къ этому дознанію члены совѣщанія можно видѣть изъ замѣчательнаго отвѣта И. И. Петрункевича. Онъ писалъ сенатору:

Милостивый Государь,

Константинъ Захаровичъ!

Исполняя ВЫСОЧАЙШЕЕ порученіе о разслѣдованіи обстоятельствъ, вызывавшихъ и сопровождавшихъ съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей вообще и въ частности съѣздъ 6 - 8 іюля, Вамъ было угодно пригласить меня дать показанія по этому вопросу.

Постараюсь выполнить эту задачу со всей прямотой и откровенностью не только въ виду важности порученія, которымъ Вы облечены, но и въ сознаніи важности самого дѣла, важности момента переживаемаго нашей родиной и отвѣтственности, которую каждый изъ насъ несетъ на себѣ передъ ея судьбами, передъ ея будущимъ.

Мысль о необходимости совѣщанія земскихъ дѣятелей въ видахъ упорядоченія мѣстной жизни и разрѣшенія настоятельныхъ общихъ нуждъ возникла уже нѣсколько лѣтъ назадъ и въ первый разъ была осуществлена въ видѣ небольшого съѣзда въ апрѣлѣ и маѣ 1902 года по поводу предстоявшаго открытія Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельской промышленности. Какъ мѣстные дѣятели, живущіе въ деревняхъ и близко знающіе всѣ условія жизни крестьянскаго населенія, мы не могли остаться равно

душными къ возможности заявить правительству, что положеніе крестьянской массы, составляющей 85% всего населенія, требуетъ коренной реформы, что ея правовое положеніе ужасно, что ея хозяйство граничитъ съ нищетой и грозитъ полнымъ разореніемъ, что ея умственная темнота выше всякой мѣры и что со времени освобожденія ея отъ крѣпостной зависимости не только ничего не сдѣлано для поднятія ея правового, хозяйственнаго и умственнаго положенія, но что, напротивъ, она постепенно законодательнымъ путемъ теряла даже то, чѣмъ обладала раньше: школьное и внѣшкольное образованіе подчинялось все большимъ и большимъ ограниченіямъ, участіе крестьянъ въ земскомъ самоуправленіи превращено въ фикцію, сельское самоуправленіе совершенно упразднено подъ властной рукою земскихъ начальниковъ, судъ замѣнился расправой тѣхъ же чиновниковъ, вмѣшивающихся даже въ семейныя дѣла крестьянъ. Ко всему этому, финансовая политика правительства, возложившая все бремя налоговъ на эту бѣднѣйшую часть населенія и затѣмъ естественный приростъ послѣдняго создали для массы русскаго народа поистинѣ безвыходное положеніе. Мы, близко стоящіе къ народу, считали долгомъ нашей совѣсти возвысить нашъ голосъ передъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что мы не только могли констатировать факты, но и не могли не предвидѣть всѣ послѣдствія, всю опасность для страны и для государства, вытекавшія изъ такого положенія вещей. Нашъ съѣздъ 1902 г. имѣлъ только эту задачу и никакой другой, но, по представленію бывшаго въ то время Министра Внутреннихъ Дѣлъ фонъ-Плеве, всѣ участники съѣзда, занимавшіе въ земствѣ должности и предводители дворянства получили Высочайшій выговоръ. Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на настроеніи общества въ теченіе управленія покойнаго фонъ-Плеве, такъ какъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей за это время не происходило, но не могу умолчать, что полицейскій терроръ 1902—4 годовъ не могъ внушать странѣ ни любви, ни уваженія къ власти, и не могъ сдѣлать насъ слѣпыми и глухими къ тому, что мы считали благомъ нашего отечества.

Если до японской войны, быть можетъ, только небольшая группа лицъ понимала, что правительственный режимъ приведетъ рано или поздно страну къ гибели, то война открыла глаза всѣмъ и не только членамъ такъ называемаго «общества», но и народной массѣ, которая выносила главнымъ образомъ на своихъ плечахъ все бремя войны, не вѣдая ради чего она жертвуетъ своею кровью и теряетъ свое послѣднее убогое достояніе. Рядъ испытанныхъ нами пораженій, дезорганизація и неспособность руководителей войны показали, что старыми средствами не могутъ быть залѣчены наши язвы, что правительственный режимъ требуетъ полнаго обновленія и что мы, земскіе люди, обязаны безбоязненно сказать это Государю, интересы котораго тождественны съ интересами народа. Этотъ мотивъ руководилъ нами, когда мы созвали съѣздъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. Выработанныя нами тогда постановленія въ подлинникѣ были переданы Министру Вн. Дѣлъ кн. Святополкъ-Мірскому для представленія Государю. Отвѣтомъ на это былъ Высочайшій манифестъ 12 декабря 1904 г., въ которомъ старый режимъ былъ подвергнутъ полному осужденію. Это событіе могло бы стать эрой въ жизни нашей страны, если бы, вмѣстѣ съ осужденіемъ существующихъ неурядицъ въ нашемъ государственномъ управленіи, бюрократическій строй, приведшій страну къ позору и анархіи, былъ замѣненъ новымъ порядкомъ—призывомъ народнаго представительства къ устроенію государства на началахъ права, справедливости и порядка.

18 февраля послѣдовали Высочайшіе рескрипты на имя гофмейстера Булыгина о введеніи въ государственное управленіе народнаго представительства и указъ Сенату о предоставленіи существующимъ учрежденіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ права обсуждать и представлять правительству соображенія о мѣрахъ къ усовершен-

ствованію государственнаго управленія. Пользуясь дарованнымъ правомъ, земскіе дѣятели въ апрѣлѣ собрались въ Москвѣ въ частное совѣщаніе (съѣздъ) для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ народнаго представительства. На этомъ совѣщаніи были выработаны нѣкоторыя постановленія, касающіяся порядка выборовъ народныхъ представителей, но совѣщаніе не признало возможнымъ представить ихъ на усмотрѣніе Совѣта Министровъ, что, повидимому, и инкриминируется совѣщанію. Однако, такое обвиненіе совершенно лишено законнаго основанія, ибо указомъ Сенату совѣщающимся предоставлено право представлять свои мнѣнія и пожеланія Совѣту Министровъ, но не вмѣняется это въ обязанность, такъ какъ невозможно требовать, чтобы положенія незаконченныя или неокончательно установленныя сообщались правительству, какъ нѣчто законченное и желательное, особенно въ вопросахъ, требующихъ продуманности и осторожности.

Уничтоженіе нашего флота въ Корейскомъ проливѣ произвело на всю страну такое тяжелое впечатлѣніе, дезорганизація правительственнаго режима обнаружилась съ такою очевидностью, внутренняя анархія достигла такихъ размѣровъ, что въ каждомъ, въ комъ тлилась любовь къ родинѣ и кто опасался за ея будущее должно было явиться непосредственное стремленіе сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы общими усиліями предотвратить съ ужасающей быстротой надвигающуюся грозу. Естественно, что представители земствъ и городовъ почувствовали свой долгъ раньше всѣхъ другихъ, такъ какъ они, хотя и въ ограниченной мѣрѣ, все же законные представители народныхъ нуждъ. Въ виду этого они собрались въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ на новое совѣщаніе, куда были приглашены всѣ, чувствующіе тягость минуты безъ различія политическихъ убѣжденій. Это совѣщаніе, какъ извѣстно, пришло къ заключенію, что единственное спасеніе страны заключается въ немедленномъ созывѣ народныхъ представителей и, усматривая въ самомъ правительствѣ источникъ всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на страну, рѣшило обратиться къ Государю, воля котораго, опирающаяся непосредственно на представителей народа, можетъ не только спасти страну и охранить ее отъ распаденія, но и вдохнуть въ нее новую жизненность и новый разсцвѣтъ силъ. Государю угодно было 6 іюня принять депутацію, успокоить сомнѣнія пославшихъ ее, обѣщать дать странѣ правильное народное представительство, согласно съ исконными ея началами и призвать всѣхъ насъ къ немедленному сотрудничеству въ устроительствѣ земли.

Если не ошибаюсь, 24 іюня, въ газетѣ «Новости» появился текстъ законопроекта о народномъ представительствѣ, выработанный М. В. Д. гофмейстеромъ Булыгинымъ и хотя это не было офиціальнымъ его опубликованіемъ, но мы имѣли всѣ данныя, чтобы не сомнѣваться въ его подлинности. Мы убѣдились, что законопроектъ этотъ, затрагивающій самые жизненные интересы всего русскаго народа безъ различія національностей, сословій, классовъ и религій, выработанный въ глубокой канцелярской тайнѣ, противорѣчитъ въ самомъ существѣ своемъ и словамъ Государя, и рескрипту 18 февраля, и интересамъ народа, но вполнѣ обезпечиваетъ старому бюрократическому режиму неограниченное господство и самовластіе. Стѣна, отдѣлявшая народъ отъ Монарха, оказалась не только не сломанной, но получила новые контръ-форсы въ лицѣ Государственнаго Совѣта, поддерживаемаго яко-бы народнымъ представительствомъ. Вмѣсто правильнаго, т. е. самостоятельнаго народнаго представительства, въ дѣйствительности производилась реформа бюрократическаго Государственнаго Совѣта, снабжаемаго многолюдной и искуственно подобранной подготовительной комиссіей Совѣта, никоимъ образомъ не могущаго претендовать на принадлежность къ исконнымъ русскимъ началамъ, имѣя за собой едва сто лѣтъ существованія. Такая реформа при существующемъ во всей странѣ броженіи умовъ, при трудности, сложно-

сти и огромности задачъ, поставленныхъ войной и хаотическимъ состояніемъ страны, могла повести не къ успокоенію ея, а стать новымъ источникомъ бѣдствій и междуусобицъ.

Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей 6—9 іюля явилось прямымъ слѣдствіемъ такихъ опасеній. Можно думать, конечно, что такія опасенія были напрасны, такъ какъ опубликованный законопроектъ еще не получилъ санкціи, но, къ сожалѣнію, дѣйствія правительства не пріучили насъ къ оптимизму и мы не имѣли никакихъ основаній ожидать, что законопроектъ г. Булыгина въ окончательномъ своемъ видѣ подвергнется коренной переработкѣ. Изъ опубликованнаго сегодня правительственнаго сообщенія видно, что мы не ошибались и что правильное народное представительство замѣнено реформой Государственнаго Совѣта. Но наши сомнѣнія находили достаточно основаній въ цѣломъ рядѣ правительственныхъ мѣропріятій послѣдняго времени. Высочайшій указъ Сенату 18 февраля, предоставившій народу благодѣтельное право петицій, циркуляромъ М. В. Д. получилъ крайне ограничительное толкованіе, а мѣстной администраціей, съ согласія, конечно, высшей, сведенъ къ нулю. *Высочайшій* указъ 17 апрѣля о вѣротерпимости немедленно вызвалъ ограничительное толкованіе и мѣры со стороны Варшавскаго Генералъ-Губернатора и М. В. Д., а затѣмъ и образованіе особой комиссіи графа Игнатьева; провозглашенное указомъ 12 декабря ограниченіе излишнихъ стѣсненій жизни и дѣятельности общества и свободы печатнаго слова осуществлено распространеніемъ закона объ усиленной охранѣ почти на всѣ мѣстности Имперіи, полной беззащитности личности отъ насилій и самоуправства низшей администраціи, преслѣдованіемъ газетъ только либеральнаго направленія и безнаказанности тѣхъ органовъ печати, которые натравливаютъ классы другъ на друга и подстрекаютъ отбросы населенія къ насилію, безчинству и даже убійству.

Я могъ бы привести еще множество фактовъ въ подтвержденіе нашихъ сомнѣній, но полагаю, что и этого достаточно, чтобы сказать, что нашъ пессимизмъ, по меньшей мѣрѣ, не былъ лишенъ основаній. Но онъ находилъ для себя пищу и съ другой стороны: въ той анархіи, которая не только не ослабѣвала, но съ каждымъ днемъ росла и множилась во всѣхъ сферахъ и государственнаго управленія, и общественной жизни, и въ хозяйственномъ положеніи.

Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей, происходившее въ Москвѣ 6—9 іюля приняло рядъ резолюцій, изъ коихъ нѣкоторыя ему особенно инкриминируются и, повидимому болѣе другихъ,—обращеніе къ населенію. Какъ иниціаторъ этого предложенія, я могу говорить объ этомъ обстоятельствѣ съ достаточной опредѣленностью. Начиная съ перваго совѣщанія въ 1902 г. и до послѣдняго 6—8 іюля текущаго года черезъ всѣ съѣзды красной нитью проходитъ надежда убѣдить правительство въ необходимости принятія тѣхъ или другихъ мѣръ, которыя мы считали необходимыми для удовлетворенія важнѣйшихъ нуждъ народа. Если наши первыя совѣщанія формально не были узаконены, то по своимъ мирнымъ цѣлямъ онѣ не находились въ противорѣчіи съ закономъ. Послѣ Высочайшаго указа Сенату 18 февраля наши сомнѣнія стали на вполнѣ легальную почву, лучшимъ подтвержденіемъ чего служитъ пріемъ депутаціи Государемъ 6 іюня. Въ силу какого же закона правительство рѣшило положить конецъ нашимъ совѣщаніямъ и путемъ полицейской силы прекратить нашу мирную работу, направленную исключительно къ умиротворенію страны? Такимъ образомъ, частныя лица, объединенныя однородностью своей общественной дѣятельности, въ силу закона 18-го февраля имѣющія неотъемлемое право собираться непублично, въ частномъ помѣщеніи, для мирныхъ цѣлей упроченія государственнаго порядка, побуждаемыя къ этому велѣніями своей совѣсти и надеждой оказать вліяніе на умиротвореніе страны, разгоняются тою самою правительственною властью, къ которой эти люди всегда

обращались въ надеждѣ, что она пойдетъ на встрѣчу народнымъ нуждамъ и предупредитъ ихъ по собственному почину, разгоняются въ то время, когда вся страна охвачена пожаромъ, когда всѣмъ и каждому грозитъ опасность, когда правительство безсильно поддерживать даже внѣшній порядокъ и когда только само общество дружной работой можетъ предотвратить разрушеніе государственнаго зданія. И развѣ общество можетъ подъ угрозою полицейскаго насилія отказаться въ такія минуты отъ своей отвѣтственной мирной работы? Развѣ общество можетъ спокойно разсчитывать на то самое правительство, которое привело его къ такому трагическому положенію и развѣ, вопреки закону, разгоняя насъ и прекращая нашу мирную работу, правительство не брало на себя отвѣтственность передъ закономъ, страной и Монархомъ? Какъ бы то ни было, у меня не оставалось болѣе сомнѣній, что наше совѣщаніе не можетъ болѣе обращаться къ правительству, что мы не обладаемъ достаточнымъ въ его глазахъ авторитетомъ, что мы должны разсчитывать только на нравственное воздѣйствіе на сознаніе населенія и, разсказавъ ему все, что нами сдѣлано, просить у него довѣрія къ намъ, чтобы вмѣстѣ работать для возстановленія мирнаго теченія жизни и разрѣшенія нашихъ нуждъ. Я полагалъ нужнымъ такое обращеніе не въ видахъ конкурренціями съ партіями, стоящими отъ насъ вправо и влѣво, а въ видахъ осуществленія тѣхъ началъ, безъ которыхъ никакая жизнь въ странѣ невозможна, и внѣ которыхъ неосуществимы никакія блага. Если такое обращеніе къ населенію можетъ быть инкриминировано, то, конечно, не съ точки зрѣнія государственнаго порядка и народнаго успокоенія, такъ какъ обращеніе къ тому же русскому народу въ сотняхъ тысячъ печатныхъ листкахъ не только свободно представляется господамъ Шараповымъ, Грингмутамъ и ихъ приспѣшникамъ, но и всячески поощряется полиціей и администраціей, хотя эти воззванія и листки способствуютъ не миру, а враждѣ, ненависти, грабежу и убійствамъ. Правительство, представляющее широкую свободу такому изувѣрству и лишающее всякой свободы дѣятельности людей мира и порядка беретъ на себя великій грѣхъ предъ Монархомъ, страной и исторіей.

Наша совѣсть совершенно спокойна, и если насъ упрекнутъ въ агитаціи нашихъ идей среди народа, то мы скажемъ, что въ этомъ упрекѣ заключается отрицаніе того новаго уклада общественной жизни, который наступитъ со дня обнародованія закона о народномъ представительствѣ. Народное представительство должно служить вѣрнымъ выраженіемъ мнѣній, желаній и нуждъ народа. Выборъ представителей основывается на взаимномъ пониманіи представителя и представляемыхъ и не можетъ быть осуществленъ наложеніемъ печати на уста. Агитація незаконна лишь тогда, когда ея цѣли и средства незаконны, но въ народномъ представительствѣ она также неизбѣжна, какъ неизбѣженъ обмѣнъ мнѣній въ живомъ человѣческомъ обществѣ.

Я не коснулся многихъ вопросовъ, которыя были затронуты въ нашемъ личномъ объясненіи, но, къ сожалѣнію, время, мнѣ предоставленное, сократило мое изложеніе до размѣровъ самаго необходимаго.

Обширное и обстоятельное объясненіе сенатору Постовскому дано было еще ярославскимъ губернскимъ гласнымъ С. М. Леонтьевымъ, но мѣсто не дозволяетъ намъ привести его.

Скажемъ еще о іюльскомъ съѣздѣ, что тотчасъ по его окончаніи произошло, 9—10 іюля, совѣщаніе земской конституціонной группы. Вотъ журналъ ея засѣданій.

По вопросу о результатахъ земской депутаціи, принятой въ Петергофѣ 6 іюня 1905 г.

Постановлено: вопроса объ отчетѣ депутаціи 6 іюня по существу не разсматривать и принять слѣдующую формулу: „Съѣздъ признавая, что посылка

депутаціи 6 іюня не представляется актомъ земскихъ конституціоналистовъ, а актомъ коалиціоннаго съѣзда и что результатъ ея ни въ чемъ не связываетъ насъ,—переходитъ къ порядку дня".

По вопросу объ образованіи конституціонно-демократической партіи.

Постановлено: I. Съѣздъ признаетъ, что необходимо въ настоящее время приступить къ образованію конституціонно-демократической партіи, которая бы состояла изъ широкаго круга дѣятельныхъ единомышленниковъ въ странѣ и имѣла бы полную и цѣльную программу со включеніемъ въ нее положеній по экономическимъ, финансовымъ, областнымъ и національнымъ вопросамъ.

Съѣздъ поручаетъ уполномоченнымъ имъ на то 20 лицамъ вступить въ соглашеніе съ близкими по направленію группами по своему усмотрѣнію, составить вмѣстѣ съ лицами, которыя будутъ уполномочены отъ тѣхъ группъ временный комитетъ партіи, приступить къ необходимымъ дѣйствіямъ по ея организаціи и о всемъ сдѣланномъ довести до свѣдѣнія слѣдующаго съѣзда.

2) Организацію настоящаго съѣзда земской конституціонной группы сохранить пока безъ измѣненія съ тѣмъ, чтобы бюро приглашало въ составъ членовъ и городскихъ гласныхъ.

3) Поручить бюро совмѣстно съ 20 лицами, избранными согласно 1 пункта продолжать разработку программы по аграрному вопросу и организовать подобное же обсужденіе вопросовъ работъ финансоваго, національнаго и областного.

По вопросу о постановленіяхъ общеземскаго съѣзда 6—8 іюля 1905 г.

Постановлено: 1) Поручить бюро возможно скорѣе разослать всѣмъ членамъ земской конституціонной группы полицейскій протоколъ, доклады и резолюціи общеземскаго съѣзда, а также въ достаточномъ количествѣ проектъ основаній государственнаго устройства, принятый общеземскимъ съѣздомъ и напечатанный въ газетѣ „Русскія Вѣдомости", № 180.

2) Поручить бюро озаботиться немедленнымъ созывомъ съѣзда земской конституціонной группы тотчасъ по обнародованіи правительственнаго закона о народномъ представительствѣ и притомъ до созыва общеземскаго съѣзда по тому же поводу.

3) Выразить пожеланіе, чтобы въ губернскихъ уѣздахъ въ ближайшемъ будущемъ были устроены мѣстные губернскіе съѣзды изъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ земскихъ и городскихъ и вообще изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей для обсужденія вопросовъ по улучшенію государственнаго благоустройства, согласно указу 18 февраля въ цѣляхъ мобилизаціи общественныхъ силъ на мѣстахъ въ виду предстоящей избирательной кампаніи.

По вопросу объ отношеніи земской конституціонной группы къ организаціи союза союзовъ различныхъ профессіональныхъ дѣятелей.

Постановлено: Принять участіе въ союзѣ союзовъ черезъ посредство уполномоченныхъ делегатовъ, назначеніе которыхъ предоставить усмотрѣнію бюро.

По вопросу о возможномъ закрытіи высшихъ учебныхъ заведеній и предполагаемой вслѣдствіе того организаціи вольныхъ университетовъ.

Постановлено: Выразить пожеланіе, чтобы во всѣ губернскія и уѣздныя земскія собранія и городскія думы были разосланы доклады по данному вопросу, которые будутъ подготовлены ко времени предстоящаго въ августѣ академическаго съѣзда и чтобы въ предстоящихъ земскихъ собраніяхъ возбуждались бы вопросы объ ассигнованіяхъ на организацію вольныхъ университетовъ.

При посредствѣ отдѣленій «Союза Освобожденія», изложенныя воззванія и постановленія іюльскаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей и конституціонной группы быстро были распространены по всей Россіи и также быстро стали приводиться тѣми же отдѣленіями въ исполненіе. Мы не имѣемъ никакой возможности сообщить здѣсь свѣдѣнія о безчисленномъ количествѣ засѣданій, банкетовъ, митинговъ, состоявшихся вслѣдъ за іюльскимъ съѣздомъ, а тѣмъ болѣе привести ихъ резолюціи съ сотнями и тысячами подписей, а потому ограничимся лишь изложеніемъ постановленій нѣкоторыхъ земскихъ собраній, состоявшихся послѣ представленія земцевъ государю и послѣ іюльскаго совѣщанія.

Тверское губернское земское собраніе, въ іюнѣ 1905 г., въ резолюціи своей, высказавъ солидарность съ петиціею, представленной 6 іюня Государю Императору всероссійскимъ съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, происходившимъ въ Москвѣ 24—26 мая, съ своей стороны постановило:

Всякое промедленіе въ созывѣ свободно избранныхъ народныхъ представителей для разрѣшенія вопросовъ: 1) о войнѣ и мирѣ и 2) о коренномъ преобразованіи государственнаго строя имперіи, грозитъ чрезвычайной опасностью началамъ порядка, законности и мирнаго развитія страны. Необходимо, какъ можно скорѣе, внести умиротвореніе въ умы, поднять русское имя въ семьѣ народовъ и принять мѣры къ прочному возстановленію, какъ расшатаннаго благосостоянія населенія, такъ и поколебленнаго государственнаго кредита. Но цѣли эти не могутъ быть достигнуты реформою, ни даже цѣлымъ рядомъ ихъ, которыя не будутъ соотвѣтствовать настоятельно выраженнымъ требованіямъ громаднаго большинства русскаго общества и ожиданіямъ русскаго народа. Между тѣмъ, несложное дѣло полнаго обновленія русской жизни всецѣло предано въ руки того „приказнаго“ класса, который своей неосвѣдомленностью, слѣпымъ упорствомъ и самонадѣяннымъ легкомысліемъ навлекъ на страну неисчислимыя бѣдствія и незаслуженный позоръ. Собраніе, исполняя прямой долгъ свой передъ отечествомъ и верховною властью, не можетъ не высказать своего глубокаго убѣжденія въ томъ, что политика полумѣръ, паллиативовъ и откладыванія способны лишь зародить и распространить въ обществѣ и народѣ роковую мысль о невозможности оздоровленія государственнаго организма иначе, какъ путемъ насильственнаго переворота.

Въ іюнѣ 1905 г., комиссія ярославскаго губернскаго земства для разработки предположеній о преобразованіяхъ, возвѣщенныхъ указомъ отъ 18 февраля 1905 г., выслушавъ сообщеніе кн. Д. И. Шаховского о происходившемъ 24 и 25 мая въ Москвѣ съѣздѣ городскихъ дѣяте-

лей и слова Государя Императора на петицію, поданную депутатами съѣзда и обращеніе кн. С. Н. Трубецкого и М. П. Федорова, постановили внести въ губернское собраніе предложеніе о принятіи имъ резолюціи, въ которой предлагалось:

1) ходатайствовать о немедленномъ осуществленіи свободы слова, печати, союзовъ и, собраній и неприкосновенности личности и жилищъ, 2) немедленное введеніе народнаго представительства съ рѣшающимъ голосомъ, при степенныхъ всеобщихъ и безсословныхъ выборахъ, 3) активное избирательное право женщинъ, 4) одна палата депутатовъ.

Харьковское экстренное губернское земское собраніе, заслушавъ 16 іюня 1605 г. докладъ предсѣдателя управы кн. Голицына—«по поводу Высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ и указа Правительствующему Сенату, данныхъ 18 февраля 1905 года» и—сообщенія гласнаго Н. Н. Ковалевскаго—о пріемѣ Государемъ Императоромъ депутаціи, высказалось:

1) за необходимость немедленнаго созыва народныхъ представителей, избранныхъ на основаніи всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія при двухстепенности выборовъ для перваго собранія и прямого—для будущихъ, 2) за то, чтобы собранію народныхъ представителей присвоено было право законодательной иниціативы, запросовъ, контроля, установленіи налоговъ и привлеченія къ отвѣтственности министровъ; 3) за учрежденіе двухъ палатъ, причемъ вторая палата должна быть отъ мѣстныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій, реформированныхъ на демократическихъ началахъ.

Новогородское экстренное губернское земское собраніе, состоявшееся 25 іюня 1905 г., признало, что:

1) выборы народныхъ представителей должны быть всеобщіе, прямые, равные и тайные, 2) при производствѣ ихъ должны быть немедленно осуществлены: неприкосновенность личности, свобода собраній и союзовъ, а равно, и главнѣе всего,—устнаго и печатнаго слова, 3) первое представительное собраніе должно быть преимущественно организаціоннымъ, 4) полиція благочинія и безопасности должна быть передана въ вѣдѣніе учрежденій общественнаго самоуправленія, 5) созыву представительнаго собранія должна предшествовать амнистія пострадавшимъ за политическія и религіозныя убѣжденія, какъ въ административномъ порядкѣ, такъ и по суду, 6) ознакомить населеніе съ реформами путемъ разсылки въ селенія соотвѣтствующей литературы, 7) для выясненія деталей и предварительной подготовки производства избраній представителей—организовать губернскія и уѣздныя комиссіи, первыя изъ личного состава губернской земской управы и предсѣдателей уѣздныхъ управъ, послѣднія—изъ личного состава уѣздныхъ управъ, губернскихъ гласныхъ и, по желанію, гласныхъ уѣзднаго собранія, предоставивъ комиссіямъ приглашать и сторонніхъ лицъ.

Въ заключеніе собраніе постановило присоединиться къ постановленіямъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей 24-го мая и высказанному депутаціей Государю Императору.

Балашевское, Саратовской губерніи, экстренное собраніе, въ засѣданіи 12 іюня 1905 года, постановило—принять нижеслѣдующее предложеніе управы:

1) Признать, что въ основу будущаго законодательства должно быть положено: неприкосновенность личности и жилищъ, свобода слова и печати, свобода собраній, союзовъ и стачекъ, широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія, уравненіе правъ отдѣльныхъ народностей, 2) признать необходимость немедленнаго созыва народныхъ представителей и притомъ не иначе, какъ на основѣ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ. Такъ какъ избирательная система можетъ начать дѣйствовать только черезъ 3—4 мѣсяца, то до ее осуществленія, въ цѣляхъ успокоенія населенія, необходимо: а) немедленное устраненіе лицъ, стоящихъ нынѣ во главѣ министерствъ, какъ явно противодѣйствующихъ реформамъ, указаннымъ Государемъ Императоромъ, б) немедленное установленіе, въ видахъ устраненія существующей нынѣ безнаказанности должностныхъ лицъ, отвѣтственности ихъ передъ судомъ присяжныхъ, 2) отмѣна всѣхъ видовъ усиленной охраны, а также—установленной закономъ 18 мая полицейской диктатуры въ лицѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. 3) Въ виду скораго изданія избирательнаго закона,—поручить управѣ, при помощи уѣздныхъ гласныхъ и другихъ лицъ, которыхъ она найдетъ нужнымъ привлечь, разъяснить крестьянскому населенію на сходахъ смыслъ и значеніе Высочайшаго указа 18 февраля сего года и отвѣта рѣчи Государя Императора представителямъ земствъ и городовъ 6 іюня сего года. Кромѣ того, собраніе признало необходимымъ право рѣшающаго голоса за имѣющимъ быть созваннымъ народнымъ представительствомъ и отсылку изложенной резолюціи въ совѣтъ министровъ.

15 іюня 1905 года экстренное московское уѣздное земское собраніе, заслушавъ гласнаго В. П. Шереметевскаго,—внесшаго заявленіе отъ имени гласныхъ, которые, указавъ на пораженіе 14 мая, уничтожившее русскій флотъ, на пораженія на сушѣ. требовали обсудить вопросъ о немедленномъ созывѣ народныхъ представителей для заключенія мира съ непріятелемъ и прекращенія войны внутренней,—и гласнаго Н. А. Каблукова, обратившаго вниманія, что со времени цусимскаго боя прошло 2 мѣсяца, внѣшнія дѣла мало измѣнились, а внутреннія, наоборотъ, осложнились много болѣе, чѣмъ то охарактеризовано въ заявленіи гласныхъ, прочитанномъ Шереметевскимъ,—присоединилось къ слѣдующему заявленію гласныхъ, прочитанному Н. А. Каблуковымъ:

„непрерывный рядъ пораженій, понесенныхъ русской арміей и флотомъ на Дальнемъ Востокѣ, является совершенно безпримѣрнымъ въ русской исторіи. Не имѣетъ въ ней примѣра и то положеніе, въ которомъ находятся наши внутреннія дѣла: обычно бѣдственное экономическое состояніе массы крестьянскаго населенія, тяжело отзывающееся на положеніи промышленности и торговли, въ настоящее время усиливается еще подъ вліяніемъ тягостей, создаваемыхъ войною. Населеніе ищетъ выхода изъ этого положенія какъ путемъ аграрныхъ крестьянскихъ волненій, такъ и повсемѣстно повторяющимися стачками рабочихъ всѣхъ отраслей промышленности. Такимъ образомъ, населеніе стремится выйти изъ тяжелаго положенія собственными средствами, а это значитъ, что оно утратило вѣру въ то, что существующіе органы власти могутъ оказать ему помощь. Выраженіемъ этого служатъ все чаще и чаще повторяющіеся случаи самосуда со стороны массъ. Порядокъ можетъ быть возстановленъ и выходъ изъ гнетущаго экономическаго положенія можетъ быть найденъ лишь

при томъ условіи, что бюрократическій строй, при которомъ создалось очертанное положеніе, будетъ замѣненъ строемъ, опирающимся на свободно избранныхъ народныхъ представителей. Необходимость народнаго представительства была вновь подтверждена Государемъ Императоромъ въ словахъ, обращенныхъ 6 іюня сего года къ депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей. Несмотря, однако, на все это, до сихъ поръ въ жизнь не проведено было ничего, что могло бы приблизить населеніе къ выбору и созыву народныхъ представителей, которые своимъ рѣшительнымъ и рѣшающимъ голосомъ указали бы, наконецъ, на путь для выхода нашей родины изъ усиливающейся съ каждымъ днемъ экономической необезпеченности и внутренней неурядицы. Въ виду всего этого, московское уѣздное земское собраніе считаетъ долгомъ выразить гнетущее его чувство тревоги по поводу всякой отсрочки въ созывѣ народныхъ представителей, могущихъ быть избранными лишь при условіи полной свободы выборовъ. Для осуществленія же этой послѣдней не сдѣлано еще ни одного шага.

Новоторжская, Тверской губ., земская управа разослала циркуляры, а 25 іюля 1905 г., подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя новоторжской уѣздной земской управы М. П. Литвинова, происходило частное совѣщаніе земскихъ гласныхъ и крестьянъ, приглашенныхъ, чтобъ они высказали свои наболѣвшія нужды и указали на выходъ изъ настоящаго тягостнаго и тревожнаго положенія. На этомъ засѣданіи говорилъ, между прочимъ, И. И. Петрункевичъ. Выяснилось, что главныя бѣдствія крестьянъ: большіе налоги косвенные и прямые, вредная и разорительная опека земскихъ начальниковъ, урядниковъ и священниковъ; сословное ограниченіе въ судѣ, школѣ и по выборнымъ должностямъ; малоземелье, черезполосица и проч.

1 августа 1905 г. въ помѣщеніи городнянской, Черниговской губ., уѣздной земской управы состоялось засѣданіе экономическаго совѣта, организованнаго согласно постановленію земскаго собранія. Въ засѣданіи, кромѣ гласныхъ, были приглашены въ большомъ количествѣ крестьяне изъ всѣхъ волостей уѣзда, всего до 60 человѣкъ; предсѣдательствовалъ предсѣдатель уѣздной земской управы. Засѣданіе было публичное и залъ былъ переполненъ.

Предметомъ обсужденія засѣданія былъ обширный и обстоятельный докладъ извѣстнаго земскаго и общественнаго дѣятеля, бывшаго члена черниговской губернской управы, члена черниговскаго окружнаго суда Н. Н. Миклашевскаго,—«къ вопросу о мѣрахъ къ улучшенію крестьянскаго благосостоянія». Послѣ горячихъ преній по поводу этого доклада, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали и крестьяне были формулированы слѣдующія положенія, вытекавшія изъ доклада:

1) Всякія сословія должны быть уничтожены, за всѣми гражданами должны быть признаны права человѣка, а именно слѣдующія: а) равенство всѣхъ передъ закономъ безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности, б) неприкосновенность личности и жилища: никто не можетъ быть обысканъ, арестованъ и наказанъ иначе, какъ по суду; в) свобода передвиженія—полная отмѣна паспортной системы; г) свобода совѣсти; д) свобода печати и устнаго слова; е) свобода союзовъ, собраній и стачекъ; 2) необходимо ввести всеобщее, обязательное, безплатное начальное образованіе и, уничтоживъ всѣ преграды къ

полученію средняго и высшаго, обезпечить всякому возможность получить среднее и высшее образованіе. Необходимо прекратить существующій во всѣхъ сферахъ народной жизни произволъ и обезпечить правильное исполненіе должностными лицами всѣхъ степеней и вѣдомствъ ихъ обязанностей: всякій долженъ имѣть право, за причиненную обиду или убытокъ, привлекать ихъ непосредственно къ суду, независимо отъ разрѣшенія на то ихъ начальства; 3) Все великое неустройство русской жизни, всѣ вышеуказанныя нужды и самый аграрный вопросъ не могутъ быть разрѣшены нынѣшнимъ чиновническо-полицейскимъ правительствомъ, не обладающимъ ни надлежащими средствами, ни авторитетомъ. Громадная задача переустройства русской жизни подъ силу лишь народному представительству, устроенному на правильныхъ началахъ, т. е. основанному на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ, причемъ къ представительному народному собранію, какъ къ постоянному учрежденію, должны перейти обычныя права и обязанности конституціонныхъ учрежденій: законодательная власть, право разсмотрѣнія и утвержденія государственнаго бюджета и контроль надъ администраціей; 4) малоземелье земледѣльцевъ достигло въ настоящее время такой остроты, что борьба съ нимъ должна считаться государственной необходимостью и вестись всѣми возможными способами, какъ то: увеличеніемъ площади землепользованія земледѣльцевъ, улучшеніемъ переселеній, созданіемъ особаго государственнаго земельнаго банка, принятіемъ мѣръ къ достиженію правильнаго землеустройства и т. п. Нормы землепользованія для земледѣльцевъ должны быть выработаны для каждой мѣстности особо. 5) Казенныя, удѣльныя и монастырскія земли должны быть признаны фондомъ (запасомъ), назначеніе которыхъ—служить для увеличенія пользованія малоземельныхъ и безземельныхъ земледѣльцевъ. Поскольку этихъ земель недостаточно для удовлетворенія земельной нужды, въ фондъ земельнаго обезпеченія земледѣльцевъ должна быть обращена извѣстная доля частновладѣльческихъ земель. 6) Выкупъ частновладѣльческихъ земель долженъ быть произведенъ на государственныя средства, причемъ государство надѣлитъ малоземельныхъ земледѣльцевъ и тѣхъ безземельныхъ, которые ведутъ хозяйство на арендуемой землѣ, за плату, которая должна быть соображена не со стоимостью земли, какъ товара, а опредѣляема особо выработанными правилами для каждой мѣстности. 7) Необходима—отмѣна выкупныхъ платежей, постепенное пониженіе и уничтоженіе косвенныхъ налоговъ и введеніе прогрессивно-подоходнаго налога.

Такая энергичная, открытая и смѣлая дѣятельность земства немедленно вызвала привычныя репрессіи.

Въ іюлѣ 1905 года ярославскій губернаторъ А. П. Роговичъ разослалъ такой циркуляръ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ:

„собравшійся въ Москвѣ 6 іюля, вопреки запрещенію правительства, съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ цѣломъ рядѣ постановленій и резолюцій своихъ высказалъ намѣреніе въ августѣ сего года черезъ губернскія, земскія и городскія управы, различныя состоящія при нихъ организаціи, а также чрезъ отдѣльныхъ городскихъ и земскихъ дѣятелей вести широкую пропаганду политическихъ идей среди городского и сельскаго населенія путемъ раздачи соотвѣтствующаго содержанія воззваній, листковъ и сообщеній періодическихъ изданій; а также путемъ устройствъ сборищъ, сходокъ и собесѣдованій. Считаю долгомъ поставить васъ въ извѣстность, что какъ московскій

съѣздъ, такъ и организаціонное при немъ бюро, самовольно составившіеся и произвольно присвоившіе себѣ непринадлежащую имъ власть, состоятъ внѣ закона и постановленія ихъ никакой силы не имѣютъ и имѣть не могутъ; что посему всѣ извѣщенія, требованія, запросы, предложенія отъ означенныхъ съѣзда или бюро, обращенныя въ предсѣдательствуемую ваму управу, къ членамъ ея, къ вамъ лично или къ другимъ земскимъ дѣятелямъ, должно быть оставлены безъ всякаго исполненія и всѣ получаемыя отъ съѣзда изданія должны быть представляемы мнѣ".

Херсонскій губернаторъ въ іюлѣ 1905 г. въ циркулярѣ губернской и уѣздной земскимъ управамъ предлагалъ:

„Къ неуклонному исполненію": 1) безъ разрѣшенія губернской администраціи не допускать распространенія печатныхъ (какъ типографическимъ путемъ, такъ и на множительныхъ аппаратахъ) изданій и трудовъ, 2) не принимать петицій, подаваемыхъ на Высочайшее имя, а въ случаѣ присылки возвращать ихъ подателямъ, какъ ненадлежаще направленное, 3) фактически осуществить надзоръ за служащими въ земствѣ лицами, 4) не допускать дѣйствій и распоряженій, не основанныхъ точно на законѣ".

Въ августѣ 1905 г. исправляющій должность тверского губернатора, вице-губернаторъ Хитрово, разослалъ земскимъ начальникамъ такой циркуляръ:

„по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ городахъ и селахъ, между прочимъ, и въ тверской губерніи, разными лицами организуется приведеніе въ исполненіе постановленій не разрѣшеннаго, но состоявшагося въ Москвѣ 6 іюля съѣзда общественныхъ дѣятелей. Постановленія эти заключаются въ составленіи проекта народнаго представительства по западному, чуждому намъ образцу, въ противовѣсъ выработанному гофмейстеромъ Булыгинымъ проекту Государственной Думы на основаніяхъ, неоднократно указывавшихся самимъ Государемъ Императоромъ, единенія народа съ самодержавною властью. Это свое рѣшеніе участники съѣзда и ихъ единомышленники рѣшили распространять въ народѣ всевозможными способами: путемъ устныхъ собесѣдованій въ собраніяхъ, въ кружкахъ и распространеніе въ народѣ листковъ, воззваній и даже газетъ (какъ, напр., посылать „Сынъ Отечества" [1]) въ видѣ пробныхъ номеровъ), соотвѣтствующаго содержанія, не стѣсняясь запрещеніемъ властей. Незаконность подобныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ существующаго и долженствующаго сохраняться неизмѣннымъ государственнаго самодержавнаго строя, ясна. Поэтому призываю васъ, м. г., всѣми имѣющимися въ вашемъ распоряженіи средствами противодѣйствовать исполненію этихъ намѣреній, не допуская обращенія въ народѣ вышеупомянутыхъ изданій, отбирая ихъ и присылая ко мнѣ и предотвращая и прекращая собранія и тому подобныя единенія, для этой цѣли организуемыя, непремѣнно переписывая главнымъ образомъ рукодителей ихъ. Вполнѣ увѣренъ, что мѣстныя лица, отъ которыхъ можно ждать подобныхъ дѣйствій, вамъ хорошо извѣстны, за появленіемъ же для этой цѣли пришлыхъ лицъ, необходимо тщательно слѣдить. О всѣхъ проявленіяхъ подобной дѣятельности немедленно мнѣ доносить".

---

[1]) Эта газета нѣкоторое время была органомъ „Союза освобожденія".

Уфимскій губернаторъ, не задолго до открытія іюльскаго, 1905 г., экстреннаго губернскаго земскаго собранія, прислалъ на имя предсѣдателя управы Коропачинскаго бумагу такого содержанія относительно разсылки управою гласнымъ постановленій съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей 22—26 апрѣля:

„Въ постановленіяхъ этихъ,—говорилось въ губернаторской бумагѣ,—кромѣ рѣшенія самовольнаго съѣзда объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи, значится также приглашеніе земскихъ и общественныхъ дѣятелей: 1) не принимать вообще участія въ учреждаемыхъ правительствомъ комиссіяхъ и 2) не принимать особливо участія въ уѣздныхъ комиссіяхъ, образуемыхъ на основаніи указа отъ 10 апрѣля 1905 г., о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ крестьянскими безпорядками. Постановленія этого съѣзда, какъ содержащія въ себѣ приглашеніе земскихъ дѣятелей къ явному неповиновенію и противленію правительственнымъ распоряженіямъ и Высочайшему указу и недозволенныя сужденія о постановленіяхъ правительства, являются преступными, равно какъ и распространеніе таковыхъ, согласно ст. 251, 262, 274, 281 и 301 уложен. о наказ. А потому, на основаніи ст. 5, 103, 104, 132 и 133 полож. о земск. учр., предлагаю уфимской земской управѣ истребовать въ трехдневный срокъ отъ предсѣдателя управы Коропачинскаго и представить мнѣ по содержанію изложеннаго надлежащее объясненіе, предложить ему Коропачинскому, вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить цѣль разсылаемыхъ протоколовъ совѣщанія земскихъ дѣятелей съ преступными цѣлями“.

Калужскій губернаторъ не допускалъ къ обсужденію іюньскаго экстреннаго губернскаго земскаго собранія вопросовъ: 1) объ избраніи представителей отъ населенія калужской губерніи для участія въ законодательствѣ, 2) объ аграрной комиссіи, 3) о выборѣ 4—6-ти лицъ для участія въ съѣздахъ, 4) объ изданіи брошюры о пріемѣ Государемъ Императоромъ 6 іюня 1905 г. земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Вмѣстѣ съ этимъ управѣ предлагалось немедленно пріостановить выпускъ ивъ земской типографіи отпечатаннаго и разрѣшеннаго цензурой доклада о народномъ представительствѣ. При разрѣшеніи этого доклада цензурой былъ вычеркнутъ и не допущенъ къ печати въ немъ текстъ всеподданнѣйшаго адреса калужскаго губернскаго земскаго собранія экстренной сессіи 21 марта 1905 г., тогда какъ въ вышедшихъ изъ печати журналахъ этого собранія означенный текстъ адреса преблагополучно напечатанъ и на обложкѣ значится: «дозволено цензурой».

Но всѣ эти административные указы, угрозы, приказы не оказывали уже ровно никакого дѣйствія. И вотъ, чтобы умиротворить общественное мнѣніе, 6 августа 1905 года было опубликовано Учрежденіе Государственной Думы,—конституція, сфабрикованная Булыгинымъ, давно уже извѣстная по газетамъ и всѣми осужденная. Дабы общество, земство и города не критиковали этого бюрократическаго дѣтища, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. е. авторъ «конституціи», въ августѣ же поспѣшилъ войти въ правительствующій сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ цѣлаго ряда постановленій губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій, которыми за земскими

собраніями и городскими думами было признано право обсуждать, въ порядкѣ, указанномъ Высочайшимъ указомъ 18 февраля, въ чрезвычайныхъ собраніяхъ мѣропріятія, клонящіяся къ устройству государственнаго быта, безъ предварительнаго разрѣшенія губернаторовъ на внесеніе этихъ вопросовъ въ программу означенныхъ собраній.

Затѣмъ принятъ былъ и рядъ другихъ мѣръ. Такъ, 20-го августа 1905 г., въ Москвѣ, въ квартирѣ темниковскаго уѣзднаго предводителя дворянства Ю. А. Новосильцева собрался кружокъ изъ 13 лицъ для обсужденія программы, которую, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы проводить въ Государственной Думѣ. Присутствовали слѣдующія лица: проф. В. И. Вернадскій, проф. М. Я. Герценштейнъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, предсѣдатель новгородской губернской земской управы А. М. Колюбакинъ, Н. Н. Львовъ, проф. И. В. Лучицкій, проф. А. А. Мануиловъ, Ю. А. Новосильцевъ, проф. Е. Н. Трубецкой, кн. Д. И. Шаховскій, Н. Н. Щепкинъ, В. Е. Якушкинъ. Бесѣда была скоро прервана появленіемъ полиціи, объявившей присутствовавшимъ распоряженіе московскаго генералъ-губернатора о немедленномъ прекращеніи совѣщанія. Послѣ этого бесѣда не могла продолжаться, такъ какъ полиція занялась составленіемъ протокола, что потребовало около трехъ часовъ. На заявленіе присутствовавшихъ въ квартирѣ Новосильцева лицъ, что они не видятъ ничего противозаконнаго въ фактѣ бесѣды, въ которой принимали участіе, и не намѣрены подчиниться незаконному распоряженію полиціи, имъ было объявлено, что въ такомъ случаѣ будетъ употреблена сила.

Затѣмъ, въ квартирѣ доктора Н. Н. Баженова, въ Москвѣ же, въ моментъ засѣданія организаціоннаго бюро съѣзда земскихъ дѣятелей явился исправляющій должность полиціймейстера Носковъ и участковый помощникъ пристава Косоворотовъ и также предложили немедленно прекратить засѣданіе. Послѣ категорическаго отказа, Носковъ отправился бесѣдовать по телефону съ градоначальникомъ и, вернувшись, заявилъ, что засѣданіе можетъ происходить лишь въ его присутствіи. По окончаніи засѣданія, Носковъ составилъ протоколъ.

Но никакія мѣропріятія не могли уже смирить земцевъ, и они, какъ и раньше, находили возможность критиковать булыгинскую Думу.

Такъ, въ концѣ 1905 года, на совѣщаніи тверскихъ земскихъ дѣятелей приняты были нижеслѣдующія постановленія:

1) Оставаясь на почвѣ принятаго 17 іюля постановленія, собраніе признаетъ, что положеніе о Государственной Думѣ 6-го августа совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ, изложеннымъ въ этомъ постановленіи, и вовсе не удовлетворяетъ законныхъ ожиданій русскаго народа. Поэтому собраніе, выражая со своей стороны протестъ противъ этого положенія, признаетъ необходимымъ, чтобы такимъ же образомъ отнеслись къ этому всякаго рода общественныя собранія и организаціи. 2) Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе находитъ, что необходимо использовать и этотъ законодательный актъ путемъ вліянія на выборы и проведенія въ Думу лицъ, всецѣло сочувствующихъ указанному выше постановленію, при томъ однако непремѣнномъ условіи, чтобы избранныя въ Думу лица ограничили свое участіе въ ней требованіемъ: 1) измѣ-

ненія выборовъ въ Думу на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія и обезпеченія всѣхъ видовъ политической и гражданской свободы, являющейся не только основнымъ правомъ гражданина, но и единственной гарантіей правильности выбора населеніемъ его представителей и 2) предоставленія думѣ не совѣщательнаго голоса, а рѣшающей власти.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, 1905 г., земцы устроили послѣдній съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ которомъ, собственно говоря, уже намѣчалась программа конституціонно-демократической партіи. Это обстоятельство заставляетъ насъ привести краткій подлинный журналъ сентябрьскаго съѣзда, происходившаго отъ 12 до 15 сент.

Засѣданіе 12 сентября [1]).

Предсѣдатель Бюро Ф. А. Головинъ доложилъ объ условіяхъ, при которыхъ происходили подготовительныя работы по созыву съѣзда и о сношеніяхъ по этому поводу съ администраціей. Изъ сообщенія Ф. А. Головина выяснилось, между прочимъ, что настоящій съѣздъ разрѣшенъ правительствомъ по слѣдующей программѣ:

---

[1]) *Члены съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей 12 сентября*

1. Члены съѣзда отъ земскихъ губерній.

1. Бессарабская. 1 Шишко, Іосифъ Цезаревичъ. *2. Владимірская.* 2. Муравьевъ, Николай Павловичъ 3. Петровъ, Сергѣй Александровичъ. 4. Коммиссаровъ, Михаилъ Герасимовичъ. 5. Смирновъ, Георгій Александровичъ. 6. Яковлевъ, Николай Павловичъ. *3. Вологодская.* 7. Зыринъ, Иванъ Николаевичъ. 8. Брянчаниновъ, Валеріанъ Николаевичъ. 9. Ильинъ, Дмитрій Александровичъ. 10. Масленниковъ, Н. 11. Лавровъ, Михаилъ Николаевичъ. *4. Воронежская.* 12. Ростовцевъ, Петръ Яковлевичъ. 13. Шуриновъ, Константинъ Константиновичъ. *5. Вятская.* 14. Дураковъ, Александръ Афанасьевичъ. *6. Екатеринославская.* 15. Рудь, Порфирій Николаевичъ. 16. Каменскій, Петръ Валеріевичъ. *7. Казанская,* 17. Геркенъ, Петръ Ивановичъ. *8. Калужская.* 18. Кашкаровъ, Василій Михайловичъ. 19. Обнинскій, Викторъ Петровичъ. 20. Гончаровъ, Дмитрій Дмитріевичъ. *9. Костромская.* 21. Щулепниковъ, Иванъ Васильевичъ. 22. Перелешинъ. Александръ Васильевичъ. 23. Каратыгинъ, Всеволодъ Николаевичъ. 24. Сафоновъ, Петръ Алексѣевичъ. *10. Курская.* 25. Якушкинъ, Вячеславъ Евгеніевичъ. 26. Фонъ-Рутценъ, Александръ Николаевичъ. 27. Кн. Петръ Дмитріевичъ Долгоруковъ. *11. Московская* 28. Розенбергъ, Владиміръ Александровичъ. 29. Челноковъ, Михаилъ Васильевичъ. 30. Полнеръ, Тихонъ Ивановичъ. 31. Головинъ, Федоръ Александровичъ. 32. Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ. 33. Князь Шаховской, Сергѣй Ивановичъ. *12. Нижегородская.* 34. Килевейнъ, Георгій Робертовичъ. 35. Савельевъ, Александръ Александровичъ. *13. Новгородская.* 36. Колюбакинъ, Александръ Михаиловичъ. 37. Корсаковъ, Иванъ Ассикритовичъ. 38. Бередниковъ, Сергѣй Григорьевичъ. 39. Храповицкій, Александръ Павловичъ. *14. Орловская.* 40. Дмитріевъ, Василій Сергѣевичъ. 41. Татариновъ, Федоръ Васильевичъ. 42. Стаховичъ, Михаилъ Александровичъ. 43. Стаховичъ. Александръ Александровичъ. *15. Олонецкая.* 44. Ратьковъ, Н. *16. Пензенская.* 45. Рошковскій, Василій Игнатьевичъ. 46. Умновъ, Викторъ Николаевичъ. *17. Пермская.* 47. Удинцевъ, Димитрій Аристарховичъ. *18. Петербургская.* 48. Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ. *19. Полтавская.* 49. Лизогубъ, Федоръ Андреевичъ. 50. Гринеевичъ, Павелъ Ивановичъ. 51. Шкляревичъ, Петръ Даниловичъ. 52. Леонтовичъ, Иванъ Николаевичъ. *20. Псковская.* 53. Графъ Гейденъ, Петръ Александровичъ. *21. Рязанская.* 54. Дворжакъ, Александръ Карловичъ. 55. Эманъ. 56. Князь Волконскій. 57. Порозовъ, К. *22. Самарская.* 58. Протопоповъ, Дмитрій Дмитріевичъ. 59. Головнинъ, Николай Николаевичъ. 60. Племянниковъ, Василій Андреевичъ. 61. Шишковъ, Николай Александровичъ. 62. Кромитиновъ, Георгій Николаевичъ. *23. Саратовская.* 63. Котляревскій, Сергѣй Андреевичъ. 64. Унковскій. Семенъ Александровичъ. 65. Юмашовъ, Александръ Дмитріевичъ. *24. Симбирская,*

1) Объ участіи общественныхъ дѣятелей въ предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу.

2) Объ организаціи на мѣстахъ выборной компаніи: а) установленіе единообразнаго пониманія требованій закона объ организаціи Государственной Думы и выборовъ; б) установленіе общей программы для будущей избирательной компаніи.

3) Объ организаціи общеземской помощи населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая.

Разрѣшеніе съѣзда обусловлено соблюденіемъ нижеслѣдующихъ требованій:

На совѣщаніи должно присутствовать лицо, командируемое генералъ-губернаторомъ. Совѣщаніе не должно быть публичнымъ, и представитель правительства обязанъ закрыть собраніе, если оно существенно отклонится отъ предположеннаго предмета его занятій, если въ собраніи будутъ высказываться сужденія, возбуждающія вражду одного класса противъ другого, если въ собраніи будутъ распространяться противоправительственныя воззванія или изданія, если будетъ нарушенъ порядокъ въ собраніи противоправительственными возгласами или заявленіями, восхваленіемъ или оправданіемъ преступныхъ дѣяній государственныхъ, возбужденіемъ къ насилію или къ неповиновенію властямъ или иными преступными дѣяніями... При наличности этихъ условій представителю правительства предоставляется потребовать отъ предсѣдателя закрытія собранія; если же требованіе это не будетъ исполнено, то собраніе закрываетъ присутствующій представитель администраціи своей властью.

Въ качествѣ представителя правительственной власти на съѣздѣ при-

---

66. Метальниковъ, Николай Ивановичъ. 67. Князь Баратаевъ, Сергѣй Михайловичъ, *25. Смоленская.* 68. Садовскій, Борисъ Тимофѣевичъ. 69. Вороновскій, Владиміръ Михайловичъ. 70. Опочининъ, Николай Николаевичъ. 71. Энгельгардтъ, Вадимъ Платоновичъ. *26. Таврическая.* 72. Крымъ, Соломонъ Самойловичъ. 73. Харченко, Яковъ Тарасовичъ. 74. Мурзаевъ, Мелконъ Калустовичъ. 75. Оболенскій, князь, Владиміръ Андреевичъ. 76. Новиковъ, Александръ Васильевичъ. *27. Тамбовская.* 77. Вернадскій, Владиміръ Ивановичъ. 78. Измайловъ, В. В. *28. Тверская.* 79. Родичевъ, Федоръ Измайловичъ. 80. Кузьминъ-Караваевъ, Владиміръ Дмитріевичъ. 81. Милюковъ, Николай Кононовичъ 82. Де-Роберти, Евгеній. *29. Тульская.* 83. Князь Долгоруковъ, Михаилъ Ростисл. 84. Князь Голицынъ, Михаилъ Владиміровичъ. *30. Харьковская.* 85. Линтваревъ, Павелъ Михаиловичъ. 86. Князь Голицынъ, Александръ Дмитріевичъ. 87. Ковалевскій, Николай Николаевичъ. 88. Деларю, Михаилъ Даниловичъ. *31. Херсонская.* 89. Михальчи, Дмитрій Константиновичъ. 90. Горшковъ, Дмитрій Степановичъ. *32. Черниговская.* 91. Малявкинъ, Евгеній Ивановичъ. *33. Ярославская.* 92. Крыловъ, Аполлинарій Платоновичъ. 93. Михалковъ, Сергѣй Владиміровичъ. 94. Князь Шаховской, Дмитрій Ивановичъ. 95. Глѣбовъ, Николай Николаевичъ.

Члены съѣзда отъ неземскихъ губерній.

34. Ковенская. 96. Врублевскій. *35. Могилевская.* 67. Бѣлевскій, Левъ Станиславовичъ. *36. Новочеркасская.* 98 Захарьевъ, Николай Александровичъ. *37. Область Войска Донского.* 99. Поздѣевъ, Иванъ Борисовичъ. 100. Брыкинъ, Семенъ Васильевичъ. *38. Витебское Общество Сельскихъ Хозяевъ.* 101. Гульневичъ, Константинъ Николаевичъ. *39. Минское О во Сельскаго Хозяйства.* 102. Князь Іеронимъ Эдиновичъ Друцкій-Любецкій. *40. Волынская.* 103 Понятовскій, Щ. А. *Отъ Луцкаго О-ва Сел. Хоз.* 104. Фафіусъ, Тадеушъ Адольфовичъ. *41. Отъ Ковенскаго О-ва Сельск. Хоз.* 105. Брохоцкій, Владиславъ Александровичъ. *42. Виленскаго О-ва Сельск. Хоз.* 106. Лопацынскій, Сергѣй Игнатьевичъ. *43. Отъ того же Общества.* 107. Набоковъ, Вл. Членъ Бюро. *44. Могилевская губ.* 108. Хоментовскій.

сутствовалъ управляющій канцеляріей московскаго генералъ-губернатора А. А. Воронинъ.

Ф. Ф. Кокошкинъ сдѣлалъ сообщеніе объ основаніяхъ, которыми руководилось Бюро, привлекая къ участію въ настоящемъ съѣздѣ представителей неземскихъ губерній.

Предсѣдателемъ собранія на первый день избранъ гр. П. А. Гейденъ, товарищами предсѣдателя—Ф. А. Головинъ и Н. Н. Щепкинъ, секретарями—Т. И. Полнеръ, Б. А. Розенбергъ и Н. И. Астровъ.

В. Е. Якушкинымъ—прочтенъ докладъ Бюро по вопросу объ участіи земскихъ и городскихъ дѣятелей въ предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу.

Послѣ обмѣна мнѣніями большинствомъ противъ одного голоса принята нижеслѣдующая резолюція, предложенная отъ имени Бюро Ф. Ф. Кокошкинымъ: „Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей, полагая, что Государственная Дума, имѣющая быть созванной на основаніи закона 6 августа 1905 года не явится народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что выборное собраніе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ Имперіи, можетъ послужить средоточіемъ и точкой опоры для общественнаго движенія, стремящагося къ достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства, признаетъ желательнымъ, чтобы русскіе граждане, примкнувшіе къ политической программѣ, установленной совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 года и 22—26 апрѣля 1905 года и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 г. вошли въ возможно большемъ числѣ въ Государственную Думу и образовали тамъ сплоченную группу съ цѣлью достигнуть черезъ ея посредство гарантій гражданской свободы и равенства, указанныхъ въ постановленіяхъ совѣщанія 6—9 ноября 1904 г., и введенія народнаго представительства на началахъ, установленныхъ совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. и 22—26 апрѣля 1905 г. и совѣщаніями городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 года".

В. Е. Якушкинымъ прочтенъ докладъ бюро о выборахъ 1905 г. и организаціи центральнаго избирательнаго комитета.

Обсудивъ докладъ съѣздъ большинствомъ противъ 1 голоса призналъ необходимымъ организовать особый центральный избирательный комитетъ съ консультаціонными функціями. Вопросъ объ активномъ участіи комитета въ выборной компаніи оставленъ открытымъ.

Засѣданіе 13 сентября.

Предсѣдателемъ избранъ князь Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ.

Доложено заключеніе бюро по заявленію членовъ съѣзда П. В. Вологодскаго (Томскъ) и И. И. Попова (Иркутскъ). Единогласно постановлено:

„Въ виду заявленій представителей городовъ Томска и Иркутска, 5-й съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей призналъ необходимымъ постановить, что выборы членовъ Государственной Думы отъ губерній и областей Сибири и отъ г. Иркутска должны быть произведены съ такимъ разсчетомъ, чтобы представители Сибири могли принять участіе въ первыхъ же засѣданіяхъ Государственной Думы".

Поставленъ на баллотировку вопросъ о томъ, желательно ли вообще

обратиться къ избирателямъ отъ съѣзда съ краткимъ изложеніемъ про граммъ, объединяющихъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Вопросъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ противъ 6 голосовъ и съѣздъ приступилъ затѣмъ къ обсужденію политической программы. Послѣ внесенія сдѣланныхъ собраніемъ поправокъ, принятъ слѣдующій текстъ этой программы:

„1) Полное и всестороннее проведеніе въ практику государственнаго управленія начала законности, равно обязательнаго какъ для частныхъ лицъ, такъ и для представителей самой власти, отвѣтственныхъ, наравнѣ съ гражданами передъ общимъ судомъ и въ общемъ порядкѣ за допущенныя ими нарушенія закона. 2) Признаніе полнаго равенства личныхъ, (гражданскихъ и политическихъ) правъ всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи, въ частности коренное измѣненіе нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго положенія крестьянъ и другихъ находящихся съ ними въ одинаковомъ положеніи сельскихъ обывателей, для чего необходимо: а) уравнять сельское населеніе въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій; б) освободить сельское населеніе отъ административной опеки во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) упразднивъ институтъ земскихъ начальниковъ, оградить крестьянство наравнѣ съ другими сословіями правильной формой суда; г) признаніе и немедленное проведеніе въ жизнь началъ неприкосновенности личности и частнаго жилища; обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ, свободы передвиженія при отмѣнѣ паспортной системы; 4) Учрежденіе народнаго представительства, участвующаго въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью и правильностью дѣйствій высшей и низшей администраціи. Безъ согласія народныхъ представителей не долженъ быть издаваемъ ни одинъ законъ, ни устанавливаемъ ни одинъ государственный налогъ, ни производимъ никакой расходъ изъ государственной казны. 5) Въ организаціи народнаго представительства Россійской Имперіи не должно быть допущено ни сословное начало, ни такъ называемое представительство интересовъ. Въ основу этой организаціи должны быть положены выборы представителей отъ населенія путемъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. 6) На ряду съ представительственнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія, должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россійскую Имперію, органовъ мѣстнаго самоуправленія. Обѣ палаты должны быть равноправны. 7) Полное отдѣленіе судебной власти отъ административной; начало несмѣняемости судей; возстановленіе института выборнаго мирового суда; упраздненіе существующихъ изъятій изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства съ участіемъ присяжныхъ, по роду преступленій; отмѣна введенныхъ въ послѣднее время ограниченій гласности; строгое проведеніе того начала, что безъ приговора надлежащей судебной власти нѣтъ никакой кары, никакого взысканія, никакого ограниченія въ пользованіи правами. Отмѣна смертной казни навсегда.

8) Признаніе, что никакое изъятіе изъ основныхъ началъ неприкосновенности личности и основныхъ правъ Россійскихъ гражданъ и нормальной подсудности не можетъ быть установлено. Повсемѣстное снятіе положеній усиленной охраны и военнаго и отмѣна остальныхъ исключительныхъ законовъ.

Недопущеніе чрезвычайныхъ военныхъ и иныхъ судовъ; полная амнистія осужденныхъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія; отмѣна наложенныхъ за тѣ же преступленія административныхъ взысканій и прекращеніе начатыхъ преслѣдованій.

Отдѣльные пункты программы приняты: 1, 3, 4 и 7 единогласно; 2-й по по существу единогласно, въ изложенной редакціи громаднымъ большинствомъ. 1-я часть 5-го пункта единогласно, 2-я часть 5-го пункта большинствомъ противъ 37 голосовъ; 6-й большинствомъ противъ 31 и 8-й большинствомъ противъ 4 голосовъ.

При обсужденіи программы возникъ вопросъ о включеніи въ нее мнѣнія и меньшинства; предложеніе это отвергнуто большинствомъ противъ 39 голосовъ.

Г. Драго (Одесса) и В. В. Пржевальскій (Москва) предложили оговорить, что подъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ подразумѣвается участіе въ выборахъ всѣхъ гражданъ безъ различія пола.

Предложеніе это отвергнуто большинствомъ 72 голосовъ противъ 60.

При баллотировкѣ 8-го пункта принята большинствомъ 80 голосовъ противъ 44 поправка В. В. Измайлова, полагавшаго, что и законодательной власти народнаго представительства не должно быть предоставлено право устанавливать какія-либо изъятія изъ основныхъ началъ неприкосновенности личности и основныхъ правъ россійскихъ гражданъ.

Большинствомъ голосовъ отвергнуто предложеніе П. В. Вологодскаго (Томскъ) прибавить къ политической программѣ пунктъ 9-й:

„Реорганизація арміи на началахъ постепеннаго перехода къ милиціи, съ сокращеніемъ срока обязательной службы, съ отбываніемъ въ мирное время по возможности въ предѣлахъ родной области“.

Ф. Ф. Кокошкинымъ прочтенъ докладъ бюро по вопросу о правахъ національностей и о децентрализаціи управленія и законодательства.

Засѣданіе 14-го Сентября.

Предсѣдателемъ избранъ Н. Н. Щепкинъ.

Ф. А. Головинъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что бюро, согласно представленному ему праву, включило въ свой составъ Максима Максимовича Ковалевскаге и Павла Николаевича Милюкова, которыхъ проситъ принять участіе въ занятіяхъ съѣзда. При продолжительныхъ шумныхъ апплодисментахъ П. Н. Милюковъ и М. М. Ковалевскій заняли мѣста среди членовъ организаціоннаго бюро.

Н. Н. Щепкинъ доложилъ, что бюро предлагаетъ съѣзду создать центральный избирательный Комитетъ въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ и включить въ составъ его слѣдующихъ лицъ: К. К. Арсеньева, Гр. П. А. Гейдена, В. Д. Набокова, В. Д. Кузьмина-Караваева, Ф. И. Родичева, М. П. Федорова, М. И. Петрункевича, Н. А. Оппель, С. А. Муромцева, А. Н. Фонъ-Рутцена, П. Н. Милюкова, М. М. Ковалевскаго.

Созывъ Комитета для начала дѣятельности предположено просить взять на себя М. П. Федорова.

Предложенія эти единогласно приняты съѣздомъ.

Возвращаясь къ обсужденію доклада бюро о правахъ національности и децентрализаціи управленія и законодательства, съѣздъ остановился прежде всего на предложеніи г. Врублевскаго (Ковенская губ.), указавшаго на необходимость оградить права меньшинства въ будущемъ представительствѣ.

Послѣ обмѣна мнѣній единогласно принята слѣдующая резолюція:

„Съѣздъ признаетъ умѣстнымъ и своевременнымъ поручить бюро выработать проектъ положеній объ обезпеченіи правъ меньшинства, какъ въ мѣстномъ, такъ и въ имперскомъ представительствѣ".

Затѣмъ, послѣ обмѣна мнѣніями по вопросу о правахъ національностей и о децентрализаціи управленія и законодательства, собраніемъ принята слѣдующая резолюція:

А) По вопросу о правахъ національностей.

1) Основной законъ Россійской Имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ Имперію народностямъ право свободнаго культурнаго самоопредѣленія, какъ-то: полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ общественной жизни, свободу собраній и союзовъ, свободу основанія и содержанія частныхъ учебныхъ заведеній и всякаго рода учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности, и т. п.

2) Русскій языкъ долженъ остаться языкомъ центральныхъ государственныхъ учрежденій, арміи и флота. Употребленіе на ряду съ общегосударственнымъ мѣстныхъ языковъ въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государства или органовъ самоуправленія, регулируется общими и мѣстными законами и въ предѣлахъ законовъ постановленіями надлежащихъ установленій. При этомъ должно быть наблюдаемо, чтобы населеніе каждой мѣстности могло получать начальное, а по возможности и дальнѣйшее образованіе на своемъ родномъ языкѣ.

Б) По вопросу о децентрализаціи управленія.

1) Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простираться на всю область мѣстнаго управленія, включая сюда и полицію безопасности и благочинія и, за исключеніемъ лишь тѣхъ отраслей управленія, которыя въ условіяхъ современной государственной жизни необходимо требуютъ централизаціи.

2) Дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія, при чемъ окончательное рѣшеніе по возникающимъ въ этомъ отношеніи спорамъ и сомнѣніямъ должно принадлежать судебнымъ учрежденіямъ.

3) Органамъ мѣстнаго самоуправленія должна принадлежать широкая власть издавать въ предѣлахъ законовъ общеобязательныя постановленія. При этомъ возможно большая часть предметовъ, подлежащихъ нынѣ веденію законодательной власти, должна быть отнесена къ кругу дѣйствія обязательныхъ постановленій.

В) По вопросу о децентрализаціи законодательства.

Имѣя въ виду, что образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по

извѣстнымъ предметамъ является потребностью нѣкоторыхъ частей Имперіи, съѣздъ признаетъ, что послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства съ конституціонными правами для всей Имперіи, долженъ быть открытъ законный путь для установленія мѣстной автономіи, по мѣрѣ выясненія потребности въ ней мѣстнаго населенія и естественныхъ границъ автономныхъ областей.

Г) По вопросу объ автономіи Царства Польскаго.

Съѣздъ, имѣя въ виду, что Царство Польское въ большей своей части представляетъ собой совершенно однородное въ національномъ и культурномъ отношеніи и рѣзко обособленное отъ остальныхъ частей Имперіи цѣлое, признаетъ необходимымъ немедленное, по установленіи общеимперскаго демократическаго народнаго представительства съ конституціонными правами, выдѣленіе Царства Польскаго въ особую автономную единицу съ сеймомъ, избираемымъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, при условіи сохраненія Государственнаго единства Имперіи и установленія возможности исправленія границъ между Царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями, по обоюдному соглашенію, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ и желаніями мѣстнаго населенія, при этомъ въ Царствѣ Польскомъ должны дѣйствовать общеимперскія гарантіи гражданской свободы и права національностей на культурное самоопредѣленіе и должны быть обезпечены права меньшинства.

Отдѣльные пункты резолюціи приняты: Лит. А. п. 1, Лит. Б п. 1 и 2-й единогласно; Лит. А. п. 2 большинствомъ противъ 3-хъ голосовъ при одномъ воздержавшемся; Лит. Б. п. 3 большинствомъ противъ 3-хъ голосовъ, Лит. В. въ изложенной редакціи принятъ большинствомъ 78 противъ 37 голосовъ и лит. Г большинствомъ противъ 1 голоса при одномъ воздержавшемся. Предложеніе А. И. Гучкова о поименномъ голосованіи положеній изложенныхъ въ Лит. В. отвергнуто большинствомъ голосовъ.

Затѣмъ собраніе приступило къ обсужденію экономической программы, при чемъ А. А. Мануиловъ внесъ слѣдующій проэктъ резолюціи, предложенной Бюро по поводу первоначальнаго проекта экономической программы, розданнаго членамъ съѣзда.

„Съѣздъ, заслушавъ проэктъ экономической программы и признавъ, что она можетъ служить точкой отправленія для дальнѣйшей разработки, поручаетъ Бюро продолжать начатую работу для представленія ея результатовъ ближайшему съѣзду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ постановляетъ разослать проэктъ программы на мѣста и обращается къ мѣстнымъ учрежденіямъ и лицамъ съ просьбой подвергнуть ее разсмотрѣнію съ точки зрѣнія какъ общихъ началъ, такъ и особыхъ условій отдѣльныхъ мѣстностей Россіи и свои соображенія по этому предмету доставить въ бюро съѣзда".

Послѣ краткаго обмѣна мнѣній рѣшено обсужденіе вопроса отложить до слѣдующаго дня.

Засѣданіе 15-го Сентября.

Предсѣдателемъ избранъ гр. П. А. Гейденъ.

М. Я. Герценштейномъ прочтенъ переработанный, согласно сдѣланнымъ въ предшествовавшемъ засѣданіи замѣчаніямъ, слѣдующій проэктъ экономической программы.

1. Аграрная программа.

1) Увеличеніе площади землепользованія, основаннаго на началахъ личнаго труда, какъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, такъ и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ земледѣльцевъ государственными, удѣльными и кабинетскими землями, а въ случаѣ надобности, отчужденіе государствомъ части частновладѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ.

2) Отмѣна выкупныхъ платежей.

3) Широкая организація государственной помощи для переселенія, разселенія и устройства хозяйственнаго быта поселенцевъ. Реорганизація для этой цѣли Крестьянскаго Банка.

4) Законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній: упроченіе пользованія арендованною землею, обезпеченіе правъ арендатора на произведенныя имъ, но не использованныя къ окончанію арендаго срока, затраты на улучшеніе, и противодѣйствіе чрезмѣрному повышенію арендныхъ цѣнъ путемъ ихъ урегулированія.

5) Пересмотръ законодательства о наймѣ на сельскія работы съ цѣлью установленія равноправности договаривающихся сторонъ. Учрежденіе сельскохозяйственной инспекціи труда на однородныхъ началахъ съ фабричною. Распространеніе на сельскихъ рабочихъ фабричнаго (рабочаго) законодательства примѣнительно къ условіямъ земледѣльческой промышленности.

6) Развитіе различныхъ видовъ мелкаго и меліоративнаго кредита и кооперація въ видахъ подъема благосостоянія сельскаго населенія и улучшенія сельскаго хозяйства.

7) Облегченіе размежеванія земель и обмѣна земельныхъ участковъ.

8) Широкое содѣйствіе подъему сельскаго хозяйства. Установленіе условій, благопріятныхъ для процвѣтанія обществъ, союзовъ и вообще всякаго рода единеній, направленныхъ къ улучшенію земледѣлія.

2. Рабочій вопросъ.

1) Свобода профессіональныхъ союзовъ на основѣ общаго права союзовъ и собраній.

2) Признаніе стачекъ законнымъ средствомъ защиты рабочими своихъ интересовъ.

3) Реформа фабричнаго законодательства и распространеніе его на всѣ отрасли фабрично-заводской и ремесленной промышленности; усиленіе законодательной охраны труда. Обезпеченіе за фабричною инспекціею надлежащей самостоятельности и независимости отъ полицейскихъ властей.

4) Предложены двѣ редакціи:

Установленіе 8 час. рабочаго дня для взрослыхъ мужчинъ во всѣхъ производствахъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ эта мѣра будетъ признана практически неосуществимой. Урегулированіе сверхъурочныхъ работъ. Развитіе законодательства объ охранѣ женщинъ и дѣтей;

или

Установленіе 8 часового рабочаго дня для женщинъ и сокращеніе его для малолѣтнихъ. Постепенное сокращеніе рабочаго времени для взрослыхъ мужчинъ и установленіе 8 часовой нормы, гдѣ это возможно. Урегулированіе сверхъурочныхъ работъ.

5) Учрежденіе примирительныхъ палатъ при участіи представителей труда и капитала.

6) Обязательное государственное страхованіе на случай смерти, увѣчій, болѣзни и старости. Изысканіе мѣръ борьбы съ безработицею и облегченіе участи безработныхъ.

7) Организація кредита для ремесленниковъ, содѣйствіе кооперації ремесленнаго труда, охрана труда служащихъ въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ.

Экономическая и финансовая программа.

1) Развитіе прямыхъ налоговъ на основѣ прогрессивно-подоходнаго обложенія, въ связи съ пониженіемъ косвеннаго обложенія вообще и отмѣною косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости.

2) Постепенное, соотвѣтственно съ положеніемъ отдѣльныхъ производствъ, пониженіе таможеннаго тарифа въ цѣляхъ техническаго подъема промышленности и удешевленія предметовъ массоваго потребленія.

3) Содѣйствіе развитію производительности народнаго труда. Пересмотръ устава о промышленности въ смыслѣ облегченія условій промышленной дѣятельности. Явочный порядокъ открытія промышленныхъ заведеній.

4) Реформа Государственнаго Банка въ смыслѣ освобожденія отъ опеки Министерства Финансовъ и приспособленія къ нуждамъ всѣхъ классовъ населенія.

Послѣ преній, громаднымъ большинствомъ голосовъ, собраніе приняло резолюцію предложенную наканунѣ А. А. Мануиловымъ.

Затѣмъ собраніе приступило къ обсужденію вопроса о томъ, какія положенія программы подлежатъ внесенію въ текстъ обращенія къ избирателямъ.

В. Е. Якушкинъ огласилъ слѣдующій текстъ программы Бюро по вопросамъ о Судѣ, крестьянскомъ законодательствѣ, мѣстномъ самоуправленіи и народномъ образованіи:

1) Необходимо установленіе нѳзависимаго суда, равнаго для всѣхъ. Судъ присяжныхъ долженъ получить систематическое и широкое примѣненіе въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, которые теперь рѣшаются безъ его содѣйствія (преступленія противъ порядка управленія, преступленія по должности, проступки по дѣламъ печати и т. д.

2) Необходимо изданіе закона, который облегчалъ бы привлеченіе къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона и обезпечивалъ бы практическое осуществленіе началъ законности въ управленіи.

3) Независимо отъ осуществленія общихъ правъ личности, необходимо немедленное и скорѣйшее уничтоженіе обособленнаго и приниженнаго положенія крестьянства, освобожденіе его отъ административной опеки и огражденіе его правильной формой суда.

4) Необходимо преобразовать земское и городское самоуправленіе, призвавъ къ участію въ немъ все населеніе и приблизивъ къ нему самыя учрежденія, путемъ созданія мелкихъ самоуправляющихся единицъ, съ тѣмъ, чтобы кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія былъ значительно расширенъ, обнимая собой всю область мѣстныхъ интересовъ и пользъ. Земскія и городскія учрежденія должны быть вполнѣ самостоятельны, обладая распорядительной и исполнительной властью.

5) Вопросы народнаго просвѣщенія должны быть выдвинуты впередъ въ правительственной политикѣ, которой необходимо совершенно измѣнить свое отношеніе къ интересамъ и задачамъ образованія.

Въ частности необходимо:

а) введеніе всеобщаго безплатнаго начальнаго образованія, съ расширеніемъ и поднятіемъ курса начальной школы, которая всецѣло должна быть передана органамъ мѣстнаго самоуправленія; развитіе всѣхъ видовъ и средствъ дополнительнаго и внѣшкольнаго образованія.

б) Увеличеніе числа среднихъ учебныхъ заведеній въ мѣру общественной потребности; пересмотръ программы средней школы и положенія о ней: близкое участіе органовъ мѣстнаго самоуправленія и общества въ завѣдываніи средней школой; возможная свобода въ программѣ средней школы и въ постановкѣ въ ней учебнаго дѣла.

в) Установленіе прямой связи между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ для облегченія перехода отъ низшей ступени до высшей.

г) Автономія университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Доступъ въ нихъ женщинамъ на одинаковомъ основаніи съ мужчинами. Свобода академическаго преподаванія. Увеличеніе числа высшихъ учебныхъ заведеній.

д) Развитіе техническаго и профессіональнаго образованія.

е) Свобода общественной и частной инициативы въ дѣлѣ просвѣщенія.

Постановлено единогласно пунктъ 5-й программы ввести въ обращеніе къ избирателямъ [1]).

Послѣ обсужденія всѣхъ сдѣланныхъ предложеній, единогласно принятъ слѣдующій текстъ обращенія:

Текстъ обращенія подъ заголовкомъ „отъ съѣзда городскихъ и земскимъ дѣятелей 12—15 сентября 1905 года“.

„Въ теченіе послѣднихъ десяти мѣсяцевъ, съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей выработалъ свою программу, какъ опредѣленной общественно-политической группы. Программа эта не партійная, а настолько общая, что она могла объединить около себя дѣятелей, которые на отдѣльные вопросы смотрятъ различно, но одинаково стремятся къ дѣйствительному устраненію главнаго зла русской жизни, чиновничьяго всемогущества, путемъ введенія правильнаго народнаго представительства и признанія государствомъ правъ человѣка и гражданина. Въ настоящее время, благодаря изданію закона 6 авг., къ прежнимъ способамъ выраженія общественнаго мнѣнія, прибавился новый. Россія стоитъ наканунѣ выборовъ въ Государственную Думу и вопросъ о томъ, какъ воспользоваться этимъ средствомъ,—становится самымъ насущнымъ и очереднымъ вопросомъ.

По существу дѣла, законъ 6 авг. не далъ ничего, что могло бы дѣйствительно устранить недостатки нашего теперешняго строя и вывести Россію изъ тяжелаго положенія, въ какомъ она находится. Онъ не сдѣлалъ ничего, что могло бы успокоить страну и направить ея силы къ полезной созидательной работѣ. Вмѣсто того, чтобы дать всему населенію выбрать своихъ представителей въ Государственную Думу, онъ призвалъ къ выборамъ съ одной стороны лицъ съ извѣстнымъ имущественнымъ достаткомъ и опредѣлилъ размѣры его очень высоко; съ другой стороны, по отношенію къ выборамъ отъ крестьянъ

[1]) Въ засѣданіяхъ съѣзда участвовало 130 предстаавителей земствъ и 63 представителя городовъ.

законъ установилъ сложный порядокъ и собственно далъ право выборовъ не крестьянамъ, а волостному сходу. Вмѣсто того, чтобы привлечь избирателей къ общимъ выборамъ, законъ раздѣлилъ ихъ на разряды, отчасти по интересамъ, отчасти по сословнымъ признакамъ. Вмѣсто того, наконецъ, чтобы поставить народнаго представителя въ возможно близкія отношенія къ его избирателямъ, законъ опредѣлилъ для разныхъ разрядовъ избирателей выборы двухстепенные, трехстепенные и даже четырехстепенные. По всѣмъ этимъ причинамъ, число избирателей будетъ считаться сотнями и тысячами—въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ они должны считаться милліонами.

Совершенно неправильно поставивъ выборы, законъ также неправильно опредѣлилъ права и обязанности Государственной Думы. Онъ не предоставилъ ей рѣшающаго голоса въ законодательствѣ: Дума можетъ обсуждать переданный въ нее проектъ закона, можетъ внести въ него важныя измѣненія, можетъ совсѣмъ отвергнуть его, но проектъ все-таки пойдетъ дальше на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, и въ концѣ концовъ, можетъ быть изданъ законъ, который Дума признала ненужнымъ или вреднымъ. Сама Дума можетъ предложить новый законъ, но разработка и движеніе ея предположеній зависятъ отъ усмотрѣнія министровъ. Такимъ образомъ, и послѣ учрежденія Государственной Думы, составленіе и проведеніе законовъ по прежнему остается въ рукахъ чиновниковъ, какъ это было и раньше.

Дума разсматриваетъ проектъ государственной смѣты, но какъ и относительно проектовъ законовъ, у нея нѣтъ рѣшающаго голоса, да къ тому же еще очень важные вопросы финансоваго характера могутъ вовсе миновать Думу.

Дума не имѣетъ права контроля министровъ: ей предоставлено только на извѣстныхъ очень ограничительныхъ условіяхъ просить министра о разъясненіяхъ, при чемъ министръ можетъ отвѣтить очень нескоро, а можетъ и совсѣмъ не отвѣтить.

Законъ о Государственной Думѣ совершенно обошелъ вопросы о свободѣ слова и печати, о свободѣ сходокъ, собраній, союзовъ, о правахъ личности, а между тѣмъ безъ строгаго обезпеченія этихъ свободъ и правъ, какіе возможны правильные выборы и возможна ли вполнѣ правильная и цѣлесообразная дѣятельность народнаго представительства?

Не давъ никакихъ обезпеченій политической свободы, реформа 6 авг. не приняла также никакихъ мѣръ для возстановленія правъ лицъ, которые пострадали, за такъ называемыя, государственныя преступленія по суду или безъ суда,—мѣра безусловно необходимая, хотя бы даже и при такомъ измѣненіи государственнаго строя, какое произведено учрежденіемъ Государственной Думы.

При такомъ характерѣ Государственной Думы, участіе въ предстоящихъ выборахъ является тяжелой обязанностью, и только сознаніе гражданскаго долга заставляетъ участвовать въ выборахъ, съ цѣлью добиваться скорѣйшаго измѣненія всѣхъ указанныхъ неправильностей.

Первая и главная задача Государственной Думы, и должна, по мнѣнію съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, состоять въ томъ, чтобы выставить и провести необходимость преобразованія самой Государственной Думы.

Для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы избиратели высказались черезъ своихъ выборщиковъ за такихъ кандидатовъ въ члены Государственной Думы, которые бы имѣли прежде всего въ виду дальнѣйшее усовершен-

ствованіе самой Думы и сумѣли бы отстаивать правильныя основанія для этого усовершенствованія.

Конечно, велики и другія нужды и потребности Россіи, помимо только что указанныхъ. Съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей старался выяснить осуществимыя мѣры для ихъ удовлетворенія. Прежде всего, съѣздъ призналъ настоятельно необходимымъ увеличеніе площади землепользованія, основаннаго на началахъ личнаго труда, какъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, такъ и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ—земледѣльцевъ, государственными удѣльными и кабинетскими землями, а въ случаѣ надобности отчужденіе государствомъ части частно владѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ. Далѣе съѣздъ стоитъ за отмѣну выкупныхъ платежей и за законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній путемъ упроченія пользованія арендованной землей, обезпеченія правъ арендатора на произведенныя имъ, но неиспользованныя къ окончанію арендnаго срока затраты на улучшеніе, и путемъ противодѣйствія чрезмѣрному повышенію арендныхъ цѣнъ, посредствомъ ихъ урегулированія. Съѣздъ признаетъ также необходимымъ улучшеніе условій жизни и работы трудящагося населенія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, путемъ широкаго развитія рабочаго законодательства, сокращенія рабочаго дня и предоставленія рабочимъ всѣхъ необходимыхъ средствъ мирной защиты своихъ интересовъ (права стачекъ, свободы союзовъ и пр). По отношенію къ финансамъ Россіи, съѣздъ стоитъ за коренное измѣненіе существующей системы обложенія, въ цѣляхъ справедливаго распредѣленія налоговой тягости. Затѣмъ, съѣздъ признаетъ необходимымъ скорѣйшее и полное уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими гражданами; онъ рѣшительно стоитъ за уничтоженіе всякихъ ограниченій въ правахъ личности по религіознымъ или національнымъ основаніямъ. Съѣздъ выдвигаетъ также вопросъ о правильной постановкѣ независимаго суда, о преобразованіи и повсемѣстномъ распространеніи самоуправленія, такъ, чтобы мѣстныя дѣла рѣшались выборными мѣстными людьми. Не менѣе важна, по мнѣнію съѣзда, самая широкая постановка вопроса о народномъ образованіи. Необходимо введеніе всеобщаго безплатнаго начальнаго обученія; начальная школа должна быть передена въ завѣдываніе мѣстнаго самоуправленія. Количество среднихъ учебныхъ заведеній должно быть увеличено соотвѣтственно общественной потребности; мѣстное самоуправленіе и общество должны принять близкое участіе въ ихъ завѣдываніи. Университеты и другія высшія учебныя заведенія должны получить полное самоуправленіе и свободу преподаванія; женщины должны быть допущены въ нихъ наравнѣ съ мужчинами. Наконецъ, между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ должна быть установлена прямая связь, для облегченія перехода отъ низшей ступени до высшей.

Но при всей важности и настоятельности всѣхъ перечисленныхъ задачъ, съѣздъ убѣжденъ, что полнаго и цѣлесообразнаго разрѣшенія ихъ, какъ и удовлетворенія другихъ нуждъ страны, возможно добиться только тогда, когда создастся правильное народное представительство. А для того, чтобы добиться этой цѣли, нужно, чтобы, какъ можно большее число представителей, посланныхъ въ Думу, безъ различія оттѣнковъ во взглядахъ на всѣ другіе вопросы, сошлись и согласились на одинаковомъ пониманіи первой и главной задачи—политической реформы Думы и обезпеченія основныхъ правъ гражданина. Такимъ образомъ, не отказываясь отъ преслѣдованія всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя

намѣчены въ программныхъ постановленіяхъ съѣздовъ, — на предстоящихъ выборахъ съѣздъ призываетъ всѣхъ избирателей объединиться около слѣдующей краткой и опредѣленной избирательной программы.

1) Обезпеченіе правъ личности, свобода слова и печати, свобода сходокъ, собраній, союзовъ.

2) Установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

3) Рѣшающій голосъ Думы въ законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей.

Только скорѣйшимъ осуществленіемъ этихъ первыхъ насущныхъ задачъ, можно успокоить страну, вывести ее изъ теперешняго ея тяжелаго положенія, направить всѣ ея силы къ дѣйствительному обновленію и широкому развитію нашей жизни, обезпечить правильное и цѣлесообразное удовлетвореніе нуждъ и потребностей народа. Мы призываемъ поэтому всѣхъ избирателей, сознающихъ исключительную важность настоящаго положенія, соединиться для достиженія ближайшей цѣли, откинувъ всѣ споры и разногласія по вопросамъ, рѣшать которые придется только впослѣдствіи!

Слѣдующіи съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей былъ назначенъ черезъ мѣсяцъ—на 12 октября, 1905 года.

Но это уже былъ не обыкновенный безпартійный съѣздъ, а учредительное собраніе конституціонно-демократической партіи.

Послѣдняя, въ сущности говоря, была уже организована, чему, какъ мы видимъ, много способствовало «Освобожденіе», а еще болѣе «Союзъ Освобожденія», который еще въ мартѣ 1905 года, на 3-мъ своемъ московскомъ съѣздѣ, занимался обсужденіемъ конституціи.

На этомъ съѣздѣ была выработана и разослана во всѣ отдѣлы «Союза» нижеслѣдующее заявленіе «Союза Освобожденія»:

„Союзъ Освобожденія“ находитъ, что тяжелый и внѣшній и внутренній кризисъ, переживаемый Россіей, въ настоящее время настолько обострился, что народъ долженъ взять разрѣшеніе этого кризиса въ свои руки, вмѣстѣ съ другими общественными группами, выступившими противъ существующаго режима. „Союзъ Освобожденія“ требуетъ поэтому немедленнаго созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ для выработки русской конституціи. „Союзъ Освобожденія“ считаетъ далѣе необходимымъ выступить уже въ настоящее, подготовительное къ созыву учредительнаго собранія, время съ опредѣленной программой. Общею и непосредственною цѣлью своей дѣятельности „Союзъ Освобожденія“ считаетъ коренное преобразованіе государственнаго строя Россіи на началахъ политической свободы и демократизма. Для осуществленія провозглашенныхъ „Союзомъ“ началъ политической свободы и демократизма, мы требуемъ признанія въ основномъ государственномъ законѣ правъ человѣка и гражданина. Въ составъ ихъ прежде всего входитъ равенство всѣхъ передъ закономъ, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности. Всякія сословныя различія и всякія ограниченія личныхъ и имущественныхъ правъ поляковъ, евреевъ и другихъ отдѣльныхъ группъ населенія должны быть отмѣнены. Далѣе, сюда относится неприкосновенность личности и жилища. Никто не можетъ быть ни обысканъ, ни арестованъ, ни наказанъ иначе, какъ въ порядкѣ общаго судопроизводства, предоставляющаго подозрѣваемому и обвиняемому всѣ средства защиты на всѣхъ стадіяхъ судебнаго разбирательства. Каждому гражданину

должна быть предоставлена полная свобода передвиженія; паспортная система должна быть упразднена. Затѣмъ необходимо обезпеченіе свободы совѣсти. Всякія религіозныя преслѣдованія должны быть прекращены; никто не можетъ быть вынуждаемъ испов ывать какое-либо вѣроученіе или принадлежать къ какой либо вѣроисповѣд ой организаціи; наоборотъ, всякій имѣетъ право свободно либо выбрать себѣ то или другое вѣроученіе и присоединиться къ тому или другому вѣроисповѣданому обществу, либо отказаться отъ всякаго вѣроученія и перестать принадлежать къ той церкви, членомъ которой онъ считался. Изъ признанія нами свободы совѣсти вытекаетъ, съ одной стороны, освобожденіе церковныхъ обществъ отъ государственной опеки и, съ другой — освобожденіе государства отъ подчиненія церковнымъ интересамъ. Веденіе актовъ гражданскаго состоянія должно быть для всего населенія дѣломъ гражданскихъ властей. Равнымъ образомъ, необходима свобода печатнаго слова. Свобода печати подразумѣвать полную отмѣну цензуры и право издавать и распространять всевозможныя произведенія печати, какъ періодической, такъ и не періодической, на всѣхъ языкахъ, безъ всякихъ разрѣшеній, залоговъ или другихъ какихъ-либо ограничительныхъ мѣръ. За преступленія и проступки, совершенные путемъ печати, виновные отвѣчаютъ только передъ судомъ, причемъ никакое мнѣніе, выраженное въ печати, не подлежитъ преслѣдованію и въ судебномъ порядкѣ, если въ этомъ мнѣніи не заключается общеуголовнаго правонарушенія. Наконецъ, мы требуемъ свободы устнаго слова, публичныхъ собраній и союзовъ. Всѣ граждане должны имѣть право произносить рѣчи, читать лекціи, устраивать собранія, какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ. Они должны имѣть право образовывать постоянные и временные союзы для всякихъ цѣлей, прямо не запрещенныхъ уголовнымъ закономъ и, притомъ, безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія полицейской власти. Союзы и публичныя собранія должны имѣть право коллективныхъ обращеній, въ установленномъ закономъ порядкѣ, къ законодательной власти, съ заявленіями и ходатайствами. Но какъ никакое народное представительство не можетъ быть признано выражающимъ мысль и волю страны, если законами ея не утверждены равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, неприкосновенность личности и жилища, свобода совѣсти, свобода печати, свобода собраній и союзовъ, точно также никакія права человѣка и гражданина не будутъ обезпечены до тѣхъ поръ, пока законъ не будетъ выраженіемъ воли народа и пока исполнительная власть не будетъ подчинена контролю народнаго представительства. Для этого необходимо, чтобы законодательная власть принадлежала народному представительству, организованному на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, безъ различія пола. Представители народа должны имѣть право законодательной инициативы. Утвержденіе государственнаго бюджета должно быть неотъемлемымъ правомъ народнаго представительства. Никто не обязанъ платить налоговъ и пошлинъ, не предусмотрѣнныхъ смѣтой или когда смѣта уже потеряла законную силу. Высшіе органы исполнительной власти — министры — должны быть отвѣтственны передъ народнымъ собраніемъ, которое, такимъ образомъ, не только облечено правомъ обсуждать дѣйствія министровъ и ихъ подчиненныхъ и требовать отъ нихъ объясненій, но имѣетъ также право, при соблюденіи извѣстныхъ условій, привлекать министровъ къ судебной отвѣтственности. Мы требуемъ не только того, чтобы народное представительство было организовано на началѣ политическаго равенства, мы добиваемся также того,

чтобы государственное устройство преобразованной Россіи было утверждено на широкомъ мѣстномъ и областномъ самоуправленіи. Освобожденая Россія должна сознательно и рѣшительно порвать съ угнетеніемъ окраинъ и бюрократической централизаціей. Изъ этого слѣдуетъ, прежде всего, что конституція Финляндіи, обезпечивающая ея особенное государственное положеніе, должна быть всецѣло возстановлена и торжественно признана въ основныхъ законахъ Россійской Имперіи. Всякія дальнѣйшія мѣропріятія, общія Имперіи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь дѣломъ соглашенія между законодательными факторами Имперіи и Великаго Княжества.

Самое широкое областное самоуправленіе должно быть, во всякомъ случаѣ, предоставлено областямъ Имперіи, рѣзко обособленнымъ по своимъ бытовымъ и историческимъ условіямъ, напримѣръ, Польшѣ, Литвѣ, Малороссіи или Закавказью. Въ отношеніи народностей, входящихъ въ составъ Россіи, мы безусловно признаемъ ихъ право на культурное самоопредѣленіе. Употребленіе въ начальныхъ школахъ и во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ народнаго языка должно быть принципіально признано необходимымъ для всѣхъ народностей Россійскаго государства. Въ то же время во всей странѣ должно быть, на основѣ всеобщей подачи голосовъ, создано, облеченное широкими правами, дѣйствительно независимое самоуправленіе сельское, участковое, уѣздное, губернское, а также городское. Ему должны быть предоставлены всѣ отрасли мѣстнаго благоустройства, въ томъ числѣ и полиція. Но политическимъ переустройствомъ не можетъ быть ограничиваемо государственное преобразованіе Россіи. Политическая реформа необходима также и ради осуществленія глубокихъ культурныхъ, правовыхъ и экономическихъ преобразованій. Первое мѣсто среди нихъ должно принадлежать школьной реформѣ. Немедленно должно быть приступлено къ организаціи въ странѣ всеобщаго начальнаго обученія съ чисто свѣтскимъ характеромъ, которое впослѣдствіи должно быть сдѣлано обязательнымъ. Средняя школа и высшія учебныя заведенія должны подвергнуться органической реформѣ. Мы требуемъ автономіи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и передачи начальной и средней школы въ полное завѣдываніе мѣстнаго самоуправленія. Программы низшей, средней и высшей школы должны быть согласованы другъ съ другомъ, чтобы была обезпечена возможность послѣдовательнаго прохожденія обучающимися всѣхъ трехъ ступеней школы. Обученіе въ общественныхъ и государственныхъ школахъ всѣхъ типовъ должно быть безплатнымъ.

Въ области суда мы считаемъ необходимымъ въ полной чистотѣ возстановить основы судебныхъ уставовъ 1864 года и дать имъ окончательное осуществленіе. Судъ долженъ быть равнымъ для всѣхъ; учрежденіе исключительныхъ судовъ по какимъ бы то ни было поводамъ недопустимо. Поэтому должностныя лица должны быть предаваемы суду и судимы въ общемъ порядкѣ. Институты земскихъ начальниковъ и волостные суды должны быть отмѣнены. Гласность суда должна быть возстановлена во всей полнотѣ, и закрытіе дверей по политическимъ соображеніямъ не должно быть допускаемо. Судьи должны быть независимы, и потому несмѣняемы и ненаграждаемы. Судъ присяжныхъ долженъ получить возможно широкое распространеніе съ исключительной подсудностью ему всѣхъ преступленій. Уголовное уложеніе должно быть пересмотрѣно, и постановленія его, противорѣчащія началамъ политической свободы должны быть отмѣнены. Смертная казнь, примѣняемая почти исключительно

въ интересахъ поддержанія существующаго строя, подлежитъ безусловной отмѣнѣ.

Вся хозяйственная жизнь Россіи до корня извращается политическимъ рабствомъ, въ которомъ коснѣетъ страна. Освобожденная Россія должна порвать съ системой внѣшнихъ захватовъ и съ финансовой и экономической политикой, разоряющей страну. Контроль народныхъ представителей надъ расходованіемъ народныхъ средствъ прекратитъ практиковавшееся до сихъ поръ расточеніе народнаго достоянія. Относительно системы обложенія мы требуемъ: 1) отмѣны выкупныхъ платежей, взимаемыхъ съ крестьянскихъ земель, 2) развитія прямого обложенія и постепеннаго пониженія и уничтоженія косвенныхъ налоговъ; 3) реформы прямого обложенія на основѣ прогресивной пропорціональности налоговъ доходамъ облагаемыхъ лицъ. На ряду съ измѣненіемъ финансовой политики необходимъ отказъ отъ покровительства отдѣльнымъ предпріятіямъ и предпринимателямъ, и усиленное покровительство развитію производительныхъ силъ народа. Постепенное пониженіе таможенныхъ пошлинъ не только улучшитъ положеніе сельскаго хозяйства, но и будетъ содѣйствовать въ сильной степени расцвѣту промышленности. Рядомъ съ отказомъ отъ неразумнаго протекціонизма должны быть проведены широкія аграрныя реформы. Политическое освобожденіе Россіи должно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и довершеніемъ дѣла освобожденія крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: 1) новое надѣленіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ государственными, удѣльными и кабинетскими землями, а гдѣ ихъ нѣтъ—частно-владѣльческими, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ этихъ земель; 2) образованіе государственнаго земельнаго фонда для широкой организаціи, съ помощью государства, переселенія крестьянъ на эти земли; 3) созданіе арендnаго права, гарантирующаго земледѣльцу плодъ его улучшеній, и учрежденіе примирительныхъ палатъ для регулированія арендной платы въ интересамъ трудящихся и для разбора споровъ и несогласій между арендаторами и землевладѣльцами; 4) распространеніе рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ примѣнительно къ особымъ условіямъ земледѣлія. Въ области рабочаго вопроса необходимо, прежде всего, созданіе благопріятныхъ условій для развитія коллективной самодѣятельности рабочихъ: право стачекъ и явочный порядокъ для профессіональныхъ обществъ и союзовъ. Затѣмъ мы признаемъ необходимымъ: 1) реформу рабочаго законодательства и инспекціи труда съ уничтоженіемъ присущаго имъ нынѣ бюрократическаго характера и съ распространеніемъ ихъ на всѣ виды наемнаго труда; 2) законодательное регулированіе продолжительности рабочаго времени, путемъ введеніе 8-ми часового рабочаго дня въ тѣхъ производствахъ, гдѣ это возможно, немедленно, и приближеніе къ нему въ другихъ производствахъ; 3) отмѣну сверхурочныхъ работъ, кромѣ технически необходимыхъ; 4) развитіе охраны труда женщинъ и дѣтей; 5) законодательное регулированіе всѣхъ отношеній найма, которыя поддаются такой нормировкѣ; 6) учрежденіе примирительныхъ палатъ, составленныхъ изъ выборныхъ представителей труда и капитала въ равномъ числѣ отъ обѣихъ сторонъ, для разбора всѣхъ вопросовъ договора о наймѣ, не поддающихся законодательной нормировкѣ; 7) обезпеченіе рабочимъ полнаго вознагражденія отъ предпринимателей за утраченную вслѣдствіе несчастнаго случая или профессіональной болѣзни трудоспособность; 8) введеніе государственнаго страхованія на случай смерти, старости, болѣзни и неспособности къ труду и

привлеченіе рабочихъ къ участію въ управленіи страховыми учрежденіями на равныхъ правахъ съ предпринимателями [1]).

Въ концѣ августа 1905 года состоялся IV-й съѣздъ «Союза Освобожденія», на который явились представители отдѣленій «Союза». отъ Петербурга, Москвы, 4-хъ университетскихъ, 21 губернскихъ [2]), (въ томъ числѣ 2-хъ сибирскихъ губерній [3]) и двухъ уѣздныхъ городовъ [4]), а также представители отъ демократовъ и еврейскаго союза. Изъ общаго числа участвовавшихъ въ этомъ съѣздѣ,—третья часть были земскіе и городскіе гласные, а двѣ-трети—«третій», преимущественно, земскій «элементъ», а также профессора, литераторы, юристы, врачи, инженеры и т. п. Земскіе и городскіе гласные на этомъ съѣздѣ первые подняли вопросы о необходимости образованія единой русской конституціонно-демократической партіи, которая бы объединила въ себѣ вмѣстѣ съ «Союзомъ Освобожденія» земскую конституціонную группу, такую-же группу городскихъ дѣятелей, уже объединившихся съ земцами, а также другіе такого-же направленія элементы, частью организовавшіеся въ профессіональные союзы, частью не примкнувшіе ни къ какимъ организаціямъ. Въ проектѣ образованія конституціонно-демократической партіи главными вопросами были: переходъ «Союза Освобожденія» отъ тактики тайнаго общества къ тактикѣ открытой политической партіи въ европейскомъ смыслѣ слова и соединеніе со всѣми группами однороднаго направленія. Эти два главные вопроса рѣшены были въ положительномъ смыслѣ. Затѣмъ избрана была особая комиссія изъ 40 лицъ, наиболѣе компетентныхъ, непосредственно знающихъ настроеніе общества и народныхъ массъ. Комиссія эта и должна была подготовить проектъ программы конституціонно-демократической партіи для октябрьскаго учредительнаго собранія. Въ качествѣ исходной точки для подготовительныхъ работъ ей указана была вышеприведенная «Платформа Конституціонно-демократической партіи», выработанная на 3-мъ съѣздѣ «Союза Освобожденія». Здѣсь же поднимался вопросъ и о переводѣ на русскій, такъ сказать, языкъ словъ «конституціонно-демократическая», но рѣшено было оставить ихъ, такъ какъ русская жизнь не располагала къ созданію собственной терминологіи въ этой области [5]).

Въ концѣ концовъ IV-й съѣздъ «Союза Освобожденія» резюмировалъ такъ свои постановленія:

1) Признано необходимымъ приступить безотлагательно къ организаціи открытой конституціонно-демократической партіи. Съ этою цѣлью избрана особая комиссія изъ 40 лицъ, которой поручено войти по данному вопросу въ

---

[1]) На этомъ объединились тогда рѣшительно всѣ группы „Союза Освобожденія“, куда, какъ мы уже говорили, входили представители различныхъ партій и всѣхъ профессіональныхъ союзовъ и націй Россіи.

[2]) Новгорода, Твери, Ярославля, Костромы, Владиміра, Смоленска. Могилева, Воронежа, Вятки, Казани, Симбирска, Саратова, Тамбова, Курска, Харькова, Екатеринослава, Кіева, Одессы, Симферополя.

[3]) Красноярска и Иркутска.

[4]) Сумъ и Новозыбкова.

[5]) Впослѣдствіи только конституціонно-демократическая партія назвала себя партіею „Народной Свободы“.

сношенія съ другими общественными группами и принимать всѣ нужныя подготовительныя мѣры; въ качествѣ исходной точки для такихъ подготовительныхъ работъ комиссіи указана программа „Союза Освобожденія“, принятая на третьемъ съѣздѣ „Союза“.

2) По вопросу объ участіи членовъ Союза въ выборахъ въ Государственную Думу съѣздомъ приняты были слѣдующія резолюціи: а) признавая, что вновь учрежденная Государственная Дума совершенно не соотвѣтствуетъ опредѣленно выраженнымъ требованіямъ страны и ни въ коемъ случаѣ не можетъ замѣнить истиннаго народнаго представительства, основаннаго на всеобщемъ избирательномъ правѣ и пользующагося рѣшающимъ голосомъ въ законодательствѣ, Союзъ тѣмъ не менѣе находитъ, что воздержаніе отъ участія въ выборахъ не можетъ быть проведено въ широкихъ размѣрахъ и потому не дастъ практическихъ результатовъ, участіе же въ избирательной борьбѣ, наоборотъ, дастъ возможность воспользоваться новыми путями въ дѣлѣ пробужденія дѣйственной политической мысли. Въ виду этого Союзъ не находитъ возможнымъ рекомендовать своимъ членамъ устраненіе отъ участія въ выборахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что члены Союза могутъ вступать въ Думу не ради участія въ текущихъ повседневныхъ законодательныхъ работахъ, а исключительно съ цѣлью борьбы за введеніе въ Россіи дѣйствительныхъ конституціонныхъ свободъ и учрежденій на демократическихъ основахъ, не стѣсняясь при этомъ перспективой возможности отрытаго разрыва съ существующимъ правительствомъ; б) желательно, чтобы волостными сходами при выборѣ выборщиковъ были формулируемы основныя нужды мѣстныхъ крестьянъ какъ политическія, такъ и экономическія.

3) Разсмотрѣвъ заключеніе Совѣта объ отношеніяхъ Союза Освобожденія къ центральной организаціи Крестьянскаго Союза, съѣздъ поручаетъ Совѣту войти въ постоянное общеніе съ органами Крестьянскаго Союза, предоставилъ самому Совѣту опредѣлить лучшія формы такого общенія. По отношенію же къ крестьянскимъ союзамъ на мѣстахъ принята была слѣдующая резолюція: „Мѣстныя группы „Союза Освобожденія“ должны всѣми мѣрами содѣйствовать учрежденію мѣстныхъ крестьянскихъ союзовъ на почвѣ платформы, соотвѣтствующей основнымъ положеніямъ „Союза Освобожденія“, и посылки этими союзами делегатовъ на всероссійскій съѣздъ крестьянскихъ союзовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ путей для достиженія этой задачи должны быть земскіе экономическіе и другіе совѣты, гдѣ къ нимъ привлекаются крестьянскіе представители, мелкія сельско-хозяйственныя общества, потребительныя общества, кредитныя товарищества и т. п. [1]).

Теперь возвратимся къ съѣзду земскихъ и городскихъ дѣятелей 12 октября 1905 г. Онъ открылся въ моментъ исторической всеобщей забастовки, когда русская революція достигла своего апогея. Вслѣдствіе пріостановки желѣзнодорожнаго движенія, въ Москву успѣли проскочить не болѣе четвертой части общаго числа лицъ, принимавшихъ

[1]) Въ Москвѣ, 31 іюля—2 августа 1905 г. состоялся первый учредительный съѣздъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза, на который прибыли свыше ста представителей отъ 28-ми губерній: Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Казанской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской и Донской области. Кромѣ названныхъ 100 крестьянъ въ съѣздѣ участвовали 25 представителей интеллигенціи.

участіе въ предшествующихъ съѣздахъ подобнаго рода. Возбуждался даже вопросъ,—возможно ли при такомъ количествѣ обсуждать вопросъ объ образованіи конституціонно-демократической партіи и вырабатывать ея программу. Но быстрый ходъ событій заставилъ отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, тѣмъ болѣе, что, въ сущности говоря, такая программа была уже представлена съѣзду, въ видѣ программы «Союза Освобожденія», постановленій IV-го съѣзда «Союза» и матеріаловъ съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Дебатировалась главнымъ образомъ приведенная нами программа, выработанная III мъ съѣздомъ «Союза Освобожденія», положенная въ основу конституціонно-демократической партіи.

Въ моментъ самыхъ горячихъ преній,—вечеромъ 17 октября, телеграфъ передалъ о назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ Витте и содержаніе изданнаго въ этотъ день историческаго манифеста 17-го октября, 1905 года. Въ исторіи освободительнаго движенія начался новый періодъ.

И. П. Бѣлоконскій.

Къ исторіи возникновенія Р. С. Д. Р. партіи.

Предисловіе.

Въ «манифестѣ» 1898 года объ образованіи Росс. С.-Д. Рабочей Партіи написано: «Въ сознаніи этого, представители: «Союзовъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса», группы, издающей «Рабочую Газету» и «Общееврейскаго Рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ» устроили съѣздъ»... Изъ всѣхъ упоминаемыхъ здѣсь организацій меньше всего имѣется въ литературѣ свѣдѣній о группѣ «Рабочей Газеты». Пополнить этотъ пробѣлъ является одной изъ задачъ предлагаемаго очерка.

Но еще меньше извѣстій въ литературѣ имѣется о первомъ партійномъ съѣздѣ. А тѣ свѣдѣнія, которыя и имѣются, не вполнѣ достовѣрны. Едва ли многіе знаютъ о подготовленіи перваго съѣзда и о Кіевской Конференціи 17—18 марта 1897 года.

Нѣкоторые изъ писавшихъ о съѣздѣ не знаютъ о томъ, какія именно организаціи принимали въ съѣздѣ участіе, и почему нѣкоторыя соціалдемократическія организаціи не были на этомъ съѣздѣ. Вообще о первомъ партійномъ съѣздѣ очень мало свѣдѣній. Больше всего написано о первомъ съѣздѣ у Н. Батурина въ «Очеркѣ исторіи соціалдемократіи въ Россіи». Но зато тамъ и больше всего ошибокъ.

Пополнить этотъ пробѣлъ составляетъ вторую задачу этихъ строкъ.

Въ итогѣ получится малоизвѣстная страница изъ исторіи Р. С-Д. Р. Партіи.

I.

Русская соціалдемократическая группа.

Первый съѣздъ Р. С.-Д. Р. П., на которомъ была основана партія, состоялся въ 1898 году по иниціативѣ группы «Рабочей Газеты».

Группа «Рабочей Газеты» преемственно связана съ русской соціалдемократической группой, которая существовала въ Кіевѣ съ начала 90 годовъ. Русской группа называлась въ отличіе отъ польскихъ группъ. Послѣднихъ было двѣ: группа польскихъ соціалистовъ (P. P. S.) и группа польскихъ соціалдемократовъ.

Въ 1891—2 году русская группа составляла марксистскій кру-

жокъ, который занимался изученіемъ и пропагандой соціалдемократическихъ идей среди учащейся молодежи и дѣлалъ попытки найти связи въ рабочей средѣ. Найти рабочаго и распропагандировать его—вотъ мечта соц.-демократа этого времени. Одинъ изъ членовъ группы изучилъ съ этой цѣлью токарное ремесло и потомъ нѣкоторое время работалъ въ качествѣ рабочаго.

Группа состояла большей частью изъ студентовъ университета и по мѣсту постояннаго жительства своихъ членовъ имѣла связи въ нѣсколькихъ городахъ Россіи и свѣдѣнія о рабочемъ движеніи въ нихъ. Возвращаясь послѣ каникулъ въ университетъ, члены группы привозили извѣстія изъ Москвы, Вильны, Петербурга, Нижняго и др. городовъ. Благодаря этому, группа имѣла свѣдѣнія о рабочемъ движеніи изъ всѣхъ почти крупныхъ центровъ непосредственно черезъ своихъ членовъ. Это обстоятельство способствовало сильно успѣху созыва съѣзда и основанія партіи. Мысль о созывѣ съѣзда и основаніи партіи возникала во многихъ городахъ, но только кіевской группѣ удалось осуществить ее.

Почему Кіеву удалось то, что не удалось ни Петербургу, ни Москвѣ?

Мнѣ кажется, что одна изъ причинъ этого—небольшое сравнительно съ Петербургомъ и Москвою рабочее населеніе Кіева.

Разъ начавшись, пропаганда очень быстро охватила всю свою небольшую область, и очень скоро возникла мысль объ объединеніи всѣхъ имѣвшихся въ городѣ кружковъ и группъ, а затѣмъ и мысль о соединеніи въ одну организацію всѣхъ городовъ. Вслѣдствіе краткости времени, которое достаточно было для приступившаго къ пропагандѣ среди рабочихъ марксистскаго кружка, чтобы, захвативъ все свое маленькое поле провинціальнаго малопромышленнаго города, дойти до мысли о пользѣ объединенія дѣятельности всѣхъ соц-дем-ихъ группъ въ Россіи, русская группа въ Кіевѣ стала предъ задачей созданія партіи до своего перваго и единственнаго провала, который произошелъ послѣ съѣзда.

При быстротѣ проваловъ группъ въ Москвѣ и Петербургѣ, только Кіеву удалось на ряду съ Вильной накопить революціонный опытъ старыхъ работниковъ. Послѣднему обстоятельству, кромѣ продолжительности существованія группы, нѣкоторые члены которой считали продолжительность своей работы 5—6 годами, считая со времени образованія первыхъ рабочихъ пропагандистскихъ кружковъ,—способствовала большая конспиративность кіевской группы. Группа отличалась, особенно въ началѣ своей дѣятельности, такимъ конспиративнымъ ригоризмомъ, что на многихъ, въ томъ числѣ и на меня, производила дурное впечатлѣніе.

Когда связей въ рабочей средѣ было очень мало, получалось впечатлѣніе конспираціи въ пустую.

Чѣмъ объясняется строгая конспиративная выдержанность кружка?

Мнѣ кажется, что это можно объяснить тѣмъ, что группа знала и цѣнила опытъ народовольцевъ.

Одна изъ первыхъ бесѣдъ въ маленькомъ кружкѣ изъ 4—5 лицъ, гдѣ только я былъ новичкомъ, а остальные и раньше прини-

мали въ немъ участіе, была посвящена вопросу о правилахъ конспираціи.

Общими правилами для членовъ считались слѣдующія: на улицахъ или при постороннихъ съ членами организаціи не раскланиваться, среди пропагандируемыхъ называться вымышленными именами, квартиры имѣть съ отдѣльнымъ ходомъ, съ глухими стѣнами; писемъ и фотографическихъ карточекъ членовъ не сохранять; при входѣ въ квартиры членовъ, убѣждаться предварительно въ присутствіи условленнаго знака безопасности; на улицахъ пользоваться проходными дворами и т. д.

Одинъ изъ членовъ группы разсказывалъ мнѣ о народовольческомъ кіевскомъ кружкѣ, имѣвшемъ своей спеціальностью подготовлять своихъ членовъ къ конспиративной работѣ.

Давалось, напр., порученіе въ точно опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время передать или получить отъ незнакомаго данному члену человѣка какую-либо вещь.

Кромѣ хорошей конспиративной школы, продолжительности существованія безъ провала и свѣдѣній членовъ группы о работѣ соц.-дем. организацій въ другихъ центрахъ рабочаго движенія, одной изъ причинъ сравнительно быстраго и нормальнаго развитія студенческаго молодого марксистскаго кружка въ крѣпкую соціалдемократическую организацію—была дѣятельность въ Кіевѣ выдающагося стараго опытнаго революціонера и соціалдемократа. Я говорю о покойномъ Ювеналіи Димитріевичѣ Мельниковѣ. Этотъ даровитый и преданный дѣлу работникъ очень много способствовалъ черезъ членовъ кіевскихъ группъ интеллигентовъ и черезъ рабочіе кружки расширенію задачъ группы до постановки вопроса объ общерусскомъ органѣ и созданіи партіи.

Также нельзя пройти молчаніемъ и того вліянія въ этомъ же смыслѣ—существованія партіи польской соціалистической (P. P. S.) Въ Кіевѣ одно время жилъ постоянно агентъ партіи, а изрѣдка пріѣзжали агенты центральнаго комитета P. P. S.

Дѣятельность группы польскихъ соціалистовъ, руководимыхъ партіей и ея помощью, среди рабочихъ кіевскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ тоже способствовала созданію потребности въ центральномъ объединительномъ органѣ.

Что касается личнаго состава группы, то онъ былъ обычнаго для такихъ группъ уровня. Изъ дальнѣйшаго видно будетъ, что въ своемъ составѣ группа не могла найти редактора для «Рабочей Газеты», будущаго центральнаго органа партіи; автора своего манифеста объ образованіи партіи она вынуждена была искать тоже на сторонѣ.

Какъ бы то ни было, но въ 1893 году у нѣсколькихъ членовъ русской группы были уже кружки рабочихъ, гдѣ велась пропаганда по всѣмъ правиламъ тогдашняго пропагандистскаго исскуства.

Хотя все это исскуство и извѣстно многимъ, но для большой публики, можетъ быть, будетъ нелишнимъ напомнить и объ этомъ. Вотъ что записано по этому поводу однимъ пропагандистомъ того времени. «Большинство моихъ слушателей искало образованія. Моя

задача сводилась къ тому, чтобы заставить ихъ сдѣлать революціонные выводы изъ доступнаго для нихъ матеріала. Однимъ изъ способовъ было ознакомленіе ихъ по иностраннымъ корреспонденціямъ русскихъ газетъ (по «Русскимъ Вѣдомостямъ») съ западноевропейскимъ рабочимъ движеніемъ. Мои знакомцы были ремесленниками: ювелиръ, заготовщики (сапожники), кузнецъ и др.,—большей частью евреи. Проходились начатки естествознанія, читалась статья Шелгунова «Пролетаріатъ во Франціи и Англіи». Давались избранные повѣсти и разсказы русскихъ писателей. [1]) Читался Эрикманъ-Шатріанъ «Исторія одного крестьянина» и статья Писарева объ этомъ романѣ. Давался «Спартакъ» Джіованніоли, «93-й годъ» В. Гюго, «Борьба за право» Француза, «Углекопы» Золя. Читались «Экономическія бесѣды» Карышева, «Капиталъ и трудъ» Свидерскаго, «Программа работниковъ» Лассаля и нѣкоторыя другія его сочиненія. Но центръ тяжести занятій лежалъ въ бесѣдахъ, которыя по мѣрѣ возможности переходили на практическіе вопросы о количествѣ часовъ работы, о заработной платѣ, о прибыли хозяина и пр».

Въ связи съ этимъ, напомнимъ, что когда въ началѣ нелегальной литературы было очень мало, мы одно время думали о возможности обходиться вовсе безъ нея; но это время скоро прошло, и на первый планъ выдвинулся вопросъ о созданіи нелегальной литературы для растущаго круга читателей нашихъ.

Въ 1894 году впервые въ Кіевѣ была отпразднована маевка на тайномъ собраніи.

Въ 1894 году русская группа изъ марксистскаго кружка теоретиковъ, ведущаго пропаганду среди студентовъ, окончательно преобразовывается въ пропагандистовъ среди рабочихъ, по мѣрѣ роста связей группы въ рабочей средѣ и воздѣйствія на нихъ Юв. Дим. Мельникова. Русская с-д-ая группа имѣла свою нелегальную библіотеку и собирала средства для изданія и покупки нелегальной литературы. Эта группа перевела и издала первое на русскомъ языкѣ изданіе «Эрфуртской программы» Каутскаго, снабдивъ его своимъ предисловіемъ. Это такъ называемое изданіе Павлика. [2])

Вслѣдствіе неопытности издателей (крупный шрифтъ, плотная бумага), это нелегальное изданіе стоило дорого и мало извѣстно было въ Россіи.

Второй періодъ дѣятельности группы начинается образованіемъ перваго кіевскаго рабочаго комитета.

II.

Первый кіевскій рабочій комитетъ.

Первой попыткой соціалдемократической пропаганды среди кіевскихъ рабочихъ надо считать работу Абрамовича. «Въ Кіевъ пріѣхалъ въ 88 году изъ Минска докторъ Абрамовичъ и поступилъ слесаремъ

---

[1]) Существовали спеціальные списки соотвѣтствующихъ произведеній.
[2]) Напечатано въ Галиціи.

въ мастерскія желѣзной дороги, съ цѣлью завязать сношенія съ рабочими; вмѣстѣ съ вернувшимся изъ ссылки Соколовымъ и четырьмя минскими рабочими, онъ скоро успѣлъ соорганизовать около 30 рабочихъ, преимущественно слесарей желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и наборщиковъ, и устроилъ тайную библіотеку. Аресты въ августѣ 89 года разрушили эту первую соціалдемокеатическую организацію въ Кіевѣ». [1])

Послѣ этой попытки пропаганда среди кіевскихъ рабочихъ съ небольшимъ перерывомъ велась членами разныхъ кіевскихъ группъ и одиночками, не примыкавшими ни къ какимъ группамъ.

Въ 1893 году мы уже находимъ нѣсколько соорганизованныхъ рабочихъ кружковъ, гдѣ ведется систематическая пропаганда.

Первые кружки состояли преимущественно изъ ремесленниковъ евреевъ. Тутъ были: ювелиры, заготовщики, обойщики, портные и слесаря.

Когда связи въ рабочей средѣ еще были очень слабы, то придумывались замысловатые и сложные планы для завязыванія сношеній съ рабочими.

Вопросъ о томъ, какъ проникнуть къ рабочимъ, очень часто дебатировался въ интеллигентскихъ кружкахъ. Кромѣ способовъ, о которыхъ я раньше говорилъ, были и другіе пріемы для завязыванія связей. Ложились въ больницы для чернорабочихъ; заводили знакомства на народныхъ гуляніяхъ; нанимали квартиры у рабочихъ.

Теперь я разскажу о школѣ-мастерской.

Надо было проникнуть на машиностроительные заводы. Ю. Д. Мельникову, какъ отбывшему наказаніе политическому преступнику, жандармы мѣшали работать на заводѣ. Такъ было при его поступленіи электротехникомъ къ Савицкому, Страусу и К°. Такъ было, кажется, и при поступленіи его въ желѣзнодорожныя мастерскія. Поэтому, мы рѣшили открыть мастерскую, подготовить двухъ-трехъ учениковъ ремесленныхъ мастерскихъ другихъ ремеслъ и, отправивъ ихъ на заводы, такимъ образомъ открыть себѣ путь къ массѣ фабричныхъ. Такъ и сдѣлали. Былъ купленъ токарный станокъ, слесарные инструменты, и Юв. Дм. Мельниковъ сдѣлался учителемъ-хозяиномъ школы-мастерской. По спеціальности онъ былъ слесаремъ, но зналъ кромѣ слесарнаго множество ремеслъ. Школа выпустила нѣсколько токарей по металлу, которые сослужили потомъ хорошую службу рабочему дѣлу. А квартира Юв. Дм. Мельникова на Лукьянойкѣ, гдѣ помѣщалась школа-мастерская, сдѣлалась штабъ-квартирой соціалдемократовъ-интеллигентовъ, клубомъ и университетомъ для многочисленныхъ посѣтителей рабочихъ. Сюда приводили наши ученики своихъ знакомыхъ. Интеллигенты пропагандисты присылали сюда для послѣдней высшей шлифовки своихъ слушателей. Сюда приходили интеллигенты всѣхъ кіевскихъ группъ. Здѣсь нѣкоторые учились говорить и писать понятнымъ для массы языкомъ. Здѣсь въ тѣсномъ кружкѣ обсуждались планы организаціи и намѣчались наиболѣе

---

[1]) В. Акимовъ (Махновецъ). *Очеркъ развитія соціалдемократіи въ Россіи*, стр. 88.

выдающіеся посѣтители въ члены рабочихъ организацій. Тутъ обсуждались новости газетныя, велись споры о пропагандѣ и агитаціи и раздавались книжки. Душою Лукьяновскаго клуба былъ Ю. Д. Мельниковъ.

Ко времени устройства мастерской-школы, Мельниковъ познакомился съ кружкомъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Этотъ кружокъ сначала находился подъ вліяніемъ группы польскихъ соціалистовъ (P. P. S.) Кружокъ состоялъ преимущественно изъ поляковъ. Нѣкоторые изъ членовъ этого рабочаго кружка читали или слушали чтеніе польской нелегальной литературы. Среди этихъ рабочихъ была основана или задумывалась касса. Подъ вліяніемъ Мельникова желѣзнодорожный кружокъ расширился, преобразовался и получилъ совершенно иной характеръ. Касса сдѣлалась стачечной, а члены кассы, усердно посѣщая Лукьяновскій клубъ, сдѣлались усердными распространителями литературы и соціалдемократическихъ идей. Среди этихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ были знавшіе доктора Абрамовича.

На первомъ тайномъ празднованіи 1-го мая въ 1894 г. принимали участіе главнымъ образомъ желѣзнодорожные. Ремесленники-евреи, которыхъ къ этому времени въ пропагандистскихъ кружкахъ было человѣкъ 12, по случайнымъ причинамъ, въ праздникѣ участія не принимали. Майское собраніе происходило въ Кадетской рощѣ. Собралось человѣкъ двадцать рабочихъ и два интеллигента. Изъ послѣднихъ одинъ принадлежалъ къ группѣ польскихъ соціалистовъ, а другой къ русской соціалдемократической. Праздникомъ всѣ рабочіе были довольны. Но удачнымъ его назвать было нельзя. Предполагались рѣчи, но по оплошности распорядителей затесался одинъ сомнительный рабочій. Его напоили и ограничились общей бесѣдой о майскомъ праздникѣ, тостами и пѣснями.

Уже до перваго майскаго праздника мы не только не чувствовали недостатка въ связяхъ съ рабочими, а, наоборотъ, поставлены были передъ вопросомъ о привлеченіи пропагандистовъ для нарождающихся кружковъ, о доставкѣ литературы, объ организаціи библіотечекъ, упорядоченіи занятій съ рабочими, вмѣшательствѣ въ конфликты рабочихъ съ хозяевами и начинающіяся стачки. Чтобы выполнить систематически регулярно всѣ задачи по организаціи такимъ образомъ создавшагося рабочаго движенія, мы съ Мельниковымъ, Роялистомъ и Заготовскимъ рѣшили образовать организацію. Собирались обыкновенно разъ въ недѣлю на конспиративной квартирѣ. Квартира Мельникова для такихъ собраній уже мало годилась. Съ Роялистомъ и Заготовскимъ я познакомился зимою 1895 гора. Они оказались дѣльными людьми и хорошими соціалдемократами. Немедленно я ихъ направилъ къ Мельникову. Къ этому времени Мельниковъ оказался не только душой Лукьяновскаго клуба, но и во главѣ и центрѣ всѣхъ сознательныхъ рабочихъ города. Ни одно событіе въ революціонномъ Кіевѣ не обходилось безъ его вмѣшательства, совѣта или вѣдѣнія.

Регулярныя собранія четырехъ, о которыхъ я выше сказалъ, и превратились въ собранія «кіевскаго рабочаго комитета». Впрочемъ, на редактируемыхъ имъ изданіяхъ онъ такъ не подписывался. Под-

пись: *Кіевскій Рабочій Комитетъ* появилась на прокламаціяхъ только во время кіевскаго рабочаго комитета второго состава. Изданія же перваго Р. Ком. носили подпись: «вашъ товарищъ» или «сознательный товарищъ». Сами прокламаціи назывались «письмами къ товарищамъ».

Задача рабочаго комитета состояла въ слѣдующемъ: знать все, что происходитъ въ рабочей средѣ города и цѣлесообразно использовать своимъ вмѣшательствомъ все подходящее. Въ комитетъ члены его являлись съ извѣстнымъ запасомъ свѣдѣній изъ жизни рабочихъ. Раньше и чаще всего обсуждались вопросы о распредѣленіи и составленіи старыхъ и новыхъ пропагандистскихъ рабочихъ кружковъ, о раздачѣ литературы легальной и нелегальной, о столкновеніяхъ съ предпринимателями, случаяхъ недовольства и протеста, стачекъ или другихъ поводовъ для изданія прокламацій и пр. Если рабочій комитетъ рѣшалъ издать прокламацію, то матеріалъ для этого записывался тутъ же и передавался въ русскую группу. Оттуда въ черновикѣ прокламація поступала на просмотръ въ рабочій комитетъ который вносилъ иногда поправки, и только затѣмъ прокламація передавалась въ «технику». Сначала прокламаціи раздавались и раскладывались по станкамъ, карманамъ и пр. Расклеиваніемъ и разбрасываніемъ еще мало пользовались. Первый Рабочій Комитетъ просуществовалъ около шести мѣсяцевъ, отъ декабря 1895 года до 18 апрѣля 1896 года, когда былъ арестованъ Мельниковъ, одна изъ лучшихъ силъ комитета. За время своего существованія комитетъ выпустилъ три прокламаціи по поводу стачекъ портныхъ въ мастерскихъ магазиновъ готоваго платья и по поводу вмѣшательства въ одну изъ нихъ полиціи. Прокламаціи изданы были на гектографѣ, а потомъ были перепечатаны въ «Листкахъ Работника». По поводу стачки заготовщиковъ (1895 г.) прокламація издана не была, но былъ написанъ и ходилъ по рукамъ рукописный листокъ. Прокламаціи очень нравились рабочимъ. Очень нравился также изданный русской группой Уставъ кассы. Весь небольшой уставъ состоялъ изъ нѣсколькихъ параграфовъ. Выяснивъ значеніе и необходимость борьбы съ предпринимателями, онъ указывалъ на пользу организаціи кассы и средства борьбы съ хозяевами (стачка). Было разъясненіе о необходимости конспираціи и причинъ этого. Затѣмъ имѣлось приложеніе о библіотекахъ, гдѣ говорилось о необходимости поднять умственный и нравственный уровень рабочихъ.

Въ это же время были еще написаны: сценка у обойщиковъ и сценка изъ жизни фабрикантовъ. Но эти произведенія были въ единственномъ экземплярѣ и, конечно, затерялись.

Всѣ упомянутыя писанія издавались и писались русской соціалдемократической группой, а прокламаціи и уставъ кассы редактированы рабочимъ комитетомъ.

Рабочій комитетъ вліялъ на всѣ три мѣстныя интеллигентскія группы. Рабочему комитету пришлось также вмѣшаться въ ликвидацію стачки 150 портныхъ.

Ко времени образованія перваго рабочаго комитета, имѣлись уже связи почти на всѣхъ заводахъ, фабрикахъ и крупныхъ мастерскихъ

Кіева. Первый рабочій комитетъ въ концѣ своего существованія стремился создать кассы. Стачечныя, по своему замыслу, кассы превращались въ центры пропаганды, агитаціи и организаціи сознательныхъ рабочихъ. Объективная логика вещей всегда успѣваетъ приспособить любую рабочую организацію для рѣшенія очередныхъ задачъ организованнаго рабочаго движенія.

III.

Группа „Рабочее дѣло".

Конецъ 1895 года и 1896 годъ былъ годомъ борьбы и споровъ въ кіевскихъ соціалдемократическихъ кружкахъ. Шла борьба между сторонниками пропаганды и агитаціи. Споръ наиболѣе былъ обостренъ въ русской группѣ. Дѣло въ томъ, что русская группа имѣла въ своемъ составѣ одного изъ членовъ рабочаго комитета. Ея же члены писали для рабочаго комитета прокламаціи и доставляли литературу легальную и нелегальную. А рабочіе кружки, составленные членами рабочаго комитета, передавались членамъ этой же группы. Въ спорахъ по этому вопросу, за агитацію стоялъ рабочій комитетъ и его представитель въ русской группѣ. Агитація сводилась въ то время къ, такъ наз., широкому распространенію прокламацій и брошюръ путемъ разбрасыванія и расклеиванія. Главные доводы за агитацію были: быстрота распространенія идей борьбы, цѣлесообразность метода въ смыслѣ конспираціи, такъ какъ, чѣмъ больше агитація захватываетъ массу, тѣмъ неуловимѣе центральный кружокъ. Въ спорахъ по поводу агитаціи, Мельниковъ говорилъ: «лучше поднять массу на одинъ дюймъ, чѣмъ одного человѣка на второй этажъ». При новой тактикѣ агитаціи, пропаганда въ кружкахъ уходила на второй планъ и мѣняла свой характеръ. Болѣе глубокое изученіе основъ и задачъ организованнаго рабочаго движенія становилось дѣломъ самообразованія, которому должны были способствовать систематическіе толковые указатели литературы и руководство чтеніемъ. Придавая большое значеніе агитаціи, Мельниковъ не упускалъ изъ виду и пропаганды. Онъ называлъ ошибочнымъ то мѣсто предисловія къ первому изданію *Эрфуртской программы* Каутскаго, гдѣ русскіе издатели писали о рабочемъ, углубляющемся въ изученіе теоріи, какъ о такомъ, который потерянъ для рабочихъ.

Противники немедленнаго перехода къ агитаціи боялись преждевременнаго провала организаціи, безъ предварительнаго укрѣпленія связей и подготовленія преемниковъ.

Подъ послѣднимъ доводомъ скрыта была боязнь пониженія уровня руководителей мѣстнаго движенія. Для рѣшенія вопроса однимъ изъ членовъ группы было предложено вынести обсужденіе спорнаго вопроса въ рабочіе кружки. Предложеніе было принято большинствомъ всѣхъ противъ одного. Тогда почти вся работа пріостановилась, а русская группа, послѣ ухода одного члена къ польскимъ соціалдемократамъ, переименовавшись въ группу «Рабочее Дѣло»,

приступила къ новой тактикѣ агитаціи. Первымъ изданіемъ этой группы было: кіевская рабочая газета «Впередъ» № 1.

Кіевскій «Впередъ» былъ первой русской газетой, изданной соціалдемократической организаціей въ Россіи въ 90-хъ годахъ. № 1 «Впередъ» помѣченъ 8 декабря 1896 года, но вышелъ онъ только 6 января 1897 года. Изданъ былъ этотъ номеръ на гектографѣ. Затѣмъ группа пріобрѣла ремингтонъ съ мимеографомъ и 10 февраля 1897 года широко и успѣшно распространила въ большомъ количествѣ экземпляровъ прокламацію по поводу петербургской стачки. Указывая причины петербургской стачки и общія требованія стачечниковъ, прокламація призывала кіевскихъ рабочихъ къ борьбѣ за улучшеніе своего положенія. Эта прокламація имѣла большой успѣхъ. Между тѣмъ пропаганда въ кружкахъ велась своимъ чередомъ. Съ этой цѣлью въ группу было принято нѣсколько новыхъ членовъ, но для издательскаго дѣла, а также для сношеній съ другими группами, группа «Рабочее Дѣло» выдѣлила редакціонную коммиссію.

28 февраля 1897 года вышелъ второй номеръ «Впередъ». Подъ заголовкомомъ газеты печатался слѣдующій девизъ: «Сила рабочихъ въ ихъ союзѣ, счастье рабочихъ въ ихъ собственныхъ рукахъ». Тема передовой статьи первого номера—необходимость самимъ рабочимъ говорить за себя, только они сами могутъ сказать о себѣ всю правду. Кончалась статья намекомъ на плохой гектографъ слѣдующими словами: лучше кривыми буквами говорить правду, чѣмъ прямыми и красивыми—ложь. Въ фельетонѣ перваго номера была напечатана сказка «Чортъ и рабочіе». Здѣсь изображается суматоха, когда вдругъ не стало рабочихъ, которыхъ хозяева такъ часто посылаютъ къ чорту; какая поднялась суета и тревога, когда прекратились всѣ работы, какъ встревожились капиталисты и большое и малое начальство; какъ въ поискахъ за исчезнувшими рабочами самъ жандармскій генералъ собакой переодѣвался. Была въ двухъ первыхъ номерахъ и рабочая хроника (о несправедливости фабричнаго инспектора и судьи, которые являются защитниками интересовъ капиталистовъ), были и корреспонденціи изъ другихъ городовъ.

Въ первомъ номерѣ было помѣщено объявленіе о брошюркѣ «Рабочее Дѣло». Польскій «Работникъ», давая отчетъ о первомъ номерѣ «Впередъ», называетъ эту брошюру переводомъ съ польскаго. Но брошюра не была переводомъ. Она представляла живое и общедоступное изложеніе противоположности интересовъ капиталистовъ и рабочихъ. Брошюра была передана для изданія, но въ пути пропала. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ изданіи группы «Рабочее Дѣло». Это «Какъ министръ заботится о рабочихъ». Брошюрка была написана по поводу циркуляра министра финансовъ Витте къ фабричнымъ инспекторамъ, который не былъ предназначенъ къ опубликованію. Петербургскіе товарищи разсказывали, что брошюрка пользовалась успѣхомъ среди рабочихъ. Она выдержала нѣсколько изданій. Въ рукописи брошюрка впервые читалась въ Кіевѣ на майскомъ собраніи рабочихъ въ 1896 году.

IV.

Кіевская конференція 17—18 марта 1897 года.

Когда группа «Рабочее Дѣло» приступила къ проведенію новой тактики, она приняла нѣсколько новыхъ членовъ и выдѣлила нѣсколько старыхъ для изданія газеты «Впередъ». Ядро этой комиссіи составляли по прежнему большею частью одни и тѣ же члены русской группы. Эта комиссія занята была не только изданіемъ газеты, а и другими очередными вопросами, какъ мѣстными, такъ и общими: доставка литературы, сообщеніе съ другими центрами движенія, подготовленіе типографіи, подготовленіе объединенія всѣхъ мѣстныхъ соціалдемократическихъ группъ, собираніе второго рабочаго комитета и подготовка партійнаго съѣзда.

Уже со времени перваго рабочаго комитета мы чувствовали сильный недостатокъ въ нелегальной литературѣ. На пополненіе этого недостатка были направлены всѣ помыслы.

Послѣ выхода перваго номера «Впередъ» мы начали переговоры объ изданіи общерусской газеты. Въ тѣсномъ кружкѣ кіевлянъ возникла мысль объ изданіи общерусской газеты нашей группой отъ имени, съ согласія и съ помощью всѣхъ соціалдемократическихъ организацій. Натолкнувшись на возраженіе, что наша группа ничѣмъ себя не успѣла заявить, чтобы можно было ей довѣрить подобнаго рода изданіе, группа наша рѣшила приступить самостоятельно къ этому изданію. Эти переговоры и возраженія велись и были высказаны въ Вильнѣ непосредственно послѣ выхода въ свѣтъ перваго номера «Впередъ». Типографію члены рабочаго комитета (перваго состава) давно подготовляли. Собирался шрифтъ и другія принадлежности.

Недостатокъ литературы и изданіе общерусской газеты, наряду съ потребностью регулярнаго освѣдомленія о рабочемъ движеніи во всей Россіи, были главными побудительными причинами, заставившими кіевскую группу приступить къ переговорамъ о созывѣ совѣщанія всѣхъ извѣстныхъ намъ соціалдемократическихъ организацій.

Наиболѣе часто кіевская группа встрѣчалась съ виленчанами. Въ началѣ 1897 года, когда шли переговоры о предполагавшемся первомъ партійномъ съѣздѣ, мы знали о Вильнѣ, что тамъ ведется неутомимая и успѣшная стачечная борьба, знали о виленскихъ профессіональныхъ союзахъ и кассахъ. Черезъ Вильну же мы получали нелегальный транспортъ литературы и свѣдѣнія о заграничныхъ соціалдемократическихъ организаціяхъ. Непосредственныхъ сношеній съ заграницей у кіевской группы не было. О московскомъ рабочемъ движеніи мы имѣли довольно много свѣдѣній.

Однажды мы выслушали докладъ о Московскомъ Рабочемъ Союзѣ одного изъ его членовъ. Докладъ рисовалъ передъ нами широкую нѣсколько неопредѣленную и быстро растущую организацію. Были у насъ и изданія московскія (на ремингтонѣ). Передавали намъ также о юмористическихъ съ каррикатурами листкахъ съ надписями, кото-

рые имѣли большой успѣхъ въ Москвѣ. Видѣть эти листки намъ не случалось, но содержаніе ихъ передавали. Докладъ о Московскомъ Раб. Союзѣ дѣлалъ товарищъ не изъ членовъ основателей Союза. Послѣдніе уже были изъяты изъ обращенія.

О Петербургѣ мы знали по прокламаціямъ Союза Борьбы, по стачкѣ 1896 года, черезъ виленчанъ и непосредственно черезъ личные переговоры и встрѣчи. Переговоры съ Союзомъ Борьбы велись уже послѣ провала основателей Союза Борьбы съ членами его второго состава. Еще были у насъ свѣдѣнія объ Иваново-Вознесенскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Помню одну нижегородскую прокламацію, которая была подписана такъ: Нижегородское отдѣленіе соціалдемократической партіи.

Вотъ почти все, что знала кіевская группа «Рабочее Дѣло» объ организованномъ рабочемъ движеніи въ Россіи, когда созвала вышеупомянутыя организаціи на съѣздъ въ Кіевъ, въ мартѣ 1897 года.

Изъ кіевскихъ группъ не была приглашена группа польскихъ соціалистовъ (p. p. s.), какъ несоціалдемократическая, принимала же участіе, кромѣ группы «Раб. Д.», еще группа польскихъ соціалдемократовъ, которые были извѣстны въ русской с.-д-ой группѣ подъ кличкой «союзниковъ». Затѣмъ ожидались делегаты изъ Вильно, Петербурга, Москвы и Иваново-Вознесенска. 17 марта 1897 года былъ назначенъ днемъ съѣзда. Первымъ пріѣхалъ москвичъ и очень скоро за нимъ питерецъ.

Москвичъ произвелъ на кіевскихъ товарищей впечатлѣніе слишкомъ юнаго. Покойный Стояновъ, на квартирѣ котораго была назначена явка, представилъ ему петербургскаго делегата, какъ товарища съ юга. Товарищи, побесѣдовавши съ москвичемъ, отпустили его, объявивъ съѣздъ несостоявшимся. Виленчане не пріѣхали: оказалось, что они не получили нашего письма, гдѣ были даны адреса и срокъ пріѣзда. 17 марта 1897 года организаціи Бунда еще не было. Изъ Иваново-Вознесенска тоже никто не пріѣхалъ. Предполагавшійся делегатъ незадолго до назначеннаго срока пріѣзда долженъ былъ оставить Вознесенскъ и тамошнюю работу.

Итакъ, 17 марта 1897 года, собрались только представители двухъ кіевскихъ группъ и Петербургскаго Союза Борьбы. Вотъ этотъ неудачный первый партійный съѣздъ я и называю кіевской конференціей. Итоги этой конференціи, происходившей 17 и 18 марта,—сближеніе группъ, выясненіе ближайшихъ потребностей организацій и постановленіе объ именованіи всѣхъ нарождающихся соціалдемократическихъ организацій Союзами Борьбы за освобожденіе рабочаго класса. А единственный до сихъ поръ Союзъ Борьбы отнынѣ долженъ былъ именоваться Петербургскимъ. Въ виду того, что передъ самымъ пріѣздомъ петербургскаго делегата, тамъ произошелъ послѣ декабрьскаго [1]) второй мартовскій провалъ, Кіеву пришлось бороться раньше, чѣмъ Петербургскій Союзъ Борьбы сталъ выполнять это постановленія и на своихъ изданіяхъ прибавлять къ своему титулу прилагательное: Петербургскій.

---

[1]) При этомъ среди основателей Союза Борьбы былъ арестованъ и одинъ бывшій членъ русской группы начала 90-хъ гг.

Этотъ опытъ неудавшагося первого съѣзда показалъ, что нужна предварительная выработка программы съѣзда и болѣе близкое ознакомленіе и сближеніе съ организаціями и личнымъ ихъ составомъ до собиранія съѣзда. Этимъ опытомъ черезъ годъ воспользовалась группа «Рабочей Газеты».

V.

Кіевскій Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Ко времени кіевской конференціи всѣ три кіевскія группы: польскихъ соціалистовъ (P. P. S.), польскихъ соціалдемократовъ и русская— сильно измѣнились. Начать съ того, что по составу своему каждая изъ названныхъ группъ включала членовъ всѣхъ трехъ мѣстныхъ національностей. Въ русскую группу съ самаго начала ея входили русскіе и евреи, но въ обѣ польскія группы входили сначала только поляки. По своей дѣятельности онѣ все болѣе и болѣе сближались между собою. Для такого небольшого, въ сущности, промышленнаго центра, какъ Кіевъ того времени, гдѣ крупныхъ фабрикъ было мало, существованіе трехъ самостоятельныхъ группъ, преслѣдующихъ однѣ и тѣ же цѣли, было излишне. Выше мы видѣли, что еще до конференціи велись между мѣстными группами переговоры объ объединеніи. Уже съ первыхъ шаговъ появленія у членовъ группъ связей въ рабочей средѣ возникла необходимость иногда вступать въ переговоры и соглашанія. Такъ, напримѣръ, по поводу собранія группы сознательныхъ рабочихъ съ 1896 году въ память десятилѣтія со дня казни Пролетаріатцевъ.

Одно время существовало даже нѣчто вродѣ федеративнаго органа для междугрупповыхъ сношеній. Въ описываемый моментъ отношенія группъ и ихъ работа сильно измѣнились.

Спропагандированные рабочіе и члены всѣхъ трехъ интеллигентскихъ группъ встрѣчались между собою очень часто. Между русской и польской соціалдемократической группой съ самаго начала не было разногласій. Поэтому члены польской соціалдемократической группы и назывались «союзниками». Группа польскихъ соціалистовъ (P. P. S.), подъ вліяніемъ соціалдмократической пропаганды остальныхъ двухъ группъ среди рабочихъ трехъ мѣстныхъ національностей, тоже превратилась въ соціалдемократическую. Что касается вопроса о новой тактикѣ агитаціи, то дѣятельность группы «Раб. Дѣло» доказала ея возможность и цѣлесообразность. Такимъ образомъ, польза дѣла требовала объединенія группъ, разница между которыми совершенно исчезла. Того же требовали сознательные рабочіе. Всѣ эти обстоятельства заставили всѣ три группы объединиться въ одну организацію, которая, согласно постановленію кіевской конференціи 1897 года, приняла названіе Кіевскаго Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Первымъ актомъ вновь образовавшагося Союза было изданіе майской прокламаціи. Прокламація была напечатана въ типографіи «Рабочей Газеты».

Когда три объединившихся организаціи образовали Союзъ Борьбы, тогда газета «Впередъ» (съ 3 номера) передана была въ вѣдѣніе Союза, а бывшая редакціонная комиссія, пополнившись, составила группу, которая принялась за изданіе общерусскаго органа «Рабочая Газета». Группа эта собирала матеріалы для газеты и вела переговоры съ другими группами объ основаніи партіи.

Кіевскій Союзъ имѣлъ до 30 членовъ. Члены группы «Рабочей Газеты» каждый въ отдѣльности были членами кіевскаго Союза Борьбы. Но какъ организація, группа «Раб. Газ.» сносилась съ Кіевскимъ Союзомъ, какъ и съ группами другихъ городовъ. Кіевскій Союзъ Борьбы выбралъ свой исполнительный органъ. Одинъ изъ членовъ послѣдняго долженъ былъ участвовать въ рабочемъ комитетѣ.

Ко времени основанія Кіевскаго Союза Борьбы въ Кіевѣ въ рабочей средѣ появляется «оппозиція», недовольная дѣятельностью соціалдемократовъ. Недовольство выросло на почвѣ споровъ группъ между собою о пропагандѣ и агитаціи и было поддержано двумя новыми теченіями.

Первая поддержка была оказана появившейся въ Кіевѣ группой народовольцевъ, переименовавшихся потомъ въ соціалистовъ-революціонеровъ. Эта группа обвиняла соціалдемократовъ въ игнорированіи политической борьбы. Въ своихъ первыхъ прокламаціяхъ она болѣе всего удѣляла мѣсто проклятіямъ по адресу правительства. Между прочимъ, группа эта считала большимъ грѣхомъ соціалдемократовъ, что въ программѣ «Группы Освобожденія Труда» допускался терроръ. Это возраженіе противъ соціалдемократовъ было сдѣлано на диспутѣ въ присутствіи рабочихъ. По иниціативѣ этихъ рабочихъ и состоялся самый диспуть между соціалдемократами и соціалистами-революціонерами по програмнымъ вопросамъ. Это былъ періодъ борьбы за второй рабочій комитетъ. Будущіе (предполагаемые) члены второго рабочаго комитета говорили: покажите на диспутѣ, въ чемъ заключаются ваши разногласія съ с—рами.

Вторымъ питательнымъ источникомъ кіевской оппозиціи было вліяніе члена бѣлостокской группы «кружка рабочихъ-революціонеровъ». Кромѣ обвиненія въ игнорированіи политической борьбы, пропаганда бѣлосточанина вносила нѣкоторое недовѣріе къ интеллигенціи. Пропаганда его сторонниковъ, менѣе его развитыхъ рабочихъ, носила привкусъ «независимости», а нѣкоторые изъ нихъ говорили даже о желаніи интеллигенціи сдѣлать рабочихъ «слѣпымъ орудіемъ» своихъ цѣлей.

И бѣлосточанинъ и эсъ-эры брали рабочихъ на ненасытной жаждѣ знаній. При этомъ бѣлосточанинъ, наклонявшійся, какъ мнѣ кажется, по линіи идеализма-индивидуализма-анархизма, надѣялся на знаніе, какъ на источникъ нравственнаго совершенствованія, а эсъ-эры подъ флагомъ удовлетворенія стремленія къ всестороннему развитію проводили свою программу. И того и другихъ, рабочіе понимали въ смыслѣ обѣщанія дать основательное образованіе, чего, конечно, не можетъ дать большой массѣ никакая конспиративная подпольная организація.

Вотъ почему періодъ недовольства соціалдемократіей совпадаетъ въ Кіевѣ съ началомъ перехода къ новой тактикѣ агитаціи, когда

пропагандистскіе кружки принимаютъ характеръ спеціальной подготовки только выдающихся и подходящихъ единицъ въ агитаторы.

Заимствую для выясненія психологіи «оппозиціи» случай, приводимый Акимовымъ въ его «Очеркѣ развитія соціалдемократіи въ Россіи». «Прихожу я, разсказываетъ одна участница работы 96—97 годовъ, товарищъ Э., къ одной работницѣ и застаю ее въ слезахъ, спрашиваю о ея горѣ. Пришли къ ней ея знакомые, бывшіе кружковые рабочіе, и начали подсмѣиваться надъ нею, что она, не пройдя кружкового искуса, принялась сама за проповѣдь: «что же? Васъ превратили въ скороспѣлую соціалдемократическую агитаторшу? Надо бы вамъ и самой еще немного позаняться!»

Что касается вопроса объ игнорированіи будто соціалдемократами политической борьбы, то на это мы отвѣчали, что на гору надо взбираться по наименѣе крутой сторонѣ. И вполнѣ цѣлесообразнымъ педагогическимъ пріемомъ надо было считать со стороны соціалдемократовъ первоначальныя бесѣды съ мало-сознательными рабочими на темы узко-экономическаго характера. [1])

Какъ бы тамъ ни было, все это усилило «оппозицію», вселило у многихъ рабочихъ недовѣріе къ интеллигенціи, мѣшало соціалдемократической работѣ и мѣшало собрать второй рабочій комитетъ.

Первый рабочій комитетъ создался, какъ мы видѣли, самымъ ходомъ практической работы. Это былъ наискорѣйшій и легчайшій выходъ для организаціи соціалдемократической работы среди рабочихъ при существованіи трехъ малоопытныхъ студенческихъ революціонныхъ группъ. Черезъ первый рабочій комитетъ русская соціалдемократическая группа вполнѣ упрочила свои связи въ рабочей средѣ, т. е. вплотную подошла къ исполненію своихъ задачъ. Съ арестомъ Мельникова первый рабочій комитетъ былъ разрушенъ. Укрѣпить его сначала мѣшали переговоры между-групповые объ объединеніи, споры о пропагандѣ и агитаціи, а потомъ въ томъ же смыслѣ дѣйствовали вліянія эсъ-эровъ и бѣлосточанина.

Между тѣмъ не создавать второго рабочаго комитета нельзя было. Вводить рабочихъ прямо въ Союзъ Борьбы было невозможно, такъ какъ Союзъ самъ еще не успѣлъ окончательно слиться своими тремя частями. Да и въ рабочей средѣ мысль о рабочемъ комитетѣ пустила корни. Говорили также нѣкоторые рабочіе о выборахъ въ комитетъ. Но планъ этотъ былъ отвергнутъ за неконспиративностью.

Черезъ второй рабочій комитетъ при единой соціалдемократической организаціи, какой былъ Кіевскій Союзъ Борьбы, должно было произойти соединеніе всѣхъ рабочихъ соціалдемократическихъ кружковъ, кассъ, библіотекъ съ Союзомъ Борьбы. Союзу при новой так-

---

[1]) Такое объясненіе тактики соціалдемократовъ дано и въ „зеленой тетрадкѣ". Зеленая (по цвѣту обложки) тетрадка представляла очеркъ исторіи рабочаго движенія въ Кіевѣ. Составленный членами русской группы, этотъ очеркъ былъ данъ на просмотръ, исправленіе и дополненіе старѣйшимъ участникамъ другихъ двухъ кіевскихъ организацій. Зеленая тетрадка взята жандармами вмѣстѣ съ архивомъ Кіевскаго Союза Борьбы во время арестовъ 10—11 марта 1898 года, когда въ Кіевѣ было арестовано 175 человѣкъ.

тикѣ агитаціи необходимъ былъ органъ для широкаго распространенія литературы, особенно многочисленныхъ прокламацій.

Наконецъ, второй рабочій комитетъ былъ созванъ или собранъ. Во второй комитетъ, какъ и въ первый, вошли наиболѣе сознательные и активные рабочіе соціалдемократы. Но ни первый, ни второй комитеты рабочими не выбирались.

Отношенія второго рабочаго комитета къ Союзу Борьбы были такія же, какъ между первымъ комитетомъ и русской группой. Была только та разница, что интеллигентъ, участвовавшій въ первомъ рабочемъ комитетѣ, былъ какъ бы представителемъ рабочаго комитета въ русской, соціалдемократической группѣ, а во второй рабочій комитетъ интеллигентъ являлся делегатомъ Союза Борьбы. Это вполнѣ соотвѣтствовало значенію перваго и второго рабочихъ комитетовъ. Второй рабочій комитетъ формально имѣлъ больше правъ, его подпись выставлялась на прокламаціяхъ рядомъ съ подписью К. Союза Борьбы, но первый комитетъ былъ самостоятельнѣе, сильнѣе, и вліятельнѣе второго.

Незадолго до перваго съѣзда партіи, возникла у нѣкоторыхъ членовъ исполнительнаго органа Союза Борьбы мысль о желательности привлечь членовъ рабочаго комитета прямо въ Союзъ. Мысль эта явилась потому, что объединеніе вокругъ одного центра дѣлаетъ организацію менѣе сложной, болѣе гибкой и сильной. Поэтому, когда дѣла К. Союза Борьбы наладились, явилась мысль о болѣе совершенной формѣ организаціи. Мысль не была приведена въ исполненіе, потому, что предстоящій съѣздъ отнималъ все вниманіе, время и силы. А члены группы «Рабочей Газеты», собиравшіе и подготовлявшіе первый партійный съѣздъ, были и членами Союза Борьбы, также членами исполнительнаго органа Союза и делегатами Союза въ Рабочемъ Комитетѣ.

Въ 1897 г. Союзомъ было распространено $6^1/_2$ тысячъ прокламацій на 25 фабрикахъ и заводахъ [1]). По старому масштабу и для

---

[1]) На заводѣ Шиманскаго (29 апрѣля 1897 года), на табачной фабрикѣ Эгиза (май 97 г.), на мебельной фабрикѣ Кимаера (май 97 г.), на корсетной фабрикѣ Дютуа (май 97 г.), въ слесарной мастерской Кримаера (?) (20 іюля 97 г.), къ работницамъ папиросной фабрики 5 іюля 97 г., на машиностроительномъ заводѣ Греттера и Кривanека (май 97 г.), къ рабочимъ городской желѣзной дороги (3 ноября 97 г.), на машиностроительный днѣпровскій заводъ (декабрь 97 г.), машиностроительный заводъ Заремб-скихъ (декабрь 97 г.). См. Акимовъ, стр. 96, вышеупомянутое сочиненіе. Заимствую оттуда же данныя о стачкахъ въ Кіевѣ до образованія Союза Борьбы „Какъ на первую „стачку" въ Кіевѣ указываютъ на волненіе рабочихъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ осенью 94 года, въ сущности не дошедшее до забастовки вслѣдствіе уступки со стороны управленія мастерскихъ. Вторую уступку управленію пришлось сдѣлать въ январѣ 95 г. Далѣе отмѣчаютъ броженіе на машино-строительномъ заводѣ Графа... Въ ноябрѣ 95 г. стачка 150 портныхъ и передъ нею 25 обойщиковъ... Затѣмъ слѣдуетъ неудачная стачка 25 сапожниковъ". Упоминаемые здѣсь обойщики доставили матеріалъ для небольшой сценки, о которой я выше говорилъ. А 25 сапожниковъ, о которыхъ говорится здѣсь, это стачка заготовщиковъ. Она отличается тѣмъ, что была организована кружковыми рабочими-заготовщиками же, которые одни изъ первыхъ были спропагандированы среди кіевскихъ ремесленниковъ. Стачка 150 портныхъ была на Подолѣ (часть города К.). Тутъ нашлись первые кіевскіе читатели первыхъ печатныхъ жаргонныхъ изданій будущаго Бунда: Майскій праздникъ и др.

Продолжаемъ перечень стачекъ по тому же источнику. „Всего до февраля 96 г. извѣстно 6 эпизодовъ борьбы, изъ которыхъ одинъ только привелъ къ кратковременной

Кіева это было много. Въ томъ же году былъ устроенъ рядъ лекцій по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи и заграницей. Лекціи читались въ лѣсу; собиралось человѣкъ 60—80. Кромѣ прокламацій Союзъ издавалъ газету «Впередъ». Союзомъ же была напечатана брошюра по поводу фабричнаго закона 2 іюня 1897 года подъ названіемъ: «Новая побѣда». Книжка была напечатана въ типографіи «Рабочей Газеты» и наканунѣ выхода въ свѣтъ была взята жандармами вмѣстѣ съ типографіей «Рабочей Газеты» 10 марта 1898 г. въ Екатеринославѣ.

Дѣятельность Кіевскаго Союза Борьбы все расширялась. Его первая майская печатная прокламація была распространена во многихъ южныхъ городахъ. Одно время онъ напечаталъ прокламацію для Одессы. [1]) Также онъ напечаталъ прокламацію для одного завода въ Фастовѣ. Литературу нелегальную Союзъ распространялъ въ цѣломъ рядѣ южныхъ городовъ: въ Кременчугѣ, Николаевѣ, Екатеринославѣ и Одессѣ. [2])

Однажды по просьбѣ П. Союза Борьбы, Кіевскій Союзъ послалъ въ помощь Петербургу одного изъ своихъ членовъ. [3])

Исторіей Кіевскаго Союза Борьбы исчерпывается та цѣпь организацій, которыми первая русская соціалдемократическая группа въ Кіевѣ связана, какъ послѣднимъ звеномъ, съ группой «Рабочей Газеты».

VI.

Ювеналій Димитріевичъ Мельниковъ.

Если кіевскія соціалдемократическія организаціи, какъ бы онѣ ни назывались, отъ первой русской с-д-ой группы до Кіевскаго Союза Борьбы и группы «Рабочей Газеты», оказали извѣстное вліяніе на организацію рабочаго движенія въ Россіи, то несомнѣнно, что Ювеналію Димитріевичу Мельникову мы въ значительной степени обязаны, какъ я уже говорилъ раньше, нормальнымъ и сравнительно быстрымъ развитіемъ этихъ группъ.

забастовкѣ... Въ февралѣ 96 г., по поводу стачки въ мастерской портного Кравца, выпущено было второе „письмо къ товарищамъ“... Въ мартѣ полиція впервые вмѣшалась въ стачку 19 портныхъ у Людмера. Это были первыя жертвы возникавшаго рабочаго движенія; по 20 іюня ихъ было уже 11, къ концу года — 30. Тотчасъ послѣ стачки Людмера появилось третье „письмо къ товарищамъ“... (см. это письмо въ „Листкѣ Работника“ № 5). Стр. 90 упомянутаго „Очерка“ и т. д. Акимова. Еще оттуда же. Прокламація къ рабочимъ Графа (ноябрь 96 г.), ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ по поводу стачки въ мастерскихъ о-ва пароходства по Днѣпру (январь 97 г.). Тамъ же, стр. 96.

[1]) Въ это время группа „Рабочей Газеты“ пыталась сорганизовать одесскую группу. Но провалъ 10—11 марта 1898 года смелъ ее при содѣйствіи провокатора Гандера.

[2]) Когда послѣ мартовскихъ арестовъ 98 года кіевскую тюрьму посѣтилъ ген-губ. Драгомировъ, то жандармскій ген. Новицкій, представляя ему одного изъ арестованныхъ, прибавилъ: „вообще работалъ на югѣ“.

[3]) Нашъ членъ скоро вернулся обратно. Повидимому, его не сумѣли ввести въ курсъ мѣстной работы. Тутъ нужно особое умѣнье, чтобы новый для данной мѣстности работникъ, если только рѣчь идетъ о мѣстѣ, гдѣ работа давно ведется, могъ легко и быстро оріентироваться.

Смѣлый, опытный агитаторъ, воспитанный россійскими порядками конца 80-хъ годовъ; на рѣдкость одаренная и гармонически-развитая натура, съ громаднымъ тактомъ и проницательностью, добрѣйшій человѣкъ, умѣвшій всегда откликаться на непосредственную нужду встрѣчавшихся на его пути людей, простой, прямой, чуткій, искренній, съ яснымъ умомъ и безпощадно послѣдовательный,—Мельниковъ всегда оказывался центромъ и душой того дѣла, которому онъ отдалъ свою жизнь. О его вліяніи могли бы поразсказать многочисленные посѣтители Лукьяновскаго клуба.

Очеркъ кіевскаго организованнаго рабочаго движенія былъ бы не полонъ безъ біографіи одного изъ первыхъ его иниціаторовъ и руководителей. Лядовъ въ «Исторіи Р. С.-Д. Р. П.» пишетъ, что въ исторіи нашей партіи нѣтъ біографій. Но развѣ ихъ не должно быть? Всему свое мѣсто. И имя кіевскаго слесаря Ювеналія Димитріевича Мельникова не будетъ забыто на страницахъ исторіи первыхъ попытокъ организаціи рабочаго движенія въ Россіи.

Считаемъ нужнымъ дать о Мельниковѣ нѣкоторыя біографическія данныя.

Юв. Дим. Мельниковъ происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи, Роменскаго у. Учился въ Роменскомъ реальномъ училище и, оставивъ училище послѣ первыхъ классовъ, сдѣлался слесаремъ. На родинѣ Юв. Димитріевича, въ Ромнахъ были политическіе поднадзорные, которые оказали на него вліяніе. Оставивъ училище, онъ хотѣлъ готовиться поступить въ харьковскій технологическій институтъ, но встрѣтивъ соціалистически-настроенныхъ студентовъ-технологовъ, подъ ихъ вліяніемъ, поступилъ слесаремъ въ желѣзнодорожныя мастерскія въ Харьковѣ (1884) и тамъ сразу попалъ въ кружки рабочихъ, скоро сдѣлавшись выдающимся пропагандистомъ. По порученію харьковской организаціи, переѣхалъ въ Ростовъ, работалъ пропагандистомъ и былъ первый разъ арестованъ по дѣлу харьковской рабочей организаціи въ 1889 году. По этому дѣлу сидѣлъ полгода въ «Крестахъ», а выйдя на волю, поселился въ Кіевѣ.

Въ больницѣ «Крестовъ» онъ встрѣтился съ докторомъ Абрамовичемъ, который отбывалъ передъ ссылкой тюремное заключеніе, арестованный по кіевскому дѣлу. Разсказывая Абрамовичу о своей харьковской работѣ, Мельниковъ впервые услышалъ слово о соціалдемократахъ. Убѣжденнымъ соціалдемократомъ онъ сталъ послѣ своего перваго тюремнаго заключенія. Въ 1890 году мы застаемъ его въ Кіевѣ. [1]) Въ первый разъ за харьковскую и ростовскую работу онъ сидѣлъ въ «Крестахъ»; во второй разъ онъ былъ арестованъ въ Кіевѣ 11 апрѣля 1896 года въ расцвѣтѣ работы перваго Кіевскаго Рабочаго Комитета, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ котораго онъ былъ.

---

[1]) В. Акимовъ въ „Очеркѣ развитія соц-д-тіи въ Россіи“ пишетъ: „Весенніе (1897 г.) аресты выхватили пять рабочихъ изъ мастерскихъ кіевской конки, одного изъ паровозныхъ мастерскихъ, одного наборщика, двухъ портныхъ и нѣсколько интеллигентовъ, въ томъ числѣ оказавшаго огромныя услуги движенію, умершаго въ ссылкѣ Ювеналія Мельникова. Юв. Дм. Мельниковъ былъ, конечно, весьма интеллигентнымъ рабочимъ. Но „интеллигентомъ“ не принято называть рабочаго, зарабатывающаго свое пропитаніе ремесломъ.

И просидѣлъ онъ въ Кіевской тюрьмѣ до 28 января 1897 года, откуда его выпустили по болѣзни и выслали до окончанія дѣла въ Ромны на родину. Онъ вышелъ совершенно больнымъ. Передъ отъѣздомъ онъ пробылъ три дня въ Кіевѣ. Это было послѣ перваго номера «Впередъ», наканунѣ выпуска первой широко распространенной прокламаціи. За эти три дня онъ много сдѣлалъ для пропаганды новой тактики агитаціи.

Третій разъ Мельниковъ былъ арестованъ въ Ромнахъ въ ноябрѣ 1897 года; переведенный оттуда въ кіевскую тюрьму, онъ былъ выпущенъ въ февралѣ 1898 года и опять былъ высланъ въ Ромны.

Незадолго до выхода перваго номера «Рабочей Газеты», я его видѣлъ послѣдній разъ. Въ іюлѣ или августѣ 1897 года въ Кіевѣ получились очень тревожныя извѣстія о состояніи его здоровья. Я немедленно поѣхалъ въ Ромны и провелъ съ нимъ цѣлыя сутки. Тѣло его точилъ страшный недугъ—чахотка, но духъ его былъ твердъ и ясенъ. Въ собственной его лодкѣ мы катались по какой-то роменской лужѣ, и онъ разсказывалъ, что при обыскѣ у него забрали красный флагъ съ надписью: *Впередъ*, который онъ привѣшивалъ къ своей лодкѣ. Больше я его не видалъ.

Послѣ долгаго надзора онъ былъ сосланъ въ Астрахань въ іюнѣ 1899 года, гдѣ онъ и умеръ отъ нажитой въ тюрьмахъ чахотки 19 апрѣля 1900 года. Ему было не болѣе 35 лѣтъ отъ роду. Послѣ смерти его осталась жена и двое дѣтей.

VII.

Группа „Рабочей Газеты".

Впервые группа себя такъ назвала на одномъ пропавшемъ документѣ, который сохранился развѣ только въ департаментѣ полиціи. Это именно программа вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію перваго съѣзда 1898 года. Мы еще вернемся къ нему ниже. Если не считать этого документа, то началомъ существованія группы надо было считать 22 августа 1897 года, когда вышелъ первый номеръ «Рабочей Газеты». На самомъ дѣлѣ возрастъ группы много старше. Какъ я уже говорилъ, члены группы «Раб. Газ.» были послѣдовательно членами всѣхъ тѣхъ группъ, въ которыя преобразовывалась, по мѣрѣ развитія и расширенія дѣятельности, первая кіевская русская группа. Называлась ли группа просто русской, или группой «Раб. Дѣло», или «Кіевскимъ Союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса»,—въ центрѣ этихъ группъ стояли одни и тѣ же люди, которые потомъ были членами группы «Раб. Газ.». Только изрѣдка выбывалъ кто-либо изъ старыхъ и входилъ кто-нибудь изъ болѣе молодыхъ. Я говорилъ уже также, что группа, благодаря хорошей конспираціи, очень мало терпѣла отъ жандармовъ. [1]) Въ группѣ никогда не было одно-

---

[1]) Въ 94—95 году нѣсколько студентовъ, близкихъ къ группѣ, были арестованы за пропаганду въ Екатеринославѣ.

временно болѣе 10 человѣкъ. Очень часто меньше. Собиралась группа вся очень рѣдко. Чаще всего и по мѣрѣ надобности ограничивались отдѣльными встрѣчами немногихъ. Полное собраніе всѣхъ, числомъ десять, было незадолго до мартовскаго провала (10 марта 1898), когда была арестована почти вся группа. Осталось на свободѣ человѣка 3 и столько же близкихъ къ членамъ группы, какъ бы кандидатовъ въ нее. Какъ часто въ такихъ случаяхъ, группа не имѣла устава. Кто больше всего и успѣшнѣе работалъ, являлся естественнымъ проводникомъ ея рѣшеній. Кто бралъ на себя извѣстныя функціи, становился скоро ея членомъ. Только въ самомъ концѣ существованія группы, при пріемѣ двухъ послѣднихъ членовъ своихъ, было сравнительно много разговоровъ. Это было потому, что оба они были приняты раньше, чѣмъ имѣли случай показать свою работы на мѣстѣ. Обыкновенно принимались члены мѣстныхъ группъ, которые были предварительно какъ бы кандидатами, мѣстная работа которыхъ была уже извѣстна до ихъ вступленія въ группу.

Когда въ группѣ зашла рѣчь о типографіи для газеты, старые члены заявили, что у нихъ таковая имѣется. Когда и отъ кого эти члены старой русской группы пріобрѣли или, вѣрнѣе, получили въ наслѣдство свою типографію, я не знаю, но типографія у нихъ была и была закопана на одномъ изъ острововъ Днѣпра. Но Днѣпръ смылъ стоявшіе тамъ кусты или деревья, и типографію эту такъ и не нашли.

Приходилось начинать дѣло сначала и по частямъ.

Строить типографію «Раб. Газ.» начали трое изъ четырехъ членовъ перваго кіевскаго рабочаго комитета. Конечно въ числѣ трехъ былъ и Мельниковъ. Первымъ дѣломъ было привезти изъ другого города запасъ шрифта, принадлежавшій запасливому Роялисту. Шрифтъ былъ привезенъ и закопанъ въ сараѣ Лукьяновскаго клуба Мельникова. Мы радовались конспиративной чистотѣ и аккуратности нашей работы, когда послѣ безсонной ночи, употребленной немедленно послѣ привозки шрифта на сортировку, укладку и временнаго, впредь до воскресенія въ будущемъ, погребенія шрифта въ сараѣ, когда на другой день былъ сдѣланъ обыскъ въ квартирѣ Мельникова и ничего «предосудительнаго» не нашли. Послѣ этого шрифтъ былъ перенесенъ въ другое мѣсто, въ Кіевѣ же, гдѣ потомъ былъ напечатанъ первый и второй номера «Рабочей Газ.». Шрифтъ все прибавлялся. Только былъ перерывъ на одинъ мѣсяцъ въ 1896 году, когда былъ заключенъ въ тюрьму нашъ главный и единственный поставщикъ шрифта. Выпущенный изъ тюрьмы, онъ продолжалъ свою доставку. Въ 1897 году намъ удалось купить валъ для печатанія, съ парой колесиковъ къ нему. Рама желѣзная была сдѣлана въ Ромнахъ у Мельникова, который въ это время жилъ подъ надзоромъ полиціи на родинѣ. Когда матеріалъ для перваго номера «Р. Г.» былъ готовъ, мы купили мраморный столъ, краску и еще кое-какія мелочи. Столъ съ потайною наборною кассою былъ привезенъ изъ Минска. Такимъ образомъ различныя части типографіи «Р. Г.» доставлены были слѣдующими городами: Гомелемъ, Кіевомъ, Ромнами, Бѣлостокомъ и Минскомъ. Строилась типографія отъ начала 1896 года до середины 1897 года. Первое произведеніе типографіи, когда вся она состояла только изъ шрифта (кассу замѣ-

нялъ разрисованный клѣтками столъ), была майская прокламація незадолго до того образовавшагося К. Союза Борьбы.

Когда вопросъ объ изданіи группой общерусской газеты былъ рѣшенъ, группа приступила къ собиранію матеріаловъ для перваго номера. Цѣлью газеты было прежде всего освѣдомленіе организацій о рабочемъ движеніи во всей Россіи. Поэтому мы особенное значеніе придавали корреспонденціямъ. Но только невышедшій въ свѣтъ третій номеръ «Р. Г.» отличался тѣмъ богатствомъ свѣдѣній о движеніи во всѣхъ уголкахъ Россіи, къ которому мы стремились. Вслѣдъ за фактами и главнымъ образомъ черезъ ихъ доставку мы имѣли своей ближайшей цѣлью доказать необходимость объединенія всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи соціалдемократическихъ организацій. А для старыхъ организацій, для которыхъ вопросъ этотъ не подлежалъ сомнѣнію, доказать его возможность.

Убѣждать болѣе молодыя организаціи въ пользѣ и необходимости объединенія надлежало самымъ дѣломъ. А гдѣ нужны были слова, они говорились при нарочитыхъ встрѣчахъ. Что же касается убѣжденія болѣе опытныхъ организацій въ возможности объединенія, то не было способа болѣе убѣдительнаго, какъ своевременное оповѣщеніе путемъ регулярно и часто выходящей газеты о рабочемъ движеніи во всей Россіи и освѣщеніе фактовъ изъ жизни Россіи съ соціалдемократической точки зрѣнія, — т. е. путемъ дѣйствительнаго исполненія нѣкоторыхъ функцій центральнаго учрежденія партіи. Такимъ образомъ группа «Р. Г.» думала создать фактическій центръ, функціи котораго должны были вырости и расшириться до руководства движеніемъ. Для увеличенія притягательной силы этого центра, мы хотѣли имѣть своими сотрудниками извѣстныхъ своими литературными трудами товарищей соціалдемократовъ, какъ нѣкоторую предварительную гарантію выдержанности газеты въ соціалдемократическихъ принципахъ. Какъ мы сейчасъ увидимъ, группа нуждалась и въ такой литературной силѣ, которая, чувствуя себя мастеромъ своего дѣла, взяла бы на себя обязанность руководителя газеты, но мы думали, что редактора намъ наши заграничные товарищи дать не могли. Что же касается изданія центральнаго органа за границей, то эта мысль намъ показалась бы дикой. Итакъ, созданіе фактическаго центра съ расширеніемъ его функцій обслуживанія организацій до вмѣшательства совѣтомъ и руководствомъ—вотъ цѣль группы, какую себѣ ставила «Р. Г.» до формальнаго созданія настоящаго выборнаго центра съ соотвѣтствующими полномочіями. Послѣдняя задача была для группы «Р. Г.» самой близкой, важной и очередной первой степени.

Изъ группы были выдѣлены 4—5 пишущихъ. Моей функціей въ группѣ была не работа литератора, поэтому я на редакціонныхъ собраніяхъ не присутствовалъ. Но скоро мнѣ пришлось вмѣшаться и въ редакціонную работу. Дѣло въ томъ, что когда весь матеріалъ перваго номера газеты былъ сданъ въ типографію для печатанія, а это дѣлалось черезъ меня, то мое вниманіе было обращено на одну большую статью, которая оказалась неудовлетворительной. Тогда было собрано расширенное редакціонное собраніе, на которомъ эта статья и была забракована. Но и послѣ этого первый номеръ многихъ въ

группѣ не удовлетворилъ. Къ этому именно времени, послѣ появленія перваго номера «Р. Г.», который вышелъ 22 августа 1897 года, относится погоня группы за редакторомъ. Кіевъ тогда посѣтилъ литераторъ С. (изъ марксисткаго «Самарскаго Вѣстника») и литераторъ Р. Но время шло и второй номеръ «Р. Г.» приходилось создавать при старыхъ условіяхъ. Но при просмотрѣ сданнаго въ печать второго номера, взявъ на себя отвѣтственность за измѣненія и поправки, я убѣдилъ одного изъ сотрудниковъ вторично пересмотрѣть матеріалъ второго номера, при чемъ желательныя измѣненія передовой статьи были указаны. Кромѣ того, когда номеръ уже заканчивался наборщикомъ, по моему предложенію была однимъ изъ сотрудниковъ написана статья по поводу нелегальной литературной новинки, вышедшей изъ типографіи кружка «рабочихъ-революціонеровъ». Это былъ тайный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина къ губернаторамъ. Статья по этому поводу напечатана въ концѣ второго номера.

Второй номеръ «Р. Г.» вышелъ 20 декабря 1897 года. Этотъ номеръ всѣмъ въ группѣ нравился. И если первый въ значительной степени былъ собраніемъ статей случайно оказавшихся въ распоряженіи группы, то второй на него похожъ не былъ.

Въ это время мы усиленно готовились къ съѣзду и передовая статья этого номера прямо говоритъ о созданіи партіи и о томъ, что «борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за политическую свободу есть ближайшая задача русскаго рабочаго движенія» [1]).

Здѣсь я долженъ коснуться вопроса о томъ, на какого читателя разсчитывала «Р. Г.». Въ связи съ этимъ приведу мнѣніе Плеханова о первомъ номерѣ «Р. Г.»

Сущность письма его, адресованнаго группѣ, сводилась къ тому, что «дорогіе товарищи» какъ будто забыли, что всякая классовая борьба есть борьба политическая [2]). Такимъ образомъ, Плехановъ по поводу перваго номера «Р. Г.» нашелъ нужнымъ напомнить издателямъ его о недостаточномъ вниманіи къ вопросу о политической борьбѣ. Выходитъ какъ будто повтореніе упрека въ игнорированіи группой политической борьбы. На самомъ дѣлѣ этого не было, и послѣ второго номера, который уже вышелъ изъ печати до полученія этого письма, намъ казалось, авторъ его не повторилъ бы этого упрека. Но тѣмъ не менѣе поводъ къ напоминанію первый номеръ «Р. Г.» дѣйствительно могъ подать.

Въ чемъ же дѣло? Или измѣнились взгляды группы на ея задачи и способы ихъ выполненія въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ номеромъ? Или отъ 22 августа до 20 декабря 1897 года случилось что-либо особенное, что заставило группу измѣнить свои взгляды? Ничуть не бывало. Уже во время кіевской конференціи, въ мартѣ 1897 года, и во время подготовленія конференціи, когда пи-

---

[1]) „Рабочая Газета“ № 2. 1897 г.

[2]) Цитирую на память, такъ какъ письмо это попало въ руки жандармовъ 10 марта 1897 г., но за смыслъ ручаюсь. Также на память разсказываю о газетахъ „Впередъ“ и „Раб. Газ.“, которыхъ у меня нѣтъ подъ руками. „Раб. Газ.“ цитирую по книжкѣ Батурина.

сался первый номеръ кіевской рабочей газеты «Впередъ» (декабрь 1896 г.), группа называла себя и дѣйствительно была соціалдемократической. Но дѣло вотъ въ чемъ. Все, что писалось и издавалось группой, разсчитано было на малоподготовленнаго сѣраго читателя. Нелегальной литературы этого рода почти совсѣмъ не было. Особенное вниманіе группа обращала на общедоступность изложенія. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изданія кіевской группы, особенно прокламаціи, были часто удачны. Правда, приходилось иногда опускать нѣкоторыя стороны трактуемаго вопроса, другихъ и вовсе не касаться до поры до времени. Въ прокламаціяхъ и брошюркахъ это не было, можетъ быть, большимъ недостаткомъ. Но не то съ «Р. Г.», которая себѣ ставила широкія задачи, о которыхъ мы выше говорили. А между тѣмъ, при обсужденіи вопроса о томъ, на какого читателя должна разсчитывать будушая «Р. Г.», группа рѣшила этотъ вопросъ не въ пользу передового рабочаго, а въ пользу сѣраго читателя нашихъ тогдашнихъ кіевскихъ прокламацій.

Когда въ спорѣ по этому поводу сторонники противоположнаго мнѣнія (газеты для передового рабочаго) указали на ненужность газеты, если ея задачи тѣ же, что задача нашихъ прокламацій и брошюръ, то имъ отвѣчали указаніемъ на организаціонное значеніе газеты. Это былъ вѣрный отвѣтъ только на другой вопросъ, а не рѣшеніе даннаго. Это было уклоненіе отъ рѣшенія поставленнаго вопроса. Какъ бы то ни было, но рѣшено было писать газету для сѣряка. О середнякѣ рабочемъ какъ будто и рѣчи не было. Большое количество ихъ появилось только позже.

И вотъ, выполняя задачу писать для сѣраго читателя, массовика того времени, и придавали писаніямъ соотвѣтствующій характеръ. Неудивительно, что первый номеръ, созданный по такому рецепту и при несовершенствѣ редакціи, не удовлетворилъ Плеханова, какъ и многихъ членовъ группы издателей.

Ко времени составленія второго номера, а особенно его второго редактированія, о которомъ выше разсказано, вопросъ безъ формальнаго обсужденія всей группой былъ перерѣшенъ во второмъ смыслѣ. Было фактически принято во вниманіе меньшинство передовыхъ рабочихъ. Въ результатѣ—второй номеръ безъ фигуръ умолчанія, опредѣленнѣе, ярче и интереснѣе. Особенно сильно это отразилось на передовой статьѣ второго номера, которая почти вся при второмъ редактированіи переписана была наново.

Еще нужно прибавить, что на нашей группѣ отразилось вліяніе провинціальнаго города, какимъ въ сравненіи съ Москвой и Питеромъ былъ Кіевъ, дѣлавшій первые шаги въ развитіи организованнаго рабочаго движенія.

Какъ видимъ, и дурныя и хорошія стороны малопромышленной провинціи оказали вліяніе на группу. Въ результатѣ получился крѣпкій практическій центръ, взявшій и какъ-никакъ выполнившій задачу формальнаго и фактическаго объединенія, хотя и на короткое время, всѣхъ безъ малаго соціалдемократическихъ организацій въ Россіи въ одну партію.

Какова была программа группы «Раб. Газ.» и перваго съѣзда?

Группа программы не написала, не издалъ своей программы и первый съѣздъ. Но значитъ ли это, что организаціи, объединившіяся въ партію не имѣли своей програмы? Нисколько. Въ самомъ дѣлѣ въ чемъ заключается содержаніе всѣхъ соціалдемократическихъ программъ? Формулируя признаніе конечной цѣли организованнаго рабочаго движенія, соціализмъ (программа максимумъ),—она вслѣдъ затѣмъ даетъ перечень ближайшихъ задачъ партіи пролетаріата данной странны въ данный моментъ (программа минимумъ). А что касается методовъ борьбы за формулируемыя программой задачи, то эти методы борьбы, тактика партіи, съ одной стороны опредѣляются основными положеніями научнаго соціализма, въ формулировкѣ которыхъ, какъ и формулировкѣ программы максимумъ, мало нужды и возможности быть оригинальнымъ, а съ другой стороны они опредѣляются конкретными обстоятельствами мѣста и времени. Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать практическій шагъ организованному рабочему движенію, необходимо было опредѣлить не программу максимумъ, это уже было сдѣлано, и не общія основныя положенія методовъ пролетарской политики, они тоже уже давно были провозглашены основателями научнаго соціализма; то, что необходимо должна была сдѣлать группа «Рабоч. Газ.», какъ и группы основателей партіи,—это формулировка ближайшихъ задачъ партіи въ Россіи, успѣшно примѣнимыхъ пріемовъ и методовъ борьбы, видимо въ 1896-7-8 г.г. приближающихъ партію къ формулированнымъ ею, подъ непосредственную диктовку развивающагося рабочаго движенія, цѣлямъ въ Россіи того времени. И это тоже своевременно было сдѣлано группами, основавшими на первомъ съѣздѣ партію. Формулировку ближайшихъ задачъ возьмемъ хотя бы изъ «Рабочей Газеты», № 2, «борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за политическую свободу есть ближайшая задача русскаго рабочаго движенія». Послѣ 1 го съѣзда мы бы сказали: рабочаго движенія въ Россіи или: россійскаго рабочаго движенія. Что касается методовъ борьбы, рычаговъ, которыми организованное движеніе должно было и смогло шевельнуть лежавшее на пути движенія самое большое препятствіе, инерцію громаднаго тяжелаго камня сна массъ, стихію массъ, то она была не открыта, нѣтъ, она была открыта гораздо раньше, а была впервые примѣнена и самостоятельно сформулирована (можетъ быть вторично открыта) двумя центрами организованнаго рабочаго движенія: Вильной и Москвой. Я говорю объ извѣстной формулѣ: агитація на почвѣ мелкихъ нуждъ и требованій. [1]) Что такое въ самомъ дѣлѣ брошюра «Объ агитаціи» внѣ этой формулы? Всякій

---

[1]) Дальше этого наши пріемы не шли. Были, правда, кассы, союзы не то взаимопомощи, не то стачечные, не то профессіональные въ европейскомъ смыслѣ этого слова, но живой духъ всѣхъ этихъ организацій помѣщался въ ихъ библіотекахъ, вокругъ которыхъ группировался центръ пропаганды революціонныхъ идей болѣе или менѣе соціалдемократическихъ.

Въ 1897 году мы не считали цѣлесообразнымъ звать на демонстраціи. Въ одномъ случаѣ мы даже обращались къ сознательнымъ рабочимъ съ предложеніемъ не участвовать въ демонстраціи, на которую звала 18 марта 1897 года кіевская группа эсъ-эровъ. О цѣлесообразности демонстраціи и говорится въ прокламаціи къ кіевскимъ сознательнымъ рабочимъ. Это была вѣтровская демонстрація. Какъ разъ въ эти дни (17 и 18 марта) происходила въ Кіевѣ конференція, о которой выше разсказано.

практическій работникъ движенія того времени, на вопросъ объ этой брошюрѣ отвѣтилъ бы только этой формулой и ничего другого. На заостренный колъ фактическихъ теорій никто изъ участниковъ и подготовителей перваго съѣзда садиться не думалъ.

Если такимъ образомъ свою программу и тактику группа «Р. Г.» на ряду съ другими, или даже позже другихъ организацій, написала подъ диктовку начавшагося рабочаго движенія въ Россіи, то было еще нѣчто, что отличало эту группу отъ другихъ, которыя участвовали на первомъ съѣздѣ. Что отличало группу «Р. Г.» отъ другихъ, это взятая ею на себя задача, повелительно подсказываемая политическими условіями того времени—объединеніе всѣхъ организацій вокругъ одной центральной и созданіе этого центра. Если пропаганду, агитацію и организацію признать нашей революціонной троицей, то духомъ святымъ передъ первымъ съѣздомъ стала организація. Дать этому духу воплощеніе—вотъ задача перваго съѣзда, подготовленіе котораго выпало группѣ «Р. Г.».

Программа-минимумъ, а также и тактика выражена была, можетъ быть, слишкомъ кратко. И хотя въ досъѣздовской литературѣ мы и нашли бы и болѣе полную программу (проектъ программы Гр. Осв. Тр.), но такова уже видно судьба практически дѣйствующихъ конспиративныхъ группъ. Даже такая группа, какъ С.П.Б. Союзъ борьбы, имѣвшій въ своемъ распоряженіи гораздо большія литературно-научныя силы, чѣмъ какія были въ распоряженіи группы, однако программы не написалъ. Вотъ что пишетъ К. М. Таръ: «Между тѣмъ Союзъ былъ такъ заваленъ текущей работой, что у него рѣшительно не хватало ни времени, ни силъ заняться составленіемъ программы»... [1]) Да, ни времени, ни силъ.

Еще нѣсколько словъ по поводу тактики досъѣздовскихъ группъ и «Р. Г.»

Насъ могутъ спросить: А Бернштейнъ со своей ссылкой на «Раб. Газ.», и «Раб. Мысль», а «экономизмъ»?

«Раб. Мысли» вышло ко времени съѣзда первый и второй номеръ. Группѣ «Р. Г. эти номера не были извѣстны, если мнѣ не измѣняетъ память. Но о чемъ мы знали, или вѣрнѣе догадывались изъ чтенія между строкъ, присланнаго изъ Петербурга Устава Кассы рабочихъ (на ремингтонѣ), проникнутыхъ тѣмъ же духомъ, что и «Раб. Мысль», то это мы относили въ счетъ «оппозиціи», знакомой намъ по Кіеву и Вильнѣ и порожденныхъ ею размышленій о чисто рабочихъ организаціяхъ, возникающихъ на почвѣ плохой организованности быстро мѣняющагося личного состава отъ частыхъ проваловъ группъ или въ періоды перехода къ новымъ пріемамъ пропаганды и агитаціи. А условія конспиративной работы всегда даютъ при желаніи возможность найти слабыя мѣста въ смыслѣ неудовлетворительности организацій.

О Бернштейнѣ намъ долго говорить не приходится. Хотя были уже нѣкоторыя статьи его будущей «дрянной книжонки», но еще не было его книги, не было ея перевода, не было еще бернштейніанства въ Россіи. Ссылка же его на «Раб. Газ.», какъ сторонницу его взгля-

[1]) Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-дъ годовъ. Стр. 60.

довъ имъ проповѣдуемыхъ, бездоказательна. Откуда береться эта ссылка на русскую «Раб. Газ.»? Въ Vorwärts'ѣ послѣ выхода перваго номера «Р. Г.» появилась замѣтка. Описывая размѣръ и форму газеты и указывая на то, что никакихъ новыхъ фактовъ, кромѣ, кажется, (если память мнѣ не измѣняетъ) празднованія маевки 500 желѣзнодорожными рабочими въ Кіевѣ, авторъ замѣтки говоритъ о направленіи газеты приблизительно слѣдующее [1]). Редакція полагаетъ, согласно съ мнѣніемъ «Бунда», что экономическая борьба въ своемъ развитіи натолкнетъ пролетаріатъ Россіи на выводъ о необходимости политической свободы. Если бы эта мысль и была выражена въ первомъ номерѣ «Р. Г.», если бы она дѣйствительно характеризовала направленіе тогдашняго «Бунда» и группы «Р. Г.», однако тутъ, какъ видитъ читатель, бернштейніанство не при чемъ. Досъѣздовскія группы наши ничего общаго съ бернштейніанствомъ не имѣли. Не знали онѣ и такъ наз. экономизма. Руководящее правило нашей тогдашней тактики: агитація на почвѣ мелкихъ требованій и нуждъ—было единственнымъ, что было причято всѣми группами. Манипулируя этимъ могучимъ рычагомъ въ фундаментѣ общества, будущіе члены перваго съѣзда и ихъ группы не соблазнялись безплодными вершинами голыхъ скалъ словесныхъ и пустыхъ отвлеченныхъ построеній.

Рабочее движеніе ко времени перваго съѣзда было еще примитивно и однотонно, а организація верховъ ихъ—соціалдемократична. Такъ наз. экономизма еще не было.

Въ связи съ изложеніемъ взглядовъ группы «Р. Г.» нужно вспомнить о книжкѣ, которая была послѣднимъ произведеніемъ группы «Р. Г.». Книжка издана не была и пропала. Называлась книжка: «Рабочее дѣло въ Россіи».—Давъ сводку имѣвшихся свѣдѣній о рабочемъ движеніи въ Россіи, авторъ дѣлаетъ выводъ о необходимости образованія партіи и о близости свободы, хотя нельзя знать, заканчиваетъ авторъ свою книжку, будетъ ли она результатомъ всеобщей стачки или баррикадной битвы.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсказу о съѣздѣ, я еще долженъ упомянуть о статьяхъ Аксельрода и Кольцова для третьяго номера «Р. Г.».

Послѣ выхода перваго номера «Р. Г.», одинъ изъ членовъ группы издателей собирался по своимъ дѣламъ за-границу. Группа поручила ему побывать у членовъ заграничнаго Союза русскихъ соціалдемократовъ, спросить ихъ мнѣнія о вышедшемъ номерѣ и, можетъ быть, о сотрудничествѣ. О главной цѣли такого сотрудничества я выше говорилъ. О выходѣ номера тамъ знали, но немедленно достать его для прочтенія нельзя было [2]). Это былъ чуть ли не единственный слу-

---

[1]) Цитирую на память, за смыслъ ручаюсь.

[2]) За эту отчужденность между группой „Раб. Газ." и заграничнымъ Союзомъ русскихъ соціалдемократовъ, Союзъ поплатился тѣмъ, что не ему было поручено написать манифестъ 1898 года, а черезъ нѣкоторое время еще сильнѣе за этотъ грѣхъ поплатилась и вся россійская соціалдемократія удовольствіемъ имѣть авторомъ манифеста не соціалдемократа, а бывшаго соціалдемократа.

Кто болѣе виноватъ въ этомъ отчужденіи Россіи и за-границы—трдно сказать. Въ такихъ случаяхъ вѣрнѣе всего—оба виноваты.

чай непосредственныхъ переговоровъ между группой «Р. Г.» и заграничнымъ Союзомъ. Повидимому, для заграничнаго Союза всѣ являвшіеся къ Союзу изъ Россіи были представителями соціалдемократическихъ организацій, съ мнѣніемъ которыхъ Союзъ хотѣлъ считаться.

Когда нашъ делегатъ заговорилъ о томъ, какая нужна намъ въ Россіи литература, то одинъ изъ членовъ Союза, если память мнѣ не измѣняетъ, Аксельродъ отвѣтилъ, обращаясь къ другому присутствовавшему при этомъ члену Союза: слышите? насъ упрекаютъ, что мы мало удѣляемъ вниманія разработкѣ политическихъ вопросовъ. Онъ указалъ нашему делегату, что еще недавно Союзу приходилось выслушивать противоположные упреки.

Наша группа съ заграничнымъ Союзомъ слишкомъ мало была знакома. И заграничныя отношенія намъ были очень мало извѣстны. Товарищъ-делегатъ вернулся изъ-за-границы, и мы продолжали работать надъ собираніемъ матеріаловъ второго номера «Р. Г.». Когда вышелъ второй номеръ, въ Кіевъ пріѣхалъ изъ-за-границы товарищъ и привезъ вышеупомянутое письмо Плоханова, статью Кольцова «Городъ и Деревня» и статью Аксельрода. Послѣдняя потомъ вошла въ его брошюру «Къ вопросу о задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ». Эти статьи были бы конечно напечатаны въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Р. Г.». Объ ихъ *напечатаніи* [1]) за ихъ умѣренность и рѣчи не было да и быть не могло въ виду тѣхъ цѣлей, какихъ «Р. Г.» старалась достигнуть путемъ сотрудничества заграничныхъ товарищей.

Письмо Плеханова, статьи Кольцова и Аксельрода, неодобренный группой «Р. Г.» проектъ манифеста, почти готовый въ рукописи третій номеръ «Р. Г.» и еще нѣсколько другихъ были взяты при арестѣ одного изъ членовъ группы «Р. Г.» 10 марта 1898 года въ Екатеринославѣ во время большихъ арестовъ во многихъ городахъ по всей Россіи, когда было арестовано около 500 человѣкъ [2]).

VIII.

Первый съѣздъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Когда группа «Р. Г.» рѣшила созвать съѣздъ, [3]) то первымъ былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, изъ кого долженъ состоять съѣздъ. Рѣшено было, что съѣздъ будетъ состоять изъ представителей соціалдемократическихъ группъ, а не отдѣльныхъ соціалдемократовъ, которые представляли бы только себя самихъ. Группы же, чтобы имѣть право на участіе, должны были вести дѣйствительную работу на мѣстахъ, По своимъ связямъ группа «Р. Г.» надѣялась не упу-

[1]) См. Акимовъ „Очеркъ и т. д.“ стр. 100, примѣчаніе.
[2]) См. Акимова „Очеркъ“ и т. д., стр. 104.
[3]) Или, какъ мы изъ конспираціи называли его, коллёквіумъ.

стить ни одной изъ нихъ. Если тѣмъ не менѣе нѣкоторыя соціалдемократическія организаціи не были приглашены на съѣздъ, то этому были особыя причины, о которыхъ рѣчь впереди.

Второй вопросъ былъ о томъ, какъ быть съ городами, гдѣ дѣйствуютъ двѣ соціалдемократическія организаціи. Собственно такого случая, гдѣ имѣются двѣ самостоятельныя соціалдемократическія организаціи, группа не знала. Она хотѣла только считаться съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, когда въ данномъ мѣстѣ въ интеллигентской группѣ работала спеціальная организація рабочихъ соціалдемократовъ, какъ, напр., «Кіевскій Рабочій Комитетъ». На такой случай предположено просить прислать отъ каждой приглашаемой на съѣздъ группы двухъ делегатовъ, въ томъ числѣ одного отъ рабочей организаціи, по возможности рабочаго же.

Вообще вполнѣ цѣлесообразнымъ надо считать рѣшеніе группы «Р. Г.» при созывѣ съѣзда считаться съ какой-либо одной главной организаціей, представляя ей соглашеніе и переговоры съ остальными мѣстными организаціями.

Послѣ перваго объѣзда мысль о двухъ делегатахъ отъ орган. была оставлена. Ясно было уже тогда, что рабочихъ будетъ очень мало на съѣздѣ или вовсе не будетъ. Какъ ниже увидимъ, былъ всего одинъ делегатъ-рабочій. А вопросъ о томъ, какъ лучше организовать представительство на мѣстахъ послѣ перваго объѣзда, былъ оставленъ на рѣшеніе той группы, которую рѣшено было пригласить на съѣздъ.

Это были первыя рѣшенія группы, созывавшей съѣздъ до перваго спеціальнаго объѣзда всѣхъ извѣстныхъ группъ организацій. Эта первая поѣздка для переговоровъ о съѣздѣ должна была ознакомить съ личнымъ составомъ группъ и на мѣстахъ собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, особенно въ болѣе молодыхъ организаціяхъ, которыя не успѣли еще выяснить своей физіономіи въ мѣстной работѣ или своихъ изданіяхъ, недостаточно выразили свои взгляды или не доказали своей конспиративности. На послѣднее качество группа «Раб. Газ.», вышедшая, какъ мы видѣли, изъ хорошей конспиративной школы, обращала особенное вниманіе. Требовалась строгая точность и пунктуальная аккуратность въ исполненіи правилъ конспираціи, которая одна только давала болѣе или менѣе продолжительное существованіе подпольной организаціи. Напомнимъ, что послѣ виленской организаціи только группа «Р. Г.» имѣла въ своихъ рядахъ членовъ, работавшихъ безпрерывно пять лѣтъ и болѣе, если прибавить сюда и годы предварительныхъ знакомствъ съ чисто интеллигентскими революціонными организаціями. Только Бундъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ работниковъ старшаго возраста и опыта.

Хотя группа «Р. Г.» и стремилась объединить всѣ *соціалдемократическія* организаціи, однако она программы на съѣздъ не представила. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что въ смыслѣ программы объединяло группы-основательницы партіи.

Хотя группа и обсуждала вопросъ о программѣ, и отдѣльныя части были распредѣлены между нѣсколькими членами, но на выработку программы не хватало «ни силъ, ни времени».

Задача группъ, собравшихся на первый съѣздъ, состояла не въ выработкѣ программы, а въ сплоченіи с-д-хъ элементовъ вокругъ одного центра и созданіи такого дѣеспособнаго центра объединенныхъ единствомъ взглядовъ на ближайшіе практическія задачи партіи и методовъ ихъ достиженія. Что касается основъ соціалдемократіи и согласованія всѣхъ программныхъ требованій въ стройной и полной системѣ согласно основамъ, то группы основавшія на первомъ съѣздѣ партію, не считали этого очередной задачей первой степени. Первой на очереди задачей группы считали—изъ накопленныхъ соціалдемократическихъ элементовъ создать фактическое живое цѣлое, и тогда можно будетъ подумать о логически стройномъ согласованіи частей въ полную соціалдемократическую программу.

Теперь мы постараемся поближе разсмотрѣть тѣ ближайшіе мотивы, какіе повелительно требовали отъ группъ быстрѣйшаго созданія центра и объединенія вокругъ него.

Хотя и теперь конспирація не излишня, но количество работы, которую теперь нужно дѣлать конспиративно, въ сравненіи съ конспиративной работой того времени—невелика. Одна только доставка читателю печатной книжки съ изложеніемъ основъ соціалдемократіи,—чего стоила?

Очень часто книжка пропадала въ рукописи. Часто совсѣмъ готовая и отпечатанная она пропадаетъ наканунѣ выхода вмѣстѣ съ типографіей, какъ въ первомъ случаѣ (въ рукописи), съ почталіономъ или авторомъ. Такъ на каждомъ шагу подстерегаетъ ее врагъ. И эта книга теперь почти свободна. Такъ обстоитъ дѣло и съ нѣкоторыми другими функціями нашихъ организацій. Въ описываемое время типографія и контрабанда отнимала много силъ у подпольныхъ организацій.

При этихъ условіяхъ всякая мѣстная группа, имѣвшая возможность нажить извѣстный опытъ, сознавала пользу объединенія группъ и созданія центральной организаціи.

Центральная организація при извѣстной строгости конспираціи почти неуловима. Мѣстная же, несмотря ни на какую конспиративность, дѣлается раньше или позже извѣстной властямъ и обречена на погибель. Спасаетъ только перемѣна мѣста, но безъ центральной организаціи, знающей эти мѣста, чтобы использовать такія силы, перемѣна мѣста или невозможна или безполезна для дѣла.

На нашихъ глазахъ погибли всѣ крупныя мѣстныя организаціи. Погибъ Спб. Союзъ Борьбы, основанный въ 1895 году, провалился Московскій рабочій Союзъ, основанный въ 1896 году, провалилась и группа четвертаго «Летучаго Листка». Послѣдняя группа погибла, когда наша группа рѣшила вступить съ ней въ переговоры черезъ Виленчанъ объ объединеніи. Кіевская группа тоже ждала провала, въ томъ числѣ многіе члены группы «Р. Г.». За многими изъ нихъ явно слѣдили. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, что аресты членовъ группы «Р. Г.» 10—11 марта 1898 года были произведены во многихъ городахъ (Петербургъ, Москва, Самара, Екатеринославъ и др.). Члены группы хотѣли спастись, удалившись на время отъ дѣлъ, къ своимъ роднымъ и знакомымъ на нейтральной почвѣ. И это, конечно, не по-

могло. Только существованіе дѣеспособной центральной организаціи могло сдѣлать продуктивнымъ и возможнымъ частую и своевременную перемѣну мѣстнаго личнаго состава. Только такимъ образомъ возможно было сохранить опытъ старыхъ работниковъ и ихъ самихъ. Въ противномъ случаѣ пропадало и то и другое. Вотъ что понимали старыя опытомъ соц.-дем. организаціи. Вотъ что толкало ихъ къ объединенію и дало возможность первой практически поставившей себѣ эту задачу организаціи (группѣ «Р. Г.») возможность выполнить ее.

Вполнѣ ясно понимали эту задачу старыя опытомъ организаціи.

Молодыя организаціи цѣнили возможность получить своевременно и въ достаточномъ количествѣ съ такимъ трудомъ создаваемую, издаваемую и доставляемую нелегальную литературу и возможность черезъ центральную организацію освѣдомляться о рабочемъ движеніи въ Россіи устнымъ, письменнымъ или путемъ печати. Все это обѣщала программа съѣзда въ пунктѣ, опредѣлявшемъ задачи Ц. К. партіи. Возможность регулярнаго освѣдомленія высоко цѣнилась всѣми организаціями. Что отличало молодыя организаціи отъ старыхъ, эта боязнь за свою самостоятельность при существованіи центра съ широкими полномочіями. Этой дѣтской болѣзни, боязни за свою самостоятельность не избѣжала, кажется, ни одна организація.

Такимъ образомъ, къ доводу сохраненія энергіи (путемъ централизаціи и конспираціи) присоединялся и второй весьма сильный доводъ—истребленія партикуляризма. Раньше боязнь нарушенія своихъ правъ центромъ, потомъ идетъ охраненіе своихъ правъ ради охраненія, и забываетъ такъ провинціальная маленькая группка, ради чего и какимъ образомъ получила она, самостоятельная группа, свои права. Права ради правъ—вотъ и партикуляризмъ. А тамъ пошла «оппозиція» и всѣ прелести закоулковъ и захолустья.

При существованіи центральной организаціи на всѣхъ новыхъ пунктахъ можно было создать сразу колоніи-комитеты. При этомъ сохранялся опытъ старыхъ работниковъ, уменьшалась потеря рев. энергіи при выработкѣ капитала революціоннаго опыта на мѣстахъ и вмѣсто колокольнаго патріотизма патрикуляристовъ воспитывалась партійность. Это же отнимаетъ всякую почву «оппозицій».

Вотъ главные ближайшіе мотивы, заставившіе с.-д. группы собраться въ 1898 году на съѣздъ и создать партію.

Перехожу къ обзору имѣвшихся въ Россіи группъ ко времени съѣзда.

Къ тому, что было сказано по поводу кіевской конференціи о Москвѣ, остается мало прибавить. Послѣ перваго провала Московскаго рабочаго Союза перваго состава и краткаго расцвѣта второго состава, о которомъ выше было разсказано, Москва такъ и не создала большой и сильной организаціи. На съѣздъ отъ Москвы былъ приглашенъ молодой и слабый Московскій Союзъ Борьбы.

Виленчане успѣли создать областную организацію (Бундъ), который не было еще во время кіевской конференціи.

Изъ четырехъ Союзовъ Борьбы особенную физіономію имѣлъ

Екатеринославскій. Одно время (94—95 г.) тутъ работали и провалились кіевскіе студенты, которые стояли близко къ русской соціалдемократической группѣ. Провалившись, они дали членовъ заграничной колоніи эмигрантовъ и сибирской колоніи ссыльныхъ. Въ Екатеринославлѣ Союзъ Борьбы нѣсколько напоминалъ нормальный типъ союза создаваемаго центральной организаціей. Сразу здѣсь осѣла небольшая групка членовъ организацій другихъ городовъ съ извѣстнымъ опытомъ. А среди рабочихъ были ссыльные изъ другихъ двухъ центровъ рабочаго движенія. Были виленскіе ремесленники, высланные сюда, и большая группа петербургскихъ участниковъ стачки 96 года. Екатеринославскій Союзъ принялся за объединеніе всѣхъ этихъ элементовъ.

Еще группѣ «Р. Г.» были извѣстны организаціи въ Одессѣ, Николаевѣ и Харьковѣ.

Въ Одессѣ кіевская группа имѣла связи и готовилась создать мѣстную организацію, но призывать изъ Одессы представителей на съѣздъ мы не считали нужнымъ.

Относительно Одессы надо сказать тоже, что и о Москвѣ. И тутъ и тамъ ранній провалъ организаціи сонершенно уничтожилъ всякую надежлу на возсозданіе ея. Что касается Одессы, то мы имѣемъ въ виду провалъ 1894 года при попыткѣ безъ предварительной подготовки началъ широкую агитацію [1]).

О Николаевѣ мы узнали, что тамъ имѣется маленькая живая группка, которая за очень короткое время успѣла проявить большую энергію въ агитаціи массъ. Къ намъ доходила газета, издаваемая этой группой («Наше Время»). Въ Николаевѣ у насъ былъ одно время ученикъ изъ школы-мастерской Мельникова. Ученикъ этотъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Николаевскую группу мы считали мало конспиративною. Группа была наканунѣ провала. Поэтому группа не получила приглашенія на съѣздъ.

Въ Харьковѣ мы имѣли черезъ Роялиста связи въ рабочей средѣ и такимъ образомъ разыскали молодую интеллигентную группку. При первомъ объѣздѣ предстояло обратить особое вниманіе на двѣ организаціи: на московскую и харьковскую. На московскую потому, что она по личному составу была намъ очень мало извѣстна, хотя и считалась преемницей Московскаго Рабочаго Союза. Харьковская же организація была совсѣмъ молодая. Эта группа при первомъ объѣздѣ послѣ долгихъ переговоровъ дала свое согласіе, но когда при второмъ посѣщеніи ей была передана программа съѣзда, она представила письменный отказъ отъ участія въ съѣздѣ, мотивируя его неблаговремен-

[1]) Кстати сошлюсь на эти примѣры въ оправданіе осторожности въ тактикѣ при переходѣ къ новымъ формамъ борьбы, какъ эта осторожность проявилась кіевской группы „Раб. Дѣло“. Кіевская с. д. группа убѣждала въ своей прокламаціи сознательныхъ рабочихъ не участвовать 18 марта 1897 года въ демонстраціи, на которую призывала рабочихъ кіевская группа эсъ эровъ. Одинъ соціалдемократъ по поводу упомянутой с д-ой прокламаціи говорилъ, что это ушатъ холодной воды на и безъ того не горячую голову русскихъ рабочихъ. Но возбуждающія средства для нормальнаго питанія должны занимать только скромное мѣсто и никогда почти не замѣняютъ собою продолжительной подготовки путемъ пропаганды, агитаціи и организаціи.

ностью созданія партіи при слабости группъ Петербургскаго и Московскаго Союзовъ Борьбы.

Изъ національныхъ с.-д-кихъ организацій только за нѣсколько дней до съѣзда была приглашена на съѣздъ Литовская с.-д-кая партія, но она делегата не прислала. Приглашена была эта организація такъ поздно, потому что мы ее очень мало знали раньше. Что касается Соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы, то ее мы также очень мало знали, и она приглашена не была. Хорошо намъ была извѣстна Польская партія соціалистическая, но ее мы и не думали приглашать, такъ какъ ни группа «Р. Г.», ни какая другая изъ соціалдемократическихъ группъ не считали ее соціалдемократической.

Чтобы закончить съ имѣвшимися къ первому съѣзду группами, которыя имѣли право на участіе въ съѣздѣ, намъ остается разсказать, почему не были приглашены на съѣздъ группы: заграничная «Союза русскихъ соціалдемократовъ» и группа «Рабочаго Знамени».

О нашихъ отношеніяхъ къ Союзу р. с.-д. мы уже выше говорили. Все сказанное объ этомъ Союзѣ сводится къ тому, что какъ организація она была чужда намъ. Мы знали хорошо только пару другую именъ и нѣсколько книгъ. Но мы не видѣли въ Союзѣ живой и дѣятельной организаціи. Къ тому же мы особенно не довѣряли не практикамъ (въ узкомъ смыслѣ слова) вообще, какъ не знающимъ мѣстныхъ условій (на этомъ основанъ первый пунктъ устава съѣзда) и кромѣ того особенно мы не довѣряли заграничнымъ изъ предполагаемой неконспиративности ихъ. Вотъ почему заграничный Союзъ р. с.-д не былъ приглашенъ на съѣздъ. Но такъ какъ образовавшейся партіи нужны были и латераторы, и заграничный комитетъ, то на съѣздѣ объ этомъ и было вынесено извѣстное постановленіе. Правда, мы мало или почти ничего не знали о разногласіяхъ между членами и, принимая на съѣздѣ рѣшеніе о заграничномъ комитетѣ партіи, имѣли въ виду, конечно, всѣхъ работниковъ, а не одну какую-нибудь группу этого Союза.

Теперь намъ остается разсказать, почему не было на съѣздѣ группы «Рабочаго Знамени».

Въ первомъ номерѣ «Рабочаго Знамени» написано, что только условія подпольной работы въ Россіи послужили причиной одновременнаго появленія двухъ ничѣмъ не отличавшихся между собой партій. Цитирую на память цитату изъ «Рабочаго Знамени» въ «Рабочемъ Дѣлѣ», но за смыслъ ея ручаюсь. Такъ представляетъ дѣло «Рабочее Знамя». Но это не совсѣмъ такъ.

Какъ извѣстно, группа эта на своихъ изданіяхъ до появленія газеты «Рабочаго Знамени» называла себя кружкомъ рабочихъ-революціонеровъ. Это былъ бѣлостокскій кружокъ. О вліяніи одного изъ членовъ этой группы и его дѣятельности въ Кіевѣ мы выше говорили. Мы знали объ этой группѣ, что у нея имѣется около 12—15 членовъ, кажется по преимуществу рабочихъ, что у нихъ имѣется хорошо поставленная типографія. Объ одномъ изъ ихъ изданій былъ данъ отзывъ во второмъ номерѣ «Рабочей Газеты». Также мы знали, что группа эта вербуетъ членовъ въ Кіевѣ. До выхода ихъ изданія «Задачи русской рабочей партіи», которая представляетъ собою пере-

печатку женевскаго изданія «Чего хотятъ соціалдемократы» съ прибавленіемъ одной—двухъ страницъ о тактикѣ, мы не имѣли данныхъ считать эту группу соціалдемократической. Да и она сама себя, кажется, таковой не считала. Мы судили о группѣ по бѣлосточанину, который имѣлъ весьма широкія полномочія. Такъ, напримѣръ, онъ могъ, одобривъ рукопись, взяться печатать ее въ типографіи группы. Съ этой цѣлью велись у насъ переговоры, но они ни къ чему не привели. Одно время въ ихъ типографіи долго лежала изданная потомъ заграницей брошюра Ленина [1]), переданная черезъ нашу группу изъ Петербурга, но напечатана не была. Можетъ быть эта брошюра не осталась безъ вліянія на самоопредѣленіе группы въ смыслѣ принятія соціалдемократической программы. Кіевляне считали эту группу отчасти неопредѣлившеюся и нѣсколько близкою по своимъ воззрѣніямъ къ кіевскимъ эсъ-эрамъ. О другихъ особенностяхъ группы мы говорили по поводу вліянія бѣлосточанина на кіевскую «оппозицію». Послѣ изданія «Задачи русской рабочей партіи» одинъ членъ кіевскаго Союза Борьбы и одинъ Петербургскаго получили предложеніе отъ бѣлостокской группы присоединиться къ этой партіи. Это было незадолго до съѣзда. Мы считали эти предложенія за желаніе построить партію вокругъ бѣлостокской группы «Рабочаго Знамени», какъ центра. Но для этого собиравшіяся на съѣздъ группы не считали ее пригодной. Противъ приглашенія группы «Рабочаго Знамени» на съѣздъ говорило сравнительно недавнее присоединеніе ея къ соціалдемократической программѣ и недавняя близость ея во взглядахъ кіевскихъ членовъ къ эсъ-эрамъ. Затѣмъ мы считались и съ тѣмъ, что взгляды группы, судя по Бѣлосточанину, представляли нѣкоторыя такія особенности, что мы считали нужнымъ выждать ихъ дальнѣйшаго выясненія. Вотъ почему группа будущаго «Рабочаго Знамени», заявившая о своемъ существованіи и работѣ, что давало по неписанному уставу съѣзда ей право на участіе въ немъ, какъ соціалдемократической, послѣ выпуска вышеупомянутаго изданія и ведущей работу на мѣстахъ,— не получила приглашенія на съѣздъ. Но выбранный на съѣздѣ Центральный Комитетъ партіи однимъ изъ первыхъ рѣшилъ вопросъ о вступленіи въ переговоры съ ней для выясненія отношеній и вступленія ея въ образовавшуюся на съѣздѣ партію.

Такимъ образомъ на съѣздѣ оказались слѣдующія организаціи Союзы Борьбы за освобожденія рабочаго класса: Петербургскій, Московскій, Кіевскій, Екатеринославскій, Бундъ и группа «Рабочей Газеты».

Общее рѣшеніе о представительствѣ выше приведено.

Какъ устраивались выборы делегатовъ на съѣздъ въ другихъ организаціяхъ, въ томъ числѣ и въ Бундѣ, пославшемъ въ своей делегаціи одного рабочаго, не знаемъ. Замѣтимъ только, что посылка делегаціи для Бунда была облегчена тѣмъ, что съѣздъ происходилъ въ районѣ Бунда, въ Минскѣ. А средства, конечно, были весьма скромныя.

Въ Кіевѣ выборы на съѣздъ происходили такимъ образомъ.

---

[1]) Точнаго заглавія не помню, кажется, „Къ вопросу о задачахъ и тактикѣ с.-д.“

Кіевскому Союзу Борьбы въ полномъ собраніи было доложено, что предстоитъ съѣздъ для образованія партіи и передана программа съѣзда и предложеніе принять участіе. Союзъ выбралъ делегата. Затѣмъ были собраны всѣ члены «Кіевскаго Рабочаго Комитета» и нѣсколько не-членовъ и сдѣланъ тотъ же докладъ и предложеніе. Кромѣ рабочихъ, была и одна работница, на этомъ засѣданіи расширеннаго рабочаго комитета присутствовали и два интеллигента. Одинъ изъ нихъ былъ членомъ рабочаго комитета въ это время, а другой—раньше, въ комитетѣ перваго состава. Эти интеллигенты уже имѣли мандаты на съѣздъ. На этомъ собраніи интеллигенты сдѣлали указаніе, что желательно послать делегатомъ на съѣздъ рабочаго. Но рабочіе изъ недовѣрія ли къ своимъ силамъ, изъ другихъ ли соображеній выбрали интеллигента. Не сомнѣваюсь, что будь въ это время въ Кіевѣ Мельниковъ, онъ былъ бы выбранъ, но онъ въ это время больной былъ подъ надзоромъ полиціи въ Ромнахъ въ ожиданіи приговора.

Изъ группы «Рабочей Газеты» былъ выбранъ одинъ и потомъ, по его предложенію другой, хотя не безъ пользы и съ полнымъ правомъ группа могла бы послать и еще одного-двухъ. Имѣла знченіе и экономія, и желаніе собрать какъ можно меньше людей изъ конспираціи, а количество голосовъ, предоставленное каждой организаціи, какъ и раньше предполагалось, и на съѣздѣ было рѣшено, былъ одинъ голосъ для каждой. Но на съѣздѣ царило полное согласіе, и члены его скоро перестали считать голоса при рѣшеніи вопросовъ, такъ какъ всѣ рѣшенія принимались подавляющимъ большинствомъ.

Такимъ образомъ перваго марта 1898 года вечеромъ въ Минскѣ собрались девять представителей соціалдемократическихъ организацій: четыре отъ четырехъ союзовъ борьбы, три отъ Бунда и два отъ группы «Рабочей Газеты».

Первое засѣданіе началось до пріѣзда девятаго делегата, который ожидался вечернимъ поѣздомъ и пріѣхалъ ко второй половинѣ засѣданія.

Порядкомъ дня служила программа съѣзда. Эта программа была представлена группой «Раб. Газ.» и была передана для обсужденія и дополненія во всѣ соціалдемократическія организаціи. Изъ всѣхъ организацій только Петербургскій Союзъ прибавилъ опредѣленіе задачъ Центр. Комитета—руководство движеніемъ; въ программѣ имѣлся перечень функцій, какія возлагались на Ц. К. Въ программѣ было сдѣлано указаніе, что делегаты должны имѣть полномочія обсуждать и принимать рѣшенія и по такимъ вопросамъ, если бы они возникли, о которыхъ программа не упоминаетъ.

Мнѣ кажется, что ясное представленіе объ этой программѣ можно составить себѣ по рѣшеніямъ съѣзда, которыя приложены къ манифесту, такъ какъ эти рѣшенія представляютъ отвѣты на вопросы, предложенные въ программѣ. Программа по нѣкоторымъ вопросамъ давала и предполагаемое рѣшеніе, напр., по вопросу о названіи партіи давались два отвѣта: русская и россійская.

Первымъ вопросомъ на первомъ засѣданіи обсуждался вопросъ

о названіи партіи. Къ слову: Россійская было прибавлено слово: Рабочая, котораго въ программѣ не имѣлось. На съѣздѣ на второй или третій день были даны названія учрежденіямъ партіи: центральный комитетъ, мѣстные комитеты и извѣстныя теперь формы для изданій, съ названіемъ партіи въ заголовкѣ.

Слово *Россійская* было выбрано для партіи, чтобы указать, что въ работѣ, какую партія наша дѣлаетъ, принимаютъ участіе не только русскіе пролетаріи, но и пролетаріи всѣхъ другихъ населяющихъ Россію народовъ.

Какъ организація борьбы партія пролетаріата Россіи должна была по мысли съѣзда въ лицѣ своей ц. организаціи быть единой, какъ единъ и ея ближайшій противникъ.

Послѣ вопроса о названіи партіи однимъ изъ первыхъ было формулировано отношеніе нашей партіи къ національному вопросу. Вопросъ возникъ по поводу пункта порядка дня: отношеніе къ P. P. S. Будучи практиками, мы хотѣли рѣшить вопросъ объ отношеніи нашей партіи къ революціонной организаціи, съ которой мы не могли не встрѣчаться, какъ работавшей на томъ же полѣ, что и мы, а главное противъ того же противника, который былъ и нашимъ противникомъ. Ища рѣшенія частнаго конкретнаго вопроса и не находя его, за недостаткомъ данныхъ въ опытѣ партіи, мы натолкнулись однако на общій вопросъ, который долженъ былъ быть рѣшенъ предварительно. И поставивши послѣдній, мы дали на съѣздѣ то его рѣшеніе, которое вошло въ программу второго съѣзда вмѣстѣ съ прибавленными на второмъ съѣздѣ, нѣкоторыми слѣдствіями изъ него.

Это былъ единственный программный вопросъ, обсуждавшійся и рѣшенный на первомъ съѣздѣ и включенный потомъ въ программу второго съѣзда.

Вопросъ о признаніи заграничнаго Союза русскихъ с-д-товъ представителемъ партіи за границей былъ рѣшенъ довольно быстро. Но объ этомъ потомъ была рѣчь на засѣданіи Ц. К.

Въ связи съ вопросомъ объ автономіи мѣстныхъ комитетовъ была предоставлена и автономія Бунду. Бундъ отъ другихъ организацій, участвовавшихъ на съѣздѣ, отличался тѣмъ, что представлялъ объединенный комитетъ нѣсколькихъ городовъ, и нѣкоторая особенность его автономіи зависѣла также отъ особаго языка его членовъ. Такъ какъ центральный комитетъ партіи не могъ разсчитывать, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, самъ издавать и литературу на еврейскомъ языкѣ, то эта задача выпадала автономному Бунду. Но въ то время какъ всѣ остальные мѣстные комитеты могли ставить себѣ задачей только мѣстныя по преимуществу изданія, такъ какъ общій органъ долженъ былъ издавать Ц. К., еврейскія изданія всѣ оставались въ рукахъ Бунда. Помощью бундовской издательской дѣятельности со стороны центральнаго органа партіи было обѣщаніе передавать Бунду для его еврейскаго органа газетный матеріалъ для одновременнаго его появленія и на еврейскомъ языкѣ. Изъ всего этого видно, что автономія Бунда, по смыслу постановленія съѣзда, была скорѣе всего техническаго свойства, отличавшаяся отъ автономіи другихъ комитетовъ тѣмъ, что права, предоставленныя всѣмъ мѣст-

нымъ комитетамъ, Бундомъ осуществлялись въ большей степени, чѣмъ другими и часть этихъ правъ и функцій (имѣемъ въ виду издательство на еврейскомъ языкѣ), повидимому, могла и должна была расшириться съ помощью Ц. К. Во всякомъ случаѣ ни одинъ комитетъ, ни Бундъ не получилъ права сношеній съ другими организаціями ни въ Россіи, ни за-границей помимо Ц. К. партіи.

Это видно изъ того, что сношенія съ другими организаціями и съ заграничною было возложено на цен. ком., а заграничная организація Союза русскихъ соціалдемократовъ объявлялась представительницей партіи за-границей. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, рѣшенія съѣзда намѣчаютъ только довольно широкія рамки, представивъ послѣдующему опыту жизни партіи наполнить ихъ соотвѣтствующимъ содержаніемъ. Для точнаго опредѣленія задачъ заграничнаго комитета партіи долженъ былъ отправиться за-границу одинъ изъ членовъ Ц. К. Чтобы закончить съ объясненіями автономіи Бунда, приведу еще одно доказательство, послѣднее, но не наименѣе важное, что по существу эта автономія не отличалась отъ автономіи другихъ комитетовъ, какъ она понималась на первомъ съѣздѣ. Доказательство это я вижу въ томъ, что члены Ц. К., избраннаго на съѣздѣ, раздѣляя между собою предстоящую работу, ничѣмъ не выдѣляли своего товарища изъ бундовцевъ отъ другихъ членовъ этого комитета, ни въ отрицательномъ, ни въ положительномъ смыслѣ. Никакихъ особенныхъ правъ, привилегій или ограниченій для бундовца сдѣлано не было, и онъ призванъ былъ дѣлать ту же работу, что и остальные члены Ц. К. Теперь два слова объ автономіи комитетовъ. Изъ того, что было разсказано до сихъ поръ, видно, что основатели партіи должны были быть и не могли не быть сторонниками сильной центральной организаціи. И это дѣйствительно было такъ. Но какъ же въ такомъ случаѣ понимать автономію мѣстныхъ комитетовъ. Во первыхъ, какъ бы мы не понимали ее, она никакъ не могла воспрепятствовать центру быть сильнымъ. Центръ долженъ былъ стать сильнымъ, при условіяхъ подпольнаго существованія, своей конспираціей, своимъ составомъ изъ профессіоналовъ, ничѣмъ не связанныхъ, внѣ своихъ функцій членовъ Ц. К., и послѣднее, самое важное, это успѣшное выполненіе своихъ обязанностей, при своихъ широкихъ полномочіяхъ. Раньше, чѣмъ закрѣплять точно опредѣленными границами права или обязанности Ц. К., хотѣлось дать опыту партійной жизни намѣтить эти границы, а поскольку границы эти уже опредѣлились для нѣкоторыхъ членовъ партіи, задачи Ц. К. могли быть осуществлены, и автономія, какъ признаніе принципа самоуправленія каждаго комитета въ предѣлахъ своихъ мѣстныхъ дѣлъ, нисколько не мѣшала работѣ сильнаго центра. Это признаніе широкаго мѣстнаго самоуправленія, не мѣшая росту силъ Ц. К. партіи, помогало наиболѣе молодымъ организаціямъ, какъ участвовавшимъ на съѣздѣ, такъ и другимъ маленькимъ группкамъ, которыхъ на съѣздѣ не было, которымъ по малоопытности, молодости, боязни потери самостоятельности, это признаніе широкаго самоуправленія помогало воспитать въ себѣ партійность. Партійность надо было воспитать. И декретами этого достигнуть нельзя. Только фактическая продолжительная и успѣшная работа Ц. К.

могла постепенно уничтожить партикуляризмъ и замѣнить его партійностью. Широкое же самоуправленіе есть наилучшее условіе для развитія жизнеспособныхъ мѣстныхъ организацій. Пользоваться автономіей для ослабленія центра—это не могло принести пользы никакой мѣстной сильной организаціи. А въ рукахъ слабой организаціи ни это, ни какое другое орудіе не могло быть опаснымъ.

Смѣшно было бы смотрѣть сверху внизъ на ошибки и промахи въ организаціонномъ и тактическомъ отношеніи, сидя на плечахъ великана настоящаго времени, откуда и близорукому вдали видно то, что иному дальнозоркому, стоявшему въ долинѣ прошлаго, видно было плохо. Но какъ практики, хорошо знавшіе условія нашего времени, мы дали въ постановленіяхъ съѣзда по организаціоннымъ вопросамъ весьма широкія рамки для развитія большой партіи съ жизнеспособными организаціями. Широкое самоуправленіе комитетовъ это и есть не что иное, какъ демократизмъ. Какъ соціалисты мы не можемъ не быть демократами. Формы же, какія демократическая организація принимаетъ и мѣры, какими она ихъ осуществляетъ, зависятъ отъ текущей рѣки жизни. Въ наше досъѣздовское время отсутствіе выборовъ не было недемократическимъ, такъ какъ мы знали, что отрицаемъ ихъ изъ-за неконспиративности ихъ. Выборы означали гибель организаціи, а съ гибелью организаціи погибаетъ и демократизмъ ея. Тогда вмѣсто демократической организаціи остается пустое и мертвое слово демократизмъ. Если до пустыхъ и мертвыхъ словъ, иногда очень красивыхъ, тьма охотниковъ, то настоящіе революціонеры не изъ ихъ числа.

Послѣ рѣшенія вопросовъ о названіи партіи, автономіи мѣстныхъ комитетовъ и Бунда и о заграничномъ комитетѣ занялъ мѣсто вопросъ о времени созыва экстреннаго съѣзда и количествѣ голосовъ, имѣющихъ право созвать его. Этимъ вопросомъ очень интересовался делегатъ Московскаго Союза Борьбы. Болѣе молодая организація, она больше другихъ боялась власти Ц. К.

При этомъ болѣе нетерпѣливые участники съѣзда, такъ какъ вопросъ былъ ясенъ, упрекнули предсѣдателя въ неискусномъ руководствѣ преніями; на самомъ дѣлѣ говорилъ каждый сколько кто считалъ нужнымъ, пока дѣлалось возможнымъ удовлетворяющее всѣхъ рѣшеніе. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій были сдѣланы доклады делегатовъ о положеніи дѣлъ на мѣстахъ. Бундовскій докладъ былъ больше другихъ. Докладъ представителя Кіевскаго Союза Борьбы и Рабочаго Комитета имѣлъ пессимистическую нотку. Въ общемъ положеніе дѣлъ для всѣхъ было ясно, и доклады ничего новаго не дали.

По поводу выборовъ въ Ц. К. партіи, было сдѣлано предложеніе о предоставленіи выполненія рѣшеній съѣзда представителямъ трехъ группъ, которыя фактически и до сихъ поръ отчасти выполняли задачи общепартійной центральной организаціи. Имѣлись въ виду группы Петербург. Союза, Бунда и «Рабочей Газеты». Они то и были избраны въ Ц. К. Выбрано было три члена. Ц. К. имѣлъ два—три засѣданія, въ которыхъ былъ намѣченъ цѣлый рядъ задачъ. Члены Ц. К. должны были жить, гдѣ по роду дѣятельности кому было удобно и съѣзжаться по мѣрѣ надобности. Кромѣ рѣшеній Ц. К. о переговорахъ съ груп-

пой «Рабочаго Знамени» и Союзомъ русскихъ соціалдемократовъ заграницей, были предположенія о созданіи новыхъ комитетовъ въ нѣкоторыхъ волжскихъ городахъ.

По вопросу о редакціи Центральнаго Органа Партіи, каковымъ была признана «Рабочая Газета», Центральный Комитетъ, которому было поручено устроить его редакцію, рѣшилъ передать ее, начиная съ третьяго номера «Р. Г.», который почти весь былъ готовъ, одному литератору марксисту, оставивъ за собою контроль за всѣмъ написаннымъ въ газетѣ. Особенно на этомъ контролѣ настаивалъ одинъ изъ членовъ Ц. К.

Первый Ц. К. смотрѣлъ на себя, какъ на учрежденіе, которое въ близкомъ будущемъ должно было сильно измѣниться и увеличиться. Его задача была наладить текущія дѣла, вступить въ переговоры съ невошедшими еще въ партію соціалдемократическими организаціями и столковаться съ заграничной организаціей. Покончивъ съ текущими неотложными дѣлами, что легко было офиціальному общепризнанному представительному учрежденію партіи, какимъ былъ выбранный на съѣздѣ Ц. К., этотъ комитетъ полагалъ не позже шести мѣсяцевъ, которыхъ было бы достаточно для рѣшенія неотложныхъ дѣлъ, собрать второй съѣздъ. Закрывая съѣздъ, предсѣдатель его предложилъ всѣмъ членамъ его считать себя членами Ц. К. собственно кандидатами, и если хотя бы одинъ уцѣлѣлъ въ случаѣ провала, то ему вмѣнялось въ обязанность выполнить постановленія съѣзда. Предсѣдатель съѣзда тогда же предупреждалъ товарищей не возбуждать среди членовъ своихъ организацій слишкомъ преувеличеннымъ надеждъ, но если Ц. К., говорилось дальше, удастся просуществовать мѣсяцевъ шесть, тогда, казалось, и большія надежды могутъ считаться осуществимыми. Ц. К. считалъ свои ближайшія задачи осуществимыми и посильными для себя, а если будетъ дано нѣсколько мѣсяцевъ жизни безъ провала, тогда слѣдующій съѣздъ очень скоро могъ бы, казалось, дать и полную соціалдемократическую программу.

На съѣздѣ подробно финансы партіи не обсуждались. Но въ центральномъ комитетѣ былъ подсчитанъ и ежемѣсячный бюджетъ.

Съѣздъ начался перваго марта вечеромъ и окончился третьяго марта вечеромъ. Засѣданія начинались съ ранняго утра и продолжались до поздняго вечера, съ перерывомъ на обѣдъ. Третьяго марта вечеромъ была устроена вечеринка, гдѣ присутствовали члены мѣстной организаціи.

Пѣли пѣсни. Были тосты. О двухъ изъ нихъ слѣдуетъ вспомнить. Первый—это тостъ рабочаго, участника съѣзда, за то, чтобы на слѣдующемъ съѣздѣ было болѣе рабочихъ, чѣмъ на первомъ. Другой тостъ—представителя Кіевскаго Союза и Рабочаго Комитета. Въ небольшой рѣчи онъ напомнилъ товарищамъ, что время основанія партіи совпадаетъ съ пятнадцатилѣтіемъ выхода въ свѣтъ перваго изданія первыхъ основателей соціалдемократіи въ Россіи «Группы Освобожденія Труда».

Первымъ дѣломъ Ц. К. должно было быть изданіе манифеста объ образованіи партіи, редакція котораго представлена была Ц. К. На съѣздѣ было только сдѣлано указаніе на то, чтобы въ манифестѣ

было кромѣ указанія на задачи партіи указано, что Р. С.-Д. Р. П., какъ организація борьбы, является преемницей «Народной Воли».

Не совсѣмъ удачная формулировка этой мысли (см. предпослѣдній абзацъ манифеста) дала поводъ къ нападкамъ на соціалдемократію со стороны одного ея критика.

Два слова въ заключеніе. Стремясь организовать партію, группа «Рабочей Газеты» и другія группы—участницы съѣзда, хотѣли построить ее изъ назрѣвшихъ потребностей практической дѣятельности и считаясь съ уровнемъ развитія большинства организацій. Усилить центральную организацію партіи считали поэтому возможнымъ въ процессѣ работы этого центра. Партійность надобно было еще нажить и воспитать. Юридически первому Ц. К. была дана задача больше всего обслуживать организаціи: изданіе и доставка литературы, изданіе центральнаго органа, изданіе прокламацій, по поводамъ общимъ для всей Россіи, напр., майской и т. п. Но это обслуживаніе должно было превратиться неизбѣжно въ руководство организованнымъ рабочимъ движеніемъ въ Россіи. И съѣздъ 1898 года сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи, въ этомъ все его значеніе. И несмотря на то, что отъ минскаго съѣзда до брюссельскаго прошло нѣсколько лѣтъ, брюссельскій съѣздъ не могъ не считать себя вторымъ, хотя только этотъ съѣздъ далъ партіи настоящую соціалдемократическую программу.

Б. Д.

Студенческое движеніе 1869 года.

(Бакунинъ и Нечаевъ),

I.

Студенческіе безпорядки 1869 г., охватившіе нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга и отозвавшіеся глухимъ броженіемъ въ провинціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, явились первымъ проявленіемъ объединеннаго студенческаго протеста послѣ большихъ безпорядковъ 1861 года. Для того, чтобы яснѣе понять общую причину волненій, періодически охватывавшихъ русское студенчество, необходимо сказать нѣсколько словъ о причинахъ и формахъ студенческаго движенія конца 50-хъ—начала 60 хъ годовъ. Какъ извѣстно, неудачный исходъ крымской войны сильно способствовалъ усиленію общественнаго самосознанія и выступленію на арену общественной дѣятельности тѣхъ силъ, которыя до того оставались въ скрытомъ состояніи. Такою, именно, силою, такою общественной группой, которая выступила въ концѣ 50 хъ годовъ и съ тѣхъ поръ стала играть видную роль, была разночинная интеллигенція. Въ старомъ сословно-крѣпостническомъ строѣ разночинная интеллигенція явилась новымъ элементамъ, создавшимся въ процессѣ постепеннаго крушенія старыхъ устоевъ русской жизни. Ея ряды пополнялись представителями разорявшагося мелкаго помѣстнаго дворянства, представителями купеческаго и духовнаго сословія, дѣтьми чиновниковъ. Снизу, въ ея ряды проникали представители мѣщанства и крестьянства. Въ старомъ самодержавно-крѣпостническомъ строѣ, гдѣ всѣ люди и всѣ взаимныя ихъ отношенія были предопредѣлены заранѣе, прикрѣплены къ опредѣленнымъ занятіямъ, отъ рожденія и до смерти, втиснуты въ неизмѣняющіяся рамки,—разночинная интеллигенція лишена была возможности сноснаго существованія. Необезпеченная трудомъ крѣпостного крестьянства разночинная интеллигенція не была заинтересована въ сохраненіи крѣпостничества; болѣе того, она видѣла свой прямой интересъ въ освобожденіи народныхъ массъ, такъ какъ полное приложеніе могла она найти своимъ силамъ лишь въ условіяхъ свободнаго государства. Не имѣя за собою никакихъ, ни родовыхъ, ни благопріобрѣтенныхъ имуществъ, разночинецъ долженъ былъ пробивать себѣ дорогу въ жизни своими собственными личными усиліями. И единственнымъ ору-

жіемъ въ борьбѣ интеллигентнаго разночинца за существованіе было образованіе. Вотъ почему, какъ только преграды, воздвигнутыя для народнаго просвѣщенія при Николаѣ I, были поколеблены общественнымъ подъемомъ въ концѣ крымской войны, разночинецъ, въ широкомъ смыслѣ слова, бросился въ университетскія аудиторіи. Если количественно разночинецъ не подавлялъ собою, съ тѣхъ поръ, представителей болѣе обезпеченныхъ слоевъ населенія, то, во всякомъ случаѣ, съ этого момента, именно разночинецъ сталъ задавать тонъ въ университетѣ. Уже раньше, еще въ тяжелую николаевскую эпоху, когда такъ усиленно старались аристократизировать образованіе, въ особенности, высшее, разночинцы были уже настолько сильны въ средѣ студенчества, если не своей численностью, то силою своего авторитета, что ихъ голосъ всегда одерживалъ верхъ надъ голосомъ студенческой аристократіи. Такъ въ концѣ 30-хъ годовъ, въ петербургскомъ университетѣ произошло столкновеніе между членами тайныхъ (но терпимыхъ начальствомъ) корпорацій «Рутенія» и «Балтика», съ одной стороны, и—вполнѣ тайной демократической «кассы взаимопомощи», съ другой стороны; причина столкновенія заключалась въ попыткѣ аристократовъ-корпорантовъ передавать своему суду «дикихъ» (некорпорантовъ). Исторія эта кончилась побѣдой университетской демократіи и крушеніемъ самихъ корпорацій.

Съ средины 50-хъ годовъ, когда норма въ 300 студентовъ была уничтожена, когда рухнула военная дисциплина, когда замолкли барабаны, грѣмѣвшіе въ университетахъ въ тактъ марширующимъ студентамъ, разверстаннымъ на роты и батальоны, когда адиторіи наполнились толпами молодежи,—въ средѣ студенчества начался естественный процессъ внутренней организаціи. Организація шла по различнымъ принципамъ. Такъ, въ Кіевѣ стали организоваться по національностямъ, особенно, поляки, среди которыхъ существовали землячества («гмины») еще въ 40-хъ годахъ. Организовывались землячества и въ Москвѣ, гдѣ первымъ объявилось рязанское, а за нимъ сибирское землячества. Въ Петербургѣ предлогомъ для сплоченія ссуденчества явился студенческій журналъ («Сборникъ, издав. студ. СПБ., унив.»), для редактированія котораго были избраны представители отъ курсовъ и факультетовъ. Подъ именемъ «редакторовъ» они стали выборнымъ совѣтомъ студенческихъ старостъ. Затѣмъ основалась касса взаимопомощи, библіотека; студенчество же организовало первый въ Россіи гласный судъ. Сплоченіе студенчества шло особенно успѣшно въ Кіевѣ, сперва въ попечительство Ребиндера, а затѣмъ Пирогова, который хотѣлъ ввести корпоративное начало и товарищескій судъ даже въ старшихъ классахъ гимназій. Тотъ же процессъ происходилъ и въ Казани, и въ Харьковѣ. Всюду студенчество спѣшило объединиться во имя общаго совмѣстнаго устройства студенческихъ дѣлъ, на почвѣ взаимопомощи, обмѣна знаніями, на почвѣ совмѣстной защиты своего человѣческаго достоинства. Другою характерною чертою студенческаго движенія этого періода было стремленіе, въ той или иной формѣ, подѣлиться съ народомъ своими знаніями. Первыя воскресныя школы были основаны студентами кіевскаго университета, по иниціативѣ профессора Пл. В. Павлова; оттуда, движеніе въ пользу основанія воскресныхъ

школъ перебросилось въ другіе университеты, и студенты были первыми учителями этихъ школъ. Другіе студенты пытались пристроиться въ писаря волостныхъ правленій.

Въ университетахъ разночинная интеллигенція, группировавшаяся до тѣхъ поръ въ небольшіе кружки, объединялась, начинала чувствовать себя силой. И именно въ университетѣ она пришла въ столкновеніе съ враждебнымъ ей политическимъ строемъ. Университетъ въ концѣ 50-хъ годовъ былъ оазисомъ на фонѣ крѣпостническаго строя. Только здѣсь существовала свобода собраній, тогда какъ попытка политическаго митинга («банкета» 28 дек. 1857 г.), сдѣланная общественными дѣятелями была прекращена немедленно. Только здѣсь существовала свобода слова, какъ устнаго, такъ и печатнаго, ибо студенты начали издавать тайно, хотя и мало скрываясь, различныя произведенія, тогда запрещенныя въ Россіи, а также злободневные листки и газеты. Только здѣсь шла свободная организація въ общества и союзы. Все это было только въ университетѣ. Столкновеніе между формами новаго общественнаго строя, складывавшимися въ университетѣ, и старымъ порядкомъ было неизбѣжно, и оно совершилось въ 1861 году.

Подготовка этого столкновенія происходила съ 1857 г. и шла въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, образовавшееся въ студенческой средѣ общественное мнѣніе проявлялось въ видѣ протестовъ противъ непопулярныхъ профессоровъ, которые (въ большинствѣ случаевъ), дѣйствительно, не заслуживали того, чтобы занимать каѳедры, особенно, въ тотъ моментъ жаднаго стремленія къ знанію. Протесты были направлены также противъ ограничительныхъ мѣръ университетской администраціи. Съ другой стороны, студенчество стало сразу во враждебныя отношенія съ полиціей, воспитанной въ самомъ безудержномъ произволѣ, съ администраціей, которая отнюдь не желала считаться съ ростомъ чувства собственнаго достоинства въ обществѣ. Объединенное въ университетѣ студенчество шумно заявляло свой коллективный протестъ противъ всѣхъ враждебныхъ ему дѣйствій администрація. Столкновенія съ профессорами были особенно часты въ Казани, гдѣ студенчество протестовало противъ слѣдующихъ профессоровъ: противъ Берви (въ 1857 г.), противъ Бальцани (въ 1859), противъ Граве (въ 1860), снова противъ Бальцани, а также противъ Струве (въ 1861 г.). Въ Москвѣ, въ 1858 г. произошелъ протестъ противъ проф. Варнека. Съ другой стороны, студенчество выражало свое сочувствіе любимымъ профессорамъ (Костомарову, на диспутѣ съ Погодинымъ, 26 мар. 1860 г.), Буличу въ 1859 г. въ Казани; въ 1861 г. на актѣ 8 февр. студенты энергично протестовали противъ запрещенія Костомарову читать о Кон. Аксаковѣ.

Столкновенія съ полиціей начались съ 1857 г., когда полиція избила группу московскихъ студентовъ. Отвѣтомъ были первыя общія сходки и угрозы забастовать со стороны студенчества. Въ Петербургѣ студенты вступались за избитыхъ полиціей товарищей въ сентябрѣ и декабрѣ 1858 и 1859 гг. Въ Кіевѣ еще въ 1857 г. изъ за столкновеній съ военными произошло двѣ студенческія демонстраціи, а въ 1861 г., въ мартѣ, произошли безпорядки, вынудившія генералъ-

губернатора отмѣнить приказъ объ арестѣ и исключеніи студента, неснявшаго шапку при чтеніи манифеста 19-го февраля. Въ 1858 г. въ Харьковѣ, также на почвѣ защиты личнаго достоинства, произошли бурныя сходки, а въ 1859 г. послѣдовали первые политическіе аресты тайной студенческой организаціи. 28 февраля 1861 г. петербургскіе студенты произвели демонстрацію по случаю похоронъ Шевченки, а 1-го марта присутствовали на реквіемѣ въ церкви святой Екатерины по полякамъ, убитымъ во время патріотическихъ демонстрацій въ Варшавѣ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1861 г. студенты казанскаго университета и духовной академіи служили демонстративную паннихиду по убитымъ въ с. Безднѣ крестянамъ, причемъ проф. Щаповъ произнесъ рѣчь, закончившуюся возгласомъ въ честь демократической конституціи.

Нельзя сказать, чтобы правительство оставалось равнодушнымъ при видѣ этого движенія. Такъ, въ концѣ 1858 г. было воспрещено изъявлять одобреніе или неодобреніе профессорамъ, въ 1859 г. предписано было усилить строгость пріемныхъ экзаменовъ въ университетъ. Такъ какъ студенты, отличаясь своей формой отъ прочихъ обывателей, вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляли повышенныя требованія относительно личной неприкосновенности, а также ссылались на то, что они подчинены лишь университетскому начальству, то 6 мая 1859 г. студенты были подчинены внѣ университетскихъ зданій полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи, наравнѣ съ прочими обывателями; 14-го же января 1860 г. была отмѣнена форма и установлена взаимная обязанность полиціи и университетскаго начальства увѣдомлять другъ друга о проступкахъ студентовъ и о ихъ намѣреніяхъ, клонящихся къ нарушенію порядка. Въ 1856 г. три студента медика были посланы фельдшерами въ армію, въ наказаніе за безпорядки. Въ 1857 г. студентъ казан. унив. Умновъ былъ сданъ на 3 г. въ солдаты, въ 1858 г. въ Харьковѣ исключены были 13 студ.; въ томъ же году, въ Москвѣ 10 студ. были исключены безъ срока, а 100 чел. уволены на 1 годъ; въ 1859 г. изъ казан. университета были исключены 18 чел., въ томъ же году была уволена значительная группа петербургскихъ универсантовъ; въ мартѣ 1861 г. рядъ студентовъ въ Петербургѣ былъ исключенъ за реквіемъ 1 марта; за панихиду по убитымъ въ Безднѣ былъ арестованъ проф. Щаповъ, 9 студентовъ университета и нѣсколько студен. духовной академіи подверглись исключенію. Либеральные попечители: петербургскій кн. Щербатовъ, кіевскій—Н. И. Пироговъ были замѣнены исполнительными чиновниками. Министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій, отъ котораго Александръ II въ апрѣлѣ 1861 г. потребовалъ принятія самыхъ энергичныхъ мѣръ строгости, вышелъ въ отставку. Особая комиссія изъ гр. С. Г. Строгонова, гр. Панина и кн. Долгорукова выработала правила 31 мая 1861 г., которыя было поручено провести въ жизнь военному человѣку, адм. Путятину, новому министру нар. просв. Правила эти имѣли цѣлью положить конецъ тѣмъ порядкамъ, которые создались въ университетѣ за послѣднія 5 лѣтъ и которыя составляли, съ точки зрѣнія правящей бюрократіи, сплошной безпорядокъ. Новыя правила устанавливали: строгое подчиненіе студентовъ

въ стѣнахъ университета университетскому начальству; безусловное запрещеніе какихъ бы то ни было студенческихъ сходокъ, организацій, депутатовъ и т. п.; запрещеніе объясняться съ начальствомъ черезъ посредство депутатовъ или сборищемъ; недопущеніе ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ шумнаго одобренія или порицанія преподаванію; строгій надзоръ за соблюденіемъ студентами порядка; увольненіе студентовъ въ видѣ единственной кары за всѣ проступки, какъ бы они малы ни были; отмѣну форменной одежды и воспрещеніе носить какіе-либо знаки отдѣльной народности или какихъ-либо товариществъ или обществъ; воспрещеніе принимать студентовъ ранѣе 17-лѣтняго возраста. Правила предписывали ректору и деканамъ придерживаться реакціонной «инструкціи» 1851 г. Профессорамъ прибавили жалованья съ напоминаніемъ, что снисходительность ихъ къ студентамъ не должна впредь имѣть мѣста.

Одновременно съ этими правилами было издано высочайшее повелѣніе, имѣвшее цѣлью прекратить доступъ въ университетъ бѣдной и необезпеченной молодежи. Согласно повелѣнію, освобождались отъ ежегодной платы за ученіе только тѣ дѣйствительно бѣдные студенты, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими и притомъ не болѣе двоихъ на каждую принадлежащую къ округу губернію, въ томъ числѣ одинъ изъ учившихся въ гимназіи; «другихъ исключеній не допускается ни подъ какимъ предлогомъ», оговаривало повелѣніе возможную снисходительность университетскаго начальства. Въ томъ же повелѣніи было установлено, что распредѣленіе стипендій зависитъ исключительно отъ начальства (ранѣе оно перешло фактически въ руки студенческихъ организацій), а также предписывалось назначать пособія и стипендіи только отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ даннаго учебнаго округа. Какъ извѣстно, самое установленіе платы за ученіе явилось въ результатѣ «попеченій» правительства о томъ, «чтобы чрезмѣрнымъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію «роскошныхъ знаній». Въ 1845 г. министръ народнаго просвѣщенія предписалъ увеличить плату за ученіе въ университетѣ съ 28 р. 50 коп. сер. (100 руб. ассигн.) до 40 руб. сер., «въ виду *чрезмѣрнаго* прилива въ высшія и среднія учебныя заведенія молодежи изъ низшихъ слоевъ общества, для которыхъ образованіе *безполезно*, составляя излишнюю роскошь». Повышеніе платы вводилось «не столько для усиленія средствъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію». Въ 1848 г. плата за ученіе была повышена до 50 руб. и эта плата не была уменьшена въ «дни свободы» конца 50-хъ годовъ. Теперь же, въ 1861 г. правительство возвращалось къ старой политикѣ николаевскаго царствованія. Самодержавіе, опасавшееся народнаго взрыва послѣ 19 февраля 1861 г., постепенно успокоивалось и приступало къ уничтоженію возникшихъ явочнымъ путемъ новыхъ порядковъ. Первые удары оправившейся отъ страха камарильи упали на университетскую молодежь.

Въ отвѣтъ на правила 31 мая, осложненныя введеніемъ въ ав-

густѣ 1861 г. матрикулъ, студенчество устроило бурный протестъ. Первыми отозвались петербургскіе университеты, затѣмъ безпорядки перекинулись на Москву, Кіевъ, Казань. Безпорядки выразились не только въ сходкахъ, вопреки запрещенію начальства, не только въ пассивномъ протестѣ, но и въ демонстративныхъ шествіяхъ (въ Петербургѣ—къ попечителю ген. Филипсону, въ Москвѣ — къ генералъ-губернатору Тучкову), при чемъ въ Петербургѣ были арестованы сперва депутаты, а потомъ болѣе 300 студ., а въ Москвѣ устроено было полиціей побоище передъ домомъ ген.-губернатора.

Мы не будемъ подробно перечислять всѣ стадіи студенческаго протеста въ 1861—2 гг. Сотни студентовъ подверглись исключенію, при чемъ многіе были сверхъ того сосланы въ сѣверныя губерніи [1]). Насколько серьезны были потери, понесенные студенчествомъ въ этой борьбѣ можно видѣть на примѣрѣ петербургскаго университета: въ 1861 г. въ немъ было 1442 студента, а послѣ открытія университета въ 1863 г. въ немъ числилось всего 265 студен., при чемъ еще въ 1869 г. число студентовъ едва достигало 950 (точнѣе 944). Здѣсь должно замѣтить, что въ безпорядкахъ 1861 — 2 гг. приняли участіе одни только университеты. Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній одни только студенты Медико-Хирургической Академіи въ Петербургѣ собрались (2 октября 1861 г.) на сходку, на которой поставлено было выразить сочувствіе университетскимъ товарищамъ [2]). Это объясняется тѣмъ, что, напримѣръ, почти всѣ спеціальныя высшія учебныя заведенія были преобразованы еще при Николаѣ I въ военноучебныя заведенія или, въ той или иной формѣ, отданы въ распоряженіе военнаго вѣдомства. «Наконецъ-то я привелъ всѣ корпуса къ одному знаменателю!» воскликнулъ въ 1834 г. Николай I глядя на образцовую маршировку бывшихъ студентовъ горнаго института, превращеннаго въ «Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ» [3]). Вотъ изъ подъ этого-то «знаменателя» спеціальныя высшія учебныя заведенія были выведены только въ серединѣ 60-хъ годовъ. Впрочемъ, даже Медико-Хиругическая Академія съ 1837 г. была отдана въ цѣляхъ «усмиренія» въ военное вѣдомство [4]) и именно попытки «подтянуть» Академію послужили въ 1869 г. поводомъ къ возникновенію безпорядковъ.

Правительство энергично расправившееся въ концѣ 1861 г. съ активнымъ протестомъ студенчества постаралось уничтожить всѣ формы студенческой самодѣятельности. Въ 1862 г. были закрыты *всѣ* воскресныя школы, въ 1864 была закрыта Педагогическая Школа для

---

[1]) „Колоколъ“ № 137; „Мат. для гоненія на студен. при Александрѣ II“; статья Ашевскаго въ „Совр. Мірѣ“ за 1907 г.

[2]) *Никитенко.* „Дневникъ“, т. II.

[3]) „Научно-историческій сборникъ, издан. Горн. Инст. ко дню его 100 лѣтняго юбилея 21 окт. 1873 г.“, Спб. 1873.

[4]) Причиной передачи Академіи въ военное вѣдомство послужила пощечина, данная студентомъ Сочинскимъ директору Академіи. Николай I повелѣлъ: „наказать С. шпицрутенами, прогнавъ черезъ 500 чел. три раза и отослать въ кронштадтскія арестанскія роты на 10 лѣтъ; приговоръ исполнить въ присутствіи всѣхъ студентовъ академіи“. Сочинскій былъ засѣченъ на смерть; начальникомъ назначенъ былъ извѣстный Клейнмихель, а инспекторомъ нѣкто Шенрокъ, полковникъ арестантскихъ командъ. „Истор. Вѣст.“. 1884, № 5; *Любавскій* „Русс. уголов. процессы“, 1866.

подготовки сельскихъ учителей, открытая студентами кіевскаго университета—малороссами [1]). Въ маѣ 1862 г. было закрыто незадолго передъ тѣмъ основанное II-е отдѣленіе при Литературномъ Фондѣ, имѣвшее цѣлью помощь учащейся молодежи [2]). Предсѣдатель Е. П. Ковалевскій, который много сдѣлалъ для облегченія молодежи борьбы за существованіе, встрѣтившійся съ императоромъ Александромъ II и его супругой на балу въ Мраморномъ Дворцѣ, былъ встрѣченъ очень гнѣвно. «Я не думала,—сказала государыня по-французски,—что вы будете заодно съ этой бунтующей молодежью противъ насъ». «Madame!—отвѣтилъ Ковалевскій,—я надѣялся напротивъ, что мое присутствіе среди этой молодежи служитъ вамъ достаточнымъ ручательствомъ, что она вовсе не крамольная (séditieuse). И въ учрежденномъ обществѣ заботится только о человѣколюбовой помощи своимъ бѣднымъ товарищамъ» [3]). Открытый молодежью Вольный Университетъ въ помѣщеніи петербургской думы просуществовалъ не болѣе $1^1/_2$ мѣсяца; въ мартѣ 1862 г. проф. Пл. В. Павловъ былъ сосланъ за рѣчь о тысячелѣтіи Россіи, и университетъ былъ закрытъ слушателями въ видѣ протеста. Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ (№ 1290 отъ 9 ноября 1861 г.) было воспрещено студентамъ занимать должности сельскихъ учителей и волостныхъ писарей, ибо это не соотвѣтствовало, по мнѣнію министра, высокой степени ихъ образованія, а также преподавать въ частныхъ школахъ и пансіонахъ; тѣхъ, кто занималъ уже подобныя мѣста, предписывалось уволить [4]). Даже въ нѣкоторые приговоры надъ студентами было внесено особое запрещеніе—быть волостными писарями.

За одно только сочувствіе студенческому движенію подверглись различнымъ наказаніямъ различныя лица. Такъ, въ Москвѣ пострадали гр. Евг. Саліасъ де Турнемиръ (авторъ ром. «Пугачевцы») М. Соболевъ, Хлѣбниковъ, Н. Славушинскій; былъ сосланъ учитель гимназіи Эрн. Ватсонъ [5]). Въ Петербургѣ подвергся ссылкѣ, въ которой и погибъ впослѣдствіи учитель гимназіи Ѳ. И. Дозе [6]); еще осенью 1861 были преданы военному суду офицеры-артиллеристы, вольнослушатели университета: Энгельгардъ, Семевскій, Странденъ и Богдановичъ [7]). Въ Казани были сосланы, съ воспрещеніемъ держать экзамены гдѣ-либо, докторанты Песковъ и Петровъ, окончившій университетъ Беневитскій, Христофоровъ и др. Словомъ, правительсто всѣми зависѣвшими отъ него средствами постаралось дать понять, что оно видитъ въ студенческомъ движеніи угрозу для своего собственнаго существованія.

---

[1]) *Павликъ.* „М. П. Драгомановъ“, Львовъ, 1896; „Былое“ 1906, VI, Автобіогр. М. П. Др.; *Шульгинъ* „Юго-Западный край“; „Громада“ украинька сбірка, 1878 г.

[2]) *Пантелѣевъ* „Воспомин.“ въ сборн. „На славн. посту“ и отд. изд. 1905.

[3]) „Народное Дѣло“ № 4, 5, 6, с. 70, прим.

[4]) „Подпольное Слово“ Жен. № 1, 1866 г.; „Павдивый“ № 3, Лейпц. 1862 г.; „Листокъ“ изд кн. П. В. Долгорукимъ, Брюссель, № 1.

[5]) „Колоколъ“ 1862, № 136, 7; „Правдивый“ 1862, № 3.

[6]) За то, что онъ помогалъ студентамъ въ крѣпости, его обвинили въ распространеніи прокламацій, держали 2 года въ крѣпости, оправдали *безусловно* и сослали административно въ Кострому съ запрещеніемъ педагогической дѣятельности. Въ 1879 г. подъ вліяніемъ нужды онъ застрѣлился. „Ист. Вѣст.“ 1884, окт.

[7]) „Сѣвер. Пчела“, 1861, №№ отъ 27—IX и 2—X.

А между тѣмъ, вступая въ борьбу за право сходокъ, организацій, за уничтоженіе ограниченій въ пріемѣ, за отмѣну платы за ученіе, а затѣмъ, уже въ процессѣ борьбы, выставляя требованіе свободы слова и собраній, обезпеченія личной неприкосновенности, ограниченія административнаго произвола, разночинная интеллигенція не думала первоначально о политической борьбѣ. Въ лицѣ студенчества разночинная интеллигенція боролась за самое свое существованіе, и только встрѣчаемое на каждомъ шагу безпощадное сопротивленіе государственной власти натолкнуло ее на мысль о необходимости вступить на путь политической борьбы. Лучше всего объяснялъ роль студенчества Н. Г. Чернышевскій въ своей замѣчательной статьѣ «Научились-ли», напечатанной незадолго до его ареста [1]).

«Людямъ, пробивающимся такими малыми и невѣрными доходами, какъ большинство студентовъ,—писалъ Чернышевскій,—безпрестанно бываютъ важны какіе нибудь 10 или 20 рублей. Черезъ мѣсяцъ, черезъ два, студентъ какъ нибудь перевернется, получитъ уроки, достанетъ нѣсколько листовъ перевода, и будетъ удѣлять рубли на уплату долга; черезъ три, четыре мѣсяца доходы опять изсякнутъ и опять придется занимать. Понятна важность кассы взаимнаго вспоможенія для общества людей, живущихъ въ такомъ положеніи. Понятно также, что этою кассою никто не можетъ управлять, кромѣ товарищей тѣхъ людей, которымъ она должна помогать. Тутъ нужно до мельчайшихъ точностей знать дѣла и характеръ каждаго, просящаго денегъ. Вѣдь обезпеченія въ уплатѣ нѣтъ никакого, кромѣ личнаго характера; а видимое положеніе почти всей массы таково, что, кромѣ близкихъ знакомыхъ, никто не можетъ различить дѣйствительно-ли нужно пособіе требующему его, или требованіе неосновательно. Ни профессора, никакое начальство не можетъ замѣнить студентовъ въ управленіи ихъ кассой. Также ничто, кромѣ студентовъ, не въ состояніи и провѣрить добросовѣстность и безпристрастіе распорядителей кассы. Значитъ, при существованіи кассы необходимы сходки студентовъ для выбора депутатовъ, распоряжающихся кассой, для повѣрки ихъ отчетовъ, для обсужденія многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ сами распорядители кассы будутъ чувствовать надобность спрашивать совѣтовъ. Значитъ, запрещеніе студенческихъ сходокъ равнялось уничтоженію студентской кассы, столь необходимой.

«Понятно-ли теперь, какой смыслъ имѣло недовольство студентовъ воспрещеніемъ сходокъ и непремѣнною обязанностью платы за слушаніе лекцій съ каждаго студента? Тутъ дѣло шло не о какихъ нибудь политическихъ замыслахъ, а просто о кускѣ хлѣба и о возможности слушать лекціи. Этотъ хлѣбъ, эта возможность отнимались»...

Та-же мотивировка возникновенія студенческихъ безпорядковъ приводилась неоднократно и впослѣдствіи, въ оправданіе студенческаго протеста отъ обвиненій въ политическихъ замыслахъ. А между тѣмъ, именно, въ этомъ объясненіи крылось роковое предопредѣленіе для разночинной интеллигенціи: разъ самое ея существованіе, въ физиче-

[1]) „Современникъ“ 1862, апр., XCII, с. 345 и сл.

скомъ смыслѣ слова, пресѣкалось или коверкалось, благодаря сопротивленію государственной власти, основанной на старомъ общественномъ строѣ, то безпощадная борьба и съ этой государственной властью, и съ этимъ общественнымъ строемъ становилась неизбѣжной для разночинной интеллигенціи.

Студенческіе безпорядки 1861—2 гг. имѣли одинъ положительный результатъ для университета. Правительство вынуждено было поспѣшить съ пересмотромъ реакціоннаго университетскаго устава 1835 года и выработать новый, который былъ утвержденъ въ 1863 г. и немедленно приведенъ въ дѣйствіе. Этотъ уставъ устанавливалъ автономію профессорской коллегіи, выборныя должности ректора, декановъ, проректора (если это былъ профессоръ, надзирающій за порядкомъ въ университетѣ) и инспектора (если на ту-же должность избиралось лицо постороннее), выборной (профессорскій) университетскій судъ. Что-же касается студентовъ, то для нихъ оставились въ силѣ всѣ ограниченія и запрещенія, установленныя въ 1861 г.: они лишены были права сходокъ организацій, коллективныхъ петицій, и, вообще, какихъ бы то ни было признаковъ корпоративнаго устройства. Вмѣстѣ съ тѣмъ негласными распоряженіями III-го отдѣленія было создано для каждаго студента положеніе лица, подозрѣваемаго въ готовности ежеминутно совершить государственное преступленіе. Это вело къ распространенію подозрительнаго и навязчиваго надзора на частную жизнь студенчества. Мало того, въ стѣнахъ университета студенты были подвергнуты излишнимъ и унизительнымъ для взрослыхъ лицъ запрещеніямъ; такъ, напр., было запрещено студентамъ курить; при входѣ въ университетъ и даже въ отдѣльныя аудиторіи они обязаны были предъявлять свои матрикулы. Словомъ, старый порядокъ былъ, по возможности, возстановленъ въ университетахъ. Правда, автономія профессорскихъ совѣтовъ, въ общемъ строѣ университета, являлось организаціей болѣе способной обезпечить правильный ходъ дѣлъ въ университетѣ, нежели бывшій до 1855 г. строй. Но профессорскія коллегіи, при внѣшней независимости ихъ, жили и дѣйствовали въ условія самодержавно-полицейскаго режима, и часто ихъ автономія оказывалась довольно призрачной. Кромѣ того, самый составъ профессорскихъ коллегій былъ далеко не вездѣ удовлетворительнымъ: профессора, занятые борьбой совѣтскихъ и факультетскихъ партій, часто забывали о тѣхъ, кто своею борьбой обезпечилъ появленіе въ жизнь устава 1863 г., забывали о студенчествѣ. Въ моменты же побѣды черной сотни въ совѣтѣ студенчество терпѣло отъ реакціонныхъ профессоровъ непріятности не меньшія, чѣмъ отъ правительства. Это хорошо показала т. н. «полунинская» исторія въ московскомъ университетѣ въ 1869 г.

18-го іюля 1863 г. открылся петербургскій университетъ [1]). Другіе университеты были открыты еще раньше. «Въ университетѣ пока все тихо,—занесъ въ свой дневникъ А. В. Никитенко 19-го ноября 1863 г. «Юноши, повидимому, хотятъ заниматься, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) На юридич. и историко-филологич. факультетахъ открылись лишь первые курсы.

они усердно посѣщаютъ лекціи и ничего буйнаго не предпринимаютъ. Они поворчали только на запрещеніе курить папиросы, но такъ какъ извѣстно, что никакой законъ у насъ не крѣпокъ, то они просто, безъ шума и агитаціи, начали курить сначала на улицѣ, около университета, а потомъ въ разныхъ уголкахъ самаго университета. Начальство, разумѣется, смотритъ сквозь пальцы. Совѣтъ университета хотѣлъ официально позволить куреніе, но министръ (Головнинъ) не согласился. Занятія шли во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ спокойно. Причина этого спокойствія заключалась и въ томъ погромѣ, которому подверглись университеты: въ Петербургѣ, напр., не осталось ни одного студента—участника безпорядковъ 1861, всѣ студенты были новички; заключалась она и въ перемѣнѣ общественнаго настроенія, значительно повернувшаго вправо, и въ томъ, что совѣты нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній допустили негласное образованіе студенческихъ организацій, напр. въ Петровско-Разумовской академіи въ Москвѣ, въ Медико-Хирургической академіи въ Петербургѣ, гдѣ фактически была давно уже сорвана военная дисциплина. Вообще, университетскіе безпорядки прекратились до 1869 г., за исключеніемъ небольшой попытки къ безпорядкамъ, относящейся къ 1864 г. о которой и скажемъ ниже.

Въ четвергъ, 20 февр. 1864 г. состоялось экстренное засѣданіе совѣта петербургскаго университета, въ которомъ ректоръ прочелъ *секретное* отношеніе къ нему попечителя учебнаго округа, который увѣдомляетъ его, что до его свѣдѣнія дошло слѣдующее: въ университетѣ находятся три поляка, явившіеся туда съ намѣреніемъ подстрекать молодожь къ безпорядкамъ и опять довести университетъ до закрытія. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ 22-го февраля: «Юношество, дѣйствительно, уже нѣсколько дней, какъ снова волнуется и, кажется, рѣшительно предпринимаетъ опять учредить сходки»... Въ понедѣльникъ 24-го февр. Никитенко записалъ: «Въ университетѣ опять начинаются безпорядки между студентами. Вотъ оно, молодое поколѣніе... Оно, какъ пьяное, стремится—куда? само не знаетъ, кричитъ, замахивается на законъ и порядокъ, науку посылаетъ къ черту, замѣняя ее газетными статьями и поверхностнымъ чтеніемъ»... Безпорядки, о которыхъ говорилъ Никитенко, вспыхнули, собственно говоря, въ Медико-Хирургической Академіи, гдѣ студенчество было взволновано исходомъ борьбы партій въ конференціи академіи. Ставленникъ нѣмецкой партіи проф. К. Е. Мерклинъ получилъ каѳедру ботаники, вмѣсто А. Н. Бекетова и А. С. Фаминцына, талантливыхъ ученыхъ, желательныхъ молодежи. Часть университетскаго студенчества пыталась поддержать требованія товарищей-медиковъ. Въ результатѣ сходокъ, шесть универсантовъ были преданы профессорскому суду. Изъ нихъ одинъ былъ исключенъ, съ воспрещеніемъ поступать въ другіе университеты, 5 человѣкъ были уволены изъ университета, но безъ запрещенія поступать въ другіе университеты, и, наконецъ, одинъ студентъ—уволенъ на одинъ годъ изъ петербургскаго университета [1]). 2-го марта состоялось засѣданіе совѣта, утвердившаго приговоръ суда. «Что тутъ дѣ-

[1]) *Григорьевъ* „Ист. СПБ. универс. за 50 лѣтъ (1819—1869) с. 430 и допол. с. 90.

лать?» съ горечью замѣчалъ Никитенко. «Какъ тутъ вразумить эту неразумную молодежь, которая не хочетъ учиться, а хочетъ управлять (?!) Такъ и пахнетъ фонвизиновскимъ Митрофаномъ: не хочу учиться, хочу жениться. Главное, чего они добиваются,—это *сходки*, а сходки они тотчасъ превращаютъ въ политическій клубъ»...

Резонное замѣчаніе!..

Результатомъ этихъ безпорядковъ явилась немилость Александра II къ президенту академіи П. А. Дубовицкому и вице-президенту И. Т. Глѣбову за то, что они «распустили академію». Никитенко отмѣчалъ (21 апр.), что «военный министръ велѣлъ не допускать дѣвушекъ въ Медико-хирургическую академію. Ихъ, пояснялъ Никитенко, явилось сперва три или четыре и онѣ, говорятъ, дѣйствительно, серьезно занимались наукой. Но потомъ число ихъ увеличилось до шестидесяти и болѣе, и тутъ между ними появились,—отмѣчалъ съ ужасомъ Никитенко—нигилистки въ круглыхъ шапочкахъ и съ остриженными волосами». Эти послѣднія, замѣчалъ Никитенко, регистрируя слухи изъ ракціонныхъ сферъ, «уже больше занимались расхаживаніемъ со студентами по коридоррамъ и куреніемъ папиросъ» [1]). Мы отмѣчаемъ это мѣропріятіе правительства противъ женскаго образованія лишь, какъ результатъ безпорядковъ 1864 въ академіи, не касаясь вовсе весьма интересной исторіи попытокъ женской молодежи получить доступъ въ аудиторіи высшихъ учебныхъ заведеній.

Отмѣтимъ, мимоходомъ, два эпизода изъ исторіи кіевскаго и казанскаго студенчества въ 1863 г. Въ Кіевѣ дѣло касалось, собственно, польской молодежи, которая, подготовившись предварительно, выступила во время польскаго возстанія небольшимъ отрядомъ на помощь повстанцамъ Царства Польскаго [2]). Этотъ отрядъ подвергся избіенію со стороны крестьянъ-украинцевъ, которые увидѣли въ польскомъ возстаніи бунтъ *пановъ* поляковъ противъ царя, во имя еще большаго національнаго и экономическаго угнетенія Украины.

Что касается Казани, то тамъ въ 1863 г., въ связи съ т. н. дѣломъ о Казанскомъ заговорѣ были арестованы многіе студенты [3]) университета, обвинявшіеся въ распространеніи на Волгѣ подложнаго манифеста и прокламацій, отпечатанныхъ польскими революціонерами съ цѣлью, поднявши возстаніе въ самой Россіи, затруднить русскому правительству борьбу съ польскимъ возстаніемъ [4]). Многіе изъ студентовъ были приговорены къ каторгѣ и инымъ менѣе тяжкимъ наказаніямъ.

---

[1]) *Никитенко*, „Записки и дневникъ“, 2-е изд.. т. II, с. 168, 170, 176.

[2]) „Русск. Стар.“ 1895 г. Восп. *Юзефовича*; „Ист. Вѣстн.“ 1881, апр.; *Шульчинъ* „Юго-Западный край за 25 лѣтъ“; *Райковскій* „Польск., молодежь Запад. края въ мятежѣ 1861-63 гг.“—„Русс. Вѣстникъ“, 1869 № 1—3, а также польскіе источники о возстаніи 1863 г.

[3]) Жемановъ, Глассонъ, братья Пеньковскіе, Н. Орловъ, Элпидинъ, Смоленскій, И. Красноперовъ, И. Орловъ; студенты Петерб. унив.—поляки: Новицкій, Маевскій, Госцевичъ и Олехновецъ.

[4]) *Элпидинъ* въ „Подпол. Словѣ“, 1866 № 2; перепеч. въ „Мат. для ист. револ. движ. въ Россіи въ 60-хъ гг.“, изд. Д. Р., 1906, с. 134; *Красноперовъ* „Міръ Божій“ 1896, IX, X; „Ист. Вѣст. 1891 № 2; „Вѣст. Европы“, 1905, XII, *Zimanowski* „Historya powstania narodu polskiego w 1863—1864 roku“, Львовъ, 1882.

Передъ молодежью 60-хъ годовъ, послѣ того, какъ правительство пресѣкло возможность организаціи ея въ предѣлахъ высшихъ учебныхъ заведеній, продолжалъ неотступно стоять вопросъ о созданіи лучшихъ условій существованія на основѣ взаимопомощи и сплоченія. Но такъ какъ широкія организаціи оказались (для учашейся молодежи) закрытыми, то естественно должна была начаться организація мелкихъ кружковъ изъ лицъ, объединенныхъ общностью экономическаго и общественнаго положенія. Интересное толкованіе положенія разночинной интеллигенціи относительно правительства и общества находимъ мы въ брошюрѣ 1866 г. «Правительство и молодое поколеніе», вышедшей по поводу выстрѣла 4 апр. 1866 г. [1]).

Авторъ брошюры называлъ разночинную интеллигенцію «молодымъ поколѣніемъ» и распрю ея съ правительствомъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ: «Простое чувство справедливости говорило молодому поколѣнію, что въ столкновеніи дворянства съ народомъ, этому послѣднему должны принадлежать безраздѣльно и всецѣло всѣ его симпатіи... Желанія молодого поколѣнія шли дальше дворянскихъ интересовъ: — оно ставило выше всего общее благо, и если это благо было противуположно какимъ-нибудь привилегированнымъ сословіямъ, то до этого молодому поколѣнію не было дѣла, и оно не колеблясь жертвовало чужеядными интересами меньшинства вполнѣ законнымъ интересамъ массъ... Тогда возникла въ русской общественной жизни та страшная борьба, которую мы видимъ еще и сегодня..: молодое поколѣніе стало въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей на сторону народа который служилъ дойной коровой для правительства и дворянства; и для того, чтобы его, отношенія къ народу были вполнѣ чисты отъ паразитныхъ поползновеній, оно положительно отказалось отъ всякихъ привиллегированныхъ положеній, и рѣшилось подготовить себя такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность жить своимъ собственнымъ трудомъ. Впрочемъ это рѣшеніе зависѣло еще и отъ другихъ соображеній: такъ, по мнѣнію молодого поколѣнія, единственнымъ средствомъ къ охраненію человѣческаго достоинства можетъ служить только трудъ, не ложащійся ни на чью чужую спину. Понятно, стало быть, что желаніе охранить свое достоинство и обезпечить свою независимость отъ сильныхъ міра сего, должно было побудить молодое поколѣніе приняться за измѣненіе самыхъ коренныхъ основаній общественной жизни,—признаніемъ необходимости, для всѣхъ и каждаго, жить своимъ собственнымъ, а не чужимъ трудомъ. Исходя изъ этого положенія, молодое поколѣніе ставило непремѣннымъ условіемъ правильнаго человѣческаго устройства общества такую организацію труда, при которой каждому члену общества, безъ различія, были бы обезпечены орудія труда»; для молодого поколѣнія было очевидно, что «никакое сословіе и никакая горсть людей не имѣетъ ни малѣйшаго права владѣть исключительно или преимущественно землею, т. е. самою существеннѣйшею изъ всѣхъ возможныхъ привиллегій... Общинное устройство земледѣльческаго труда принималось молодымъ поколѣніемъ такъ сказать за норму организаціи всякаго вообще труда, и такимъ

[1]) *Никифоровъ Г.*... Правительство и молодое поколѣніе. Женева, 1866.

образомъ, въ его понятіяхъ, мануфактурный, промышленный умственный и всякій другой трудъ долженъ былъ устроиться на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ организованъ былъ бы трудъ земледѣльческій, т. е. на полномъ равенствѣ трудящихся и на предоставленіи имъ какъ средствъ труда, такъ и его выгодъ [1]). Итакъ, «молодое поколѣніе ставило своею главною цѣлью общее благо; къ этому тутъ необходимо добавить, что оно считало непремѣннымъ условіемъ этого блага такое устройство общественныхъ отношеній, которое бы давало полное удовлетвореніе физическимъ и умственнымъ потребностямъ отдѣльныхъ членовъ общества, и при которомъ бы ихъ умственныя способности находили себѣ полный просторъ, вмѣстѣ съ возможностью развиваться въ волю» [2]).

Несомнѣнно, что романъ Чернышевскаго «Что дѣлать» сыгралъ громадную роль въ дѣлѣ пропаганды идей ассоціаціи. Но самый романъ и описанное въ немъ устройство ассоціацій явились лишь отраженіемъ существовавшаго въ разночинной интеллигенціи естественнаго стремленія сплотиться для завоеванія себѣ лучшихъ условій существованія. У того же Никифора Г... мы находимъ описаніе теоріи и практики ассоціацій 60-хъ годовъ, причемъ нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя его разсужденія почти дословно воспроизводятъ положенія, выставленныя Писаревымъ въ его статьѣ «Мыслящій пролетаріатъ» [3]).

«Исторія «кружковъ»,—писалъ авторъ брошюры «Правительство и молодое поколѣніе»,—составляетъ довольно интересную сторону общественной жизни 60-хъ годовъ. Дѣло вотъ въ чемъ: нѣсколько молодыхъ людей, имѣвшихъ одинаковыя убѣжденія, одинаковымъ образомъ смотрѣвшихъ на жизнь и событія, группировались гдѣ-нибудь безъ шума и толковъ, и старались устроиться по возможности лучше, какъ въ матеріальномъ такъ и въ нравственномъ отношеніи. И такъ какъ эти люди не забывали, что трудъ служитъ единственнымъ средствомъ къ личной независимости и къ сохраненію личнаго достоинства, то они брали трудъ за основу своихъ отношеній. Они старались устроить свой трудъ на такихъ началахъ, которыя бы всего лучше удовлетворяли ихъ потребностямъ и соотвѣтствовали ихъ потребностямъ и соотвѣтствовали ихъ убѣжденіямъ; такія начала заключались въ *общинномъ*, *ассоціаціонномъ* устройствѣ труда. Поэтому эти кружки устраивались совершенно на манеръ французскихъ и нѣмецкихъ ассоціацій рабочихъ... Стремленія рабочихъ кружковъ молодежи, съ 1862 г., шли никакъ не далѣе осуществленія въ малыхъ размѣрахъ правильной человѣческой жизни и избѣжанія, насколько это возможно при теперешнихъ обстоятельствахъ, напрасныхъ мученій для себя и для другихъ». Молодожь, по выраженію автора брошюры, хотѣла устроить жизнь по своимъ идеаламъ, желая «идти въ работники, а не въ чиновные пролетаріи, предпочитала работать въ мастерской, вмѣсто того, чтобы гнуть спину въ передней»... [4]).

---

[1]) Цит. кн., с. 24 и слѣд.

[2]) Тамъ же, с. 33.

[3]) Ср. соч. Писарева, дополн. выпускъ къ 6 томамъ, изд. Ф. Павленкова, СПБ., 1907, с. 59, 61—62, 69.

[4]) Стр. 35.

Такимъ образомъ, движеніе это, охватившее молодежь того времени, и особенно студенчество, исходило первоначально изъ желанія обезпечить свое существованіе, сплотившись на началахъ совмѣстнаго труда. Устраивались кружки для взаимной помощи и поддержанія другъ друга по доставленію средствъ для образованія, въ складчинахъ для устройства библіотекъ, частныхъ курсовъ, школъ, чтеній въ частныхъ домахъ, въ распространіи образованія въ низшихъ классахъ населенія, въ устройствѣ типографій, печатаніи полезныхъ брошюръ, книгъ, распространенія ихъ въ народѣ. Всѣ эти предпріятія организовывались на началахъ ассоціаціи, равнаго участія всѣхъ участниковъ въ общемъ трудѣ и въ общихъ прибыляхъ. Слѣдующимъ шагомъ въ этомъ движеніи было распространеніе попытокъ организовать трудъ на началахъ ассоціаціи въ средѣ народа: началось образованіе ассоціацій швейныхъ, переплетчиковъ и переплетчицъ, разнаго рода ремесленниковъ, ассоціацій работниковъ и работницъ интеллигентнаго труда и т. п., устойство мастерскихъ, школъ, кузницъ въ народѣ; были даже проекты купить и перестроить на началахъ ассоціаціи цѣлую фабрику. Это движеніе не ускользнуло отъ чьего слѣдуетъ вниманія.

«Люди, вызывающіе баррикады, говорили правительственные публицисты, не такъ опасны, какъ эти юноши, работающіе втихомолку надъ перестройкой общественныхъ отношеній, надъ измѣненіемъ коренныхъ основаній современнаго порядка» [1]). Поддаваясь этимъ опасеніямъ, правительство принялось гнать и преслѣдовать всѣ «рабочія артели», устроенныя молодежью, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ и въ другихъ городахъ. Кружки разгонялись съ ожесточеніемъ, мастерскія закрывались, и чтобы непризнанные рабочіе не вздумали снова устраивать свои артели, ихъ разсылали по разнымъ городамъ.

Тяжкій ударъ этому движенію «кружкованія» и объединенія разночинной интеллигенціи нанесъ правительственный терроръ, послѣдовавшій за выстрѣломъ Каракозова. Слѣдствіе, которое велъ по этому дѣлу М. Н. Муравьевъ, открыло, что Каракозовъ, студентъ московскаго университета, пострадавшій въ свое время за безпорядки 1861 г. въ Казани, принадлежалъ къ кружку молодежи, состоявшему, по большей части, изъ студентовъ и группировавшемуся около Н. А. Ишутина. По сообщенію одного изъ участниковъ защиты въ каракозовскомъ процессѣ, Д. В. Стасова [2]), Ишутинъ былъ «главнымъ возбудителенъ къ устройству разныхъ предпріятій и кружковъ, студенческой кассы, и школъ, и бесѣдъ, и фабрикъ, и типографій». Ему же принадлежалъ проектъ купить фабрику, куда привлечь рабочихъ на началахъ ассоціаціи. По утвержденію обвинителя, кружокъ (на самомъ дѣлѣ, не имѣвшій характера организаціи замкнутой и опредѣленной) былъ «тайнымъ обществомъ» и состоялъ «преимущественно изъ вольнослушателей университета, петровской земледѣльческой академіи, нѣкоторыхъ студентовъ (университета), гимназистовъ и иныхъ лицъ». Цѣль общества

---

[1]) „Былое“ 1906, IV, 279.

[2]) Ст. Горохова (Лѣскова) „Н. Г. Чернышевскій въ его романѣ „Что дѣлать“.— „Сѣв. Пчела“, VI, 1863.

была—«распространять соціалистическое (sic) ученіе, разрушать начало общественной нравственности, колебать вѣру въ основѣ религіи и путемъ революціи ниспровергнуть существующій порядокъ въ государствѣ». Средствами для этой цѣли должны были служить, по словамъ обвиненія: «*а*) пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа; *б*) возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и, вообще, противъ властей; *в*) устройство разныхъ школъ артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій (sic), дабы посредствомъ ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему зловредныя ученія соціализма; *г*) заведеніе въ провинціяхъ библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма, которыя, находясь въ рукахъ членовъ главнаго общества, могли бы удобнѣе привлекать и приготовлять новыхъ членовъ и въ тоже время состояли бы въ зависимости отъ центральнаго общества въ Москвѣ и получили бы отъ него дальнѣйшее направленіе; *д*) распространеніе въ народѣ соціалистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей и *е*) пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ параходныхъ сообщеній»... По свѣдѣніямъ, добытымъ слѣдствіемъ, «общество подраздѣлялось на разные отдѣлы съ различными наименованіями», «Переводчиковъ и переводчицъ», «Поощренія частнаго труда». Одинъ изъ участниковъ каракозовскаго дѣла сообщалъ въ «Колоколѣ» 1866 г. [1]), что ассоціація швейная, дѣйствительно, существовала съ 1864 г., а въ 1865 г. были открыты ассоціаціи «переплетчиковъ и переплетчицъ» и «взаимнаго вспомоществованія». Участники ассоціацій хотѣли ихъ легализовать, въ чемъ обвинитель усматривалъ, конечно, лишь желаніе «прикрыть свои революціонныя цѣли». По словамъ обвиненія «полагалось устройствомъ безплатныхъ школъ, швейныхъ и библіотекъ, объединять свои мысли, сближаться съ различными кружками университета и иныхъ учебныхъ заведеній и вообще привлекать въ общество разныхъ лицъ» [2]).

Мы не будемъ здѣсь подробно касаться дѣла Каракозова. Отмѣтимъ лишь два факта изъ этой исторіи, оказавшихъ большое вліяніе на С. Нечаева и его попытку организаціи «Народной расправы» осенью 1869 г. Первое—это актъ Каракозова, который высказалъ, что «положеніе Россіи бѣдственно, что ей ни въ какомъ случаѣ не могутъ помочь никакія филантропическія предположенія, и что необходимъ болѣе или менѣе рѣзкій, какой нибудь рѣшительный фактъ, что своимъ поступкомъ онъ можетъ принести пользу народу». Второе это—то «тайное общество», (которое, въ сущности говоря, не было ни столь организованнымъ, ни столь преступнымъ) и которое стояло въ центрѣ каракозовскаго *заговора*. Шутливое названіе «Ада» было принято обвинителями, вслѣдствіе связи этого кружка съ Каракозовымъ, за ужасное наименованіе ужаснаго сообщества. На самомъ же дѣлѣ,

[1]) Перепеч. въ брошюрѣ „Бѣлый терроръ или выстрѣлъ 4-го апр. 1865 (sic) г.“ Разсказъ одного изъ сосланныхъ подъ надзоръ полиціи. Leipzig, 1875, изд. Каспровича, „Международ. Библ.“, т. XI, с. 79.

[2]) Цитир. по извлеченію Бурцева изъ кн. „Былый терроръ“,—„За 100 лѣтъ, ч. I, с. 86-7.

какъ намъ кажется, не будь выстрѣла Каракозова, этого вполнѣ индивидуальнаго его дѣянія, кружку ишутинцевъ не было бы придано ни судьями, ни восторженными послѣдователями вродѣ Нечаева, того значенія «заговора въ заговорѣ», какъ это случилось.

Преслѣдованія, обрушившіяся на ассоціаціи и кружки молодежи, уничтожили много подобныхъ предпріятій среди молодежи. Отмѣтимъ, между прочимъ, что слѣдствіе въ Москвѣ открыло существованіе въ университетѣ тайной «малороссійской общины» изъ студентовъ-украинцевъ. Цѣль ея была—помощь бѣднымъ товарищамъ. Община имѣла свой уставъ, библіотеку, кассу; регулярно собиралась на засѣданія, коимъ велись протоколы. Секретаремъ общины былъ извѣстный впослѣдствіи народникъ-пропагандистъ Фел. Вад. Волховскій. Университетское начальство знало о кассѣ и ничего не предпринимало противъ нея, за все время ея существованія (съ 1863 по 1866 г.) Такъ какъ въ дѣйствіяхъ общины не было обнаружено признаковъ преступныхъ дѣяній, то члены ея не подверглись наказаніямъ. [1]) Въ эту этоху существовали и другія землячества, болѣе или менѣе терпимыя университетскимъ начальствомъ. Любопытно отмѣтить, что организація Ишутина, въ сущности, была пензенскимъ землячествомъ. [2])

Нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ манифестацій, которыя устроила часть московскаго студенчества въ апрѣлѣ 1866 г. послѣ полученія извѣстій о покушеніи. Большая толпа студентовъ, съ концерта, устраивавшагося въ пользу студентовъ скрипачемъ Оле-Булль, двинулась съ пѣніемъ «Боже царя храни» къ часовнѣ Иверской богоматери служила тамъ молебенъ, оттуда пошла къ университету, вытребовала портретъ царя, причемъ ректоръ сказалъ патріотическую рѣчь, и закончила свои странствованія у редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» въ честь Каткова. [3]) По дорогѣ демонстранты сбивали со встрѣчныхъ шапки съ тѣхъ, кто не обнаруживалъ достаточной теплоты чувствъ или не понималъ, въ чемъ дѣло. Среди адресовъ поданныхъ Александру II отмѣтимъ адресы совѣтовъ московскаго и казанскаго [4]) университетовъ, въ которыхъ обучался Каракозовъ, а также адресъ студентовъ Медико-Хирургической академіи. [5])

Обнаруженіе ишутинскаго кружка въ связи съ выстрѣломъ 4-го апрѣля и участія студентовъ въ этомъ кружкѣ повлекло за собой отставку министра народ. прпсв. Головнина и замѣну его гр. Дм. Андр. Толстымъ. Отнынѣ студенчество, и ранѣе принимавшее въ лицѣ отдѣльныхъ личностей участіе въ революціонномъ движеніи, а также

---

[1]) Справка III Отд. Соб. Е. В. Канцеляріи о Волховскомъ. „Правит. Вѣст.“ № 163, отчетъ о дѣлѣ нечаевцевъ.

[2]) Ср. замѣчанія Стасова и Е. Брешковской „Былое“ 1906, IV, 281, прим. и *Брешковская:* „Изъ моихъ воспоминаній. Ишутинъ и каракозовцы“. СПБ, 1906, изд. Распопова, с. 6.

[3]) См. „Моск. Вѣд.“, апр. 1866 г., а также особый сборникъ телеграммъ, адресовъ и т. п. по поводу 4 апр. 1866 г., М. 1866 г.

[4]) „Казан. Губ. Вѣд.“ 1866, № 16.—„16 апр. въ Каз. унив.“ „Тяжелые дни Каз. унив. „Русс. Ст.“ 1896, XII.

[5]) Въ архивѣ русской библіотеки имени Н. И. Пирогова въ Гейдельбергѣ мы нашли извѣстіе, что часть русскихъ студентовъ въ Гейдельбергѣ посылала въ апр. 1866 всеподданѣйшую телеграмму, за что и удостоилась высочайшей благодарности черезъ русскаго посланника въ Штутгартѣ.

бурно протестовавшее въ 1861 г. коллективно, было окончательно признано крамольнымъ и неблагонадежнымъ. Въ рескриптѣ на имя кн. Гагарина (отъ 14 мая 1866 г.) эта мысль была выражена съ достаточной ясностью. «Провидѣнію благоугодно было раскрыть передъ глазами Россіи,—заявлялъ Александръ II,—какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ.

«Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направлено въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ началъ, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа»... [1]) Затѣмъ императоръ приглашалъ родителей содѣйствовать политикѣ правительства въ дѣлѣ просвѣщенія.

Гр. Д. Толстой увидѣлъ причину «стремленій и умствованій» студенчества въ реалистическомъ направленіи современной науки. «Я постараюсь,—заявилъ онъ,—чтобы изъ гимназіи выходили не самонадѣянные верхогляды, все знающіе и ничего не знающіе, но молодые люди скромные и солидно образованные». Средствомъ къ выработкѣ «скромныхъ» и благонамѣренныхъ студентовъ былъ сочтенъ «классицизмъ», не только какъ система изученія классической древности, но и какъ особый полицейско-тюремный порядокъ, введенный въ жизнь гимназій. Началась политика оглушенія гимназистовъ премудростями греко латинской грамматики и безпощадная чистка гимназій отъ всего, что превышало предначертанный уровень. Принципъ николаевской шагистики: «десять человѣкъ запоротъ до смерти лишь бы одного вымуштровать» былъ примѣненъ Толстымъ къ гимназіи и, поскольку это было возможно, къ университету.

Среди мѣръ, принятыхъ министерствомъ гр. Толстого противъ студенчества, нельзя обойти молчаніемъ правилъ 26 мая 1867. Въ этихъ правилахъ [2]) подтверждалось постановленіе о томъ, что внѣ зданій и учрежденій университета студенты подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи. Кромѣ того устанавливалось подчиненіе студентовъ инспекціи и внѣ зданій университета, а также—обязанность учебнаго начальства и полиціи взаимно увѣдомлять другъ друга о проступкахъ студентовъ внѣ зданій университета, и «вообще о всѣхъ дѣйствіяхъ, навлекающихъ сомнѣніе въ нравственной и политической благонадежности студентовъ». Кромѣ того на университетское начальство возлагалась обязанность увѣдомлять и мѣстное гражданское начальство, и центральныя учрежденія министерства народнаго просвѣщенія обо всѣхъ учащихся, исключенныхъ или удален-

[1]) См. *мое* „Обществ. движеніе въ Россіи“ (1700—1895), 1905, Ростовъ н-д, ч. 2, с. 68.

[2]) „Сборникъ постан. по Мин. пар. просвѣщенія“, т. IV, с. 473. „Правила о надзорѣ за студентами внѣ стѣнъ унив.“.

ныхъ за предосудительное поведеніе или направленіе, съ изложеніемъ причинъ наложеннаго наказанія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе распространенія этихъ правилъ на всѣ высшія учебныя заведенія, создалась та *entente cordiale* между жандармеріей и инспекціей высшихъ учебныхъ заведеній, которая просуществовала до нашихъ дней. «Въ устраненіе потери времени для ученія и исправнаго посѣщенія лекціи» было воспрещено дозволять студентамъ устройство концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній. А вскорѣ и другіе способы помощи студентамъ со стороны частныхъ лицъ были дозволены устраивать лишь съ разрѣшенія учебнаго начальства, съ тѣмъ, чтобы это начальство по своему усмотрѣнію распредѣляло эти деньги.

Мѣры эти были выработаны особой комиссіей, учрежденной по высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. Делянова, [1]) вслѣдствіе представленія гр. Муравьева, который докладывалъ Александру II о «негодованіи» вѣрныхъ подданныхъ «на министерство народнаго просвѣщенія, которое, вмѣсто образованія полезныхъ гражданъ, наводняетъ страну разрушительными и вредными силами», и настаивалъ на «принятіи мѣръ къ искорененію въ учебныхъ заведеніяхъ существующаго въ нихъ вреднаго направленія». [2]). Кромѣ вышеупомянутыхъ мѣръ, было постановлено, елико возможно, ограничить число волнослушателей въ университетахъ и, по настоянію М. Н. Муравьева, число студентовъ польскаго происхожденія ограничено 20 ю процентами. [3]) Такимъ образомъ, атмосфера въ университетахъ и до того душная еще болѣе сгустилась послѣ 1866 г. Взрывъ 1869 г. явился естественнымъ слѣдствіемъ всей совокупности ненормальныхъ условій, въ которыя было поставлено студенчество въ концѣ 60-хъ годовъ.

II.

Участникъ безпорядковъ 1869 г., тогда студентъ-лѣсникъ В. И. Ковалевскій, впослѣдствіи товарищъ министра финансовъ (при Витте) совершенно правильно намѣтилъ (въ своемъ показаніи по дѣлу нечаевцевъ) два періода студенческаго движенія 1869 г. «подготовительный и рѣшительный» [4]). Только подготовительный періодъ начался не съ Рождества, а съ осени 1868 г. Движеніе началось съ Медико-Хирургической Академіи въ Петербургѣ, почему необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи студенчества въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Хотя Академія и состояла въ военномъ вѣдомствѣ, однако при военномъ министрѣ Д. А. Милютинѣ строгость николаевской казарменной дисциплины была забыта. Студенты Академіи ничѣмъ не отличались отъ прочихъ студентовъ; болѣе того, положеніе ихъ было, несомнѣнно, лучше того, въ которомъ находились универсанты и тех-

---

[1]) „Былое“, 1907, IX, с. 216.

[2]) „Былое“ 1907, I, 237, „Незабвенныя мысли незабвенныхъ людей“.

[3]) „Матер. по исторіи студ. движ.“ в. I, Извлеченіе изъ книги Георгіевскаго, изд. „Свободная Мысль“, 1906, с. 5—6.

[4]) „Прав. Вѣст.“. 1871, № 161.

нологи. Хотя оффиціально сходки и не разрѣшались, но съ конца 50-хъ годовъ, особенно при президентахъ Академіи П. А. Дубовицкомъ и Пав. А. Нарановичѣ, онѣ фактически допускались. Сходки собирались съ вѣдома начальства; объявленія депутатовъ о сходкахъ вывѣшивались около комнаты инспектора; на сходкахъ назначались пособія недостаточнымъ товарищамъ, выбирались депутаты, управлявшіе кухмистерской, библіотекой и кассой, существовавшими вполнѣ легально [1]).

Между тѣмъ, усилившаяся реакція обратила вниманіе и на Академію, которую признано было необходимымъ «подтянуть», привести къ прежнему «знаменателю» военно учебнаго заведенія. Прежній инспекторъ Мерхлевичъ былъ замѣненъ полковникомъ Смирновымъ, который разсматривалъ Академію, именно, какъ *военное* учебное заведеніе, и поэтому принялся усердно преслѣдовать куреніе папиросъ, длинные волосы, неаккуратный взносъ платы и т. п. Тѣмъ не менѣе, обычные выборы курсовыхъ старостъ, сходки и организаціи продолжали существовать невозбранно, и предвыборная борьба въ Академіи интересовала не только медиковъ, но и студентовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Первое покушеніе на студенческія вольности вызвало первый же взрывъ протеста. Полковникъ Смирновъ пожаловался въ конференцію Академіи на студ. Василевскаго, за что Василевскій и былъ исключенъ. Немедленно же начались бурныя сходки, вынудившія конференцію войти въ переговоры съ депутатами студентовъ и обѣщать, что Василевскій, если не тотчасъ-же, то въ скоромъ времени будетъ принятъ обратно. Это произошло въ ноябрѣ 1868 г. [2]) Студенты успокоились. Но несомнѣнно, что этотъ протестъ, къ тому же удачный, оказалъ большое вліяніе на развитіе дальнѣйшаго движенія, почва для котораго была подготовлена не только спеціальнымъ положеніемъ студенчества, но и общимъ положеніемъ Россіи. Съ одной стороны, разгромъ высшихъ учебныхъ заведеній, произведенный въ 1862 г., былъ уже, до извѣстной степени, забытъ, а тяжелое положеніе студенчества неизмѣнно давало себя чувствовать, наталкивая студенчество на мысль о необходимости сдѣлать въ той или иной формѣ заявленіе о своихъ нуждахъ и поддержать его тѣмъ или инымъ образомъ. Численность студенчества, благодаря переходу цѣлаго ряда высшихъ учебныхъ заведеній изъ военнаго вѣдомства въ гражданское (напр. институтовъ: путей сообщенія, горнаго, технологическаго, гражданскихъ инженеровъ), возрасла значительно, увеличивши, такимъ образомъ, массу молодежи, находившейся въ одинаково безправномъ и угнетенномъ положеніи. Съ другой стороны, Россія только что пережила первый послѣ 1861 г. сильный голодъ, охватившій цѣлый рядъ губерній, причемъ обнаружилось преступное бездѣйствіе бюрократіи, во главѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, который замалчивалъ существованіе голода до того момента, когда голодъ обра-

[1]) „Вѣсть“ 1869 г. № отъ 27 мар. Письмо студента медика; ср. показаніе подсуд. студ.-мед. М. Коринескаго“ „Прав. Вѣст“. 1871 г., № 59; „Былое“ 1907, IX, 285—6.

[2]) Подробности см. у Чудновскаго „Былое“ 1907, IX, 286—7; также перепеч. изъ „Рус. Вѣд.“ въ „Вѣсти“ 1869 г. 24 марта.

тился въ крупное общественное бѣдствіе и молчать дольше было уже невозможно. Приближалось десятилѣтіе крестьянской реформы, и народъ глухо волновался; ходили слухи объ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей. Передъ разночинной интеллигенціей все болѣе вырисовывался вопросъ объ отношеніи ея къ положенію народа, къ экономическому оскудѣнію крестьянства послѣ реформы 19-го февраля. Вскрывшееся передъ глазами разночинной интеллигенціи разореніе деревни, явившееся результатомъ великой экспропріаціи народной земли въ 1861 г., заставляло молодежь задумываться надъ вопросомъ, какъ, въ какой формѣ могла бы она наиболѣе цѣлесообразно помочь народу. И. Н. Мышкинъ, заявлявшій въ своей рѣчи на процессѣ 193-хъ о томъ, что движенія разночинной интеллигенціи («умственнаго пролетаріата», по его выраженію) были отголоскомъ болѣе широкихъ народныхъ движеній былъ до извѣстной степени правъ [1]).

Осень 1868 г. по свидѣтельству современниковъ [2]), отличалась особеннымъ оживленіемъ въ студенческой средѣ. Группировались кружки земляковъ, единомыслящихъ и т. п., на студенческихъ квартирахъ собирались сходки, на которыхъ горячо обсуждались вопросы, касавшіеся студенческаго быта (кассъ, библіотекъ, кухмистерскихъ), а также и болѣе широкихъ вопросовъ. Однимъ изъ вопросовъ наиболѣе широкихъ былъ вопросъ о «наукѣ или трудѣ», или яснѣе, должна ли учащаяся молодежь пользоваться всѣми благами цивилизаціи, въ томъ числѣ и высшаго образованія, или же должна раздѣлить съ народомъ его труды, его жизнь, работая на равномъ положеніи съ трудящимися, ведя такой же образъ жизни, какъ и народъ и пытаясь поднять матеріальное и духовное благостояніе народныхъ массъ.

Большое значеніе для развитія движенія среди студенчества того времени имѣла проповѣдь Бакунина, прямо отвѣчавшаго на поставленный выше вопросъ. Въ № 1 «Народнаго Дѣла, выпущеннаго имъ [3]) Женевѣ 1-го сент. 1868 г., Бакунинъ признавалъ, что «въ средѣ дворянскаго сословія, бывшаго (по его мнѣнію) отъ самаго основанія Московскаго Царства, за одно съ государствомъ, злѣйшимъ врагомъ... народа,—нашлись люди искренно преданные дѣлу народнаго просвѣщенія и народнаго освобожденія». Къ нимъ принадлежали декабристы, петрашевцы, а также не малая часть политическихъ преступниковъ (эпохи Александра II). «Такъ называемые *Нигилисты*, отчасти и огромное большинство *Нигилистокъ* вышли изъ того же сословія». Упоминалъ также Бакунинъ и о лицахъ «ратовавшихъ за народъ противъ огромнаго дворянскаго большинства въ судахъ и земскихъ собраніяхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ стало ясно, что ни въ Россіи, ни въ цѣлой Европѣ не можетъ быть другой революціи, кромѣ соціальной, зная, что соціальная революція на полдорогѣ остановиться не можетъ,

---

[1]) „Русс. Ист. Библ.“, № 7, т. III.

[2]) Чудновскій, Ралмъ и др. „Былое“ 1906, VI; 1907, IX.

[3]) Нужно замѣтить, что это былъ *единственный* номеръ этого журнала, вышедшій при участіи Бакунина. Дальнѣйшіе №№ редактировались Н. Утинымъ и др. лицами. „Народное Дѣло“, 1868 г. 1 сент., № 1, Женева, Ст. „Постановка революціонныхъ вопросовъ. Наука и народъ“, с. 20—23.

большинство богатыхъ людей, желающихъ сохранить и передать своимъ дѣтямъ унаслѣдованное или *благопріобрѣтенное* ими богатство, поняли, что имъ въ революціонныхъ рядахъ не мѣсто, и что ихъ собственные интересы требуютъ союза неразрывнаго съ правительствомъ, съ государствомъ. Вслѣдствіе чего, число *имущихъ* дворянъ и не дворянъ, въ нашихъ [1]) рядахъ, стало значительно уменьшатся, замѣняясь людьми болѣе способными любить, понимать и представлять народное дѣло; таковы: дѣти въ пухъ разоренныхъ дворянъ, разночинцы, семинаристы, мѣщане и крестьянскія дѣти. Въ нихъ состоитъ теперь главнымъ образомъ и почти исключительно наша народная, противогосударственная фаланга—посредница между революціонною мыслью и народомъ»...

Такимъ образомъ, именно въ разночинной интеллигенціи, въ учащейся молодежи видѣлъ Бакунинъ единственную революціонную среду. Признавая затѣмъ, что задача революціонеровъ состоитъ, «прежде всего, въ уничтоженіи народнаго невѣжества», которое «можетъ быть побѣждено *окончательно* только наукою», Бакунинъ приходилъ къ выводу, что сперва нужно совершить соціальную революцію, освободить народъ, и тѣмъ дать ему досугъ и средства на ученіе. Просвѣтительная дѣятельность въ средѣ народа представлялась ему невозможной, вслѣдствіе противодѣйствія государства. Въ доказательство этой мысли онъ приводилъ то обстоятельство, что правительство закрыло воскресныя школы и всячески противодѣйствовало развитію народнаго просвѣщенія. Правительство, по мнѣнію Бакунина, поняло, что просвѣщеніе народа будетъ гибельно для него, для государственной власти, для цѣлой имперіи.

«Не будемъ себя обманывать,—восклицалъ Бакунинъ, и скажемъ себѣ, что при бѣдности нашихъ и средствъ, и при громадности правительственнаго противодѣйствія, *мы путемъ школъ никогда не добьемся до положительныхъ результатовъ*. Путь освобожденія народа посредствомъ науки для насъ загражденъ; намъ остается, поэтому, только одинъ путь, путь революціи. Пусть освободится же сперва нашъ народъ, а когда онъ будетъ свободенъ, онъ самъ захочетъ и сумѣетъ всему научиться». Дѣло же революціонеровъ состояло, по мнѣнію Бакунина, въ подготовленіи народнаго возстанія путемъ пропаганды.

Что касается программы, выставленной Бакунинымъ (а также Н. Жуковскимъ) въ № 1 «Народнаго Дѣла», то она была довольно коротка. Бакунинъ желалъ «полнаго умственнаго, соціально-экономическаго и политическаго освобожденія народа».

Большинство петербургскаго студенчества, посѣщавшее сходки, на которыхъ обсуждался вопросъ о «наукѣ или трудѣ», при голосованіи, высказывалось за «трудъ», т. е. за то, чтобы, отказавшись отъ преимуществъ своего положенія, итти въ народъ, и противъ «науки», въ смыслѣ стремленія къ диплому и привиллегированному положенію въ обществѣ. Среди кружковъ, создавшихся осенью 1868 и сыгравшихъ видную роль въ весеннихъ безпорядкахъ, нужно отмѣ-

[1]) Бакунинъ подразумѣвалъ въ рядахъ революціонеровъ.

тить кружокъ студентовъ-медиковъ: Земфира Ралли, Евл. Аметистова, М. Коринѳскаго, Ѳед. и Вал. Покровскихъ, Алчуницына и др. Среди универсантовъ можно отмѣтить кружокъ, въ которомъ главарями были Езерскій (бывшій правовѣдъ), Шрагъ и др. Изъ студентовъ Лѣсной Академіи (нынѣ Лѣсного института) отмѣтимъ В. И. Ковалевскаго; изъ технологовъ—Енишерлова. Кружокъ Ралли интересенъ для насъ тѣмъ, что именно его члены, благодаря случайности, вошли въ близкія сношенія съ С. Г. Нечаевымъ, который былъ тогда учителемъ Сергіевскаго приходскаго училища въ Петербургѣ и состоялъ вольнослушателемъ въ университетѣ. Ему шелъ тогда 23-ій годъ. Воспоминанія Ралли выясняютъ намъ тѣ идейныя вліянія и историческіе примѣры, которые сыграли столь видную роль въ развитіи Нечаева. Изъ иностранныхъ авторовъ—Буонаротти, участникъ заговора Бабефа, который сообщалъ свѣдѣнія о внѣшней исторіи этой попытки и объ идейномъ содержаніи бабувизма, стремившагося ниспровергнуть «возмутительныя различія между богатыми и бѣдными, между сильными и слабыми, между господами и слугами, между правителями и управляемыми». Затѣмъ Карлейль, рисововшій исторію, какъ дѣянія героевъ, стоявшихъ надъ толпой, руководившихъ ею. Затѣмъ—демогогъ Анри Рошфоръ, тогда красный изъ красныхъ съ его *Lanterne*. Изъ примѣровъ русской исторіи Нечаевъ увлекался исторіей заговора декабристовъ, отчасти петрашевцевъ, и особенно «Адомъ» Ишутина и тов.; заинтересовали его также разоблаченія Гогеля о дѣятельности Іоасафата Огрызко и польскаго «ржонда народоваго» временъ 1861—63 гг. Вопросы объ этихъ именно авторахъ и историческихъ событіяхъ обсуждались въ кружкѣ Ралли, въ присутствіи Нечаева. Чтеніе разсказа Буонаротти о заговорѣ Бабефа произвело такое сильное впечатлѣніе на кружокъ, что вопросъ объ организаціи политическаго общества въ Россіи былъ поставленъ на обсужденіе. Но въ то время, какъ другіе, отвлеченные студенческимъ движеніемъ, не остановились надолго на этой мысли, въ головѣ Нечаева сталъ складываться грандіозный планъ. Онъ видѣлъ, что единственнымъ революціоннымъ элементомъ въ современной Россіи является разночинная интеллигенція, въ частности, учащаяся молодежь. Ему пришла въ голову мысль расширить рамки протеста учащейся молодежи до рамокъ всеобъемлющаго протеста противъ соціально-экономическаго и политическаго угнетенія, двинуть разночинную интеллигенцію въ народъ, чтобы взбунтовать его. «Нечаевецъ» Николаевъ показывалъ на судѣ (въ 1871 г.), что Нечаевъ говорилъ ему: «всякій честный человѣкъ долженъ бросить учебное заведеніе и итти въ народъ, чтобы быть ему полезнымъ; развитія для этого не нужно; нужно только желаніе помочь народу, потому что есть люди болѣе развитые, которые уже будутъ управлять дѣйствіями менѣе развитыхъ. Цѣль Нечаева была—поднять студенческое движеніе. Предполагалось, что народъ самъ поднимется, цѣль кружковъ изъ среды разночинной интеллигенціи—направлять народное движеніе наиболѣе разумно и цѣлесообразно». [1])

Противъ «науки», въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали споривше

[1]) „Правит. Вѣст.“, № 157, 1871 г.

осенью 1868 г. студенты, Нечаевъ высказывался по слѣдующимъ соображеніямъ: во первыхъ, говорилъ онъ (Успенскому) «революція неизбѣжна и является единственнымъ исходомъ, ибо правительство одной рукой открываетъ школы, а другой не допускаетъ окончившихъ университетъ къ преподаванію въ нихъ»; во-вторыхъ, говорилъ онъ (В. Орлову), «ходить въ школу учиться—ерунда, ибо всѣ развитые люди и самое достиженіе ими развитости есть эксплуатація, такъ какъ развитые неизбѣжно эксплуатируютъ неразвитыхъ [1]). По отношенію къ студенческому движенію Нечаевъ держался мысли, что необходимъ «крутой протестъ» (показ. Орлова); Черкезовъ же слыхалъ на студенческихъ сходкахъ рѣчи Нечаева о томъ, что «программа Народнаго Дѣла»—весьма хорошая, что слѣдовало бы приступить къ осуществленію положеній, высказанныхъ «Народ. Дѣломъ», т. е. насильственнаго переворота». Для этого, «студенческое движеніе нужно сдѣлать политическимъ, производящимъ шумъ въ обществѣ, вызвать къ студентамъ сочувствіе. Броженіе среди студентовъ нужно неизмѣнно поддерживать, организуя ихъ въ кружки для осуществленія тенденцій «Народнаго Дѣла». [2])

Если принять во вниманіе вышеприведенную сводку заявленій Нечаева, то можно прійти къ заключенію, что «программа революціонныхъ дѣйствій» (найденная въ бумагахъ Волховского) принадлежала Нечаеву и была имъ создана уже зимой 1868—9 гг.

Въ этой «программѣ» [3]) главнѣйшей причиной «бѣдствія нашего общества» признавался «дурной экономическій строй его, допускающій и узаконяющій господство сильнаго надъ слабымъ, богатаго надъ бѣднымъ, тунеядства капиталиста надъ выбивающимся изъ силъ рабочимъ». Такой порядокъ,—полагалъ авторъ,—не можетъ продолжаться вѣчно. «Народъ сознаетъ, что право и сила на его сторонѣ, а тогда побѣда будетъ за нимъ. Этотъ исходъ неизбѣженъ. Все дѣло въ томъ, чтобы по возможности ускорять его, разъясняя народу его силу, необходимость объясненія и возстанія.

Полная свобода обновленной личности лежитъ въ соціальной революціи, но... пока будетъ существовать настоящій политическій строй общества, экономическая реформа невозможна; единственный выходъ—это политическая революція, истребленіе гнѣзда существующей власти, государственная реформа. Итакъ, *соціальная революція, какъ конечная цѣль—и политическая—какъ единственное средство для достиженія этой цѣли...*

«Мы должны стараться создать возможно большее количество революціонныхъ типовъ, развить въ обществѣ сознаніе необходимости и возможности революціи, какъ единственнаго средства для достиженія лучшаго порядка вещей, и заботиться объ устройствѣ революціонной организаціи.

«Для достиженія этого мы должны распространять извѣстнаго рода листки въ извѣстномъ духѣ, устраивать сходки и частные про-

---

[1]) „Прав Вѣст.“, 1871, № 158, показ. Усп.; № 159 показ. Орлова.
[2]) „Пр. В.“, № 159, Орловъ; № 162, Черкезовъ.
[3]) „Программа революціонныхъ дѣйствій“,—„Правит. Вѣстн.“ 1871, № 163.

тесты, какъ предварительную пробу, какъ практическій пріемъ для выработки революціонныхъ типовъ;—наконецъ, какъ средство сближенія между собою, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и многочисленныхъ но разрозненныхъ кружковъ; вербовать людей и образовывать повсемѣстно частные кружки въ томъ же направленіи и съ той же единственной цѣлью—революціи; устраивать кассы для устройства революціоннаго фонда; стараться вступать въ сношенія съ европейскими революціонными организаціями и поддерживать постоянную связь съ ними»...

Таковъ былъ абстрактно изложенный планъ дѣятельности, которую пытался, въ конкретныхъ формахъ, провести въ жизнь Нечаевъ. Въ приложеніи къ тогдашней россійской дѣйствительности, программа намѣчала слѣдующія «революціонныя дѣйствія: «До мая (очевидно, 1869 г.) дѣятельность лучшихъ людей должна быть сосредоточена въ Питерѣ и Москвѣ, а также частію и въ другихъ университетскихъ городахъ. Въ это время долженъ быть подготовленъ и совершенъ протестъ студентовъ какъ Университета, такъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, за право оффиціальныхъ сходокъ, въ то же время должно быть положено начало пропаганды въ средѣ голыдьбы, слѣдовательно образованіе организаціи изъ самой голыдьбы. Самая дѣятельность должна быть перенесена въ губернскіе и уѣздные города и сосредоточена главнымъ образомъ въ средѣ разночинцевъ, семинаристовъ и провинціальной голыдьбы». Съ мая по сентябрь программа намѣчала организаціонную дѣятельность въ провинціи, въ октябрѣ съѣздъ представителей организацій. Самымъ удобнымъ временемъ для возстанія авторъ считалъ весну 1870 г., «какъ потому, что этотъ годъ поставитъ народу много серьезныхъ и близкихъ вопросовъ, такъ и потому, что, въ случаѣ неудачи возстанія въ центрахъ, лѣтнее время будетъ благопріятствовать сепаративной войнѣ по Волгѣ и по Днѣпру и укрывательству народа цѣлыми массами въ лѣсахъ»...

Таковъ былъ революціонный планъ Нечаева, разсчитанный всецѣло на готовность народа возстать по первому призыву; все было расписано, время организаціи кружковъ среди студенчества, «голыдьбы», вплоть до времени съѣзда руководителей кружковъ. Какъ мы видимъ, въ этомъ планѣ студенчеству отводилось видное мѣсто; оно стояло первымъ на очереди въ отношеніи, какъ организаціи революціонныхъ силъ, такъ и революціонныхъ выступленій. Несомнѣнно, что этотъ планъ созрѣлъ у Нечаева не вдругъ, но въ процессѣ участія его въ движеніи, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ уже готовъ къ январю 1869 г. Фактически же Нечаевъ стремился осуществить уже съ ноября 1868 г. Образованіе общества «Народной Расправы» въ средѣ московскихъ студентовъ осенью 1869 было продолженіемъ работы, начатой въ Петербургѣ.

Впослѣдствіи, когда роль, которую сыгралъ Нечаевъ въ подготовкѣ протестующаго настроенія въ нѣкоторой части студенчества стала извѣстной правительству, его выставляли, какъ посторонняго агитатора, мутившаго студенчество. Между тѣмъ, онъ былъ слушателемъ университета; и постороннимъ лицамъ, приходившимъ въ университетъ, швейцаръ тотчасъ же указывалъ вѣшалку «студента»

Нечаева. [1]) Такъ, напр., по приглашенію Нечаева, была въ октябрѣ 1868 г. на одной изъ небольшихъ сходокъ въ университетѣ знакомая его дама, нѣкая г. Томилова. По словамъ студ.-мед. Евл. Аметистова Нечаевъ особенно заинтересовался студенческимъ движеніемъ послѣ инцидента со студ. Василевскимъ въ медико-хирург. аксдеміи. Послѣ этого Нечаевъ сталъ отлучаться чаще изъ дому, иногда даже поручалъ заниматься въ школѣ вмѣсто себя Аметистову. По словамъ Аметистова, Нечаевъ бывалъ на сходкахъ въ университетѣ, гдѣ студенты, особенно, въ декабрѣ начали усиленно волноваться по поводу введенія въ университетѣ сходокъ, кассъ, и т. п. корпоративныхъ учежденій [2]). По словамъ технолога Енишерлова, сходки начались съ половины декабря 1868 г. Собирались больше на квартирахъ. Цѣль сходокъ была, по словамъ Енишерлова, ввести въ сознаніе студенчества необходимость протеста противъ условій студенческаго быта, созданныхъ матрикулами. [3]) Незадолго до Рождества, Нечаевъ, придя къ Томиловой, у которой въ то время жила его сестра, разсказалъ, что совершенно неожиданно въ тотъ день собралась огромнѣйшая (по тому времени) студенческая сходка въ 400 чел., на которой было рѣшено просить начальство о разрѣшеніи сходокъ и кассы. [4]). Неизвѣстно, было-ли заявлено это желаніе начальству, но, во всякомъ случаѣ, удовлетворено оно не было. Когда исторія въ университетѣ не удалась, Нечаевъ сказалъ Аметистову, что студенты хотятъ все-таки устроить общую кассу, въ которой могутъ принять участіе студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, т. е. и универсанты, и технологи, и медики, и др.—«Разсуждать объ этомъ на дняхъ соберутся студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній»—заявилъ Нечаевъ, обѣщая пригласить туда и Аметистова, и показалъ ему «списокъ лицъ, тяготящихся своимъ положеніемъ и желающихъ для выхода изъ онаго имѣть общую кассу». Нечаевъ предупредилъ, что только записавшіеся въ спискѣ, будутъ имѣть право участія въ кассѣ, и записалъ Аметистова. [5]) Сходки бывали не только на квартирахъ, но и въ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, Ралли сообщаетъ объ одной большой сходкѣ въ медико хирург. академіи, на которой былъ и Нечаевъ.

Студенчество дѣлилось на двѣ партіи. Во главѣ одной стояли медики Ралли, Коринѳскій, Алчуницынъ, изъ универсантовъ Нечаевъ; эта партія стояла за расширеніе рамокъ протеста, за объединеніе студентовъ различныхъ учебныхъ заведеній. Во главѣ другой стояли медики: Литвиновъ и Бойдаковскій, универсанты Шрагъ, Езерскій и др.; эта партія, которую теперь назвали-бы академистами, а тогда звали «консервативной», стояла за предъявленіе начальству требованій чисто студенческихъ. [6]) Между партіями происходили оживленныя стычки, подававшія Нечаеву поводъ къ произнесенію горячихъ рѣчей

---

[1]) „Пр. В.“ 1871, № 159.
[2]) „Пр. В.“, 1871 № 162.
[3]) „Пр. В.“, 1871, № 162.
[4]) „Пр. В.“, 1871 № 159.
[5]) „Пр. В“., № 159.
[6]) О партіяхъ см.: показавія Томиловой и Коринскаго въ № 159 и Вѣры Засуличъ въ № 161.

въ пользу необходимости политически осмыслить свой протестъ. По словамъ Томиловой, Нечаевъ, указывая на необходимость протеста, приводилъ въ доказательство статистическія данныя; такъ напр., по его разсчету, изъ 50 ч. окончившихъ курсъ гимназіи въ высшія учебныя заведенія поступаютъ лишь 7 чел., а остальные, по бѣдности, за неимѣніемъ средствъ, поступаютъ на механическія работы,—въ писцы и т. п., и самые даровитые не попадаютъ въ число этихъ семи счастливцевъ. [1])

По словамъ всѣхъ его знавшихъ, Нечаевъ имѣлъ способность всѣцѣло отдаваться тому дѣлу, которое его въ тотъ моментъ интересовало, работать надъ нимъ съ горячей страстностью [2]). Энергія его была чрезвычайна: «я прожилъ 40 лѣтъ на свѣтѣ, говорилъ на судѣ (1871 г.) Прыжовъ, встрѣчался со многими литераторами, учеными, вообще, съ людьми извѣстными своей дѣятельностью, но такой энергіи, какъ у Нечаева я никогда не встрѣчалъ и не могу представить себѣ» (163). Нечаевъ,—говорилъ его товарищъ, б. учитель В. Орловъ,—«личность способная импозировать всякому развитію слабохарактернаго человѣка» (159); Николаевъ объяснялъ вліяніе Нечаева его сильнымъ характеромъ, такъ какъ онъ былъ чрезвычайно энергиченъ. Въ силу этого Николаевъ «совершенно подчинялся Нечаеву, которому, вообще, всѣ повиновались безпрекословно». Николаевъ никогда не слыхалъ, чтобы кто нибудь возражалъ или противорѣчилъ Нечаеву (157). Кузнецовъ былъ пораженъ энергіей Нечаева, который въ моменты напряженной дѣятельности спалъ лишь 3 часа въ сутки (163). Эти качества Нечаева, развернувшіяся осенью 1869 г. въ организаціи «Народной Расправы», Нечаевъ выказалъ и въ петербургскомъ студенческомъ движеніи.

Изъ сходокъ, бывшихъ въ декабрѣ-январѣ мы отмѣтимъ, во-первыхъ, сходку у студента Любимова, на Фурштадской улицѣ, и сходки бывшія у литератора П. Н. Ткачева. На сходкѣ у Любимова Нечаевъ продолжалъ собирать подписи подъ спискомъ лицъ, желавшихъ устроить общую кассу; эта бумага содержала также въ себѣ, по словамъ Ковалевскаго (161), протестъ, заключавшійся въ томъ, чтобы собраться на сходки и объявить начальству высшихъ учебныхъ заведеній, чего желаетъ студенчество, а въ объясненіи указать, что, несмотря на его (начал.) благое желаніе помочь студентамъ, оно не способно, потому что слишкомъ удалено отъ студенческой жизни. Если бы начальство не удовлетворило требованій, въ протестѣ предлагалось прекратить посѣщеніе лекцій. По словамъ ст.-мед. Лихутина подъ этимъ протестомъ онъ видѣлъ въ концѣ января до 80 подписей собранныхъ на разныхъ сходкахъ (161 [3])). На сходкѣ происходило рѣшительное сраженіе между Нечаевымъ и Езерскимъ, причемъ большинство студентовъ склонялось на сторону второго [4]). Сходка кончилась тѣмъ, что кто-то сказалъ, что ѣдутъ жандармы и всѣ по-

[1]) № 159.

[2]) Показанія Кузнецова (№ 157), Томиловой (№ 159), Успенскаго и Кузнецова (№ 163).

[3]) Срав. показ. В. Засуличъ (№ 161) и Аметистова (№ 162).

[4]) Засуличъ (№ 161), Томилова (№ 160).

спѣшно удалились, хотя собирались засвѣтло и явно. При выходѣ студенты были сосчитаны дзорниками, по приказанію полиціи [1]). Здѣсь должно отмѣтить, что списокъ студентовъ, подписавшихся подъ протестомъ, попалъ, въ концѣ концовъ, въ руки III го отдѣленія, что подало поводъ ярымъ академистамъ обвинять почти въ предательствѣ. Такъ, Енишерловъ, писалъ впослѣдствіи: «Нечаевъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые хотѣли эксплуатировать студенческое движеніе для своихъ цѣлей. Я находилъ всегда Нечаева, показывалъ Енитерловъ,—въ озлобленномъ и скептическомъ настроеніи человѣка, которому не удалось предпринять дѣло, который не услышалъ сочувственнаго отклика. По его выраженію, русское общество состоитъ изъ холоповъ, въ которыхъ не вспыхнетъ революціонная искра, какъ бы ее не раздували. Изъ этого общества, студенческая среда наиболѣе благопріятна революціонной пропагандѣ; но и въ ней пропаганда тогда только будетъ имѣть успѣхъ, когда скроется на первыхъ порахъ подъ какимъ нибудь лично студенческимъ дѣломъ. Нечаевъ искалъ сочувствія въ студенческой средѣ и не встрѣтилъ. Разочарованный, онъ задался намѣреніемъ съ одной стороны, отомстить несочувствующимъ людямъ, а, съ другой стороны, выставить, за неимѣніемъ революціонной оппозиціи ея призракъ, смутитъ и встревожитъ общество какой нибудь шумной, безобразной выходкой. Онъ втолкнулъ въ казематы сотни довѣрчивыхъ людей. Съ *этой* (!) цѣлью Нечаевъ требовалъ у студентовъ списка фамилій, который необъяснимымъ образомъ оказался въ III Отдѣленіи (№ 162).

Понятное дѣло, что мы не можемъ согласиться съ подобнымъ толкованіемъ того обстоятельства, что списокъ сталъ извѣстенъ жандармеріи. Вѣрнѣе, что онъ попалъ въ ея руки при какомъ нибудь обыскѣ. Сходка, бывшая у студ. Любимова, открытая полиціей, имѣла свои послѣдствія. По сообщенію корреспондента »Народнаго Дѣла» [2]), (который ошибочно только указывалъ, что она была на Моховой), сходка эта была собрана студентами, «чтобы договориться, какъ устроить кассу на основаніи правильной отчетности и справедливаго распредѣленія между нуждающимися товарищами. Вслѣдъ за этимъ, университетское начальство показало видъ, будто испугалось какихъ-то безпорядковъ, подъ которыми вообще должно понимать спокойное заявленіе студентовъ о своихъ потребностяхъ кассы и сходокъ. На стѣнахъ университета появились писанныя увѣщанія и г. Андреевскій (проф. полицейскаго права, тогда ректоръ) сталъ «своей медоточивой риторикой» упрашивать студентовъ повременить своими требованіями, дать пройти благополучно великому торжеству юбилея (8-го февр. 1869 г. исполнилось пятидесятилѣтіе со дня основанія петербург. унив.), обнадеживая ихъ въ то же время миролюбивымъ удовлетвореніемъ ихъ требованій». Несомнѣнно, что эти заявленія проф. Андреевскаго отсрочили безпорядки и дали возможность юбилею пройти съ надлежащей помпой.

Что касается сходокъ у Ткачева, то онѣ очень интересны, такъ

---

[1]) Аметистовъ, (№ 162).
[2]) № 4, 5, 6,—Май 1869, Женева, с. 82, ст. „Студентскія дѣла“.

какъ, именно, на нихъ была сдѣлана попытка создать организацію для руководства студенческимъ движеніемъ. П. Н. Ткачевъ, впослѣдствіи извѣстный эмигрантъ, проповѣдникъ якобинскихъ идей въ своемъ «Набатѣ», еще въ 1861 г. участвовалъ въ безпорядкахъ петербургскаго студенчества, сидѣлъ въ кронштадской крѣпости. Вторично былъ арестованъ въ 1862 г. по дѣлу студ. Ольшевскаго, причемъ за храненіе нелегальной литературы былъ приговоренъ къ 3 мѣс. крѣпости; въ третій разъ былъ арестованъ во время бѣлаго террора въ 1866 г. [1]). Вполнѣ естественно, что онъ отнесся весьма сочувственно къ студентамъ, къ ихъ требованіямъ и стремленіямъ и далъ нѣсколько разъ для собраній свою квартиру. В. И. Ковалевскій показывалъ (161), что Ткачевъ говорилъ ему о вредѣ студенческихъ волненій и о томъ, что студенчество пожнетъ горькіе плоды, въ случаѣ активнаго протеста. Лучше было-бы студенческое движеніе прекратить, перенеся вопросъ на литературную почву. Ковалевскій увѣрилъ Ткачева, что именно такое рѣшеніе и вынесено одержавшей верхъ партіей, и упросилъ его дать помѣщеніе для собранія. На этой сходкѣ присутствовали Нечаевъ, Ковалевскій, Ралли, Николаевъ, Орловъ. Ткачевъ говорилъ, между прочимъ, что кассы и сходки вещь полезная, но едва ли результаты протеста будутъ иные, чѣмъ въ 1861 г.; онъ не ручался, вмѣстѣ съ тѣмъ, и за результаты журнальныхъ статей, но указывалъ на примѣры благодѣтельнаго вліянія на общество, въ которомъ вызывалось сочувствіе къ защищаемой идеѣ, и на начальство, которое вынуждено было уступать общественнымъ требованіямъ. Ралли приглашенъ былъ на это собраніе Нечаевымъ для обсужденія вопроса объ образованіи группы литераторовъ для поддержки студенческаго движенія.

Когда студенты разошлись, Ткачевъ и Нечаевъ предложили Ралли составить временный комитетъ для руководства студенческимъ движеніемъ и привлеченія другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ и провинціи къ участію въ движеніи. Ралли высказался за организацію комитета изъ делегатовъ существовавшихъ уже студенческихъ кружковъ. Нечаевъ возражалъ ему, предлагая привлечь къ участію въ комитетѣ студентовъ, выдвинувшихся во время движенія. Вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ, ибо ко времени второго собранія у Ткачева комитетъ уже составился изъ среды самого студенчества, изъ элементовъ менѣе революціонныхъ, чѣмъ хотѣлось бы Нечаеву, но болѣе демократическимъ способомъ [2]). Въ эту организацію вошли представители обоихъ существовавшихъ тогда направленій.

На общей сходкѣ представителей различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній были избраны делегаты, которые разосланы были въ различные университетскіе города (Москву, Казань, Кіевъ, Харьковъ) съ цѣлью пріобщить тамошнее студенчество къ движенію петербургскихъ товарищей. Въ Москву были посланы—мед. Ралли, унив. Никифоровъ и техн. Мгебровъ. Эти, какъ ихъ въ шутку назвали въ Москвѣ,

---

[1]) О Ткачевѣ см. „Былое“ 1907, VIII, ст. М. К. Лемке и выдержки изъ „Общаго Дѣла“.

[2]) „Былое“, 1906, VII, 138.

петербургскіе «легаты» вошли въ сношенія съ московскими универсантами и студентами Петровско-Разумовской Академіи, бывали на сходкахъ и заявили, что желаютъ узнать, сочувствуетъ ли московское студенчество стремленіямъ петербургскихъ товарищей заявить въ данный моментъ о своихъ нуждахъ и просить разрѣшенія кассъ и сходокъ. Кромѣ того, Ралли на нѣкоторыхъ сходкахъ велъ пропаганду и чисто политическаго характера.

Петербургскіе делегаты не встрѣтили въ Москвѣ особаго сочувствія. Дѣло въ томъ, что Петровско Разумовская Академія уже имѣла официально признанныя студенческія учрежденія, въ видѣ кухмистерской, около которой сорганизовались и касса и библіотека (*показ. Пругавина, № 160)*. П. Г. Успенскій, служившій въ книжномъ магазинѣ Черкесова въ Москвѣ, постоянно вращавшійся въ студенческой средѣ, и Ф. В. Волховскій высказались противъ призывовъ петербуржцевъ. Успенскій (*показ. № 158*) полагалъ, что движеніе можетъ привести къ реакціи, которой онъ опасался, хотя и понималъ необходимость движенія съ цѣлью добиться студенческихъ правъ.

Волховскій же говорилъ, что студенческое движеніе, какъ бы оно ни было справедливо въ принципѣ, не можетъ принести въ данную минуту ничего, кромѣ вреда, потому что этимъ движеніемъ воспользуются, чтобы представить молодежь желающей шумѣть и дѣлать демонстраціи ничѣмъ не оправдываемыя и не мотивированныя. Никифоровъ возражалъ Волховскому, что крайность студентовъ въ ихъ матеріальныхъ средствахъ дошла до nec plus ultra, и потому долѣе петербуржцамъ ждать нѣтъ никакой возможности; они должны выйти изъ этого положенія какимъ бы то ни было образомъ, и петиція есть единственное средство. Волховскій и самъ зналъ примѣры, что студенты, живя на 6—7 руб. въ мѣсяцъ, умирали отъ болѣзней, отъ которыхъ не имѣли средствъ лечиться. Но ему казалось, что все же должно придать движенію легальный характеръ, подавая единоличныя просьбы одинаковаго содержанія, какъ это было въ 1868 г. въ Петровско-Разумовской Академіи (№ 160).

Случай, на который ссылался Волховскій, заключался въ томъ, что директоръ академіи Желѣзновъ распорядился не допускать въ зданіе академіи женщинъ и оскорбилъ двухъ дѣвицъ, посѣщавшихъ студентовъ. «Академики» подали 150 прошеній въ Совѣтъ Академіи и министру. Результатъ былъ, впрочемъ, отрицательный: министръ распорядился, чтобы студенты безпрекословно повиновались всѣмъ распоряженіямъ директора (*показ. Пругавина, № 160*). Но Волховскому этотъ способъ такъ понравился, что онъ распространялъ писанное изложеніе этого протеста среди студентовъ.

Затѣмъ Волховскій, не ограничиваясь полемикой на сходкахъ въ Москвѣ, поѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, на сходкѣ, на которой Никифоровъ, въ изложеніи отчета о поѣздкѣ, строилъ черезчуръ оптимистическіе расчеты на готовность московскихъ товарищей поддержать выступленіе петербужцевъ, Волховскій указалъ, что Никифоровъ, къ сожалѣнію, принимаетъ желаніе за фактъ, что москвичи далеко не готовы (*Волхов., № 160*).

Приблизительно въ это же время, въ январѣ 1869 г. [1]), Нечаевъ сдѣлалъ послѣднюю попытку сорганизовать свой комитетъ для руководства движеніемъ. По возвращеніи изъ Москвы Ралли, онъ пригласилъ его, Аметистова, Енишерлова и Орлова составить комитетъ, а Орловъ, рисуя схему централистической организаціи, предложилъ составить внѣстуденческую организацію изъ людей, выбираемыхъ среди студенческаго движенія. Но Ралли обратилъ вниманіе собравшихся на то, что они недостаточно знакомы другъ съ другомъ, чтобы начать подобное дѣло.

Вѣроятно, на Нечаева сильно подѣйствовала неудача, которую онъ потерпѣлъ. Несмотря на всю его энергію, ему не удалось овладѣть студенческимъ движеніемъ, направить его по предначертанному имъ руслу великаго революціоннаго освобожденія Россіи. Да и какое значеніе могъ имѣть для широкой массы онъ, скромный учитель закона Божія въ приходскомъ училищѣ. Нечаеву необходимо было создать себѣ имя, ореолъ революціонера и мученика за свободу, достать благословеніе «династіи *Колокола*» (т. е. Герцена, Огарева и Бакунина), достать, наконецъ, средства для приведенія въ исполненіе его грандіозныхъ замысловъ. И вотъ начинается великая мистификація!

Въ концѣ января 1869, вскорѣ послѣ того, какъ сходка на Фурштадтской была накрыта полиціей, Нечаевъ зашелъ утромъ къ сестрѣ (жившей у Томиловой), и сказалъ, что идетъ, по приглашенію начальника секретнаго (по нынѣшнему, охраннаго) отдѣленія Колышкина, въ канцелярію оберъ-полицмейстера объясняться по поводу вышеупомянутой сходки (*Томилова, № 159*). Въ тотъ же день вечеромъ, совершенно разстроенный, онъ пришелъ снова и сказалъ, что его отпустили на поруки директора его училища и на другой день велѣли явиться въ III-е отдѣленіе для объясненій по поводу той же сходки. Прощаясь онъ сказалъ, что можетъ быть арестованъ, потому что одинъ изъ ораторовъ сходки «сказалъ много ерунды». Съ тѣхъ поръ его уже не видали. На другой день онъ ушелъ утромъ изъ своей квартиры, повторивши то же Аметистову. Обезпокоенный его судьбой Никифоровъ устроилъ совѣщаніе, искалъ документы, удостовѣряющіе, что Нечаевъ состоитъ студентомъ или слушателемъ, ибо ректоръ обѣщалъ ходатайствовать за Нечаева, если арестъ произошелъ изъ-за разговоровъ о кассѣ. Аметистовъ нашелъ лишь черновикъ прошенія о принятіи Нечаева въ вольнослушатели (*показ. Аметистова, № 162*).

Между тѣмъ событія развивались довольно быстро. Черезъ день Вѣра Засуличъ, юная тогда дѣвушка-подростокъ, прибѣжала, задыхаясь отъ усталости, къ Томиловой и Нечаевой и принесла имъ записку, полученную по городской почтѣ. Записка гласила: «Идя по мосту, я встрѣтилъ карету, въ какой возятъ арестованныхъ; изъ нея выбросили мнѣ клочекъ бумаги, и я узналъ голосъ дорогого для меня человѣка: *если Вы честный человѣкъ, доставьте*; это я спѣшу исполнить и въ свою очередь прошу Васъ, какъ честныхъ людей, сію ми-

---

[1]) Ралли пишетъ ошибочно „въ февралѣ“. „Былое“, 1906, VII, 139; ср. показ. Волховскаго, что делегаты были въ М. въ концѣ 1868, и во всякомъ случаѣ въ янв. 1869 г. „Прав. В.“, 1871, № 160.

нуту уничтожить мою записку, чтобы не узнали меня по почерку». Подписано: «Студентъ». При этой запискѣ была приложена другая, отъ Нечаева, писанная краснымъ карандашомъ на грязномъ клочкѣ бумаги, такого содержанія: «меня везутъ въ крѣпость; не теряйте энергіи, друзья-товарищи, хлопочите обо мнѣ! Дастъ Богъ—свидимся» [1]).

Томилова и Нечаева бросились по канцеляріямъ, къ директору, къ попечителю, въ полицію, въ III отдѣленіе. Самъ шефъ жандармовъ Мезенцовъ сказалъ имъ, что Нечаева нѣтъ въ III отдѣленіи; не оказалось его, по справкѣ у коменданта, и въ Петропавловской крѣпости. Потомъ пошли глухіе слухи, что Нечаеву удалось бѣжать изъ крѣпости, при одномъ изъ допросовъ, черезъ отхожее мѣсто и переодѣвшись въ генеральскую шинель. Его называли, по словамъ Томиловой, мученикомъ и несчастнымъ, около его имени создавалась легенда. Говорили, что кто-то встрѣтилъ его на желѣзной дорогѣ въ сопровожденіи жандармовъ; очень былъ распространенъ слухъ, что товарищи его получили отъ него письмо изъ Архангельской губерніи. Слѣдъ Нечаева отыскался въ Москвѣ. Онъ явился туда въ февралѣ, увидѣлся съ Орловымъ, которому разсказалъ, что бѣжалъ изъ крѣпости. Съ паспортомъ Орлова онъ направился въ Одессу, направляясь за границу, но въ началѣ марта вернулся съ вѣстью о новомъ своемъ подвигѣ: онъ былъ, по его словамъ, арестованъ въ Одессѣ, но снова бѣжалъ, 50 верстъ шелъ пѣшкомъ, ѣхалъ съ чумаками, добрался до Москвы. Тамъ добылъ паспортъ у Николаева, съ которымъ 4 марта и уѣхалъ легально за границу. Таковы были вѣсти, привезенныя 6 или 7 марта въ Петербургъ, Орловымъ.

Пока, такимъ образомъ, Нечаевъ создавалъ себѣ ореолъ, студенческое движеніе продолжало развиваться. Актъ 8-го февраля и юбилейное торжество прошли спокойно. Никитенко отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ [2]), что «наканунѣ боялись, какъ говорилъ ему товарищъ министра народ. просв., что студенты сдѣлаютъ какую-нибудь непристойную демонстрацію». Однако, все прошло въ порядкѣ: гдѣ нужно было «ура», требовали трижды гимнъ и т. д. «Народное Дѣло» отозвалось на это офиціальное торжество воззваніемъ къ студенчеству [3]). Авторъ статьи сравнивалъ «старый» университетъ (до разгрома 1861 г.) и новый, съ «матрикулами», и, на призывъ ректора сообщить о судьбѣ бывшихъ студентовъ, напоминалъ о судьбѣ сотенъ исключенныхъ за безпорядки, за невзносъ платы и, наконецъ, пострадавшихъ за убѣжденія, вродѣ Михаэлиса, Гена, Яковлева (сосл. на кат. за прокл.), поэта М. Ил. Михайлова, Чернышевскаго и др. Указывая на восторги по случаю объявленной царской милости, пожалованія 100 стипендій, «Нар. Дѣло» спрашивало студентовъ, участвовали ли они въ этихъ восторгахъ, въ этой «сарданапаловской забавѣ». Если это такъ, восклицалъ авторъ, «знайте, что ваше непониманіе вашихъ собственныхъ интересовъ представляетъ собою жалкое, грустное состояніе того нравственнаго и умственнаго уровня, въ который

---

[1]) Ср. показанія Засуличъ (№ 161); Томиловой (№ 159).
[2]) Т. II, 2-е изд., с. 380.
[3]) №№ 4, 5, 6, с. 69 и сл., ст. „Юбилейное торжество Спб. унив.“.

васъ повергаетъ современный порядокъ вещей; знайте, что вамъ надо серьезно и строго сообразить ту опасность, которая грозитъ и вашему умственному развитію и вашей гражданской добросовѣстности; знайте, что мы вовсе не алармисты, но тѣмъ не менѣе мы остерегаемъ васъ отъ той скользкой дороги, на которой провалились и погибли безслѣдно въ омутѣ практическаго служенія государству... многіе изъ тѣхъ, которые, казалось, никогда не должны были бы забывать ненавистнаго гоненія правительствомъ всего народа и всѣхъ хотящихъ служить народу». Авторъ напоминалъ студентамъ о французскомъ пролетаріатѣ, о тѣхъ пролетаріяхъ, которые «умѣютъ отсылать сотни тысячъ франковъ обратно Наполеону III, когда онъ вздумаетъ благодѣтельствовать имъ, умѣютъ скорѣе отказываться отъ *легальнаго* существованія, подвергаться офиціальному распущенію во Франціи международной ассоціаціи, этого революціоннаго союза всѣхъ трудящихся массъ, умѣютъ скорѣе переносить судъ, гоненія и тюрьму за продолженіе *нелегальнаго* существованія ихъ ассоціаціи, чѣмъ согласиться на приглашеніе министра высказать хотя бы только письменное упоминаніе въ своихъ протестахъ о благодѣяніяхъ, которыми императоръ надѣляетъ рабочіе классы...» Авторъ ждалъ, что русская учащаяся «молодежь, несмотря на нѣкоторыя отклоненія небольшой части ея, всегда явится достойной участія въ дѣлѣ народнаго освобожденія, мы вѣримъ, что она... все болѣе и болѣе будетъ преслѣдовать, *не увлекаясь и не тратясь по пустому*, свою *конечную* цѣль: свое соединеніе съ народомъ посредствомъ строго разсортированной и крѣпко сплоченной *организаціи*, для дружнаго общаго отпора враждебнымъ силамъ, и для разумнаго созданія новаго свободнаго быта» [1]). Пока были напечатаны эти строки, «подготовительный» періодъ студенческаго движенія кончился; начался періодъ «рѣшительный». Безпорядки разразились въ мартѣ 1869 года.

III.

Безпорядки начались съ Медико-Хирургической Академіи, на почвѣ протеста противъ казарменной дисциплины, которую хотѣлось ввести инспектору полк. Смирнову. Эта политика, вдохновителями которой были нѣкоторые высшіе круги военнаго министерства, не находила одобренія среди даже бюрократовъ, вродѣ Никитенки. Еще 7 января 1868 г. послѣдній записалъ въ своемъ дневникѣ: «Профессоръ Мед. Акад. Якубовичъ разсказывалъ мнѣ о военномъ министрѣ и президентѣ Академіи Дубовицкомъ, которые стараются сдѣлать изъ Академіи школу. Конечно, это очень жаль, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы она начала было сильно возвышаться и процвѣтать. Онъ разсказывалъ невѣроятныя нелѣпости...» [2]).

Въ началѣ марта (1869 г.) студ.-мед. Надуткинъ имѣлъ рѣзкое объясненіе съ секретаремъ конференціи проф. Рудневымъ, который

---

[1]) Цит. журн., с. 76—7.
[2]) *Дневникъ*, т. II, 2-е изд., с. 354.

затерялъ его экзаменаціонный листъ и не только не извинился передъ студентомъ, но и наговорилъ ему дерзостей. Надуткинъ, въ видѣ протеста, подалъ въ конференцію прошеніе объ увольненіи, а конференція, не входя въ разборъ дѣла, съ легкою душой уволила студента, въ данномъ случаѣ, праваго и, кромѣ того, съ трудомъ достигшаго возможности учиться въ Академіи. Товарищи Надуткина возмутились этой несправедливостью, и съ 6-го марта начались въ зданіи Академіи бурныя сходки. Сходки происходили по большей части вечеромъ и de facto допускались начальствомъ. На нихъ присутствовали не только медики, но и студенты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. 8-го марта конференція Академіи дала студентамъ позволеніе подать коллективное прошеніе за подписью одного студента. Сущность адреса, написаннаго медиками, заключалась въ требованіи вернуть въ Академію какъ Надуткина, такъ и Василевскаго, уволеннаго еще осенью. 10-го марта обсуждалось студентами содержаніе «прошенія». На 11-е была назначена общая сходка для его прочтенія. Но именно 11-го утромъ инспекторъ Академіи Смирновъ предложилъ курсовымъ старостамъ уговорить товарищей разойтись. Понятное дѣло, что старосты отказались исполнить это предложеніе. Тогда были заперты двери той аудиторіи, въ которой была назначена сходка, и вывѣшено объявленіе инспектора о томъ, что онъ запрещаетъ сходки по желанію военнаго министра. Студенческій адресъ былъ оставленъ безъ вниманія.

Тѣмъ не менѣе, сходки продолжались, хотя аудиторіи приходилось уже занимать силой. Студенты были возмущены также дѣйствіями оберъ-полицмейстера Ѳ. Ѳ. Трепова, по настоянію котораго, въ сущности, были воспрещены сходки, и который прислалъ кого-то изъ своихъ помощниковъ потребовать, чтобы сходка разошлась. Во время этихъ, уже запрещенныхъ, сходокъ было рѣшено снова сдѣлать письменное заявленіе своихъ требованій, добиваться во что бы то ни стало разрѣшенія сходокъ, ибо съ правомъ сходокъ неразрывно было связано право организацій—кассы, библіотеки, кухмистерской,—существовавшихъ до тѣхъ поръ въ академіи невозбранно. Въ виду репрессій рѣшено было призвать студентовъ остальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній къ заявленію аналогичныхъ требованій. Были избраны также делегаты для заявленія письменнаго протеста начальству академіи. 13-го марта собралась послѣдняя сходка, чел. въ 200, которая потребовала инсп. Смирнова для объясненій. Смирновъ не пожелалъ признать депутатовъ и вступить съ ними въ переговоры. Но сходка приняла столь бурный характеръ, что Смирновъ, не желая лично являться, послалъ все же студентамъ извинительное письмо. Но такъ какъ его требовали для личныхъ объясненій, то онъ безъ пальто и шапки бѣжалъ въ клинику пр. Боткина. Студенты осадили клинику и рѣшили даже остаться на ночь, но не расходиться, не объяснивши сь со Смирновымъ. Сходка затянулась отъ 8 ч. утра до 9 ч. вечера. Произносились взволнованныя рѣчи, время шло. Пр. Боткинъ уговорилъ къ вечеру студентовъ выпустить Смирнова, его «гостя», и лично провелъ инспектора черезъ толпу студентовъ. Студенты разошлись, постановивши письменный протестъ противъ поведенія

конференціи и инспектора и рѣшивши не допускать чтенія лекцій и продолжать безпрерывныя сходки въ стѣнахъ академіи, впредь до удовлетворенія студенческихъ требованій [1]).

Эта сходка была послѣдней въ Медико-Хирургической Академіи. На слѣдующій день, 14-го марта, послѣ лекціи проф. Сѣченова, инспекторъ арестовалъ студ. IV курса Литвинова (одного, какъ мы знаемъ, изъ руководителей студенческаго движенія) «за нѣсколько рѣзкихъ словъ»; съ требованіемъ освободить его были посланы депутаты къ президенту академіи Нарановичу. Депутаты вернулись съ извѣстіемъ, что Нарановичъ уволенъ отъ должности президента, а на его мѣсто назначенъ членъ Медицинскаго Совѣта Козловъ. [2]) Въ ночь съ 13-го на 14-е произошли аресты медиковъ, при чемъ въ первую голову были схвачены, по приказанію Трепова, именно старосты или депутаты, въ томъ числѣ Чудновскій, Ралли, Ѳ. Покровскій и мн. др. Въ тотъ же день академія была закрыта. Но еще прежде закрытія академіи многіе студенты подали прошенія объ увольненіи ихъ, мотивируя этотъ шагъ указаніемъ на то, что запрещеніе сходокъ наноситъ сильнѣйшій ударъ самой возможности существованія въ академіи массы бѣдняковъ-студентовъ, ибо со сходками была неразрывно связано существованіе кассы, кухмистерской и др. учрежденій (*показ. Коринѳскаю, № 159*). Коллективной подачей прошеній объ увольненіи предполагалось вынудить начальство къ удовлетворенію предъявленныхъ требованій. Результаты были нѣсколько иные: всѣ подавшіе прошенія были уволены, не считая того, что многихъ арестовали по приказу Трепова. «Мягкій» Нарановичъ былъ замѣненъ «энергичнымъ» Козловымъ. Въ ночь съ 14 го на 15-е всѣмъ приставамъ столичной полиціи былъ отданъ приказъ немедленно же извѣстить всѣхъ, проживающихъ въ ихъ районѣ, студентовъ-медиковъ о закрытіи академіи. Всю ночь бѣгала полиція и будила студентовъ этимъ извѣстіемъ, но всѣхъ извѣстить не успѣла. На слѣдующее утро, 15-го, группа студентовъ (чел. 200, по другимъ извѣстіямъ, нѣсколько сотъ) собралась передъ зданіемъ академіи; удаленная оттуда, эта группа перешла на ледъ Невы у Литейнаго моста, откуда съ трудомъ была удалена полиціей, которой распоряжался самъ Треповъ.

16-го марта полицейскія репрессіи продолжались: полиція обязала квартирныхъ хозяевъ, у которыхъ жили студенты, не дозволять ночевать въ комнатахъ студентовъ ихъ знакомымъ или товарищамъ; общая студенческая кухмистерская была закрыта; желая предохранить сходки въ частныхъ кухмистерскихъ, полиція додумалась до запрещенія содержателямъ частныхъ кухмистерскихъ допускать въ помѣщеніе болѣе *двухъ* студентовъ сразу: такимъ образомъ, лишенные дешеваго обѣда въ студенческой столовой, студенты (и не только медики, но и прочихъ учебныхъ заведеній) были обречены на полную невозможность обѣдать гдѣ бы то ни было. Эта остроумная мѣра

---

[1]) Изложеніе этого момента см.: „Прав. Вѣстн.“ 1871, № 158, показ. Дементьевой; № 159, показ. Коринѳскаго; письмо студ. мед. въ № „Вѣстн.“ отъ 27 мар. 1869 г. корр. „Русск. Вѣдом.“ въ „Вѣстн.“ 1869 г., 24 марта; Ралли, „Былое“ 1906, іюль, 141; Чудновскій, „Былое“, 1907, сент. 287—8.

[2]) „Вѣсть“, 1869, 24, III.

сильно способствовала распространенію безпорядковъ и на другія высшія учебныя заведенія. Достаточно глупымъ оказалось и распоряженіе полиціи никого не впускать на территорію академіи, даже больныхъ—въ амбулаторіи и родственниковъ больныхъ—въ клиники.

Все петербургское студенчество было взволновано событіями въ академіи. Многіе изъ студентовъ бывали на сходкахъ въ академіи, принимали въ нихъ участіе, и запрещеніе сходокъ (а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и связанныхъ со сходками студенческихъ учрежденій) въ единственномъ учебномъ заведеніи, гдѣ они были дозволены, сильно подѣйствовало на студентовъ. Еще незадолго передъ тѣмъ студенчество рѣзко дѣлилось на двѣ группы, изъ которыхъ одна, представлявшая меньшинство, стояла за манифестаціи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, съ цѣлью требовать студенческихъ вольностей (кассъ, сходокъ и т. п.); а другая, руководимая унив. Езерскимъ, стояла за сохраненіе второй организаціи студенчества по кружкамъ и противъ заявленія коллективныхъ требованій, которыя останутся безрезультатными и повлекутъ лишь увольненія и ссылки. Теперь, послѣ вмѣшательства полиціи, послѣ закрытія академіи, ареста товарищей и нелѣпыхъ распоряженій полиціи, настроеніе студенчества рѣзко склонилось влѣво, безпорядки перебросились на другія высшія учебныя заведенія. Это проявленіе студенческой солидарности было новой чертой въ студенческомъ движеніи: въ 1861 г. молодежь протестовала одновременно противъ равно для всѣхъ тяжелыхъ условій; теперь (1869 г.) студенчество вступило въ борьбу съ сознательной цѣлью объединеннаго протеста.

Тотчасъ по закрытіи Медико-Хирургической академіи, въ субботу 15-го марта, въ сборной комнатѣ студентовъ петербургскаго университета было вывѣшено воззваніе къ универсантамъ отъ имени медиковъ,—воззваніе, написанное на клочкѣ бумаги и содержавшее въ себѣ приглашеніе принять участіе въ общемъ студенческомъ дѣлѣ. Инспекція замѣтила, сорвала и уничтожила воззваніе это уже въ 10 ч. утра. Ни инспекція, ни ректоръ не придали этому воззванію никакого значенія, тѣмъ болѣе, что очень немногіе студенты успѣли прочесть его. Тѣмъ не менѣе, однако, такъ какъ въ это время уже начались безпорядки въ Технологическомъ институтѣ, то ректоръ 1) пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ, которыхъ считалъ болѣе вліятельными, и взялъ съ нихъ обѣщаніе противодѣйствовать всякимъ безпорядкамъ въ университетѣ, и 2) выставилъ объявленіе о соблюденіи студентами правилъ о запрещеніи сходокъ. Несмотря на это, 18 и 19 марта, начались собранія и совѣщанія студентовъ въ комнатѣ смежной съ шинельною. Собранія эти, по требованію инспектора, по большей части тотчасъ расходились, но потомъ постоянно опять возобновлялись и въ послѣдній день мало-по-малу стали принимать (по донесенію инспекціи) характеръ шумныхъ сходокъ. Лекціи, однако, продолжались. По донесенію совѣта (въ министерство), на сходкахъ 18 и 19 марта присутствовало сравнительно немного народа, да и то многіе «съ цѣлью противодѣйствовать возникавшимъ безпорядкамъ». Какъ послѣ оказалось, изъ показаній нѣкоторыхъ студентовъ, присутствовавшихъ на этихъ сходкахъ, руководители движенія доказывали необходимость сходокъ, особой студенческой

кассы, участія студенческихъ депутатовъ въ распредѣленіи стипендій и пособій, и (по выраженію инспекціи) имѣли даже смѣлость (!) высказать, что если вслѣдствіе подобныхъ требованій закрытъ будетъ университетъ, то въ этомъ нѣтъ большой бѣды. [1])

19-го вспыхнули безпорядки въ Технологическомъ институтѣ. Лекціи были прекращены, и студенты, собравшись въ одной изъ аудиторій, потребовали къ себѣ директора, ст. сов. Ламанскаго, и, когда онъ не пришелъ, начали шумѣть. Студенты требовали принять отъ нихъ коллективное прошеніе о предоставленіи имъ «нѣкоторыхъ правъ», (какъ замѣтилъ скромно «Правит. Вѣстн.»). Безпорядки, возникшіе въ этомъ учебномъ заведеніи, которое такъ долго привыкли считать, если не вполнѣ, то наполовину военнымъ, были столь неожиданны, что газеты говорили о студентахъ, какъ о «воспитанникахъ», замѣчая, что «выпускной классъ» (т. е. старшій курсъ) отказался, будто бы, принять участіе въ сходкѣ. «С.-Петерб. Вѣдомости» сообщили сперва, что въ сходкѣ приняли участіе лишь 40 чел., что остальные 500 ч. имъ не сочувствовали, что всѣ лекціи состоялись. На другой день пришлось признать, что участниковъ было не 40, а 260 ч., и что въ тотъ день состоялась лишь одна лекція.

Директоръ дѣйствовалъ, какъ хорошій чиновникъ, и отнюдь не, какъ педагогъ. Отказавшись принять студенческія требованія, онъ предложилъ студентамъ разойтись, затѣмъ вызвалъ пристава. На слова пристава технологи не обратили никакого вниманія. Тогда вызваны были конные жандармы, которые прибыли на рысяхъ, производя въ городѣ сенсацію. Командовалъ ими полицмейстеръ, полковникъ Угрюмовъ. Жандармы расположились предъ институтомъ, во дворъ была введена полиція, а Угрюмовъ, войдя на сходку, потребовалъ, чтобы студенты разошлись. Студенты отвѣтили, что разойдутся лишь вручивши начальству свою петицію. Тогда Угрюмовъ сдѣлалъ то, чего такъ боялся директоръ Ламанскій,—взялъ отъ студентовъ петицію о правѣ сходокъ и о передачѣ кассы помощи студентамъ въ ихъ руки. При этомъ студенты заявили, что они оскорблены тѣмъ, что ихъ начальство не обратило вниманія на ихъ прошеніе, поданное раньше, въ которомъ они заявляли о неудовлетворительномъ состояніи мастерскихъ и о раздачѣ стипендій по протекціи. Затѣмъ студенты мирно разошлись. Столкновеній съ жандармеріей не произошло никакихъ. «Правит. Вѣстникъ» подчеркнулъ, что прошеніе, поданное студентами, не было-де никѣмъ подписано.

Собравшійся въ тотъ же день вечеромъ учебный комитетъ института постановилъ семь студентовъ уволить, а на прошеніе отвѣтилъ, что не имѣетъ по закону права входить въ сужденія объ удовлетвореніи его; по поводу же личныхъ неудовольствій студенты могутъ обращаться къ директору. Постановленіе учебнаго комитета было въ ту же ночь утверждено министромъ финансовъ. Впрочемъ, эта расправа не прекратила безпорядковъ, и многіе технологи пострадали въ административномъ порядкѣ. [2]) Въ этой исторіи дирек-

[1]) „Журналъ Мин. Нар. Просв.“, 1869, т. 142, Соврем. Лѣтопись, с. 94—5.

[2]) Изложеніе событій въ Техн. Ин. см.: „Вѣсть“ 1869 г., 21, 22, 23 марта; „Моск. Вѣд.“ № 65; „СПБ. Вѣд.“, 21 и 22 мар.; „Прав. Вѣст.“ 21 мар.; Дневникъ А. Б. Никитенки, т. II.

торъ Ламанскій сыгралъ весьма некрасивую роль. Одновременно съ извѣстіями о Технологическомъ институтѣ, «Вѣсть» (21 март. со словъ «Соврем. Изв.») сообщила, что въ Москвѣ въ Петровской-Разумовской Академіи лекціи также прекращены. «Голосъ» (№ 82) сообщалъ также, что заперты двери и въ земледѣльческомъ институтѣ, (въ Лѣсномъ) въ Петербургѣ. Хотя 26-го марта эти извѣстія и были опровергнуты департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности, однако, на самомъ дѣлѣ, въ названныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ броженіе было и едва не перешло въ прямые «безпорядки».

20-го марта безпорядки начались и въ университетѣ. «Вотъ и въ университетѣ поднялось наше благовоспитанное юношество», записалъ Никитенко 21-го марта (1869) о предыдущемъ днѣ [1]). «У меня былъ профессоръ Благовѣщенскій и разсказалъ мнѣ печальныя вещи. Студенты грубо приступили къ ректору и къ нѣсколькимъ, находившимся въ университетѣ профессорамъ, въ числѣ коихъ былъ и Благовѣщенскій, съ требованіемъ дозволить имъ сходки въ стѣнахъ университета. Никакія объясненія и увѣщанія не помогли. Шумъ, крикъ, даже ругательства раздавались въ стѣнахъ мирнаго убѣжища науки. Наконецъ, надо (?) было обратиться къ полиціи. Когда пріѣхалъ Треповъ, шумъ нѣсколько уже поутихъ. «Что вы тутъ, господа, затѣваете?» спросилъ у толпы оберъ-полицмейстеръ. «Ничего. Вотъ мы беремъ здѣсь наши шинели, чтобы разойтись».

«Происходили, напримѣръ, такія сцены: профессоръ читаетъ лекцію, вдругъ поднимаются нѣсколько студентовъ и требуютъ прекращенія лекціи, потому что теперь имъ некогда слушать ее: они должны отправиться на сходку. Но когда профессоръ не послушался ихъ и продолжалъ свое дѣло, буяны вышли, стали стучаться снаружи въ двери аудиторіи, а потомъ, пріотворивъ ихъ, обратились съ ругательствами къ тѣмъ студентамъ, которые еще оставались въ ней. «Подлецы, мерзавцы!» кричали они»...

По сообщенію же совѣта дѣло обстояло такъ: въ четв., 20 марта, около 12 часовъ, въ комнатѣ, смежной съ шинельной, снова составилась сходка, чел. въ 150, которая не пожелала разойтись по требованію инспектора и заявила ему о желаніи говорить съ ректоромъ. Когда студенты, по требованію ректора, явились въ сборную комнату, то студ. Езерскій, говоря отъ имени всѣхъ студентовъ, объяснилъ ректору, что они желаютъ обратиться въ совѣтъ университета съ просьбою о томъ: 1) чтобы имъ были разрѣшены сходки въ зданіи университета; 2) чтобъ имъ было дозволено имѣть собственную кассу и библіотеку; 3) чтобъ были признаны выборные депутаты отъ отдѣльныхъ курсовъ съ правомъ участія въ распредѣленіи стипендій и пособій; 4) чтобы была уничтожена стѣснительная и оскорбительная для студентовъ полицейская опека университетскаго начальства. Въ то же время Езерскій подалъ ректору письменное изложеніе тѣхъ же требованій, но безъ подписи.

Ректоръ, выслушавъ заявленіе Езерскаго, напомнилъ студентамъ, что желанія, высказанныя Езерскимъ будто бы отъ имени ихъ всѣхъ,

---

[1]) *Никитенко.* Дневникъ и записки, т. II, изд. 2, с. 383.

совершенно противны университетскимъ правиламъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть исполнены; объявилъ, что онъ даже не имѣетъ права принять отъ нихъ и представить совѣту прошеніе, подобное тому, которое передано ему Езерскимъ, и затѣмъ «повторительно приглашалъ ихъ, въ ихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ Университета и во имя закона», разойтись и воздержаться отъ дальнѣйшихъ сходокъ и безпорядковъ. Но такъ какъ это требованіе не было исполнено, то ректоръ, видимо, разсердившись, «нашелся вынужденнымъ объявить, что будетъ просить правленіе университета предать университетскому суду виновниковъ сходки и ослушанія».

По уходѣ ректора тѣ же студенты отправились въ аудиторію, въ которой юристы II-го к. собрались слушать лекцію пр. Градовскаго, и стали разсуждать тамъ о дальнѣйшихъ планахъ. При появленіи Градовскаго, къ нему подошелъ Езерскій и просилъ его отъ имени собравшихся «здѣсь не читать, выбрать для этого другую аудиторію или, по крайней мѣрѣ, повременить». Градовскій отвѣтилъ, что будетъ читать именно въ этой аудиторіи и безъ всякаго отлагательства; это вынудило Езерскаго и товарищей покинуть аудиторію, не уходя, впрочемъ, далеко отъ аудиторіи. При этомъ нѣкоторые «повторительно отворяли дверь» и обращались къ студентамъ въ аудиторіи съ бранью и съ укоромъ, зачѣмъ они жертвуютъ интересами студенчества интересамъ науки. Далѣе все тѣ же студенты направились къ лѣстницѣ, ведущей въ правленіе. Отъ ихъ имени студенты Езерскій, Шрагъ и Жигмановскій явились къ ректору съ заявленіемъ, что они недовольны однимъ изъ субъинспекторовъ и требуютъ его удаленія, а затѣмъ студ. Зараповъ заявилъ, чтобы были преданы суду не нѣкоторые только, а всѣ студенты вообще. Ректоръ заявилъ собравшимся предъ нимъ студентамъ, что все дѣло будетъ разсмотрѣно университетскимъ правленіемъ и судомъ, и опять потребовалъ, чтобы они разошлись, что, наконецъ, и было ими исполнено.

Въ тотъ же день правленіе университета, по заявленіи ректоромъ о происшедшихъ безпорядкахъ, постановило предать универс. суду 9 студентовъ, которые, по засвидѣтельствованію инспекціи, казались главными руководителями движенія.

Судъ, начавшій свои засѣданія съ 8 ч. веч., продолжалъ ихъ и въ пятницу 21-го марта. Въ этотъ день, въ 11 ч., вскорѣ послѣ того, какъ студ. Езерскій явился въ судъ, «около дверей суда, запертыхъ на ключъ, образовалось опять шумное сборище студентовъ, которые мѣшали отправленію суда и даже старались вторгнуться въ залу засѣданія, чтобы освободить судимыхъ товарищей. Ректоръ вышелъ къ студентамъ и всячески старался убѣдить ихъ разойтись; но на долгое время всѣ его увѣщанія оставались тщетными и, наконецъ, имѣли успѣхъ только вслѣдствіе содѣйствія, оказаннаго ему со стороны нѣкоторыхъ изъ «благонамѣренныхъ» студентовъ. Когда ректоръ съ лѣстницы отправился въ Петровскій залъ, то изъ аудиторій, гдѣ только что кончились лекціи (было 12 ч.), вышло болѣе 200 студ., которые (по сообщенію ректора) обступили его и стали просить его какимъ-либо способомъ положить конецъ безпорядкамъ, при чемъ предлагали

тотчасъ же дать подписки, что они нисколько не сочувствуютъ происшедшимъ волненіямъ.

Вѣроятно, среди этихъ студентовъ были и тѣ, которые присоединились къ Славянскому Благотворительному Обществу, которое только что тогда образовалось. Извѣстный поэтъ, такъ хорошо знавшій классическую древность, по убѣжденіямъ реакціонеръ, Н. Щербина воспѣлъ въ спеціальномъ стихотвореніи студентовъ, вступившихъ въ Славянское Общество:

„Не въ буйномъ станѣ шайки грубой
Всеотрицающихъ невѣждъ;
Намъ племя молодое любо—
Колѣно славы и надеждъ:
Оно намъ любо тамъ, гдѣ дѣло
Прямое юноша позналъ,
Въ смиреньи началъ строить смѣло,
Любовь безъ злобы (!) показалъ,
Исполненъ юныхъ силъ богатства,
Онъ въ даль, какъ зрѣлый мужъ, прозрѣлъ,
И отдалъ сердце чувству братства,
А умъ—творенью здравыхъ дѣлъ"... [1])

Какъ ни хотѣлось ректору устроить подписку «благонамѣренныхъ», но ему пришлось отказаться отъ этой мысли, такъ какъ въ Петровскій залъ явились также и участники безпорядковъ, и можно было опасаться прискорбнаго столкновенія между студентами. Между тѣмъ члены суда перешли въ правленіе и тамъ объявили подсудимымъ приговоръ, представленный судомъ на утвержденіе совѣта и попечителя округа. Приговоромъ этимъ пять человѣкъ подверглись исключенію, одинъ увольненію, одинъ семидневному аресту, два оправданы.

Исключены были Езерскій, Тельманъ, Зараповъ, Кипіани и Шрагъ. Такимъ образомъ, Езерскій, стоявшій на почвѣ академическаго движенія, вынужденъ былъ выступить активно и тотчасъ же подвергся тягчайшему наказанію. Вскорѣ послѣ объявленія приговора, въ канцелярію правленія, гдѣ находился ректоръ и многіе профессора, явилась толпа студентовъ (чел. въ 80, по словамъ ректора) съ требованіемъ, чтобы осужденные были прощены, или чтобы судъ состоялся вторично и судили ихъ всѣхъ, такъ какъ зачинщиковъ между ними нѣтъ. Въ этомъ «сборищѣ», по «достовѣрнымъ» (очевидно, агентурнымъ) свѣдѣніямъ, находились и нѣкоторыя постороннія лица, «успѣвшія какъ-то пробраться въ университетъ.» Ректоръ предложилъ желающимъ, чтобы ихъ судили, записываться на листѣ у инспектора, но студенты не пожелали облегчать работу инспекціи. Ректоръ увѣрялъ, что теперь отмѣнить или измѣнить приговоръ уже не въ его власти и просилъ расходиться, но всѣ увѣщанія были напрасны, равно какъ и рѣчи нѣкоторыхъ профессоровъ; послѣднимъ, по словамъ официальнаго отчета, отвѣчали оскорбительными криками и объявили, что не разойдутся, пока не будетъ созванъ совѣтъ, и не будутъ прощены осужденные ихъ товарищи; «въ заднихъ рядахъ нѣкоторые даже

[1]) См. полное собр соч. Н. Ѳ. Щербины, стих. 1869 г.

принялись курить папиросы» (!), добавляетъ официальный повѣствователь, желая подчеркнуть дерзость студентовъ. Въ это время кѣмъ-то изъ собравшихся было составлено прошеніе въ совѣтъ объ освобожденіи отъ наказанія обвиненныхъ судомъ. Ректоръ объявилъ, что приметъ прошеніе и доложитъ о немъ въ совѣтѣ, хотя и можетъ напередъ увѣрить студентовъ, что совѣтъ отвергнетъ его, да и приметъ онъ прошеніе только подъ условіемъ, чтобы студенты тотчасъ же разошлись. По сообщенію Енишерлова, ректоръ обѣщалъ созвать вечеромъ новый судъ и дать отвѣтъ на слѣдующій день. Затѣмъ студенты разошлись [1]).

Въ тотъ же день (21 мар.) правленіе университета, на основаніи представленнаго ему со стороны инспекціи списка участниковъ въ этихъ безпорядкахъ, снова предало суду 72 студ. (по сообщенію ст. Енишерлова, повѣстки были разосланы 83 студ.). Изъ нихъ найдены болѣе виновными 30 чел., которые были приговорены судомъ частью къ исключенію, частью къ увольненію; 9 чел. приговорены къ семидневному аресту, 4 чел. сдѣланъ выговоръ; остальные оправданы. Официальный отчетъ добавляетъ, что судомъ были приговорены къ исключенію или увольненію исключительно только такіе студенты, которые показали, что вполнѣ сознательно участвовали въ безпорядкахъ и нисколько въ томъ не раскаиваются. Итакъ, г.г. профессорамъ, засѣдавшимъ въ судѣ, желательно было видѣть «безсознательныхъ» студентовъ; имъ требовалось «раскаяніе» въ ужасномъ замыслѣ добиться кассы, сходокъ и возможности помогать бѣднымъ товарищамъ. Нужно добавить, что чтеніе лекціи было прекращено, входъ студентамъ въ зданіе университета запрещенъ, во дворъ университета и въ нѣкоторыя помѣщенія нижняго этажа введены жандармы и полиція.

Въ субботу, 22-го марта, было выставлено объявленіе отъ совѣта, въ которомъ излагался приговоръ суда, утвержденный попечителемъ округа, и которымъ студенты извѣщались, что признанные виновными въ произведенныхъ безпорядкахъ никакимъ образомъ не могутъ быть освобождены отъ наложеннаго на нихъ наказанія, а также снова приглашались всѣ студенты строго подчиняться университетскимъ правиламъ. Одновременно съ университетскимъ начальствомъ дѣйствовалъ и Треповъ. Уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній арестовывали и высылали въ провинцію,—«фактъ неслыханный», замѣчалъ въ своей прокламаціи ст. Енишерловъ, такъ какъ въ былыя времена увольненіе никогда не вело за собой ссылки. Дѣйствительно, во время безпорядковъ 1861—2 г. ссылкѣ подверглись студенты, лишь особо къ тому осужденные. Теперь же административная практика расширялась. Высылали по большей части въ мѣсто рожденія, благодаря чему выходили трагическіе курьезы: одного студента, напр., родившагося въ Красноярскѣ, сослали именно въ этотъ городъ, хотя родители его переселились оттуда въ южную Россію, когда ему было меньше года отъ роду.

---

[1]) Изложеніе этого момента въ „Ж. М. Н. П.“, т. 142, с. 95—96 и „Прав. Вѣст.“ 1871 г., № 163 (*показ. Енишерлова*).

Среди студентовъ ходили рукописные листки, воззванія и т. п. Среди нихъ нужно отмѣтить прокламаціи, которыя писалъ и распространялъ технологъ Енишерловъ. Онѣ выходили съ 19 по 24 марта и распространялись имъ по высшимъ учебнымъ заведеніямъ Петербурга и провинціи, а также въ обществѣ въ теченіе марта-апрѣля. Енишерловъ отыскивалъ лицъ, которыя были извѣстны своимъ сочувствіемъ студенческому дѣлу, и, являясь къ нимъ подъ именемъ Гезецкаго, разносилъ свои прокламаціи. Такъ, онъ принесъ «Изложеніе студенческой исторіи» Волховскому, въ бумагахъ котораго эта прокламація была найдена и фигурировала позже въ процессѣ нечаевцевъ [1]). Выясняя въ своихъ показаніяхъ причину безпорядковъ 1869 г., Енишерловъ указывалъ на сочувствіе къ собратьямъ-бѣднякамъ, которыхъ жизнь состоитъ изъ одной безтолковой долбни, дающей отупленному и забитому студенту грошовую субсидію (стипендію), которой лишить можетъ его начальство по произволу. Отсюда вытекала необходимость требованія кассы, контроля за распредѣленіемъ пособій, права сходокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, студенты протестовали противъ «безправныхъ и самопроизвольныхъ отношеній къ нимъ начальства высшихъ учебныхъ заведеній. Въ студенческомъ движеніи Енишерловъ видѣлъ «насущный вопросъ, вполнѣ сознанный и обдуманный». Студенческій вопросъ далъ, по мнѣнію Енишерлова, средство преслѣдовать свою цѣль людямъ двоякаго рода. Къ первымъ относились «литературные инсинуаторы, старающіеся постоянно представлять правительству опасную оппозицію въ лицѣ всего молодого поколѣнія, старающіеся убѣдить общество въ томъ, чему сами не вѣрятъ, заставить смѣшать два различныхъ слова: *студентъ* и *революціонеръ*. Мои прокламаціи явились оппозиціей этимъ писакамъ. Въ нихъ выяснялась истинная цѣль протеста и истинный смыслъ мартовскихъ событій; я доказывалъ безосновательность газетныхъ инсинуацій»... [2]).

Дѣйствительно «Вѣсть», органъ крѣпостническаго дворянства, намекала въ своихъ статьяхъ о студенческихъ безпорядкахъ на ту роль, которую сыграли французскіе студенты-политехники въ революціи 1830 года.—«При помощи прокламаціи,—показывалъ Енишерловъ,—я желалъ заставить общество трезво взглянуть на студенческое дѣло, высказать свое сочувствіе этому дѣлу и тѣмъ способствовать успѣху студенческихъ заявленій. Я желалъ открыть глаза провинціальному студенчеству, чтобы его содѣйствіе придало дѣлу больше значенія и силы. Поэтому разсылалъ свои прокламаціи въ Москву, въ Харьковъ (студентамъ Гурову, Ковалевскому, Кудрявцеву)» [3]).

Къ другому разряду людей, желавшихъ использовать студенческое дѣло, принадлежалъ С. Нечаевъ, желавшій выставить за неимѣніемъ революціонной оппозиція ея призракъ. Енишерловъ думалъ, что прокламаціи, присланныя (впослѣдствіи) Нечаевымъ изъ-за границы, должны были убѣдить (по мысли Нечаева) правительство въ томъ, что лица,

---

[1]) „Прав. Вѣст.“ 1871, № 159, показ. Волховскаго.

[2]) „Прав. Вѣст.“ 1871, № 162.

[3]) Свѣдѣнія для составленія прокламацій Енишерловъ получалъ отъ студ. мед. ак. Кадьяна, Коровацкаго, изъ унив. отъ Левицкаго и др.

подписавшіяся подъ протестомъ въ спискѣ, собранномъ Нечаевымъ (янв. 1869 г.),—его единомышленники, если не сообщники.

Въ своей прокламаціи (повидимому, отъ 23 марта) Енишерловъ сообщалъ, что заключенные въ крѣпости, и особенно посаженные въ части, студенты чувствуютъ себя плохо: такъ, напр., въ комнату для четырехъ посажены 23 чел., на продовольствіе даютъ имъ лишь по 10 коп. въ сутки. Высылаютъ студентовъ цѣлыми партіями; такъ, напр., уволенъ (кромѣ 3 ч.) весь I курсъ ест. факул.

«Какъ же выйти изъ этого положенія»—восклицалъ Енишерловъ. «Мы просили, чтобы намъ дали возможность выйти изъ нашего положенія легальными путями; намъ не дали этой возможности, не дали этого выхода; насъ за это преслѣдуютъ и ссылаютъ. Чего же отъ насъ хотятъ? Не того ли, чтобы мы обратились къ путямъ незаконнымъ?.. Или, быть можетъ, намъ не вѣрятъ, когда мы говоримъ, что положеніе наше невыносимо?..

«Но войдите же, вникните, всмотритесь поглубже и безъ предубѣжденій въ окружающія насъ обстоятельства и вы увидите все, о чемъ мы говоримъ. Мы хотимъ учиться, а у насъ отнимаютъ къ тому всякую возможность! Лучшихъ профессоровъ нашихъ преслѣдуютъ, гонятъ, и мы не можемъ пальцемъ шевельнуть въ ихъ защиту! Студентъ хотѣлъ бы все свое время отдать наукѣ, а между тѣмъ дѣятельность его поневолѣ раздвояется: онъ долженъ зарабатывать себѣ хлѣбъ!.. Для того, чтобы получить стипендію, нужны хорошіе баллы, а имѣть ихъ невозможно при тратѣ времени на добываніе хлѣба. Мы безъ гроша денегъ приходимъ нерѣдко за 200, 300, за 1000 верстъ (есть студенты, пришедшіе пѣшкомъ съ Кавказа)...

«Все это хорошо, скажутъ намъ, но зачѣмъ все-таки шумѣть?.. Развѣ нельзя объясняться съ начальствомъ тихо, вѣжливо, не всѣмъ вдругъ? Мы воспользуемся этимъ предлагаемымъ замѣчаніемъ, чтобы еще разъ поставить на видъ обществу безвыходное положеніе студентовъ. Если объясняется съ начальствомъ одинъ, а прочіе молчатъ, этотъ одинъ необходимо принимается за зачинщика и подстрекателя; итакъ, поневолѣ приходится говорить изъ толпы нѣсколькимъ вдругъ. Но тогда говорятъ, что студенты шумятъ, и преслѣдуютъ ихъ, какъ нарушителей общественнаго спокойствія. Та же исторія и съ прошеніями: коллективныя прошенія воспрещены, а одиночныя объ удовлетвореніи потребностей всѣхъ студентовъ, не исключительно личныхъ, принимаются обыкновенно за подстрекательство товарищей къ безпокойству, за желаніе заниматься общественными дѣлами, вмѣсто того, чтобы учиться.

«Какъ же бытъ?! Какъ быть?! Мы надѣемся, что общество отвѣтитъ намъ на это, не осудивъ нашихъ поступковъ, какъ это сдѣлала пресса; мы надѣемся, что, когда высылаемые «на мѣсто осѣдлости» встрѣтятся съ нашими отцами, матерями, съ нашими родными и знакомыми, то они не спросятъ насъ: «чего намъ нужно? и зачѣмъ мы явились?», но примутъ какъ дѣтей, не утратившихъ ихъ чести» [1])

Какъ мы видимъ, объясненія, данныя Енишерловымъ во время

---

[1]) „Пр. Вѣст." 1871 г., № 163.

слѣдствія по дѣлу нечаевцевъ, старались придать студенческимъ безпорядкамъ меньшее значеніе и не тотъ характеръ, который они имѣли на самомъ дѣлѣ; въ самомъ дѣлѣ, въ прокламаціи самого Енишерлова мы находимъ фразы о профессорахъ, гонимыхъ и преслѣдуемыхъ правительствомъ, что не вполнѣ согласно съ завѣреніями въ его собственномъ и, вообще, студенческомъ аполитизмѣ.

Помимо рукописныхъ прокламацій Енишерлова и другихъ студентовъ, появилась также прокламація *печатная*, сильно встревожившая III-е отдѣленіе. 21 марта прокламація эта прислана была въ редакціи нѣсколькихъ газетъ, разнымъ должностнымъ лицамъ и разбросана около высшихъ учебныхъ заведеній. Безпокойство III отдѣленія было вполнѣ понятно: *печатная* прокламація говорила о томъ, что въ предѣлахъ Россіи снова появился вольный печатный станокъ, который, казалось, былъ навсегда уничтоженъ разными репрессивными мѣрами 1862-3 гг., а также повальными обысками и выемками апрѣля 1866 г. Къ тому же языкъ прокламаціи, насмотря на скромность перечисленныхъ требованій (хотя, конечно, неисполнимыхъ въ самодержавномъ государствѣ), былъ рѣзокъ, обличалъ въ авторѣ несомнѣннаго революціонера. Довольно неожиданно прокламація стала извѣстна широкой публикѣ, благодаря тому, что газета «Вѣсть», не безъ задней мысли напугать правительство и особенно ощество революціонностью тона и требованій студенчества, напечатала эту прокламацію подъ заглавіемъ «Къ обществу!» Содержаніе ея было весьма краткое. «Мы—писали авторы ея,—студенты Медицинской Академіи, Университета, Технологическаго института, Земледѣльческой Академіи, желаемъ:

«1. Чтобы намъ предоставлено было право имѣть кассу, т. е. помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ.

«2. Чтобы намъ предоставлено было право совѣщаться объ нашихъ общихъ дѣлахъ въ зданіяхъ нашихъ учебныхъ заведеній

«и 3. Чтобы съ насъ снята была унизительная полицейская опека, которая съ ученической скамьи налагаетъ постыдное клеймо рабства.

«Начальство на наши требованія отвѣчаетъ закрытіемъ учебныхъ заведеній, противозаконными арестами и высылками. Мы аппелируемъ къ обществу. Общество должно поддержать насъ, потому что наше дѣло—его дѣло. Относясь равнодушно къ нашему протесту, оно куетъ цѣпи рабства на собственную шею. Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ». Прокламація была помѣчена 20-го марта 1869 года.

«Вѣсть», печатая эту прокламацію, нѣсколько усомнилась, чтобы она была написана студентами. Впрочемъ, замѣчала газета, «студентамъ приличнѣе учиться, чѣмъ заниматься самоуправленіемъ; намъ всегда казалось непонятнымъ самоуправленіе несовершеннолѣтнихъ» [1]). Впрочемъ, нужно замѣтить, что «Вѣсть» и самоуправленіе взрослыхъ тоже всегда было «непонятно». Письмо студента-медика, напечатанное

[1]) „Вѣсть“, 1869, 22 мар., передовица.

въ «Вѣсти» отъ 27 марта 1869 г. и написанное, повидимому, академистомъ, съ негодованіемъ отзывалось на прокламацію «Къ обществу», называя авторовъ ея «не студентами, а негодяями, присвоившими себѣ право говорить отъ ихъ имени». Студентъ-медикъ доказывалъ, что студенты имѣли въ Академіи фактически всѣ тѣ учрежденія, которыя нихъ теперь отнимались, и за которыя студенты единственно боролись. Авторъ письма глухо упоминалъ о студенческихъ сходкахъ, допущенныхъ начальствомъ въ 1868 г. въ московскомъ университетѣ на медиц. и на юрид. фак.). Вообще же онъ увѣрялъ, что студенты далеки отъ политики, а прокламацію называлъ «безсмысленной».

Слова прокламаціи объ «унизительной полицейской опекѣ» заставили Трепова откликнуться. Въ № 64 «Вѣдом. С. Петербургской Городской Полиціи» появилось сообщеніе оберъ-полицмейстера о листкахъ, въ которыхъ-де требуютъ кассъ, сходокъ и уничтоженія полицейской опеки. Треповъ заявлялъ студентамъ, что разрѣшеніе ихъ требованій зависитъ отъ надлежащаго начальства; способъ же заявленія ихъ въ видѣ прокламацій—противозаконный и повлечетъ строгія наказанія для виновныхъ. По поводу «опеки» Треповъ писалъ, что, если жалоба студентовъ имѣла въ виду подчиненіе ихъ какой-то особой опекѣ со стороны столичной полиціи, то она лишена всякихъ основаній. Полиція руководится точными предписаніями установленнаго для нея круга дѣйствій, отнюдь не присваивая себѣ права вмѣшательства въ дѣло внутренняго управленія учебныхъ заведеній и, если принимала участіе въ возстановленіи тамъ порядка, то тогда лишь, когда приглашаема была къ тому подлежащимъ начальствомъ. Вообще же Треповъ заявлялъ, что онъ не потерпитъ сходокъ *около* учебныхъ заведеній и не окажетъ студентамъ ни малѣйшихъ послабленій. Понятное дѣло, Треповъ пытался перевести вопросъ на другую почву, чѣмъ студенты, обвинявшіе его не въ томъ, что полиція была введена въ Технологическій институтъ по требованію директора, а въ томъ, что администрація (а въ частности Треповъ) хватала студентовъ, сажала въ тюрьму и ссылала за одинъ лишь фактъ предъявленія требованій. Затѣмъ, полицейской опекой студенты называли всѣ условія подозрительнаго надзора и сыска, въ которыя было поставлено студенчество и въ мирное время, а не только въ моменты безпорядковъ. Такимъ образомъ, ни одна сторона, ни Треповъ, ни студенты не поставили точки на і, не сказали ясно и отчетливо, что требованія студенчества — дать ему, хотя бы въ предѣлахъ университета, право свободныхъ собраній, организацій, свободу слова и неприкосновенность личности—противорѣчатъ основамъ русскаго государственнаго строя.

Тѣмъ временемъ поиски жандармеріи быстро увѣнчались успѣхомъ. Было установлено, что шрифтъ, коимъ напечатана прокламація «Къ обществу», былъ въ типографіи, принадлежавшей студенту Мед. Акад. Серебренникову—личности, по отзыву III отд., весьма неблагонадежной, что Серебренниковъ незадолго передъ тѣмъ уѣхалъ за границу, продавши типографію нѣкоей г-жѣ Дементьевой. Въ виду этого Дементьева была арестована, по подозрѣнію въ печатаніи и распространеніи, а ея женихъ П. Н. Ткачевъ былъ взятъ, по подозрѣнію

въ руководствѣ студенческимъ движеніемъ и составленіи вышеупомянутой прокламаціи. Дементьева созналась въ томъ, что она, дѣйствительно, напечатала въ 40 экз. и распространила прокламацію. Ткачевъ же далъ свои объясненія только на судѣ, пробывши въ предварительномъ заключеніи съ апр. 1869 по 1871 г. включительно [1]).

IV.

Въ объясненіе, почему она напечатала прокламацію «Къ обществу», Дементьева произнесла на судѣ по «дѣлу нечаевцевъ» (1871 г.) рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ. По словамъ одного изъ послѣднихъ, эта рѣчь «въ исторіи русскихъ политическихъ процессовъ должна быть признана первымъ свободнымъ и мужественнымъ словомъ, публично обращеннымъ русской женщиной къ ея политическимъ судьямъ» [2]). По словамъ Дементьевой, она напечатала прокламацію съ цѣлью оправдать студентовъ передъ обществомъ, потому что ихъ справедливыя желанія имѣть собственную кассу и постоянныя сходки объясняли политическими стремленіями. Но студенты *не* имѣли политическихъ стремленій: они собирались чисто изъ своихъ студенческихъ интересовъ. «Я слышала лично отъ студентовъ, видѣла ихъ сходки, бывала на нихъ и слѣдила за дѣломъ съ самаго начала. Они не имѣли возможности оправдаться передъ обществомъ. Газетамъ было запрещено касаться этого вопроса, а между тѣмъ студенты имѣли болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимость сказать слово въ свою защиту, потому что ихъ арестовывали и безъ суда высылали десятками изъ Петербурга». Такимъ образомъ, они лишались образованія, средствъ къ жизни (уроки, заработки и т. п.), исключались изъ учебныхъ заведеній; судьба ихъ была изломана и испорчена. Въ силу этого, не имѣя возможности напечатать въ газетахъ истинное изложеніе своего дѣла, студенты хотѣли сдѣлать это въ прокламаціи.

Затѣмъ, Дементьева пыталась обосновать выставленныя въ прокламаціи требованія изложеніемъ положенія студентовъ: «Я убѣдилась лично, что бѣдность, господствующая въ средѣ студентовъ, и всѣ тѣ обстоятельства и условія, въ которыя они поставлены введеніемъ матрикуловъ, требуютъ большаго сближенія между студентами, чтобы такимъ образомъ они могли поддерживать другъ друга какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ». Причиной желанія устроить кассу взаимопомощи Дементьева считала «крайнюю бѣдность студентовъ» и неправильное распредѣленіе стипендій начальствомъ, иногда по пристрастію, а болѣе по незнанію. «Постоянный страхъ и опасенія лишиться стипендіи вызывали въ студентахъ какое-то лакейство; между тѣмъ, если бы они получали пособія изъ общей кассы, они оставались бы совершенно самостоятельными личностями».

---

[1]) Ему пришлось затѣмъ еще отбывать наказаніе за примѣчанія къ книгѣ Бехера о рабочемъ вопросѣ.

[2]) „Общее Дѣло“, 1886 г. (Женева), № 83.

Кромѣ того, среди студентовъ были такія лица, которыя «стыдились своей бѣдности и скорѣе были готовы переносить всевозможныя лишенія, чѣмъ обращаться съ просьбой о пособіи къ постороннимъ лицамъ, и, такимъ образомъ, оставались безъ средствъ». Но такъ какъ учрежденіе кассы «требуетъ неизбѣжно необходимаго изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ этому предмету и разработки вопросовъ о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ» правленія кассы, «то студенты хотѣли имѣть постоянныя сходки». Затѣмъ, сходки способствовали бы умственному развитію студентовъ, обмѣну студентовъ какъ книгами, такъ и сужденіями о прочитанномъ и т. д. Печатая прокламацію съ требованіями студентовъ, [1]) Дементьева желала оказать имъ посильную помощь [2]).

Что касается Ткачева, то онъ мотивировалъ составленіе прокламаціи слѣдующимъ образомъ: «Послѣ закрытія Медико Хирургической Академіи (вслѣдствіе заявленія студентами извѣстныхъ требованій), въ нѣкоторой части общества стали распространяться темные слухи, будто бы учащаяся молодежь совсѣмъ не нуждается въ просимомъ, а, являясь безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ агитаторовъ, представляется не болѣе какъ игрушкой. Слухи не новые и не оригинальные, замѣчалъ не безъ основанія Ткачевъ. Съ 1861 г. студенты неоднократно обращались къ начальству съ просьбой о разрѣшеніи сходокъ, кассъ и т. п., и въ отвѣтъ имъ пускался въ ходъ одинъ и тотъ же пріемъ. Въ 1861 г. вопросъ о сходкахъ и кассахъ отожествлялся съ увеличеніемъ пожаровъ, затѣмъ съ польскимъ возстаніемъ; въ 1866 г. этотъ вопросъ отнесли, безъ всякихъ околичностей, къ стремленію уничтожить существующій порядокъ». По собственному опыту Ткачевъ очень хорошо зналъ, какъ подобные слухи, будучи оскорбительными для учащейся молодежи, вредятъ ей въ глазахъ администраціи. И когда нѣкоторые студенты технологическаго института и университета обратились къ нему съ просьбой напечатать статью въ журналѣ или газетѣ съ изложеніемъ студенческаго дѣла, то онъ рѣшилъ напечатать прокламацію, ибо вопросъ этотъ находился подъ запретомъ и газета, въ коей сотрудничалъ Ткачевъ, потерпѣла серьезныя непріятности.

Цѣль прокламаціи была, по словамъ Ткачева, въ томъ, чтобы указать на единодушіе учащейся молодежи, на то, что заявленія ея вызваны не какимъ-нибудь мимолетнымъ увлеченіемъ или химерическимъ стремленіемъ, а вытекали изъ самыхъ реальныхъ побужденій; съ другой стороны, нужно было указать, что общество должно относиться къ студенческому движенію съ вниманіемъ, а не индифферентно, такъ какъ отъ этого зависитъ, до извѣстной степени, будущность самого общества. Если условія жизни высшихъ учебныхъ заведеній таковы, что забиваютъ всѣ благородные, безкорыстные мотивы человѣческаго характера, если въ учащихся стремятся развить свое-

---

[1]) Между прочимъ, Дементьева упомянула, что изъ студентовъ приходили къ ней съ жалобами на свое положеніе Чубаровъ и Серебренниковъ (оба скрылись во время безпорядковъ за границу).

[2]) „Прав. Вѣст.“ 1871 г. № 158.

корыстіе, эгоизмъ, разобщеніе интересовъ, то дѣятели эти едва ли могутъ принести обществу существенную пользу. Въ заявленіи студентами ихъ требованій Ткачевъ видѣлъ, быть можетъ, и безсознательное проявленіе безкорыстныхъ мотивовъ человѣческаго характера, хотя и на низшей степени ихъ развитія, въ зачаточной формѣ, но которые при дальнѣйшемъ развитіи, если эти первоначальныя проявленія получатъ должное развитіе, должную пищу при болѣе широкомъ развитіи круга дѣйствій учащейся молодежи, должны будутъ образовать одинъ изъ самыхъ благороднѣйшихъ, самыхъ человѣчныхъ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій, которыя мы называемъ стремленіемъ къ общему благу. Съ этой точки зрѣнія Ткачевъ и смотрѣлъ, по его словамъ, на вопросъ о кассахъ и сходкахъ, *не придавая* ему *политическаго* значенія, который онъ, быть можетъ, имѣлъ въ глазахъ нѣкоторыхъ увлекающихся. юношей, и который придавала ему администрація [1]).

Теперь уже можно утверждать, что Ткачевъ, говоря на судѣ, не договорилъ всей правды. Дѣло въ томъ, что, по свидѣтельству Ралли, Ткачевъ принималъ дѣятельное участіе въ студенческомъ движеніи. Мало того, онъ вошелъ въ комитетъ той группы студенчества, которая въ студенческихъ безпорядкахъ видѣла способъ для выясненія революціонныхъ элементовъ въ средѣ учащейся молодежи и ихъ взаимнаго ознакомленія. Въ этой группѣ принимали участіе и Чубаровъ (повѣшенный въ 1879 г. въ Одессѣ Тотлебеномъ), и Нечаевъ, вниманіе котораго комитетъ обратилъ на работу среди московскаго студенчества, и Ралли, на квартирѣ котораго полиція застала Ткачева, придя арестовать Ралли. Къ этому же кружку принадлежалъ и товарищъ Нечаева, учитель Орловъ, который явился въ началѣ марта изъ Москвы, участвовалъ въ движеніи, и, послѣ закрытія Медико-Хирургической Академіи, уѣхалъ снова въ Москву, оставивши Томиловой записки слѣдующаго содержанія:

1) „Всѣ друзья по дѣлу! Вы, которымъ знакомы имена Нечаева, Ралли, Аметистова и проч., довѣрьтесь во всемъ Томиловой и на кого укажетъ она.
— „Ей переданъ весь планъ нашего дѣла, и чрезъ нее вы найдете и средства и лучшихъ друзей для продолженія нашего дѣла. Орловъ".

2) „Всѣ друзья мои по дѣлу! Вы, которымъ знакомы имена Ралли, Нечаева и друзей ихъ, довѣрьтесь этой г-жѣ, какъ вы довѣряли имъ и довѣряете мнѣ. Ей переданъ весь ходъ дѣла, и черезъ нее вы можете узнать и пользоваться всѣми нашими средствами и всѣми друзьями, которыхъ имѣли мы; я пишу это на случай того, что если я сойду со сцены, то чтобы Вы могли встать въ связь съ тѣмъ, что мы сдѣлали и кого имѣли".

Орлову же поручалъ Нечаевъ, уѣзжая 4-го марта за границу, поддерживать студенческое движеніе въ Петербургѣ [2]). Такимъ образомъ, едва ли можно вѣрить всецѣло заявленіямъ Ткачева на судѣ о томъ, что студенческое движеніе было вполнѣ аполитично. Помимо того, что, объективно, борьба разночинной интеллигенціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ за свободу слова, собраній и организацій

---

[1]) „Прав. Вѣст." 1871, № 159.

[2]) Нужно замѣтить, что Орловъ и зимой 1868—9 г. участвовалъ во всѣхъ сходкахъ на квартирахъ.

вскрывала противорѣчіе этихъ ея требованій государственному строю Россіи, и, субъективно, самъ Ткачевъ и его товарищи стремились, втянувши широкіе слои общества въ борьбу студенчества съ правительствомъ, придать студенческому движенію характеръ борьбы за свободный государственный строй.

Между тѣмъ, студенческое движеніе, несмотря на репрессіи, продолжалось. 22-го марта въ офиціальной газетѣ военнаго министерства «Русскомъ Инвалидѣ» было объявлено распоряженіе о возобновленіи занятій въ Медико-Хирургической Академіи исключительно на V курсѣ. Но и студентамъ-противникамъ забастовки приходилось столкнуться съ протестомъ противъ занятій во имя солидарности всего студенчества.

Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» [1]) сообщалъ, что «участвовавшіе въ безпорядкахъ, но не попавшіе подъ арестъ студенты Медико Хирургической Академіи агитировали, чтобы, даже въ случаѣ общаго возобновленія лекцій, студенты не ходили въ Академію до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены ихъ задержанные товарищи». Эту тактику они выставляли, какъ форму пассивнаго протеста, рекомендуя ее въ «безымянныхъ» (по словамъ того же корреспондента) письмахъ, разсылавшихся студентамъ, не участвовавшимъ въ безпорядкахъ.

Въ университетѣ продолжались 22-го марта еще довольно сильныя волненія, но менѣе шумныя, чѣмъ въ предыдущіе дни. Въ первомъ часу было доложено ректору, что многіе студенты убѣдительно его просятъ еще разъ ихъ выслушать, на что онъ и далъ согласіе и отправился къ нимъ въ сборную комнату, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ. Собравшіеся тамъ студенты, числомъ не менѣе 80, заявили ему, что они никакихъ безпорядковъ далѣе производить не намѣрены, вообще вполнѣ будутъ подчиняться университетскимъ правиламъ, но только просятъ его ходатайства передъ совѣтомъ о томъ, чтобы всѣ они были переспрошены насчетъ происшедшихъ безпорядковъ, такъ какъ всѣ чувствуютъ себя одинаково виновными съ товарищами, преданными суду. На это ректоръ отвѣтилъ студентамъ, что онъ доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія совѣта, но никакъ не ручается за исполненіе выраженнаго ими желанія; кромѣ того, замѣтилъ имъ, что и настоящее ихъ собраніе противозаконно, и, наконецъ, объявилъ, что какъ совѣтъ, такъ и онъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствовались и будутъ неуклонно руководствоваться существующими правилами, общими интересами студентовъ и всего университета. Съ 24-го марта, когда были выставлены два новыя объявленія, одно отъ совѣта, другое отъ ректора, всякія движенія студентовъ въ зданіи университета прекратились [2]).

Несмотря на это, репрессіи продолжались. 24 марта инспекторъ студентовъ представилъ дополнительный списокъ студентовъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ 24-го мар. Всѣ они, числомъ 15, были приглашены въ правленіе универс., которое одного изъ нихъ

---

[1]) Отъ 27 марта 1869 г., № 67.

[2]) „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1869 г., т. 142, Совр. лѣтопись, 97 – 8.

признало невиновнымъ, 12 человѣкамъ сдѣлало строгій выговоръ и двумъ предложило подать прошеніе объ увольненіи изъ университета.

«Какъ ни важны и ни прискорбны безпорядки, произведенные въ университетѣ, заявлялъ авторъ официальнаго отчета, нельзя однако же не замѣтить, что изъ 950 студ. принимали участіе (по подсчету автора) никакъ не болѣе 150 или, по большей мѣрѣ, 180 студ., да и изъ нихъ многіе дѣйствовали подъ вліяніемъ лишь *миновеннаго* увлеченія, руководясь *ложно* (!) понятыми правилами товарищеской солидарности». Затѣмъ казенный писатель считалъ долгомъ воздать хвалу профессорамъ и преподавателямъ, «которые дѣйствовали съ полнымъ единодушіемъ, являясь въ университетъ съ ранняго утра и оставаясь въ немъ до времени, когда кончаются лекціи», при чемъ даже и въ самый разгаръ волненій находились студенты, посѣщавшіе лекціи.

Авторъ отчета приводилъ статистику засѣданій университетскаго суда, которыхъ было восемь (четыре утреннихъ и четыре вечернихъ, по любезному сообщенію автора), при чемъ суду подвергся 81 студентъ. Въ итогѣ, исключены были, съ лишеніемъ права поступить куда бы то ни было, 13 чел.; совершенно уволены изъ петербургскаго университета 19 чел., и на одинъ годъ 4 ч., предложено подать прошеніе объ увольненіи 2-мъ; итого удалено 38 студ. Присуждены къ 7 днямъ ареста 9 чел., сдѣланъ выговоръ 17-ти. Такъ «умиротворяли» профессора взволнованную молодежь.

Кромѣ того, были приняты профессорами мѣры и «моральнаго» воздѣйствія на студентовъ. Такъ, 24 марта появилось въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» [1]) слѣдующее обращеніе «нѣкоторыхъ профессоровъ» къ студентамъ. Написано оно было въ довольно категорической формѣ. «Сходки,—полагали «нѣкоторые» г-да профессора,—такъ же, какъ просьбы о дозволеніи ихъ, незаконны.

По требованію закона, студенты, его нарушающіе, подвергаются университетскому суду. Студенты ли могутъ желать, чтобъ въ университетѣ обходили законы?

„Настаивая на своихъ просьбахъ, они опять ведутъ часть своихъ товарищей къ исключенію, увольненію и пр.: упорство можетъ вызвать еще большія бѣдствія.

„Студенты ли ихъ навлекутъ на университетъ?

„А что затѣмъ?

„Затѣмъ лишній поводъ къ упреку молодости и прогрессу, знанію и свѣту, торжество невѣжества и обратнаго движенія!

„Студенты ли помогутъ этому? Имъ ли въ томъ выгода, ихъ ли это убѣжденіе? Нѣтъ ли выгоды въ продолженіи безпорядковъ *другимъ?* [2])

„Пусть подумаютъ, остановятся и, работая наукѣ, содѣйствуютъ спокойному, но вѣрному движенію русскаго народа впередъ. Недоброжелатели студентовъ ждутъ безпорядковъ, какъ своего торжества.

„Этого ли хотятъ студенты?"...

Къ сожалѣнію, мы не могли выяснить, чьему перу принадлежало это «увѣщаніе». Г-да профессора дипломатично умалчивали о томъ, какія же, въ сущности, требованія, столь ужасныя и противозаконныя

---

[1]) „СПБ. Вѣд.", 1869, № 82.

[2]) *Курсивъ мой. С. Св.*

были предъявляемы студентами. За то они считали возможнымъ намекнуть на *другихъ*, которымъ-де «выгодны» безпорядки. Хорошую оцѣнку нашли студенческіе безпорядки и дѣйствія профессоровъ въ «Народномъ Дѣлѣ» [1]) въ ст. «Студенческія дѣла и профессорско-полицейскіе безпорядки (10 апр. 1869 г.)». «И теперь,—писалъ авторъ статьи, какъ въ 1861 г., молодежь хотѣла учиться и не чахнуть съ голоду, и теперь, какъ и тогда, тѣ сумасброды не поймутъ, что тутъ опять подымается самый грозный вопросъ, общечеловѣческій вопросъ всемірнаго пролетарія, требующаго знанія и хлѣба; вопросъ, который, когда его не удовлетворяютъ и преслѣдуютъ, затрагиваетъ рѣшительно всѣ живые, насущные интересы и способенъ не остановиться ни передъ какими угрозами борьбы и битвы!..» Авторъ полагалъ, что до тѣхъ поръ, пока правительство не уничтожитъ, вообще, просвѣщенія въ Россіи,—«*вслѣдъ за образованіемъ* всегда будетъ итти стремленіе къ свободѣ, къ свободѣ охватывающей всѣ народныя массы, и потому къ соединенію молодыхъ образованныхъ группъ съ народомъ для общаго, *организаціоннаго* подготовленія и дѣйствованія». Авторъ подчеркивалъ слова «*вслѣдъ за образованіемъ*», ибо думалъ, что «молодыя силы вовсе не хотѣли и прежде, какъ и теперь, конечно, не хотятъ, бросать студентской скамьи и еще болѣе студентскаго коридора для того, чтобы *спѣшить дѣйствовать на практической почвѣ*».

«Юноши,—думалъ авторъ, разрѣшая вопросъ о «наукѣ *или* жизни» въ пользу науки,—юноши даже изъ груды гнилой чуши умѣютъ извлекать живое поученіе, хотя бы оно было совершенно отрицательное, только наталкивало на исканіе самостоятельнаго знанія и пріобрѣтеніе знанія... И вотъ, второй уже разъ, менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ, прерываютъ занятія этого юношества самымъ гнуснымъ, самымъ воровскимъ образомъ. И послѣ того благородное образованное общество удивляется революціоннымъ проявленіямъ и ропщетъ на реакцію, будто бы вызванную мятежными юношами, не понимая, что мятежные юноши, лишенные всѣхъ средствъ и путей для правильнаго движенія, вынуждаются на ускоренное шествіе, уже въ силу самой простой и естественной обороны. Или благородное общество воображаетъ, что кары и лишенія, заключенія и ссылки могутъ проходить безнаказанно, не вызывая мщенія, не зовя людей на борьбу противъ «виновниковъ всѣхъ смутъ и волненій», т. е. правительственныхъ властей?.. «Или кто-нибудь, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что юношамъ пріятнѣе тѣшиться мелкими демонстраціями, что у нихъ не нашлось-бы другого, болѣе строгаго и въ глубь идущаго дѣла?»

Затѣмъ авторъ переходилъ къ «прокламаціи» *нѣкоторыхъ* профессоровъ, не подписавшихся подъ своимъ воззваніемъ, высказывая предположеніе, что «прокламацію» составляли тѣ же профессора, которые написали и «историческую записку петерб. унив.», читанную на юбилейномъ актѣ. «Кто изъ васъ лжетъ, г-да профессора?» спрашивалъ авторъ. «Писатели прокламаціи, или писатели-ораторы юбилейнаго торжества? Какимъ образомъ вы обвиняете теперь студентовъ въ желаніи произвести невѣжество, тѣхъ самыхъ студентовъ, про

[1]) № 4-5-6, Май 1869 г., с. 77 и слѣд.

которыхъ вы оповѣщали на весь міръ, что уже на II-мъ курсѣ они въ научныхъ познаніяхъ стоятъ, почитай, выше всѣхъ западныхъ ученыхъ? (*Историч. Зап.*). Или въ одинъ мѣсяцъ всѣ ихъ знанія забыты и они опять обратились въ мятежныхъ мальчишекъ? Или людямъ, стоящимъ выше западныхъ ученыхъ, требуется ваша указка и ваши пастырскія увѣщанія? Или мало еще надували вы съ вашими пастырскими увѣщаніями?».. Тутъ авторъ напоминалъ объ обѣщаніи проф. Андреевскаго, данномъ передъ юбилейнымъ актомъ,—миролюбиво исполнить ихъ требованія, данномъ и не исполненномъ.

Въ отвѣтъ на обвиненіе, что студенты хотятъ-де «произвести невѣжество», и на совѣты «служить народу знаніемъ», авторъ приводилъ рядъ примѣровъ правительственнаго гоненія на просвѣщеніе. «И во всемъ этомъ студенты виноваты?»—спрашивалъ авторъ статьи. «И не васъ, г-да ученое сословіе, слѣдуетъ бить за то, что, обирая народъ своими окладами, засѣдая во всяческихъ ученыхъ совѣтахъ и учебныхъ комитетахъ, вы ничего, кромѣ пакостей, рѣшительно ничего не дѣлали долгіе годы?! Вы просили пощады въ 1862 г., вы плакались на судьбу бѣдныхъ юношей, надломленныхъ и погибшихъ по наущенію мятежныхъ коноводовъ. Вы довели до того, что коноводы ушли въ Сибирь и ссылки, вы кричали, что мятежники виноваты въ реакціи, будто связавшей вамъ руки для либеральной дѣятельности. Съ тѣхъ поръ семь долгихъ лѣтъ прошло; никакихъ исторій въ петербургскомъ университетѣ не было, что же вы сдѣлали съ тѣхъ поръ?... Вы ничему не научились и вы все позабыли, кромѣ своихъ лживыхъ фразъ и гнусныхъ клеветъ. Вотъ вы опять доносите на противузаконіе, на демонстраціи... Вы совершенно забыли, что вамъ говорили въ 1862 г. о демонстраціяхъ и о потребности развитія для васъ: «Прошедшія событія должны служить урокомъ для людей, которые думаютъ, что демонстраціи вредны; эти люди должны предотвращать такія обстоятельства, изъ которыхъ рождаются демонстраціи. О, если бъ эти люди пріобрѣли, хоть на половину столько самообладанія и благоразумія, сколько имѣютъ студенты, тогда, конечно, не было бы никакихъ сходокъ»...

Это были слова изъ статьи Чернышевскаго «Научились ли?» [1]) Не менѣе удачно цитировалъ для гг. профессоровъ авторъ статьи и одно изъ заявленій Интернаціонала: «Каково бы ни было ваше осужденіе, мы завтра будемъ дѣлать то же самое, что дѣлали и сегодня; въ этомъ нами руководитъ не ненависть, не духъ возмущенія, а сознаніе нашего права. Мы отнынѣ имѣемъ притязаніе сами управлять всѣми нашими дѣлами; и у насъ только осталось одно средство выйти изъ несноснаго положенія—это нарушать законы, чтобы вы знали, что то—негодные законы»...

Прекращенію безпорядковъ способствовали не лицемѣрно-елейныя увѣщанія «нѣкоторыхъ» г-дъ профессоровъ, а тѣ мѣры суровой репрессіи, которыя были примѣнены къ студентамъ. Такъ какъ медико-хирургическая академія продолжала пребывать (съ цѣлью «усмиренія») въ военномъ вѣдомствѣ, то для суда надъ медиками и была

---

[1]) „Соврем.“ 1862 г., IV.

назначена *военно*-слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ президента академіи, т. сов. Козлова, изъ профессоровъ: акад. Зинина, Чистовича и Юнге, изъ двухъ флигель адъютантовъ и полицмейстера, полк. Сверчкова. [1]) Комиссія раздала арестованнымъ студентамъ вопросные пункты, на которые получила, по большей части, отвѣты въ томъ родѣ, что ни зачинщиковъ, ни подстрекателей не было, а всему виной инспекторъ, полк. Смирновъ [2]). Впрочемъ, приговоръ комиссіи былъ уже заранѣе предрѣшенъ тѣми характеристиками, которыя представила о подсудимыхъ инспекція академіи, т. е. тотъ же полк. Смирновъ. Всѣ студенты, которымъ вынесенъ былъ обвинительный приговоръ, раздѣлены были на 4 разряда: первый разрядъ (чел. 6) былъ исключенъ безъ права поступать въ какое бы то ни было высшее учебное заведеніе; второй разрядъ уволенъ съ правомъ поступленія черезъ годъ въ другія высш. учебн. заведенія; третій разрядъ уволенъ съ позволеніемъ поступить немедленно въ другія высш. учебн. заведенія; и, наконецъ, четвертый разрядъ присужденъ былъ къ 7 недѣлямъ (?) тюремнаго заключенія. Всего было удалено изъ академіи чел. 23, да къ аресту присуждено чел. 12. Вл. Ив. Ковалевскій, показывая на судѣ о количествѣ высланныхъ изъ Петербурга студентовъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, опредѣлялъ его приблизительно въ 100 чел. [3]) Дѣйствительно, въ силу ли «сердечнаго соглашенія» между учебнымъ начальствомъ и полиціей, по правиламъ 1867 г., или по желанію Трепова (точнѣе III-го отд.), всѣ студенты, удаленные хотя бы на короткое время изъ учебныхъ заведеній были арестованы и высланы на родину. Нѣкоторымъ пришлось пробыть въ этой административной ссылкѣ по нѣсколько лѣтъ.

Во время безпорядковъ были разосланы въ разные университетскіе города делегаты отъ петербургскаго студенчества съ просьбой о поддержкѣ. Такъ, въ Москву направился лѣсникъ В. И. Ковалевскій, вошедшій тамъ въ сношенія съ тѣми студентами университета и Петровской академіи, которымъ суждено было къ зимѣ того же года подвергнуться аресту по дѣлу «Народной Расправы». Миссія делегатовъ оказалась безуспѣшной: оправдались предсказанія Волховскаго, что провинціальное студенчество далеко еще не готово къ выступленію. Не помогли также и прокламаціи Енишерлова, посланныя въ Харьковъ. Все тихо было и въ Одесскомъ университетѣ [4]). Что касается Кіевскаго университета, то о немъ появилась въ началѣ апрѣля (1869 г.) замѣтка въ газ. «Кіевлянинъ» [5]), въ № 36, которая, «по поводу недавнихъ печальныхъ явленій въ средѣ петербургской учащейся молодежи», сообщала, что «со стороны виновниковъ безпорядковъ сдѣланъ былъ призывъ къ студентамъ университета св. Владимира принять участіе въ противозаконномъ заявленіи. Но призывъ этотъ не нашелъ отклика въ кіевскихъ студентахъ, за исключеніемъ весьма немногихъ отдѣльныхъ личностей, которыхъ попытки къ согла-

---

[1]) „Вѣсть“ 1869, 25 мар.
[2]) „Былое“ 1907, IX, 291.
[3]) „Прав. Вѣст.“, № 161.
[4]) „Прав. Вѣстн.“ № 161, показ. Михайлова.
[5]) Цит. по газ. „Вѣсть“, 4 апр.

шенію [1]) не могли проявиться подъ вліяніемъ общаго несочувствія и заранѣе принятыхъ мѣръ». Въ ред. «Кіевлянина» была даже прислана статья отъ группы студентовъ, которая высказывалась противъ безпорядковъ. 29 мар. 1869 г. ректоръ Кіевскаго университета Матвѣевъ обратился къ студентамъ съ предупрежденіемъ [2]), а въ «Москов. Вѣдом.» мы находимъ воззваніе совѣта профессоровъ Кіевскаго университета [3]). Совѣтъ заявлялъ, что «ждетъ отъ студентовъ, что они останутся въ сторонѣ отъ подобныхъ движеній и тѣмъ предупредятъ несчастныя послѣдствія и докажутъ на дѣлѣ, что они выше всего ставятъ научныя цѣли и дѣйствительное благо университета».

Интересныя свѣдѣнія объ этомъ моментѣ въ исторіи кіевскаго студенчества мы находимъ у пр. М. П. Драгоманова, читавшаго тогда лекціи въ Кіевѣ [4]). Драгомановъ приписывалъ возникновеніе студенческихъ волненій кружку Нечаева, который, по словамъ Драгоманова, распространялъ среди молодежи вѣсть, что въ З. Европѣ 2.000,000 интернаціоналистовъ готовы возстать и поддержать соціальную революцію въ Россіи. «Но для начала этой революціи нечаевцы подбивали студентовъ требовать корпораціонныхъ правъ и учрежденій: кассъ, сходокъ, столовыхъ». Какъ мы видѣли выше, Драгомановъ ошибался, думая подобнымъ образомъ: Нечаевъ и его товарищи весной 1869 г. только пытались революціонизировать студенческое движеніе, имѣвшее корни въ самой жизни.

«Имѣя земляковъ и пріятелей среди студентовъ,—продолжаетъ Драгомановъ,—я хотя и радовался пробужденію движенія молодежи послѣ сна, который овладѣлъ ею послѣ 1863 г., но старался всячески противодѣйствовать студенческому политиканству, какъ совершенно безплодному. Я совѣтывалъ студентамъ никакихъ демонстрацій не дѣлать, ни о какихъ корпораціяхъ петицій не подавать, (такъ какъ ничего изъ того не вышло бы, кромѣ ни для чего ненужныхъ исключеній и ссылокъ), а просто устроить себѣ кружки и корпораціи и при этомъ, главнымъ образомъ, для самообразованія и для изученія своей родины (по провинціямъ); вообще же я совѣтовалъ студентамъ смотрѣть на себя не какъ на дѣятелей, а какъ на приготовляющихся къ дѣятельности и пока не считалъ для студентовъ полезнымъ браться за какую-либо общественную работу, кромѣ пробъ обученія рабочихъ въ маленькихъ частныхъ школахъ (по необходимости тайныхъ). Я былъ очень доволенъ, что кіевскіе студенты послѣ долгихъ споровъ рѣшили никакихъ петицій о студенческихъ корпоративныхъ правахъ не подавать, но съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, что заведенныя и въ Кіевѣ тайныя студенческія корпораціи занялись болѣе кассами, столовою, чѣмъ самообразованіемъ и изученіемъ своей страны.

«Однако, съ этого времени въ Кіевѣ образовалось нѣсколько кружковъ и съ такими цѣлями. Въ одинъ изъ нихъ приглашенъ

---

[1]) Очевидно, попытки собрать сходку.
[2]) „Вѣсть“, 10 апр.
[3]) „М. Вѣд“. 1869, № 77.
[4]) *М. Павликъ*. „М. П. Драгомановъ. (1841—1895) Его юбилей, смерть, автобіографія и спис. его творів“. Львів, 1896, с. 349—351; см. также „Былое“, 1906, VI, Автобіогр. М. П. Др., с. 191—2.

былъ и я и прочелъ тамъ рефератъ «О положеніи женщины въ украинской народной семьѣ». Послѣ этого реферата я имѣлъ интересное столкновеніе съ петербургскимъ делегатомъ, поднявшимъ въ кружкѣ вопросъ о женщинѣ. Делегатъ укорялъ меня, зачѣмъ я говорю объ Украйнѣ, какъ о чемъ-то особенномъ, когда въ Россіи теперь настаетъ вопросъ «о соединеніи силъ для борьбы съ общимъ врагомъ», т. е. съ правительствомъ» [1]). Кромѣ Драгоманова, читалъ, между прочимъ, въ студенческихъ кружкахъ рефераты и Зиберъ, недавно передъ тѣмъ кончившій университетъ, вскорѣ профессоръ. Читалъ онъ свое изложеніе «Капитала» Маркса.

Интересно, что и Вл. Дебагоріо-Мокріевичъ, который былъ студентомъ Кіевскаго университета конца 60-хъ годовъ, также отмѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]), что «первое пробужденіе и оживленіе студенческой среды стало замѣчаться осенью 1868 г. Насколько помнится, дѣло началось съ устройства кассы *самопомощи* и кухмистерской. Кассовая организація составлена была изъ кружковъ, представители которыхъ въ извѣстное время собирались для выдачи пособій своимъ нуждавшимся членамъ, а также для принятія рѣшеній по разнымъ организаціоннымъ вопросамъ...» Въ началѣ 1869 г. въ Кіевскій университетъ стали опредѣляться уволенные за безпорядки изъ Петербургскаго университета и Медико-Хирургической Академіи, и этотъ элементъ еще болѣе оживилъ кіевское студенчество. Стали зарождаться литературные кружки. Въ скоромъ времени кухмистерская заняла центральное положеніе среди другихъ студенческихъ учрежденій; въ ней собирались для обсужденія всѣхъ интересовавшихъ студенчество вопросовъ. Такъ, около этого времени произошелъ рядъ бурныхъ собраній по еврейскому вопросу, который и тогда уже начиналъ волновать умы юдофобовъ. Устроена была также и студенческая библіотека, безъ разрѣшенія начальства. Дебагоріо-Мокріевичъ даетъ также удовлетворительное объясненіе факта, непонятнаго Драгоманову: «студенческая масса, въ большинствѣ, состояла изъ сыновей мелкихъ помѣщиковъ, чиновниковъ, священниковъ. *Общая нужда* вызывала потребность въ организаціи кассъ и кухмистерскихъ, вызывала сожительство товарищескими кружками» и т. д. Полупролетарское существованіе студенческой массы способствовало, по словамъ Дебагорія-Мокріевича, распространенію въ ея средѣ соціалистическихъ ученій; но въ 1869 г. Кіевскій университетъ остался незатронутымъ «безпорядками».

Итакъ, студенческое движеніе 1869 г. было разбито. Прежде чѣмъ подвести итоги этого движенія, упоминаемъ о тѣхъ мѣрахъ полицейско-педагогической профилактики, которыя были предприняты правительствомъ (и, особенно, мин. нар. просв. граф. Д. Толстымъ) противъ студенчества. Историческая записка, составленная въ 1881 г., повидимому, В. К. Плеве отъ имени особой комиссіи [3]), сооб-

---

[1]) Сущность своего спора съ делегатомъ петерб. студенчества Драгомановъ изложилъ въ ст. „Историческая Польша и великорусская демократія“ см. также брош. Драг. „Великорусскій интернаціоналъ и польско-украинскій вопросъ“, Казань, 1907 г., с. 11.

[2]) „Воспом.“, 1907, Спб., с. 35—6.

[3]) „Былое“, 1907, IX, 216.

щаетъ, что безпорядки 1869 г. были «самые безобразные», особенно въ виду того, что вспыхнули вслѣдъ затѣмъ, какъ петерб. университетъ «былъ осыпанъ щедротами и милостями Монарха» по случаю 50 л. юбилея. По случаю, именно, этихъ безпорядковъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, образованъ особый комитетъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. Делянова, «для обсужденія мѣръ къ отвращенію на будущеее время разнообразія дисциплинарныхъ правилъ, существующихъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ».

Выработанныя этимъ комитетомъ и высочайше утвержденныя 8-го іюня 1869 г. правила клонились къ тому, чтобы: 1) затруднить переходъ изъ однихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ другія, съ каковою цѣлью постановлено было подвергать переходящихъ повѣрочному испытанію и требовать о каждомъ изъ нихъ подробныхъ свѣдѣній посредствомъ частныхъ сношеній съ прежнимъ ихъ начальствомъ; 2-а) соблюдать при испытаніяхъ переводныхъ и окончательныхъ всѣ постановленныя для нихъ правила безъ малѣйшаго послабленія; б) совѣтамъ университетовъ обсудить мѣры для привлеченія студентовъ къ научнымъ работамъ подъ руководствомъ преподавателей; в) разрѣшить литографированіе лекцій только самимъ преподавателямъ; г) оставлять на одномъ и томъ же курсѣ не болѣе 2 лѣтъ и то не болѣе 2 разъ въ продолженіе всего ученія; д) отлучающихся изъ города безъ разрѣшенія начальства увольнять вовсе изъ заведенія; е) обсудить ближайшимъ начальствамъ, не слѣдуетъ ли большую часть суммъ, назначенныхъ на пособія, стипендіи и преміи, предоставлять учащимся, достойнымъ того по поведенію и успѣхамъ; ж) при освобожденіи отъ платы, отсрочкѣ оной, назначеніи пособій и стипендій обращать самое тщательное вниманіе на успѣхи учащихся и ихъ поведеніе; замѣчанія, выговоры и др. взысканія заносить инспекціи въ особую книгу, съ тѣмъ, чтобы отмѣтки эти имѣли вліяніе при предоставленіи учащимся разныхъ льготъ; з) при зачисленіи постороннихъ слушателей въ студенты и при пріемѣ вновь въ студенты уволенныхъ обращать особенное вниманіе на прежнее ихъ поведеніе и и) не оставлять длинныхъ промежутковъ между лекціями и печатать въ протоколахъ или же представлять центральнымъ управленіямъ вѣдомости о числѣ пропущенныхъ каждымъ преподавателемъ лекцій.

Комитетъ, по мнѣнію д. с. с. Георгіевскаго, руководился мыслью, что студенческимъ безпорядкамъ былъ бы положенъ конецъ, коль скоро удалось бы водворить въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ серьезное ученіе, серьезныя занятія науками, въ томъ числѣ и болѣе самостоятельныя подъ непосредственнымъ руководствомъ преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены высшія мѣры взысканія: а) увольненіе на годъ съ правомъ немедленно поступать въ высш. учебныя заведенія другого города; б) удаленіе на годъ и на два безъ сего права; и в) исключеніе съ тѣмъ, чтобы въ теченіе 3 лѣтъ не принимать никуда, а затѣмъ не иначе, какъ подъ отвѣтственностью учебнаго начальства, рѣшившагося на пріемъ исключеннаго, и съ разрѣшенія главнаго управленія, которому подвѣдомо принимающее учебное заведеніе. Лишеніе или уменьшеніе стипендій, пособій и льготъ могло служить

для пользующихся ими мѣрою взысканія, назначаемою или отдѣльно или совокупно съ другимъ взысканіемъ [1]).

Такимъ образомъ, дѣятельность правительства продолжалась въ томъ же направленіи, которое установилось съ мая 1861 г., а именно въ направленіи репрессій противъ молодежи и безпощадной борьбы со всѣми попытками организаціи въ студенческой средѣ.

Репрессіи выразились также въ томъ, что министръ юстиціи установилъ новое, совершенно противозаконное, ограниченіе правъ бывшихъ студентовъ, пострадавшихъ за безпорядки. «Значительная часть лицъ, слушающихъ юридическій курсъ въ университатахъ,—сообщало въ маѣ министерство юстиціи [2]), — поступаютъ въ вѣдомство министерства юстиціи и, по преимуществу, получаютъ назначеніе на должности судебныхъ слѣдователей. Имѣя въ виду тѣ безпорядки, какіе обнаружились за послѣднее время въ нѣкоторыхъ университетахъ, и озабочиваясь охраненіемъ судебнаго вѣдомства отъ вторженія въ него такихъ лицъ, которыя не сознаютъ должнаго уваженія къ закону, составляющаго непремѣнное условіе (*чего?*) особенно для каждаго судебнаго дѣятеля, министерство юстиціи впредь будетъ принимать на службу по судебному вѣдомству только тѣхъ окончившихъ курсъ студентовъ, которые представятъ удостовѣреніе въ томъ, что въ бытность свою въ университетѣ они не принимали никакого участія въ противозаконныхъ проявленіяхъ, обнаруживающихъ неуваженіе къ закону или къ установленнымъ властямъ и правиламъ». Нужно ли добавлять, что этотъ противозаконный циркуляръ продолжаетъ примѣняться до сихъ поръ.

Предсѣдатель ученаго комитета мин. нар. просв. при Толстомъ, Деляновѣ и Боголѣповѣ, д. с. с. Георгіевскій, который былъ участникомъ почти всѣхъ особыхъ комиссій, вырабатывавшихъ мѣры для борьбы со студенческимъ движеніемъ, составляя въ 1890 г. секретный обзоръ правительственныхъ мѣропріятій противъ студенчества (цитированный выше), выразилъ удивленіе, что и правила 1869 г. не могли удержать студенчество отъ безпорядковъ, которые разразились снова въ 1874 г. Въ самомъ дѣлѣ, правительство сдѣлало очень много: желая разобщить студенчество разныхъ учебныхъ заведеній, оно поставило всевозможныя преграды для перехода студентовъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, затруднило студентамъ даже самыя отлучки изъ города (опасаясь, повидимому, посылки делегатовъ изъ одного города въ другой); желая, по возможности, сдѣлать неосуществимымъ близкое общеніе студентовъ между собой въ моменты междулекціоннаго перерыва, правительство употребило воздѣйствіе на преподавателей, чтобы уменьшить число пропускаемыхъ лекцій и сократить промежутокъ между лекціями. Правила о раздачѣ стипендій за прилежаніе и благонамѣренность, противъ которыхъ особенно возставало студенчество, съ 1869 г. были усугублены. Наконецъ, подобно

---

[1]) *А. И. Георгіевскій.* „Краткій очеркъ правит. мѣръ и предначертаній противъ студен. безпорядковъ". Въ извлеченіи изданія „Своб. Мысли" „Мат. по ист. студ. движ.", вып. I, 1906, с. 78.

[2]) „Спб-скія Вѣдом." 1866, № 131, 14 мая.

тому, какъ въ гимназіяхъ гр. Толстой ввелъ систему занятій, при которой учащійся былъ заваленъ работой, не только въ гимназіи, но и дома, точно такъ же и по отношенію къ студентамъ предписано было усилить всякія практическія занятія и т. п. И тѣмъ не менѣе, студенты остались недовольны, тѣмъ не менѣе они продолжали протестовать.

Установившаяся съ 1869 г. практика ссылать административнымъ порядкомъ всѣхъ замѣшанныхъ въ студенческомъ движеніи, а также преграды, воздвигнутыя гр. Толстымъ, для возвращенія въ учебныя заведенія студентамъ, однажды оттуда исключеннымъ, принесли неожиданные для правительства результаты. Уже въ 1882 г. въ одной изъ безчисленныхъ комиссій по поводу студенческихъ безпорядковъ тогдашній директоръ департамента полиціи, а потомъ мин. вн. дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве, въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ положеніе увольняемыхъ изъ университета за безпорядки студентовъ:

«Эти уволенные,—писалъ Плеве,—являютъ собой главный контингентъ, изъ котораго крамола вербуетъ своихъ дѣятелей: безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и неминуемо слѣдующія за ними болѣе или менѣе многочисленныя изъ нихъ исключенія представляютъ какъ бы рекрутскій наборъ, производимый крамолой въ рядахъ учащейся молодежи. Въ бездѣйствіи, нуждѣ и лишеніяхъ, исключенные изъ учебныхъ заведеній молодые люди, жизнь которыхъ оказывается разбитою въ самомъ ея началѣ, ожесточаются противъ всего общественнаго и государственнаго строя, и изъ нихъ тѣ, которые только склонялись прежде къ ученіямъ крамолы, теперь вполнѣ проникаются ими, при чемъ подвергшіеся административной ссылкѣ уже въ мѣстахъ оной начинаютъ оказывать вредное вліяніе на мѣстное населеніе, а по возвращеніи изъ ссылки, если снова успѣютъ проникнуть въ высшія учебныя заведенія, становятся дѣятельными агентами тайныхъ обществъ и въ ихъ духѣ дѣйствуютъ среди своихъ товарищей, растлѣвая ихъ умственно (!) и подстрекая ихъ ко всякаго рода безпорядкамъ». По заявленію того же Плеве, «судебно-полицейская статистика свидѣтельствуетъ, что безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, происходившіе въ 1861 г., подготовили Каракозовцевъ, а безпорядки 1869 г. и послѣдующихъ лѣтъ—тѣхъ лицъ, которыя судились по, такъ наз., процессу 193-хъ» [1]).

Плеве былъ, несомнѣнно, правъ, констатируя фактъ перехода многихъ участвовавшихъ въ студенческихъ безпорядкахъ къ участію въ революціонной борьбѣ. Такъ, изъ участниковъ «исторіи» 1869 г. можно указать на З. Ралли, который сыгралъ видную роль въ русскомъ анархическомъ движеніи за границей, на С. Чудновскаго, участника безпорядковъ въ 1872 г. въ Одесскомъ университетѣ, привлеченнаго затѣмъ по процессу 193-хъ, на Кадьяна, арестованнаго въ 1877 г. въ Самарѣ, на Л. Гольденберга и др., не говоря уже о тѣхъ лицахъ, которыя были привлечены къ, такъ наз., «нечаевскому» процессу. Здѣсь умѣстно также замѣтить, что Ткачевъ за составленіе прокламаціи «Къ обществу», а Дементьева за ея напечатаніе и рас-

[1]) Цит. кн. Георгіевскаго, с. 2—3.

пространеніе были приговорены судебной палатой: первый на 1 годъ 4 мѣс., а вторая на 4 мѣсяца, не считая болѣе 2 лѣтъ предварительнаго заключенія. Самая же прокламація признана была заключающей въ себѣ «отзывъ оскорбительный и направленный къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и оправданію воспрещенныхъ ими дѣйствій». Цѣль дѣйствій Ткачева и Дементьевой заключалась въ томъ, чтобы «возбудить неуваженіе къ правительственнымъ распоряженіямъ и установленіямъ».

Безпорядки 1869 г. не могли получить въ русской печати ни полнаго изложенія, ни должной оцѣнки вслѣдствіе цензурныхъ предупредительныхъ мѣръ министерства внутр. дѣлъ. Впрочемъ, «Вѣсть» воспользовалась безпорядками съ тою цѣлью, чтобы лишній разъ поговорить о баррикадахъ, переворотахъ и т. п. ужасахъ, которые - де явятся въ результатѣ студенческаго движенія. На эти обвиненія горячо возражалъ въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» бывшій попечитель петерб. учебнаго округа, кн. Щербатовъ, указывая на то обстоятельство, что студенческіе безпорядки возникаютъ отъ уничтоженія тѣхъ правъ студентовъ, которыя признавались въ его попечительство [1]), и не имѣютъ политическаго характера.

Катковъ отозвался на эти безпорядки статьей [2]), въ которой выражалъ мысль, что самые безпорядки не имѣютъ важности въ его глазахъ, но они, говорилъ онъ, «свидѣтельствуютъ о совершающейся на нашихъ глазахъ гнусной махинаціи»... «Не боясь ошибиться, полагалъ Катковъ, можно уже догадываться, какимъ дѣятелямъ служатъ орудіемъ сбитые съ толку молодые люди». Онъ ссылался на слухи о прекращеніи лекцій въ Московской Петровской академіи и въ Петербургскомъ университетѣ, оказавшіеся (?) ложными, на сообщавшіяся «Современными Извѣстіями» свѣдѣнія о томъ, что «еще прежде происшествія въ Медико-Хирургической Академіи ходили уже глухіе слухи о чемъ то готовящемся среди молодежи» [3]). Катковъ спрашивалъ, кому же нужно было преувеличить значеніе и размѣры студенческихъ безпорядковъ, и отрѣчалъ, что для него внѣ сомнѣній, что «иниціатива и самихъ безпорядковъ и слуховъ о нихъ возникла внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній»... «Восемь лѣтъ тому назадъ Петербургскій университетъ былъ временно закрытъ вслѣдствіе безпорядковъ, возбужденныхъ польскимъ вліяніемъ. *Голосъ* замѣчаетъ, что и нынѣшніе безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ многочисленнѣе въ нихъ польскій элементъ, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ менѣе число студентовъ изъ поляковъ»... Затѣмъ Катковъ дѣлалъ намекъ на то, что прокламація «Къ обществу», какъ и, въ свое время, изданія «Земли и Воли», «Молодой Россіи» и «Золотыхъ Грамотъ», исходила отъ польскихъ «агентовъ-подстрекателей» изъ среды «бѣлыхъ», которые «могутъ остаться въ сторонѣ, какъ и при прежнихъ продѣлкахъ, когда нужно было давать ходъ «краснымъ». Катковъ обвинялъ «Вѣсть» въ томъ, что она хотѣла, перепечатывая прокламацію, «под-

---

[1]) См. полемику въ „Вѣсти“ отъ 11 апр.

[2]) „Моск. Вѣдом“. 1869, № 66, 25 марта.

[3]) Очевидно, это были слухи о студенческой сходкѣ, заарестованной на Фурштадской улицѣ.

служиться подпольному ржонду». Итакъ, Катковъ только и нашелъ, что сдѣлать, что обвинить во всемъ поляковъ и «польску справу», «ржондъ», словомъ, повторить вздорныя и къ тому же устарѣвшія и надоѣвшія всѣмъ обвиненія, которыя онъ неустанно повторялъ съ 1863 г. Обвиненіе, на этотъ разъ, было особенно вздорнымъ; но достойнаго отвѣта на свою выходку Катковъ въ легальной печати не получилъ. Разрушить эту ложь попытался Бакунинъ, который въ студенческомъ движеніи 1869 г. увидѣлъ первый порывъ, первое проявленіе великой революціонной бури, которая должна была, какъ ему казалось, пронестись надъ русской землей. Замѣтимъ вскользь, что преувеличенныя надежды на это движеніе внушилъ ему и Нечаевъ, явившійся за-границу въ роли руководителя только что нашумѣвшаго движенія.

«Русскіе студенты,—писалъ Бакунинъ [1]),—полиція васъ бьетъ, но это «бдительному, умудренному опытностью» начальству показалось мало: казенная литература принялась васъ надувать.

„Васъ хотятъ увѣрить, что въ Европѣ нѣтъ живой народной потребности и все застыло.

„Васъ хотятъ увѣрить, что вы не вы, а поляки.

„Васъ хотятъ увѣрить, что для васъ право помогать бѣднымъ товарищамъ *лишено основанія*, и требованіе права сходокъ *неестественный мотивъ*.

„Разсмотрите же, какъ люди неминуемо дружные, всѣ эти казенныя увѣренія, выработанныя воровскимъ умомъ, который выдаетъ себя за здоровый.

„Случалось не разъ намъ самимъ указывать на Европу, которая замираетъ. Да! Но какая Европа? Европа императорская, Европа папская, Европа королевская, поповская, дворянская, буржуазная, Европа политическая, Европа государственная.

„Поднимается, домогается, надѣется, вѣритъ въ свою будущность, соединяется, переработываетъ—Европа угнетенная, голодающая, работающая, Европа экономическая, Европа труда, безсословная, безгосударственная.

„Кто же это вамъ говоритъ, что въ Европѣ нѣтъ живыхъ элементовъ? Это вамъ говоритъ нажившійся, исподлившійся литераторъ-чиновникъ [2]). Какъ будто между вами, юношами, кто-нибудь найдется, кто пойдетъ вслѣдъ такому холопскому голосу? Мы, старики, этому не вѣримъ.

„Вамъ говорятъ, что для васъ *немыслимо* помогать бѣднымъ товарищамъ, потому что про то знаетъ умудренное начальство, да монаршая милость во 100 тысячъ серебромъ [3]).

„Литераторы-чиновники забываютъ несчастную повѣсть всякой казенной тысячи въ Россіи. Выжатая изъ труда народнаго, она ниспадаетъ съ великодушнаго верха подъ названіемъ монаршей милости и расходится по разнымъ боковымъ карманамъ, даже не достигая своего назначенія.

„Какъ же у студентовъ всѣхъ учебныхъ заведеній не родиться желанію спасать бѣдныхъ товарищей, помогать имъ своими общими силами — прямо, помимо верхобоковаго начальства, а если можно, и помимо денегъ, выжатыхъ нагайкою изъ народнаго труда?

„Къ чему для этого польская интрига, когда для этого достаточно неиспорченное человѣческое чувство и неиспорченный человѣческій смыслъ?

„Вамъ говорятъ, что для васъ ненужно сходокъ? Про то знаетъ то же умудренное начальство, а для васъ это неестественный мотивъ (который можетъ, въ самомъ дѣлѣ, казаться неестественнымъ разнымъ генераламъ Трепо-

---

[1]) Цит. по „Письм. Бакунина къ Герцену и Огареву", подъ ред. и съ прим. М. П. Драгоманова, Жен., 1896, с. 641—643.

[2]) Намекъ на Каткова. *С. Св.*

[3]) Намекъ на стипендіи, пожалованныя Александромъ II по случаю юбилея Петербургскаго университета.

вымъ [1]), потому что они сколько между собою ни хитрятъ, а встрѣчаться имъ гадко). А вамъ, студентамъ, между собою встрѣчаться не то что гадко, а просто необходимо, потому что мало ли о чемъ перетолковать и по теоретическому и по практическому вопросу.

„Неужто у васъ потребовать сходокъ не просто человѣческій мотивъ (русскій, польскій, англійскій, *американскій* и пр.)? Къ чему тутъ вліяніе какой-нибудь польщизны.

„Если бы у васъ такія потребности родились не изъ собственнаго сознанія, а чуждаго вліянія ради,—вы были бы дураки, или были бы подкуплены. Да впрочемъ, все въ этой казенной клеветѣ до такой степени глупо, что ее могли наклеветать только какія-нибудь жидовскія уста (*sic*!!), за рубль серебромъ перешедшія въ православіе.

„Нельзя къ этому не присовокупить нѣсколько словъ о польщизнѣ, чтобы, насколько теперь возможно, — отрѣзать этотъ вопросъ отъ захвата казенной литературой.

„Шляхетская Польша и шляхетская Литва сгубили народную Польшу и народную Литву такъ, какъ дворянская, чиновничья, казенная Россія губитъ народную Русь. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы казенная Польша, казенная Литва, казенная Русь были народною Польшей, народною Литвой, народною Русью. Кто станетъ доказывать ихъ тождество, ударится въ грязь—конечно, не безъ казеннаго подарочка—и только.

„Подробно о Польскомъ и Литовскомъ вопросѣ мы будемъ говорить въ другой разъ; такъ же какъ въ другой разъ подробно разберемъ отношенія казенной литературы къ студентамъ.

„А теперь къ вамъ, молодые друзья, послѣднее слово: учить васъ мы не станемъ; вы на мѣстѣ и лучше насъ видите, что теперь надо дѣлать.

„Вы собственно для себя ничего не ищете и ничего не хотите, помимо народныхъ потребностей и движенія народнаго. Мы это знаемъ и видимъ, и потому въ ваше движеніе вѣримъ"...

Мы уже упоминали выше, что Нечаевъ направился за границу не безъ задней мысли пріобрѣсти тамъ себѣ связь въ средѣ эмигрантовъ: Герцена, Бакунина и Огарева, съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи въ Россію использовать ихъ матеріальную и, особенно, моральную поддержку въ развитіи революціоннаго движенія въ томъ направленіи, въ которомъ онъ хотѣлъ бы это сдѣлать, согласно приведенному выше его революціонному плану. По показанію Томиловой [2]), въ Россіи Нечаевъ весьма дурно и съ большимъ презрѣніемъ отзывался объ эмигрантахъ, называя ихъ «паразитами общества». Впослѣдствіи, когда онъ увидѣлъ, что использовалъ во всѣхъ отношеніяхъ и Бакунина и Огарева, онъ рѣзко порвалъ съ ними. Но явившись въ мартѣ 1869 г. за границу, онъ постарался очаровать старыхъ эмигрантовъ. Поскольку дѣло касалось Бакунина и Огарева, то это ему вполнѣ удалось. Николаевъ (участникъ «Народной Расправы», организованной Нечаевымъ осенью того же года въ Москвѣ) показывалъ на судѣ (1871 г.), что, по разсказамъ Нечаева, онъ съ Бакунинымъ сошелся очень скоро, а Искандеръ, или Герценъ, долго не соглашался съ его взглядами, но потомъ, увѣрялъ Нечаевъ, онъ успѣлъ убѣдить и Герцена, который былъ ему (Нечаеву) вполнѣ преданъ (!) [3]). По отношенію къ Герцену росказни Нечаева были ложью, потому что Герценъ сразу же отнесся недовѣрчиво къ Нечаеву и устранился отъ прямыхъ съ нимъ сношеній. Зато

---

[1]) Ген. Ѳ. Ѳ. Треповъ былъ назначенъ съ 1866 г. оберъ-полицмейстеромъ С.-Петербурга. Смѣстила его пуля Вѣры Засуличъ (1878).

[2]) „Пр. В.", 1871, № 160.

[3]) „Прав. В." № 160.

Бакунинъ былъ имъ очарованъ вполнѣ, восхищаясь его энергіей, преданностью дѣлу революціи и закрывая глаза на авантюризмъ его тактики.

— «Вотъ какіе люди у насъ есть!» сказалъ съ гордостью Бакунинъ, хлопая по плечу Нечаева, лѣтомъ 1869 г. въ присутствіи студ. Негрескула, въ Женевѣ [1]) Въ своихъ письмахъ 1869—70 г. Бакунинъ неоднократно называлъ Нечаева *ту воу* (мой мальчикъ). Такъ, напр., въ письмѣ изъ Локарно (17 дек. 1869 г.) онъ спрашивалъ Огарева: «что дѣлаешь и гдѣ нашъ милый, умный, благородный *авантюристъ* (курс. подлин.) *ту воу*?»... [2]). Въ другихъ письмахъ къ Огареву Михаилъ Александровичъ выражаетъ живѣйшее безпокойство о Нечаевѣ, радуется его возвращенію изъ Россіи (зимой 1869 г.), словомъ, выказываетъ чрезвычайное вниманіе къ судьбѣ Нечаева.

Увлеченный Нечаевымъ, Бакунинъ проситъ Огарева перемѣнить посвященіе на одномъ изъ его стихотвореній и, вмѣсто «памяти моего друга (Огарева) Сергѣя Астракова», посвятить «Молодому другу Нечаеву» стихотвореніе «Студентъ».—«*Полезнѣе для дѣла* было бы сдѣлать подобную замѣну»,—писалъ Огареву Бакунинъ на листкѣ съ подлинникомъ стихотворенія [3]). Огаревъ согласился, и стихотвореніе это, отпечатанное и затѣмъ распространенное въ Россіи съ посвященіемъ Нечаеву и подписью Огарева, сослужило немалую службу Нечаеву въ дѣлѣ новой его попытки. Вотъ это стихотвореніе:

«СТУДЕНТЪ».

Молодому другу Нечаеву.

„Онъ родился въ бѣдной долѣ,
„Онъ учился въ бѣдной школѣ,
„Но въ живомъ трудѣ науки
„Юныхъ лѣтъ онъ вынесъ муки.
„Въ жизни стала годъ отъ году
Крѣпче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей лучшей доли.

* * *

„И гонимый местью . . . . . .
И боязнію боярской,
Онъ пустился на скитанье,
На народное возстанье,
Кликнуть кличъ по всѣмъ крестьянамъ
Отъ востока до заката:
Собирайтесь дружнымъ станомъ,
Станьте смѣло братъ за брата,—
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

* * *

[1]) Тамъ же, показаніе Успенскаго.
[2]) Письма Бакунина, изд. Врублевскаго, СПБ., 1907, с. 354.
[3]) „Письма“, СПБ., стр. 373.

Жизнь онъ кончилъ въ этомъ мірѣ—
Въ снѣжныхъ каторгахъ Сибири,
Но до тла нелицемѣренъ—
Онъ борьбѣ остался вѣренъ,—
До послѣдняго дыханья
Говорилъ среди изгнанья:
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

Н. Огаревъ.

Любопытнѣе всего, что осенью 1869 г. въ Москвѣ *самъ* Нечаевъ распространялъ это стихотвореніе, въ которомъ описывалось, какъ онъ «Жизнь окончилъ въ этомъ мірѣ». Драгомановъ сообщаетъ интересную подробность: «Бакунинъ пытался достать для Нечаева рекомендацію и отъ дочери А. И. Герцена, Натальи Александровны; онъ просилъ ее нарисовать виньетку—мужика (великорусскаго) съ топоромъ—и подписать свое имя, но не говорилъ для чего нужна ему эта виньетка. Н. А. Герценъ отказала [1]). Возвратившись осенью въ Россію, Нечаевъ не преминулъ разсказать (Черкезову), что въ Бельгіи онъ устроилъ какую то стачку среди рабочихъ, которые его послали делегатомъ въ Интернаціоналъ, гдѣ онъ встрѣтился съ Бакунинымъ, уже не какъ простой, бѣдный бѣглецъ, а какъ человѣкъ сильный [2]). Если мы спросимъ, чѣмъ же такъ сумѣлъ Нечаевъ покорить Бакунина то отвѣтъ будетъ такой: онъ его покорилъ и очаровалъ и какъ сильная личность, и какъ воплощеніе типа того революціонера, о которомъ мечталъ Бакунинъ. Что касается личности Нечаева, то Бакунинъ, уже порвавши съ нимъ сношенія и предостерегая Таландье отъ него (въ іюлѣ 1870 г.), все же писалъ: «Нечаевъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ *дѣломъ*, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и выказываетъ себя столь же безпощаднымъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Вотъ главное качество, которое привлекло меня»... Нечаевъ—не мошенникъ,—говорилъ Бакунинъ.—«Это неправда! Это фанатикъ преданный, но въ то же время фанатикъ очень опасный...—способъ дѣйствія его отвратительный... Онъ пришелъ мало-по-малу къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и ненарушимое, надо взять за основу политику Макіавели и вполнѣ усвоить систему іезуитовъ: для тѣла—насиліе, для души—одна ложь»... «Вмѣстѣ съ этимъ Нечаевъ—сила, потому что это огромная энергія. Я съ большимъ сожалѣніемъ разошелся съ нимъ, такъ какъ служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи и рѣдко встрѣчаешь ее столь развитую, какъ у него»... [3]).

Затѣмъ, Нечаевъ явился окруженный ореоломъ руководителя и зачинщика перваго проявленія революціоннаго протеста въ Россіи послѣ 1861 г., дерзко бѣжавшаго къ тому же изъ Петропавловской крѣпости. Бакунинъ одинъ изъ первыхъ понялъ, оцѣнилъ и возвелъ на пьедесталъ революціонную разночинную интеллигенцію. Въ боль-

[1]) „*Письма*“ и проч., с. 97 (біографія).
[2]) „Прав. Вѣстн.“, № 162.
[3]) „Письма“, стр. 396.

шомъ программномъ письмѣ къ Герцену и Огареву (еще въ 1866 г. 19 іюля изъ *Ischia*) онъ писалъ издателямъ «Колокола», клонившагося къ упадку: «Ищите публики новой, въ молодежи, въ недоученныхъ ученикахъ Чернышевскаго и Добролюбова, въ Базаровыхъ, въ нигилистахъ—въ нихъ жизнь, въ нихъ энергія, въ нихъ честная, сильная воля... Да, встаньте опять на кафедру и, отказавшись отъ мнимой и, право, безсмысленной тактичности, валяйте все, что сами думаете, сплеча, и не заботьтесь больше о томъ, сколькими шагами вы опередили свою публику... *Эта* публика сильна, молода, энергична,—ей надо полнаго свѣта и не испугаете вы ее никакою истиною». [1]) Въ 1867 г., когда Герценъ сказалъ нѣсколько гнѣвныхъ словъ объ отрицательныхъ чертахъ молодой русской эмиграціи, Бакунинъ писалъ ему: «Въ молодомъ поколѣніи, взятомъ порознь, въ отдѣльныхъ экземплярахъ, тьма непріятныхъ, непорядочныхъ, даже грязныхъ сторонъ. Явленіе, впрочемъ, весьма натурально. Старая нравственность, основанная на религіозныхъ, патріархальныхъ и сословныхъ преданіяхъ, рушилась безвозвратно. Новая далеко еще не создалась, но предчувствуется. Дѣйствительно осуществить ее можетъ только коренной соціальный переворотъ. Одинокихъ силъ одного человѣка, какъ бы онъ уменъ и силенъ ни былъ, для этого недостаточно. Поэтому новой нравственности еще нѣтъ. Молодое поколѣніе ищетъ ее, но еще не нашло; отсюда колебанія, противорѣчія, безобразія и не рѣдко грязные скандалы... Но все это не должно заслонять отъ насъ серьезныхъ да великихъ качествъ нашего молодого поколѣнія:—въ немъ не оранжерейная, не искусственная и не рефлективная только, а настоящая страсть равенства, труда, справедливости, свободы и разума. Изъ-за этой страсти десятки изъ нихъ уже пошли на смерть и сотни въ Сибирь... Не старѣй, Герценъ, и не проклинай молодыхъ. Смѣйся надъ ними, когда они смѣшны, наказывай и брани, когда они виноваты,—но преклоняйся почтительно передъ ихъ честнымъ трудомъ и стремленіемъ, передъ ихъ подвигами и жертвами... [2])

Дальнѣйшее развитіе взглядовъ Бакунина мы находимъ въ письмѣ его къ Герцену (изъ Женевы, 28 окт. 1869 г.), гдѣ онъ говоритъ о мірѣ рабочихъ: «Это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно такъ же, какъ у насъ въ міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста ни возможности занятія въ Россіи,—этой сорокатысячной (?) фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ революціи»... И вотъ, въ лицѣ Нечаева, являлся къ Бакунину представитель этого «міра безпардонныхъ юношей», этого революціоннаго интеллигентнаго пролетаріата, который, какъ казалось Бакунину, одинъ только подымаетъ знамя революціи въ рабской Россіи. Отсюда ясно, почему Бакунинъ отнесся къ Нечаеву съ такимъ энтузіазмомъ, отсюда понятно, почему онъ такъ переоцѣнилъ значеніе студенческихъ безпорядковъ 1869 г. въ своей прокламаціи «къ молодымъ братьямъ въ Россіи», (которую мы изложимъ ниже).

---

[1]) „Письма“, с. 293.
[2]) „Письма“, с. 316—318.

V.

Нечаевъ обратился къ своимъ товарищамъ съ письмомъ изъ Женевы (отъ 4 апр. 1869 г.), въ которомъ писалъ: «Уѣзжая, я не разорвалъ связи съ дѣломъ (по примѣру другихъ) и тотчасъ же послѣ того, какъ успѣю устроить здѣсь связи, я вернусь, что бы меня не ожидало. Вы тѣмъ болѣе должны были знать, что я, пока живъ, не отступлюсь отъ того, за что взялся, и если вы это знали, то должны были извѣстить о малѣйшемъ измѣненіи, о всѣхъ подробностяхъ, если вамъ тоже дорого дѣло!.. Что же вы теперь тамъ руки-то опустили»?.. «Дѣло горячее,—говорилъ онъ дальше, въ томъ же письмѣ — «его, какъ желѣзо, надо бить, пока горячо». Затѣмъ онъ просилъ о присылкѣ надежнаго человѣка. «Дѣло, о которомъ придется толковать, касается не одной нашей *торіовли*»,—намекалъ онъ иносказательно,—«а общеевропейской... Здѣсь дѣло кипитъ! Варится такой супъ, что всей Европѣ не расхлебать»... [1]).

Такимъ образомъ, и за границей Нечаевъ продолжалъ живо интересоваться студенческимъ движеніемъ. Къ этому же времени (весна 1869 г.) относится и его прокламація, адресованная «Студентамъ Университета, Академіи и Технологическаго Института въ Петербургѣ» и присланная имъ изъ-за границы по адресамъ многихъ лицъ, которыхъ онъ зналъ въ Россіи, въ апрѣлѣ 1869 г.

Въ этой прокламаціи Нечавъ писалъ: [2]) «Выбравшись, благодаря счастливой удачѣ, изъ промерзлыхъ стѣнъ Петропавловской крѣпости, на зло темной силѣ, которая меня туда бросила, шлю вамъ, мои дорогіе товарищи, эти строки изъ чужой земли, на которой не перестану работать во имя великаго, связывающаго насъ дѣла. Пусть удачнѣе продолжается то, что начато вмѣстѣ; пусть, наученные опытомъ, вы не будете тратить напрасно силъ и времени для того, чтобъ урезонивать тѣхъ, которые по своему положенію могутъ быть только тормазами всякаго благого начинанія. Баричи, понимающіе, что они, какъ и все барство, коренятся на разрозненности и раздѣлимости русской силы, будутъ всегда противъ всякаго сплоченія. Вы будете крѣпки друзья, когда очиститесь отъ этой сволочи, разжирѣвшей отъ сытыхъ блюдъ, составленныхъ изъ крохъ, что вырваны изъ мужичьихъ рукъ. Вы будете крѣпки, когда порвете съ ними всякія сношенія, когда будете считать осквернѣніемъ подачу руки этимъ противникамъ всѣхъ свѣтлыхъ проявленій, позорящимъ студенчество. Не имѣя настолько храбрости, чтобы явно стать въ оппозицію съ вами и итти со своими отцами Треповыми, они всегда будутъ лгать, прикрываться маской дешеваго либерализма и во имя туманнаго неопредѣленнаго будущаго топтать то, что начинаетъ зарождаться въ настоящемъ. Имъ было хорошо, когда тяжело дышалось каждой честной студенческой натурѣ, въ первые дни начала нынѣшняго семестра, когда полнѣйшее казарменное затишье царило въ университетскихъ

---

[1]) „Прав. В.“ 1871, № 162, протоколы.

[2]) „Студентамъ Унив., Академіи, Технологическаго Института въ Петербургѣ“. (Второй оттискъ) „Правит. Вѣстникъ“ 1871, № 163.

стѣнахъ. Тамъ расхаживали эти паркетные франты, одѣтые по бальному, приходя въ университетъ затѣмъ, чтобы научиться искусству либерально-учеными фразами прикрывать свою безсодержательность и бездѣятельность и оправдывать, стоющее кроваваго пота мужику, существованіе себѣ подобныхъ паразитовъ варіаціями извѣстнаго словоизверженія, которое породилъ уже спятившій съ ума нѣмецъ: «Das Wirkliche ist das Vernünftige und das Vernünftige ist das Wirkliche».

Нужно ли говорить, что «паркетными франтами» Нечаевъ называлъ ту часть студенчества, которая оставалась равнодушной и даже была враждебной по отношенію къ призывамъ придать политическій характеръ студенческому протесту. Что касается приведенной выше формулы «спятившаго съ ума нѣмца», то это было замѣчательное положеніе діалектической философіи Гегеля, революціонный смыслъ которой остался чуждымъ и непонятнымъ Нечаеву. Онъ понималъ ее въ томъ же смыслѣ оправданія всѣхъ существующихъ золъ и безобразій современности, въ которомъ понимали ее добрые подданные короля Фридриха-Вильгельма VI, въ которомъ понималъ ее также нѣкоторое время Бѣлинскій и другіе.

„Теперь охваченные лихорадочной дѣятельностью, мы,—продолжалъ Нечаевъ, разумѣя себя и революціонно настроенную часть студенчества,—мы сидѣли тогда по угламъ, понуривъ унылыя головы, со сквернымъ выраженіемъ на озлобленномъ, недовольномъ лицѣ... Да, тягостное чувство охватывало тогда свѣжаго человѣка, при входѣ въ зданіе, гдѣ вырабатывалось тогда направленіе болѣе чѣмъ тысячи молодыхъ русскихъ силъ, имѣющихъ въ будущемъ, въ разныхъ формахъ, стать регуляторами русской жизни. Тоска и недовѣріе написаны на лицѣ каждаго. Съ грустью на сердцѣ входили мы въ аудиторію, строго обязанные съ одинаково тупымъ взоромъ, безъ порицанія и одобренія, выслушивать брань молодому и свѣжему, восхваленіе древнему, отжившему, такъ же олицетворявшемуся въ идіотической физіономіи сѣдовласаго профессора-филолога или въ разжирѣвшемъ, лоснящемся лицѣ юриста, нахально разсыпающагося софизмами, выставляющаго на поруганіе всѣ честныя и святыя права человѣка, восхваляющаго кнутъ деспота и украшающаго цвѣтами античнаго краснорѣчія цѣпи, въ которыхъ скованъ русскій народъ [1]). Рѣдко, рѣдко частная мысль, неотдѣлимая отъ какого-нибудь имени, взятаго изъ прошлаго, освѣжитъ студенческое ухо! Но опять вслѣдъ за ней потокъ лжи, возведеніе въ законъ беззаконій, потокъ подлыхъ утонченныхъ суевѣрій, которыя льютъ полной чашей въ молодыя головы три (?) попа, профессоры. Дико это было слушать намъ всѣмъ. Злоба душила тѣхъ, кто издалека притащились сюда искать отвѣта на множество вопросовъ, зародившихся въ головѣ. И искали мы выхода изъ этого растлѣнія, руководимые трезвой, строго-самостоятельной мыслью, неподкупленной грязными свѣтскими наслажденіями, въ которыхъ утопаетъ студентъ-аристократъ по возвращеніи съ лекціи.

„Разбредясь по своимъ каморкамъ, думали мы о хлѣбѣ—главная тема для размышленій, съ которою тѣсно связано все наше міросозерцаніе. Не роскошь и не мишура жизненныхъ декорацій виднѣлись намъ; передъ нами вставали обратныя стороны—грязные подмостки театра жизни, на которыхъ мы видѣли изможденнаго, забитаго мужика, надрывая грудь, перетаскивающаго кулисы и безсознательно производящаго тѣмъ тѣ превращенія, что вызываютъ столько удовольствія у блестящей сволочи, разсѣвшейся на дорогихъ мѣстахъ. Тысячи исхудалыхъ, оборванныхъ, обиженныхъ, обворованныхъ приходили намъ на память; въ нихъ узнаемъ мы отцовъ и близкихъ. Всѣ они изнемогаютъ въ борьбѣ съ чѣмъ-то, тщетно призывая на помощь; они ведутъ эту борьбу слѣпо,

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не могли установить, къ кому именно изъ профессоровъ относились рѣзкія характеристики Нечаева.

тратятъ силы безплодно, не видя врага, который ихъ давитъ. Мы, дѣти этихъ труженниковъ, видимъ причины зла; для насъ такъ ясно видна эта темная сила, заманивающая насъ къ себѣ на служеніе выставкой роскоши и блеска. Продадимъ ли себя, какъ было доселѣ?..

„Развивъ наши мозги на деньги народа, вскормленные хлѣбомъ, забраннымъ съ его поля, станемъ ли мы по прежнему въ ряды его гонителей? „Нѣтъ", говорили мы. Пусть отнынѣ задачей студента не будетъ дипломъ, не будетъ казенное теплое мѣсто, а жизнь среди народа и борьба за его интересы... И пусть именемъ подлеца будетъ заклейменъ отъ товарищей каждый измѣнившій этому правилу!..

„Первой потребностью, необходимой для насъ теперь, оказались сходки; мы рѣшились добиваться ихъ. „Нужно сплотиться!" крикнули смѣлыя головы въ одной изъ аудиторій въ послѣдній день передъ Рождественскими праздниками... И было подхвачено это слово, давно жданное свѣжими силами, и заволновалась университетская молодежь; заговорили испуганнымъ голосомъ профессоры; забѣгали инспекторы, тщетно стараясь возстановить нарушенную тишину и покой. Во время праздниковъ сходки начались. Мы отворили двери ихъ для всѣхъ учащихся, и, встрѣчая сочувствіе въ студентахъ другихъ заведеній, мы скоро обобщили съ ними наше дѣло. Мы не обращали вниманія на противодѣйствія профессоровъ и студенческой аристократіи, не вѣря, что видимъ въ нихъ, противниковъ всего живого. Мы не разорвали связи съ ними, думая, что эта часть молодежи еще не лишена возможности поддаться наплыву хорошихъ идей и сдѣлаться сторонниками честнаго дѣла. Это наша ошибка! Мы встрѣтили въ нихъ уже сложившихся, окрѣпшихъ буржуа, противодѣйствующихъ, сознательно понимая выгоды и невыгоды своего сословія [1]). Задержанные безплодными разсужденіями съ людьми, отъ которыхъ сразу нужно было рѣзко отвернуться, мы, наконецъ, сплотились. Рѣшившись извѣстить другіе университеты, мы поставили нашъ вопросъ дѣломъ всей русской учащейся молодежи и... ограничились этимъ. Думали приступить къ дѣлу, надѣясь нашими собственными силами добиться удовлетворительнаго разрѣшенія. Эта наша вторая ошибка!..

„Мы согласились дружно протестовать противъ всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская учащаяся молодежь, согласились требовать права сходокъ, на которыхъ думали сами выработать нужныя намъ условія, согласились, наконецъ, отстаивать эти требованія всѣми силами... Въ чемъ же заключаются эти силы?.. Послѣ сходки, на которой вся толпа молодежи, не говоря краснѣхъ рѣчей, поголовно подписалась подъ согласіемъ отстаивать протестъ,—преслѣдованія, давно начавшіяся, вдругъ рѣзко усилились; нѣкоторые, вырванные изъ среды товарищества, были брошены въ крѣпость [2]). Чѣмъ могли бы мы отстоять ихъ? Чѣмъ можемъ, наконецъ, отстоять свои требованія, когда придется придти въ столкновеніе съ физической силой?.. Кто изъ насъ сомнѣвается еще въ томъ, что правительство, давно загрязнившее себя всевозможными чистыми мѣрами, постыдится устроить еще разъ студенческую бойню? Не будемъ закрывать глаза на будущее, не будемъ обманываться [3]). Правительство прикладами ружей снова прикажетъ разрѣшить наши требованія. Но откажемся ли мы отъ нихъ передъ наведенными ружьями и не поднимемся ли, послѣ нѣсколькихъ дней упорства, снова подъ ненавистными матрикулами, потому что нелѣпо было бы съ пустыми руками пытаться дать отпоръ солдатскимъ штыкамъ?.. Нѣтъ! не будемъ болѣе полагаться на благородство подлѣйшей въ мірѣ администраціи... Мы не выйдемъ съ пустыми руками, мы не погубимъ еще разъ дорогого зародившагося дѣла; мы не выйдемъ одни. У насъ есть товарищи, есть люди, у которыхъ нѣтъ никакихъ правъ, кромѣ фиктивныхъ, положеніе которыхъ самое худшее въ Европѣ, и ожесточеніе которыхъ тѣмъ сильнѣе, что слѣпо и не имѣетъ прямого исхода, не зная своего врага. Укажемъ же рабо-

---

[1]) Интересная черточка, свидѣтельствующая о внутренней борьбѣ въ средѣ тогдашняго студенчества.

[2]) Намекъ на событія въ Медико-Хирургической Академіи.

[3]) Здѣсь Нечаевъ говоритъ объ избіеніи студентовъ въ 1861 г.—въ Москвѣ передъ домомъ генералъ-губернатора, въ Петербуртѣ передъ университетомъ.

чимъ этого врага, растолкуемъ всѣмъ сильнымъ и здоровымъ рукамъ, отчего голодаютъ и холодаютъ они, изнемогая надъ непомѣрнымъ трудомъ.

„Обобщимъ же, братцы, еще болѣе нашъ вопросъ—и изъ вопроса русской молодежи сдѣлаемъ вопросъ Русской Земли, къ разрѣшенію котораго и будемъ горячо, энергически готовиться. Итакъ, пусть ваши сходки, друзья, на которыя я, лишенный возможности приходить, буду писать, сдѣлаются еще болѣе общими, пусть войдутъ въ нихъ элементы всѣхъ недовольныхъ; пусть эти недовольные, рука объ руку, подготовляютъ наступленіе обновленія Русской Земли, той давно желанной поры, которая съ такимъ нетерпѣніемъ ожидается вашими друзьями въ чужой землѣ, чтобы явиться тогда и снова стать въ ваши ряды.

„Разбирая друзей и враговъ по положенію, которое они занимаютъ, а не по словамъ ихъ, вѣрьте въ факты, друзья, и сами заявляйте о себѣ фактами, а не словопреніями, чтобы пріобрѣсть довѣріе тѣхъ, на чей хлѣбъ вы вскормлены, чьими руками сложены стѣны вашихъ аудиторій, напечатаны ваши книжонки, тѣхъ, что давно рвутся къ свободѣ, часто въ мѣстностяхъ поднимаясь поголовно, но поднимаясь безъ опредѣленнаго сознанія, кто его непріятель. Васъ давно ждутъ они, чтобы услышать, гдѣ сосредоточены главныя силы врага, котораго надо сломить, чтобы дать вздохнуть Русской мужицкой Землѣ. Но знайте, друзья, что ждутъ они не говоруновъ, не проповѣдниковъ во фракѣ, а дѣятелей, которые бы сумѣли доказать имъ фактически свою преданность. Только такимъ людямъ они повѣрятъ, только за ними пойдутъ и постоятъ крѣпко.

„Создайте же, братцы, скорѣй условія, необходимыя для того, чтобъ образовывались общественные дѣятели, не отдѣляющіе честной мысли отъ честнаго дѣла. Пусть чаще и въ большемъ числѣ продолжаются ваши собранія; въ нихъ лежитъ ваше развитіе. Въ глуши кабинетовъ, въ уединеніи надъ кипами древнихъ мудрствованій и отжившихъ началъ не могутъ выработаться характеры, необходимые для настоящаго времени, когда всѣ вопросы сводятся къ одному—это къ необходимости обновленія русской жизни переворотомъ. Такіе характеры, устойчивые въ борьбѣ, твердые въ преслѣдованіи цѣлей, вырабатываются только тоже въ борьбѣ, въ столкновеніяхъ. Застой не создаетъ этихъ людей: ихъ родитъ протестующая дѣятельность, и чѣмъ въ большихъ размѣрахъ протестъ, чѣмъ чаще столкновеніе съ темной силой, чѣмъ сильнѣй борьба, тѣмъ болѣе людей вырабатывается для дальнѣйшаго ея продолженія. Вотъ почему является необходимость фактическихъ заявленій, которыя способствуютъ быстрому закрѣпленію убѣжденій тѣхъ, кто во время затишья въ цѣлые годы не додумался бы до извѣстныхъ воззрѣній. Они создаютъ въ двойномъ числѣ прозелитовъ на мѣсто жертвъ.

„Пусть бдительность и осторожность при веденіи дѣла не переходятъ въ тѣ боязливыя опасенія, которыя отнимаютъ всякую возможность дѣятельности. Преслѣдованіе есть то зло, котораго совершенно развѣ тогда можно избѣжать, когда совершенно сложить руки. Не бывало истиннаго дѣла безъ жертвъ. Совершенно безопасны только переливанья изъ пустого въ порожнее, которымъ заняты благодушные либералы, устраивающіе ассоціацію изъ буржуа и думающіе выростить соціальныя розы на болотѣ деспотизма...

Пусть каждый, кого вырвутъ ненавистныя условія изъ вашей среды, будетъ глубоко убѣжденъ, что оставшіеся и уцѣлѣвшіе продолжатъ дѣло и добьются возвращенія всѣхъ пострадавшихъ, отомстивъ сторицею за ихъ мученія, какъ убѣжденъ въ этомъ я,

вашъ *Нечаевъ*.»

Мы нарочно привели полностью эту прокламацію, потому что въ ней Нечаевъ высказалъ вкратцѣ всѣ тѣ основныя свои мысли, которыя были имъ развиты вскорѣ въ «Изданіяхъ общества Народной Расправы» (лѣтомъ 1869 г.) и въ изданіяхъ 1870 г. Тутъ мы встрѣчаемъ и разрѣшеніе спора между «наукой» и «жизнью» въ пользу «жизни», т. е. активнаго участія въ революціи, и призывъ расширить «вопросъ» разночинной интеллигентной молодежи до вопроса всей Русской, мужицкой Земли. Въ этой прокламаціи высказывается впер-

вые ясно и точно мысль о необходимости вести пропаганду фактами, мысль столь характерная для Нечаева, какъ революціоннаго дѣятеля. При всемъ отрицательномъ отношеніи къ макіавелизму Нечаева, къ его политикѣ, получившей названіе «нечаевщины», при всей расплывчатости теоретическихъ взглядовъ, проводимыхъ въ прокламаціи къ студентамъ, нельзя отрицать, что это воззваніе проникнуто здоровымъ революціоннымъ чувствомъ, духомъ протеста противъ современныхъ условій русской жизни. Такъ, напр., вполнѣ правильно было замѣчаніе Нечаева, что революціонные характеры крѣпнутъ и развиваются въ революціонной борьбѣ; правильно было также, со стороны Нечаева, довести до конца мысль о студенческомъ протестѣ и указать, что исполненіе студенческихъ требованій свободы слова, собраній и организацій возможно лишь послѣ побѣды надъ старымъ режимомъ во всей его полнотѣ, а, стало быть, что борьба студенчества за свои спеціальные интересы роковымъ образомъ приводитъ его въ столкновеніе со всѣмъ старымъ порядкомъ. Правильно указывалъ Нечаевъ и на то, что разночинная интеллигенція должна искать опоры въ народныхъ массахъ. Правда, понятія Нечаева о «народѣ» были довольно отвлеченныя, почему онъ былъ, напр., увѣренъ въ близости неминуемаго народнаго возстанія.

Для насъ интересна прокламація Нечаева еще въ слѣдующемъ отношеніи: она отражала въ себѣ многое изъ тѣхъ споровъ, изъ тѣхъ взглядовъ, изъ тѣхъ разговоровъ, которые существовали въ 1869 г. въ петербургской студенческой молодежи. Нечаевъ привнесъ въ эти взгляды личный элементъ сильнаго революціоннаго чувства, заставлявшаго его добиваться непосредственныхъ результатовъ своей борьбы за лучшее будущее народа. Собственно, въ этомъ листкѣ мы не находимъ еще тѣхъ крайнихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Нечаевъ, развивая свои анархическіе взгляды въ «Народной Расправѣ»; не находимъ мы въ немъ и тѣхъ чисто нечаевскихъ отталкивающихъ демагогическихъ пріемовъ, которые такъ ярко выразились въ другихъ его прокламаціяхъ 1869—1870 гг. Особенно характерна въ послѣднемъ смыслѣ была прокламація отъ яко бы «брюссельскаго дворянскаго комитета», въ которой онъ призывалъ крѣпостническое дворянство бороться съ династіей во имя дворянской конституціи и называлъ Муравьева-Вѣшателя доблестнымъ вождемъ дворянства. Но, связанные темой нашего очерка, мы не можемъ касаться этихъ воззваній, не имѣющихъ отношенія къ студенческому движенію.

На Бакунина, увлеченнаго тогда работой въ Интернаціоналѣ, а еще болѣе организаціей своего «Союза соціалистической демократіи», мечтавшаго о скоромъ возстаніи западно-европейскихъ рабочихъ съ цѣлью полнаго разрушенія государства, вѣсти, принесенныя Нечаевымъ изъ Россіи, подѣйствовали чарующимъ образомъ. Въ Нечаевѣ онъ увидѣлъ дѣйствительнаго «делегата студентовъ», (за котораго тотъ себя выдавалъ), а въ безпорядкахъ студентовъ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, еще политически безсознательныхъ или малосознательныхъ, боровшихся пока за кассы, кухмистерскія, сходки, Бакунинъ увидѣлъ чуть ли не начало великаго всероссійскаго бунта. Поэтому и слова воззванія «къ молодымъ братьямъ въ Россіи», съ

которымъ Бакунинъ обратился къ студенчеству (въ апр. 1869 г.), звучали неумѣстно торжественно:

«Вы встали опять. Значитъ, васъ похоронить не успѣли. Значитъ, противугосударственный, всеразрушительный духъ молодого безсословнаго поколѣнія не мимолетная вспышка юношескаго легкомыслія и тщеславія, а выраженіе настоящей жизни и страсти. Значитъ, онъ коренится глубоко въ потребностяхъ и во всемъ настроеніи народа». Такимъ образомъ, изъ требованія студентами кассъ и кухмистерскихъ Бакунинъ выводилъ то заключеніе, что «противугосударственный и разрушительный духъ... коренится глубоко въ потребностяхъ» русскаго народа, т. е. крестьянства. Для того, чтобы сдѣлать подобное заключеніе необходимы были и полное незнаніе истинныхъ условій жизни, и страстная вѣра въ близость великаго катаклизма, и своеобразная вѣра въ революціонно-соціалистическій мессіанизмъ русскаго народа—черты столь характерныя для Бакунина. [1])

«Еслибъ,—продолжалъ Бакунинъ,—ваше революціонное настроеніе было болѣзнію накожною, то героическія средства, употребленныя отеческимъ правительствомъ для вашего излѣченія, давно бы увѣнчались успѣхомъ. Вы были бы уже здравы, т. е., отказавшись отъ всякой мысли и отъ всего, что составляетъ человѣчество въ человѣкѣ, вы стали бы скотами въ ряду великаго множества чиновныхъ и государственно-сословныхъ скотовъ, поѣдающихъ нашу родину и губящихъ нашъ народъ. Вы заслужили бы право называться Всероссійскими патріотами.

«Русская грамотная и безсословная молодежь, несмотря на свою молодость, вынесла уже много бурь. Она свѣжа и бодра духомъ, но стара опытомъ». Опытъ этотъ, по мнѣнію Бакунина, молодежь пріобрѣла благодаря правительственнымъ репрессіямъ, особенно усилившимся послѣ 1862—1866 гг. Правительство, говорилъ Бакунинъ, «поощряемое всею отечественною литературою, славянофилами и западниками, плантаторами и либералами, путемъ розогъ и палокъ, пытокъ и висѣлицы, гуртовыхъ заключеній и ссылокъ, путемъ обреченія тысячи лучшихъ людей на голодную смерть, старалось измѣрить вашу (молодежи) силу, вашу упрямую волю, вашу вѣру въ предпринятое вами *Народное* дѣло. Вы устояли—значитъ, вы крѣпки»... Бакунинъ дѣлалъ отсюда неожиданный выводъ, что «значитъ, приходитъ конецъ этому поганому государству».

«Откуда,—спрашивалъ онъ молодежь,—берете вы вашу вѣру и силу? Вѣру безъ Бога, силу безъ личной надежды и цѣли? Откуда взялась въ васъ эта способность отдавать себя на погибель безъ тщеславія и фразы? Гдѣ источникъ того дико-разрушительнаго и холодно-страстнаго воодушевленія, отъ котораго цѣпенѣетъ умъ и останавливается кровь въ жилахъ у нашихъ противниковъ?» Въ этомъ описаніи настроенія молодежи чувствуется несомнѣнное отраженіе того впечатлѣнія, которое произвелъ на Бакунина Нечаевъ, потому что только

---

[1]) „Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи“, Женева, 1869 г., 1 апр.; цит. по „Письм. М. А. Бакунина“, Женева, 1896, прил., 463—468.

къ одному Нечаеву и можно приложить слова о «дико-разрушительномъ и холодно-страстномъ воодушевленіи».

«Холопская литература стала въ тупикъ передъ вами», продолжалъ Бакунинъ. «Она просто тутъ ничего не понимаетъ». По его мнѣнію, легальная литература поняла бы студентовъ, если бы они были «прислужниками, доносчиками, шпіонами, ворами частными или казенными, со взломомъ или безъ взлома, благонамѣренными подлецами, поборниками лакействующаго либерализма въ журналахъ, душителями крестьянъ и поляковъ»; поняла бы потому, что «все это дѣло житейское и бывалое, отнюдь не противорѣчитъ ни нашему государственному благочинію, ни нашей государственной нравственности, не противорѣчитъ поэтому и Всероссійскому патріотизму». Точно также литература поняла бы студентовъ, если бы они были «идеальными юношами, мечтающими о наукѣ и человѣчествѣ, о свободѣ и правѣ по книжкамъ...»

«Многозаслуженные и многоиспытанные ветераны нашей отечественной литературы, въ свое время—пояснялъ Бакунинъ,—также читали, увлекались, мечтали, были студентами, страстно кланялись идеаламъ и обрекали себя на подвигъ. Жизненный опытъ, пріобрѣтѣнный въ грязнѣйшей въ мірѣ дѣйствительности, сдѣлалъ ихъ подлецами. Но они съ умиленіемъ вспоминаютъ свои молодые годы, и, безъ сомнѣнія, простили бы вамъ юношескій бредъ, твердо увѣренные въ томъ, что подъ вліяніемъ той же самой дѣйствительности, вы скоро сдѣлаетесь не хуже ихъ подлецами.

«Но вы ни воровать, ни мечтать не хотите; вы презираете почти одинаково міръ всероссійской дѣйствительности и книжноидеальный міръ, служившій доселѣ для *чистыхъ* душъ убѣжищемъ отъ государственной грязи. Вотъ отчего отечественная литература наша стала въ тупикъ, вотъ отчего она не можетъ понять, ни куда вы идете, ни чего вы хотите.

«Въ недоумѣніи господа московскіе и петербургскіе журналисты рѣшили, что ваше настоящее движеніе—дѣло польскихъ подземныхъ интригъ». Ничего не могло быть, по мнѣнію Бакунина, «подлѣе и глупѣе»... «Глупѣе, потому что нужно дойти до крайней степени тупоумія, чтобъ не замѣтить съ перваго раза пропасти, лежащей между программою огромнаго большинства польскихъ патріотовъ и программою нашей молодежи, представительницы и поборницы русскаго народнаго дѣла». Бакунинъ видѣлъ между революціонной молодежью и тою «польскою шляхетски-котолическою партіей, которой журналистика приписываетъ наибольшее вліяніе на русскую молодежь», только одно общее чувство и одну общую цѣль: «это ненависть ко Всероссійскому государству и твердую волю способствовать всѣми возможными средствами его разрушенію». Но и только: далѣе« *мы* хотимъ окончательнаго разрушенія всякой государственности въ Россіи и внѣ Россіи; *они* мечтаютъ о возстановленіи Польскаго государства». Интересно отмѣтить, какъ въ этомъ мѣстѣ, незамѣтно, быть можетъ, для самого себя, Бакунинъ подмѣнялъ идеалы революціонной части студенчества своими собственными идеалами и вмѣсто «вы» (молодежь) ставилъ «мы».

«Польскіе государственники мечтаютъ не о добромъ»,—отмежевывался далѣе Бакунинъ отъ поляковъ-націоналистовъ,—«не о добромъ, потому что всякое государство, какъ бы либеральны и демократичны ни были его формы, ложится подавляющимъ камнемъ на жизнь народную... Если бы имъ удалось, пожалуй, хоть съ помощью иностранцевъ, разумѣется, не съ народной помощью, возстановить польское государство, необходимо основанное на шляхетствѣ, или все равно (?), на личной поземельной и наслѣдственной собственности, они безъ сомнѣнія, сдѣлались бы столько же нашими врагами, сколько и притѣснителями своего собственнаго народа. Если это случится, мы станемъ войной противъ нихъ во имя общенародной свободы и жизни. А до тѣхъ поръ, мы имъ друзья и помощники, потому что ихъ дѣло — дѣло разрушенія Всероссійскаго Государства, также и наше дѣло.

«У русскихъ и не русскихъ народовъ, закабаленныхъ въ имперію, нѣтъ теперь злѣе врага, чѣмъ Всероссійское Государство». Затѣмъ, выразивши сожалѣніе, что «польскіе патріоты» не разумѣютъ смысла «русскаго движенія», не довѣряютъ ему, почему и связь между ними и этимъ движеніемъ ничтожна, Бакунинъ заявлялъ: «Нѣтъ, не вліяніе польскихъ интригъ, а другая, болѣе громадная сила движетъ русскою молодежью—сила народная. Приближаются времена Стеньки Разина!..»

Бакунину казалось, что шестидесятые годы XIX-го вѣка представляютъ «замѣчательное сходство» съ царствованіемъ Алексѣя Михайловича... «Тогда, какъ и теперь, измученный, разграбленный и изнуренный голодомъ народъ, бѣжалъ изъ деревень въ лѣса. Теперь, какъ и тогда, волнуется вся крестьянская и чернорабочая Русь, все болѣе понимающая... обманъ, и ожидающая новой, настоящей воли, уже не сверху, а снизу, путемъ, указаннымъ ей Стенькой Разинымъ... Да, явно готовится и приближается новая кровавая встрѣча, новый бой на жизнъ и на смерть между Русью народной и между Русью казенной»...

«Кто побѣдитъ въ этотъ разъ? Народъ, безъ сомнѣнія. Стенька Разинъ былъ богатырь, но онъ былъ одинъ между всѣми и надъ всѣми; его личная громадная сила не могла устоять противъ сплотившейся и организовавшейся государственной силы, такъ какъ въ народѣ, предводительствуемомъ имъ однимъ, не было и тѣни организаціи. Погибъ онъ, и все погибло. Теперь будетъ не то. Не будетъ, вѣроятно, народнаго богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающаго въ своемъ лицѣ всю народную жизнь и силу. Но будетъ за то легіонъ безсословной и безъимянной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью и сплоченной крѣпко между собой одною мыслью и цѣлью. Соединеніе этой молодежи съ народомъ—вотъ залогъ народной побѣды.

«Русская грамотная молодежь потому сдѣлалась теперь такъ крѣпка, непреклонна и непримирима, что она приняла ужъ въ себя душу народную—она хочетъ не своего, а народнаго торжества. Стенька Разинъ, на этотъ разъ не одинокій, а коллективный, и тѣмъ самымъ непобѣдимый, у ней за плечами. Вотъ настоящій смыслъ ея нынѣш-

нихъ, еще невинныхъ движеній, и вотъ почему эти движенія, несмотря на свою видимую незначительность, повергаютъ въ трепетъ весь нашъ сословный, казенный, литераторствующій и правительствующій государственный міръ».

Изъ этой (невѣрной) предпосылки Бакунинъ дѣлалъ выводъ о необходимости для молодежи, для разночинной интеллигенціи, порвать съ «наукой» и итти въ народъ во имя великаго всенароднаго бунта.

«И такъ, молодые друзья, бросайте скорѣе этотъ міръ, обреченный на гибель, эти университеты, академіи и школы, изъ которыхъ васъ гонятъ теперь и въ которыхъ стремились всегда разъединить васъ съ народомъ. Ступайте въ народъ! Тамъ ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, какъ служить народу и какъ лучше вести его дѣло. Помните друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителемъ, не благодѣтелемъ и не диктаторомъ-указателемъ для народа, а только повивальною бабкою самоосвобожденія народнаго, сплотителемъ народныхъ силъ и усилій. Чтобъ пріобрѣсть способность и право служить народному дѣлу, она должна утопиться въ народѣ. Не хлопочите о наукѣ, во имя которой хотѣли бы васъ связать и обезсилить. *Эта* наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель. Наука же новая и живая, несомнѣнно, народится потомъ, *послѣ* народной побѣды, изъ освобожденной жизни народа.

«Таково убѣжденіе лучшихъ людей на Западѣ, гдѣ такъ же, какъ и въ Россіи, старый государственный міръ, основанный на религіи, на метафизикѣ и на буржуазной цивилизаціи, на правѣ семейномъ и на наслѣдственномъ правѣ, видимо падаетъ и долженъ уступить мѣсто освобожденному чернорабочему міру. Вамъ врутъ, говоря, что въ Европѣ все спитъ. Напротивъ, все просыпается, и надо быть, право, слѣпымъ и глухимъ, чтобы не услышать и не увидѣть несомнѣнныхъ признаковъ приближающейся общественной бури.

«Готовясь къ борьбѣ, помимо всѣхъ границъ государственныхъ, рабочій міръ подалъ себѣ руку, въ Европѣ и въ Америкѣ, и во имя общей побѣды, зоветъ васъ, русскую безсословную молодежь, васъ, работниковъ, революціи, на крѣпкій союзъ» [1]).

Эта прокламація Бакунина весьма интересна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ ней онъ въ законченной формѣ выразилъ свое мнѣніе о революціонной роли разночинной интеллигенціи, во-вторыхъ, впервые ясно и точно формулировалъ задачу, которую онъ ставилъ разночинному интеллигенту—революціонеру. Еще въ 1862 г. въ ст. «Народное Дѣло» [2]), призывая Александра II созвать Земскую Думу, Бакунинъ писалъ: «Если пропустите время, то, пожалуй, наша передовая молодежь, наша надежда и сила, пробьетъ себѣ, наконецъ, дорогу къ народу и черезъ роковую пропасть подастъ ему руку... И почему молодежь не за васъ, а вся молодежь противъ васъ? Вѣдь это для васъ» (правительства) «большое несчастіе потому, что молодежь

[1]) „Письма", женев. изд., прилож., с. 468; прокламація была помѣчена: апр. 1869 г. Женева.

[2]) „Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель", Лонд., 1862; см. также „Полн. собр. соч. М. А. Бакунина" Изд. И. Балашева, СПБ. 1906, т. I, с. 223 и слѣд.

уже сама по себѣ составляетъ и право и силу, особенно, когда, не заключаясь въ себѣ самой, собой суетно не довольствуясь, она стремительно, страстно рвется въ народъ, къ службѣ народной». Затѣмъ Бакунинъ приводилъ слова лидера сѣв.-америк. демократовъ Дугласа, во время президентскихъ выборовъ: «наше дѣло потеряно, молодежь противъ насъ!»—«Глубокое слово!», восклицалъ Бакунинъ «Молодежь, какъ народъ, живетъ болѣе инстинктомъ, а инстинктъ всегда тянетъ ее на сторону жизни, на сторону правды... Она можетъ ошибаться въ мысляхъ, или вѣрнѣе, въ выраженіи мыслей своихъ, въ чувствѣ своемъ она ошибается рѣдко»...

Въ той же статьѣ 1862 г. Бакунинъ устанавливалъ, что «русское движеніе, демократическое и въ высшей степени соціальное» будетъ народнымъ. «Народъ есть главная цѣль и единая, настоящая сила всего движенія». Русской молодежи «предстоитъ подвигъ не учительскій, а очистительный, *подвигъ сближенія и примиренія съ народомъ*», полагалъ Бакунинъ, идеализируя народъ. «Со всею своею наукою мы безконечно бѣднѣе народа», увѣрялъ онъ. «Народъ нашъ, пожалуй, грубъ, безграмотенъ, я не говорю неразвитъ, потому что у него было свое историческое развитіе, покрѣпче и посущественнѣе нашего... Но зато въ немъ есть жизнь, есть сила, есть будущность;—онъ есть!.. А насъ собственно нѣтъ; наша жизнь пуста и безцѣльна». И, наконецъ, возведя народъ на пьедесталъ, Бакунинъ дѣлалъ заключеніе: «Вопросъ о нашемъ сближеніи съ народомъ не для народа, а для насъ, для всей нашей дѣятельности, есть вопросъ о жизни и смерти»...

Такимъ образомъ, еще въ 1862 г. Бакунинъ проповѣдовалъ своеобразное обожествленіе народа и совѣтовалъ разночинной молодежи «учиться» у народа. Что касается самаго призыва итти въ народъ изъ закрытыхъ правительствомъ учебныхъ заведеній, то это Герценъ былъ первый, который его произнесъ. «Куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку»,—писалъ онъ 1 ноября 1861 г., обращаясь къ петербургскимъ студентамъ [1])... «Сказать вамъ куда? Прислушайтесь—благо тьма не мѣшаетъ слушать—со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ—это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля.

Въ народъ! къ народу! вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, пожите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не подъячіе, а воины [2]), но не безродные наемники, а воины народа русскаго»...

Высокую оцѣнку революціонной готовности разночинной интеллигенціи, а равно и отрицательное отношеніе къ «казенной», буржуазной наукѣ, которыя столь характерны для приведенной выше прокламаціи Бакунина, мы находимъ и въ современныхъ заграничныхъ его статьяхъ и письмахъ [3]).

---

[1]) „Колоколъ“ № 110, „Исполинъ просыпается“.

[2]) Бистромъ, командовавшій солдатами, „усмирявшими“ студентовъ, говорилъ солдатамъ, что студенты—это *подъячіе*, недовольные освобожденіемъ крестьянъ (!).

[3]) Такъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ объ Италіи (въ 1872 г.) къ одному испанцу, Бакунинъ говорилъ: „Италія, вмѣстѣ съ Испаніей есть, можетъ быть, самая ре-

Въ этихъ сочиненіяхъ и статьяхъ Бакунинъ рисовалъ революціонное студенчество, какъ авангардъ великой революціонной арміи пролетаріата. Понятное дѣло, что студенческіе безпорядки 1869 г., особенно въ изображеніи Нечаева, заставляли Бакунина съ восторгомъ привѣтствовать ихъ, переоцѣнивая ихъ значеніе.

Дальнѣйшее развитіе взгляды Бакунина на науку и революцію получили въ брошюрѣ «Наука и насущное революціонное дѣло», а взгляды его на сущность революціонной работы въ народѣ нашли себѣ мѣсто и изложеніе въ его «Государственности и анархіи» [1]) (особенно, въ приложеніи *А.*). Но мы не будемъ касаться ихъ здѣсь, такъ какъ они относятся къ болѣе позднему періоду (1870—3 г.г.). Что касается Нечаева, то онъ (какъ можно думать, въ сотрудничествѣ съ Бакунинымъ) продолжалъ развивать свои взгляды въ брошюрахъ и

волюціонная страна. Въ Италіи есть то, чего недостаетъ другимъ странамъ: молодежь горячая, энергичная, совершенно безъ мѣста въ жизни (déplacée), безъ видовъ на карьеру, безъ выхода (sans carrière, sans issue), которая, несмотря на свое буржуазное происхожденіе, не истощена морально и интеллектуально, какъ буржуазная молодежь другихъ странъ. Теперь она бросается внизъ головою (à tête perdue) въ революціонный соціализмъ"... См. брошюру L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs. Rapport etc. Londres et Hambourg, 1873, p. 136. Это, по существу, та же вѣра въ интеллигентный пролетаріатъ Италіи, что была у Бакунина и въ русскій „грамотный міръ безпардонныхъ юношей". Въ „Egalité" (1869 г. за іюль) мы находимъ рядъ статей подъ названіемъ „Усыпители". Въ ст. 3-ей Бакунинъ писалъ что въ нѣдрахъ буржуазіи есть двѣ группы, воспріимчивыя къ соціалистической пропагандѣ: это *мелкая буржуазія* (!) и *школьная* и *университетская молодежь*. „Правда, оговаривался Бакунинъ, дѣти буржуазныхъ семей наслѣдуютъ чаще всего сознаніе своихъ правъ на привиллегіи, вмѣстѣ съ узкими предразсудками и эгоистическими инстинктами своихъ отцовъ. Но пока они еще юны, въ нихъ еще нельзя совершенно отчаяваться. Въ юношествѣ есть энергія, ширь великодушныхъ порывовъ и прирожденный инстинктъ справедливости, которые и составляютъ противовѣсъ гибельнымъ вліяніямъ. Развращенная примѣрами и вліяніями своихъ отцовъ, молодежь не испорчена еще собственнымъ опытомъ жизни; ея личная дѣятельность еще не вырыла пропасти между нею и справедливостью; что же касается вредныхъ отцовскихъ традицій, то противовѣсомъ имъ служитъ духъ противорѣчія и инстинктивнаго протеста, всегда свойственный молодымъ поколѣніямъ по отношенію къ поколѣніямъ отживающимъ. Молодежь непочтительна, она инстинктивно презираетъ традиціи и авторитеты. Въ этомъ ея сила и ея спасеніе". Вторымъ благотворнымъ факторомъ было для молодежи, по мнѣнію Бакунина, вліяніе науки; но не наукъ общественныхъ, которыя-де „фальшивы по существу, потому что онѣ, не опираясь на ихъ дѣйствительную основу—естествознаніе, всѣ имѣютъ въ своемъ основаніи теологію, метафизику и юриспруденцію... Современные университеты, это лавчонки, монополизировавшія продажу лжи оптомъ и въ розницу"... *Настоящими* науками Бакунинъ считалъ „точныя науки и естествознаніе". Въ то время, какъ „почти всѣ молодые люди, посвятившіе себя изученію отвлеченныхъ наукъ, горячо сочувствуютъ всякому доктринерству и присоединяются къ партіи эксплоататоровъ и реакціонеровъ, юноши, изучающіе естественныя науки, съ неменьшей горячностью вступаютъ въ ряды революціонеровъ"...

Бакунинъ съ радостью сообщалъ, что „вся эта умная, великодушная университетская молодежь" (заграничная) присоединится вскорѣ къ Интернаціоналу. Тутъ же онъ высказывалъ свой неизмѣнный взглядъ на науку. „Содѣйствіе молодежи весьма цѣнно, но только при условіи, если она поймете, что назначеніе науки въ данное время не господствовать надъ трудомъ, но служить ему, и что, прежде чѣмъ учить рабочихъ, нужно сначала самой молодежи многому у нихъ научиться. Революціонное студенчество составляетъ часть буржуазной молодежи; рабочіе же, это юношество всего человѣчества; въ себѣ несутъ они все будущее міра. Въ готовящейся борьбѣ рабочіе составятъ ядро арміи, студенты же только авангардъ"... См. *„Egalite"*, 1869, 10 Juillet., также въ брош. „Усыпители" Бакунина, изд. „Равенство", СПБ, 1906, с. 8—11.

[1]) *Бакунинъ.* Полн. собр. сочин., изд. И. Балашова, СПБ, 1907, гл. II.

воззваніяхъ, выходившихъ за границей лѣтомъ 1869 г. Сюда относятся его изданія: «Постановка революціоннаго вопроса», «Начала революціи» и нѣк. др. Но главная его программа была изложена имъ въ листкахъ отдѣльнаго журнала, выпущеннаго имъ подъ названіемъ «Изданія Общества Народной Расправы» [1]) Первый № вышелъ подъ заголовкомъ: «Москва, лѣто 1869 г.», а второй: «С.-Петербургъ», хотя оба, конечно, печатаны были въ Лондонѣ.

Въ началѣ Нечаевъ заявлялъ, что «всенародное возстаніе замученнаго Русскаго люда неминуемо и близко», хотя не приводилъ въ доказательство этой мысли рѣшительно ничего. Дальше рисовалась роль «молодежи» въ ближайшее время: «Мы, т. е. та часть народной молодежи, которой удалось такъ или иначе получить развитіе, должны расчистить ему дорогу, т. е. устранить всѣ мѣшающія препятствія и приготовить всѣ благопріятныя условія».

Въ виду неминуемости и близости грезившагося Нечаеву народнаго возстанія, онъ считалъ необходимымъ «соединить въ одно неразрывное дѣло всѣ разрозненныя революціонныя усилія въ Россіи». Съ этой цѣлью онъ и хотѣлъ выпускать листки «отъ имени Революціоннаго Центра», изъ которыхъ каждый единомышленникъ, его «всякій изъ работниковъ святого дѣла обновленія» всегда видѣлъ бы, «чего мы хотимъ и куда мы идемъ». Такимъ образомъ, высказывая свою завѣтную мысль, во имя которой Нечаевъ положилъ свою жизнь, онъ сразу же на мѣсто подлиннаго «Революціоннаго Центра» подставлялъ себя, свою личность; всюду говорилъ *мы* отъ имени «Революціоннаго Центра», хотя, въ сущности говоря, былъ единственнымъ членомъ этого *центра*, на самомъ дѣлѣ не существовавшаго.

«Цѣль этихъ листковъ, разумѣется, не литературная и не ученая. Пусть люди, у которыхъ остается много времени отъ бездѣлья, продолжаютъ тѣшить себя и морочить другихъ, праздноглагольствуя о литературѣ и о наукѣ, о просвѣщеніи и воспитаніи, о прогрессѣ и цивилизаціи!

«Намъ некогда.

«По нашему, нѣтъ теперь въ Россіи литературы, а есть печатная лесть и доносы.

«Нѣтъ науки, а есть софистика, искажающая прошлое и возводящая въ непремѣнный законъ страданія народныхъ массъ, какъ неизбѣжную основу развитія господствующаго меньшинства.

«Нѣтъ просвѣщенія и воспитанія народнаго, а есть выработка шпіоновъ и чиновниковъ.

«Нѣтъ прогресса и цивилизаціи, а есть громадная, государственная эксплуатація народныхъ силъ для удовольствія вѣчно празднующаго и пресыщающагося барства, эксплуатація, охватывающая со всѣхъ сторонъ Русскій народъ,... удушающая и подавляющая всякое проявленіе жизни въ немъ».

Въ такой формѣ развивалъ Нечаевъ отношеніе къ наукѣ, высказанное уже Бакунинымъ. Цѣль своихъ стремленій Нечаевъ высказы-

---

[1]) Обществомъ „Топора“ или „Народной Расправы“ Нечаевъ хотѣлъ назвать (и назвалъ) ту организацію, которая должна была быть образована въ Россіи осенью 1869 г.

валъ въ слѣдующей формѣ: «Мы хотимъ, чтобы наши задавленные государствомъ отцы, братья и сестры сбросили съ своихъ плечъ праздное, тунеядствующее меньшинство; мы хотимъ, чтобъ русскій мужикъ широко, свободно вздохнулъ мощной, вольной грудью.

«Мы хотимъ народной, мужицкой революціи».

Затѣмъ Нечаевъ переходилъ къ вопросу о революціонной тактикѣ, къ проповѣди необходимости вести пропаганду не словами, а фактами.

«Для насъ,—писалъ онъ,—мысль дорога только, по скольку она можетъ служить великому дѣлу радикальнаго и повсюднаго разрушенія. Но ни въ одной изъ нынѣ существующихъ книгъ нѣтъ такой мысли. Кто учится революціонному дѣлу по книгамъ, будетъ всегда революціоннымъ бездѣльникомъ. Мысль, способная служить революціи народной, вырабатывается лишь изъ народнаго революціоннаго дѣла, должна быть результатомъ ряда практическихъ опытовъ и проявленій, стремящихся всѣми средствами и всегда неуклонно къ одной и той же цѣли безпощаднаго разрушенія. Все, что нейдетъ по этому пути, для насъ чуждо и враждебно. Мы не позволимъ себя закупить никакими революціонными фразами, на которыя такъ щедры доктринерствующіе поборники бумажной революціи. Мы потеряли всякую вѣру въ слова; слово для насъ имѣетъ значеніе только, когда за нимъ чувствуется и непосредственно слѣдуетъ дѣло. Но далеко не все, что нынѣ называется дѣломъ, есть дѣло. Напримѣръ, скромная и черезчуръ осторожная организація тайныхъ обществъ, безъ всякихъ внѣшнихъ, практическихъ проявленій, въ нашихъ глазахъ не болѣе, какъ мальчишеская игра, смѣшная и отвратительная. Фактическими же проявленіями мы называемъ только рядъ дѣйствій, разрушающихъ положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношеніе, мѣшающія народному освобожденію».

Въ этихъ строкахъ содержится дальнѣйшее развитіе мыслей, высказанныхъ Нечаевымъ въ прокламаціи къ студентамъ, и главная сущность его основной мысли—проповѣди «пропаганды дѣломъ» (par le fait), получившей потомъ среди русской революціонной молодежи кличку «парлефетизма».

«Не щадя живота и не останавливаясь ни передъ какими угрозами, трудностями и опасностями, мы должны, рядомъ личныхъ дѣйствій и жертвъ, слѣдующихъ одни за другими, по общему строго обдуманному и сговоренному плану, должны рядомъ смѣлыхъ, да дерзкихъ попытокъ ворваться въ народную жизнь и, возбудивъ въ народѣ вѣру въ насъ и себя, въ его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его къ торжественному совершенію его же собственнаго дѣла»...

Вотъ каковъ былъ планъ, намѣченный Нечаевымъ, передъ началомъ вторичной его попытки (осенью 1869 г. въ Москвѣ) использовать въ революціонныхъ цѣляхъ студенческое движеніе.

Сущность общей своей программы Нечаевъ видѣлъ хорошо выраженной [1]) въ № 1 «Народнаго Дѣла» (сент. 1868 г.), но далеко не

---

[1]) См. II гл. настоящаго очерка. „Былое“ 1907, ноябрь.

соглашался «съ его умѣреннымъ тономъ, съ его литературными формами и вообще со всею абстрактно теоретической обстановкой». Нечаевъ рекомендовалъ читателямъ «почти безусловно» воззваніе Бакунина къ учащейся безсословной молодежи. «Вещь дѣльная,—замѣчалъ онъ съ важностью,—хотя и далеко не высказывающая всего. Бакунинъ правъ, уговаривая *насъ* (!!!) бросить академіи, университеты и школы и итти въ народъ. Это мысль справедливая, но далеко не новая. Дѣло въ томъ, *какъ идти въ народъ и что дѣлать въ народѣ*?» Нечаевъ утверждалъ (и совершенно ложно), будто бы «Бакунинъ не сказалъ объ этомъ ни слова, а въ этомъ-то и состоитъ нынѣ главная задача всѣхъ честныхъ революціонеровъ въ Россіи, которые, не довольствуясь словами и требуя дѣла, нуждаются не въ туманныхъ, а точныхъ и опредѣленныхъ совѣтахъ». Поэтому Нечаевъ рекомендовалъ листки, въ которыхъ этотъ практическій вопросъ рѣшался «откровеннѣй и дѣльнѣй», по его мнѣнію, а именно: «Постановка революціоннаго вопроса», «Начала революціи» и свою прокламацію къ студентамъ, хотя и сожалѣлъ, что послѣдняя носитъ исключительно студенческій характеръ. Нужно ли добавлять, что подъ вышеизложенной передовицей № 1 «Народной Расправы» стояла подпись «Русскаго Революціоннаго Комитета» и «Москва», какъ мѣстонахожденіе этого комитета.

Въ томъ же № 1 «Изд. О-ва Народной Расправы» была помѣщена большая статья того же Нечаева (и также безъ его подписи) подъ названіемъ: «Взглядъ на прежнее и нынѣшнее пониманіе дѣла», посвященная «истинно-народной молодежи, прочувствовавшей всю сладость современнаго общественнаго строя».

Въ ней Нечаевъ противопоставлялъ «ходъ развитія революціонной мысли образованнаго слоя», робкій, пристрастный, постоянно готовый на уступки и даже примиреніе, при первомъ вѣяніи правительственнаго либерализма,—тому «цѣлостному, здоровому революціонному складу воззрѣній, который, по мнѣнію Нечаева, постоянно, во всѣ времена исторической жизни былъ присущъ нашему народу, поднимавшемуся во имя полной свободы, для полнаго истребленія условій неволи и рабства». Здѣсь Нечаевъ высказывалъ вѣрную мысль о причинѣ такого хода «революціонной мысли» у «образованнаго слоя», не выключая и учащейся молодежи; она (революціонная мысль), говоритъ Нечаевъ, «какъ бы не имѣла почвы подъ ногами»... «Мыслящія силы, пока въ ряды ихъ не пробилась струя народная, не могли быть крѣпкими и устойчивыми. Головы ихъ работали надъ «жгучими вопросами» не по необходимости, не изъ желанія освобожденія отъ мукъ и боли, а больше отъ праздности, отъ скуки и пресыщенія. Поэтому дальше разочарованій въ настоящемъ и скептицизма относительно будущаго, дѣло не шло даже у личностей серьезныхъ»... «Были, конечно, и исключенія», добавлялъ Нечаевъ. Но за послѣднее десятилѣтіе (1859—1869) «втихомолку, вдали отъ крикливыхъ фразеровъ, вырабатывались люди мощи и силы, люди, положившіе инициативу настоящаго, истиннаго, святого революціоннаго дѣла, дѣла обновленія русской жизни...», пояснялъ Нечаевъ. «Ихъ начинаніе было прологомъ готовой теперь начаться русской народной трагедіи».

Дѣлая историческій обзоръ русскаго революціоннаго движенія,

Нечаевъ видѣлъ причину его неуспѣха въ отсутствіи у общества сознанія «причинъ негодности жизни»... «Критика находила причину золъ и бѣдствій почти всегда въ характерѣ личности, рѣдко въ какой либо системѣ дѣйствій и никогда въ общемъ складѣ жизни, взятой въ полицейскомъ и экономическомъ смыслахъ». Тогдашніе люди не понимали, что «все то, что составляетъ лицо, т. е. его отличительныя свойства, прививается извнѣ, отъ общаго вліянія всѣхъ жизненныхъ условій; и что не палліативы нужны для устраненія зла, а радикальное, всеобщее измѣненіе, при которомъ все гнилое и дряблое должно быть уничтожено»... Въ отсутствіи въ рядахъ возставшаго, при Пугачевѣ, народа представителей тогдашнихъ образованныхъ людей Нечаевъ видѣлъ «сильнѣйшее доказательство полнаго отсутствія пониманія народныхъ скорбей и полнаго отсутствія силы, мощи и характера въ тогдашнемъ молодомъ образованномъ обществѣ». Декабристы, по словамъ Нечаева, сознававшіе нелѣпость деспотизма монархическаго, видѣвшіе невозможность какого бы то ни было улучшенія общественной жизни при ономъ, отличались, главнымъ образомъ, отъ своихъ предшественниковъ силой и крѣпостью. Конечно, они отрицали государя-монарха Николая, не отрицали государя и государства *вообще*; но въ декабристахъ Нечаевъ цѣнилъ ихъ «отрицаніе *на дѣлѣ*»... «Въ декабристахъ проявляется революціонный героизмъ молодой проснувшейся русской общественной силы». «Декабристами заканчивается рядъ людей, думавшихъ о союзѣ народа съ государствомъ, взятымъ въ той или другой формѣ, конституціонной или республиканской; и вопросъ въ кругу образованнаго слоя начинаетъ переходить изъ политическаго въ, такъ называемый, экономически-соціальный».

«На самомъ же дѣлѣ, то, что обыкновенно называется соціализмомъ,—утверждалъ съ большой смѣлостью Нечаевъ,—вовсе не новость. Это тѣ стремленія, что всегда и вездѣ были присущи массамъ; и для осуществленія ихъ только и подымался народъ. Мужики вездѣ и всегда вставали затѣмъ, чтобы стереть съ лица земли сильнаго, гнетущаго, въ формѣ ли капиталиста, или въ формѣ барина». Такимъ образомъ, Нечаевъ въ понятіи соціалистической борьбы, борьбы за соціализмъ валилъ въ кучу и борьбу западно-европейскихъ рабочихъ противъ гнета капитала и безсознательные мужицкіе бунты XVII и XVIII вв., не имѣвшіе ничего общаго съ соціализмомъ. Мало того, онъ пренаивно вѣрилъ въ народъ, который-де умнѣе всѣхъ «доктринеровъ», теоретиковъ. «Конечно, говорилъ онъ, мужики никогда не занимались измышленіемъ формъ будущаго общиннаго быта, но тѣмъ не менѣе они, по *устраненіи всего мѣшающаго имъ, (т. е. послѣ всеразрушительной революціи, перваго дѣла, а потому для насъ теперь самаго главнаго)* сумѣютъ устроиться гораздо осмысленнѣй и лучше, чѣмъ то можетъ выйти по всѣмъ теоріямъ и проектамъ, писаннымъ доктринерами соціалистами, навязывающимися народу въ учителя, а главное, въ распорядители. Для неиспорченнаго очками цивилизаціи (!) народнаго глаза слишкомъ ясны стремленія этихъ непрошенныхъ учителей во всѣхъ этихъ проектахъ оставить себѣ и подобнымъ теплое мѣстечко, подъ кровомъ *науки, искусства* и т. п.» Естественнымъ

слѣдствіемъ теоріи народной мудрости и благодати, почившей на русскомъ мужикѣ, было разсужденіе Нечаева: «Въ казацкомъ кругу, устроенномъ Василіемъ Усомъ въ Астрахани, по выходѣ оттуда Степ. Тим. Разина, идеальная цѣль общественнаго равенства неизмѣримо болѣе достигалась, чѣмъ въ фаланстерахъ Фурье, институтахъ Кабе, Луи-Блана и прочихъ ученыхъ соціалистовъ, болѣе чѣмъ въ ассоціаціяхъ Чернышевскаго».

Естественнымъ выводомъ изъ этой теоріи являлся также призывъ Нечаева къ тому, что впослѣдствіи получило названіе «прямого дѣйствія» action directe). «Если бы декабристы, думалъ Нечаевъ, имѣли болѣе народнаго пониманія, если бы они больше знали душу мужика, то не стали бы съ толпами солдатъ и народа на площади заниматься переговорами, да криками о желаніи конституціи, пока Николай собиралъ артиллерію; они немедленно повели бы народъ на убіеніе сильныхъ и на отнятіе у нихъ всего для возвращенія въ мужицкія руки (грабежъ, пояснялъ Нечаевъ, грабежъ на офиціально-буржуазномъ прилизанномъ языкѣ), всего, что вмѣстѣ съ кровью и потомъ выжималось изъ крестьянства въ продолженіе столѣтій». Тогда, по мнѣнію Нечаева, «народъ бы всталъ за ними, во имя этого, сплошной массой; и побѣда была бы на его сторонѣ». Нечаевъ съ грустью отмѣчалъ, что декабристы отвергли «дѣльный» совѣтъ Якубовича: «разбивать кабаки, позволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ церквей, итти на дворецъ»... Такимъ образомъ, *грабежъ*, по собственному выраженію Нечаева, долженъ былъ стать для русскаго мужика средствомъ для достиженія соціалистическаго устройства.

Затѣмъ Нечаевъ очень недурно изображалъ безсиліе, апатію, отчаяніе, охватившія русское «образованное сословіе» въ николаевскую эпоху; изображалъ безплодное теоретизированіе, отсутствіе «энергіи и устойчивости, необходимыхъ для всякаго практическаго дѣла». Причину такого общественнаго состоянія Нечаевъ видѣлъ въ томъ, что общественное движеніе этой эпохи «производилось однѣми идеями, а не силою ненависти къ современному порядку, ненависти, вынесенной изъ прожитаго, перечувствованнаго страданія народнаго. Николай ссылалъ бунтующихъ студентовъ на родину къ отцу или матери. Семейная жизнь для молодежи дѣлалась новыми узами, порвать которыя не хватало силъ. Протестовавшая противъ начальства личность поддавалась обаянію семейной гнили и не находила силъ возстать противъ родственной эксплуатаціи. Молодой человѣкъ, высланный изъ столицы уже совсѣмъ опускалъ руки, какъ бы смирялся, считалъ свое дѣло поконченнымъ»...

Переходъ отъ тягостнаго состоянія общества при Николаѣ I-мъ къ революціонному движенію 60-хъ годовъ Нечаевъ коротко объяснялъ «революціей мысли» въ умахъ общества, но не выяснялъ причинъ этой революціи.

Современныхъ революціонеровъ Нечаевъ называлъ «людьми дѣла, людьми разбивающими государственный и экономическій строй не въ отвлеченной идеѣ, а въ тѣхъ формахъ и лицахъ, въ которыхъ онъ проявляется»...

«Мы, говорилъ далѣе Нечаевъ, повидимому, о разночинной ин-

теллигенціи, мы изъ народа, со шкурой прохваченной зубами современнаго устройства, руководимые ненавистью ко всему ненародному, не имѣющіе понятій о нравственныхъ обязанностяхъ и чести по отношенію къ тому міру, который ненавидимъ и отъ котораго ничего не ждемъ кромѣ зла [1]).

«Мы имѣемъ только одинъ отрицательный неизмѣнный планъ—безпощаднаго разрушенія.

«Мы прямо отказываемся отъ выработки будущихъ жизненныхъ условій, какъ несовмѣстной съ нашей дѣятельностью... Пусть новое зданіе строютъ новые плотники, которыхъ вышлетъ изъ своей среды народъ, когда мы дадимъ возможность вздохнуть ему полной, вольной грудью, сбросивъ съ нея тяжкій гнетъ государства»...

Наконецъ, «откинувъ въ сторону всѣ отвлеченныя разсужденія», Нечаевъ рекомендовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ терроръ, поголовное истребленіе противниковъ народнаго освобожденія. Послѣднихъ дѣлилъ онъ на три разряда:

1) «Тѣ изъ лицъ, занимающихъ высшія правительственныя должности и сосредоточивающихъ власть надъ военными силами, которыя особенно усердно выполняютъ свои начальническія обязанности.

2) «Люди, обладающіе большими экономическими силами и средствами и употребляющіе эти силы исключительно для себя и своего сословія, или для пособій государству.

3) «Люди, разсуждающіе и пишущіе по найму, т. е. публицисты, подкупленные правительствомъ, и литераторы, лестью и доносами надѣющіеся добиться административныхъ подачекъ».

Со всѣми этими лицами Нечаевъ хотѣлъ расправиться весьма энергично—первую категорію хотѣлъ онъ «истреблять безъ всякихъ разсужденій»; у второй категоріи — «отбирать экономическія силы и средства; третью же категорію онъ хотѣлъ «заставить молчать тѣмъ или другимъ способомъ (хотя бы [!!] лишеніемъ языка)»... Проектъ, нужно сознаться, единственный въ своемъ родѣ! Къ программѣ этого *физическаго* истребленія своихъ противниковъ Нечаевъ прилагалъ и списокъ тѣхъ, кого ему хотѣлось уничтожить въ первую очередь, составленный имъ «по степени мерзостности и зловредности». Интересно отмѣтить, что въ спискѣ этомъ, наряду съ министрами и дѣятелями полиціи явной и тайной, придворными, губернаторами и т. п. лицами, были перечислены и такія лица, какъ Катковъ, «молодой псевдоученый» пр. Градовскій, Як. Ламанскій, Погодинъ, Краевскій и др.

Нужно здѣсь же отмѣтить, что ни программа Нечаева ни тѣмъ болѣе его тактика, не встрѣтили сочувствія среди русскихъ революціонеровъ. Такъ, напр., члены русской секціи Интернаціонала, подобно Герцену, сразу отнеслись недовѣрчиво къ Нечаеву и его прокламаціямъ. И, именно, Ник. Утинъ сталъ собирать всѣ факты идейной и практически-революціонной близости Нечаева и Бакунина, которые были сгруппированы впослѣдствіи въ особомъ докладѣ (Маркса и

[1]) Стр. 13.

Утина) конгрессу Интернаціонала въ Гаагѣ (1873 г.) и послужили причиной исключенія Бакунина изъ Интернаціонала.

Авторъ статьи «Русское соціально-революціонное дѣло въ его соотношеніи съ рабочимъ движеніемъ на Западѣ» въ сборномъ № 7—10 «Народнаго Дѣла» (Ноябрь 1869 г.), несомнѣнно имѣлъ въ виду прокламаціи Нечаева, когда писалъ, что желаетъ «Революціи, а не мѣстной вспышки, легко подавляемой и дающей торжество врагамъ гибелью многихъ жертвъ»... «Поэтому, замѣчалъ авторъ, мы можемъ желать, чтобы партіи Народнаго Освобожденія не мѣшали организоваться ни извѣстные враги ни названные друзья; мы можемъ желать, чтобы ни злостные враги ни нелѣпые друзья не вздумали вызвать своими провокаціями революцію ранѣе, чѣмъ Народная партія успѣетъ сформироваться и сплотиться». Самъ сотрудникъ «Народнаго Дѣла» полагалъ, что «только тогда, когда народъ пойметъ, что дворянская привиллегія, мѣщанское барышничество и солдатскій цезаризмъ суть три солидарные, другъ друга поддерживающіе и взаимно себя обезпечивающіе народные врага, только тогда можно вполнѣ разсчитывать на революцію». Такимъ образомъ, онъ стоялъ за *«цѣлостный* переворотъ», который долженъ былъ одновременно уничтожить всѣ формы народной эксплуатаціи. «Дѣло истинной философіи революціи объяснить разъ на всегда, что революціи гибли..., потому что подготовительная работа для развитія предвавительнаго яснаго сознанія въ народѣ, не была доведена до *извѣстнаго предѣла»*... Считая несовременными вспышками февральскую революцію 1848 г., польское возстаніе 1863 г., авторъ полагалъ, что если бы пропаганда и организація нашли себѣ ранѣе смутнаго времени крѣпостной реформы въ рядахъ русскаго университетскаго, семинарскаго и военнаго юношества—адептовъ, если бы организація составилась и повела свою пропаганду за нѣсколько лѣтъ до 19-го февраля, то ходъ крестьянскаго освобожденія былъ бы иной.

Неудачу «могучихъ повстаній Разина и Пугачева» авторъ видѣлъ въ безсознательности возставшихъ массъ: «онѣ не сознавали вполнѣ, что именно надо разрушить и что именно надо создать? ихъ работа была стихійная, не поддержанная критикою и творчествомъ разума». Поэтому авторъ напоминалъ «тѣмъ мечтателямъ, которые хотѣли бы реставрировать буквально подобныя движенія, что въ памяти народа дѣйствительно живетъ преданіе о жизни его великихъ атамановъ, но... это преданіе безсильно еще само по себѣ, для того, чтобы связать весь народъ повсемѣстно для общаго одновременнаго дружнаго дѣйствія». Хотя здѣсь авторъ и не назвалъ имени Нечаева, но ясно, что онъ имѣлъ въ виду возгласы Нечаева о приближеніи времени Стеньки Разина.

Дальше шли указанія болѣе ясныя. Признавая «огромное значеніе *частныхъ* мѣстныхъ вспышекъ», авторъ говорилъ: «мы хотимъ, чтобъ молодое поколѣніе не впадало въ заблужденіе, прельщаемое революціонными проповѣдями людей, играющихъ въ революціонную игру и самихъ не понимающихъ, въ чью пользу они ведутъ игру! Мы хотимъ, чтобъ молодое поколѣніе энергически отталкивало отъ себя проповѣдниковъ, кричащихъ о томъ, будто пора все бросить, будто

не нужны ни знаніе, ни свѣтъ, ни зрѣлая мысль о новыхъ основахъ жизни, а нужно только поджигать народъ къ мѣстнымъ разбойничьимъ бунтамъ, обманывая народъ одной мѣстности увѣреніемъ будто уже всюду возсталъ народъ, и не только русскій, но и, почитай, всеевропейскій! Мы хотимъ, чтобъ молодое поколѣніе бралось за дѣло съ полнымъ и строгимъ сознаніемъ всего величія задачи и всей громадности труда для Народнаго Освобожденія, и пусть вѣрятъ и само молодое поколѣніе и его непрошенные друзья, что знаніе и свѣтъ нисколько не мѣшаютъ ни энергіи, ни готовности, ни фанатизму, а напротивъ!»...

Затѣмъ сотрудникъ «Народ. Дѣла», бывшаго, какъ извѣстно, въ обостренныхъ отношеніяхъ съ Герценомъ и Огаревымъ, дѣлалъ выпадъ по адресу, какъ можно догадываться, Герцена и Огарева (а можетъ быть, и Бакунина), подозрѣвая ихъ участіе въ нечаевской «Народной Расправѣ». «Старые либералы и радикалы, желчные антагонисты молодой Россіи, не понимаютъ ни ея прошлаго ни ея настоящаго»... Молодой Россіей авторъ статьи считалъ, повидимому, себя и товарищей по группѣ «Народнаго Дѣла», потому что говорилъ дальше: «они (либералы и радикалы) не находятъ ничего лучшаго, какъ, съ одной стороны, сочинять обвиненія на ея счетъ то въ доктринерствѣ, то въ какой-то диктатурѣ..., съ другой стороны—при своей всегдашней непослѣдовательности—они все же ищутъ себѣ партизановъ среди молодежи, прослышавъ о радикализмѣ молодежи и не понимая глубины и серьезности его; они думаютъ, что сумѣютъ увлечь юное поколѣніе своими наиреволюціоннѣйшими фразами «о драмахъ съ убійствами, о красномъ пѣтухѣ и о богатыряхъ-разбойникахъ». Они думаютъ, что сумѣютъ произвести *расколъ* въ молодой Россіи и станутъ, наконецъ, коноводами хоть нѣсколькихъ группъ, лишь бы получить хоть какое-нибудь оправданіе своему назойливому выставленію себя на изумленіе Европы въ качествѣ *руководителей и отцовъ* русской революціи, которая и вспыхнетъ, по ихъ увѣреніямъ, черезъ годъ, черезъ полгода, черезъ «два мѣсяца и будетъ ужъ таковская, что въ Европѣ и во снѣ не снилось». Вводя въ заблужденіе Европу относительно юной радикальной партіи, эти почтенные революціонныхъ дѣлъ мастера готовы точно также вводить въ заблужденіе и русскую молодежь относительно Интернаціональнаго рабочаго движенія»... [1]).

Тотъ же вопросъ затрагивалъ и авторъ письма въ редакцію: «Размышленія о россійскомъ образованномъ обществѣ», помѣщеннаго въ томъ же № «Народ. Дѣла». Авторъ письма издѣвался надъ «впечатлительностью» и невѣжествомъ тѣхъ революціонеровъ, которые хотятъ быть «практиками, но не теоретиками, не доктринерами», ничего не знаютъ о подлинномъ положеніи народа, не знаютъ статистики, но вопятъ о немедленной революціи, «огромной и страшной». «Хотите,—спрашивалъ авторъ,—я напишу сейчасъ же нѣсколько прокламацій, единственно вслѣдствіе чесотки въ рукахъ, ибо не настолько же я глупъ, чтобъ не знать, что никакая прокламація, какъ бы краснорѣчиво она не была составлена, не произведетъ серьезнаго дѣйствія,

[1]) Стр. 127, 131, 137 назв. изд.

если предварительно пропагандой и организаціей *не была приготовлена «почва» для ея плодотворнаго вліянія.*

«Хотите, я напишу въ одинъ изъ западныхъ рабочихъ журналовъ (Egalité) корреспонденцію изъ Россіи, гдѣ представлю, что въ этой странѣ революціонно соціалистическая партія считаетъ нѣсколько тысячъ членовъ, что побѣда ея тамъ, такъ сказать, ужъ на носу виситъ...

«Хотите, я, на основаніи извѣстій о шайкахъ въ 5, 10 человѣкъ, грабящихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и на основаніи того, что на Волгѣ крестьяне поютъ разбойничьи пѣсни и у нихъ живетъ легенда о Разинѣ и Пугачевѣ, возмечтаю составить изъ юныхъ друзей моихъ летучія шайки съ цѣлью жечь помѣщичьи усадьбы, купеческіе склады, вѣшать чиновниковъ и богатыхъ, воображая, что народъ такъ сейчасъ и кинется за ними, незнакомыми людьми, *не заслужившими предварительно его довѣрія*».

Послѣ достаточно ясныхъ намековъ на Нечаева, авторъ говорилъ о необходимости «запастись большой долей энергіи, ума и воли» для того, чтобы слѣдовать примѣру «политической, сдержанной и неуклонной дѣятельности западныхъ рабочихъ». Нужно, говорилъ онъ, «вполнѣ освободиться отъ того традиціоннаго, заманчиваго, романтическаго, *спеціальнаго* взгляда на революціонную дѣятельность, взгляда, который съ генеральскимъ высокомѣріемъ требуетъ и ищетъ *громкихъ* дѣлъ и *великихъ* вспышекъ и пренебрегаетъ постоянной борьбой изо дня въ день съ враждебнымъ порядкомъ на одной почвѣ съ послѣднимъ;... взгляда, который пренебрегаетъ знаніемъ и говоритъ, что знаніе убиваетъ революціонный духъ. Вредный, невѣжественный взглядъ, мѣшающій дѣлу Народнаго Освобожденія!»... [1]).

Наконецъ, въ томъ же номерѣ редакція «Народнаго Дѣла» обращалась съ «запросомъ» къ А. Герцену, Н. Огареву и М. Бакунину «по поводу прокламаціи» (въ статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ). Редакція прямо заявляла, что она не вѣритъ, чтобы Герценъ и Огаревъ имѣли *«какую-либо* солидарность» съ листками, (которые, какъ мы знаемъ, принадлежали Бакунину и Нечаеву). Редакторы «Народнаго Дѣла» высказывали свое «отвращеніе» къ этимъ «до безобразія пошлымъ и до нелѣпости тупоумнымъ листкамъ», представляющимъ «непристойную игру съ великимъ, святымъ дѣломъ революціи».

«Дикое невѣжество рядомъ съ нахальнымъ хвастовствомъ; самовосхваленіе небывалыми фантастастическими подвигами рядомъ съ завистливымъ ляганьемъ во все прошлое погибшихъ борцовъ; неразсчетливыя или слишкомъ разсчитанныя провокаціи рядомъ съ кровавыми посулами и инквизиціонными угрозами—и не только отъявленнымъ врагамъ свободы, но рѣшительно всѣмъ и каждому, кто посмѣетъ не повѣрить этимъ доблестнымъ рыцарямъ въ ихъ увѣреніяхъ, что они *берутся* сломать все существующее всеразрушающимъ кровопролитіемъ, ядомъ, ножомъ, петлею, огнемъ и т. д., и т. д., и кто не пойдетъ по ихъ приглашенію «въ *разбойничій* міръ..., въ которомъ *одномъ* только существуетъ издавна *настоящая* революціонная *кон-*

[1]) Стр. 155, 157—8.

спирація!»—бредъ безумнаго старчества рядомъ съ бормотаньемъ доморощенныхъ Митрофановъ,—вотъ что мы встрѣчаемъ во всѣхъ этихъ листкахъ... Кому *понадобилось* такъ издѣваться надъ русскимъ революціоннымъ дѣломъ? Кто осмѣлился покуситься такъ на горячую преданность юношества дѣлу свободы, кто смѣлъ кинуть такою грязною клеветою въ русское юношество, захотѣвъ заставить думать, что эти произведенія могутъ принадлежать ему, могутъ быть симпатичны ему? Кому, наконецъ, есть охота и надобность подводить наше юношество и подъ подозрѣніе и подъ обвиненіе въ подобныхъ продѣлкахъ? Развѣ мало гибнетъ жертвъ за серьезное и честное дѣло? Развѣ надо помогать правительству въ его террористической игрѣ—безъ *всякой цѣли*, безъ *всякаго результата*?!»...

Косвенный отвѣтъ на запросъ, обращенный членами русской секціи Интернаціонала къ Герцену, мы находимъ въ письмахъ [1]) послѣдняго «къ старому товарищу» (къ М. А. Бакунину). «Мои возраженія,—писалъ Герценъ въ III письмѣ,—«такъ, какъ и вообще возраженія нетерпѣливымъ людямъ, начинаютъ надоѣдать. «Время слова, говорятъ они, прошло; время дѣла наступило». Какъ будто *слово* не есть *дѣло*? Какъ будто время слова можетъ пройти? Враги наши никогда не отдѣляли *слово* и дѣло, и казнили за *слово*, не только одинакимъ образомъ, но часто свирѣпѣе, чѣмъ за дѣло. Да и дѣйствительно, какое-нибудь *Allez dire à votre maître* Мирабо не уступитъ по вліянію никакому *coup de main*.

«Развлеченіе *слова* съ *дѣломъ* и ихъ натянутое противоположеніе не выноситъ критики, но имѣетъ печальный смыслъ, какъ признаніе, что все уяснено и понятно, что толковать не о чемъ, а нужно исполнять. Боевой порядокъ не терпитъ разсужденій и колебаній. Но кто же, кромѣ нашихъ враговъ, готовъ на бой и силенъ *на дѣло*? Наша сила въ силѣ мысли, въ силѣ правды, въ силѣ слова, въ исторической *попутности*... Стало быть,—предупреждалъ возраженіе противниковъ Герценъ,—остается по прежнему сидѣть сложа руки весь вѣкъ, довольствуясь прекрасными рѣчами?

«Не знаю,—отвѣчалъ онъ на это,—весь ли вѣкъ или часть его, но, навѣрное, до тѣхъ поръ не сходить въ рукопашную, пока нѣтъ ни единства убѣжденій ни сосредоточенныхъ силъ. Быть правымъ въ бою немного значитъ: правота давала побѣду только въ судѣ божіемъ; у насъ на небесное вмѣшательство надежды мало»...

Въ этомъ письмѣ Герценъ, собственно, давалъ отвѣтъ Бакунину на призывы его первымъ долгомъ разрушить государство. Но въ IV письмѣ своемъ онъ прямо говорилъ о Нечаевѣ, хотя и не называлъ его. «Иконоборцы наши, отмѣчалъ Герценъ, не останавливаются на обыденномъ отрицаніи государства и разрушеніи церкви: ихъ усердіе идетъ до гоненія науки. Тутъ умъ оставляетъ ихъ окончательно.

«Робеспьеровской нелѣпости, что атеизмъ аристократиченъ, только и не доставало объявленія науки аристократіею.

«Никто не спрашиваетъ, насколько вообще подобныя опредѣле-

---

[1]) „Сборникъ посмертныхъ статей А. И. Герцена", Georg, l., éd., Genève, Bâle, Lyon, 1874., с. 303 и сл., 310—311.

нія идутъ или нѣтъ къ предмету... Безъ науки *научной* не было бы науки прикладной.

«Наука—сила: она раскрываетъ отношенія вещей, ихъ законы и взаимодѣйствія, и ей до употребленія нѣтъ дѣла. Если наука въ рукахъ правительства и капитала, такъ какъ въ ихъ рукахъ войско, судъ, управленіе, то это не ея вина... Такъ какъ въ рукахъ правительства и капитала все: богатство, машины, войско, судъ, то наше дѣло вырвать науку изъ вражьихъ рукъ, освободить ее отъ нихъ; а не въ томъ, чтобъ ее давить за услуги имъ. Нельзя остановить умъ и сказать ему: дальше не изслѣдуй, погоди пока мы освободимся...

«Дикіе призывы къ тому, чтобы закрыть книгу, остановить науку и итти на какой то безсмысленный бой разрушенія, принадлежатъ къ самой неистовой демагогіи и къ самой вредной. За ними такъ и слѣдуетъ разнузданіе дикихъ страстей, le dechainement des mauvaises passions. Этими страшными словами мы шутимъ, нисколько не считая, насколько они вредны для дѣла и для слушающихъ. Нѣтъ, великіе перевороты не дѣлаются разнузданіемъ бурныхъ страстей... Апостолы намъ нужны прежде авангардныхъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушенія».

Такимъ образомъ, студенческіе безпорядки 1869 г., скромные по своей ближайшей цѣли, сыграли видную роль въ развитіи революціонныхъ идей въ Россіи, заставивши высказаться тогдашнихъ представителей революціонной мысли по вопросу, который являлся въ ту эпоху кардинальнымъ для интеллигентнаго разночинца. Этотъ вопросъ былъ: «наука» или «жизнь», или точнѣе легальная оппозиція или революціонная борьба. Ближайшее десятилѣтіе показало, что вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ пользу «жизни».

С. Сватиковъ.

Россія подъ охраной.

(Очеркъ второй) [1]).

I.

Слишкомъ нестерпимо и слишкомъ очевидно отражалось «Положеніе 1881 года» на всемъ укладѣ русской жизни. Въ бюрократическихъ кругахъ на усиленную охрану имѣлись вполнѣ опредѣленныя воззрѣнія, ее считали и малоцѣлесообразной и малодѣйствительной. Иногда проявлялись попытки ограничить ея примѣненіе, вносились тѣ или другія измѣненія, весьма интересныя для юристовъ и государствовѣдовъ, но не имѣющія широкого общественнаго значенія. Время отъ времени модифицировались отдѣльныя статьи положенія, то расширяя, то сокращая административныя полномочія, но отъ всего этого сущность вопроса нисколько не измѣнялась.

Существованіе усиленной охраны не могло всецѣло и навсегда задушить политической и общественной мысли. И ко времени политическаго романтизма и подъема настроенія въ русскомъ обществѣ, къ концу 1904 года, усиленная охрана была уже осуждена всѣми и въ обществѣ и въ правящихъ кругахъ. Требовалось офиціальное признаніе исключительнаго положенія нецѣлесообразнымъ и вреднымъ.

Знаменитый указъ сенату «о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка 12 декабря 1904 года» впервые громогласно и навсегда осудилъ форму и содержаніе исключительныхъ охранъ.

Указъ признавалъ неотложнымъ, между прочимъ, пересмотръ «изданныхъ во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныхъ законоположеній, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей». При этомъ предписывалось озаботиться «какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности».

Указъ этотъ не только, слѣдовательно, настаивалъ на пересмотрѣ законовъ 1881 года: признавалъ *самый пересмотръ неотложнымъ*, признавалъ *ненужность* излишняго стѣсненія правъ гражданъ и даже вмѣнялъ въ обязанность Комитету министровъ въ кратчайшій

---

[1]) Очеркъ первый на эту же тему былъ напечатанъ авторомъ въ сентябрьской книжкѣ журнала „Былое".
Ред. Сбор.

срокъ выступить со своими заключеніями по поводу каждаго изъ затронутыхъ указомъ вопросовъ.

Съ этого времени правила объ исключительныхъ охранахъ вступаютъ въ новый и наиболѣе интересный фазисъ своего существованія.

Не прошло и мѣсяца со времени опубликованія указа, какъ Комитетъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте, собрался на засѣданіе. Это было черезъ два дня послѣ знаменитаго 9 января—11 января. Засѣданіе было открыто въ 1 часъ и 10 минутъ дня. Засѣданіе было многолюднымъ, приподнятымъ. Петербургскія событія были еще свѣжи, броженіе давало себя знать на каждомъ шагу, опасались возможности повторенія событій.

С. Ю. Витте открылъ засѣданіе Комитета министровъ указаніемъ на событія. Онъ призывалъ высказаться по поводу этихъ событій, заняться изслѣдованіемъ причинъ и выработать мѣры для предупрежденія на будущее время такихъ печальныхъ явленій, какія имѣли мѣсто 9 января.

Предложеніе это, однако, сочувствія не встрѣтило. Многіе изъ членовъ комитета возразили, что разсмотрѣніе этого вопроса не входитъ въ сферу компетенціи комитета министровъ, да если бы даже и входило, то обсуждать его въ настоящемъ засѣданіи не представляется возможнымъ, такъ какъ онъ не поставленъ на повѣсткѣ. Наконецъ, по этому вопросу не имѣется еще никакихъ матеріаловъ, въ виду чего обсужденіе не можетъ имѣть мѣста.

Предсѣдатель открылъ пренія по вопросу. Пренія были непродолжительны, предложеніе предсѣдателя было отклонено и приступлено къ назначенному на это засѣданіе обсужденію пункта пятаго указа 12 декабря, трактовавшаго объ усиленной охранѣ.

Сначала были прочитаны законодательныя и историческія данныя объ исключительныхъ охранахъ, а затѣмъ было предложено высказаться присутствующимъ министрамъ. Въ преніяхъ участвовали, главнымъ образомъ,—П. Н. Дурново, Манухинъ и Витте.

Много хорошихъ и азбучныхъ истинъ было высказано въ засѣданіи Комитета. Высказывались просто, съ точки зрѣнія практической, люди, которые едва ли не всю жизнь практически поддерживали необходимость охранъ и работали на пользу исключительныхъ положеній. Но въ тѣ времена,—времена рѣшительной переоцѣнки государственныхъ цѣнностей,—подъ вліяніемъ знаменательныхъ событій, подъ впечатлѣніемъ огромности и значительности предстоящей работы, въ чаяніи грядущихъ реформъ, было высказано не мало мыслей, на которыя опираются современные русскіе конституціоналисты.

Въ засѣданіи 11 января Комитетъ министровъ высказалъ «свое глубокое убѣжденіе» въ томъ, что «лишь при условіи облегченія соотвѣтствующихъ органовъ государственной власти, въ силу общихъ, повсемѣстно дѣйствующихъ въ государствѣ законовъ, достаточными и притомъ вполнѣ опредѣленными полномочіями для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія органы эти могутъ во всякое время съ успѣхомъ выполнять лежащія на нихъ обязанности какъ по пресѣченію вредныхъ для политическаго благосостоянія страны преступныхъ дѣяній, такъ и по предупрежденію возникновенія

таковыхъ. «Наряду съ нормальными полномочіями, комитетъ министровъ признавалъ и чрезвычайныя полномочія власти, но считалъ необходимымъ ограничивать примѣненіе исключительныхъ мѣръ «раіономъ обнаруженія и краткосрочнымъ временемъ продолженія исключительныхъ событій, для пресѣченія которыхъ такія мѣры принимаются».

Комитетъ министровъ подвергъ критикѣ существующее положеніе вещей. Критика его была скромна и недостаточно страстна, и тѣмъ не менѣе комитетомъ было высказано, что нормальной постановкѣ дѣла «не отвѣчаетъ настоящее положеніе вещей. Правила о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, при изданіи своемъ имѣвшія временный и исключительный характеръ, получили, по обширности пространствъ, на которыя дѣйствіе ихъ распространяется, и по долговременности примѣненія своего, совершенно непредвидѣнный для нихъ характеръ постояннаго законоположенія. Между тѣмъ подобному значенію не соотвѣтствовалъ и самый способъ обсужденія и изданія правилъ объ охранѣ, точно такъ же, какъ и по существу дѣла установленныя правилами этими средства воздѣйствія, не соотвѣтствуютъ понятію нормальныхъ пріемовъ государственнаго управленія».

Отмѣчено было, между прочимъ, что неумѣстность господства закона, изданнаго внѣ нормальнаго законодательнаго порядка, говоритъ сама за себя, тѣмъ болѣе, что на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій комитетъ высказалъ пожеланіе, чтобы всѣ законы исходили отъ Государственнаго Совѣта.

Обмѣнъ мнѣній происходилъ въ теченіе слишкомъ пяти часовъ.

Комитетъ министровъ пришелъ къ такому заключенію: необходимо пересмотрѣть всю совокупность дѣйствующихъ законоположеній, подвергнуть ихъ «безпристрастной оцѣнкѣ съ точки зрѣнія началъ, которыя установлены комитетомъ министровъ», устранить не соотвѣтствующія положенія закона и сохранить, а, въ случаѣ необходимости, усилить тѣ мѣры, которыя являются цѣлесообразными.

Работа по улучшенію положенія должна была заключаться въ слѣдующемъ: «привести всѣ разработанные такимъ порядкомъ матеріалы въ стройную систему и на приведенныхъ основаніяхъ составить проектъ закона, подлежащаго включенію въ составъ нашего общаго законодательства; при этомъ сюда могли бы войти и мѣропріятія, примѣненіе которыхъ на короткое время и въ точно опредѣленномъ пространствѣ предусматривается на случай наступленія чрезвычайныхъ событій».

Конкретно, Комитетъ министровъ предполагалъ образовать особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго свыше, и другихъ такимъ же образомъ назначенныхъ лицъ, съ участіемъ товарищей министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и другихъ высшихъ чиновъ этихъ вѣдомствъ, а также и представителей другихъ вѣдомствъ, содѣйствіе которыхъ будетъ признано предсѣдателемъ совѣщанія полезнымъ.

Почти черезъ мѣсяцъ, 10 февраля того же года, это положеніе

Комитета министровъ было утверждено, а затѣмъ образовано и самое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева.

Засѣданія начались въ маѣ того же года.

Какъ Комитетомъ министровъ, такъ и совѣщаніемъ, существующее положеніе вопроса признано безусловно ненормальнымъ не только по существу, но и по тѣмъ отклоненіямъ отъ дѣйствительнаго своего назначенія, которыя имѣютъ мѣсто въ настоящее время.

Между прочимъ, во второмъ и третьемъ засѣданіи совѣщанія было высказано не мало принципіальныхъ соображеній, которыя и заслуживаютъ вниманія. «Положеніе объ усиленной охранѣ въ основѣ своей имѣетъ гарантію государственной безопасности. Между тѣмъ охраной пользуются для всевозможныхъ цѣлей, ничего не имѣющихъ съ государственною безопасностью. Слѣдствіемъ этого происходятъ весьма тяжелыя стѣсненія для обывателей, не огражденныхъ законами, ибо послѣдніе часто нарушаются, находя прямое противорѣчіе въ не всегда умѣстномъ примѣненіи положенія объ усиленной охранѣ».

Указывалось, между прочимъ, и на то, что возникаютъ иногда самыя нелѣпыя противорѣчія, какъ, напримѣръ, наказуемость административно ношенія финскаго ножа штрафомъ до 300 рублей или арестомъ до 3 мѣсяцевъ и *судебная* наказуемость *меньшими* наказаніями кражъ и другихъ аналогичныхъ дѣяній. Такое положеніе не можетъ быть терпимо въ правовомъ государствѣ, и если является надобность въ экстренныхъ мѣрахъ для ограниченія ношенія оружія, то слѣдуетъ изобрѣсти другія мѣры, а не пользоваться правилами объ охранѣ.

Однимъ изъ присутствующихъ было предложено введеніе для мелкихъ дѣлъ особыхъ полицейскихъ судовъ, но это предложеніе успѣха не имѣло.

Затѣмъ вопросъ коснулся полномочій администраціи—производить обыски и аресты. Подавляющее большинство высказалось категорически противъ этого права, находя такую мѣру противорѣчащей элементарнымъ понятіямъ о правѣ. Между тѣмъ положеніе 1881 года создало именно такое положеніе вещей, при которомъ никто не огражденъ отъ вторженія въ его квартиру въ любое время, при чемъ никогда не принимаются во вниманіе даже самыя уважительныя причины. Это усугубляется еще тѣмъ, что обыски и аресты можно производить не только въ мѣстностяхъ, стоящихъ на положеніи исключительной охраны, но также и на всемъ пространствѣ территоріи Россіи.

Большинство настаивало на томъ, чтобы право производства арестовъ и обысковъ было крайне ограничено. Приблизительно такія же мнѣнія высказывались и по существу обязательныхъ постановленій начальствъ, издаваемыхъ на основаніи правилъ объ охранѣ.

Участіе въ совѣщаніи многихъ видныхъ полицейскихъ дѣятелей давало увѣренность въ быстромъ разрѣшеніи вопроса. Но время шло, а до реальнаго осуществленія предначертаній указа 12 декабря еще было очень далеко, и хотя реакціонная печать даже желала ускоренія фактическаго пересмотра законовъ, такового не предвидѣлось, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ.

XI.

Общество, съ момента открытія засѣданій комиссіи по пересмотру исключительныхъ законовъ, вполнѣ добросовѣстно полагало, что пересмотръ совершается, и рано, или поздно, усиленная охрана должна отпасть.

Лѣтомъ 1905 года именно такое настроеніе и наблюдалось среди интеллигенціи. То обстоятельство, что цѣлый рядъ мѣстностей стоялъ внѣ нормальной охраны, пока не смущало никого. На отдѣльныя объявленія тѣхъ или другихъ мѣстностей въ состояніи исключительной охраны общество точно также смотрѣло спокойно и считало это однимъ изъ обычныхъ явленій бюрократическаго властвованія. Скажемъ даже болѣе—вопросъ объ охранахъ потерялъ уже свою остроту, такъ какъ впередъ выдвинулся вопросъ о предстоящемъ опубликованіи закона о государственной думѣ, и центръ вниманія былъ отвлеченъ отъ охранъ въ пользу закона о государственномъ и законодательномъ строительствѣ.

Только особо нетерпѣливые органы печати и общественныя учрежденія настойчиво хотѣли отмѣны исключительныхъ законовъ.

Отмѣтимъ, между прочимъ, выступленіе симферопольской городской думы. На одномъ изъ лѣтнихъ засѣданій, нѣкоторые гласные подали заявленіе, въ которомъ просили думу ходатайствовать передъ правительствомъ о снятіи усиленной охраны. Они указали слѣдующіе мотивы: «въ указѣ 12 декабря признано, что положеніе объ усиленной охранѣ не достигаетъ своей цѣли и составляетъ только излишнее стѣсненіе для населенія; то же самое констатировано, какъ это видно изъ газетъ, въ особо утвержденной для пересмотра этого положенія комиссіи подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева; возникшіе было 21 сего апрѣля въ Симферополѣ безпорядки были немедленно прекращены распоряженіями администраціи, что до очевидности доказываетъ, что и безъ усиленной охраны администрація обладаетъ вполнѣ достаточной властью и полной возможностью подавленія безпорядковъ, коль скоро распоряженія администраціи будутъ цѣлесообразны; положеніе объ усиленной охранѣ, не останавливая и не уменьшая, такъ называемой, крамолы, составляетъ только излишнее обремененіе для мирнаго населенія; при настоящемъ тревожномъ и угнетенномъ состояніи общества, введеніе положенія объ усиленной охранѣ только увеличиваетъ и, при томъ весьма значительно, общее недовольство, и, такимъ образомъ, приноситъ не пользу, а очевидный вредъ».

Симферопольская дума единогласно приняла это предложеніе гласныхъ. Ни для кого не было сомнѣнія въ справедливости и основательности ходатайства. Ходатайство получило формальную оболочку и было отправлено въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но въ августѣ мѣсяцѣ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ думѣ было получено увѣдомленіе, что министерство отклонило ходатайство.

Это и рядъ другихъ аналогичныхъ явленій, въ связи съ безпрестаннымъ расширеніемъ сферы примѣненія закона 1881 года, мало-помалу поселяли въ обществѣ прочное убѣжденіе въ бездѣятельности

комиссіи или, по крайней мѣрѣ, въ рѣзкомъ расхожденіи словъ и дѣлъ.

Но все-таки, за массою новыхъ и сложныхъ вопросовъ, за критикой положенія Булыгинской Государственной Думы, вопросъ объ охранахъ потерялъ свою остроту и спѣшность. Нахлынула новая волна на русскую дѣйствительность. Настроеніе кругомъ было радостное, взволнованное. По городамъ происходили митинги, общественная мысль рвалась наружу, начинались забастовки: Россія подходила къ краю своей исторіи.

Наступило 17 октября, нѣсколько минутъ реальнаго осуществленія свободъ, а за ними—длительный кошмаръ ноябрьской и декабрьской реакціи. Какъ увидимъ ниже, вмѣсто усиленной охраны возникли чрезвычайныя охраны, военное положеніе, осадное. Словно всѣ хорошія и азбучныя истины въ одно время были смыты навсегда и окончательно.

II.

Кругъ мѣстностей съ исключительными охранами въ эти дни расширяется до необычайныхъ предѣловъ. Осуществляются въ полной мѣрѣ даже такія положенія закона, которыя никогда ранѣе не примѣнялись. Пользуются нормами, которыя прежде считались мертворожденными. Вводятъ мѣры, явно противорѣчащія указу 12 декабря и всей дѣятельности по пересмотру закона 1881 г.

Для населенія неотразимо представлялось двоякое положеніе вещей: съ одной стороны, — высшія и компетентнѣйшія въ государствѣ полицейскія учрежденія засѣдали надъ разработкой мѣръ, способныхъ устранить произволъ и исключительность охранъ. Съ другой—тѣ же органы и лица засѣдали надъ разработкой вопросовъ, направленныхъ непосредственно къ расширенію охранной дѣятельности.

Получилось нѣчто невозможное. И психологически объяснимо, почему всѣмъ бюрократическимъ мѣропріятіямъ того времени въ сознаніи общества было придано опредѣленное содержаніе. На всю работу по пересмотру правилъ объ охранѣ стали смотрѣть, какъ на несерьезное обѣщаніе, чуждое всякой реальности. Предначертанія являлись только благими пожеланіями, далекими осуществленію.

И тѣмъ не менѣе, объявленіе охранъ, усиливаясь съ каждымъ днемъ, отражалось все рѣзче и рѣзче на всей жизни страны. Исключительность пріобрѣтала характеръ нормальности, нормальность была исключительна, да и то настолько заражена охранными фактами, что вполнѣ приближалась къ общему состоянію.

Правительство не могло не понимать создавшагося положенія вещей. Въ ту пору общественное мнѣніе заявляло о себѣ громко и съ нимъ считались. Надо было какъ-нибудь примирить манифестъ 17 октября и безудержную охранную дѣятельность.

По этому поводу правительство выпускаетъ офиціальное сообщеніе, которымъ разъясняетъ:

«...высказывалось, что намѣченныя основанія правительственной дѣятельности требуютъ для выполненія своего значительныхъ законо-

дательныхъ работъ и послѣдовательнаго административнаго устройства, такъ какъ невозможно измѣнить сразу всѣ порядки государственной жизни Россіи и привить населенію и обширной администраціи, воспитаннымъ на иныхъ началахъ, нормы правового порядка.

«Между выраженнымъ съ наибольшею искренностью принципомъ гражданской свободы и осуществленіемъ его въ точныхъ правилахъ закона не можетъ не пройти нѣкоторое время. До обновленія же порядка государственной жизни Россіи должны несомнѣнно оставаться въ силѣ и дѣйствовать прежнія законоположенія, примѣняемыя въ духѣ манифеста 17 октября, такъ какъ безъ нормированія закономъ проявленія общественной жизни государство существовать не можетъ. Окончательное проведеніе въ жизнь основъ гражданской свободы должно послѣдовать при посредствѣ законодательной санкціи Государственной Думы.

«...Положеніе вещей въ государствѣ не способствуетъ такой созидательной работѣ, постоянно отвлекая отъ нея правительство и вынуждая его сосредоточивать вниманіе свое главнѣйшимъ образомъ на поддерживаніи внѣшняго порядка и устраненіи всякаго рода насилій...

«...Одновременно признано было необходимымъ разработать мѣры противъ нѣкоторыхъ проявленій безпорядка, угрожающихъ государственной и общественной безопасности. Утвержденіе этихъ узаконеній должно послѣдовать въ ближайшемъ времени».

Однако, нормативной дѣятельностью за охранами заниматься было некогда.

Въ такой обстановкѣ Россія подошла къ созыву Государственной Думы. Предстояла сложная работа выборовъ. И отовсюду съ мѣстъ приходили вѣсти о безудержной фантазіи администраторовъ по примѣненію охранныхъ законовъ въ области выборныхъ явленій. Полицейское вмѣшательство сказывалось во всемъ и было вооружено наиболѣе внушительными средствами.

Тѣмъ временемъ опубликовываются результаты бакинской ревизіи сенатора Кузьминскаго. Ревизоръ тщательно и многословно, иллюстрируя примѣрами и практикой, доказывалъ вредность усиленной охраны и исключительныхъ законовъ. Съ усердіемъ выяснялъ ревизоръ неумѣнье и некультурность полицейскихъ властей, безобразное отправленіе охранныхъ полномочій, необходимость безотлагательнаго уничтоженія исключительныхъ законовъ.

Но данныя ревизіи сенатора Кузьминскаго никого ни въ чемъ не могли убѣдить. Газеты въ однихъ и тѣхъ же номерахъ сообщали данныя ревизіи и списки мѣстностей, состоящихъ на исключительномъ положеніи. Общество только улыбалось, читая благопожеланія Кузьминскаго. А все, что доказывалось сенаторомъ, такъ было очевидно, явно, понятно и сознано всею страною.

Впрочемъ, еще кое-гдѣ полагали, что протестъ противъ охраны можетъ сослужить извѣстную службу. Различныя сельскія общества, общественныя учрежденія, союзы, корпораціи и т. п. время отъ времени выступали съ печатными и устными протестами по поводу охраны. Но все это прочитывалось, всему этому сочувствовалось, а телеграфныя извѣщенія министра внутреннихъ дѣлъ объ изъятіи

мѣстностей изъ нормальной охраны пестрѣли въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій.

Всѣ взоры были обращены на Государственную Думу. Отъ нея ждали многаго, и устраненіе охранъ ставили въ связь съ думскою дѣятельностью. Печать въ день созыва думы заявляла о необходимости снятія охранъ. Говорилось о фактической невозможности работы въ условіяхъ полицейской охраны.

Мало того. Въ отвѣтѣ Государственной Думы на тронную рѣчь категорически напоминалось о предначертаніяхъ и реформахъ.

«Прежде всего необходимо освободить Россію, утверждала Дума въ своемъ адресѣ, отъ дѣйствія тѣхъ чрезвычайныхъ законовъ—усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія,—подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ проявляться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ».

Такъ утверждала первая Дума, созванная въ городѣ, стоящемъ на положеніи усиленной охраны.

Въ засѣданіи государственной думы 13 мая предсѣдатель Совѣта министровъ отвѣтилъ на пожеланія Думы. Отвѣтъ этотъ является историческимъ. Предсѣдатель Совѣта министровъ заявилъ, что вопросъ объ устраненіи дѣйствія исключительныхъ законовъ и произвола должностныхъ лицъ относится всецѣло къ области государственнаго управленія.

Мало того: на весь міръ было заявлено, что «неудовлетворительность исключительныхъ законовъ, направленныхъ къ обезпеченію порядка и спокойствія въ случаяхъ чрезвычайныхъ, сознается и самимъ правительствомъ. Разработка взамѣнъ ихъ новыхъ, болѣе совершенныхъ, производится въ подлежащихъ вѣдомствахъ. Если, не взирая на неудовлетворительность этихъ законовъ, дѣйствіе ихъ за послѣднее время было распространяемо на многія мѣстности, то причина къ тому коренится исключительно въ непрекращающихся и понынѣ повседневныхъ убійствахъ, грабежахъ и возмутительныхъ насиліяхъ. Особенную обязанность государственной власти составляетъ охраненіе жизни и имущества мирныхъ обывателей. Совѣтъ министровъ, въ сознаніи всей тяжести лежащей на немъ въ семъ отношеніи отвѣтственности передъ страной, заявляетъ, что доколѣ указанныя проявленія охватившей страну смуты не прекратятся и въ распоряженіе правительственной власти не будутъ предоставлены вновь изданными законами дѣйствительныя средства борьбы съ беззаконіемъ и нарушеніемъ основныхъ началъ общественной и личной безопасности,—правительство вынуждено и впредь ограждать ее всѣми существующими нынѣ законными способами».

Такъ декларировало правительство, и Дума перешла къ очереднымъ дѣламъ, высказавъ все то, чего заслуживала декларація.

Нечего говорить, что заявленіе правительства въ корнѣ игнорировало волю, выраженную въ указѣ 12 декабря. Ни одно изъ предначертаній выполнено не было. Неотложными работами манкировали. Возвѣщенныя преобразованія съ момента возвѣщенія остановились на полпути. Вся работа Комитета министровъ и различныхъ комиссій не принесла никакого плода. Только лишній разъ было подчеркнуто абсолютно безнадежное положеніе страны подъ охраной.

И все-таки наша неосвѣдомленная и особенно лживая печать, какой она стала послѣ роспуска первой Думы, время отъ времени распускала слухи о какихъ-то предстоящихъ реформахъ въ области охраны.

Эти слухи, за которыми буквально не было содержанія, были на руку правительству. Они подогрѣвали остывающія къ нему чувства надежды и симпатіи. Въ тѣ незабываемые дни, когда стали функціонировать полевые суды, печать сознательно и безсознательно выдвигала снова давно разрѣшенные вопросы объ исключительныхъ законахъ.

Правительство понимало свою отвѣтственность—не предъ населеніемъ, разумѣется—и изрѣдка чрезъ посредство своихъ агентовъ пускало въ обращеніе слухи о производимыхъ работахъ по охранамъ.

Дошло даже до того, что въ концѣ августа 1906 года офиціально было сообщено совершенно безсодержательное извѣстіе такого вида:

«Образованная согласно распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Макарова, междувѣдомственная комиссія по пересмотру исключительныхъ законовъ, посвятила въ теченіе іюля мѣсяца свои засѣданія подробному ознакомленію съ иностранными законодательствами по данному вопросу, съ трудами бывшей комиссіи члена Государственнаго Совѣта гр. А. И. Игнатьева и съ весьма обширными матеріалами, имѣющимися по сему предмету въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, послѣ чего приступила къ составленію проекта новаго положенія».

Мы думаемъ, что этой комиссіи не было надобности изучать то, что было уже изучено до нея, что служило предметомъ разсмотрѣнія Комитета министровъ и комиссіи Игнатьева. Ознакомленіе съ иностраннымъ законодательствомъ также не являлось необходимымъ, ибо и эта часть была уже достаточно изучена, да, наконецъ, и дѣйствующими лицами всѣхъ этихъ комиссій являлись одни и тѣ же лица, для которыхъ ни одна іота вопроса не могла представлять какого-либо затрудненія. Словомъ, появленіе такого офиціальнаго свѣдѣнія явилось отвѣтомъ на слухи и росказни повременной печати.

Тѣмъ не менѣе намъ приходится констатировать, что практическое значеніе комиссіи Макарова оказалось болѣе существеннымъ. Изъ области гаданій, вожделѣній и соображеній, правила объ исключительныхъ законахъ перешли въ сферу бюрократическаго осуществленія.

Комиссія Макарова пришла къ заключенію, что въ основу работъ по пересмотру исключительныхъ законовъ должно лечь: «полное устраненіе разнообразія дѣйствующихъ исключительныхъ законовъ, строгое опредѣленіе ближайшихъ поводовъ къ ихъ примѣненію и круга лицъ, облекаемыхъ особыми полномочіями при наличности тѣхъ или другихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, а также точное установленіе взаимныхъ отношеній этихъ лицъ и центральной правительственной власти».

Но одною нормативною дѣятельностью комиссія удовлетвориться не захотѣла и кинулась въ сторону законодательнаго строительства. «Исходя изъ того соображенія,—указывала комиссія,—что исключи-

тельныя положенія должны быть строго сообразованы съ установленными закономъ основными правами населенія, комиссія признала необходимымъ приступить одновременно и къ составленію правилъ о неприкосновенности личности и жилищъ, принявъ при этомъ во вниманіе выработанный комиссіей Государственной Думы законопроектъ по этому вопросу».

Въ концѣ комиссія хвастливо заявляла, что «занятія комиссіи идутъ ускореннымъ порядкомъ, и она предполагаетъ исполнить возложенную на нее задачу въ непродолжительномъ времени».

Изъ изложеннаго ясно, что бюрократическая работа могла подвинуться только лишь при томъ условіи, что «неработоспособная» Дума изготовила законопроектъ, который и легъ въ основу всей остальной дѣятельности комиссіи. Не будь этого законопроекта,— комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, вѣроятно, не удалось бы закончить своей работы и ко времени созыва второй Думы.

Такимъ образомъ, съ несомнѣнностью и даже на основаніи офиціальнаго признанія, мы можемъ констатировать, что бюрократическія комиссіи были только пригодны для критики дѣйствующаго законодательства и для изученія того, что было давно изучено на практикѣ. И не будь на лицо законопроекта думы, къ февралю 1907 г. проектъ о неприкосновенности личности не былъ бы изготовленъ комиссіей г. Макарова. Да и тотъ по внимательномъ разсмотрѣніи, представляется ничѣмъ инымъ, какъ искаженіемъ думскаго законопроекта о неприкосновенности личности, съ ненужными измѣненіями въ духѣ основныхъ законовъ 1906 года. То же слѣдуетъ сказать и о другомъ законопроектѣ—объ исключительномъ положеніи, который не имѣетъ никакого историческаго и юридическаго значенія. Поэтому и останавливаться на разсмотрѣніи этихъ законопроектовъ мы не будемъ.

Таковъ былъ ходъ правительственнаго пересмотра государственныхъ охранъ. Ничего реальнаго въ жизнь страны онъ не внесъ и внести не могъ. И только сущность требованія «безотлагательности» пересмотра получаетъ свое лучшее выраженіе въ такомъ порядкѣ пересмотра.

Для полноты намъ приходится отмѣтить работу другой стороны—Государственной Думы. Какъ первый, такъ и второй законопроектъ о неприкосновенности личности, по нашему глубокому убѣжденію, не вносили въ дѣйствующее положеніе факторовъ, которые были бы способны разъ и навсегда уничтожить произволъ и усмотрѣніе власти. Оба они страдали однимъ и тѣмъ же порокомъ,— большой довѣрчивостью къ носителямъ власти.

III.

Въ вопросѣ о пересмотрѣ исключительныхъ законовъ приходится констатировать одно необыкновенно яркое явленіе.

Указъ 12 декабря 1904 года предписалъ «пересмотрѣть» исключительные законы. Мы видѣли, что пересмотръ фактически совер-

шался на протяженіи трехъ лѣтъ, и предъ второй Думой уже находился вполнѣ готовый къ принятію законопроектъ. Словомъ, въ настоящее время можно утверждать полную законченность пересмотра исключительныхъ законовъ. Мало того: эта законченность имѣла мѣсто въ февралѣ мѣсяцѣ 1907 года, когда законопроектъ изъ комиссіи Макарова поступилъ на разсмотрѣніе представительнаго законодательнаго учрежденія. Отсюда видно, что пересмотръ законченъ, и пятый пунктъ указа 12 декабря выполненъ. Намъ извѣстно, что и правительство считаетъ вопросъ разрѣшеннымъ, и въ комиссіи Макарова болѣе уже надобности не встрѣчается.

Съ точки зрѣнія исторической, важно отмѣтить, что положеніе 1881 года, какъ временное, сначала было введено въ видѣ опыта на три года, а затѣмъ послѣдовательно, вплоть до 1905 года, утверждалось на каждые три года.

Такія утвержденія имѣли мѣсто въ 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896, 1899 и 1902 мъ годахъ. Предстояло и въ 1905 году утвердить дѣйствіе положенія объ охранахъ еще на три года, т. е. до 1908 года.

И—что очень оригинально—Комитетъ министровъ, признававшій въ засѣданіи 11 января 1905 года вредность и нецѣлесообразность охранъ, устанавливавшій искусственное поддерживаніе жизни ихъ и вырожденіе ихъ въ законы постоянные,—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ засѣданіи своемъ въ іюнѣ того же года, задумался надъ простымъ вопросомъ: какъ быть съ охраной? утверждать ли это зло Россіи еще на три года? или вовсе не утверждать охранъ? или утверждать ихъ на срокъ меньшій?

Такіе вопросы были видвинуты въ Комитетѣ министровъ.

Съ одной стороны министръ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ представленіи Комитету министровъ отъ 29 мая 1905 года за № 2899 полагалъ: дѣйствіе законовъ 1881 года утвердить, въ видѣ временной мѣры «впредь до завершенія предписаннаго пунктомъ пятымъ указа 12 декабря 1904 г. пересмотра исключительныхъ положеній, *во всякомъ случаѣ не долѣе*, какъ на три года».

Пожалуй, первая часть доклада была цѣлесообразной, такъ какъ именно въ то время производились первыя дѣйствія по пересмотру, и вполнѣ естественно было ожидать приведенія въ исполненія высочайшей воли. Что же касается предложенія утвердить законъ еще на три года, то въ этомъ сказывалась бюрократическая привычка,—съ одной стороны,—а съ другой, быть можетъ, провиденціальное провидѣніе осложненій съ пересмотромъ.

Но Комитетъ министровъ оказался «на высотѣ своего положенія». Онъ согласился съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, поскольку утвержденіе охранъ ставилось въ зависимость отъ совершающагося пересмотра, но срокъ въ три года Комитетомъ министровъ былъ признанъ слишкомъ долгимъ, и утверждать законъ еще на три года значило бы своими руками давать жизнь временному закону, а это противорѣчило бы тому, что высказывалось Комитетомъ въ началѣ того же года.

Въ виду всего этого, Комитетъ министровъ положилъ: «настоящее представленіе утвердить съ тѣмъ, чтобы, въ виду производящагося

нынѣ пересмотра высочайше утвержденнаго 14 августа 1881 года положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, дѣйствіе означеннаго положенія было продлено «въ видѣ временной мѣры, *впредь до завершенія указаннаго пересмотра, но во всякомъ случаѣ на срокъ не долѣе одного года*».

Отсюда видно, что Комитетъ министровъ выдвигалъ два признака: окончаніе пересмотра и срокъ не долѣе одного года.

Такое положеніе Комитета было утверждено 25 іюня 1905 года.

Изъ буквальнаго текста положенія вытекало, какъ очевидное, что къ 4 сентября 1905 года, т. е. ко времени истеченія года съ момента объявленія охраны, положеніе должно потерять свою силу, какъ законъ.

Но въ теченіе 1905 и 1906 года пересмотръ исключительныхъ законовъ законченъ не былъ. Тѣмъ временемъ подошелъ день для разрѣшенія вопроса: какъ же быть дальше съ исключительными законами 1881 года? утверждать ли ихъ на будущее время? или постановленіе Комитета министровъ, высочайше утвержденное, со включеніемъ словъ: «во всякомъ случаѣ не долѣе одного года», должно имѣть значеніе и парализовать возможность продолженія охранъ?

И въ то время, какъ возникли такіе вопросы — совершенно праздные въ условіяхъ полицейской жизни — многія мѣстности Россіи уже были объявлены состоящими на исключительномъ положеніи на срокъ, значительно превышающій роковое 4 сентября 1906 года. Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ и Москвѣ была объявлена чрезвычайная охрана — въ первомъ до 8 января 1907 года, во второй — до декабря 1906 года.

Естественно, что Совѣтъ министровъ пришелъ къ естественному для него выводу: такъ какъ пересмотръ исключительныхъ законовъ не законченъ еще, а необходимость въ охранахъ ощущается, то и надлежитъ изготовить докладъ и направить его къ утвержденію.

Результатомъ этого 5 августа 1906 года явился новый указъ Сенату, въ которомъ значилось, что дѣйствіе исключительныхъ законовъ продолжается до завершенія пересмотра «исключительныхъ законоположеній, но во всякомъ случаѣ на срокъ не долѣе одного года, т. е. по 4 сентября 1907 года».

Какъ мы уже указали выше, къ февралю 1907 года пересмотръ исключительныхъ законовъ былъ завершенъ. Слѣдовательно, предстояло отказаться отъ услугъ закона 1881 года и не утверждать его.

Но вотъ въ августѣ мѣсяцѣ 1907 года объявляется новый указъ Сенату, и на этотъ разъ уже не остается мѣста никакимъ юридическимъ иллюзіямъ. Указъ просто продолжаетъ дѣйствіе исключительныхъ законовъ еще на годъ, т. е. до 4 сентября 1908 года. И уже ни однимъ словомъ не говоритъ о томъ, о чемъ онъ такъ многорѣчиво говорилъ раньше: *о пересмотрѣ исключительныхъ законовъ*. Этотъ фактъ въ 1907 году совершенно игнорируется.

Такое игнорированіе, очевидно, представляется необходимымъ для Совѣта министровъ, который желаетъ умиротворенія страны исключительными мѣрами. Но передъ нимъ стоитъ вопросъ минувшаго, вопросъ о пересмотрѣ. Оставаясь на почвѣ исторіи вопроса, ему

прицлось бы отказаться отъ утвержденія исключительныхъ законовъ вовсе и тѣмъ самымъ выполнить предначертанія. Но на такой отказъ въ утвержденіи совѣтъ министровъ не рѣшился: онъ призналъ фактъ завершенія пересмотра законченнымъ и безъ обиняковъ продолжилъ дѣйствіе охраны еще на одинъ годъ.

Такимъ образомъ, въ исторіи вопроса съ настоящаго года наблюдается новое теченіе. Во что оно выльется, сказать трудно. Но мы не можемъ не констатировать, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи исключительные законы уже теперь продолжены на срокъ больній, чѣмъ до 4 сентября 1908 года.

А отсюда не трудно заключить, что и въ будущемъ правительство намѣрено также питать временный законъ антиконституціонными мѣрами.

Оппозиціонная печать за послѣднее время высказывала нѣкоторыя «конституціонныя соображенія», при чемъ утверждала, что исключительные законы, какъ отмѣненные сами собою 4 сентября 1907 года, должны быть и могутъ быть введены вновь въ силу только съ согласія законодательнаго учрежденія, т. е. Государственной Думы и Совѣта.

Какъ и слѣдовало ожидать, реакціонная печать, въ видѣ контръ-вопроса, выдвинула тезисъ: существуетъ ли въ Россіи конституція. На этомъ вопросѣ образовалась мертвая точка.

IV.

Намъ приходится коснуться въ самыхъ общихъ чертахъ правилъ, опредѣляющихъ сущность военнаго положенія.

Правила эти были изданы 26 февраля 1890 года въ видѣ «Положенія о полевомъ управленіи войскъ», а нормы, относящіяся до управленія мѣстностями, состоящими на военномъ положеніи, явились лишь 18 іюня 1892 года. При разсмотрѣніи этихъ правилъ—тогда еще законопроекта—въ военномъ министерствѣ все время исходили изъ соображеній военнаго времени въ международномъ значеніи слова, т. е. при наличности вооруженнаго сопротивленія внѣшняго непріятеля. И ни въ военномъ министерствѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ, который разсматривалъ проектъ, ни разу и никѣмъ не возбуждалось сомнѣній, что рѣчь идетъ исключительно о военномъ времени, о дѣйствіи противъ внѣшняго врага во время мобилизаціи и кампаніи.

Въ этомъ смыслѣ подъ понятіемъ «района театра военныхъ дѣйствій» полевое управленіе войскъ разумѣло мѣстности, входящія въ районъ театра войны, предусмотрѣнныя планами мобилизаціи и сосредоточенія арміи. Перечень такихъ мѣстностей при мобилизаціи объявляется во всеобщее свѣдѣніе. Мѣстности могутъ быть и впослѣдствіи присоединены къ району военныхъ дѣйствій, при извѣстномъ направленіи военныхъ операцій.

Словомъ, какъ самое управленіе войскъ, такъ и буквальный текстъ закона не оставляютъ сомнѣнія, что на военномъ положеніи могутъ быть объявляемы мѣстности только въ интересахъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ.

У насъ въ первое время русско-японской войны такъ и было. Но затѣмъ, когда правительство извѣрилось въ цѣлесообразности и силѣ усиленной и чрезвычайной охранъ, оно рѣшилось, въ противность буквальному смыслу закона, пользоваться военнымъ положеніемъ не для охраны страны, а именно для борьбы съ «крамолою», что являлось прямо-таки абсурднымъ съ точки зрѣнія законодательства.

Правительство становилось на оргинальную точку зрѣнія: оно какъ бы признавало враговъ внутренняго порядка врагами въ международномъ смыслѣ, но въ то же время не признавало за ними правъ воюющей стороны. Очевидное противорѣчіе закону господствовало очень долго и вызвало въ свою очередь длинный рядъ неправомѣрныхъ мѣропріятій.

Не останавливаясь на частностяхъ, мы попытаемся прослѣдить исторію введенія у насъ военнаго положенія. Но при этомъ, для уразумѣнія дальнѣйшаго, намъ приходится принять во вниманіе слѣдующую подробность.

Осадное положеніе у насъ, по закону 1903 года, вводится исключительно властью военнаго начальства въ двухъ случаяхъ: когда въ осажденной непріятелемъ крѣпости, по тактическимъ соображеніямъ войны, осадное положеніе признается необходимымъ, или когда въ такой осажденной крѣпости возмутится населеніе, и это возмущеніе будетъ угрожать внутреннему порядку крѣпости. Какъ видно, и здѣсь идетъ рѣчь исключительно объ условіяхъ военнаго времени. И въ этихъ исключительныхъ условіяхъ власти коменданта присваивается полномочіе объявлять осадное положеніе. Этимъ мы хотимъ сказать, что никакое гражданское начальство, хотя бы и въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, не уполномочено объявлять ту или другую мѣстность въ осадномъ положеніи. Отмѣтимъ также, что осадное положеніе можетъ быть введено только тамъ, гдѣ военное положеніе уже объявлено.

Послѣ такихъ вступительныхъ замѣчаній, мы можемъ намѣтить исторію военной охраны за послѣдніе годы.

Естественно, что военное положеніе получаетъ примѣненіе съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Японіи. До этого времени военное положеніе не примѣняется.

Намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ тотчасъ же послѣ объявленія войны, въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 24 января 1904 года, объявилъ на военномъ положеніи крѣпости Портъ-Артуръ, Владивостокъ и мѣстности, состоящія въ пользованіи Китайско-Восточной дороги. Въ началѣ февраля того же года военное положеніе коснулось Забайкальской области. Но вслѣдъ за тѣмъ, по привычкѣ къ полицейской дѣятельности, на военномъ положеніи объявляются мѣстности, имѣющія непосредственное значеніе въ дѣлѣ передвиженія войскъ, но несомнѣнно стоящія внѣ района театра военныхъ дѣйствій: такимъ путемъ на военномъ положеніи была объявлена Самаро-Златоустовская и Сибирская желѣзныя дороги, а затѣмъ, по инерціи, военное положеніе вводится на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ театру войны.

Въ этотъ сказалось первое нарушеніе закона о военномъ положеніи. Полицейскія тенденціи выразились наиболѣе рельефно въ указѣ

7 февраля того же года, которымъ возлагалось на командующаго войсками казанскаго и сибирскаго военныхъ округовъ «обезпеченіе государственнаго порядка и общее руководство мѣрами и средствами охраны». Въ этомъ отношеніи ему придавались права командующаго арміей, а отъ этого было уже недалеко облечь военное начальство, хотя и удаленное отъ внѣшняго врага нѣсколькими тысячами верстъ, полномочіями военнаго времени.

Во время японской войны окончательное установленіе мѣстъ, состоящихъ подъ охраной, послѣдовало къ марту мѣсяцу. При указѣ 22 марта былъ объявленъ списокъ мѣстностей, примыкающихъ къ Сибирской желѣзной дорогѣ. И здѣсь сказались политическо-полицейскіе интересы. Объявлены были на военномъ положеніи по преимуществу рабочіе районы и крестьянскія деревни, отдѣльныя землянки и бараки, въ которыхъ ютился рабочій и пришлый людъ, близлежащіе заводы и даже «кирпичные сараи». Словомъ, тамъ, гдѣ можно было предполагать возможность появленія вредоносныхъ элементовъ, въ видѣ ли рабочихъ или новожиловъ, тамъ воздвигались нормы военнаго положенія.

Указанный нами списокъ доходитъ до комичнаго. Онъ точно опредѣляетъ мѣстности такими признаками, напримѣръ, «село Мологажево и дер. Глинка—оба не далѣе 400 саженей отъ моста» и т. п. На военномъ положеніи объявились тѣ мѣстности, гдѣ находились мосты и насыпи, рузрушеніе которыхъ могло грозить остановкой въ передвиженіяхъ. И хотя офиціально ссылались на внѣшнюю опасность, на возможность измѣны или появленія переодѣтыхъ шпіоновъ,—фактически давали мѣстной администраціи огромныя военныя полномочія по «крамолѣ».

Мы не будемъ касаться другихъ явленій охраны изъ области войны. Но отмѣтимъ, какъ отразилось военное положеніе въ борьбѣ съ крамолою. Въ этомъ отношеніи мы приведемъ двѣ иллюстраціи къ общему положенію вопроса.

Нормы военнаго положенія—огромныя, дискреціонныя, безотвѣтственныя, парализующія всякую самодѣятельность—должны были дѣйствовать опьяняюще.

Ничѣмъ инымъ, какъ только безотчетнымъ самовнушеніемъ, можно было администраторамъ доводить себя хотя бы до такихъ распоряженій:

Командующій войсками одесскаго военнаго округа, пользуясь нормами военнаго положенія, вводитъ *смертную казнь въ административномъ порядкѣ*. Вотъ его буквальный приказъ отъ 28 января 1906 года.

«Въ послѣднее время особенно участились преступныя дѣянія, имѣющія своей конечною цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя путемъ терроризаціи должностныхъ лицъ и общества посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, снарядовъ, оружія или иными способами, при чемъ были случаи тяжкихъ общественныхъ бѣдствій, вызванныхъ даже однимъ храненіемъ или изготовленіемъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ. Въ видахъ охраненія, согласно ст. 8 правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ

положеніи, государственнаго порядка и общественной безопасности въ районѣ ввѣреннаго мнѣ одесскаго военнаго округа, я вынужденъ объявить, что, на основаніи ст. 12 вышеуказанныхъ правилъ, всѣ дѣла о лицахъ, виновныхъ, какъ въ покушеніи, или приведеніи въ исполненіе своихъ преступныхъ замысловъ помощью взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ, оружія или иными способами, такъ и изобличенныхъ въ пріобрѣтеніи или храненіи, или изготовленіи, или переносѣ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ, съ преступной цѣлью, будутъ подвергаемы мною и уполномочиваемыми мною на то временными генералъ-губернаторами и комендантомъ севастопольской крѣпости разрѣшенію въ *административномъ* порядкѣ, съ примѣненіемъ *смертной казни*»

Подъ приказомъ стоитъ двойная дата: число и мѣсяцъ и даже ссылка: «5 час. 30 мин. дня»,—совершенно, какъ въ диспозиціяхъ по поводу наступленія или отступленія на полѣ сраженія въ виду непріятеля.

Мы не беремся комментировать приказъ, такъ какъ для всѣхъ очевидно, что наложеніе смертной казни въ административномъ порядкѣ не допускается никакими законами. Но уже самое появленіе такого «историческаго» приказа говоритъ за то, что мѣстныя власти дѣйствовали съ увлеченіемъ въ предѣлахъ дискреціонныхъ полномочій.

Другой не менѣе яркій примѣръ даетъ намъ опытъ коменданта севастопольской крѣпости, который исходотайствовалъ объявленіе крѣпости на военномъ положеніи. Но едва было объявлено военное положеніе, какъ севастопольскій комендантъ въ тотъ же самый день, на основаніи положенія объ управленіи крѣпостями, объявилъ крѣпость состоящей въ *осадномъ положеніи*. Отсюда видно, что военное положеніе понадобилось лишь для того, чтобы замѣнить его осадными нормами. Въ этомъ никакая власть въ государствѣ ему не могла помѣшать. Подробнѣе объ этомъ мы скажемъ ниже.

Намъ не приходится останавливаться на выясненіи вредности военнаго положенія для страны. Она разумѣется сама собою. Но для полноты очерка должно сослаться на докладъ одесской комиссіи для выработки предположеній, вносимыхъ въ порядкѣ указа 18 февраля 1905 г.

Комиссія указывала, что нормы военнаго положенія, регулируя жизнь многотысячнаго города, самымъ пагубнымъ образомъ отражаются на всей торговой и общественной жизни. Сознаніе этой ненормальности, съ каждымъ днемъ становившееся всеобщимъ, побудило въ іюнѣ 28 гласныхъ одесской городской думы подать городскому головѣ заявленіе о необходимости немедленнаго возбужденія ходатайства о снятіи военнаго положенія. Ген. Каульбарсъ этого заявленія не допустилъ даже къ обсужденію въ засѣданіи думы. Затѣмъ мѣстное купечество черезъ своего старшину, предсѣдателя биржевого комитета, обратилось къ члену Государственнаго Совѣта гр. Игнатьеву во время его пребыванія въ Одессѣ съ докладной запиской. Гр. Игнатьевъ обѣщалъ поддержать ходатайство купечества о снятіи военнаго положенія, но ничего не сдѣлалъ, и тогда особая комиссія составила новый докладъ, гдѣ доказывала вредъ военнаго положенія для всей

жизни города и страны. Одесситы указывали, что заграничная торговля вымираетъ, что мѣстные органы печати обезцвѣтились и не могутъ отражать жизнь, что весь югъ Россіи скоро долженъ потерпѣть экономическій кризисъ. Но какъ ни краснорѣчивы были купеческія соображенія, военное положеніе продолжало господствовать еще долгое время.

Точно такія же соображенія высказывались и представителями польскихъ губерній. По общему признанію ненужность военнаго положенія была несомнѣнна, а продолженіе такого способа охраны губительнымъ для всей общественной, государственной и частной жизни людей.

Но ни одно изъ ходатайствъ не было уважено. Не было принято во вниманіе и соображеніе другого рода, что убійства и грабежи питаются и культивируются именно безправнымъ военнымъ положеніемъ. Мѣстные администраторы базировались на военномъ положеніи, не какъ на мѣрѣ охраны, а какъ на мѣрѣ угрозы противъ дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ нарушителей порядка.

Впрочемъ, ради объективности, слѣдуетъ констатировать и другое явленіе — именно ходатайства объ участіи въ подавленіи волненій войска. Не упоминая о многихъ, явно истеричныхъ ходатайствахъ подобнаго рода, мы должны сослаться на записку бакинскихъ нефтепромышленниковъ, которую они представили министру финансовъ.

Вотъ что они писали въ заключеніи къ этой запискѣ, послѣ изложенія различныхъ фактовъ недавняго прошлаго:

«Обращаясь къ мѣрамъ неотложнымъ для возстановленія спокойствія и для предотвращенія на будущее время подобныхъ событій, необходимо остановиться на слѣдующемъ.

Богатѣйшая въ мірѣ нефтеносная площадь расположена на пространствѣ всего около 2500 десятинъ, изъ коихъ нынѣ разрабатывается только около одной тысячи; необходимо совершенно очистить эту площадь отъ опасныхъ элементовъ. Такими элементами несомнѣнно должно считаться сельское населеніе Балахановъ, Сабунчей, Романовъ и Забрата, представляющихъ изъ себя разбойничьи и воровскія гнѣзда. Надлежитъ поэтому сейчасъ же выселить это населеніе на другія земли. Кромѣ сельскаго населенія на промысловой площади расположены жилища рабочихъ. Эти жилища надлежитъ также вынести за предѣлы промысловой площади въ особые поселки, о чемъ болѣе восьми лѣтъ ходатайствуютъ нефтепромышленники.

Эти мѣры необходимо принять еще въ цѣляхъ санитарныхъ, ибо помянутыя селенія, въ особенности Сабунчи, крайне загрязнены и являются очагами заразы.

Кромѣ того, для предупрежденія возможности возникновенія безпорядковъ, слѣдуетъ въ окрестностяхъ Баку и промысловъ расквартировать достаточно войска, кое въ любой моментъ могло бы силою оружія подавить всякія проявленія насилія».

Правительству приходилось считаться съ такими требованіями, тѣмъ болѣе, что высказывались они вполнѣ солидными дѣятелями въ современномъ государственномъ механизмѣ.

V.

Въ исторіи развитія охраны наблюдаются два рѣзкихъ, отличающихся одинъ отъ другого періода. Гранью этихъ періодовъ является критическій 1904-ый годъ.

Первый періодъ охватываетъ собою огромный промежутокъ времени въ двадцать три года и начинается съ момента опубликованія «Положенія 1881 г.» Второй періодъ начинается 1905-мъ годомъ.

Общей характеристикою перваго періода можетъ служить постепенная, сознательная и спокойная охрана. Мѣстности объявлялись внѣ общаго порядка охраны исподволь, не торопясь, съ сознаніемъ важности такого акта и съ установленіемъ, по крайней мѣрѣ, офиціально, необходимости исключительной охраны.

Канцелярія Комитета министровъ въ 1905 году разработала фактическія данныя о примѣненіи охранъ за первый періодъ и установила, что районъ дѣйствія исключительныхъ правилъ при изданіи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка не превышалъ 500 тысячъ квадратныхъ верстъ, съ населеніемъ немногимъ болѣе 27 милліоновъ.

Къ этимъ даннымъ пришлось подойти съ осторожностью, провѣрить ихъ и въ результатѣ приходится констатировать, что собранныя офиціально цифровыя данныя очень далеки отъ дѣйствительнаго положенія вещей, что мы постараемся доказать.

За первый періодъ правительство пользовалось только одною усиленною охраною. Никакія другія мѣры не принимались, а это давало нерѣдко поводъ считать чрезвычайную охрану мѣрою излишнею и мертворожденною. Для перваго періода чрезвычайная охрана именно и не играла никакой роли. Въ нормахъ усиленной охраны видѣли залогъ мирнаго преуспѣянія общества. Полномочія администраціи по охранѣ признавались вполнѣ достаточными.

Изучая первый періодъ, мы изучаемъ въ сущности развитіе усиленной охраны и только.

Въ первый разъ были объявлены на охранѣ мѣстности, которыя такъ или иначе заявили себя въ предыдущую эпоху. Сюда подошли резиденціи двора—Петербургъ и Москва, съ ихъ губерніями, большіе промышленные и торговые центры—харьковская, полтавская, черниговская, кіевская, волынская, подольская, херсонская, бессарабская губерніи, многіе уѣзды таврической губерніи, одесское, таганрогское, керчь-еникальское градоначальства, Ростовъ-на-Дону, Маріуполь, Бердянскъ. Самымъ страннымъ было включеніе въ число охраняемыхъ территоріи Воронежа съ его уѣздомъ. Предыдущая исторія города и уѣзда не давала основаній усматривать въ нихъ крамолу. Тѣмъ не менѣе Воронежъ былъ объявленъ, такъ сказать, на всякій случай.

По нашимъ исчисленіямъ, въ 1881 году общее число населенія обоего пола, изъятое изъ дѣйствія нормальнаго порядка, доходило до внушительной цифры въ 32 милліона, а пространство мѣстностей, состоящихъ на охранѣ, равнялось почти 508 тысячамъ квадратныхъ верстъ. Слѣдовательно, охрана, захватила площадь, равную почти од-

ной сороковой всей россійской территоріи съ одной пятою частью всего населенія.

Въ 1882 году правительство исправляетъ свою ошибку и исключаетъ Воронежъ съ уѣздомъ изъ числа охранныхъ мѣстностей; въ такомъ положеніи охрана остается до 1884 года, когда площадь охраны увеличивается вдругъ до 525 тысячъ кв. верстъ съ населеніемъ около 33 милліоновъ. Это происходитъ потому, что въ охрану включается рядъ новыхъ мѣстностей: севастопольское градоначальство, николаевское военное губернаторство, саратовскій уѣздъ и мѣстности, входящія въ районъ нижегородской ярмарки. Послѣднія объявлялись обыкновенно на положеніи охраны только на время ярмарки съ 1-го іюля по 10 сентября.

Такая площадь остается почти безъ измѣненія на протяженіи четырехъ лѣтъ—до 1889 года.

Это—годъ собиранія богатыхъ плодовъ реакціонной жатвы. Все было задушено, придавлено. Надобности въ охранахъ уже не было, а если правительство и продолжало объявлять охраны, то исключительно по привычкѣ и по инерціи, опасаясь возможныхъ осложненій.

Въ 1889 году площадь охранъ сокращается до 414 тысячъ квад. верстъ, и число жителей—до 24 милліоновъ.

Въ это время приведены уже къ повиновенію и усмиренію огромные районы: харьковская и полтавская губерніи, уѣзды таврической губерніи, и даже «крамольные города», въ родѣ Бердянска, потеряли свой угрожающій порядку характеръ.

Въ 1890 и 1891 гг. успокоеніе наступаетъ въ подольской и херсонской губерніяхъ, и площадь охраны достигаетъ своего минимума—313 тысячъ кв. верстъ съ населеніемъ около 20 милліоновъ. Никогда потомъ и прежде усиленная охрана не достигала такихъ узкихъ предѣловъ.

Но 1892 годъ, съ наступившей холерой, знаменуетъ собою новый и очень крутой поворотъ въ сторону усиленія репрессій и охраны.

Холерные безпорядки въ астраханскомъ уѣздѣ заставляютъ правительство усилить охрану: 22 іюня правительство констатируетъ «открытые безпорядки по поводу принятыхъ губернскимъ начальствомъ санитарныхъ мѣръ для борьбы съ холерной эпидеміей и противъ ея развитія».

Въ сентябрѣ того же года антигосударственное броженіе отмѣчается главнымъ штабомъ военнаго министерства. Военные губернаторы ферганской и сыръ-дарьинской областей ходатайствуютъ объ изъятіи многихъ мѣстностей изъ нормальнаго порядка охраны, къ ходатайству присоединяется туркестанскій генералъ-губернаторъ, а затѣмъ вся ферганская область, гор. Ташкентъ съ уѣздомъ, уѣзды чимкентскій и ауліэатинскій на долгіе годы объявляются въ состояніи усиленной охраны. Все это расширяетъ площадь усиленной охраны болѣе, чѣмъ вдвое, и на долю 1892 года приходится площадь въ 690 тысячъ кв. верстъ, хотя число населенія увеличилось лишь на два милліона.

За время 1893—1897 годъ происходятъ незначительныя измѣненія, присоединяются къ площади охранъ небольшія территоріи, часто

не имѣющія никакого государственнаго значенія, напримѣръ, ст. Гниловская, Батайскъ и другія, снимаются охраны въ нѣкоторыхъ центрахъ. За этотъ періодъ все-таки наблюдается сокращеніе площадей до 641 тыс. кв. верстъ.

Въ 1898 году охрана захватываетъ самаркандскую область. Въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ происходятъ большіе безпорядки. Туркестанскій генералъ-губернаторъ Корольковъ самолично объявляетъ самаркандскую область на положеніи усиленной охраны, и лишь впослѣдствіи это распоряженіе санкціонируется свыше. Мало того: самая сущность усиленной охраны измѣняется въ смыслѣ расширенія правъ низшей администраціи, которой разрѣшается подвергать туземное населеніе «за ослушаніе законнымъ распоряженіямъ властей» административнымъ, повышеннымъ противъ нормы, взысканіямъ.

Къ 1898 году площадь охраны увеличивается до 700 тыс. кв. вер. съ населеніемъ въ 23 милліона. Подъ охрану подпадаютъ такія, напримѣръ, важныя мѣстности, какъ екатеринославская губернія, а также и совершенно невѣдомые до того посадъ Богоявленскъ, с. Калиновка, мѣстечко Варваровка, изобилующіе рабочимъ населеніемъ. Это происходитъ въ 1899 году, когда площадь охраны доходитъ до 755 тыс. кв. верстъ, а населеніе—до 26 милліоновъ. Почти въ такомъ же положеніи стоитъ усиленная охрана и въ 1900 году.

Отсюда начинается стремительное и прогрессивное повышеніе охраны. Въ 1901 году охрана вводится въ длинномъ рядѣ городовъ, такъ какъ, по донесеніямъ полицейскихъ властей, большіе и малые города являются по преимуществу разсадникомъ государственной опасности.

Согласно первой серіи полицейскихъ донесеній 29 іюня усиленная охрана вводится въ Тифлисѣ, Баку съ уѣздомъ, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, Елизаветградѣ, въ покровскомъ и шуйскомъ уѣздахъ, въ посадѣ Воскресенскѣ и въ мѣстечкѣ Кривой Рогъ херсонской губерніи (пункты, изобилующіе рабочими въ рудникахъ). Къ 1-му декабря того же года констатируется волненіе въ городахъ: Ригѣ, Юрьевѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, Двинскѣ, Витебскѣ, Бѣлостокѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Томскѣ, Ярославлѣ, Саратовѣ, Полтавѣ, Самарѣ и Кишиневѣ. Виленская губернія и всѣ названные города объявляются подъ усиленной охраной.

Благодаря этому охраняемая площадь расширяется почти до 760 тысячъ квадратныхъ верстъ, а число жителей—до 28 милліоновъ.

Въ 1902 году волненіе усматривается въ густо населенныхъ рудничныхъ районахъ и въ полтавской губерніи. Въ правительственныхъ сообщеніяхъ мелькаютъ криворогскіе рудники, желѣзодѣлательные заводы Пастухова, Гданцевскіе рудоплавильные заводы и т. п. Саратовская губернія и гор. Батумъ признаются также неблагонадежными по охранѣ. И площадь охраны достигаетъ 820 тыс. кв. верстъ съ населеніемъ въ 31 милліонъ.

Въ 1903 и 1904 году крамола усматривается на Кавказѣ, объявляются усиленно охраняемыми крупные кавказскіе центры, площадь охраны въ 1903 г. достигаетъ почти 1000 тыс. кв. верстъ, а къ 1904 г.—1045 тыс. кв. верстъ съ населеніемъ въ 33 милліона.

Комитетъ министровъ въ засѣданіи 11 января 1905 года насчиталъ только 850 тыс. кв. верстъ съ населеніемъ въ 30 мил. Теперь мы видимъ, насколько вычисленія Комитета министровъ заслуживаютъ довѣрія.

Такимъ образомъ, за періодъ въ 23 года усиленная охрана сдѣлала значительный шагъ впередъ въ смыслѣ расширенія территоріи. Къ концу разсматриваемаго періода болѣе одной двадцатой части русской территоріи состояло подъ усиленной охраной. На всемъ остальномъ протяженіи дѣйствовали нормы, разрѣшающія мѣстной администраціи производить обыски и аресты въ отношеніи заподозрѣваемыхъ въ неблагонадежности лицъ.

Число жителей, подпавшихъ дѣйствію охраны, увеличилось сравнительно на небольшую цифру въ одинъ милліонъ. Это объясняется тѣмъ, что въ охрану вошли средне-азіатскія мѣстности съ большими территоріями и небольшимъ количествомъ населенія. Тѣмъ не менѣе цифра въ 33 милліона жителей представляетъ собою почти одну пятую часть всего населенія Россіи.

Какъ мы видѣли, усиленная охрана развивалась постепенно, не дѣлая большихъ скачковъ. Это объясняется большею осторожностью въ примѣненіи охраны, такъ какъ объявленіе мѣстности состоящею на охранѣ стояло въ зависимости отъ центральныхъ властей, которыя, какъ бы тамъ ни было, считались съ болѣе или менѣе реальными признаками угрозы въ видѣ фактическихъ данныхъ, быть можетъ, и гиперболированныхъ мѣстнымъ начальствомъ.

Объявленіе усиленной охраны властью мѣстныхъ администраторовъ случалось очень рѣдко, какъ, напримѣръ, въ отдаленныхъ отъ центра средне-азіатскихъ владѣніяхъ.

И все-таки, несмотря на относительное спокойствіе объявленія охранъ, подъ ея вліяніемъ безпрерывно, въ теченіе перваго періода, находились 23 года: Москва, Петербургъ, ихъ губерніи, харьковская, кіевская, волынская и подольскія губерніи и гор. Ростовъ-на-Дону. Одесское градоначальство, Николаевское военное губернаторство состояло на усиленной охранѣ на два года, а Кронштадтское губернаторство—на четыре года меньше существованія охраны.

Меньше другихъ состояли подъ усиленной охраной города: Рига, Казань, Ярославль и другіе.

Отмѣтимъ, между прочимъ, что въ теченіе всего перваго періода объявленіе данной мѣстности въ состояніи усиленной охраны аккуратно опредѣлялось законнымъ срокомъ—въ одинъ годъ. Отступленія отъ этого правила хотя и встрѣчаются, но въ видѣ исключенія.

VI.

Второй періодъ развитія законовъ объ охранѣ носитъ характеръ безудержнаго пользованія исключительными полномочіями власти.

Въ самомъ началѣ періода—этого явленія еще не замѣчается. Отдѣльныя объявленія той или другой мѣстности еще не создаютъ общей физіономіи охранамъ. Все происходитъ на болѣе или менѣе точномъ основаніи Положенія 1881 года.

Однако, наступленіе октябрьскихъ событій вызываетъ рѣшительный и неожиданный поворотъ въ область подавленія крамолы. Всеобщая забастовка, прекращеніе движенія по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, прекращеніе телеграфныхъ и телефонныхъ сообщеній—все это побуждаетъ правительство къ явной революціи въ области законности. И 29-го ноября 1905 года издается указъ, который разъ навсегда порываетъ всякую связь съ 1881-мъ годомъ.

Указъ этотъ откровенно призналъ существующій порядокъ объявленія мѣстностей состоящими на положеніи охраны малопригоднымъ въ условіяхъ революціи. Онъ разомъ отвергъ всѣ работы по пересмотру исключительныхъ законовъ и выдвинулъ на первый планъ самую рѣшительную и настоятельную борьбу съ революціей.

Подъ вліяніемъ этого указа мѣстныя власти значительно выросли въ собственныхъ глазахъ. Онѣ были поставлены въ безконтрольное положеніе полныхъ хозяевъ своей территоріи. Между ними и центральною властью страны не было никакой связи, никакой зависимости. Всякій мѣстный начальникъ былъ облеченъ полномочіями не меньшими, чѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Военное же начальство заняло положеніе диктаторовъ, одного слова которыхъ было достаточно для введенія въ мѣстности любого вида охраны.

Официально причиной своего появленія указъ 29 ноября выдвигалъ «безпорядки въ почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеніяхъ», которые лишали «какъ центральныя, такъ и мѣстныя власти возможности поддерживать между собою необходимыя служебныя сношенія, обезпеченіе которыхъ представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что продолжающіяся во многихъ губерніяхъ смута и волненія нерѣдко требуютъ введенія въ дѣйствіе исключительныхъ для водворенія порядка мѣропріятій, примѣненіе коихъ зависитъ отъ разрѣшенія высшаго правительства».

Такое важное фактическое соображеніе, какъ прекращеніе сообщеній, не лишило, однако, возможности правительство сообщить свои распоряженія мѣстнымъ властямъ, которыя и совершились нормальнымъ путемъ «служебныхъ сношеній».

«Такого рода событія»—говорилъ указъ,—«пагубно отражающіяся и на общей экономической жизни всей Имперіи, съ очевидностью свидѣтельствуютъ, что мятежныя подстрекательства людей, поставившихъ себѣ цѣлью разрушить подорванное смутой народное благосостояніе, не останавливаются въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ преступныхъ и направленныхъ противъ блага русскаго народа цѣлей. Столь тревожное положеніе дѣлъ обязываетъ въ случаяхъ прекращенія или замѣшательства въ сообщеніяхъ, желѣзнодорожномъ, почтовомъ и телеграфномъ предоставить мѣстнымъ властямъ право прибѣгать къ примѣненію чрезвычайныхъ мѣропріятій, безъ испрошенія на то разрѣшеній центральной власти».

Согласно этому было предписано: 1) генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ въ мѣстностяхъ, ввѣренныхъ ихъ управленію, въ случаяхъ, когда признаютъ то нужнымъ, собственной властью объявлять подчиненныя имъ мѣстности, смотря по обстоятельствамъ, въ положеніи усиленной или чрезвычайной охранъ; при

чемъ, при объявленіи чрезвычайной охраны, губернаторамъ и градоначальникамъ присваиваются права градоначальствующихъ, 2) въ мѣстностяхъ, гдѣ пребываютъ военные начальники не ниже командира бригадъ, объявлять военное положеніе; 3) при полномъ возстановленіи порядка право отмѣны такихъ распоряженій мѣстныхъ властей принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ поставить другой указъ—14 декабря, который не только расширилъ предѣлы начальствъ, управомоченныхъ на охранную дѣятельность, но и создалъ особые охранные комитеты.

Дѣло въ томъ, что министру путей сообщенія, въ случаяхъ возникновенія опасности прекращенія или замѣшательства въ правильности движенія желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ сообщеній на нихъ, было предоставлено на отдѣльныхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ принимать чрезвычайныя мѣры охраны, съ доведеніемъ о томъ каждый разъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ случаяхъ же «неотложной необходимости» право примѣненія на дорогѣ чрезвычайныхъ мѣръ охраны предоставлено было начальнику или управляющему этой дороги, съ обязанностью донесенія министру, а также и генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ.

Принятіе чрезвычайныхъ мѣръ знаменовало собою переходъ участка дороги въ вѣдѣніе особаго комитета при управленіи дороги. Комитетъ этотъ состоялъ изъ начальника или управляющаго, какъ предсѣдателя, и завѣдующаго передвиженіемъ войскъ и начальника жандармскаго полицейскаго управленія.

Комитетъ этотъ имѣлъ право: издавать обязательныя постановленія по вопросамъ предупрежденія нарушенія общественнаго порядка и безопасности въ полосѣ отчужденія желѣзныхъ дорогъ, устанавливать за нарушеніе такихъ обязательныхъ постановленій взысканія въ размѣрѣ 3 мѣсяцевъ ареста и денежнаго штрафа до 500 рублей и обращать эти дѣла къ административному рѣшенію.

Кромѣ этихъ полномочій, въ полосѣ отчужденія наступало такое же правовое положеніе, какое указано въ законахъ о военномъ положеніи.

Изъ изложеннаго видно, какимъ рѣшительнымъ измѣненіямъ подверглись законы 1881 года и насколько эти послѣдніе стоятъ выше въ политико юридическомъ отношеніи указовъ 29 ноября и 14 декабря.

Опубликованіе такихъ указовъ явилось сигналомъ для полнаго торжества исключительныхъ положеній на всемъ пространствѣ Россіи.

Прослѣдить въ порядкѣ хронологическомъ примѣненіе охранъ въ этотъ періодъ представляется весьма затруднительнымъ. Скачки центральныхъ и мѣстныхъ распоряженій поддаются съ трудомъ учету, а самый учетъ не можетъ носить характера спокойнаго, научнаго констатированія. Все время вниманіе отвлекается изъ стороны въ сторону, и кое-что можно уловить въ этомъ вихрѣ охранныхъ полномочій, только строго ограничивъ всѣ бывшіе виды охранъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы коснемся прежде всего усиленной охраны, затѣмъ охраны чрезвычайной, военнаго и осаднаго положенія.

VII.

Усиленная охрана—1905-й годъ.

Кромѣ мѣстностей, на которыя исключительные законы распространялись больше по инерціи, чѣмъ по надобности, 1905-й годъ позволяетъ видѣть, какъ въ рубрику потенціально антигосударственныхъ мѣстностей входятъ огромныя области, по преимуществу окраинныя и съ вполнѣ сложившейся національной группировкой.

Въ январѣ мѣсяцѣ все вниманіе правительства сосредоточивается именно на окраинномъ броженіи мысли. Реакціонная печать усиленно поговариваетъ о явномъ сепаратизмѣ, о возможности отложенія отъ Россіи цѣлыхъ областей, о начинающемся массовомъ движеніи въ пользу такого отложенія. Съ 9-мъ января на окраинахъ дѣйствительно увидѣли многое и стали говорить о многомъ. Но здѣсь не столько сказались петербургскія событія, сколько все предшествующее время, эпоха банкетовъ и указъ 12 декабря 1904 года.

Броженіе въ привислинскихъ губерніяхъ обратило на себя вниманіе въ самомъ началѣ года. Броженію этому придавалось настолько серьезное значеніе, что министръ внутреннихъ дѣлъ поспѣшилъ 16 января объявить на положеніи усиленной охраны города Варшаву и Лодзь, какъ крупные рабочіе и промышленные центры, и губерніи варшавскую и петроковскую, какъ непосредственно примыкающія къ «гнѣзду польской крамолы и смуты». Комитетъ министровъ согласился съ мѣрою, принятою министромъ внутреннихъ дѣлъ, и въ то же время постановилъ довести до высочайшаго свѣдѣнія какъ о самыхъ мѣрахъ, такъ и о причинахъ, вызвавшихъ принятіе такихъ мѣръ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого варшавскій генералъ-губернаторъ ходатайствуетъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о расширеніи площади усиленной охраны и проситъ присоединить сюда калишскую, сѣдлецкую и радомскую губерніи, иначе-де «трудно поручиться за охраненіе государственной безопасности и общественнаго спокойствія въ губерніяхъ привислинскаго края». 22 января министръ, разумѣется, даетъ на это согласіе.

Такимъ образомъ, самыя цвѣтущія и культурныя части привислинскаго края вошли въ общую группу опекаемыхъ мѣстъ. Но въ то же самое время другая окраина, о которой все чаще и чаще стали говорить въ правительственныхъ кругахъ—Кавказъ, съ каждымъ днемъ внушала серезныя опасенія. Исполняющій обязанности главноначальствующаго на Кавказѣ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что положеніе въ Кутаисѣ съ каждымъ днемъ осложняется, что требуется вмѣшательство полицейскихъ полномочій, что въ уѣздахъ кутаисскомъ, озургетскомъ и новосенакскомъ безопасность государства стоитъ подъ большимъ сомнѣніемъ и что необходимо безотлагательно же объявить тамъ усиленную охрану. 26 января эти мѣстности были подвергнуты охранѣ.

Въ разсматриваемое время усиленная охрана, разъ установленная, шла быстрымъ темпомъ. Поэтому не удивительно, что за пер-

выми шагами по охранѣ въ привислинскомъ краѣ и на Кавказѣ послѣдовали другіе, болѣе рѣшительные и откровенные. 14 февраля варшавскій генералъ-губернаторъ уже признаетъ небезопасными люблинскую, сувалкскую, плоцкую, ломжинскую и кѣлецкую губерніи, а 15 февраля охрана уже вводится. Въ томъ же февралѣ (27-го числа) на усиленной охранѣ объявляется городъ Эривань.

За поспѣшностью въ объявленіи охранъ часто упускаются изъ вида требованія закона. Такъ, напримѣръ, многія изъ губерній привислинскаго края, по торопливости, были объявлены на положеніи усиленной охраны безсрочно. Потомъ спохватились, и приходилось исправить недоразумѣніе. Это было тѣмъ болѣе легко, что Комитетъ министровъ понималъ и сочувствовалъ быстротѣ дѣйствій властей. Онъ собрался на засѣданіе и заявилъ буквально такъ: такъ какъ пересмотръ исключительныхъ законовъ «долженъ вызвать существенное измѣненіе въ изданныхъ до настоящаго времени по сему предмету правилахъ, то... срокъ дѣйствія правилъ объ усиленной охранѣ въ люблинской, сувалкской, плоцкой, ломжинской и кѣлецкой губерніяхъ представлялось бы послѣдовательнымъ поставить въ зависимость отъ того срока, въ теченіе коего выше упомянутое положеніе еще будетъ оставаться въ силѣ..., при чемъ во всякомъ случаѣ не установлять нынѣ такого срока долѣе, чѣмъ на одинъ годъ».

Появленіе такого страннаго и, казалось бы, ненужнаго вовсе поясненія объясняется тѣмъ, что объявленіе охранъ въ названныхъ мѣстностяхъ производилось какъ разъ послѣ засѣданія Комитета министровъ, въ которомъ было наговорено много хорошихъ словъ.

Съ марта мѣсяца правительственное вниманіе обращается на тревожную окраину: прибалтійскія и вообще западныя губерніи.

Крамола и тутъ прочно свила себѣ гнѣздо, сепаратизмъ и здѣсь высказывался въ пестрыхъ формахъ. Русское населеніе, въ видѣ правительственныхъ чиновниковъ, констатировало центральнымъ и мѣстнымъ властямъ грядущую опасность бездѣйствія власти.

Власть начинаетъ дѣйствовать, и 14 марта лифляндская и курляндская губерніи объявляются на положеніи усиленной охраны. Черезъ два дня охрана вводится на всемъ пространствѣ витебской губерніи.

Параллельно усиленная охрана продолжается въ мѣстностяхъ, уже достаточно вкусившихъ ея. Такъ, вводится охрана еще на годъ въ ахалцыхскомъ, ахалкалакскомъ и борчалинскомъ уѣздахъ тифлисской губерніи.

Усмотрѣвъ крамолу на западѣ, невольно правительсто глядѣло въ другія стороны и усматривало крамолу всюду, куда ни кидало взора. Взглянетъ на югъ, а тамъ уже изъ Ялты, Аккермана, Кишинева торопятся донесенія объ опасностяхъ, угрозахъ порядку и т. п. И Ялта, и Аккерманъ, и Кишиневъ подпадаютъ дѣйствію охраны. Попутно добавляется охрана въ гор. Вильнѣ, Гроднѣ, Сморгони, вводится охрана въ Мелитополѣ, въ таврической губерніи. И все это продѣлывается на пространствѣ апрѣля—мая 1905 года.

Отсюда видно, какъ быстро шла усиленная охрана и какъ все иныя и иныя мѣста входили въ районъ ея примѣненія.

Тѣмъ временемъ и на спокойномъ до этого времени востокѣ тучи крамолы становились чернѣе и мрачнѣе. Въ самыхъ спокойныхъ областяхъ съ появленіемъ охранныхъ чиновниковъ, государственная безопасность представлялась поколебленною. Первою жертвою такого проникновеннаго воззрѣнія пала Уфа, которая 13 мая была объявлена на положеніи усиленной охраны. За нею послѣдовала закаспійская область—16 іюня, Нижній-Новгородъ—25 іюня и 27 іюня—гор. Новороссійскъ.

Что касается закаспійской области, то туркестантскій генералъ-губернаторъ 30 іюля уже ходатайствовалъ объ ограниченіи дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ лишь гор. Асхабадомъ и нѣкоторыми другими мѣстностями. И хотя усиленная охрана была уже объявлена на всемъ пространствѣ, а самое ходатайство являлось новшествомъ въ практикѣ правительства, тѣмъ не менѣе къ октябрю мѣсяцу высшее согласіе на такое ограниченіе было испрошено.

Осень 1905 года, памятная по бодрому и сильному настроенію всего русскаго общества, отразилась въ мысляхъ бюрократіи самымъ угрожающимъ симптомомъ. Такъ, напримѣръ, генералъ губернаторъ Фрезе нашелъ нужнымъ, безъ особенныхъ фактическихъ поводовъ, донести министру внутреннихъ дѣлъ, что, «въ виду угрожающихъ размѣровъ проявленія революціонной пропаганды въ ковенской губерніи и возможности возникновенія тамъ крупныхъ безпорядковъ», требуется усиленная охрана. Это разрѣшается, и, такимъ образомъ, ген. Фрезе больше уже не о чемъ заботиться: въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ нѣтъ больше возможности существовать нормальному порядку охраны.

Приблизительно въ то же время утверждается еще на годъ господство охраны въ Ташкентѣ и указанныхъ выше мѣстностяхъ сыръ-дарьинской области.

Наступаетъ октябрь, наступили поконституціонные дни...

Въ распоряженіи отъ 29 октября министръ внутреннихъ дѣлъ пишетъ: «въ виду происходящихъ безпорядковъ..., выразившихся въ поджогѣ и разграбленіи мятежными бандами многихъ помѣщичьихъ усадебъ, погромахъ еврейской части населенія и покушеніяхъ на жизнь чиновъ мѣстной полиціи» объявляются одновременно на положеніи усиленной охраны: вся черниговская губернія, балашовскій, сердобскій, петровскій и аткарскій уѣзды саратовской губерніи и кирсановскій, борисоглѣбскій и козловскій уѣзды тамбовской губерніи. По тѣмъ же поводамъ охрана вводится въ Саратовѣ съ уѣздомъ. По тѣмъ же поводамъ и по ходатайствамъ мѣстныхъ помѣщиковъ на слѣдующій же день усиленной охранѣ подпадаетъ уже вся тамбовская губернія.

Начало ноября приноситъ усиленную охрану для смежныхъ областей—для пензенской и курской губерній, для кузнецкаго уѣзда и всей полтавской губерніи. Ноябрь заканчивается объявленіемъ охраны во многихъ частяхъ сыръ-дарьинской области.

Въ декабрѣ къ заботамъ о государственной безопасности присоединяются добровольные охранители.

Такъ, напримѣръ, 9-го декабря исправляющій должность туль-

скаго губернскаго предводителя дворянства, согласно постановленію мѣстнаго дворянскаго депутатскаго собранія, увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ «о начавшихся въ богородицкомъ уѣздѣ безпорядкахъ, разгромахъ и поджогахъ владѣльческихъ усадебъ, угрожающихъ жизни и имуществу землевладѣльцевъ *всей* губерніи». Въ виду этого министръ внутреннихъ дѣлъ, безъ всякаго вмѣшательства, слѣдовательно, губернскаго начальства, ввелъ усиленную охрану во всей тульской губерніи.

Ген. Фрезе 10 декабря, въ виду «угрожающихъ размѣровъ аграрнаго движенія и сопротивленія случаямъ насилія», объявляетъ усиленную охрану пружанскаго уѣзда.

Въ теченіе декабря 1905 года усиленная охрана уже потеряла свой кредитъ. Къ ней обращаются въ самыхъ легкихъ случаяхъ, предпочитая, какъ это будетъ указано ниже, пользоваться чрезвычайными полномочіями. Въ это время усиленная охрана была введена на линіи московско-нижегородской и муромской желѣзной дороги, въ Царицынѣ съ его уѣздомъ — 12 декабря, въ кобринскомъ уѣздѣ — 15, въ Златоустѣ съ прилегающими къ нему поселками,— тогда же, 17-го — въ Вольскѣ, Камышинѣ и Хвалынскѣ съ уѣздами, 19-го—въ Тирасполѣ и Ананьевѣ съ уѣздами въ виду желѣзнодорожной забастовки.

Наконецъ, 22 декабря усиленная охрана коснулась такой мѣстности, гдѣ, по мнѣнію самыхъ проникновенныхъ охранителей, крамола никогда не могла выжить—вятской губерніи. Поводомъ послужили крестьянскіе безпорядки. 1905 годъ заканчивается введеніемъ охраны въ оргѣевскомъ уѣздѣ и въ мѣст. Сороки.

VIII.

Чрезвычайная охрана.

Въ арсеналѣ охранныхъ средствъ чрезвычайному положенію суждено было имѣть второстепенную роль. По мнѣнію представителей власти, въ положеніи чрезвычайномъ было слишкомъ мало преимуществъ сравнительно съ усиленной охраной. Въ чрезвычайной охранѣ видѣли только ничтожное расширеніе административной власти,—расширеніе, которымъ не всегда можно было цѣлесообразно пользоваться, разъ рѣчь шла о самыхъ угрожающихъ явленіяхъ нарушенія государственнаго порядка.

Всѣ министерства и всѣ губернскія власти сходились въ одномъ мнѣніи—положеніе о чрезвычайной охранѣ явилось нежизнеспособнымъ плодомъ кохановской комиссіи. Въ 1881 году чрезвычайной охранѣ придавали выдающееся значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлали ничего, что могло бы фактически закрѣпить это значеніе за нею. Это была кабинетная фантазія бюрократовъ, далекихъ отъ возможнаго положенія вещей.

Въ началѣ 1905 года въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ серіозно обсуждали вопросъ о степени примѣнимости чрезвычайной охра-

ны. Говорили не столько о полномочіяхъ, расширяемыхъ чрезвычайной охраной, такъ какъ наше законодательство все равно было крайне запутано и разграничить предѣлы усиленной и чрезвычайной охраны было слишкомъ трудно; говорили о томъ, насколько въ мѣстности, стоящей на положеніи чрезвычайной охраны, можно поручиться за нерушимость общественнаго порядка. И было единогласно высказано, что чрезвычайная охрана можетъ служить субсидіарнымъ средствомъ, но всѣ преимущества должны быть оставлены за военнымъ положеніемъ.

Въ исторіи развитія охранъ мы можемъ констатировать осуществленіе этого воззрѣнія на практикѣ. Чрезвычайная охрана уступила свое мѣсто въ исторіи военному положенію. И уже послѣ того, какъ въ военномъ положеніи на фактахъ познали силу его, только тогда рѣшились кое-гдѣ частично ввести охрану чрезвычайную.

Словомъ, военное положеніе было примѣнено на практикѣ ранѣе чрезвычайной охраны почти на цѣлый годъ. И это фактическое указаніе очень важно для юриста, но еще болѣе важно для общественнаго дѣятеля и законодателей.

Наибольшій расцвѣтъ чрезвычайной охраны совпадаетъ съ декабремъ мѣсяцемъ 1905 года.

Въ первый разъ чрезвычайная охрана объявляется въ Москвѣ и въ московской губерніи 7 декабря въ памятные дни возстанія. Объявляется она на точномъ основаніи новаго закона, внѣ участія центральной власти, объявляется московскимъ генералъ-губернаторомъ Дубасовымъ, и уже о совершившемся фактѣ доносится 10 декабря управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Примѣру Дубасова слѣдуютъ и другія начальства. Ближайшимъ офиціальнымъ поводомъ для объявленія Москвы на чрезвычайномъ положеніи послужила «начавшаяся забастовка на желѣзныхъ дорогахъ». На эти же мотивы ссылались и другія начальства.

Отъ Москвы чрезвычайная охрана потянулась быстро на востокъ и это движеніе ея совершилось съ поразительнымъ постоянствомъ, пока, наконецъ, огромная полоса въ нѣсколько тысячъ верстъ не была объявлена на положеніи чрезвычайной охраны.

Вслѣдъ за Москвой владимирскій губернаторъ объявляетъ чрезвычайную охрану въ гор. Ковровѣ и его уѣздѣ—15 декабря. Въ тотъ же самый день охрана распространяется далѣе на востокъ и охватываетъ собою Нижній-Новгородъ и весь рабочій районъ, расположенный въ балахнинскомъ уѣздѣ съ Сормовскими заводами. Сюда же включаются и всѣ линіи московско-нижегородской желѣзной дороги.

Нѣсколько дней спустя, пермскій губернаторъ, послѣ сообщенія мѣстныхъ полицейскихъ властей о броженіяхъ на заводахъ и фабрикахъ, объявляетъ чрезвычайную охрану 28 декабря въ городахъ Перми и Екатеринбургѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не обинуясь и не входя въ подробныя перечисленія, «всѣ находящіеся во ввѣренной ему губерніи заводы».

Въ тотъ же самый день и уфимскій губернаторъ, пользуясь ссылкой закона на «замѣшательство въ сообщеніяхъ», объявляетъ на чрезвычайной охранѣ всю уфимскую губернію, хотя, по общему тону на-

строенія въ губерніи, въ этомъ не представлялось рѣшительно никакой необходимости, тѣмъ болѣе что въ другихъ мѣстахъ для чрезвычайной охраны было гораздо больше фактическихъ поводовъ.

Вторая полоса, по которой прошла чрезвычайная охрана, идетъ южнѣе указанной черты. 9-го декабря въ тамбовской губерніи происходитъ перемѣна всего правового положенія. Констатируется прекращеніе желѣзнодорожныхъ сообщеній, констатируется сильное броженіе среди рабочихъ. Эти обстоятельства даютъ поводъ одновременно объявить городъ Тамбовъ и Козловъ съ уѣздами состоящими на военномъ положеніи, а въ другихъ частяхъ губерніи—въ Борисоглѣбскѣ, Усмани, Липецкѣ, Лебедяни, Кирсановѣ, Моршанскѣ, Шацкѣ, Спасскѣ, Елатьмѣ и Темникахъ съ ихъ уѣздами на положеніи чрезвычайной охраны. Въ эту категорію отдѣльно вводится и «заштатный городъ Кадомъ».

Калужскій губернаторъ точно также констатируетъ прекращеніе желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, и 12 декабря вводится чрезвычайная охрана на пространствѣ всей калужской губерніи.

Затѣмъ идетъ дальнѣйшее удаленіе на югъ: вводятъ чрезвычайную охрану въ г. Сумы съ уѣздомъ харьковской губерніи и длинный списокъ мѣстностей губерніи екатеринославской.

Параллельно облекаются чрезвычайными полномочіями градоначальникъ въ Ростовѣ на-Дону; войсковой наказной атаманъ донского войска объявляетъ неблагополучнымъ г. Таганрогъ.

Въ минской губерніи, въ виду прекращенія сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ, чрезвычайная охрана объявляется губернаторомъ 9 декабря. 16 декабря могилевскій губернаторъ, пользуясь безпорядками въ почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеніяхъ, объявилъ такую охрану въ Гомелѣ и его уѣздѣ.

Такое нежданно богатое развитіе чрезвычайной охраны объясняется не только внѣшними событіями и фактами. Глубокая причина такой пестрой и стремительной дѣятельности лежитъ въ самомъ законѣ 29 ноября, о которомъ мы говорили выше. Съ изданіемъ этого закона отвѣтственность за поддержаніе порядка въ губерніи всецѣло перешла отъ министра внутреннихъ дѣлъ на губернскія власти. За отвѣтственностью пришелъ страхъ опасности, за страхомъ—желаніе осуществить всѣ мѣры самымъ полнымъ образомъ. И онѣ осуществлялись...

IX.

Военное положеніе.

1905-й годъ въ самомъ началѣ ознаменовался событіями по всей Россіи. 9-ое января въ Петербургѣ характеризуетъ его теченіе. А почти черезъ мѣсяцъ страшныя событія начинаются на Кавказѣ.

Мы не будемъ останавливаться въ подробностяхъ на объявленіи мѣстностей на военномъ положеніи. Но мы не можемъ не коснуться въ самыхъ общихъ чертахъ тѣхъ ближайшихъ причинъ, которыя повлекли за собою военное положеніе, минуя чрезвычайную охрану. Эти дни въ лѣтописяхъ исторіи охраняемой Россіи останутся навсегда

днями рѣшительными и безконечно важными по своему значенію въ общемъ ходѣ культурнаго движенія страны.

Въ Баку 6 февраля въ разныхъ частяхъ города начались нападенія вооруженныхъ мусульманъ на армянское населеніе, достигшія къ слѣдующему дню угрожающихъ размѣровъ. Были уже сотни раненыхъ и убитыхъ. Мирное населеніе объято страхомъ, всякая общественная дѣятельность прекратилась, банки и школы закрыты! Газеты не выходятъ, агентскихъ телеграммъ не поступаетъ. Два дня кровавыхъ ужасовъ, подогрѣваемыхъ и разжигаемыхъ въ настоящую рѣзню. Къ 9 февраля наступаетъ нѣкоторое успокоеніе. Между армянами и мусульманами происходитъ примиреніе. Армянское и мусульманское духовенство совмѣстно съ властями и «почетными гражданами» въ сопровожденіи воинскихъ частей обходятъ городъ, призывая къ спокойствію и обезоруживая шайки громилъ.

Такимъ образомъ, къ 9 февраля рѣзня уже почти окончилась. Но успокоенія еще не наступало. Надо было, въ интересахъ края, заняться изученіемъ причинъ такихъ волненій. Но здѣсь то именно и сказалась близорукость властей и привычка къ охраннымъ мѣрамъ. На имя министра внутреннихъ дѣлъ бакинскіе жители, за исключеніемъ, разумѣется, бакинскихъ нефтепромышленниковъ, о которыхъ мы говорили выше, ходатайствовали объ успокоеніи края иными мѣрами. По ихъ мнѣнію, успокоеніе края можетъ быть достигнуто только увѣренностью въ обнаруженіи истинныхъ причинъ погрома, указывалось, что инспирируемыя кѣмъ-то телеграфныя агентства раздражаютъ населеніе своими лживыми телеграммами о національной враждѣ, несмотря на клятвенное и торжественное увѣреніе мусульманскаго и армянскаго духовенства и самого населенія объ отсутствіи такой вражды. Но бакинскій губернаторъ кн. Накашидзе въ отвѣтъ на это установилъ двойную строжайшую цензуру и не давалъ возможности оглашать факты, какъ они происходили, и тѣмъ самымъ увеличивалъ опасеніе въ населеніи, что истинныя причины погрома останутся необнаруженными.

Казалось бы, что въ такихъ условіяхъ было бы естественнымъ приступить къ спокойному и всестороннему изученію причинъ рѣзни. Но въ отвѣтъ на это 18 февраля вся бакинская губернія объявляется на военномъ положеніи, назначается новый намѣстникъ гр. Воронцовъ-Дашковъ, по областямъ расходятся военные отряды, ген. Алихановъ и Малама начинаютъ свои военныя операціи. Словомъ, все происходитъ какъ на воюющихъ территоріяхъ.

Никакіе протесты по поводу введенія военнаго положенія успѣха не имѣли. Бакинское общественное собраніе установило, что погромъ былъ подготовленъ полиціей, которая натравливала одну часть населенія на другую слухами о подготовкѣ въ Баку событій въ родѣ 9 января. Бакинская присяжная адвокатура, общественныя собранія, различныя общества—всѣ объединились въ протестѣ противъ военнаго положенія.

Между тѣмъ зло военнаго положенія успѣло сказаться тотчасъ же. Волненія, прекратившіяся уже къ 12 февраля, не только не помѣшали введенію военнаго положенія въ Баку 18 февраля,—наоборотъ: благодаря вліянію наступившаго всеобщаго произвола властей, безпо-

рядки начали захватывать все большіе и большіе районы. Войскамъ оказывалось сопротивленіе, довольствіе жителями карательныхъ отрядовъ вызывало естественное недовольство. Надъ Кавказомъ собиралась гроза.

И 21 февраля военное положеніе распространяется на уѣзды озургетскій, кутаисскій, сенакскій и винтришскій.

Съ этого момента Кавказъ потерялъ всѣ основанія для нормальнаго существованія. Мы не будемъ описывать дѣйствій карательныхъ отрядовъ, реквизицій, всего ужаса безправнаго военнаго положенія. Для насъ въ данномъ случаѣ интересно другое обстоятельство: прослѣдить, какъ одна безправная мѣра въ отношеніи опредѣленной мѣстности распространяется безпредѣльно на другія. Отъ Баку на остріяхъ штыковъ военное положеніе разносилось по всему Кавказу. Крамольные микробы разносились самими войсками, шли запечатанными въ официальныхъ пакетахъ, развѣшивались для всеобщей заразы на видныхъ мѣстахъ, объявлялись въ приказахъ, распоряженіяхъ и т. д. Вмѣсто желаннаго успокоенія усиленное безправіе могло вліять лишь въ одномъ отношеніи—въ развитіи микроорганизмовъ въ погромы и безпорядки въ другихъ частяхъ Кавказа. Уже въ февралѣ въ Эривани замѣчалось броженіе и недовольство, а послѣдующія затѣмъ событія шли усиленнымъ темпомъ настолько быстро, что къ іюню мѣсяцу официально констатировали угрожающее состояніе эриванской губерніи. И тогда, 16 іюня, «для обезпеченія общественной безопасности и прекращенія происходящихъ безпорядковъ», эриванская губернія объявляется на военномъ положеніи, съ предоставленіемъ намѣстнику всѣхъ полномочій главнокомандующаго въ непріятельской странѣ. Поводовъ къ этому не было, и объявленіе военнаго положенія въ Эривани было продиктовано болѣе страхомъ, чѣмъ необходимостью.

Вслѣдъ за Эриванью является настоятельная надобность для правительства объявить на военномъ положеніи и другіе крупные центры Кавказа, какъ, напримѣръ, гор. Тифлисъ съ его уѣздомъ. Объявленія происходятъ въ обычныхъ условіяхъ по высочайшему распоряженію 27 іюня.

Этимъ пока и закончились мѣры репрессіи и охраны по отношенію къ Кавказу. Слѣдовали событія, которыя отвлекли на время вниманіе въ другую сторону...

Наступили матросскія мятежныя движенія и въ правительственномъ зрѣніи они отразились самымъ подавляющимъ образомъ.

Въ воскресенье 12 іюня изъ Севастополя въ тендровскій заливъ вышелъ броненосецъ «Князь Потемкинъ». 14-го онъ пришелъ на одесскій рейдъ, и черезъ нѣсколько минутъ отъ борта его отвалила шлюпка съ трупомъ матроса. Покойникъ сопровождавшими его матросами былъ положенъ на молу, съ пришпиленной на груди запискою, гласившею, что матросъ Омельчукъ убитъ офицеромъ невинно за высказанное имъ недовольство пищей, что всѣ офицеры броненосца убиты командой и съ броненосца отвѣтятъ орудійнымъ огнемъ по городу, если портовое начальство попытается убрать трупъ или приблизиться къ судну.

Къ мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ, стали двигаться изъ города ты-

сячи рабочихъ, и возбужденіе среди нихъ все болѣе и болѣе росло: скоро портъ былъ въ ихъ рукахъ. Это было 15 іюня, а на другой день, по просьбѣ одесскаго командующаго войсками, было объявлено военное положеніе въ Одессѣ и ея уѣздѣ. Къ 17 іюня черноморская эскадра подошла къ Одессѣ. «Георгій Побѣдоносецъ» сдѣлалъ овацію «Потемкину». 19 и 20 власти констатировали наступающее успокоеніе и раскаяніе.

Съ точки зрѣнія охраны правительство было обезпечено этими событіями тѣмъ болѣе, что ощущалась возможность перехода всей черноморской эскадры въ угрожающее положеніе. Въ виду этого тогда же, 16 іюня, «для предупрежденія возможности возникновенія въ мѣстностяхъ, входящихъ въ предѣлы севастопольскаго и николаевскаго градоначальствъ, безпорядковъ, подобныхъ происходящимъ въ гор. Одессѣ»,—названныя мѣстности были объявлены также на военномъ положеніи.

Прикосновенность къ безпорядкамъ Одессы и особенно ея уѣзда представляется наиболѣе спорною. Офиціальное сообщеніе, для оправданія своихъ дѣйствій, утверждало, что необходимость военнаго положенія для самой Одессы обусловливается настроеніемъ массъ рабочихъ, а въ уѣздахъ—аграрными безпорядками, которые, однако, не шли дальше, какъ это признаетъ и само правительство, требованія повышенной платы и другихъ экономическихъ требованій.

Въ августѣ вниманіе департамента полиціи окончательно сосредоточивается на западной части Россіи.

Вліяніе революціонныхъ организацій давало себя знать особенно въ курляндской губерніи. Правительство всю тяжесть обвиненія въ совершеніи безпорядковъ въ этой губерніи возлагало не на себя, а на латышскую соціалъ-демократическую партію и латышскій рабочій союзъ, которые, благодаря усиленной агитаціи въ теченіе всего 1905 года, вызвали длинный рядъ революціонныхъ проявленій. Всѣ забастовки, событія въ Ригѣ, покушенія на жизнь должностныхъ лицъ, поджоги и прочія активныя выступленія въ городахъ—все это было поставлено на счетъ работы партіи. Отъ городовъ движеніе разрослось и перешло въ сельскія мѣстности, населеніе было терроризовано, сообщенія прекращались. Массовые безпорядки въ курляндской губерніи произошли, главнымъ образомъ, въ теченіе іюля. Было немало случаевъ уничтоженія телеграфныхъ проволокъ, столбовъ, происходили забастовки среди рабочихъ и возстанія среди сельскихъ жителей. Революціонныя вспышки были зарегистрированы въ восьми уѣздахъ курляндской губерніи изо всѣхъ десяти уѣздовъ ея. Въ началѣ августа произошло немало поджоговъ въ губерніи, были покушенія на помѣщиковъ-бароновъ и пасторовъ. Благодаря ходатайствамъ ихъ, легко было собрать воедино всѣ мелкія и отдѣльныя революціонныя вспышки и объединить ихъ въ огромный докладъ, который и исходилъ отъ имени департамента полиціи. Несмотря на то, что въ докладѣ было занесено немало случаевъ революціонныхъ проявленій во всемъ прибалтійскомъ краѣ, — военному положенію подпала только одна курляндская губернія, и виленскому командующему войсками были присвоены права главнокомандующаго.

Въ одно время почти объявляется на военномъ положеніи гор. Лодзь, варшавская губернія и всему привислинскому краю посылается угроза.

По отношенію къ Лодзи большіе страхи питались потому, что она вмѣщала въ себѣ много рабочаго элемента. Кое-какія отдѣльныя событія въ теченіе мая и іюня заставили губернское начальство принять мѣры, а для него не было ничего проще, какъ исходатайствовать военное положеніе. 11-го іюля указъ подписанъ, и военное положеніе вводится одновременно въ г. Лодзи и окрестностяхъ.

Правительственное сообщеніе о положеніи дѣлъ въ Варшавѣ правдывало введеніе въ ней военнаго положенія агитаціей «Бунда». Оно ссылалось на непрекращающіяся забастовки въ частныхъ заведеніяхъ, на безпрестанные уличные безпорядки, на нападенія на чиновъ войскъ и полицію. Въ іюлѣ производились политическія демонстраціи съ красными флагами, прокламаціи разсыпались повсюду въ изобиліи. Въ ближайшіе къ объявленію военнаго положенія дни правительство мотивируетъ его усиленіемъ безпорядковъ съ 6 августа. Толпа рабочихъ съ фабрикъ явилась въ желѣзнодорожныя мастерскія и прекратила работы, остановила паровозы, испортила телеграфные аппараты, разогнала служащихъ. Движеніе было прекращено, а 9 августа всеобщая забастовка охватила Варшаву. Въ виду столь тревожно развившагося положенія дѣлъ и въ интересахъ мирнаго населенія, въ теченіе полугода страдающаго отъ непрекращающейся агитаціи революціонеровъ, отъ нарушенія ими общественнаго и государственнаго порядка и систематическихъ покушеній на личную и имущественную безопасность жителей», варшавскій генералъ-губернаторъ Максимовичъ 9-го же августа ходатайствовалъ «о безотлагательномъ объявленіи города Варшавы и варшавскаго уѣзда на военномъ положеніи, каковое ходатайство удовлетворено» было 10 августа. Въ этомъ сообщеніи правительства содержались довольно прозрачные намеки и на сосѣднія территоріи.

Тамъ указывалось, что іюньскія событія въ Бѣлостокѣ были созданы также революціонерами. Правительство винило во всемъ евреевъ, а на самомъ дѣлѣ, погромы производили въ Бѣлостокѣ необыкновенное разрушеніе и опустошеніе. Улицы были пусты, ѣзда прекратилась, магазины были закрыты. Населеніе массами поплыло изъ Бѣлостока. Убитыхъ, почти однихъ евреевъ, свезли въ общую больницу. Погромная эпопея то затихала, то снова расцвѣтала съ удвоенной силой. Такъ продолжалось не только въ іюлѣ, но и въ августѣ и завершилось, когда нѣсколько десятковъ убитыхъ и сотни раненыхъ явились плодомъ погромной работы, объявленіемъ Бѣлостока съ его уѣздомъ на военномъ положеніи; права главнокомандующаго были предоставлены виленскому генералъ-губернатору.

Это произошло 4-го сентября. А 30 сентября, наконецъ, по высочайшему повелѣнію, Одесса съ ея уѣздомъ были изъяты изъ дѣйствія военнаго положенія и поставлены въ то нормальное состояніе, въ которомъ Одесса пребывала много уже лѣтъ—въ положеніе усиленной охраны. Не остается сомнѣній, что военное положеніе, объявленное 15 іюля, могло бы быть прекращено черезъ нѣсколько дней.

Для всѣхъ, а для правительства особенно, было очевидно, что матросскія революціонныя выступленія были связаны съ Одессой только косвеннымъ образомъ, а разъ они были прекращены, надобности въ военномъ положеніи для Одессы не было. Но мѣстныя власти опасались больше всего поставить Одессу въ болѣе лучшее положеніе, и понадобилось три съ половиною мѣсяца, чтобы убѣдиться въ ненужности военнаго положенія.

Мы не будемъ останавливаться на подробномъ изложеніи послѣдующихъ событій. Надолго еще останутся въ памяти октябрьскіе дни въ Харьковѣ. 12-го числа харьковскій университетъ, по газетнымъ сообщеніямъ, представлялъ собою настоящую крѣпость. Въ немъ перебывало до 10 тысячъ человѣкъ, самый гарнизонъ крѣпости опредѣляется въ 2.000 человѣкъ. Въ рукахъ гарнизона много оружія. Войска осаждаютъ университетъ. Въ качествѣ парламентера въ крѣпость является въ полномъ составѣ комитетъ «общественной безопасности», вырабатываются условія уничтоженія баррикадъ, и гарнизонъ безъ оружія выходитъ изъ крѣпости на митингъ, на скобелевскую площадь.

Къ 13 октября въ городѣ наступаетъ значительное успокоеніе. Губернскія власти чувствуютъ себя прочнѣе, происходитъ обыскъ во вчерашней крѣпости, на улицахъ наблюдаются избіенія. Въ такихъ условіяхъ гор. Харьковъ съ уѣздомъ объявляются на военномъ положеніи, а кіевскій командующій войсками облекается военными полномочіями.

Распредѣленіе Варшавы на военные участки, установленіе по всей губерніи военныхъ постоевъ и походовъ не привело ни къ чему успокоительному. Безпорядки шли во всѣ стороны, мѣстности привислинскаго края сильнѣе и сильнѣе реагировали на общеее безправное положеніе, и реагированіе это сказалось выразительнымъ образомъ послѣ манифеста 17 октября. Тогда правительство не считаетъ ничего лучшимъ, какъ объявить на военномъ положеніи весь привислинскій край, и въ этомъ смыслѣ издаетъ 28 октября свое распоряженіе.

Вслѣдъ за тѣмъ, чтобы оправдать свои дѣйствія, правительство отзывается на безчисленныя обращенія общества къ власти о томъ, что полиція подогрѣваетъ сама антиправительственныя дѣйствія и провоцируетъ ихъ. Въ правительственномъ сообщеніи по этому поводу отмѣчается: «въ обращаемыхъ къ правительству заявленіяхъ по поводу происходящихъ безпорядковъ повторяются безпрестанно указанія на искусственное возбужденіе или поддержку ихъ администраціей. Правительство категорически объявляетъ что со стороны центральныхъ учрежденій всѣ распоряженія клонились лишь къ одной цѣли—поддержанію спокойствія и порядка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представлены будутъ достовѣрныя свѣдѣнія объ организаціи или поощреніи полицейскими чинами насилій надъ личностью и имуществомъ кого-либо, произведено будетъ тщательное разслѣдованіе и всевозможныя мѣры къ устраненію подобныхъ случаевъ будутъ приняты».

Но достовѣрныя свѣдѣнія не поступали, ибо въ числѣ такихъ свѣдѣній не было ни одного офиціальнаго. И только впослѣдствіи различными ревизіями была установлена достовѣрность свѣдѣній, но и это не могло помѣшать охранной дѣятельности власти.

Она шла своимъ чередомъ. Тѣмъ временемъ въ Кронштадтѣ вспыхнули грозныя волненія—возмутился кронштадтскій гарнизонъ, и предъ этимъ померкли всѣ другія волненія. 26 и 27 октября Кронштадтъ испытывалъ ужасъ погромовъ, а 28 числа онъ уже находился на военномъ положеніи, и власть какъ надъ сухопутнымъ, такъ и надъ морскимъ войскомъ перешла къ коменданту крѣпости.

Ноябрь 1905 года памятенъ многими крупными событіями, но изъ нихъ мы остановимъ вниманіе только на слѣдующихъ.

Незадолго до севастопольскаго возстанія матросовъ подъ руководствомъ лейтенанта Шмита, правительство попыталось было единственный разъ поступить вполнѣ цѣлесообразно. Дѣло въ томъ, что варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ удостовѣрилъ по какимъ-то необычайнымъ причинамъ значительное уменьшеніе революціоннаго броженія въ краѣ. Онъ сообщалъ, что военное положеніе успѣло уже принести «осязательные результаты, произведя желаемое отрезвляющее впечатлѣніе на крайніе политическіе кружки и введя въ жизнь края нѣкоторое успокоеніе, начавшееся въ Варшавѣ и затѣмъ распространившееся на прочія мѣстности привислинскаго края; въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ радомской и петроковской губерній замѣчавшееся бурное движеніе начало стихать послѣ отправки туда соотвѣтствующихъ отрядовъ войскъ». Въ виду этого ген. Скалонъ ходатайствовалъ о снятіи съ привислинскаго края военнаго положенія. Совѣтъ министровъ обсудилъ его ходатайство и доложилъ Государю. Военное положеніе было отмѣнено, а правительство высказало надежду, что «благоразумные элементы края помогутъ поддержанію наступившаго тамъ сравнительнаго успокоенія, которое должно дать полякамъ возможность, наравнѣ со всѣмъ населеніемъ Россіи, принять участіе въ широкой творческой работѣ на пользу родинѣ». Однако, такому порядку вещей, какъ увидимъ нѣсколько ниже, не суждено было долго существовать.

Въ Севастополѣ возникъ военный мятежъ, превышающій іюньскія событія, но объявлять Севастополь на военномъ положеніи не было надобности, такъ какъ онъ именно находился ужъ въ этомъ положеніи. Теперь правительству приходилось бороться на всѣ фронты.

Безпорядки въ Кіевѣ ставятъ его съ уѣздомъ во власть военнаго начальства, военное положеніе распространяется необычайно быстро, начиная съ 21 ноября. 22-го ноября вся лифляндская губернія объявляется на военномъ положеніи, 28 учреждается должность временнаго прибалтійскаго генералъ-губернатора, по всему краю отправляются карательные отряды.

Наступаетъ декабрь.

Излагать подробно развитіе военнаго положенія нельзя въ это время. Можно только намѣчать общіе пути слѣдованія его.

Первые дни декабря опять открываются въ привислинскомъ краѣ. 4-го числа съ высочайшаго соизволенія въ военное положеніе ставятся владиславовскій, волковышскій, кальварійскій и маріампольскій уѣзды сувалкской губерніи, а 8 декабря ген. Скалонъ сообщаетъ телеграммой, что, «въ виду обостряющагося революціоннаго движенія, посту-

пленія изъ всѣхъ губерній свѣдѣній объ отказѣ повиноваться законнымъ властямъ и платить подати, а также вслѣдствіе охватившаго весь край стремленія къ вытѣсненію государственнаго языка изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, гминныхъ управленій и даже нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій», онъ объявилъ всѣ десять губерній привислинскаго края на военномъ положеніи.

Далѣе военное положеніе объявляется въ слѣдующемъ порядкѣ: 9—въ Тамбовѣ и Козловѣ съ уѣздами, 11—ст. Жмеринка, желѣзнодорожный узелъ Грязи въ предѣлахъ тамбовской губерніи, г. Двинскъ, Кременчугъ съ уѣздомъ, пос. Крюковъ, 14—елизаветградскій и александрійскій уѣзды, Конотопъ—ст. москов.-кіев.-ворон. ж. д., ст. Казатинъ, 15—одесское градоначальство, 16—гор. Александровскъ и Екатеринославъ съ уѣздами, уѣзды бахмутскій, верхнеднѣпровскій и славяносербскій, гор. Херсонъ съ уѣздомъ, 18—гор. Александрію, Сарны, станціи Бобринскую и Смѣлу, Ростовское на Дону градоначальство, линія юго-восточныхъ ж. д. въ предѣлахъ воронежской губерніи, 19—екатеринославскую губернію, ст. Бобринская, 23—Шостенскіе пороховые заводы, 28—днѣпровскій уѣздъ таврической губ., 29—поселки, прилегающіе къ гор. Конотопу, 30—вейзенбергскій, вейсенштейнскій и гапсальскій уѣзды, Ѳеодосію, 31—гор. Сумы и сумскій уѣздъ, и мн. др.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о развитіи военнаго положенія въ азіатской Россіи. Въ этомъ отношеніи мы напомнимъ тѣ ссылки, которыя были сдѣланы нами при изложеніи этого вопроса въ періодъ японской войны. Въ 1905 году, указами 13 апрѣля и 22 октября состояніе на военномъ положеніи азіатской Россіи было подтверждено еще разъ, а кромѣ того 23 декабря дѣйствіе военнаго положенія закрѣплено въ слѣдующихъ пунктахъ: на сибирской жел. дор., находящейся въ предѣлахъ сибирскаго военнаго округа, на участкахъ дорогъ забайкальской и кругобайкальской, на населенныхъ пунктахъ, прилегающихъ къ жел. дор., на анжерскихъ и судженскихъ каменноугольныхъ копяхъ въ томской губерніи, на гор. Иркутскъ, на уѣзды: курганскій, ишимскій, тюкалинскій—тобольской губ., петропавловскій и омскій—акмолинской области, каинскій, барнаульскій, томскій и маріинскій—томской губ., ачинскій, красноярскій, канскій—енисейской губ., нижнеудинскій, балаганскій, иркутскій—иркутской губ., тобольскій и тюменскій—тобольской губерніи, южно уссурійскій округъ—приморской области.

X.

Осадное положеніе.

Совершенно случайно, только изъ разсмотрѣнія архивныхъ матеріаловъ штаба севастопольской крѣпости, намъ удалось узнать, что даже въ 1905-мъ году, въ самый расцвѣтъ дней конституціонной свободы, въ Россіи имѣлъ мѣсто случай объявленія осаднаго положенія.

Объ этомъ случаѣ не знала ничего наша печать. Да и само правительство не почитало нужнымъ предать гласности этотъ фактъ,

несмотря на его крупную историческую и официальную цѣнность. Быть можетъ, въ этомъ менѣе всего повинно центральное управленіе и министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ введеніе осаднаго положенія произошло помимо его воли, да и вообще помимо всякой другой воли, кромѣ одного лица—коменданта севастопольской крѣпости, генералъ-лейтенанта Неплюева.

Фактически дѣло обстояло такъ. Хотя Севастопольское градоначальство уже состояло на положеніи военномъ съ 16 іюня, тѣмъ не менѣе формально севастопольская крѣпость, какъ воинская единица, стояла внѣ этого положенія, ибо въ крѣпости было совершенно самостоятельное и отличное отъ гражданскаго управленіе.

Съ открытіемъ революціонныхъ дѣйствій въ ноябрѣ, генералъ Неплюевъ издаетъ 14 ноября приказъ по крѣпости, въ которомъ онъ, обращаясь «къ вѣрноподданическому долгу и благоразумію жителей крѣпости», заявлялъ:

«Во исполненіе высочайшаго повелѣнія—(при этомъ не дѣлалось никакой ссылки болѣе или менѣе точной, какое именно высочайшее повелѣніе имѣлось въ виду, но насколько мы знаемъ, здѣсь имѣлось въ виду словесное распоряженіе)—севастопольская крѣпость объявляется мною сего числа *на военномъ положеніи*.

«На основаніи статьи 43 высочайше утвержденнаго 13 сентября 1903 года положенія объ управленіи крѣпостями, объявляю крѣпость Севастополь *въ осадномъ положеніи*».

А такъ какъ по закону власть коменданта крѣпости простирается на нѣсколько верстъ въ стороны отъ крѣпости, то и севастопольское градоначальство, какъ таковое, вошло въ составъ района крѣпости и подпало осадному положенію.

Изъ этой справки вытекаетъ, что для объявленія осаднаго положенія требовалось не только высочайшее согласіе, но, кромѣ этого согласія, въ видѣ особаго плюса,—воля ген. Неплюева; къ верховной волѣ присоединялась воля подчиненная, которая и давала жизнь осадному положенію.

XI.

Интересную схему даетъ Россія наканунѣ выборовъ въ первую Государственную Думу.

Сѣверъ Россіи по прежнему продолжаетъ состоять подъ легчайшимъ видомъ охраны—тамъ могутъ только примѣняться обыски и аресты по предписаніямъ мѣстныхъ властей и въ случаяхъ подозрѣваемой неблагонадежности.

Зато почти весь югъ находится въ исключительномъ положеніи.

Военное положеніе заняло пограничные пункты на западѣ, югѣ и отчасти востокѣ. Почти весь прибалтійскій край, весь край привислинскій, многія мѣстности Кавказа стоятъ на военномъ положеніи. Кое-гдѣ въ центрѣ Россіи густо-населенныя территоріи состоятъ также подъ властью военныхъ начальствъ. Отдѣльные больш'е города, уѣзды, огромныя части губерній тянутся полосою съ юго-запада на сѣверо-востокъ, теряясь въ вятской губерніи. Получается схема, очень на-

поминающая собою оборону крѣпости, съ занятыми четырьмя углами, исключительнымъ вліяніемъ оружія и съ широкими вооруженными окопами въ центрѣ крѣпостной защиты. Дѣйствительно, получается видъ осажденной территоріи.

Что касается чрезвычайной охраны, то въ ней нельзя усмотрѣть какой бы то ни было систематичности.

Въ западной части европейской Россіи мѣстности на чрезвычайной охранѣ составляютъ вторую оборонительную линію вслѣдъ за военнымъ положеніемъ, хотя встрѣчаются и исключенія: то эти мѣстности стоятъ вовсе внѣ охраны, то подъ охраной чрезвычайной. Однако, болѣе или менѣе справедливо, что рядомъ за территоріями военнаго положенія правительство объявляло сосѣдей на положеніи чрезвычайномъ.

Такая же приблизительно картина наблюдается и на восточной части европейской Россіи.

Усиленная охрана сосредоточивается по преимуществу въ восточной и западной частяхъ; между этими частями замѣтны бѣлыя полосы неохраняемыхъ пунктовъ. Эти счастливцы—воронежская, орловская, рязанская, владимирская губерніи.

Въ азіатской Россіи огромныя пространства заняты военнымъ положеніемъ и чрезвычайной охраной. Многія изъ этихъ территорій превышаютъ въ нѣсколько разъ большія европейскія государства.

Общая картина—чѣмъ культурнѣе мѣстность, тѣмъ больше въ ней охранныхъ элементовъ. Чѣмъ населеніе ближе къ рабочимъ массамъ, тѣмъ охрана сильнѣе. Чѣмъ рѣзче національность выражена, тѣмъ сильнѣе тонусъ охраны.

XII.

ТАБЛИЦА

развитія охранъ за время съ 1881 по 1907 гг.

Таблица составлена на основаніи официальныхъ данныхъ, объявлявшихся въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства», при чемъ цифровыя данныя почерпнуты изъ «Ежегодника Россіи», изданія центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.

Всѣ цифровыя данныя округлены и, слѣдовательно, выражаютъ собою лишь приближенное положеніе вещей, при слѣдующихъ величинахъ:

Года.	Пространство. въ квадр. верст.	Населеніе. въ тысячахъ.
1881	508 тыс. кв. вер.	32 милл.
1882	504 » » »	32 »
1883	504 » » »	32 »
1884	525 » » »	33 »
1885	525 » » »	33 »
1886	525 » » »	33 »
1887	525 » » »	33 »
1888	525 » » »	33 »
1889	414 » » »	24 »
1890	313 » » »	20 »
1891	313 » » »	20 »
1892	690 » » »	22 »
1893	641 » » »	21 »
1894	641 » » »	21 »
1895	641 » » »	21 »
1896	641 » » »	21 »
1897	641 » » »	21 »
1898	700 » » »	23 »
1899	755 » » »	26 »
1900	756 » » »	26 »
1901	758 » » »	28 »
1902	820 » » »	31 »
1903	1000 » » »	32 »
1904	1045 » » »	33 »
1905 УС. О.	2100 » » »	73 »
1905 ЧР. О.	337 » » »	15 »
1905 В. П.	400 » » »	29 »

XIII.

1906-й годъ.

Мы могли бы считать нашъ очеркъ изложеннымъ. Къ 1906-му году Россія достигаетъ наивысшей степени охранъ, и 1906-й годъ, большею частью, представляетъ собою исправленіе тѣхъ излишествъ по охранѣ, которыя были допущены его предшественникомъ.

Впрочемъ, ограничиваясь въ дальнѣйшемъ изложеніи самымъ существеннымъ, мы остановимся на самыхъ яркихъ моментахъ въ исторіи охраняемой Россіи, и если раньше мы изучали прогрессивный ростъ охранъ, то теперь будемъ изучать прогрессивное ихъ пониженіе.

Осадное положеніе, введенное 14 ноября 1905 г., просуществовало въ севастопольской крѣпости ровно три мѣсяца. За это время по внѣшности порядокъ жизни нарушался самыми обыкновенными явле-

ніями; къ январю уже не было никакой надобности вовсе въ охранѣ, но она не снималась. И только лишь 14 февраля по крѣпости отдается новый приказъ генерала Неплюева, которымъ онъ снимаетъ осадное положеніе съ крѣпости и оставляетъ ее на положеніи военномъ.

Съ этого момента всѣ права по отношенію къ гражданскимъ лицамъ переходятъ отъ генерала Неплюева къ главному командиру черноморскаго флота, адмиралу Чухнину.

Важныя событія въ Кутаисѣ лѣтомъ 1906 года и принятіе особенно репрессивныхъ мѣръ военными властями заставило общество предполагать введеніе тамъ осаднаго положенія. Въ органахъ печати даже появились полуофиціальныя сообщенія объ этомъ. На самомъ же дѣлѣ никакихъ официальныхъ данныхъ объ этомъ не имѣется, и усиленіе военныхъ репрессій, возможное при любомъ видѣ охраны, нельзя считать юридически осаднымъ положеніемъ.

Зато вслѣдъ за роспускомъ первой Государственной Думы кронштадтскія событія вызвали одинъ разъ примѣненіе осаднаго положенія, на этотъ разъ формально обоснованнаго. Во время вооруженнаго возстанія частей береговыхъ морскихъ командъ и крѣпостной минной роты, временно исправляющій должность коменданта крѣпости объявилъ ее на осадномъ положеніи съ вечера 19 іюля и затѣмъ объявилъ объ этомъ въ донесеніи своемъ на имя военнаго министра.

Осадное положеніе въ Кронштадтѣ просуществовало нѣсколько дольше трехъ мѣсяцевъ, и только 30 октября послѣдовало высочайшее соизволеніе на отмѣну осаднаго и на замѣну его военнымъ положеніемъ. Официальной мотивировкой было «устраненіе причинъ, вызывавшихъ осадное положеніе».

Такимъ образомъ, на протяженіи менѣе одного года (ноябрь 1905 г. октябрь 1906 г.) осадное положеніе примѣнялось два раза въ важнѣйшихъ крѣпостяхъ Россіи.

Что касается *военнаго положенія*, то здѣсь, особенно въ дни, близкіе къ началу года, по прежнему продолжаютъ объявлять одну мѣстность за другою.

Такъ, въ одинъ день, 4 января, дѣйствію военнаго положенія подпадаютъ акмолинская и семипалатинская области, челябинскій уѣздъ оренбургской губерніи и городъ Сызрань. Отмѣтимъ, между прочимъ, что въ Сызрани военное положеніе продолжалось очень недолго, и 1 марта было снято совершенно.

Небольшіе сравнительно безпорядки въ предѣлахъ керчь-сникальскаго градоначальства, несмотря даже на функціонированіе Думы, побудили правительство 14 іюня объявить въ немъ военное положеніе.

Съ роспускомъ Думы, военное положеніе опять занимаетъ важное положеніе въ суммѣ охранъ...

10 іюля командующему войсками одесскаго военнаго округа присваиваются права главнокомандующаго въ отношеніи таганрогскаго округа, который объявляется на военномъ положеніи.

Нѣсколько ранѣе въ кіевской губерніи, особенно въ пунктахъ, населенныхъ евреями, мало-по-малу создавались условія для объявленія этихъ мѣстъ въ болѣе исключительномъ положеніи. Ходили нелѣпые

слухи, наблюдались отдѣльныя явленія. И за немного дней до роспуска Думы уѣзды: бердичевскій, васильковскій, звенигородскій, каневскій, липовецкій, радомысльскій, сквирскій, таращанскій, уманскій, черкасскій и чигиринскій объявляются на военномъ положеніи.

Отмѣтимъ также нѣсколько характерныхъ чертъ изъ практики объявленія на военномъ положеніи одесскаго уѣзда. Одесское градоначальство давно уже стояло на военномъ положеніи. Но въ уѣздѣ его еще не ввели. Правительство всегда хотѣло видѣть аграрные безпорядки въ этомъ уѣздѣ. Лѣтомъ предшествующаго года оно офиціально это утверждало, хотя и ссылалось при этомъ лишь на развитіе въ одесскомъ уѣздѣ среди сельскихъ рабочихъ требованій чисто экономическихъ.

Въ первой половинѣ іюня въ Одессѣ стали распускать слухи о томъ, что евреи переносятъ центръ своей дѣятельности изъ города въ уѣздъ, что въ ихъ цѣляхъ перерѣзать всѣхъ офицеровъ въ городѣ и поднять все крестьянство въ уѣздѣ. Мнѣ лично приходилось именно слышать такія мнѣнія, какъ непреложные факты, изъ устъ чиновниковъ, занимающихъ высокое положеніе въ одесской администраціи.

Хотя слухи и не могли осуществиться на дѣлѣ, и хотя они и не осуществились, тѣмъ не менѣе одесскій уѣздъ былъ объявленъ на военномъ положеніи «въ виду происходящихъ крупныхъ безпорядковъ». И никакихъ рѣшительныхъ фактовъ къ тому не было, если не считать обычныхъ нарушеній порядка, каковые бываютъ вездѣ и всегда.

Въ 1906-мъ году введенію военнаго положенія подпала еще одна область—кубанская. Это произошло 30 октября, и въ офиціальномъ распоряженіи значилось просто и категорически: «необходимымъ признано».

Въ вопросѣ о военномъ положеніи, однако, болѣе интереснымъ представляется, какъ правительство снимало военное положеніе и чѣмъ оно руководилось въ этомъ случаѣ.

Обыкновенно считали достаточнымъ сдѣлать простую ссылку «на устраненіе причинъ» и сразу мѣстность переводили или на усиленную охрану или на охрану чрезычайную.

Снятіе военнаго положенія началось со станцій желѣзныхъ дорогъ.

Первое снятіе произошло по ходатайству кіевскаго генералъ-губернатора со станцій Казатинъ, Бобринской, Смѣлы и Сарнъ югозападныхъ желѣзныхъ дорогъ—18 января, ст. Жмеринки—19 января; въ мартѣ состоялось распоряженіе объ отмѣнѣ военнаго положенія въ Бѣлостокѣ съ уѣздомъ—1 марта; въ апрѣлѣ 8-го Тамбовъ и Козловъ съ уѣздами и ст. Грязи поставлены взамѣнъ военнаго положенія въ положеніе усиленной охраны, 24 во всѣхъ мѣстностяхъ воронежской губерніи отмѣнено военное положеніе.

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ остановиться. Несчастный Бѣлостокъ испытывалъ въ 1906 мъ году на себѣ различные правительственные эксперименты по охранѣ. Какъ мы сказали, 1 марта военное положеніе было снято, но въ то же самое время забыли о потенціальной неблагонадежности города и вспомнили объ этомъ только черезъ два дня. Тогда рѣшено было вовсе не устранять охрану изъ Бѣлостока,

а только понизить ее. 3-го марта состоялось новое распоряженіе объ объявленіи Бѣлостока съ уѣздомъ въ положеніи усиленной охраны на годъ, при этомъ срокъ охраны постановили исчислять со дня прекращенія военнаго положенія, т. е. съ 1-го же марта.

Но событія въ концѣ 1906 г. въ Бѣлостокѣ снова обратили вниманіе центральной власти на себя, и 2-го іюня Бѣлостокъ и его уѣздъ снова объявляются на военномъ положеніи, съ присвоеніемъ правъ главнокомандующаго виленскому генералъ-губернатору.

Ни одинъ городъ такимъ экспериментамъ болѣе не подвергался.

Въ сентябрѣ 16 изъ военнаго положенія на усиленную охрану переводится Херсонъ съ уѣздомъ, 25 ноября—Барановичи на чрезвычайную охрану, а съ 6 декабря—въ такое же положеніе переводится Баку и вся бакинская губернія, гдѣ военному положенію суждено было просуществовать значительно дольше другихъ мѣстностей.

Чрезвычайная охрана въ 1905-мъ году заслуживаетъ вниманія, главнымъ образомъ, потому, что она пришла на смѣну въ общей экономикѣ охранныхъ средствъ усиленной охранѣ.

Объявленная на положеніи чрезвычайной охраны въ декабрѣ 1905 года Москва съ уѣздомъ обновляла свою охрану на протяженію 1906-го года два раза.

Съ роспускомъ Думы петербургское градоначальство, пребывавшее до сихъ поръ на усиленной охранѣ, точно также было переведено на охрану чрезвычайную. Важно отмѣтить, что по торопливости правительство просто-на просто объявило въ Петербургѣ чрезвычайную охрану, не обусловливая ее срокомъ. До этого времени понятіе о срокѣ не было присвоено только военному и осадному положеніи, которыя и назначались въ качествѣ мѣры безсрочной.

На такое важное обстоятельство было обращено вниманіе «Товарищемъ», который замѣтилъ, что чрезвычайная охрана должна быть назначена на срокъ, а именно на шесть мѣсяцевъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого министерство внутреннихъ дѣлъ «почло себя вынужденнымъ» въ особомъ распоряженіи возобновить чрезвычайную охрану еще на полгода, подчеркнувъ при этомъ, что шестимѣсячный срокъ еще не истекъ, и правительство вольно продолжить его.

Изъ этого вытекаетъ, что чрезвычайная охрана поглотила собою большую часть мѣстностей, которыя раньше состояли подъ охраной усиленной. А это, въ свою очередь, еще лишній разъ подтверждаетъ нецѣлесообразность всякихъ охранъ и служитъ показателемъ, что усиленная охрана по преимуществу сама собою явилась уже достаточнымъ поводомъ для возникновенія причинъ, породившихъ охрану чрезвычайную.

Для подтвержденія этого сошлемся на примѣръ Ферганской области, которая уже много лѣтъ состояла подъ усиленной охраной. И вдругъ 17 сентября 1906 года оказалось, что усиленная охрана просуществовала безплодно и ее слѣдуетъ замѣнить охраной чрезвычайной.

То же самое произошло въ Ялтѣ съ ея уѣздомъ, гдѣ 26 октября вмѣсто усиленной была установлена чрезвычайная охрана. Въ ноябрѣ

такая же мѣра была распространена на селеніе Мотовилиху пермскаго уѣзда въ предѣлахъ заводскаго «приставства».

Впрочемъ, ради объективности, приведемъ обратные примѣры охранъ.

26 января пермскій губернаторъ собственной властью объявилъ городъ Шадринскъ съ его уѣздомъ на положеніи чрезвычайной охраны. Такая охрана просуществовала ровно мѣсяцъ и затѣмъ была отмѣнена лично министромъ внутреннихъ дѣлъ 26-го февраля.

Однако, едва прошло нѣсколько дней, какъ надъ Шадринскомъ снова задумываются охранители. А затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ, «признавая необходимымъ усилить въ теченіе нѣкотораго времени принадлежащія губернской администраціи въ общемъ порядкѣ права по охраненію общественнаго порядка», объявляетъ тотъ же Шадринскъ на положеніи усиленной охраны и понятіе «нѣкоторое время» опредѣляетъ въ одинъ годъ.

Относительно охраны владимирской губерніи, правительство, по ходатайству владимирскаго губернатора, въ виду «относительнаго успокоенія населенія ковровскаго и александровскаго уѣздовъ», отмѣнило тамъ чрезвычайную охрану и замѣнило ее охраной усиленной.

Буквально то же самое происходитъ въ уфимской губерніи 2 марта, въ калужской губ.—5 апрѣля, 22 іюля—въ гор. Бійскѣ и Змѣиногорскѣ съ уѣздами, и 29 ноября—въ минской губерніи, гдѣ еще Барановичи продолжаютъ состоять на военномъ положеніи.

Новое объявленіе чрезвычайной охраны въ 1906 году состоялось, между прочимъ, по отношенію черниговской губерніи—4 января, городовъ пермской губерніи Соликамска, Оханска и др.—5 января, указанныхъ выше Бійска и Змѣиногорска—19 января, полосу отчужденія средне-азіатской жел. дороги и цѣлый рядъ поселеній, Красноводскъ, Кизилъ-Арватъ, Асхабадъ, Мервъ, Чарджуй и др.—25 сентября.

Мы не будемъ подробно останавливаться на продолженіи дѣйствія *усиленной охраны*. Въ этомъ отношеніи старая политика сказывалась по прежнему. Охрана объявлялась и продолжалась на сроки, значительно превышавшіе установленный общій срокъ—4 сентября 1906 года.

Изъ новыхъ мѣстъ, охваченныхъ крамолою и объявляемыхъ поэтому въ положеніи усиленной охраны, мы отмѣтимъ новоузенскій уѣздъ самарской губерніи, гдѣ въ январѣ возникли крестьянскіе безпорядки и понадобилось расширить полномочія мѣстной администраціи. 4 января этотъ уѣздъ былъ объявленъ на усиленной охранѣ.

Особенный интересъ привлекаетъ къ себѣ область войска донского. До сихъ поръ относительно спокойная, она не испытывала на себѣ во всемъ объемѣ тяготы усиленной охраны. Но уже къ январю мѣстное военное начальство констатируетъ передъ центральной властью о расширеніи крестьянскаго броженія. Агенты охраны доносятъ, что въ разныхъ пунктахъ области замѣчаются революціонные агитаторы. Въ свою очередь военное начальство казаковъ, суммируя эти данныя, приходитъ къ выводу, что революціонная агитація и крестьянское броженіе могутъ сказаться на мобилизаціи казачества, и въ этомъ духѣ представило въ Петербургъ донесеніе. 4 января состоялось рас-

поряженіе, по которому хоперскій, усть-медвѣдицкій, второй донской, донецкій и ростовскій округа, съ городомъ Александровскомъ-Грушевскомъ со всѣми рудничными поселками, объявлялись на положеніи усиленной охраны.

Необходимо для изученія практики усиленной охраны прослѣдить дѣйствіе охраны въ гор. Уральскѣ уральской области. 21 января этотъ городъ былъ неожиданно переведенъ на состояніе усиленной охраны, хотя по общему отзыву никакихъ данныхъ къ этому не было. Охрана явилась полною неожиданностью, а мѣстной администраціи не приходилось ничего усиленно охранять, такъ какъ въ Уральскѣ жизнь не нарушалась.

Несмотря на это, усиленная охрана дѣйствуетъ тамъ вплоть до 6 апрѣля, и хотя была объявлена на годъ, прекращается въ апрѣлѣ. Но, вдругъ, затѣмъ опять 2 сентября снова является надобность въ охранѣ, и снова же вводится въ дѣйствіе законъ объ усиленной охранѣ, на этотъ разъ опять на годъ и уже прочнѣе предыдущаго

XIV.

Ко времени созыва второй Государственной Думы картина охранъ значительно измѣняется. Прежде всего въ мѣстѣ созыва Думы функціонируетъ уже чрезвычайная охрана, вмѣсто усиленной. А это очень рѣшительно отражается на всемъ положеніи страны и Думы, — въ частности.

Военное положеніе изъ центра отходитъ на периферіи, и весь восточный берегъ Чернаго моря стоитъ уже на военномъ положеніи. Военное положеніе спадаетъ съ бакинской губерніи и съ восточныхъ областей европейской Россіи.

Точно также и въ другихъ мѣстностяхъ чрезвычайная охрана отпадаетъ, и большая часть Россіи снова возвращается на положеніе усиленной охраны.

Западныя окраины все еще живутъ подъ режимомъ военнаго положенія.

Какъ къ созыву первой, такъ и второй Думы на картѣ Россіи не видать ни одного пункта, состоящаго на осадномъ положеніи.

На восточной части грозные признаки—все Заволжье подпало дѣйствію усиленной охраны, а въ сѣверо-восточныхъ областяхъ администраціи дано право обязательныхъ постановленій.

Желѣзнодорожная и почтовая забастовка 1905 го года создала своеобразное явленіе—невозможность совершенія протестовъ по векселямъ въ сроки, опредѣленные вексельнымъ уставомъ.

Это вызвало особое ходатайство министра финансовъ о предоставленіи права отлагать протесты векселей впредь до возстановленія правильнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ. Ходатайство было уважено и 28 октября было утверждено. Затѣмъ, долго еще на протяженіи 1906 года издавались сепаратныя распоряженія по тому же самому поводу.

XV.

Итакъ, Россія провела подъ охраной свыше двадцати шести лѣтъ. До 1881 года она состояла подъ охраной другого порядка. И въ общемъ охранная политика держитъ Россію въ рукахъ почти съ 1870 года вплоть до настоящаго времени.

Около сорока лѣтъ страна переживаетъ ужасъ безправія, узаконеннаго цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ кодексовъ. Кульминаціонный годъ—1905-й—миновалъ и ему не суждено повториться въ ближайшей исторіи Россіи. Медленно, неохотно уступая свои насиженныя мѣста, отходитъ охрана, забираясь все дальше и дальше въ глубь азіатской Россіи.

Это, съ одной стороны, хорошій признакъ. Это показываетъ, что тамъ возникла и развивается культура, и человѣческая мысль бродитъ. За ней опасливо слѣдятъ глазами военныхъ положеній и охранъ.

Это, съ другой стороны, вѣрный признакъ, что охрана сама по себѣ, какъ таковая, не способна ничего охранять и предупреждать, выжимая культурные соки изъ населенія.

Поистинѣ приходится удивляться, какъ въ странѣ, испытывающей около сорока лѣтъ гнетъ и торжество различныхъ охранъ, еще есть литература, наука и искусство, есть общественные дѣятели.

Нѣтъ въ мірѣ того метода, помощью котораго мы могли бы установить число жертвъ отъ различныхъ видовъ охраны. Мы всегда во всемъ будемъ имѣть только часть свѣдѣній. А учесть вредъ охранъ точными цифрами невозможно, потому что охраны проникали въ такіе тайники человѣческихъ отношеній, куда невмѣстно входить государственному вмѣшательству.

Мы не знаемъ цифръ и точнаго счета. Но если бы намъ представили его, холодный ужасъ охватилъ бы наше сознаніе.

Въ качествѣ объективнаго изслѣдованія нашъ очеркъ долженъ заканчиваться успокоительной нотой—тонусъ охранъ падаетъ, и рано или поздно, упадетъ совсѣмъ. Въ существованіи исключительныхъ законоположеній все зло Россіи. Недаромъ С. Ю. Витте, въ дни свободъ, настаивалъ на томъ, что стремленіямъ власти должно быть уничтоженіе исключительныхъ законовъ. Надо желать, чтобы въ будущемъ законодательномъ строительствѣ охраннымъ нормамъ не оставалось бы уже никакого мѣста.

Н. И. Фалѣевъ.

Нераскрытое дѣло [1]).

(Изъ воспоминаній о Судейкинѣ).

Не помню точно времени—въ февралѣ или мартѣ 1882 года я была арестована на одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій около Москвы, на Сергіево-Троицкомъ вокзалѣ, гдѣ я очутилась съ однимъ товарищемъ по дѣлу, П.

Необходимо было устроить въ Москвѣ конспиративную квартиру для одного изъ отдѣловъ рабочей организаціи партіи «Народной Воли», и я согласилась принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Я должна была взять на себя роль хозяйки квартиры, П.—хозяина, намъ достали паспортъ, въ которомъ мы значились мужемъ и женою, съ которымъ мы должны были поселиться на новой, семейной квартирѣ.

Передъ тѣмъ, какъ переѣхать на новую квартиру, мы должны были продѣлать небольшой маневръ, чтобы спутать свои слѣды отъ полиціи; для этого намъ надо было выѣхать на время изъ Москвы, чтобы значиться въ участкѣ выбывшими, а потомъ возвратиться въ Москву и поселиться тамъ уже подъ новой фамиліей.

И мы, оба, выѣхавъ изъ Москвы вечеромъ, часовъ въ 9 ночи, вышли съ поѣзда на Сергіевскомъ вокзалѣ, чтобы ѣхать на ночевку въ гостинницу, разсчитывая на слѣдующій день ѣхать обратно въ Москву.

На вокзалѣ было почти пусто, и когда П. началъ подходить къ выходной двери, его вдругъ схватилъ сзади за руки какой-то юркій субъектъ и закричалъ:

— Жуликъ! Держите его, это жуликъ!

П. выронилъ изъ рукъ чемоданъ, обернулся и схватилъ субъекта за горло. Началась борьба, въ которой никто изъ бывшихъ вокругъ людей и бывшіе тутъ же два жандарма не принимали участія.

Я не знакома была съ пріемомъ сыщиковъ при арестѣ выслѣженной жертвы и начала увѣрять, что П. вовсе не жуликъ, что это ошибка и т. д. Тогда шпіонъ закричалъ:

— Это политическій преступникъ! Берите! Берите и ту, она, значитъ, тоже съ нимъ.

И насъ обоихъ забрали.

Я сообразила, что сдѣлала глупость, пытаясь защитить товарища, что меня вовсе могли и не замѣтить, такъ какъ слѣдили, очевидно, только за П., а я могла легко уйти, но сообразила очень поздно.

Насъ съ П. сначала разъединили, обыскали, допросили. Послѣ обыска и допроса насъ помѣстили въ «министерскихъ» комнатахъ вок-

---

[1]) Авторъ настоящей статьи г-жа О—я касается нѣкоторыхъ лицъ, судившихся въ 1883 году по извѣстному процессу 17-ти. Разсказывая подробно объ этомъ процессѣ въ № 11 журнала „Былое“ за 1906 г., А. В. Прибылевъ упоминаетъ и о г-жѣ О—й. Считаемъ нужнымъ указать, что тамъ, гдѣ А. В. Прибылевъ сравниваетъ въ извѣстной мѣрѣ роль г-жи О—й съ ролью Дегаева, онъ имѣетъ въ виду *Владиміра* Дегаева, а не его пресловутаго брата Сергѣя. *Ред. Сборн.*

зала, но каждаго въ отдѣльной комнатѣ, приставили къ намъ по жандарму и запретили разговаривать.

Мы не разговаривали, но все-таки нашли возможнымъ сговориться насчетъ показаній. На допросѣ послѣ ареста я отказалась дать какія-либо показанія, даже, кажется, отказалась признать своимъ паспортъ свой нелегальный, который нашли у меня въ чемоданѣ. На будущемъ допросѣ я рѣшила сочинять какую-либо небывальщину, примѣняясь къ обстоятельствамъ, но товарищу моему приходилось серьезно обдумать, какъ и что говорить.

Положеніе моего товарища было очень незавидное. Въ то время, какъ меня вовсе не пугалъ арестъ, и я смотрѣла на все случившееся, какъ на довольно занимательное приключеніе, П. былъ очень опечаленъ. Онъ былъ совсѣмъ «нелегальный», бѣжавшій изъ Сибири, гдѣ онъ былъ въ ссылкѣ. Онъ недавно только, всего, кажется, мѣсяца два передъ тѣмъ, вернулся изъ Сибири, не успѣлъ еще отдохнуть послѣ ссылки и, вдругъ, онъ снова очутился въ неволѣ. Ему предстояло самое меньшее—это обратный путь въ Сибирь. Да еще, быть можетъ, съ прибавкою срока ссылки, да нѣсколько мѣсяцевъ сидѣнія въ тюрьмѣ до ссылки.

Утромъ на другой день насъ везли въ Москву.

Въ Москвѣ меня продержали около сутокъ въ камерѣ какой-то части и потомъ, совершенно неожиданно для меня, отправили въ Петербургъ. Ѣхать мнѣ пришлось въ одномъ вагонѣ съ П., хотя сидѣли мы въ разныхъ концахъ вагона, и жандармы не давали намъ разговаривать.

Въ Петербургѣ съ вокзала меня повезли въ каретѣ съ завѣшенными окнами, выпустили изъ кареты на какомъ-то мрачномъ, узкомъ дворѣ, застроенномъ высокими зданіями, затѣмъ меня приняли жандармы, повели въ одно изъ зданій съ полукруглыми башнями и заперли въ мрачную камеру на второмъ этажѣ.

Камера была очень странная. Маленькая, треугольная конурка, въ видѣ остроугольнаго треугольника съ высокимъ потолкомъ, небольшимъ окошкомъ. Окно было высоко, выходило на застроенный дворъ, въ камерѣ было мало свѣта, сыро. За дверью былъ длинный коридоръ, за стѣною, слѣва отъ двери, слышались голоса людей, звяканье шпоръ и шашекъ. Тамъ была караульная комната. По коридору взадъ и впередъ тяжелымъ шагомъ, звеня шпорами, ходилъ рослый жандармъ, дальше, за караульной, слышался время отъ времени стукъ въ запертую дверь, негромкій голосъ, затѣмъ щелканье задвижки и скрипъ двери. Это выпускали кого-то въ коридоръ, слышались по коридору чьи-то шаги безъ шпоръ, черезъ минуту шаги проходили обратно, дверь затворялась, задвижка защелкивалась.

Я поняла, что нахожусь въ одномъ изъ полукруглыхъ выступовъ дома, что слѣдующее помѣщеніе за караульной—тоже камера, такая же, какъ моя, треугольная и полутемная. Я стала прислушиваться, чтобъ уловить голосъ моего товарища по заключенію, и, къ большей моей радости, узнала голосъ П.

На другой день утромъ мнѣ удачно сошла съ рукъ одна продѣлка. У меня было заранѣе, на всякій случай, припрятано нѣсколько крохотныхъ лоскуточковъ бумаги, и я, выйдя въ коридоръ мыться, подбѣжала

къ отворенному оконцу камеры П. и перебросила ему часть припрятаннаго мною сокровища.

Жандармъ, конечно, на меня взъѣлся, но я постаралась успокоить его, увѣривъ, что этотъ заключенный мой супругъ, что мы вмѣстѣ арестованы и т. д.

Кажется, черезъ день насъ вызвали на допросъ. Я слышала, какъ пришли, откуда-то изъ глубины коридора, звенящіе шпорами жандармы, какъ отперли камеру П. и увели его по коридору. Черезъ нѣкоторый, довольно большой, промежутокъ времени его привели, дверь камеры защелкнулась задвижкой, звенящія шпорами ноги подошли къ моей двери. Задвижка загремѣла, дверь отворилась и дюжій жандармъ прогудѣлъ:

— Пожалуйте!

У меня немного, какъ говорится, «сердце екнуло», въ первый разъ со времени моего ареста. Я сообразила, что меня ведутъ на допросъ и у меня невольно зашевелились тревожныя мысли. Начиналось серіозное. Все, что было со мною въ пережитые дни, казалось мнѣ пустяками, именно, интереснымъ приключеніемъ. Теперь начиналось другое.—Что мнѣ говорить на допросѣ? О чемъ меня будутъ спрашивать? Что обо мнѣ знаютъ?...

Я была еще дѣвчонкою восемнадцати лѣтъ (я родились въ сентябрѣ 1863 года), въ революціи серіознымъ работникомъ не была, серіознымъ чѣмъ-либо себя не считала, но все же я кой-что дѣлала, встрѣчалась со многими людьми въ Москвѣ, въ Кіевѣ, Одессѣ, за мной водились кое-какія провинности противъ «существующаго порядка». Я была почти увѣрена, что за мной не слѣдили въ Москвѣ, какъ и до пріѣзда въ Москву, но... кто знаетъ? А можетъ быть, кромѣ насъ съ П., въ Москвѣ были аресты, можетъ быть, нашъ арестъ имѣетъ связь съ другими?..

Затѣмъ у меня составилось о допросахъ особое понятіе. Я была того мнѣнія, что на допросахъ арестованнаго «сбиваютъ», «путаютъ», прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ, чтобы вывѣдать больше, а въ важныхъ случаяхъ даже пытаютъ. У насъ ходили слухи о пыткахъ. И я еще заранѣе, имѣя въ виду, что меня когда-нибудь арестуютъ, готовилась къ допросу тѣмъ, что старалась не запоминать именъ, фамилій причастныхъ къ революціи людей, адресовъ и т. д., чтобы не проговориться на допросѣ, не высказать чего-либо въ бреду, во снѣ.

Могла я, конечно, вовсе отказаться отъ дачи показаній, это было бы проще всего, но этого мнѣ не хотѣлось, потому что я хотѣла узнать изъ вопросовъ, какіе мнѣ будутъ задавать, не арестованъ ли еще кто-нибудь въ Москвѣ. И, кромѣ того, отказываться отъ показаній, именно это мнѣ казалось опаснымъ, потому что тогда, по моему мнѣнію, могли принять по отношенію ко мнѣ какія-нибудь мѣры, чтобъ вырвать, помимо моей воли, признанія.

Всѣ эти мысли проскочили у меня въ головѣ, когда я шла между двумя жандармами по длинному, полутемному коридору, и меня охватила невольная тревога.

— Пожалуйте!

Жандармъ распахнулъ передо мной дверь въ концѣ коридора, впустилъ меня въ просторную комнату, а самъ остановился статуей у двери.

Въ комнатѣ не было никого. Вся эта комната показалась мнѣ на первый взглядъ очень странною. Справа отъ двери, въ которую я вошла, стоялъ большой письменный столъ, заваленный бумагами, по обѣ стороны стола были два кресла. Это было все, что могло напоминать кабинетъ дѣлового человѣка, слѣдователя и т. п. Дальше за столомъ и съ лѣвой стороны отъ двери стояли шкафы съ бумагами, странные, высокіе шкафы съ завѣшанными темными занавѣсками стеклами. На шкафахъ, на подоконникахъ, на полу лежали бумаги, папки съ бумагами и въ перемежку какіе-то свертки, какіе-то ящички. Въ стѣнѣ съ лѣвой стороны и напротивъ меня были еще двери, слышались голоса, шаги людей, надъ дверью слѣва было странное темное оконце. Вся комната имѣла видъ не кабинета, а какой-то кладовой и производила странное, непріятное впечатлѣніе. Я стояла около кресла возлѣ стола, оглядывала странную комнату и старалась сладить съ тревожнымъ настроеніемъ.

— Вы присядьте! сказалъ жандармъ.

Я хотѣла было присѣсть, какъ изъ противоположной двери вошелъ человѣкъ, плотный, роста выше средняго, въ жандармской формѣ, у него было энергичное лицо, широкій лобъ и ловкія движенія.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при взглядѣ на него, это именно широкій лобъ, ловкія движенія и пристальный, вопрошающій, если можно такъ выразиться, взглядъ, точно желающій насквозь проникнуть. Но этотъ взглядъ былъ только именно пристальный, желающій проникнуть, но не проникающій насквозь, не тотъ, острый, пронизывающій, гипнотизирующій взглядъ, отъ котораго дѣлается жутко, въ которомъ чуется внутренняя сила.

Но это, впрочемъ, я разобрала ужъ послѣ, во время дальнѣйшаго знакомства съ этимъ субъектомъ, въ ту же минуту, когда я впервые увидѣла его, впечатлѣніе отъ его взгляда и физіономіи было таково, что тревога моя какъ-то сразу отхлынула, то страшное, какое я ожидала встрѣтить, оказалось, не такимъ уже страшнымъ.

Вошедшій субъектъ любезно указалъ мнѣ на кресло, возлѣ котораго я стояла, предложилъ сѣсть, а самъ сѣлъ на кресло за столомъ, напротивъ меня.

— Скажите, вы В. . . ва?

Я отвѣтила утвердительно, такъ какъ находила безцѣльнымъ скрывать свое имя, разъ взятъ мой паспортъ, и такъ мы уговорились съ П.

— Ну, а паспортъ у васъ настоящій? Не сами вы его писали?

Я невольно улыбнулась и въ то же время насторожилась. Мнѣ пришлось написать нѣсколько паспортовъ, а печати на графитѣ я вырѣзывала мастерски.

— Неужели вы еще не навели справки о моемъ паспортѣ? спросила я въ свою очередь.

— Ну, положимъ, мы увѣрены, что онъ настоящій, и что вы то самое лицо, какое значится въ паспортѣ. Но въ такомъ случаѣ, мы съ вами земляки, вы моя землячка. Я тоже смолянинъ, смоленской губерніи.

Я сказала что-то въ родѣ того, что мнѣ это пріятно. Пріятно на чужой сторонѣ земляка встрѣтить.

— Да? Даже если этотъ землякъ—жандармъ Судейкинъ?

— А вы—Судейкинъ?

— А вы не знали?

Я дѣйствительно не знала, кого я передъ собой вижу, въ чьи руки попала. О Судейкинѣ я слышала еще живя въ Кіевѣ, знала, что онъ переведенъ въ Петербургъ за свои заслуги, что въ его рукахъ все вѣдомъ въ данную минуту вижу передъ собой эту знаменитость своего рода, и въ въ данную минуту вижу передъ собой эту знаменитость своего рода и въ то же время мнѣ интересно было видѣть близко «знаменитаго» Судейкина.

Нѣсколько минутъ мы, вмѣсто допроса, проболтали, какъ «земляки» и какъ бывшіе жители Кіева—паспортъ мой былъ весь искромсанъ «явками» кіевскихъ полицейскихъ частей за нѣсколько лѣтъ съ той поры, какъ онъ былъ мнѣ выданъ на отдѣльное жительство отъ матери. Мы говорили о вещахъ, совершенно не относящихся къ дѣлу, какъ будто мы были самые обыкновенные обыватели, а не жандармъ и арестантка, и находились гдѣ-либо въ обывательской гостинной, а не въ кабинетѣ начальника сыщиковъ, въ паучьемъ гнѣздѣ, гдѣ плетутся тенета, распускаются нити во всѣ концы и углы Россіи.

Черезъ нѣсколько минутъ Судейкинъ, какъ будто спохватился и подалъ мнѣ листъ для допроса, съ напечатанными вопросами объ имени, званіи, вѣроисповѣданіи и т. д.

— Пріятно бываетъ побесѣдовать минутку по человѣчески, почувствовать себя на время не жандармомъ, сказалъ Судейкинъ.

Я не удивилась этому признанію, потому что знала раньше, что Судейкинъ любилъ «побесѣдовать» съ молодежью «по душѣ», что у него есть свои особые пріемы по отношенію къ попавшимъ въ его руки юнцамъ обоего пола.

Когда я кончила писать отвѣты на печатные вопросы, Судейкинъ приступилъ къ допросу. Спросилъ меня о П. Я отвѣтила, что онъ мой женихъ и сплела какую-то небылицу. Затѣмъ онъ спросилъ, принадлежу ли я къ партіи «Народной Воли»?

Я отвѣтила отрицательно, сказала, что мои политическія убѣжденія еще не опредѣлились для меня настолько, чтобы я могла считать себя принадлежащей къ какой-либо партіи.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, эта все та же извѣстная мнѣ исторія,—сказалъ грустнымъ тономъ Судейкинъ. Убѣжденія не опредѣлились, не выработались, а работать для блага родины хочется, тянетъ служеніе родинѣ, идеѣ... И берется юное существо за какое-нибудь революціонное дѣло и.... гибнетъ. Да еще за террористическое дѣло. Вонъ какъ Рысаковъ, напримѣръ. И сколько это гибнетъ молодыхъ силъ безъ всякой пользы для родины!... А какую бы пользу принесли эти молодыя силы родинѣ, если бы онѣ не торопились, если бы выработали раньше свои убѣжденія и пошли по вѣрной дорогѣ.

Онъ говорилъ какъ будто искренно, въ голосѣ его звучали грустныя нотки, когда онъ говорилъ о безплодной гибели славной русской молодежи и онъ скорбѣлъ объ этой гибели. Я смотрѣла на него съ любопытствомъ. Я знала, что это его обыкновенная пѣсня, обыкновенныя рѣчи съ молодежью. Обыкновенно онъ говорилъ о терроръ, объ убійствахъ, объ ужасномъ изуродованіи облитаго сѣрной кислотой Горино-

вича и въ доказательство звѣрствъ, чинимыхъ террористами, показывалъ слушателю фотографическую карточку изуродованнаго. Карточка эта, какъ говорили, была дѣйствительно ужасна, производила сильное впечатлѣніе, со многими слабонервными дѣлались истерики.

Зная это, Судейкинъ неожиданно подкладывалъ ее передъ глазами слушателя. Я ожидала, что онъ мнѣ покажетъ эту карточку и заранѣе приготовилась не смотрѣть. Но онъ не пытался показать мнѣ ужасную фотографію, а разсказалъ объ одномъ, незадолго передъ тѣмъ будто бы происшедшемъ случаѣ, въ которомъ онъ проявилъ свое гуманное отношеніе къ молодежи.

— Собрались, видите ли, читать нелегальщину цѣлой компаніей,— разсказывалъ Судейкинъ. Это вѣдь ребячество, чисто по дѣтски. Конечно, можно и хочется читать *запрещенное,* но пускай бы они собирались небольшими группами, по три, по четыре человѣка, но они непремѣнно цѣлой сходкой, человѣкъ четырнадцать. Мнѣ донесли, и я хоть и смотрю на подобныя вещи, какъ на ребячество, все-таки *долженъ* былъ арестовать всю сходку. Захватили съ поличнымъ. Брошюрки запрещенныя, послѣдній № «Народной Воли». И все это молодежь зеленая, 18—20 лѣтъ, почти все изъ кіевской организаціи. Вы, вѣроятно, знаете многихъ изъ нихъ.

Я насторожилась. Это было уже выпытываніе. Я попросила назвать мнѣ фамиліи. Судейкинъ досталъ изъ стола записную книжку и началъ читать имена и фамиліи. Всѣ записанныя фамиліи, кромѣ одной, мнѣ не были извѣстны. Одна была извѣстна, это имя одной дѣвушки, слушательницы акушерскихъ курсовъ Юшковой, съ которой я познакомилась въ Малороссіи случайно. Сказавъ, что мнѣ неизвѣстны эти фамиліи, я спросила, что онъ сдѣлалъ съ арестованными?

— Обошелся съ ними, какъ съ дѣтьми, — сказалъ Судейкинъ. Продержалъ ихъ въ одиночкахъ три дня — кажется, три онъ сказалъ потомъ прочелъ нотацію и отпустилъ по домамъ. Я не сторонникъ ссылокъ и всякихъ каръ по отношенію къ молодежи. Террористы—это дѣло другое, а это вѣдь дѣти. Я бы и не арестовалъ ихъ, если бы мнѣ *мои* агенты донесли, а то донесли добровольцы, лигисты. Лига добровольцевъ—и я *долженъ* былъ арестовать. Лига—это язва для всѣхъ, и для васъ, и для насъ.

— Для острастки этой компаніи я посадилъ къ главарямъ кружка городового, сказалъ Судейкинъ. Поселилъ его въ комнатѣ рядомъ съ Юшковой.

Это былъ тоже своего рода маневръ Судейкина. Городового поселяли по сосѣдству съ какой-нибудь квартирой или ставили у воротъ дома не для острастки, а для отвода глазъ, чтобы отвлечь вниманіе недальновидныхъ людей, за которыми кромѣ городового, по большей части глуповатаго, безобиднѣйшаго Держиморды, слѣдили настоящіе мастера, шпіоны.

— Я не сторонникъ жестокостей вообще, а особенно по отношенію къ юношеству, повторилъ Судейкинъ. Молодежь щадить, беречь надо, въ ней будущее Россіи.

---

[1]) Осуждена по процессу 17-ти. *Ред. Сб.*

Я не выдержала и напомнила о юношахъ Розовскомъ и Лозинскомъ, казненныхъ при его содѣйствіи въ Кіевѣ (5 марта 1880 г.).

— Ну-у, въ этомъ виноватъ не я, сказалъ Судейкинъ. Я самъ перестрадалъ эту казнь. Это Чертковъ—бывшій генералъ-губернаторъ кіевскій. Это грубый, жестокій солдафонъ, ему ничего не стоило подписать какой угодно приговоръ. Я вѣдь не имѣлъ тогда никакого вліянія.

Мнѣ показалось, что онъ говоритъ это искренно.

Ушла я съ этого допроса, или скорѣе интересной бесѣды, успокоенная тѣмъ, что судя по вопросамъ, какіе мнѣ предлагались, и по поведенію Судейкина, обо мнѣ ему ничего не было извѣстно и что, какъ можно было предполагать, въ Москвѣ кромѣ насъ съ П. арестовъ больше не было.

Черезъ день или два меня опять вызвали къ Судейкину. Я думала, что меня вызываютъ для свиданія съ П., что мнѣ было обѣщано, но оказалось, что Судейкинъ «забылъ» сдѣлать мнѣ нѣкоторые вопросы. Вопросы были пустяшные, о моихъ родныхъ, и мнѣ показалось, что не для этого я была вызвана, а для предъявленія какому-нибудь агенту, спрятанному въ которомъ-нибудь изъ странныхъ шкаповъ съ завѣшанными стеклами. Это предположеніе показалось мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Судейкинъ, сидѣвшій при первомъ свиданіи противъ меня, на этотъ разъ подвинулъ свое кресло ближе къ стѣнѣ, очевидно, для того, чтобы не заслонять меня отъ свѣта и отъ наблюдателя.

Послѣ того, какъ я записала свои отвѣты на его вопросы, мы снова начали бесѣдовать. Бесѣдовали опять «по душѣ», о политикѣ, о партіи «Народной Воли», ошибкахъ партіи, терроръ, о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Россіи, о желательномъ будущемъ, о спасеніи Россіи отъ самодержавія и ужасовъ революціи. Онъ самъ былъ конституціоналистъ и скорбѣлъ о томъ, что террористы помѣшали осуществленію великаго дѣла...

Говорилъ Судейкинъ хорошо, убѣдительно и не знай я настоящую цѣль его подобныхъ бесѣдъ, я могла бы повѣрить въ его искренность. Притомъ онъ очевидно не зналъ, что публикѣ извѣстны его пріемы воздѣйствія на молодежь, не подозрѣвалъ, что это можетъ быть извѣстно и мнѣ, «простушкѣ-провинціалкѣ».

Затѣмъ онъ сказалъ, что ищетъ себѣ сотрудниковъ, особенно среди чуткой молодежи, и предложилъ мнѣ стать въ ряды его сотрудниковъ.

Я, конечно, возмутилась этимъ предложеніемъ, и указала ему на то, что онъ противорѣчитъ самому себѣ, предлагая «честной», «чуткой» молодежи позорное, жестокое дѣло шпіонства.

— Ахъ нѣтъ, вовсе нѣтъ! сказалъ Судейкинъ. Вовсе не шпіонства, зачѣмъ такъ понимать?... Шпіоновъ, сыщиковъ мнѣ не надо, у меня ихъ сколько угодно, за любую плату. Мнѣ нужны *идейные* люди изъ среды именно той честной молодежи, которая теперь становится въ ряды революціи, гибнетъ безполезно для блага родины. Нужны мнѣ эти люди не для сыска—сыскъ это дѣло наемныхъ шпіоновъ — а для пропаганды антиреволюціонной въ рядахъ молодежи и для противодѣйствія террористическимъ замысламъ.

Я спросила, въ чемъ должно состоять это противодѣйствіе.

— Указывать намъ на приготовленія террористовъ, чтобы мы имѣли возможность не допустить совершенія террористическихъ актовъ.

— Значитъ, то же выслѣживаніе и доносъ?

— Нѣтъ, Боже мой, зачѣмъ такъ понимать! сказалъ Судейкинъ. Не доносъ, не сыскъ, а предупрежденіе убійства. Представьте вы себѣ, что вы сидите у себя въ комнатѣ и видите, что къ сосѣду лѣзутъ въ окно разбойники. Естественно, что вы броситесь къ нему на помощь, а если не будете въ силахъ, то закричите караулъ, позовете полицію. Развѣ это будетъ доносъ?... А террористы, вѣдь они также совершаютъ убійство. И не только простое убійство—они тормозятъ дѣло свободы. Въ подобныхъ случаяхъ и прослѣдить не позорно. Вѣдь слѣдятъ же революціонеры за правительственными агентами, и никто изъ нихъ не считаетъ подобное шпіонство позорнымъ. Цѣль оправдываетъ средство.

— При томъ замѣтьте—это вовсе не повлечетъ за собой гибели людей. Намъ нужны не люди, готовящіеся совершить террористическій актъ. Мы же знаемъ, что это люди не разбойники, а *фанатики идеи*— Судейкинъ подчеркнулъ эти слова—идеи *ложной, вредной,*— намъ нужно само ихъ предпріятіе. Т. е., напримѣръ, если вы узнаете или, что еще лучше, примете участіе въ подготовленіи какого-нибудь подкопа, что ли, дайте намъ знать, что такой-то подкопъ дѣлается. Мы, конечно, будемъ слѣдить и дадимъ возможность окончить подкопъ, но не допустимъ совершить преступленіе. Цѣль наша такова: террористы истратятъ на свое предпріятіе деньги, денегъ надо не мало и достаются онѣ трудно; истратятъ энергію—энергіи тоже убивается много, и въ то время, когда они будутъ увѣрены, что предпріятіе ихъ окончится успѣшно, мы помѣшаемъ имъ. При этомъ мы даже не будемъ забирать людей, дадимъ имъ возможность уйти. Даже пусть себѣ они скрываются за-границу.

Этотъ планъ его противодѣйствія террору былъ остроуменъ черезъ мѣру, комедія была уже сшита, что называется, бѣлыми нитками, и я хотѣла было уже сказать ему прямо, что я хорошо, очень хорошо понимаю его, хотѣла оборвать его, потому что меня начинали уже томить его рѣчи, но въ это время у меня мелькнула особая мысль. Мнѣ пришло въ голову, что можно было бы воспользоваться его предложеніемъ «сотрудничанія» и сыграть съ нимъ другого рода комедію, спасти Россію отъ него самого.

Мысль эта пришла мнѣ такъ внезапно, что я невольно задумалась. Судейкину, вѣроятно, показалось, что меня поразила его идея, и онъ спросилъ, какъ я нахожу предлогаемый планъ. Я, конечно, отвѣтила, что нахожу его очень остроумнымъ и просила дать мнѣ время обдумать его предложеніе. При этомъ я спросила, дѣйствительно ли онъ не будетъ арестовывать людей, готовящихъ покушеніе?

— Даю вамъ въ этомъ мое слово. Честное слово!

Это было надежное ручательство! Честное слово Судейкина! Можно было вполнѣ положиться!

Возвратившись въ свою камеру, я стала обдумывать явившуюся мнѣ мысль. Мысль была хорошая, много людей ломали надъ нею голову. Убить Судейкина—это было такое дѣло, которое признавали нужнымъ даже и не террористы. Прежде всего это былъ актъ мести за тѣ жертвы,

ту массу жертвъ изъ среды той же «чуткой» и «честной», по выраженію Судейкина, молодежи, которая погублена при его содѣйствіи, которая томились въ ссылкѣ, на каторгѣ, въ казематахъ, погибли и, наконецъ, какъ Лозинскій и Розовскій, умерли на висѣлицѣ, погибли за пустяки, за распространеніе нелегальныхъ листковъ. Эта месть прямо была необходимою для измученныхъ жестокостями людей. Мучительно было думать, что живетъ и благоденствуетъ Судейкинъ въ то время, когда томятся въ неволѣ жертвы его. Судейкинъ, насколько я могла понять его въ эти двѣ встрѣчи, не былъ «геніаленъ» и, быть можетъ, не отличался даже особеннымъ умомъ—во всякомъ случаѣ былъ не таковъ, какъ о немъ говорили, какимъ я представляла его себѣ, судя по разсказамъ, но все-таки онъ былъ изобрѣтателенъ, практикъ въ дѣлѣ сыска и представлялъ собою, во всякомъ случаѣ, силу недюжинную.

Такъ я думала, и мысль объ убійствѣ захватила меня всю, разогнала тоску моего заключенія въ мрачной, сырой трехстѣнной конурѣ, и самая эта конура показалась мнѣ другою и у меня какъ будто удесятерилась энергія. Было только одно обстоятельство, одна небольшая запятая для меня въ этомъ дѣлѣ, а именно, кто выполнитъ его, кто совершитъ убійство?

Мнѣ страшна была самая мысль объ убійствѣ, я не могла видѣть ранъ, крови, отъ одного вида чьего-нибудь порѣзаннаго пальца у меня темнѣло въ глазахъ. Можно было, пожалуй, принудить себя, заставить, призвать на помощь тѣни погубленныхъ имъ людей и ради этихъ погибшихъ и гибнущихъ, ради ихъ страданій заставить себя убить мучителя,—но какъ? Какимъ оружіемъ? Кинжаломъ? Ножомъ? Противно!... Почти невозможно. Притомъ онъ возмужалый человѣкъ, ловкій, очевидно, сильный, богатырь въ сравненіи со мной, дѣвчонкой. Револьверомъ? Не такъ противно, но такъ же трудно. Онъ навѣрное носитъ кольчугу. Нужно цѣлить въ голову, шею. Для этого нуженъ удобный моментъ, надо, чтобы не дрогнула рука.

Моментъ можетъ не выдаться, такъ какъ Судейкинъ, конечно, будетъ при свиданіяхъ остороженъ, а рука дрогнетъ навѣрное. Вѣдь это *убійство,* а не что-нибудь другое.

Мнѣ припомнилось ужасное кровавое дѣло несчастнаго Поликарпова. [1]) Припомнились мнѣ разсужденія объ убійствѣ людей, которые назывались террористами и которые съ болью и отвращеніемъ говорили о пролитіи крови, пришло на память приготовленіе къ убійству шпіона нѣсколькихъ юношей въ Кіевѣ, какъ они взвинчивали себя передъ совершеніемъ органически противнаго имъ кроваваго дѣла и какъ были довольны, когда оно не удалось, когда шпіонъ не явился къ нимъ на свиданіе.

Я хорошо знала одного изъ этихъ юношей; онъ пришелъ ко мнѣ на другой день послѣ своей неудачи, блѣдный, нервный, измученный, какъ будто переболѣлъ чѣмъ-то.

— Скверное все-таки дѣло убивать, говорилъ онъ усталымъ го-

---

[1]) Поликарповъ покушался въ Кіевѣ въ 1880 году на жизнь проникшаго въ одинъ кружокъ агента полиціи Забрамскаго. Покушеніе окончилось неудачею, а самъ Поликарповъ застрѣлился. *Ред. Сб.*

лосомъ. Скверныя минуты переживаешь! Это, можетъ быть, сантиментальность, но... Но вѣдь все-таки это убійство!..

Я не называла сантиментальностью то, что мнѣ было противно убійство. Это было нормальное чувство нормальнаго, здороваго человѣка. Нужно было быть или психически ненормальнымъ отъ природы, или быть поставленнымъ въ особое положеніе, вынужденнымъ на подобное дѣло, быть въ ненормальномъ психическомъ состояніи.

Я, отчасти, находилась въ подобномъ психическомъ состояніи и безусловно въ ненормальномъ исключительномъ положеніи.

Мнѣ хотѣлось умереть. Я была отъ природы вполнѣ нормальнымъ, здоровымъ и здравымъ существомъ, была жизнерадостною, живою, любила жизнь, людей, свѣтъ Божій, но все-таки я хотѣла умереть, очень часто у меня являлось страстное, томительное желаніе смерти, желаніе уйти изъ этого дорогого для меня свѣта Божьяго, который застилался для меня густымъ душнымъ туманомъ, въ которомъ мнѣ было такъ тяжело. Несмотря на мои 18 лѣтъ въ то время, я такъ много пережила тяжелаго, много видѣла человѣческихъ страданій, и личная жизнь моя, съ самаго ранняго дѣтства, очень тяжела. Я родилась въ семьѣ, гдѣ господствовалъ дикій произволъ главы семьи, жестокаго, дикаго тирана, который былъ тираномъ не только въ семьѣ, но и въ цѣлой округѣ. Отца моего во всей округѣ звали звѣремъ, «людоѣдомъ». Онъ воображалъ себя какимъ-то Чингизъ-Ханомъ, держалъ въ рукахъ и въ страхѣ окружающее его населеніе, сѣрое, забитое, нищее крестьянство—мы жили въ глухомъ уголкѣ Бѣлоруссіи, потомъ въ Смоленской губ.—творилъ такія дѣла, за которыя ему слѣдовало бы сгнить на каторгѣ, но которыя сходили ему съ рукъ, благодаря покровительству мѣстныхъ властей, ихъ продажности. Отецъ мой былъ продуктъ «существовавшаго режима», «существовавшаго порядка», а я, оставляя въ сторонѣ другихъ жертвъ моего родителя и порядка,—видѣвшая окружавшіе меня ужасы и вынесшая на себѣ также ужасы, была жертвою «существовавшаго порядка» и вступила въ посильную борьбу съ этимъ «порядкомъ» не въ силу увлеченія «зловредными идеями», не начитавшись какихъ-либо запретныхъ листковъ, много раньше, нежели я получила понятіе о какихъ-либо листкахъ, совершенно сознательно въ полномъ убѣжденіи, что «существующій порядокъ» невозможенъ для нормальной человѣческой жизни, что въ немъ все зло окружающей жизни. Вступила я въ жизнь и въ борьбу съ существующимъ порядкомъ рано, и съ измученною, потрясенною душою, съ вѣчно болящею раною отъ лично пережитой трагедіи, во время этой посильной моей, повторяю, борьбы, посильной работы въ революціи приходилось непрерывно переживать много тяжелого и я, несмотря на мою, по природѣ здоровую натуру, хотѣла умереть. Мнѣ однажды приходила мысль о самоубійствѣ, но самоубійство было мнѣ также противно, какъ и убійство. Убивать себя было противно, дико, но если бы смерть пришла ко мнѣ сама—я обрадовалась бы ей, какъ избавительницѣ отъ тяготъ и страданій, которыя переживала.

Затѣмъ было еще одно обстоятельство, вслѣдствіе котораго мнѣ хотѣлось умереть. Я, выражаясь общепринятымъ языкомъ, «готовилась сдѣлаться матерью», и это обстоятельство, при другихъ нормальныхъ

условіяхъ, возбуждающее желаніе жить, меня побуждало еще больше желать смерти.

Судьба столкнула меня съ человѣкомъ, такимъ же одинокимъ, какъ была и я, и такъ же много пережившимъ. Это былъ товарищъ по революціонной работѣ, кроткій, мягкій человѣкъ, идейный, симпатичный, «нелегальный» при томъ, надъ головою котораго висѣли всѣ грозы и кары «существовавшаго порядка». Общая симпатія сблизила насъ, молодость, жизнь взяла свое. Такъ хотѣлось минутку отдохнуть отъ пережитыхъ страданій, взять минутку личнаго счастья передъ грядущимъ грознымъ и темнымъ будущимъ, которымъ грозилъ намъ «существующій порядокъ» за наше дерзновенное противъ него выступленіе.

Минутка отдыха отъ страданій, личнаго счастья принесла мнѣ, какъ женщинѣ, новое страданіе, ожидаемое материнство не было для меня счастьемъ—оно было новою мукою. Сдѣлавшись матерью, мнѣ предстояло или бросить революціонную работу и отдаться всецѣло ребенку, или продолжать участвовать въ революціонной работѣ и подвергнуть дитя всѣмъ, могущимъ быть тяжелыми для него, послѣдствіямъ.

Первое сдѣлать, т. е. бросить революціонную работу я не могла, совершенно не могла. Я не могла жить обыкновенною обывательскою жизнью, слишкомъ возмущена была моя душа, слишкомъ отравлена, если можно такъ выразиться, была она ядомъ страданій и ненавистью къ существующему порядку, презрѣнія къ людямъ, поддерживающимъ этотъ порядокъ и тѣмъ, что съ тупою покорностью выносятъ его. И слишкомъ больны были пережитыя личныя страданія и оскорбленія.

Принимать участіе въ революціонной работѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ, помимо того, что это было неудобно, мнѣ было страшно. Страшно за ребенка. Я во всякое время могла быть арестована. И, смотря по тому, каковы были бы улики противъ меня въ моей попыткѣ къ «ниспроверженію существующаго порядка», меня могли судить, лишить «правъ», жалкихъ правъ, при которыхъ нельзя было существовать здоровому духовно человѣку, но при наличности которыхъ все же мать имѣла право быть матерью своего ребенка, воспитывать его. Лишивъ правъ, у меня могли отнять мое дитя. Могли отнять дитя, отдать его въ пріютъ какой-либо, ему предстояло вынести всѣ мученія сиротства, одиночества, потомъ нужды, униженій, его могли изъ пріюта выбросить на улицу [1]), оно могло сдѣлаться воромъ, его могли сдѣлать сыщикомъ.

При одной мысли о подобномъ будущемъ, возможномъ будущемъ моего ребенка меня охватывалъ ужасъ, и я горячо желала умереть. Умереть до рожденія дитяти, умереть вмѣстѣ съ нимъ.

При мысли объ убійствѣ Судейкина мнѣ ясно приходила мысль о собственной смерти, и я находила, что это будетъ хорошо. Я убью—это противно, но это скоро окончится, такъ какъ я умру. Я знала, что беременныхъ не казнятъ до родовъ, но я надѣялась достать динамитный снарядъ. Въ этомъ случаѣ все дѣло было бы легко и просто. Я убью Судейкина и себя вмѣстѣ, умру въ тотъ же моментъ, не увидѣвъ крови, не испытавъ мученій послѣ убійства.

---

[1]) Защитить или пріютить мое дитя было некому потому, что мои родные отреклись отъ меня, и притомъ дитя было „незаконное“.

На этой мысли я остановилась.

Судейкинъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что меня, вѣроятно, скоро выпустятъ, такъ какъ за мной не числится никакихъ провинностей, и мнѣ это надо было принять во вниманіе, спѣшить, спѣшить со своимъ рѣшеніемъ о «сотрудничествѣ» съ Судейкинымъ.

Дня три меня не вызывали къ Судейкину, я все время обдумывала со всѣхъ сторонъ затѣваемое дѣло. Мнѣ удалось опять перебросить записочку П., въ которой вкратцѣ я разсказала ему о разговорѣ съ Судейкинымъ и своемъ замыслѣ и просила его совѣта. Совѣтоваться, конечно, было мудрено, будучи подъ замкомъ, но мнѣ обѣщано было свиданіе съ «женихомъ», и онъ долженъ былъ сказать мнѣ *да* или *нѣтъ*, т. е. начинать ли мнѣ задуманное дѣло.

Наконецъ, меня опять повели къ Судейкину. На вопросъ его, что я придумала, какъ рѣшила насчетъ его предложенія, я сказала, что я принимаю это предложеніе, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы, если я укажу ему на какое-либо предпріятіе террористовъ, люди не были арестованы, чтобы я не была причиною гибели людей.

Эта оговорка, по моему, нужна была, чтобы онъ, видѣвшій во мнѣ «простушку-провинціалку», по его выраженію, увѣрился въ моей наивности, не заподозрилъ настоящихъ моихъ намѣреній.

Мнѣ дано было торжественное обѣщаніе не арестовывать террористовъ и еще одно «честное слово» Судейкина.

Притомъ я сказала, что берусь только за вмѣшательство въ террористическія затѣи, но не возьмусь за пропаганду противъ террора. Это было не въ моихъ видахъ. Для моей цѣли нужно было быть близко къ Судейкину, видѣться съ нимъ.

Тогда же мнѣ дали свиданіе съ П. Судейкинъ велѣлъ привести его, и когда онъ явился, Судейкинъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ насъ однихъ. П. удивился такой любезности, но я сказала ему, что мы, по всей вѣроятности, не одни, что насъ слушаютъ скрытыя уши.

Мы вели невинный разговоръ, во время котораго все-таки понимали другъ друга, а П., насколько было возможно говорить, не опасаясь быть подслушаннымъ и понятымъ, даже попробовалъ было уговорить меня вообще не начинать такого дѣла, въ виду моего положенія, т. е. беременности, но я остановила его, сказавъ, что я уже рѣшила этотъ вопросъ и отступать не буду.

Черезъ нѣсколько дней П. увезли, кажется, въ Домъ Предварительнаго Заключенія, а меня начали часто вызывать къ Судейкину.

Я недоумѣвала, почему меня не выпускаютъ, несмотря на заявленіе Судейкина, что меня держать долго не будутъ, и зачѣмъ меня вызываютъ такъ часто, дня черезъ два, а иногда и черезъ день? Во время этихъ свиданій, длившихся иногда по часу приблизительно, совершенно ничего не говорилось о какихъ-либо дѣлахъ по «сотрудничеству» и вообще бесѣдъ серіозныхъ не было. По всѣй вѣроятности, Судейкинъ хотѣлъ просто изучить мою особу въ виду будущаго «сотрудничества». Мнѣ, между прочимъ, давались книги антиреволюціоннаго содержанія.

Иногда вмѣсто Судейкина я встрѣчала нѣкоего субъекта, его секретаря или родственника,—не знаю, кто онъ былъ,—и это мнѣ доста-

вляло больше удовольствія, нежели встрѣчи съ Судейкинымъ, такъ какъ отъ этого субъекта я узнавала много интереснаго. Это былъ молодой человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, съ четыреугольною физіономіею, подавшимся назадъ высокихъ лбомъ и бараньими глазами, простоватый, недалекій. Мы болтали съ нимъ запросто, не касаясь вовсе политики.

— Политика не мое дѣло, говорилъ онъ. Мое дѣло бумаги писать.

Отъ него я узнала настоящую квартиру Судейкина, чего до того времени не знали въ партіи. Однажды мы сидѣли, разговаривали, а въ это время надъ нашими головами затопали дѣтскія ноги. Я удивилась, что въ такомъ мѣстѣ, въ мрачномъ жандармскомъ гнѣздѣ есть ребятишки и спросила, чьи они?

— А это ребятишки Георгія Порфирыча—т. е. Судейкина—сказалъ онъ.

— Развѣ онъ живетъ не въ городѣ, а здѣсь же? спросила я.

— Нѣтъ не въ городѣ. Тамъ у него есть другія квартиры такъ, для конспирацій, а живетъ онъ здѣсь, съ семействомъ.

Простодушный малый не зналъ, какую онъ выдалъ мнѣ тайну своего патрона.

— Интересная эта комната у васъ, сказала однажды я, указывая на «кабинетъ» и окружающую обстановку. Зачѣмъ здѣсь на стѣнахъ навѣшана одежда—это такъ нейдетъ въ кабинетѣ—зачѣмъ эти шкапики съ занавѣсками, кто въ нихъ скрывается?

— Сейчасъ никого нѣтъ, увѣряю васъ! искреннимъ тономъ отвѣтилъ простодушный дѣтина. Это бываетъ только тогда, когда нужно... А это—онъ показалъ на одежду—это маскарадные костюмы Георгія Порфирыча. Ему приходится иногда переодѣваться.

Одинъ разъ я взяла лежавшую на столѣ хорошенькую розетку съ электрической кнопкой, отъ этой розетки шелъ скрытый въ шнуркѣ проводъ къ стѣнѣ.

— Что будетъ, если я нажму эту пуговку?—спросила я.

— Ахъ, нѣтъ! не дѣлайте этого! встревожился мой собесѣдникъ. Если нажать—сюда явится цѣлый взводъ жандармовъ, всполошится весь домъ, подумаютъ, что съ Георгіемъ Порфирьевичемъ что-нибудь случилось.

Я поняла, почему Судейкинъ всегда играетъ розеткой, не выпуская ее изъ рукъ во время разговора.

Отъ этого парня я узнала, что Судейкинъ носитъ кольчугу, что въ камерахъ, гдѣ-то въ другомъ концѣ дома, есть «важные», привезенные съ юга, что въ Москвѣ «пока» послѣ меня «важныхъ» арестантовъ не было.

Бесѣды съ Судейкинымъ мало-по-малу начинали меня томить, несмотря на то, что мнѣ хотѣлось присмотрѣться ближе къ этому человѣку. Въ его рѣчахъ была постоянная рисовка, игра и мнѣ все-таки нужно было быть постоянно насторожѣ.

Иногда, впрочемъ, было интересно и поучительно. Судейкинъ остро потѣшался надъ непрактичностью революціонеровъ, «воображающихъ себя заправскими конспираторами».

— Воображаетъ, что онъ—т. е. конспираторъ—всѣхъ провелъ, одурачилъ всѣхъ агентовъ, а онъ весь у насъ въ рукахъ! говорилъ Су-

дейкинъ, зажимая скрюченную горсть, чтобы показать, какъ у нихъ въ рукахъ наивный конспираторъ.

— Видѣли вы, какъ слѣдитъ осторожный революціонеръ, чтобы за нимъ не слѣдили?—сказалъ однажды Судейкинъ. Вотъ я вамъ покажу!

Онъ нахлобучилъ низко какую-то шляпенку, засунулъ руки въ карманы, въ которыхъ предполагается револьверъ для обороны «осторожнаго» революціонера и прокламаціи, сгорбился и зашагалъ по комнатѣ, поминутно оглядываясь по сторонамъ, чтобы за нимъ не слѣдили.

Онъ разсказалъ, между прочимъ, о своемъ представленіи во дворцѣ, послѣ вступленія на высокій постъ охранителя порядка.

— Я оробѣлъ, говорилъ Судейкинъ. Когда я явился во дворецъ, я и самъ не думалъ, что на меня все это произведетъ такое впечатлѣніе, но когда вышелъ императоръ, я оробѣлъ. Оробѣлъ, какъ школьникъ. Но императоръ былъ очень внимателенъ. Подалъ мнѣ руку, похвалилъ, одобрилъ. Я, говоритъ, о тебѣ слышалъ, я на тебя надѣюсь!...

Судейкинъ съ видимымъ удовольствіемъ повторялъ эту фразу. Я спросила объ Александрѣ III, сказала, какое въ публикѣ ходитъ о немъ мнѣніе, Судейкинъ сначала замялся, а потомъ сказалъ.

— На него можно имѣть вліяніе. И все будетъ зависѣть отъ того, какое это будетъ вліяніе.

Я старалась угадать, зачѣмъ онъ говоритъ мнѣ о томъ, что, очевидно, составляло завѣтную мечту его? Очевидно, онъ хотѣлъ показать, что онъ можетъ имѣть «вліяніе», подчеркнуть свое значеніе.

Съ особенною злостью онъ говорилъ о своей соперницѣ въ сыскѣ и, вѣроятно, во «вліяніи»—лигѣ добровольцевъ [1]).

— Это такое учрежденіе, съ которымъ нужно бороться не меньше, чѣмъ съ террористами, говорилъ Судейкинъ. Больше даже. И съ нимъ бороться труднѣе. Революціонеры это *люди,* люди идеи, а это скопище . . . . . Банда!.. Но эта банда подъ покровительствомъ. Мнѣ мѣшаютъ невозможно. Дѣлаютъ доносы, требуютъ арестовъ, когда мнѣ это ненужно. Средствъ расходуется масса. Жандармское управленіе тратитъ много, но мы тратимъ на *дѣло* и наши расходы ничто въ сравненіи съ ихъ расходами. Тамъ милліоны выбрасываются и все напрасно—нажива какимъ-то . . . . . .

Однажды, когда я была у Судейкина, изъ сосѣдней комнаты послышался плачъ, какъ будто мальчугана-подростка, мольбы. Я вся помертвѣла. Пытка! мелькнула у меня мысль. Мучатъ арестованнаго?..

— Это мерзавца учатъ,—сказалъ Судейкинъ, замѣтивъ мой испугъ. Добровольца. Прибѣжалъ съ доносомъ, чтобы три цѣлковыхъ получить. Какія-то дамы поѣхали на Волково кладбище съ вѣнкомъ, онъ, какъ гончая—въ догонку. А потомъ доноситъ:—положили вѣнокъ на могилу политическаго преступника (не помню кого назвалъ Судейкинъ). Такія-то дамы, живутъ въ такомъ-то домѣ. Мы навели справки, и оказалось, что дамы были, но вѣнокъ положили на могилу своего род-

---

[1]) Т. е. о „добровольной охранѣ", впослѣдствіи преобразовавшейся въ „священную дружину." *Ред. Сбор.*

ственника такого-то. Мерзавцу нужно было три рубля заработать. Сегодня онъ явился за наградой, и вотъ ему всыпали, будетъ помнить!

Время тянулось страшно медленно, какъ всегда въ заключеніи. Прошелъ мартъ, подходилъ къ концу апрѣль, меня все не выпускали и не переводили никуда изъ жандармскаго управленія, нервы у меня начали развинчиваться, свиданія съ Судейкинымъ начинали томить до невозможности. Какъ ни было тоскливо сидѣть въ противной, трехстѣнной конурѣ, я предпочитала лучше провести въ ней тотъ часъ, который я проводила въ обществѣ Судейкина. Онъ становился мнѣ противенъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше и чѣмъ дальше, мнѣ становилось труднѣе играть съ нимъ, не выдавая себя, представляться внимательной слушательницей его остроумныхъ разсказовъ.

Иногда онъ казался мнѣ даже страшнымъ. Мнѣ жутко становилось слушать его шутки, болтовню «свѣтскаго» человѣка въ этой обстановкѣ, въ этой комнатѣ, гдѣ въ каждой изъ лежащихъ въ шкапахъ и вокругъ, въ папкахъ и тетрадкахъ бумагъ была трагедія, изъ каждой бумажки сочились слезы, гдѣ за стѣнами работала канцелярская машина, приводящая въ движеніе всѣ пружины сыска и охоты за новыми жертвами, а дальше, въ камерахъ-треугольникахъ томились захваченныя жертвы, которыхъ, быть можетъ, ожидала даже смерть. Онъ шутилъ, улыбался передо мною, дѣвчонкою, «провинціальною простушкою», человѣкомъ, ничего изъ себя не представляющимъ въ революціи, а черезъ минуту послѣ моего ухода, тутъ же передъ нимъ, будетъ сидѣть, или, быть можетъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, сидѣлъ другой человѣкъ, другая жертва, настоящая жертва коршуна, которая, благодаря ему, быть можетъ, доживаетъ послѣдніе дни, стоитъ на порогѣ могилы или вѣчнаго заключенія, что еще хуже могилы.

Я глядѣла на поблескивавшіе, какъ ножъ, глаза его и мнѣ чудилось, что онъ меня вызываетъ, быть можетъ, для того, чтобы было передъ кѣмъ поострить, сгладить только что пережитое непріятное впечатлѣніе отъ другого свиданія, потому что ему, быть можетъ, говорили такія слова, отъ которыхъ его покоробило, глядѣли на него такимъ взглядомъ, передъ которымъ онъ долженъ былъ опустить свои глаза, далеко не свѣтившіеся силою. Онъ, «оробѣвшій» во дворцѣ, долженъ былъ чувствовать себя неловко передъ людьми «идеи», о которыхъ онъ самъ говорилъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ. И, вотъ, онъ, переживъ непріятное, и, быть можетъ, въ ожиданіи непріятнаго, между двумя «серіозными» свиданіями, вызвалъ меня.

Большею частью, во время разговора, онъ посматривалъ на часы и иногда, остановясь на полуфразѣ, нажималъ кнопку въ стѣнѣ. Моментально распахивалась дверь изъ корридора, ведущаго въ камеры, на порогѣ выростали два жандарма.

— Проводить въ камеру! коротко бросалъ Судейкинъ и поднимался съ своего мѣста.

Я спѣшила поскорѣе убраться за дверь. Я страшно боялась, чтобъ онъ какъ-нибудь не подалъ мнѣ руку на прощаніе. Я чувствовала, что въ такомъ случаѣ не выдержала бы своей роли, не взяла бы его руки, или, если бы взяла, то, вѣроятно, со мною послѣ въ камерѣ сдѣлался бы нервный припадокъ.

Это «сентиментальность», конечно, да, но это все-таки была рука Судейкина, рука, отъ которой пахло кровью.

Въ концѣ концовъ мнѣ стало уже становиться не подъ силу мое положеніе. Мнѣ невыносимо противны становились эти «бесѣды», и мнѣ начало казаться, что я не выдержу своей роли и вообще не смогу выполнить задуманнаго дѣла. Послѣ длительнаго нервнаго возбужденія наступилъ переворотъ, упадокъ энергіи. Я рѣшила заявить Судейкину, что отказываюсь отъ сотрудничества съ нимъ въ дѣлѣ спасенія Россіи, и чувствовала въ то же время, что я наговорю ему хорошихъ вещей. Это, конечно, было ребячество—на чистоту говорить съ Судейкинымъ, я сознавала это, но нервы мои расшатались сильно. Къ этому упадку силъ, нервности, присоединилось физическое недомоганіе, связанное съ моимъ положеніемъ. Беременность приближалась къ концу 8 мѣсяца, окружающая обстановка, сырость въ камерѣ, отсутствіе чистаго воздуха—меня не выпускали на прогулку, какъ это дѣлается въ обыкновенныхъ тюрьмахъ, затѣмъ продолжительное, можно сказать, непрерывное, нервное возбужденіе, все это тяжело отражалось на теченіи беременности и на моемъ здоровьи. И я рѣшила отказаться отъ моей затѣи.

Принявъ такое рѣшеніе я хотѣла уже, не дожидаясь вызова въ кабинетъ, заявить дежурному жандарму, что я хочу непремѣнно видѣть Судейкина, какъ за мной неожиданно явились. Войдя въ кабинетъ, я увидѣла на физіономіи Судейкина совсѣмъ другое выраженіе, чѣмъ то, какое я привыкла видѣть. Онъ былъ серіозенъ, нахмуренъ, передъ нимъ лежали бумаги.

— А вы неискренни, сказалъ онъ, глядя на меня серіозно. Вамъ трудно вѣрить. Вы говорили, что вашъ женихъ П., а оказывается иначе. Мы вѣдь знаемъ, насъ обмануть трудно. Узнаемъ, чего не знаемъ. Вашъ женихъ.... Онъ назвалъ нелегальное имя, подъ которымъ скрывался А. Ф. И мы знаемъ, что это имя нелегальное, знаемъ, *кто* онъ. Судейкинъ назвалъ настоящее имя А.

— Это я говорю вамъ для того, чтобы вы знали, что отъ насъ скрыть что-нибудь очень трудно, сказалъ Судейкинъ.

Я молчала, пораженная неожиданностью, стараясь справиться съ собою и сообразить, что случилось, какъ быть?

— И еще вы обманывали, продолжалъ Судейкинъ, вы говорили, что у васъ нѣтъ никого въ Москвѣ знакомыхъ террористовъ, а онъ видится съ террористами.

При этихъ его словахъ ко мнѣ вернулось все мое самообладаніе. Рѣшеніе отказаться отъ содѣйствія Судейкину отскочило на задній планъ, другія, ужасныя мысли заслонили все остальное. Во-первыхъ, о существованіи Ф. въ Москвѣ знали только немногія лица, стоящія близко къ центру народовольческой организаціи, и если Судейкинъ узналъ о немъ, узналъ подробности, относящіяся къ личной жизни Ф., то значитъ, появился предатель, также близко стоящій къ центру «Народной Воли». Во-вторыхъ, Ф. былъ наборщикомъ въ типографіи газеты «Народная Воля», и разъ знаютъ о немъ, то, конечно, легко доберутся и до

типографіи. А быть можетъ, и добрались уже, быть можетъ, это и есть тѣ террористы, о которыхъ говорилъ Судейкинъ [1]).

Эти мысли огнемъ проскочили во мнѣ, и я наудачу накинулась на Судейкина. Я стала уличать его въ обманѣ. Я говорила, что если я обманывала, то обманывала поневолѣ, а онъ представляется «идейнымъ человѣкомъ» и хочетъ, чтобы я была предательницею, выдала ему даже близкаго мнѣ человѣка, что мое пособничество ему, значитъ, должно быть просто шпіонствомъ и т. д. Затѣмъ стала увѣрять, что онъ держитъ меня въ тюрьмѣ безъ всякой надобности въ то время, когда Ф. видится теперь съ кѣмъ-то, когда у него, вѣроятно, возстановились связи съ народовольцами, что Ф. можетъ уѣхать изъ Москвы, и у меня тогда всякая связь съ партіей совершенно порвется.

— А еще будетъ лучше, если вы арестуете Ф., сказала я и старалась доказать, что Ф. самъ по себѣ ничего интереснаго для Судейкина не представляетъ, что онъ просто усталый, изнервничавшійся человѣкъ, что, наконецъ, арестовывать его никакъ нельзя, потому что у меня порвутся всякія связи съ партіей и что меня надо непремѣнно выпустить скорѣе.

Я сочиняла въ эту минуту мастерски—во мнѣ говорило отчаяніе, и не знаю, мои ли доводы подѣйствовали на Судейкина, или у него былъ свой планъ, но онъ при мнѣ отправилъ телеграмму, чтобы не арестовывали Ф. и не очень ревностно преслѣдовали его, чтобы онъ не замѣтилъ шпіонства и не убѣжалъ изъ Москвы.

— А все-таки нехорошо, что вы не были со мной откровенны, не сказали мнѣ объ Ф., сказалъ Судейкинъ. Его, дѣйствительно, на дняхъ должны были арестовать.

Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что завтра или послѣ завтра меня выпустятъ.

— Только какъ же мы васъ выпустимъ? сказалъ Судейкинъ. Васъ могутъ заподозрить въ шпіонствѣ именно потому, что васъ выпустили, а не выслали куда-либо. Мы дадимъ вамъ возможность бѣжать.

Я отклонила это предложеніе, просила дать мнѣ время до вечера, чтобы придумать свой планъ. Я очень боялась, чтобы онъ не поставилъ меня въ такое положеніе, въ которомъ я не буду въ состояніи дѣйствовать въ своихъ видахъ.

Обдумавъ предложеніе Судейкина насчетъ бѣгства, я пришла къ тилась бы сразу у него, какъ на удочкѣ, потому что съ момента побѣга вать, а его, будущаго «сотрудника». Разыгравъ комедію бѣгства, я очутилась бы сразу у него, какъ на удочкѣ, потому что съ момента побѣга, за мной по пятамъ бѣжалъ бы его агентъ, и мнѣ, неопытной въ дѣлѣ игры въ прятки, усталой за время почти двухмѣсячнаго сидѣнья въ одиночкѣ и почти непрерывнаго нервнаго напряженія, трудно будетъ ускользнуть отъ шпіоновъ. Я остановилась на другомъ планѣ, который явился мнѣ въ голову еще въ первое время послѣ ареста, когда я, имѣя въ виду, что меня могутъ выпустить, и раздумывая о томъ, какъ мнѣ уйти отъ преслѣдованія сыщиковъ, остановилась на мысли устроить фиктивное само-

[1]) Рѣчь идетъ о московской типографіи Нар. Воли, въ которой работали Суровцевъ, Чернявская и др. Типографія была обнаружена въ іюнѣ 1882 г., но хозяева успѣли скрыться. *Ред. Сбор.*

убійство. Этотъ планъ былъ, собственно, не моего изобрѣтенія, такъ спасся отъ шпіоновъ кто-то раньше, теперь же я рѣшила продѣлать съ вѣдома Судейкина такую вещь, чтобы показать ему, что я дѣйствительно обманываю партію, внушить ему довѣріе къ себѣ, отвлечь его вниманіе отъ того, что я буду предпринимать на самомъ дѣлѣ. Судейкинъ нашелъ мой планъ превосходнымъ и предоставилъ мнѣ дѣйствовать, какъ я найду нужнымъ.

— Всегда по собственной иниціативѣ лучше дѣйствовать, чѣмъ по чужому расписанію,—говорилъ онъ.

На другой день утромъ меня выпустили. Судейкинъ далъ мнѣ фальшивый паспортъ, по которому я должна была жить послѣ комедіи съ самоубійствомъ, далъ билетъ на проѣздъ до Кіева и деньги, сто рублей, на житье и нужные расходы.

Дрогнула у меня рука и дрогнуло на душѣ, когда я брала деньги «жандармскія» деньги. Трудно, очень трудно было отдѣлаться отъ «сентиментальности».

Я зашаталась и едва устояла на ногахъ, когда вышла на вольный свѣтъ изъ моей трехстѣнной каюты и когда ѣхала на извозчичьихъ дрожкахъ по улицамъ Петербурга—улицы и дома прыгали передъ моими глазами. Еще больше прыгали мои мысли, я старалась сообразить, что дѣлать, какъ предупредить Ф. съ братіей о висящей надъ ихъ головами опасности. Телеграфировать нельзя было—это могло сейчасъ же сдѣлаться извѣстнымъ Судейкину, ѣхать прямо въ Москву я не могла также, я съ умысломъ рѣшила ѣхать въ Кіевъ, чтобы опять-таки отвлечь его вниманіе. Я остановилась около первой попавшейся на пути бакалейной лавки, купила бумаги, конвертъ, марку и тамъ же написала Ф. нѣсколько строкъ, въ которыхъ настоятельно требовала, чтобы онъ немедленно, по полученіи этого письма, пересталъ бывать у «Ляльки». Такъ мы условно называли квартиру, въ которой была типографія «Народной Воли», гдѣ было дитя, дѣвочка, называемая «Лялькою». Письмо я опустила въ первый попавшійся ящикъ.

На другой день, утромъ, я поѣхала въ Кіевъ.

Продѣлать комедію съ самоубійствомъ было вовсе не трудно. Переночевавъ въ гостинницѣ, я около полудня вышла въ городъ, забравъ ключъ отъ номера съ собою. Пробродивши по городу нѣсколько часовъ, я зашла въ лавки на Бессарабкѣ, купила чемоданъ, одѣяло и подушку взамѣнъ тѣхъ, которыя остались въ гостинницѣ, связала все, какъ въ дорогу, взяла извозчика и поѣхала на вокзалъ, куда попала къ поѣзду, уходящему въ Москву. Въ гостинницѣ остались мои вещи, мой паспортъ, мой, настоящій, и записка, въ которой я писала, что иду къ Днѣпру, чтобы покончить счеты съ жизнью, и просила не печатать въ газетахъ мое имя полностью, чтобы не причинить горя моей матери, которая жила въ Кіевѣ. Когда поѣздъ проходилъ по мосту черезъ Днѣпръ, я бросила сквозь рѣшетку высокихъ перилъ ключъ отъ номера.

Въ Кіевѣ я, между прочимъ, оченъ удачно отдѣлалась отъ провожатаго, котораго я оставила ожидать меня около воротъ Софійскаго собора, въ то время, какъ я вышла другимъ, извѣстнымъ мнѣ (какъ кіевлянкѣ) ходомъ. Зато въ Москвѣ сразу попала подъ опеку. Паспортъ мнѣ выдалъ самъ Судейкинъ, и какъ только его предъявили въ участкѣ

изъ гостинницы, я уже была подъ опекою и могла быть ловушкою для всѣхъ, кто видѣлся бы со мною.

Увидѣвшись съ Ф., который былъ также ловушкою, я узнала, что типографія существуетъ, что письмо мое пришло во время и произвело надлежащее дѣйствіе, что за нѣкоторыми изъ нелегальныхъ гонялись сыщики, но безъ успѣха, но что аресты все-таки были—кажется, былъ въ началѣ марта арестованъ Кобозевъ-Богдановичъ. При этомъ Ф. сказалъ, что въ Москвѣ Златопольскій.

Это извѣстіе меня очень обрадовало. Я знала, что Златопольскій съ радостью ухватится за мой планъ насчетъ Судейкина, и что при его помощи мнѣ удастся выполнить мое дѣло. Златопольскій былъ практикъ, человѣкъ опытный, принимавшій участіе въ разныхъ рискованныхъ предпріятіяхъ. Ф. я разсказала всю затѣянную мною исторію и предупредила, что мнѣ теперь надо видѣться съ Златопольскимъ, но чтобы Златопольскій былъ остороженъ. Я сказала это между прочимъ, на самомъ же дѣлѣ я была увѣрена, что Златопольскій самъ будетъ имѣть все въ виду, устроитъ наше свиданіе въ удобномъ мѣстѣ. Не мнѣ было учить его.

Каково же было мое удивленіе, когда онъ, несмотря на мое предупрежденіе и противъ всякаго здраваго смысла, явился ко мнѣ въ гостинницу, какъ ни въ чемъ не бывало. Я пришла въ ужасъ, набросилась на него за такую невозможную съ его стороны неосторожность, но онъ началъ смѣяться.

— Она побывала въ рукахъ у Судейкина и уже воображаетъ себя цѣлымъ Исполнительнымъ Комитетомъ!—смѣялся онъ надо мною. То посылаетъ генеральскія приказанія изъ Петербурга на конспиративныя квартиры, то набрасывается на людей чисто по-генеральски. Забыла, что я же разъяснялъ ей, что такое нигилистъ, соціалистъ и такъ далѣе. Эхъ вы, дитю!..

Онъ смѣялся, а мнѣ не приходило въ голову смѣяться. Меня положительно удивляла его неосторожность и самъ онъ былъ какой-то странный, несмотря на то, что шутилъ и смѣялся. Производилъ онъ на меня какое-то удручающее впечатлѣніе. Онъ былъ не тотъ, какимъ я его знала раньше, какимъ видѣла мѣсяца два назадъ, незадолго до моего ареста. Незадолго до моего ареста онъ былъ у меня, разсказывалъ о Фигнеръ [1]), о событіяхъ на югѣ, и тогда онъ, будучи подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ арестовъ, не казался мнѣ такимъ не то нездоровымъ, не то сильно усталымъ.

Затѣю мою онъ принялъ, какъ я и ожидала, съ радостью, только выразилъ сомнѣніе въ томъ, смогу ли я удачно выполнить ее. Но я сама теперь почти не сомнѣвалась въ себѣ, чувствовала, что у меня не дрогнетъ рука бросить бомбу—но только бомбу. Свиданія и бесѣды съ Судейкинымъ произвели на меня свое дѣйствіе, и если раньше я еще могла смотрѣть на него, какъ на человѣка, теперь, изучивъ его насколько могла, я видѣла въ немъ только актера-палача. Онъ былъ въ моихъ глазахъ, если и человѣческимъ существомъ, то именно ненормальнымъ,

---

[1]) В. Н. Фигнеръ была арестована въ 1883 году. Очевидно, Златопольскій передавалъ лишь неправильный слухъ. *Ред. Сбор.*

лишеннымъ того, что называется совѣстью, душою человѣческою. Онъ охотился за людьми, людьми «идеи», «чуткими» и «честными», по его собственному выраженію, ежедневно видѣлъ передъ собою этихъ людей съ страдальческими лицами, не трогался ихъ страданіями, спокойно распоряжался ихъ свободою, жизнью, неустанно придумывалъ способы охоты за новыми жертвами; вокругъ него, въ трехстѣнныхъ каморкахъ томились эти, обреченные имъ на страданіе и гибель «идейные» люди, а онъ могъ спокойно жить среди этихъ каморокъ, устраивать здѣсь свое семейное гнѣздо, спокойно ѣсть, спать, могъ шутить, улыбаться, болтать остроты, играть комедію, притворяться гуманистомъ, радѣтелемъ человѣчества, говорить о благѣ родины, смотрѣть прямо въ глаза своей жертвы, своими холодными, блестящими, какъ сталь жандармской шашки, глазами. Въ моемъ воображеніи, когда я смотрѣла на него, представлялся Малюта Скуратовъ. Такой же, какъ мнѣ казалось, долженъ былъ быть Малюта. Гибкій, ловкій, съ широкимъ лбомъ, широкою челюстью, холодными, пытающими глазами, онъ могъ явиться за царскій столъ прямо изъ застѣнка, гдѣ корчились на дыбахъ его жертвы, шутить, смѣяться за трапезой, между шутками навѣдываться въ застѣнокъ, по пути изъ застѣнка заходить въ церковь, слушать молебенъ, ставить толстую свѣчку Богу. По отношенію къ такому существу, мнѣ казалось, чувствовалось, можно было заглушить въ себѣ всякія человѣческія чувства.

Противно, органически противно, здоровому душевно человѣку убійство, кровь, но мнѣ вѣдь придется только бросить бомбу. Бросить, какъ простой камень, а тамъ все исчезнетъ для меня самой, не будетъ ни чувствъ, ни мученій.

Съ Златопольскимъ мы немного говорили о предполагавшемся убійствѣ, ему, «террористу», также было тяжело говорить объ этомъ, какъ и мнѣ—мы условились относительно слѣдующаго свиданія, кажется, черезъ день. Я должна была ожидать его въ условномъ мѣстѣ, въ Кремлѣ, на открытомъ мѣстѣ; пропустивъ его мимо себя, я должна была пойти за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, и затѣмъ, продѣлавъ нѣсколько маневровъ, прослѣдивъ, «чтобы за нами не слѣдили», должны были сойтись въ удобномъ мѣстѣ.

Въ назначенное время я была въ Кремлѣ, стояла опершись на перила надъ обрывомъ, идущимъ къ рѣкѣ, глядѣла на рѣку и по сторонамъ, чтобы не прозѣвать Златопольскаго. Кругомъ были люди, шли, ѣхали, стояли и тутъ же, конечно, былъ мой тайный провожатый. Я не знала, не могла разобрать, который изъ окружившихъ меня людей—онъ, но онъ, конечно, долженъ былъ быть здѣсь неподалеку, иначе и быть не могло. Не простофиля же какой-нибудь мой «сотрудникъ», чтобы оставить меня безъ надзора. Скоро я замѣтила Златопольскаго. Онъ шелъ по другой сторонѣ улицы и, завидѣвъ меня, перешелъ на другую сторону, подошелъ сразу ко мнѣ. Затѣмъ онъ подозвалъ извозчика и мы поѣхали по улицамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, точно на прогулку. Это было верхъ неосторожности; онъ какъ будто игралъ съ опасностью.

Златопольскій сказалъ, что динамитный снарядъ—такимъ длиннымъ названіемъ называлъ онъ бомбу—будетъ мнѣ приготовленъ, мы условились насчетъ передачи его мнѣ и дальнѣйшихъ дѣйствій. Ф. дол-

женъ былъ оставаться въ Москвѣ, пока я устроюсь въ Петербургѣ и пришлю на имя его свой адресъ, затѣмъ Ф. долженъ былъ переѣхать въ Петербургъ и жить со мною. У насъ никого не будетъ бывать изъ партіи, переписки не должно быть никакой, только когда будетъ готова бомба, мнѣ дадутъ знать, и съ того времени будутъ слѣдить за мною, чтобы знать, чѣмъ кончится моя попытка, и въ случаѣ удачи выпустить листки съ заявленіемъ, что убійство совершено съ вѣдома Исполнительнаго Комитета.

Это было все, что мнѣ нужно было и что нужно было въ данномъ случаѣ. На другой день я ѣхала въ Петербургъ, почти увѣренная въ успѣхѣ моего замысла. Въ одномъ вагонѣ со мною ѣхалъ мой провожатый, какой-то до-нельзя противный и глупый субъектъ, который усѣлся противъ меня и громко толковалъ о политикѣ. Во время остановки на одной изъ большихъ станцій, субъектъ вышелъ изъ вагона, а ко мнѣ подошла женщина, простая, деревенская баба, пожилая.

— Ты чево этто, касатка, толковала съ этимъ толстоносымъ,— спросила она шепотомъ.—Ты не наболтала ли ему чево лишняго, что онъ къ тебѣ жандара посадилъ?.. Вонъ онъ, жандаръ-то! Онъ его привелъ и на тебя указалъ. Ты-ко гляди! Вонъ съ нами ѣдетъ вагонъ съ такими-то, какъ ты, бойкими!..

Я жандарма не боялась, мнѣ бояться было нечего. Меня арестовать не могли, а если и арестовали бы по недоразумѣнію или излишнему усердію, то стоило мнѣ только телеграфировать моему «сотруднику» и меня отпустятъ на всѣ четыре стороны. Сочувствіе простой деревенской бабы-женщины мнѣ было очень пріятно. Въ тѣ времена насъ, бунтовщиковъ, не очень-то баловали подобнымъ сочувствіемъ; но меня сильно встревожило сообщеніе этой женщины, что въ поѣздѣ есть вагонъ «съ такими-то». У меня зародилось подозрѣніе, не изъ Москвы ли эти «такіе-то?».

На слѣдующій длинной остановкѣ я вышла на платформу и, не слушая окрики жандарма, прошла мимо задняго вагона. Возлѣ окна сидѣлъ жандармъ, а въ глубинѣ, какъ мнѣ показалось, мелькнуло блѣдное лицо Златопольскаго. Я бросилась къ окну, но жандармъ снаружи загородилъ мнѣ дорогу, а сидѣвшій внутри жандармъ всталъ во весь ростъ у окошка.

Я была почти увѣрена, что арестованный былъ Златопольскій, и съ тяжелымъ чувствомъ ѣхала остальную дорогу. Помимо того, что мнѣ было больно за него, какъ за человѣка, котораго ожидали долгіе годы каторги, помимо этого, арестъ его являлся огромнымъ препятствіемъ въ моемъ дѣлѣ, и я не знала, что предпринять, въ случаѣ его ареста.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я наскоро отыскала квартиру, послала свой адресъ Ф. и Судейкину, на его конспиративную квартиру, и «нелегальное» имя. На другой день получился съ посыльнымъ отвѣтъ отъ Судейкина, въ которомъ назначалось свиданіе. Я должна была въ 5 часовъ вечера отправиться на уголъ улицы, не помню какой, сѣсть въ стоявшую тамъ карету съ голубыми занавѣсками на окнахъ. Карета привезла меня въ знакомое мнѣ зданіе на Конюшенной, гдѣ я провела два мѣсяца въ треуголкѣ, остановилась у какого-то грязнаго крыльца, жандармъ

провелъ меня по лѣстницѣ во второй этажъ, въ крохотную квартиру изъ 2-хъ комнатъ, куда сейчасъ же явился Судейкинъ.

Прежде всего я спросила у него, кого онъ арестовалъ въ Москвѣ.

— Это не я, а лигисты и поусердствовала московская полиція, сказалъ Судейкинъ. Я бы еще не арестовалъ этого субъекта, онъ мнѣ былъ нуженъ на волѣ. Эти проклятые добровольцы всегда мнѣ мѣшаютъ. А вы съ нимъ видѣлись? спросилъ онъ.

Я сказала, что не знаю, съ нимъ ли я видѣлась, потому что не знаю, кто арестованъ. Я назвала заранѣе выдуманное имя, которое я придумала на тотъ случай, если за мной въ Москвѣ слѣдили, и Судейкинъ спроситъ, съ кѣмъ я видѣлась. Но назвавъ имя, я сказала, что, по всей вѣроятности, оно нелегальное.

— Арестованъ Златопольскій, сказалъ Судейкинъ.

Я сказала, что такой фамиліи не знаю, но что, быть можетъ, знаю въ лицо его, просила показать карточку арестованнаго. Это мнѣ нужно было, чтобы видѣть, который изъ двухъ братьевъ арестованъ. Я слышала, что у Савелія Златопольскаго есть братъ, но не знала его, не имѣла понятія, гдѣ онъ, знала только, что онъ также причастенъ къ дѣлу революціи [1]).

Судейкинъ позвонилъ, приказалъ принести карточку, и тутъ я убѣдилась, что арестованъ именно Савелій Златопольскій. Я сказала, что это тотъ человѣкъ, съ которымъ я видѣлась. Сказать такъ я должна была, потому что Судейкинъ и безъ того зналъ, конечно, съ кѣмъ я видѣлась. Затѣмъ я сказала, что арестовавъ Златопольскаго, Судейкинъ самъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе, такъ какъ у меня теперь порвана всякая связь съ партіей и трудно будетъ возстановить эту связь.

— Мы доставимъ вамъ возможность познакомиться съ Ю. и ея компаніей, сказалъ Судейкинъ. У нихъ есть связи съ центромъ «Народной Воли». А потомъ мы дадимъ вамъ возможность войти въ одинъ серіозный кружокъ.

Я отказалась отъ его посредничества въ знакомствѣ, говоря, что я сама изобрѣту способъ завязать сношенія съ партіею, опираясь на его слова, что «по собственной иниціативѣ» дѣйствовать лучше.

Я страшно боялась, что онъ дастъ мнѣ какое-нибудь дѣло, гдѣ бы я себя выдала, мнѣ и безъ того было трудно играть свою роль его «сотрудницы». Затѣмъ мнѣ, собственно, не нужны были знакомства, мнѣ нужно было оружіе, надо было отыскать то мѣсто, гдѣ для меня должна была изготовиться бомба, о которой говорилъ Златопольскій, и надо было нѣсколько свиданій съ Судейкинымъ.

Свиданія наши съ Судейкинымъ должны были происходить разъ въ недѣлю, въ пятницу, въ 5 часовъ вечера, но я могла его вызвать во всякое время, если бы мнѣ это «понадобилось», т. е. если бы я провѣдала о какомъ-нибудь террористическомъ замыслѣ или, если мнѣ нужно будетъ, чтобы *не арестовывали* нужнаго мнѣ человѣка. Это было равно-

---

[1]) Братъ Савелія Златопольскаго, Левъ Златопольскій осужденъ по процессу 20-ти въ 1882 году. Умеръ въ текущемъ году въ Забайкальѣ. *Ред. Сбор.*

сильно указанію, выдачѣ этого нужнаго человѣка, но я сдѣлала видъ, что не понимаю цѣли Судейкина.

Назначенныя свиданія съ Судейкинымъ и то, что я могла вызывать его, когда мнѣ понадобится, было для меня чрезвычайно удобно, и будь у меня въ рукахъ оружіе—бомба, я могла бы легко во всякое время покончить съ моимъ сотрудникомъ. Бомба была для меня крайне нужнымъ и желаннымъ сокровищемъ.

Златопольскій хотѣлъ мнѣ на всякій случай дать адресъ одной квартиры въ Петербургѣ, но, обсудивъ этотъ вопросъ, мы оба пришли къ тому заключенію, что это будетъ опасно. Я находилась въ такомъ положеніи (я готовилась стать матерью), что могла во всякую минуту заболѣть, очутиться въ больницѣ, быть въ жару, въ бреду, могла наговорить, чего не слѣдовало, назвать имена, адреса.

Говоря о своемъ положеніи, я сильно опасалась, что Златопольскій откажется помочь мнѣ, откажется отъ моей затѣи, но онъ былъ настолько разсѣянъ и какой-то именно странный, точно въ полудремотѣ, что, очевидно, даже и не соображалъ хорошенько, о какой болѣзни идетъ рѣчь.

У меня въ Петербургѣ могли найтись знакомые съ юга среди учащейся молодежи, принадлежащіе къ партіи «Народной Воли», при посредствѣ которыхъ я могла бы найти нужныхъ мнѣ людей, но я не могла отыскивать ихъ черезъ адресный столъ изъ опасенія, что будетъ извѣстно, кого я искала и изъ опасенія привести къ этимъ людямъ шпіоновъ. Изъ опасенія привести шпіоновъ, я не могла снова поѣхать въ Москву, отыскать бывшихъ тамъ нелегальныхъ, знакомыхъ мнѣ, адреса которыхъ я знала. Мнѣ нужно было быть осторожнѣе при отсылкѣ писемъ, чтобы не узнали, кому я пишу, а я получала письма безъ подписи, со штемпелемъ только почтоваго вагона.

Такая осторожность была для меня необходима, такъ какъ я была вся въ рукахъ Судейкина.

У меня былъ знакомый фармацевтъ, частный человѣкъ, но сочувствующій революціонному движенію и питающій неодолимую ненависть къ «шпикамъ»—шпіонамъ. Онъ говорилъ, что для истребленія шпиковъ онъ готовъ доставить «шприцы» съ ядомъ, ядъ для кинжаловъ, «чтобы много рукъ не марать», говорилъ онъ. Я, соблюдая извѣстную осторожность, написала ему, чтобы онъ прислалъ мнѣ свои снадобья. Это было на крайній случай, на тотъ случай, если мнѣ не удастся получить бомбу. Затѣмъ написала на югъ знакомымъ съ просьбой передать въ петербургскую организацію «Народной Воли» мой адресъ. Отъ южныхъ знакомыхъ получился отвѣтъ, что желаніе мое будетъ исполнено, но что я должна обождать.

Второе свиданіе мое съ Судейкинымъ было въ каретѣ. Когда я подошла къ каретѣ и застала тамъ Судейкина, я чуть не вскрикнула отъ досады. Такой чудный, удобный моментъ и я съ пустыми руками. Судейкинъ встрѣтилъ меня любезною улыбкой, мы цѣлый часъ катались на островахъ и бесѣдовали. Судейкинъ, справившись о моихъ «дѣлахъ», по обыкновенію шутилъ, острилъ, знакомилъ меня съ окрестностями Петербурга.

Третье свиданіе также было въ каретѣ. На этомъ свиданіи Судей-

кинъ сказалъ мнѣ, что въ Москвѣ, въ московской организаціи «Народной Воли» меня «подозрѣваютъ». Нѣкій Николай Петровичъ сказалъ, что «вамъ довѣрять нельзя», сказалъ Судейкинъ.

Это было для меня новымъ сюрпризомъ. Я встрѣчала Н. П. на одной «серьезной» конспиративной квартирѣ, знала, что Н. П. близокъ къ центру организаціи. Меня поразило не то, что Н. П. мнѣ не довѣряетъ—это было естественно въ виду общей растерянности, царившей въ то время въ организаціи, гдѣ при томъ меня очень мало знали—но то, что слова его стали извѣстны Судейкину. Н. П. могъ говорить объ этомъ только близкому человѣку, или въ кружкѣ близкихъ людей, стало быть, въ этомъ кружкѣ есть предатель. Затѣмъ, меня интересовалъ вопросъ о томъ, какія рѣчи шли обо мнѣ, по поводу чего Н. П. сказалъ, что мнѣ нельзя довѣрять? Быть можетъ, тамъ шла рѣчь о моемъ предпріятіи?... Я смотрѣла на своего собесѣдника и старалась угадать—знаетъ ли онъ или не знаетъ моя сокровеная?

Мнѣ показалось, что онъ не зналъ, не подозрѣвалъ, не допускалъ мысли о чемъ-либо подобномъ со стороны «простушки-провинціалки». Иначе, во всякомъ случаѣ, онъ не явился бы такъ неосторожно на свиданіе.

Въ тотъ же вечеръ я уѣхала въ Москву, чтобы предупредить Н. П., что его рѣчи обо мнѣ извѣстны Судейкину, предупредить его, чтобы онъ, высказывая свои подозрѣнія насчетъ меня, не касался моего дѣла. На этотъ разъ я увѣрена, что уѣхала безъ провожатаго, потому что Судейкинъ не зналъ, что я уѣду, а «агентъ», приставленный ко мнѣ, привыкъ, что ночи я провожу дома. Хотя все-таки я побоялась пойти на квартиру, гдѣ можно было бы увидѣть Н. П. Мнѣ устроили свиданіе съ нимъ окольнымъ путемъ по особому адресу для явокъ.

Разсказавъ Н. П. о томъ, что я слышала отъ Судейкина, я просила его передать мой адресъ въ Петербургъ, въ тѣ вѣдомства, гдѣ мнѣ могли приготовить бомбу. Но Н. П. сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать, что всѣ связи съ петербургскими, пока, у него прерваны.

Видѣться съ кѣмъ-нибудь изъ нелегальныхъ я опять-таки не рѣшилась, и при томъ мнѣ надо было спѣшить въ Петербургъ, гдѣ меня могли хватиться тѣлохранители, тайное исчезновеніе мое могло сдѣлаться извѣстнымъ Судейкину, вслѣдствіе чего «надзоръ» за мной будетъ усиленъ и, при томъ, могъ быть посланный отъ петербургской организаціи, такъ какъ мнѣ написали изъ провинціи, чтобы я ожидала.

Приходилось ждать. Томительно тянулось время ожиданія, на волѣ было не легче, чѣмъ въ тюрьмѣ. Тяжело было тѣмъ болѣе, что въ то время, какъ я ждала у моря погоды и теряла удобные случаи покончить съ Судейкинымъ, тамъ, въ желтомъ зданіи на Конюшенной, въ мрачномъ паучьемъ гнѣздѣ, ежедневно, ежечасно плелись тенета, въ которыя захватывались все новыя и новыя жертвы, борцы за замученную родину.

Отъ нечего дѣлать и для того, чтобы развлечься отъ томящей тоски, мы съ Ф.—онъ жилъ уже въ Петербургѣ, хотя совершенно не принималъ активнаго участія въ моемъ дѣлѣ—изучали окрестности Петербурга, а я, кромѣ того, старалась изобрѣсти различные способы раздѣлки съ Судейкинымъ на случай, если бы мнѣ черезъ нѣсколько времени не удалось добыть желанное оружіе—бомбу. Я чувствовала, что я, вѣро-

ятно, не остановлюсь уже ни передъ чѣмъ, даже до нападенія съ холоднымъ оружіемъ.

Въ слѣдующее свиданіе, четвертое по счету, послѣ того, какъ я очутилась на свободѣ, Судейкинъ, по обыкновенію, освѣдомился, какъ обстоятъ мои дѣла, т. е. удалось ли мнѣ завести сношенія съ партіей. Я отвѣчала, что я уже отчаялась въ своихъ розыскахъ прежнихъ знакомыхъ и просила его дать мнѣ возможность войти въ тотъ серьезный кружокъ, о которомъ онъ мнѣ говорилъ. Я питала надежду, что въ этомъ кружкѣ, быть можетъ, встрѣчу кого-либо изъ знакомыхъ и, такимъ образомъ, мнѣ удастся ускорить развязку моего положенія, которое мучило меня. На этомъ свиданіи Судейкинъ передалъ мнѣ еще сто рублей, «мѣсячное жалованіе», и мнѣ сдѣлалось какъ-то мучительно противно. Тѣмъ болѣе это было мучительно, что мнѣ и Ф. приходилось жить на эти деньги, такъ какъ, кромѣ этого, у насъ, въ нашемъ положеніи не было другихъ источниковъ существованія. Златопольскій, при свиданіи въ Москвѣ, сказалъ, что можетъ достать мнѣ денегъ, но я отказалась, говоря, что я теперь буду жить на казенномъ жалованіи. Я знала, что въ партіи много нелегальныхъ, которымъ приходилось жить на партійныя средства, при томъ мнѣ все равно надо было брать отъ Судейкина деньги—иначе мое безкорыстіе было бы и смѣшно, и подозрительно. Но все-таки мнѣ это было тяжело.

На мою просьбу доставить мнѣ обѣщанное знакомство, Судейкинъ согласился охотно, но при этомъ онъ сказалъ:

— Мы—онъ рѣдко говорилъ я—мы васъ можемъ поселить рядомъ съ одной квартирой, которая на-дняхъ устроилась. Эта квартира конспиративная и, кажется, очень серьезная, только я не знаю, сумѣете ли вы справиться съ этимъ дѣломъ?

Я сказала, что сумѣю справиться, сдѣлаю все, какъ онъ скажетъ, что я измучилась бездѣльемъ и т. д. И тутъ я оплошала, говорила очень горячо, съ такой горячностью ухватилась за его предложеніе, что ему, вѣроятно, это показалось подозрительнымъ. Онъ сказалъ, что подумаетъ, но что, вѣроятно, мнѣ это будетъ неподходяще.

— Тамъ надо человѣка опытнаго, сказалъ Судейкинъ. И притомъ, тамъ, на-дняхъ, вѣроятно, придется сдѣлать аресты. А вы вѣдь противъ арестовъ? сказалъ онъ.

Возвращаясь отъ Судейкина—свиданіе происходило въ квартирѣ на Конюшенной—я, сидя въ каретѣ, обдумывала, что мнѣ дѣлать, какъ спасти эту намѣченную квартиру? И я рѣшилась дѣйствовать въ этомъ случаѣ черезъ Юшкову. Адресъ Юшковой я узнала, когда была еще арестованною въ камерѣ жандармскаго управленія, при посредствѣ того наивнаго молодого человѣка, который бесѣдовалъ со мною вмѣсто Судейкина, и была у Юшковой, какъ я припоминаю, вечеромъ того дня, или утромъ на другой день, послѣ того, какъ меня выпустили. Я хотѣла разсказать ей о своемъ планѣ насчетъ Судейкина, сказать, чтобы она довела объ этомъ до свѣдѣнія петербургской организаціи—я знала, что она имѣетъ связи съ организаціей,—чтобы къ тому времени, какъ возвращусь снова въ Петербургъ, я могла найти помощь въ своемъ дѣлѣ.

Но прійдя къ Юшковой, я застала тамъ Л. и мнѣ почему-то страшно не захотѣлось говорить ни о чемъ, посвящать въ это дѣло людей, которыхъ я почти не знала. Теперь же, когда я очутилась въ такомъ положеніи, что не могла найти скоро возможности дать знать о томъ, что Судейкину извѣстна конспиративная квартира, а дать знать въ организацію объ этомъ необходимо было по возможности скорѣе, такъ какъ, по словамъ Судейкина, тамъ должны были быть вскорѣ аресты, то я рѣшила увидѣться съ Юшковой.

Когда меня выпустили въ обычномъ мѣстѣ изъ кареты, я немедленно поѣхала къ Юшковой. Юшковой дома я не застала, застала у нея только Л. и сказала ему, чтобы онъ по возможности скорѣе, если можно немедленно, отправился къ кому-нибудь изъ организаціи и передалъ отъ меня, что квартира конспиративная, которая устроилась на дняхъ —кажется, мнѣ сказано было и число—извѣстна Судейкину, и что тамъ должны быть скоро аресты. Я сказала, что знаю это отъ самаго Судейкина, съ которымъ только что видѣлась, и что мнѣ крайне необходимо видѣть кого-нибудь изъ организаціи.

Я сдѣлала все, что могла въ данную минуту и думала, имѣла основаніе думать, что мое предостереженіе будетъ передано куда слѣдуетъ. Я сказала ясно и повторила сказанное.

Л. отправился «немедленно», даже, кажется, сейчасъ послѣ моего ухода, но не къ членамъ народовольческой организаціи, а къ самому Судейкину. Негодующій—онъ принялъ меня за шпіонку на томъ основаніи, что я вижусь съ Судейкинымъ, несмотря на то, что я сама сказала ему объ этомъ—онъ явился къ Судейкину и началъ браниться съ нимъ, что онъ подсылаетъ къ нему шпіоновъ для испытанія его Л. и его близкихъ. Мало-де того, что посадили за стѣною городового для шпіонства, а теперь еще и подсылаютъ!... Судейкинъ, конечно, изумился, не зная, въ чемъ дѣло. Л. разсказалъ ему все, какъ было.

На другой день онъ далъ знать въ организацію о своемъ геройскомъ поступкѣ. Тамъ пришли въ ужасъ, назвали его геройство, какъ слѣдовало, и начали разыскивать меня. Адресъ мой Л. перепуталъ.

Я ничего не подозрѣвала о происшедшемъ, была увѣрена, что мнѣ удалось спасти нѣсколько людей и чувствовала себя прекрасно цѣлую недѣлю до слѣдующаго свиданія.

Въ пятницу я, по обыкновенію, въ 5 часовъ вечера, была на обычномъ мѣстѣ, гдѣ меня ожидала карета, сѣла въ карету и явилась къ Судейкину на Конюшенную.

Войдя въ знакомую мнѣ квартиру, я была удивлена происшедшей въ ней перемѣнѣ. Обѣ маленькія комнатки квартиры были зачѣмъ-то заставлены какими-то ширмами, странными, а въ углу задней комнаты, гдѣ мы видѣлись съ Судейкинымъ, стоялъ треугольный шкапъ съ темными занавѣсками. Пробравшись по узкому проходу между ширмами, на то мѣсто, гдѣ за небольшимъ столомъ я всегда сидѣла, я стала разсматривать комнату, стараясь догадаться, для чего понадобились всѣ эти приспособленія. Въ это время вошелъ Судейкинъ. Видъ его былъ необыкновенный. Волосы взъерошены, физіономія какъ будто заспанная, какъ будто онъ только что поднялся съ постели. Войдя, онъ прищурился, потянулся и сталъ извиняться.

— Спалъ, сказалъ онъ. Намъ рѣдко удается выспаться. Другой разъ ночью будятъ по нѣсколько разъ... Проклятая служба!...

Потомъ онъ сѣлъ противъ меня и спросилъ, что «новенькаго». Я отвѣчала, что все еще ничего, и спросила, когда же онъ дастъ мнѣ случай познакомиться съ тѣмъ его «серіознымъ» кружкомъ?

— А вамъ такъ хочется скорѣе за дѣло?... Не терпится? спросилъ онъ, глядя на меня.—Потерпите немножко! Въ нашемъ положеніи надо умѣть ждать. И потомъ... потомъ, я не знаю, откровенно говоря, насколько мы можемъ довѣриться вамъ?

Говоря такъ, онъ глядѣлъ мнѣ въ глаза своимъ выпытывающимъ взглядомъ—и игралъ розеткой съ электрической кнопкой, которая тоже была нововведеніемъ въ этой комнатѣ.

Я не смутилась подъ этимъ взглядомъ. Не таковъ былъ взглядъ Судейкина, отъ котораго можно было бы смутиться. Я уже сказала объ этомъ раньше, но вопросъ его и тонъ его рѣчи меня озадачилъ.

Я отвѣтила въ томъ смыслѣ, что увѣрять его въ своей искренности я не буду, но что это онъ можетъ увидѣть на дѣлѣ.

— Д-да, на дѣлѣ, это такъ, сказалъ Судейкинъ, и, вѣроятно, въ это время нажалъ пуговку розетки. У двери выросъ жандармъ.

— Проводить! сказалъ Судейкинъ, поднялся и сталъ между жандармомъ и таинственной ширмой.

— Меня ждутъ! сказалъ онъ. На слѣдующей пятницѣ я устрою для васъ, что нужно.

Онъ живо исчезъ за дверью. Я тоже встала. На этотъ разъ меня провожалъ до кареты жандармъ, чего раньше, въ прежнія свиданія, не бывало.

Я была совершенно озадачена. Во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ было что-то неладное.

Дня черезъ два я пошла на Выборгскую сторону—жила я на Петербургской—къ извѣстному мнѣ почтовому ящику, гдѣ можно было удобно опустить письмо. Возвращаясь назадъ, я замѣтила, что за мной слѣдомъ идетъ какая-то дама подъ густой вуалью. Я приняла ее за сыщика въ юбкѣ, и притомъ сыщика изъ Лиги, неловкаго, и начала отъ нея уходить, дама шла за мной почти по пятамъ. На Выборгскомъ мосту я остановилась, повернула къ ней, чтобы спросить, что ей отъ мея нужно, но она откинула вуаль, и я узнала Н. Г.

Я страшно обрадовалась. Оказалось, что она искала меня на Петербургской сторонѣ, что меня нѣсколько дней подстерегали на углу улицы, которую назвалъ Л., сказавшій, что я живу на этой улицѣ, но забывшій домъ и фамилію, подъ которой я жила. Затѣмъ она сказала, что мое дѣло съ Судейкинымъ проиграно, разсказала о поступкѣ Л.

Это меня какъ громомъ поразило. Всѣ мои мученія, всѣ невѣроятныя усилія, какія я употребляла для того, чтобы выдержать свою роль «сотрудницы» Судейкина, пропали даромъ; дѣло разсчета, котораго такъ желали не только революціонеры всѣхъ оттѣнковъ, но и всѣ сочувствующіе освободительной борьбѣ, и которое могло быть выполнено такъ удачно, безъ затраты многихъ людей и средствъ, было погублено безповоротно и погублено такъ невозможно безсмысленно.

Безсмысленность эта еще больше мучила.

Пусть бы весь мой замыселъ не удался по какой-нибудь другой причинѣ, пусть бы встало на моей дорогѣ что-либо особенное, какая-либо преграда неодолимая, особенный, непредвидѣнный случай, «судьба», пусть бы, наконецъ, дрогнула моя рука, спасовала, вѣрнѣе, запротестовала здоровая природа человѣческая передъ кровавымъ дѣломъ, все это было бы не такъ мучительно. А то встала на дорогѣ глупость, встала со всѣмъ своимъ безсмысліемъ и помѣшала совершенію, собственно говоря, акта большой важности, явилось препятствіемъ спасенію множества людей, которые были и послѣ очутились въ рукахъ Судейкина. Со смертью Судейкина вся налаженная имъ машина сыска естественно должна была разстроиться и разстроиться надолго. Онъ, повторяю, хотя и не былъ геніаленъ, и быть можетъ, не былъ особенно уменъ, это мое личное мнѣніе, но былъ практикъ, хорошо изучилъ сыскное дѣло и былъ хорошимъ организаторомъ сыска (по политическимъ дѣламъ, что легче уголовнаго сыска).

Недаромъ ему было сказано и повторено, что на него «надѣются».

Я освѣдомилась у Г. спасена ли квартира, о которой я говорила Л., но она ничего не знала о квартирѣ и сказала, что Грачевскій хочетъ меня видѣть, и что мнѣ приготовятъ бомбу.

У меня мелькнула надежда, что не все еще потеряно; даже при той обстановкѣ, при которой свиданіе происходило въ послѣдній разъ, бросить бомбу будетъ нетрудно. Больше будетъ жертвъ, такъ какъ вмѣстѣ съ Судейкинымъ могутъ поплатиться и его охранители, скрытые за ширмами.

Свиданіе съ Грачевскимъ было назначено на другой день въ полдень. На слѣдующій день я явилась въ лѣтній садъ, куда за мной должна была придти Г. Прохаживаясь по саду въ ожиданіи Г., я увидѣла моего проводника или, можетъ быть, одного изъ моихъ проводниковъ. Это былъ субъектъ небольшого роста, съ умною физіономіею и характерными острыми «рысьими» глазами. Онъ былъ дальнозоркъ и, очевидно, умѣлъ выслѣживать издали, и куда бы я не повернулась, вездѣ его рысьи глаза слѣдили за мной, чему нисколько не мѣшали рѣдкіе полуголые стволы деревьевъ сада. Г. безъ всякой осторожности подошла ко мнѣ, и намъ, вѣроятно, было бы трудно скрыться отъ сыщика, если бы на площади за садомъ былъ другой экипажъ, кромѣ извозчичьей кареты, въ которой пріѣхала Г. Но другого экипажа не было, и мы уѣхали благополучно.

Мы поѣхали на острова. Въ одномъ мѣстѣ, на Елагиномъ островѣ, Г. остановила карету, и къ намъ вошелъ молодой человѣкъ, какъ мнѣ показалось лѣтъ 27—28. Это былъ Грачевскій. И было ли это потому, что я ему обрадовалась, какъ родному, или онъ былъ таковъ на самомъ дѣлѣ, онъ показался мнѣ чрезвычайно симпатичнымъ. Я видѣла его въ первый разъ въ жизни, мы говорили съ нимъ всего часа два, но я долго, много лѣтъ не могла забыть его блѣдноватаго, худощаваго лица, его взгляда и мягкаго симпатичнаго голоса. Разговаривая съ Грачевскимъ, я также боялась, чтобы онъ не обратилъ вниманія на мое положеніе, но онъ, очевидно, ничего не замѣтилъ, такъ какъ мы говорили не выходя изъ кареты. Въ послѣдующіе годы, когда я думала о шлиссельбургскихъ заточникахъ, мнѣ смутно вспоминались лица болѣе знакомыхъ мнѣ людей, а Грачевскій и Фигнеръ всегда вставали передо мною, какъ живые. Спу-

стя 20 съ чѣмъ-то лѣтъ, когда я увидѣла портретъ покойнаго лейтенанта Шмидта, снятаго въ фуражкѣ, мнѣ вспомнился Грачевскій. Не могу сказать, были ли они схожи между собою, но въ выраженіи ихъ физіономій было что-то общее.

Въ то время, какъ мы ѣхали по дорожкамъ острововъ, я разсказала Грачевскому о моихъ свиданіяхъ съ Судейкинымъ и о послѣднемъ свиданіи.

— Вѣроятно, вы его больше не увидите,—сказалъ Грачевскій,—но, на всякій случай, мы доставимъ вамъ снарядъ.

Мы уговорились на счетъ формы бомбы. Она должна была имѣть плоскую форму, съ ушками, для того, чтобы ее можно было надѣть на лентѣ на шею и спрятать на груди, подъ накидкой. Затѣмъ Грачевскій передалъ мнѣ револьверъ на всякій случай, и мы условились о днѣ и часѣ свиданія, когда онъ долженъ былъ принести мнѣ бомбу.

Я также была того мнѣнія, что Судейкинъ не явится на свиданіе, и мы съ Ф. съ минуты на минуту ожидали ареста. Но до пятницы мы дотянули благополучно. Въ пятницу—это было въ первыхъ числахъ іюня—мы приготовились къ аресту, условились, какъ намъ поступить въ случаѣ того или другого исхода дѣла, и задолго до назначеннаго часа свиданія отправились на «Стрѣлку»—мѣсто свиданія. Заранѣе мы ушли для того, чтобы имѣть время маневрировать, въ случаѣ гонки шпіоновъ, и не привести никого къ Грачевскому.

Свиданіе назначено было въ три часа, но мы явились къ часу и стали ждать. Ждать было томительно. Несмотря на то, что эти часы на свободѣ, среди природы, были для насъ, какъ надо было думать, послѣдними часами свободы, а для меня, можетъ быть, и жизни, мнѣ мучительно хотѣлось, чтобы часы эти пробѣжали скорѣе. Наконецъ, уже три часа, а Грачевскаго нѣтъ, четверть, половина четвертаго, четыре—его нѣтъ. Ошибки во времени быть не могло, часы были хорошо провѣрены, и часы Грачевскаго, и мои поставлены одинаково, забыть часъ и мѣсто Грачевскій также не могъ, оставалось предположить, что онъ наканунѣ, или на пути на Стрѣлку арестованъ. Прождавъ еще нѣсколько минутъ, мы ушли [1]). Въ 5 часовъ я должна была явиться къ Судейкину.

Я шла къ Судейкину въ какомъ-то страшномъ душевномъ состояніи. Послѣ только что пережитыхъ волненій и тревоги по случаю несостоявшагося свиданія съ Грачевскимъ меня сразу охватило какое-то удивительное, странное спокойствіе, какого я ни раньше, ни послѣ въ моей жизни не испытывала. Я шла и думала, какъ я поступлю, когда увижу Судейкина. Со мной былъ револьверъ, Грачевскій сказалъ, что онъ пробиваетъ насквозь двухвершковую доску, я задавала себѣ вопросъ, пробьетъ ли онъ кольчугу? стѣнки кареты? Прилаженъ онъ былъ у меня подъ накидкой удобно, и я чувствовала, что рука у меня не дрогнетъ. Наканунѣ я его разряжала и пробовала, какъ ходитъ курокъ.

Карета стояла на обычномъ мѣстѣ, но Судейкина, конечно, въ

[1]) Грачевскій не былъ арестованъ; въ тотъ же день, когда назначено было свиданіе, онъ просто ждалъ меня *на дорогѣ* на Стрѣлку. Динамитный снарядъ, который приготовленъ былъ для меня, „имѣющій плоскую форму, приспособленный для ношенія на груди",—такъ сказано было въ обвинительномъ актѣ въ процессѣ 17-ти,—взятъ на конспиративной квартирѣ.

каретѣ не было. Не было его и въ комнатѣ свиданій. Ко мнѣ вышелъ рыжій субъектъ и сказалъ, что Георгій Порфирьичъ проситъ, чтобы я передала ему, т. е. «субъекту» то, что я имѣю передать Георгію Порфирьичу.

Я сказала, что то, что мнѣ нужно передать Георгію Порфирьичу, я могу передать только ему лично. Рыжій субъектъ проводилъ меня до двери, гдѣ стоялъ жандармъ. Въ сопровожденіи жандарма я спустилась внизъ, но потомъ сама не понимаю зачѣмъ стала подниматься опять наверхъ, по лѣстницѣ, и вошла въ комнату. Навстрѣчу мнѣ вышелъ снова тотъ же рыжій субъектъ, но вышелъ изъ-за ширмы въ первой комнатѣ, и мнѣ показалось, что за ширмой есть еще кто-то. Рыжій загородилъ мнѣ дорогу и спросилъ, что я забыла? Я что-то сказала, прошла въ слѣдующую комнату, потомъ вышла. Появился жандармъ, который провожалъ меня, и я ушла. Жандармъ проводилъ меня до кареты, карета довезла до пункта обычной стоянки, гдѣ я выходила, и на этомъ моя попытка спасенія Россіи отъ Судейкина окончилась.

На зарѣ слѣдующаго дня насъ съ Ф. арестовали.

Когда къ намъ постучались, мы уже знали, кто и зачѣмъ. Я сказала изъ-за двери, что я не одѣта, мнѣ любезно позволили одѣться. Полиція была удивительно любезна въ тѣ блаженныя времена, не то, что въ переживаемое нами «конституціонное» время, когда полицейскіе чины находятъ, что женщины всѣхъ возрастовъ и сословій могутъ стоять раздѣтыми передъ цѣлою ротою вломившихся въ квартиру солдатъ, нижнихъ и высшихъ чиновъ полиціи. За вѣжливость я отплатила услугой. Ф. сгоряча ухватился за револьверъ, но я отняла револьверъ у него изъ рукъ. Стрѣльба въ какого-то полицейскаго пристава была безполезна и безсмысленна.

Насъ отвезли прямо въ Домъ Предварительнаго Заключенія.

Сейчасъ послѣ ареста меня охватила спячка почти безъ просыпу дни и ночи, а потомъ я заболѣла. Я заболѣла, т. е. наступили роды. Это случилось дня черезъ три или пять послѣ ареста. Не помню точно числа, мнѣ мерещатся числа 7 или 10, и это, вѣроятно, день родовъ, 7-го и крещеніе ребенка—10 іюня.

Душевное мое состояніе въ первое время послѣ ареста было странное и, собственно говоря, страшное. Я была вся потрясена пережитымъ, неудачею дѣла, которое мнѣ стоило столько мученій, гибелью людей. Хотя я все-таки не знала достовѣрно, кто арестованъ, и была увѣрена, что люди съ конспиративной квартиры на свободѣ. Наступившія родовыя страданія, продолжавшіяся часовъ 15, были для меня не страданіемъ, а чѣмъ-то желаннымъ, я радовалась имъ, такъ какъ это оживляло меня, выводило изъ того невозможнаго душевнаго состоянія, въ которомъ я находилась. И я могу съ увѣренностью сказать, если бы не было этого отвлеченія, этихъ физическихъ болей—я врядъ ли выдержала бы душевныя страданія, я или покончила бы съ собой, или лишилась разсудка. Спасли меня эти боли, и спасло потомъ дитя.

Послѣ родовъ я оправилась не скоро физически, а для того, чтобы улеглось все пережитое нравственно, нужны были цѣлые годы.

Послѣ болѣзни я еще разъ увидѣлась съ Судейкинымъ, тоже въ

жандармскомъ управленіи, въ его «кабинетѣ», куда меня вызвали для допроса.

Допрашивалъ упомянутый выше рыжій субъектъ, допросъ былъ только для формы, о званіи, вѣроисповѣданіи и о принадлежности къ партіи «Народной Воли». На послѣдній вопросъ я, думая, что меня будутъ судить, отвѣтила утвердительно.

Послѣ допроса вошелъ Судейкинъ. Онъ былъ серьезенъ, не улыбался и не пытался проникнуть въ душу своими стальными глазами.

— Ну-съ, какъ же мы будемъ съ вами теперь говорить?—спросилъ онъ.

Я отвѣчала, что теперь мы будемъ говорить каждый своимъ языкомъ, оставаясь въ своей собственной шкурѣ, онъ — жандармъ, а я— арестантка.

Онъ все-таки нашелъ нужнымъ порисоваться, сказать мнѣ комплиментъ насчетъ моей выдержки въ свиданіяхъ съ нимъ, и пожурилъ за то, что я наказала себя на два года ссылки.

— Зачѣмъ вы записали въ показаніяхъ, что принадлежите къ партіи «Народной Воли»?—спросилъ онъ.—Если бы вы сказали, что принадлежите къ народникамъ, мы послали бы васъ года на три въ Западную Сибирь, а теперь ушлютъ въ Восточную на пять лѣтъ, и, быть можетъ, въ Якутку.

Я удивилась. Я думала, что меня будутъ судить.

— Нѣтъ, зачѣмъ васъ судить,—сказалъ Судейкинъ. — Вѣдь вы покушенія даже не сдѣлали. А о нашемъ знакомствѣ съ вами лучше всего не упоминать. Это и для васъ и для меня лучше. Для васъ потому, что кромѣ васъ пострадаютъ причастныя дѣлу другія лица, Ф., напримѣръ, а имъ и безъ того придется засѣсть въ централку, а мнѣ это невыгодно, *какъ Судейкину* [1]).

— Но, все-таки, я зла не помню,—сказалъ Судейкинъ,—и могу вамъ дать свиданіе съ Ф., потому что вамъ послѣ долго нельзя будетъ съ нимъ увидѣться, такъ какъ его на-дняхъ отвезутъ въ Петропавловскую крѣпость.

Онъ велѣлъ привести Ф., который былъ тамъ же въ одной изъ треугольныхъ камеръ, и когда Ф. пришелъ, онъ удалился.

Это было великодушіе побѣдителя, если не считать, что на насъ, быть можетъ, смотрѣли и слушали насъ скрытые въ завѣшанныхъ шка-

---

[1]) Во время допроса Ф—на Судейкинъ говорилъ ему о томъ, что „самое лучшее" не давать показаній о моихъ свиданіяхъ съ Судейкинымъ, и это потому, что разоблаченіе этого дѣла будетъ *невыгодно* для меня.

— Ваша участь, все равно, не измѣнится,—говорилъ Судейкинъ Ф—ну, а П. Я. можетъ сильно пострадать, если выяснится ея роль въ этомъ дѣлѣ, если же не будетъ раскрыто наше знакомство съ нею—она отдѣлается только ссылкою.

Объ этомъ разговорѣ Судейкина съ Ф. я узнала только недавно, послѣ недавно бывшаго свиданія съ А. Ф., и это для меня служитъ новымъ доказательствомъ того, что Судейкинъ *боялся* открыть нашу игру съ нимъ, сознавая, что онъ дѣйствительно былъ одураченъ, и въ то же время онъ не выяснилъ себѣ моей настоящей роли и причастности къ динамитной квартирѣ.—А также и *не зналъ* о моей встрѣчѣ съ Грачевскимъ. — Онъ, вѣроятно, связывалъ меня лишь съ Златопольскимъ, считая, что Златопольскій имѣлъ въ виду устроить, при моемъ посредствѣ, покушеніе на него и, что съ арестомъ Златопольскаго я оказалась предоставленною собственнымъ своимъ силамъ, потерявъ всякую связь съ партіей.

пахъ глаза и уши. И съ этимъ послѣднимъ свиданіемъ закончилось наше съ Судейкинымъ интересное знакомство.

Во время этого послѣдняго свиданія, Судейкинъ сдѣлалъ, собственно говоря, еще одинъ крупный промахъ именно тѣмъ, что такъ стыдился открыть о нашемъ знакомствѣ, не попробовалъ, хотя бы для себя, выяснить мою роль, поговоривъ нѣсколько лишнихъ минутъ со мною.

Я была въ то время въ страшно взвинченномъ, болѣзненномъ душевномъ состояніи послѣ пережитыхъ потрясеній и болѣзни, почти не въ силахъ была владѣть собою и, еслибъ онъ понялъ мое состояніе и воспользовался этимъ,—онъ получилъ бы очень многое.

Онъ говорилъ мнѣ комплименты, на правахъ «земляка» и бывшаго «сотрудника», сказалъ, что партія теряетъ во мнѣ «цѣннаго работника», но не зналъ, что онъ самъ теряетъ въ эту минуту, благодаря своей непроницательности. Онъ терялъ, по крайней мѣрѣ, генеральскій чинъ и милости свыше, которыхъ онъ такъ ждалъ и жаждалъ, терялъ то, что нужно ему было для пріобрѣтенія «вліянія», что было завѣтною мечтою его. Передъ нимъ былъ кладъ, была возможность получить желаемое, и это было въ моихъ рукахъ, надо было только сумѣть воспользоваться.

Я сидѣла передъ нимъ, слушала его комплименты, а во мнѣ все дрожало отъ злости и отъ боли душевной, и я готова была безъ всякой сдержанности кинуться на него. Я помню, что я готова была наговорить ему оскорбительныхъ словъ, сказать, чтобъ онъ поставилъ Богу свѣчку за здоровье Луговскаго, что еслибъ не Луговскій, то онъ не краснобайствовалъ бы тутъ, передо мною, что бомба, которая теперь въ его рукахъ, была назначена ему и т. д. Я была увѣрена, что Грачевскій арестованъ съ бомбой, и помимо того, что я была въ такомъ нервозномъ состояніи, мнѣ хотѣлось выяснить свою причастность къ этой бомбѣ, чтобъ раздѣлить съ Грачевскимъ отвѣтственность, которую онъ, безъ моего признанія, долженъ былъ нести одинъ. Я готова была все это высказать, это было для меня болѣзненною потребностью въ ту минуту, и ему стоило только немножко нажать на мои нервы, чтобы получить то, чего онъ такъ горячо желалъ—заговоръ противъ него, заговоръ огромный, громкое дѣло, съ бомбой и т. д.

Передъ нимъ открылся бы цѣлый кладъ. Извѣстность, слава, милости и... «вліяніе».

Но онъ не сумѣлъ взять этотъ кладъ, не сумѣлъ разобраться въ имѣющихся въ его рукахъ данныхъ и немножко глубже заглянуть въ душу сидѣвшей передъ нимъ «простушки», молоденькой, развинченной душевно женщины.

Онъ не былъ проницателенъ, этотъ спасатель отечества, не былъ психологомъ, онъ былъ только *сыщикъ*, ищейка, умѣлъ хорошо шнырять по слѣдамъ, но не читать въ душѣ человѣческой.

Вмѣсто того, чтобы надавить на мои нервы и выжать изъ меня что-либо, онъ рисовался, хотѣлъ показать себя великодушнымъ и... скрыть свой промахъ, свое знакомство со мною, игру въ дурачки.

Собственно говоря, въ этомъ дѣлѣ съ Судейкинымъ было два очень важныхъ момента, важныхъ по своимъ послѣдствіямъ. Это, во-первыхъ, вмѣшательство въ дѣло Луговскаго, который своимъ необъяснимымъ здравому уму поступкомъ, доносомъ на меня Судейкину, бро-

силъ камень, если можно такъ выразиться, на дорогу революціоннаго движенія того времени, сохранивъ отъ опасности жизнь врага освободительной борьбы и оказавъ, косвенно, содѣйствіе разгрому петербургской группы партіи «Народной Воли». И, во-вторыхъ, тотъ моментъ въ послѣднемъ моемъ свиданіи съ Судейкинымъ, когда онъ оказался такимъ недальновиднымъ, не воспользовался моимъ болѣзненнымъ состояніемъ и не только не заставилъ меня высказаться, но самъ помѣшалъ мнѣ въ этомъ, помѣшалъ сдѣлать признаніе о заговорѣ противъ него и тѣмъ поставилъ препятствіе своему возвышенію и достиженію желаннаго вліянія на дѣла управленія и судьбы Россіи.

Время послѣ допроса потянулось медленно, мучительно; душевное состояніе было невозможное. Я находилась, собственно говоря, въ лучшихъ условіяхъ, нежели другіе заключенные, потому что камеру мнѣ дали большую, свѣтлую, въ которой передо мною помѣщалось нѣсколько человѣкъ уголовныхъ женщинъ. Я была не одна, у меня было дитя и сидѣлка, нянька для ребенка изъ уголовныхъ, потому что я была еще очень слаба. Но я не знала, кто арестованъ, что сталось съ упомянутою конспиративною квартирою, мнѣ представлялись цѣлые ужасы, воображалось гораздо больше того, что было на самомъ дѣлѣ — какъ я послѣ узнала. Мнѣ являлись тѣни людей, которыхъ я и не знала вовсе, людей, заключенныхъ въ казематахъ, умершихъ. Камера моя была та самая, въ которой болѣла и умерла Гельфманъ, мнѣ мерещилось лицо умирающей,—а я даже карточки ея не видѣла никогда,—меня мучила мысль о ея несчастномъ ребенкѣ, который находился гдѣ-то въ воспитательномъ домѣ, какъ мнѣ сказали въ тюрьмѣ. Камера моя находилась почти надъ самыми воротами, и по ночамъ часто я вскакивала, разбуженная грохотомъ кареты, знакомымъ мнѣ мягкимъ громыханіемъ, съ какимъ вкатывалась подъ своды воротъ карета съ арестованными. Колеса катили по мощеному двору тюрьмы, копыта лошадей стучали о камни, и этотъ грохотъ и стукъ больно билъ по нервамъ. Я прислушивалась, слышала, какъ отворялась и затворялась за вновь прибывшими калитка внутреннихъ воротъ, какъ уѣзжала пустая карета.

— Еще жертва! мучительно пробѣгало у меня въ мозгу. Новая жертва! Быть можетъ, не было бы ея, если бы не было того паука съ его тенетами. И сколько будетъ еще ихъ, этихъ жертвъ?...

Въ одно время я оживилась. У меня явилась мысль бѣжать, составился планъ побѣга. Планъ былъ фантастичный, но это меня заняло на время, я ожила.

Выходящія на улицу стѣны Предварительной тюрьмы, какъ извѣстно всѣмъ, побывавшимъ въ ней, не есть, собственно, стѣны камеръ, клѣтокъ, въ которыхъ находятся заключенные, а представляютъ какъ бы футляръ, въ которомъ находится, собственно, тюрьма, огромный, пятиэтажный сундукъ, раздѣленный на мелкія и большія клѣтки. Между наружной стѣной и стѣной камеръ есть, снизу до верху, извѣстное разстояніе—кажется аршина въ два,—но на поворотахъ лѣстницъ, ведущихъ въ коридоры, вдоль которыхъ расположены камеры, на этихъ поворотахъ, къ наружной стѣнѣ, есть площадки, выступы, которые сопри-

касаются съ наружною стѣною. Не помню хорошенько, какъ собственно устроены лѣстницы и какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соединяются наружныя стѣны съ внутренними, знаю только, что недалеко отъ моей камеры была такая площадка, по которой можно было добраться къ высокому наружному окну, въ которомъ тогда почему-то не было рѣшетки. Въ окнѣ были обыкновенныя стекла, а не рубчатыя, какъ въ окнахъ камеръ, изъ окна было видно небо голубое, Нева, работающіе на рѣкѣ люди, я, идя на прогулку мимо окна, засматривалась на представлявшуюся мнѣ картину, меня потянуло на волю, а въ мозгу упорно зашевелилась мысль все о томъ же, о расправѣ съ Судейкинымъ. Составился планъ бѣгства. Планъ фантастическій отчасти, но не неисполнимый.

Снаружи, возлѣ тюрьмы не было часовыхъ. Я знала объ этомъ, стоило только въ темную ночь спуститься изъ этого окна, безъ рѣшетки уйти было не трудно. Для того, чтобы добраться до окна, нужно было выйти изъ камеры. Но это также было не трудно, потому что дверь была рѣшетчатая, языкъ замка двигался довольно легко, при помощи коекакихъ махинацій снаружи и изнутри можно было отодвинуть языкъ. Я сдѣлала пробу, вышло хорошо, только не могла запереть обратно и надзирательница пришла въ ужасъ, когда увидѣла, что она, какъ думала, оставила дверь не запертою. Для того, чтобы дежурная надзирательница не явилась на возможный небольшой шумъ, надо было связать надзирательницу. Я намѣтила которую, противную, длинную особу съ лошадиною челюстью и противными, вездѣ шныряющими зелеными глазами. Это была самая противная изо всѣхъ надзирательницъ тюрьмы, между которыми были очень симпатичные люди. Одной продѣлать все это все-таки было невозможно, невозможно именно потому, что предстояла борьба съ надзирательницей и спускъ ребенка, который, конечно, не долженъ былъ оставаться въ тюрьмѣ. Я уговорилась со своею сидѣлкою. Сидѣлка моя, очень некрасивая, рябая, курносая, но очень добрая, симпатичная и сильная, какъ дѣвушка, по прозванію «Телятина», сидѣла за кражу, ей грозилъ довольно суровый приговоръ, и она съ радостью ухватилась за мысль о побѣгѣ. Притомъ она была дитя деревни, природы, ее тянуло на волю, и она находила, что для удовольствія выбраться изъ тюрьмы, стоило рискнуть.

Выбравшись на волю, я рѣшила пѣшкомъ уйти изъ Петербурга, какъ-либо добраться на югъ, въ Малороссію, гдѣ у меня была подруга, которая взяла бы охотно мое дитя, сдать ребенка и самой, отдохнувъ, возвратиться въ Петербургъ и изыскать средство окончить свое неудавшееся предпріятіе.

Все это было, повторяю, очень трудно, но не неисполнимо, и эта мысль о побѣгѣ захватила меня всю, оживила на время измученную душу. Я начала приготовляться. У меня было, между прочимъ, двѣ хорошо запрятанныхъ, не найденныхъ при обыскѣ рублевыхъ бумажки, и это было для меня очень важно на первыхъ шагахъ, на волѣ. Мы съ «Телятиною» разсчитали бѣжать въ ночь дежурства упомянутой надзирательницы и ждали наступленія этой ночи. «Телятина» нашла необходимымъ предупредить товарокъ, уголовныхъ въ нижней камерѣ, чтобы онѣ не подняли тревоги, если услышатъ возню въ нашей камерѣ, и этимъ наше дѣло было провалено. Всѣ 8 или 9 человѣкъ уголовныхъ дали обѣщанія

«спать крѣпко», но между ними была шпіонка, бывшая содержательница «веселаго дома», и она довела до свѣдѣнія начальства. Сейчасъ же «Телятину» отъ меня забрали, дали мнѣ тихую, толстую бабу чухонку, а дня черезъ два утромъ меня разбудилъ ужасный стукъ въ коридорѣ, гдѣ долбили каменную стѣну, чтобы вставить рѣшетку.

Этотъ стукъ продолжался что-то долго, дня три-четыре, и по цѣлымъ днямъ страшно мучилъ меня, и въ концѣ концовъ я заболѣла. Болѣзнь мою тюремный докторъ назвалъ «легкимъ тифомъ», но это былъ не тифъ, а что-то другое, связанное съ душевнымъ разстройствомъ. Болѣзнь была дѣйствительно «легкая», но мучительная, продолжалась недѣли три, выздоровленіе также тянулось медленно и было не полное, потому что мучительное душевное состояніе не прошло. Начались галлюцинаціи, я начала немного «спотыкаться на словахъ», по выраженію одной надзирательницы, симпатичной, доброй старушки Анны Ивановны [1]). Эта Анна Ивановна принялась за меня. Стала требовать, чтобы я подтянулась, указывала мнѣ на дитя, ради котораго я должна была «подтянуться».

Миръ ей на томъ свѣтѣ, доброй душѣ, она много сдѣлала для меня своимъ человѣческимъ отношеніемъ, помогла мнѣ совладать съ собою. Я начала утомлять себя физически, попросила, чтобы отъ меня взяли сидѣлку, стала мыть камеру, сама возиться съ ребенкомъ, принялась за гимнастику. Зимою, во время прогулки, которая нѣкоторое время давалась мнѣ на нѣсколько минутъ болѣе, нежели всѣмъ остальнымъ заключеннымъ, въ виду моего болѣзненнаго состоянія, я потѣшала надзирательницу тѣмъ, что счищала снѣгъ съ дворика, возводила изъ снѣга монументы. «Чудачила», по выраженію надзирательницы, которая, спасибо, мнѣ выхлопотала тяжелую лопату.

Кромѣ того, Анна Ивановна помогала мнѣ немного матеріально, приносила мнѣ работу «съ воли», вышивку, а на вырученныя деньги покупала мнѣ кое-что необходимое изъ пищи. Это было очень важно для меня, потому что ко мнѣ на свиданія никто не приходилъ и помогать мнѣ было некому.

Послѣ, къ концу заключенія, мнѣ стали посылать кое-что изъ Женевы, но первую половину года мнѣ съ ребенкомъ было довольно трудно.

Весною 83 года въ маѣ я пошла въ ссылку. Въ дорогѣ меня ждали новыя испытанія.—Кандалы, въ которые были закованы люди, боровшіеся за свободу и благо родины. Лица мучениковъ, ихъ свѣтящіяся чистымъ, святымъ чувствомъ юныя физіономіи энтузіастовъ и каторжные кандалы на ногахъ! Это мучило меня до нельзя. Сцена прощанія со старухой-матерью одного изъ товарищей, а потомъ бурный припадокъ его помѣшательства. Больной чахоткой, кроткій Тонышевъ, солдатикъ по Нечаевскому дѣлу, больной чахоткой же и падающій въ обмороки Р., исхудалыя лица, глаза, въ которыхъ то и дѣло свѣтилась тоска, боль душевная и ко всему этому лязгъ цѣпей, тотъ ужасный лязгъ, который не забывается до могилы тѣми, кто разъ слышалъ его.

---

[1]) Она теперь, конечно, не существуетъ на свѣтѣ, потому что ей въ то время было 60 лѣтъ, и я спокойно могу назвать ея имя.

Не все тосковали, конечно,—шутили, смѣялись, пѣли, но какія это были пѣсни!... Подъ лязгъ кандаловъ....

Въ Томскѣ заболѣло и умерло мое дитя...

Черезъ недѣлю послѣ смерти ребенка меня отправили съ группой 9—10 человѣкъ политическихъ и партіей въ 400—500 уголовныхъ «семейныхъ».—Женщинъ отправляли съ семейными уголовными.

Первое время отъ Томска я много шла пѣшкомъ, чтобы утомиться. Это было хорошо. Идешь до изнеможенія, на этапѣ сваливаешься, какъ бревно, спишь безъ сновидѣній, а на разсвѣтѣ поднимаютъ въ дорогу. Двигаешься, какъ во снѣ, тѣло все разбитое, но нервы молчатъ.

Большое развлеченіе достовляла мнѣ возня съ больными уголовными. Больныхъ было много. Солнечные удары, желудочныя заболѣванія, тифъ... Особенно болѣли дѣти. Больныхъ везли на тряскихъ телѣгахъ, не защищенныхъ отъ солнца и непогоды, страдали они страшно: рады были малѣйшей помощи. А мнѣ, измученной, доставляло отраду помогать.

Приближаясь къ Ачинску, я сама заболѣла и осталась въ Ачинскѣ на недѣлю въ тюремной больницѣ.

Поселили меня верстахъ въ 60 отъ Красноярска, въ селѣ, гдѣ я провела все время ссылки, до весны 88-го года.

Въ ссылкѣ я не была нормальною душевно. Не была «помѣшанною», сумасшедшею, но была, именно, потрясенною, жила съ развинтившимися винтиками въ головѣ», какъ говорили знавшіе меня люди.

Долго я была съ развинтившимися винтиками, и по возвращеніи изъ ссылки только нѣсколько лѣтъ спустя «винтики» стали на мѣсто послѣ новой сильной нравственной встряски, когда я вынуждена была порвать семейныя «узы» и приняться за усиленную, сверхъ-сильную работу для воспитанія своихъ дѣтей.

Винтики стали на мѣсто, я пришла въ себя, но боль душевная не утихла совершенно и не утихнетъ, вѣроятно, до могилы. И, вотъ, когда я пишу эти строки, эти воспоминанія о пережитомъ, я переживаю почти такъ же остро то, что переживалось въ то, давно прошедшее время, и въ настоящую минуту я чувствую себя такъ же разбитою нравственно, какъ будто все это я пережила не 23 года тому назадъ, а вчера только.

Особенно острая боль охватила меня, когда я узнала точно время ареста Фигнеръ, время Дегаевскаго дѣла. Я пришла въ ужасъ. Вѣдь всего этого могло не быть, все это могло быть предотвращено!..

Не было бы столькихъ жертвъ, не было бы страдалицы-затворницы, пробывшей чуть не четверть вѣка въ могилѣ.

О—я.

Отрывки изъ воспоминаній 1872—1873 гг.

1.

Въ точности не припомню: въ концѣ ли 1871 г. или въ началѣ 1872 г., въ студенческую кухмистерскую (въ Одессѣ) какъ-то разъ вошло новое лицо, обратившее на себя всеобщее вниманіе всѣмъ своимъ оригинальнымъ обликомъ, рѣзко обличавшимъ въ немъ заправскаго украинца.

Получивъ при входѣ указаніе о моей личности, лицо это направилось прямо ко мнѣ и назвало себя *Волховскимъ, Феликсомъ Вадимовичемъ.*

Передо мною стоялъ совершенно сѣдой человѣкъ, но съ чертами лица далеко не стараго. Съ первыхъ же словъ я инстинктивно почувствовалъ, что судьба сталкиваетъ меня съ далеко недюжиннымъ человѣкомъ, умѣющимъ подчинять себѣ окружающихъ и знающимъ цѣну себѣ и другимъ.

Нечаевскій процессъ еще свѣжъ былъ въ моей памяти, такъ какъ я весьма основательно проштудировалъ его,—и я тотчасъ же вспомнилъ, что въ 1-й группѣ по этому процессу фигурировалъ на судѣ въ числѣ подсудимыхъ «приказчикъ» магазина Черкесова—Волховскій, которому прокуроръ приписывалъ серіозную роль въ организаціи, и который, вслѣдствіе удачно сложившихся для него обстоятельствъ, былъ по суду оправданъ. Припомнилось мнѣ также, что именно это лицо я встрѣтилъ зимою 1868—69 гг. на одной или двухъ изъ многочисленныхъ и многолюдныхъ сходокъ студентовъ,—«радикаловъ»,—что на сходкахъ лицо это выступало ораторомъ, произведшимъ на меня впечатлѣніе своимъ самостоятельнымъ отношеніемъ къ обсуждавшимся на нихъ вопросамъ и оригинальной, умѣлой и толковой защитой своихъ аргументовъ, что выгодно отличало его отъ многихъ другихъ.

Мы разговорились.—Волховскій подтвердилъ, что онъ, дѣйствительно, фигурировалъ въ нечаевскомъ процессѣ, хотя онъ совершенно не раздѣлялъ и не раздѣляетъ ни тактики, ни программы Нечаева, что, во время «студенческой исторіи» 1869 года, онъ, какъ вольнослушатель московскаго университета, пріѣзжалъ, дѣйствительно, въ Петербургъ делегатомъ и участвовалъ тамъ на нѣкоторыхъ сходкахъ «радикальнаго» студенчества. Продолжительное одиночное заключеніе

въ Петропавловской крѣпости по нечаевскому дѣлу [1]) сильно отразилось на всемъ его организмѣ. Несмотря на свой (еще не полный) 30 лѣтній возрастъ, онъ въ крѣпости посѣдѣлъ, совершенно разстроилъ тамъ свою нервную систему, нажилъ тяжелый катаръ желудка, наполовину оглохъ и т. д. Если бы не безпримѣрный уходъ нѣжно любившей его матери, онъ врядъ ли вышелъ бы живымъ изъ крѣпости. Когда его оправдали, онъ вынужденъ былъ уѣхать на югъ—въ Крымъ полечиться, пробылъ тамъ нѣкоторое время и теперь, значительно поправивъ свое здоровье, онъ пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ онъ намѣренъ поселиться, пріискавъ себѣ какія-либо занятія. А такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ общественный, интересуется общественной жизнью и желаетъ познакомиться съ мѣстной молодежью и мѣстными интеллигентами группами, то онъ и рѣшилъ познакомиться со мною: отъ общихъ знакомыхъ ему пришлось слышать обо мнѣ, и онъ думаетъ, что между нами должно быть много точекъ соприкосновенія, въ силу которыхъ намъ возможно будетъ совмѣстно работать на поприщѣ прогрессивно-практической дѣятельности.

Надо сказать, что въ Петербургѣ въ то время формировался уже около кандитата естественныхъ наукъ Чайковскаго кружокъ, члены котораго впослѣдствіи извѣстны были подъ общимъ именемъ «чайковцевъ». На первыхъ порахъ кружокъ этотъ удѣлялъ значительную часть своихъ средствъ, своего труда и своего времени на распространеніе собственно легальныхъ изданій—книгъ, будящихъ мысль и направляющихъ ее на серіозный соціально-экономическій путь: онъ пріобрѣталъ цѣлыми изданіями или значительными партіями сочиненія Добролюбова, Лассаля (1-й томъ), Маркса (1-й томъ «Капитала») и др. и распространялъ ихъ при содѣйствіи разныхъ агентовъ по провинціи. Рядомъ съ этимъ распространялись сочиненія Чернышевскаго (въ заграничномъ изданіи), Герцена, Бакунина и др. Этотъ же кружокъ издавалъ и распространялъ нѣкоторыя книжки, составленныя по его иниціативѣ спеціально для народа—въ родѣ: «Дѣдушка Егоръ», «Митюха», «Исторія французскаго крестьянина», «О мученикѣ Николаѣ» и др.—Такъ какъ въ числѣ иниціаторовъ этого кружка былъ Маркъ Натансонъ, который былъ знакомъ со мною еще въ медицинской Академіи, то по его просьбѣ я явился однимъ изъ агентовъ по этой части въ Одессѣ, что было извѣстно Волховскому, выразившему желаніе активно участвовать въ этомъ дѣлѣ.

На другой же день я посѣтилъ Волховскаго на его скромной, очень бѣдно обставленной квартирѣ, помѣщавшейся, кажется, на Большой Арнаутской улицѣ.—Не скрою, что съ перваго же посѣщенія я очарованъ былъ этимъ крупнымъ и выдающимся человѣкомъ, производившимъ впечатлѣніе глубоко убѣжденнаго и беззавѣтнаго революціонера, совершенно порвавшаго съ „ветхимъ человѣкомъ“ и со старымъ міромъ,—міромъ буржуазной эксплуатаціи и бюрократически-самодержавнаго насилія—и предоставившаго всѣ свои силы, весь свой

[1]) Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ не первый арестъ Волховскаго. За годъ или два передъ этимъ онъ привлекался вмѣстѣ съ Г. А. Лопатинымъ и нѣкоторыми другими еще по дѣлу просвѣтительнаго общества „Копѣйка“ и уже тогда высидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ за рѣшеткой.

умъ и всѣ свои выдающіяся способности борьбѣ за міръ новый—*грядущій*, еле намѣчающійся еще въ самыхъ общихъ довольно неопредѣленныхъ очертаніяхъ...

Съ перваго же знакомства къ Волховскому привлекала оригинальность его блестящаго ума и отсутствіе всякой шаблонности, всякихъ банальныхъ и громкихъ фразъ. Игривое остроуміе, тонкій юморъ, мастерская, можно сказать, артистическая передача чужихъ манеръ, выраженій, жестовъ, тона, нѣжное почти любовное отношеніе къ друзьямъ и товарищамъ, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которые пострадали за свои убѣжденія и удостоились терноваго вѣнца,—всѣ эти рѣдкія и цѣнныя качества были отличительной чертой Феликса Вадимовича, весьма выгодно выдѣлявшей его изъ среды окружающихъ его лицъ.

Волховскій былъ женатъ. По окончаніи нечаевскаго процесса онъ женился на Маріѣ Осиповнѣ Антоновой, игравшей видную роль въ московскихъ студенческихъ кружкахъ во второй половинѣ 1860-хъ годовъ.—Какъ и Феликсъ Вадимовичъ, она привлечена была къ нечаевскому дѣлу, но послѣ трехъ или четырехъ-мѣсячнаго заключенія при одномъ изъ московскихъ полицейскихъ участковъ, она освобождена была совершенно и отъ суда, и отъ слѣдствія. Однако, и этого, сравнительно, непродолжительнаго заключенія въ отвратительномъ сыромъ помѣщеніи было совершенно достаточно для того, чтобы нажить серіознѣйшій ревматизмъ или порокъ сердца, отъ котораго она спустя нѣсколько лѣтъ скончалась за границей... Полечившись вмѣстѣ съ Волховскимъ нѣкоторое время въ Крыму, она немного поправила свое здоровье, но ногами почти не владѣла и была прикована къ комнатѣ, которую рѣдко оставляла.—Ея выдающійся умъ, твердый и рѣшительный характеръ, ясное и опредѣленное міросозерцаніе сразу бросались въ глаза. Въ Феликсѣ Вадимычѣ и Маріѣ Осиповнѣ я въ самое короткое время пріобрѣлъ двухъ надежныхъ друзей...

Волховскому предстояло во что бы то ни стало «устроиться».—Это необходимо было прежде всего потому, что надо было *существовать*, а средствъ никакихъ ни у него, ни у жены его не было, и онъ былъ слишкомъ щекотливъ и щепетиленъ, чтобы прибѣгать къ матеріальной помощи другихъ для себя лично. А между тѣмъ, какъ люди съ сильно подорваннымъ здоровьемъ, Волховскіе нуждались и въ сносной обстановкѣ, и въ здоровой питательной пищѣ, а зачастую—и во врачебной помощи.—Помимо этого, для Волховскаго, какъ для человѣка «отмѣченнаго», бывшаго «нечаевца», хотя и «оправданнаго», очень важенъ былъ «опредѣленный родъ занятій», чтобы не быть постоянно «на чеку» у «недреманнаго ока», бдительность котораго только и могла бы въ слабой степени быть парализованной «служебнымъ положеніемъ».—Въ этомъ отношеніи для Ф. В. оказался весьма полезнымъ тогдашній одесскій городской голова Н. А. Новосельскій, къ которому у Волховскаго были рекомендательныя письма...

Н. А. Новосельскій былъ, безспорно, однимъ изъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ городскихъ головъ Одессы,—человѣкъ безъ обычныхъ шаблоновъ, съ солидными практическими знаніями и ши-

рокимъ кругозоромъ. Онъ хорошо знакомъ былъ съ городскимъ самоуправленіемъ за границей и гордился званіемъ «лордъ-мера» третьяго русскаго города—«маленькаго Парижа». Къ сожалѣнію, въ немъ преобладала жилка прожектора и безбрежный розмахъ «широкой русской натуры». Онъ умѣлъ самъ работать и умѣлъ находить способность эту и въ другихъ. Съ первой же встрѣчи онъ оцѣнилъ Волховскаго и понялъ, что онъ можетъ пріобрѣсть въ немъ серіознаго и полезнаго сотрудника. Сначала онъ предложилъ ему временную у себя работу,—приведеніе въ порядокъ его обширной и чрезвычайно цѣнной библіотеки. Но вскорѣ нѣсколько остроумно-ѣдкихъ и дѣловитыхъ фельетоновъ, появившихся въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» (подъ редакціей Серебряникова) и посвященныхъ думскимъ засѣданіямъ, показали Новоселькому, что Волховскій можетъ быть весьма полезенъ для серіозной разработки многихъ вопросовъ муниципальной жизни, всецѣло поглощавшей тогда вниманіе Новосельскаго, мечтавшаго о покрытіи Одессы мостовыми и тротуарами, объ устройствѣ водопровода и канализаціи, о введеніи газового освѣщенія и т. п.,—и Волховскій назначенъ былъ частнымъ секретаремъ при одесскомъ городскомъ головѣ.

Волховскій вздохнулъ свободнѣе. У него немного развязались руки. Теперь онъ могъ отдаться болѣе спокойно широкой общественной дѣятельности, къ которой онъ такъ стремился. Создалась и болѣе благопріятная внѣшняя обстановка для этого.

Мы почти ежедневно видѣлись, расширяли наши общія знакомства, какъ въ средѣ студенчества, такъ и въ другихъ интеллигентныхъ кругахъ; съ каждымъ днемъ мы все болѣе и болѣе сближались на общей работѣ.

2.

Пророчество Желябова сбылось. «Богишичевская исторія» сослужила, дѣйствительно, службу «крещенія» новороссійскому студенчеству. Оно стало болѣе компактнымъ, болѣе корпоративнымъ. Въ этомъ отношеніи лучшимъ показателемъ могла служить студенческая кухмистерская, контингентъ посѣтителей которой постоянно росъ и ширился.

Къ сожалѣнію, сфера интересовъ студенчества была еще очень тѣсна и узка,—здѣсь почти не выходили за предѣлы чисто-студенческихъ дѣлъ. Большинство одесскихъ студентовъ относилось почти совершенно индифферентно къ окружающей политической и общественной розни. Въ области экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ студенты, за весьма немногими исключеніями, были почти полные профаны; область эта почти никого изъ нихъ вовсе не интересовала или интересовала очень мало. Студенты-юристы довольствовались экономическими истинами, изрекавшимися съ кафедры тогдашнимъ профессоромъ политической экономіи и статистики Вольскимъ, совершенно отрицательно относившимся и къ Марксу, и Лассалю и, вообще, ко всей новѣйшей политической экономіи, на которой онъ—къ тому же—очень мало и весьма бѣгло останавливался. Присутствуя часто

при бесѣдахъ, мы иногда просто поражались легкомысленностью багажа студентовъ и (даже послѣднихъ курсовъ) въ политико-экономической области.

И вотъ, чтобы хоть сколько-нибудь бороться съ индефферентизмомъ студенчества и пробудить въ нихъ хоть слабый интересъ къ общественной и государственной жизни, мы съ Волховскимъ рѣшили подпольно издавать рукописный еженедѣльный журнальчикъ: «Впередъ» при постоянномъ сотрудничествѣ Волховскаго, Ж—скаго и моего. Я долженъ былъ взять на себя разработку общественныхъ и экономическихъ вопросовъ, Волховскій долженъ былъ писать руководящія статьи по политическимъ вопросамъ и завѣдывать отдѣломъ поэзіи, а Ж—скій взялъ въ свое завѣдываніе фельетоннный отдѣлъ. Редакторами были Болховскій и я, при чемъ на меня возложена была обязанность «составленія» номера и наблюденія за аккуратнымъ и своевременнымъ выходомъ его въ свѣтъ,—т. е. наблюденія за обязательнымъ его появленіемъ каждое воскресенье около полудня на столѣ студенческой кухмистерской.

Необходимъ былъ интеллигентный переписчикъ съ красивымъ и четкимъ почеркомъ, который, идейно преданный дѣлу, отдавалъ бы безкорыстно журнальчику субботній день и субботнюю ночь и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ бы настолько скроменъ, чтобы на молчаніе его можно было вполнѣ положиться; такого я нашелъ въ лицѣ своего земляка М—на, съ которымъ я сблизился еще въ Херсонѣ въ одномъ изъ кружковъ самообразованія. Затѣмъ необходимо было лицо, которое само въ кухмистерской совсѣмъ не бываетъ и студентамъ мало знакомо, и которое являлось бы туда лишь въ воскресенье утромъ и вручало бы номеръ журнальчика жившему въ кухмистерской Ковальскому, на скромность котораго также можно было безусловно положиться; эту роль, по просьбѣ Ж—скаго, приняла на себя нынѣ уже покойная Л. С. Маркевичъ, жена учителя А. И. Маркевича (впослѣдствіи профессора).

У меня, къ сожалѣнію, не сохранилось ни одного номера этого журнальчика; сомнѣваюсь, чтобы его можно было гдѣ-либо найти. Выпускали мы его въ двухъ экземплярахъ, которые лежали оба до поры-до-времени въ кухмистерской, а затѣмъ исчезали; человѣка два три переписывали его для себя. Если бы таковой (хоть въ нѣсколькихъ номерахъ) у кого-либо сохранился, было бы очень желательно, чтобы его предоставили въ распоряженіе журнала «Былое». Не думаю, конечно, чтобы онъ сохранилъ теперь интересъ современности, но сохраненіе его было бы желательно, какъ маленькаго историческаго памятника того времени.

«Впередъ» (случайный предтеча другого крупнаго печатнаго «Впередъ») выходилъ, кажется, въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ. Съ пунктуальностью часового механизма, онъ появлялся каждое воскресенье на столѣ кухмистерской. Публика относилась къ нему съ большой симпатіей и съ нетерпѣніемъ ожидала его выхода, при чемъ въ воскресные дни являлись спеціально для него и многіе такіе, которые въ кухмистерской не столовались. Читали его сначала совмѣстно-громко, а затѣмъ въ остальные дни отдѣльно.—Дѣло велось

очень конспиративно. Авторы статей оставались (и до сихъ поръ остаются) для всѣхъ (кромѣ редакціи) неизвѣстными,—кое-кто догадывался лишь объ авторѣ той или другой статьи, но дальше догадокъ дѣло не шло. Объ участіи Л. С. Маркевичъ и М—на рѣшительно никто, кажется, кромѣ редакторовъ журнальчика, и до нынѣшняго дня не зналъ и, если я сообщаю это теперь, то потому, что идетъ уже четвертая давность, Л. С. уже покойная, и я счелъ долгомъ своимъ отмѣтить здѣсь эту ея услугу, которая въ 70-хъ годахъ осталась далеко не единственной. Въ серіозномъ отдѣлѣ журнальчика освѣщались самымъ популярнымъ образомъ разные отдѣлы политической экономіи: трудъ, капиталъ, эаконы спроса и предложенія, цѣнность, цѣна, рабочая плата, прибавочная стоимость,—эти и другіе вопросы излагались со всевозможныхъ точекъ зрѣнія въ освѣщеніи Ад. Смита, Рикардо, Дж. Стюарта Милля, Рошера, Бастіа, Чернышевскаго, Маркса, Лассаля и другихъ. Въ этомъ же отдѣлѣ популяризировались, насколько припомню теперь, теоріи Сенъ-Симона, Фурье, Овэна, Прудона и др.—Передовыя статьи посвящались вопросамъ дня—какъ внутренней, такъ и иностранной жизни. Фельетонъ, подъ общимъ заголовкомъ «Магазинъ рѣдкостей», носилъ сатирически-юмористическій характеръ; въ немъ зло осмѣивались всѣ пошлыя проявленія окружающей мѣщанской жизни,—преимущественно, сцены и эпизоды изъ міра профессорскаго и студенческаго. Самый обильный матеріалъ для фельетона доставлялъ студентъ, весьма популярный (тогда, какъ и впослѣдствіи) подъ именемъ «Жакъ», прославившійся спустя много лѣтъ, по какому-то странному недоразумѣнію, какъ «извѣстный русскій соціологъ»: субъектъ этотъ производилъ необычайную сенсацію тѣмъ, что его ежедневно привозилъ аккуратно на всѣ лекціи французъ-гувернеръ, остававшійся при немъ до конца лекцій и затѣмъ аккуратно отвозившій его домой. Отдѣлъ поэзіи на девять десятыхъ наполнялся самимъ Волховскимъ и пользовался большими симпатіями читателей.

Собственно, «редакторомъ» въ строгомъ смыслѣ былъ одинъ Волховскій, проявившій въ этомъ отношеніи много умѣнія, такта и кропотливаго труда. Количество сотрудниковъ «Впередъ» постоянно росло. Замѣчалось ревностное желаніе всячески поддерживать «свой» журнальчикъ. Разные авторы вручали рукописи свои Ковальскому, который черезъ посредство Л. С. Маркевичъ передавалъ ихъ неизвѣстной и ему редакціи. Авторомъ значительной части рукописей являлся самъ Ковальскій, который былъ большимъ поклонникомъ «Впередъ» и усиленно его рекламировалъ.

Чрезвычайно сожалѣю, что за дальностью лѣтъ и ослабленіемъ памяти, я не въ состояніи воспроизвести теперь на память хоть нѣкоторыя статьи изъ этого журнальчика. Специфическія условія русской жизни не позволяли хранить рукописи. Журнальчикъ «Впередъ», если не ошибаюсь, просуществовалъ до самаго отъѣзда моего заграницу...

3.

Репутація моя, какъ «педагога», твердо упрочилась въ Одессѣ, и уже на 2-ой годъ моего пребыванія здѣсь «уроки» матеріально меня вполнѣ обезпечивали. Но частная «педагогическая» дѣятельность мало меня удовлетворяла. Я чувствовалъ потребность въ болѣе широкой общественной дѣятельности и сознавалъ, что для той среды, въ которой я могъ бы работать, въ интересахъ плодотворности работы, важно занять опредѣленное соціальное положеніе. Во мнѣ созрѣлъ планъ держать при Новороссійскомъ университетѣ экзаменъ на кандитата правъ. При этомъ я полагалъ, что смогу подготовиться къ этимъ экзаменамъ въ 4—5 мѣсяцевъ, подвергаясь испытаніямъ по нѣкоторымъ предметамъ въ маѣ (вмѣстѣ со студентами), а по другимъ послѣ каникулъ.

Предстояло получить прежде всего *право* быть допущеннымъ къ экзаменамъ. Для этого необходимымъ условіемъ было—представить ректору свидѣтельство о политической благонадежности.—Для лица, состоявшаго подъ «гласнымъ надзоромъ» полиціи, это была задача довольно мудренная. Но тогда, въ первой половинѣ 1870-хъ годовъ, мы не ушли еще такъ далеко, какъ теперь, въ «политической зрѣлости»,—и задача выполнена была вполнѣ удовлетворительно: полицейское управленіе выдало мнѣ безъ всякихъ затрудненій удостовѣреніе въ томъ, что я такой-то, «*состоящій подъ гласнымъ надзоромъ полиціи*», ни въ чемъ политически неблагонадежномъ замѣчаемъ не былъ! Когда удостовѣреніе это представлено было мною ректору, послѣдній, съ сочувственной улыбкой заявилъ, что теперь съ его стороны никакихъ препятствій не встрѣчается, и я могу приступить къ экзаменамъ.

Однако, я плохо разсчиталъ. Осилить всю премудрость юридическаго факультета въ столь короткое время оказалось все-таки труднымъ. Самое же главное было то, что я неудачно подраздѣлилъ предметы для экзаменовъ и что въ число тѣхъ предметовъ, которые мною отложены были на осень, я отнесъ и римское право, о которомъ я и понятія не имѣлъ. И должно же было на грѣхъ случиться такъ, что какъ разъ на первомъ же экзаменѣ по нѣмецкому языку попался мнѣ критическій разборъ одного произведенія римскаго права, пестрѣвшій спеціальными терминами и цитатами! Я, естественно, спотыкнулся,—большую часть терминовъ оставлялъ безъ перевода. Деканъ факультета, сподвижникъ Сперанскаго, профессоръ Куницынъ, 90-лѣтній старикъ, потребовалъ переводы терминовъ и цитатъ, поясняя, что «юристъ не можетъ» не знать ихъ. Между нами начались пререканія. Я объяснялъ, что въ данный моментъ происходитъ экзаменъ по нѣмецкому языку и провѣряется лишь знаніе послѣдняго; о знаніяхъ же по римскому праву рѣчь можетъ быть лишь потомъ—на экзаменѣ по этому предмету,—Куницынъ возражалъ, отпускалъ на мой счетъ колкости. Слово-за-слово, я вспылилъ и попросилъ у декана обратно свои бумаги. На этомъ экзамены мои окончились.

Послѣ этой неудачи я сталъ мечтать о «за границѣ» и о заграничномъ паспортѣ.

Такіе паспорты выдавали тогда изъ канцеляріи градоначальника, по представленіи надлежащаго удостовѣренія изъ полицейскаго управленія о неимѣніи съ его стороны къ тому препятствій. Странно было, конечно, думать, что подобное удостовѣреніе можетъ быть выдано тѣмъ самымъ полицейскимъ управленіемъ, подъ гласнымъ надзоромъ котораго я состоялъ, но люди опытные увѣряли, что «въ Одессѣ все возможно», и что надо попытаться. Я набрался рѣшимости,—написалъ соотвѣтствующее прошеніе, наклеилъ на него гербовыя марки, явился къ завѣдующему паспортнымъ столомъ и вручилъ ему оное. Мнѣ предложено было явиться на другой день. Являюсь. Чиновникъ тычетъ мнѣ прошеніе обратно и внушительно говоритъ: «гербовыхъ марокъ нѣтъ». На наивное возраженіе мое: «марки наклеены»,—чиновникъ еще болѣе внушительно говоритъ: «говорю вамъ, нѣтъ марокъ,—принесите, а за справкой дѣло не станетъ». Обращаюсь въ недоумѣніи къ «свѣдущему» человѣку,—тотъ расхохотался надъ моей «наивностью» и наставительно говоритъ мнѣ: «поймите же—этотъ столоначальникъ по штатамъ не существуетъ, никакого жалованья онъ не получаетъ, а у него еще два помощника, которымъ ему приходится платить «изъ своихъ средствъ». Это—фактъ общеизвѣстный, какъ общеизвѣстно и то, что, при подачѣ прошенія о «справкѣ» необходимо приложить 2—3 рубля и въ самомъ крайнемъ случаѣ—одинъ рубль,—и тогда справка выдается безотлагательно». Просвѣтившись, являюсь на другой день вновь въ полицейское управленіе къ завѣдующему паспортнымъ столомъ, вложивъ предварительно въ свое прошеніе двѣ рублевыя бумажки, и, вручая г. столоначальнику свое прошеніе, отчеканиваю: «марки вложены въ прошеніе». Чиновникъ своей опытной рукой ощупалъ бумажки, заявилъ, что теперь все «въ порядкѣ» и велѣлъ прійти на другой день за справкой. Дѣйствительно, я на другой день получилъ справку и представилъ ее при прошеніи въ канцелярію градоначальника о выдачѣ мнѣ заграничнаго паспорта, приложивъ тогдашнюю его стоимость—десять рублей. Но тутъ по какой-то непредвидѣнной случайности дѣло сорвалось. Меня водили около недѣли; наконецъ, пригласили въ кабинетъ градоначальника Бухарина, который въ суровыхъ выраженіяхъ указалъ мнѣ, что лица, состоящія подъ надзоромъ полиціи, не имѣютъ права отлучаться за границу, чего я не могъ не знать и, стало быть, я хотѣлъ его обойти,—и что въ наказаніе за это слѣдуетъ отнять у меня всѣ представленные документы. Я возразилъ, что разъ я обратился въ полицейское управленіе за справкой о неимѣніи препятствій къ выѣзду, то я, очевидно, въ полицейскомъ надзорѣ препятствія въ этомъ не усматривалъ, да и само полицейское управленіе, выдавъ мнѣ справку, смотрѣло, очевидно, на дѣло такъ же, какъ и я. Понявъ всю неловкость своего положенія, Бухаринъ принялся объяснять мнѣ, что справки полицейскаго управленія относятся-де лишь къ долговымъ обязательствамъ, и, разъ на просителѣ таковыхъ нѣтъ, справка ему выдается, но это не имѣетъ никакого отношенія къ полицейской поднадзорности. Затѣмъ, смягчившись, онъ приказалъ возвратить мнѣ мои документы и

посовѣтовалъ ходатайствовать у жандармскихъ властей о снятіи полицейскаго надзора, и тогда-де къ выѣзду за границу препятствій уже не встрѣтится.

Въ то время начальникомъ одесскаго жандармскаго управленія состоялъ полковникъ Кнопъ, который до 1874 года по части политическаго сыска никакого рвенія не проявлялъ, не имѣя къ этому никакихъ побудительныхъ мотивовъ. Когда-то онъ былъ студентомъ Дерптскаго университета и этимъ званіемъ чрезвычайно гордился.

Послѣ инцидента съ заграничнымъ паспортомъ я обратился къ Кнопу съ просьбой посодѣйствовать снятію съ меня полицейскаго надзора. Кнопъ принялъ меня утонченно вѣжливо и повелъ длиннѣйшую бесѣду на политическія темы; говорилъ онъ очень плавно съ нотками убѣжденности въ голосѣ. Онъ объяснялъ мнѣ, что на жандармскую службу онъ, бывшій студентъ Дерптскаго университета, пошелъ не ради карьеры, а «по принципу» и въ силу убѣжденія, что на этомъ именно посту можно быть полезнымъ: правительство наше настроено-де безусловно либерально, и либералы, къ каковымъ онъ себя причисляетъ, должны помогать ему въ осуществленіи его благихъ намѣреній.—Вѣдь, вотъ, патетически воскликнулъ Кнопъ, правительство даровало Россіи городское и земское самоуправленіе,—развѣ общество наше оказалось созрѣвшимъ для этого? Всюду безобразія, злоупотребленія, хищенія. Будьте увѣрены, продолжалъ Кнопъ съ паѳосомъ, что если бы правительство убѣдилось, что общество созрѣло для конституціи, оно даровало бы ее ему безъ всякихъ колебаній, такъ какъ оно воодушевленно лишь однимъ стремленіемъ къ благу народа...

Долго говорилъ на эту тему Кнопъ, не встрѣчая почти никакихъ репликъ съ моей стороны. Наконецъ, онъ перешелъ къ предмету моего ходатайства. Видите ли, замѣтилъ онъ, я очень хорошо освѣдомленъ о вашей жизни въ Одессѣ. Извѣстно мнѣ ваше участіе во всѣхъ студенческихъ дѣлахъ, знаю я и о вашемъ участіи въ «Богишичевской исторіи», объ участіи вашемъ въ проводахъ Желябова и Бѣлкина и т. д. Но я всему этому не придаю серіознаго значенія. И вотъ вамъ доказательство. Сегодня же я войду съ представленіемъ въ Третье Отдѣленіе (это знаменитое «Отдѣленіе» тогда еще было въ апогеѣ своей славы) о снятіи съ васъ полицейскаго надзора. Ради соблюденія формальности, вы сегодня же подайте объ этомъ коротенькое прошеніе генералъ-губернатору, хотя онъ въ сущности никакого значенія не имѣетъ, и его представленіе не успѣетъ еще дойти до Петербурга, какъ III-е Отдѣленіе сниметъ съ васъ полицейскій надзоръ.

Дѣйствительно, по прошествіи 3—4-хъ недѣль я былъ приглашенъ въ жандармское управленіе, и Кнопъ объявилъ мнѣ о снятіи съ меня полицейскаго надзора, о чемъ я офиціально извѣщенъ былъ канцеляріей генералъ-губернатора лишь спустя мѣсяцъ или полтора.

И вотъ 4-хъ-лѣтній полицейскій надзоръ за участіе въ «студенческой исторіи» окончился. Я могъ уже свободно располагать собою.

Я сталъ собираться въ заграничный путь. Какъ ни убѣждали меня Волховскіе и другіе пріятели остаться въ Россіи, но я твердо рѣшилъ поѣхать за границу, посмотрѣть свѣтъ божій, посмотрѣть, какъ живутъ люди за предѣлами нашей родины, немного поучиться. Теперь заграничный паспортъ выданъ былъ мнѣ безъ всякихъ затрудненій, и въ концѣ 1872 года я ваѣхалъ за границу, въ Вѣну.

4.

«Свободный» Вѣнскій университетъ оказался далеко не такимъ «свободнымъ», какимъ я рисовалъ себѣ «заграничные» университеты, а отношенія университетскаго «начальства» къ студенчеству весьма далекими отъ идеальныхъ. Деканъ медицинскаго факультета поразилъ даже меня небрежно-надменнымъ тономъ, какого наше россійское университетское начальство даже и въ то время не позволяло себѣ по отношенію къ студентамъ. Онъ началъ употреблять по отношенію ко мнѣ мѣстоимѣніе «*Er*», и, получивъ отъ меня въ отпоръ замѣчаніе, что здѣсь нѣтъ «Er», а «*Sie*», онъ перемѣнилъ тонъ, избѣгая вовсе въ дальнѣйшемъ какихъ-либо мѣстоимѣній. Онъ потребовалъ отъ меня свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса гимназіи съ офиціально засвидѣтельствованнымъ въ посольствѣ нѣмецкимъ переводомъ этого свидѣтельства. Дѣло могло бы затянуться въ долгій ящикъ, такъ какъ я не запасся свидѣтельствомъ. Выручилъ меня профессоръ Бенедиктъ, съ которымъ я познакомился по пріѣздѣ въ Вѣну: онъ представилъ черезъ меня декану письменное ручательство свое въ томъ, что требуемое свидѣтельство будетъ представлено.

Я былъ зачисленъ въ студенты вѣнскаго университета по медицинскому факультету и сталъ посѣщать лекціи знаменитаго анатома Гиртля (учителя нашего Грубера),—лекціи по ботаникѣ, химіи и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, удѣляя больше всего времени химіи, работалъ въ лабораторіи у профессора Шнейдера ежедневно каждое утро.

Вѣнскіе студенты-нѣмцы поражали меня почти полнымъ индифферентизмомъ своимъ къ экономическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Какъ не невысокъ былъ средній уровень развитія тогдашняго студенчества Новороссійскаго университета, но и тотъ былъ неизмѣримо выше средняго уровня развитія вѣнскихъ студентовъ, изъ которыхъ многіе не имѣли никакого представленія ни о Марксѣ, ни о Лассалѣ, и имѣли даже самое смутное представленіе о широкомъ соціальномъ движеніи, совершавшимся у нихъ подъ самымъ носомъ и всецѣло захватившимъ меня съ первыхъ же дней пребыванія моего въ Вѣнѣ.

Вѣнская рабочая партія лишь незадолго передъ этимъ зародилась и дѣлала очень быстрые успѣхи въ своемъ развитіи. Лидерами ея были тогда Обервиндеръ и рабочій Андреосъ Шай, между которыми возникъ тогда конфликтъ, вызвавшій безчисленный рядъ «народныхъ собраній», о которыхъ чуть ли не ежедневно оповѣщалось въ тысячахъ обширныхъ плакатовъ, вывѣшивавшихся на всѣхъ улицахъ, и въ мѣстныхъ партійныхъ органахъ—«Volkswille» и «Gbichheit».

Послѣ почти тюремной жизни въ Россіи, гдѣ всякія собранія строжайше запрещались, гдѣ за сборище въ 10—15 человѣкъ для обсужденія самыхъ невинныхъ вопросовъ грозила тюрьма и каторга, гдѣ за раздачу рабочимъ 2—3 хъ книжекъ въ сущности невиннаго экономическаго содержанія грозили суровыя кары и всякіе скорпіоны,— вѣнскія «народныя собранія», на которыхъ присутствовали сотни и тысячи народа и на которыхъ въ самой популярной формѣ трактовались наиболѣе острые вопросы соціально-экономическаго характера,— съ первыхъ же дней всецѣло увлекли меня, и я сталъ ихъ неизмѣннымъ посѣтителемъ. «Собранія» эти были далеки отъ совершенно свободныхъ собраній; на нихъ обязательно присутствовалъ полицейскій коммисаръ, которому по конституціи предоставлялось право послѣ троекратнаго предостереженія закрывать собраніе и который нерѣдко правомъ этимъ фактически пользовался, временами даже злоупотребляя имъ. Но самый фактъ *возможности* (не въ силу разрѣшенія, а въ силу простого *заявленія*) подобныхъ многолюдныхъ собраній, самый фактъ *возможности* подвергать широкому анализу экономическія и соціальныя основы современнаго общества,—уже одинъ этотъ *фактъ* не могъ подѣйствовать на меня самымъ возбудительнымъ образомъ.

Помимо общихъ «народныхъ» собраній, въ Вѣнѣ ежедневно устраивались во многихъ пунктахъ собранія отдѣльныхъ профессіональныхъ Verein'овъ, на которыхъ обсуждались профессіональныя дѣла и читались рефераты по самымъ серіознымъ экономическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ рефераты читались рабочими же, которые поражали меня детальнымъ изученіемъ трактуемаго вопроса, тонкостью анализа и необыкновенно популярнымъ изложеніемъ. Не говоря уже о Шаѣ, представлявшемъ собою типъ истиннаго мощнаго народнаго трибуна и большого знатока великаго творенія Карла Маркса, но и многіе средніе рабочіе удивляли своимъ природнымъ краснорѣчіемъ, для проявленія котораго необходимы специфическія условія, и литературностью своего изложенія.

Я коротко познакомился съ Шаемъ, Вернеромъ и нѣкоторыми другими вожаками рабочей партіи. Съ жадностью набросился я на ея періодическіе органы, присутствовалъ на всѣхъ народныхъ собраніяхъ и на многихъ профессіональныхъ. На собранія эти я усиленно приглашалъ русскихъ молодыхъ ученыхъ, работавшихъ тогда въ кабинетахъ вѣнскихъ корифеевъ-профессоровъ, изъ числа коихъ для меня особенно памятны остались: приватъ доцентъ кіевскаго университета М. Е. Мандельштамъ и магистръ московскаго университета по каѳедрѣ государственнаго права Роговичъ. Они болѣе отчетливо запечатлѣны въ моей памяти, какъ представители двухъ рѣзко-противоположныхъ направленій ума и чувства: первый былъ человѣкъ съ широкимъ прогрессивно-общественнымъ кругозоромъ, просвѣщенный гуманистъ и «лассальянецъ» по своимъ соціальнымъ воззрѣніямъ; онъ много и весьма продуктивно работалъ въ кабинетѣ профессора-окулиста, что не мѣшало ему интересоваться и волноваться общественными задачами своего поколѣнія. Роговичъ, наоборотъ, поражалъ и русскихъ, и нѣмцевъ своей чиновничьей сухостью, формально бюрократическимъ строемъ мыслей, филистерски-ограниченнымъ кругозо-

ромъ и полнымъ индефферентизмомъ къ широкой жизни, кипѣвшей и волновавшейся вокругъ него, такъ сказать, у самого его носа. Это былъ большой поклонникъ Каткова и не пропускалъ случая убѣждать насъ въ томъ, что онъ наиболѣе изъ насъ демократичный по душевному строю: по личнымъ своимъ убѣжденіямъ онъ-де даже республиканецъ, но такъ какъ русскій народъ безусловно монархическій, то онъ—Роговичъ, какъ истинный демократъ, считаетъ своимъ долгомъ стоять за монархію и неограниченно-самодержавную власть [1]). Изъ всѣхъ русскихъ это былъ единственный, котораго я никогда на собранія не приглашалъ, что не мало его обижало... Русскихъ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ въ Вѣнѣ тогда, кажется, не было; но акушерство при знаменитомъ вѣнскомъ Allgemeines Krankenhaus изучали нѣкоторыя русскія дѣвушки, съ которыми я близко сошелся; онѣ, какъ и я, усердно посѣщали народныя собранія и пользовались на нихъ общими симпатіями рабочихъ

Главари тогдашней вѣнской соціалъ-демократической партіи проявляли, вообще, очень большой интересъ къ русской жизни и русскимъ дѣламъ. Въ «русскихъ нигилистахъ» (это было тогда нарицательное имя для русской радикальной молодежи) они видѣли грядущую крупную силу, которой суждено сыграть громадную роль въ переустройствѣ европейскаго общества на новыхъ соціально-экономическихъ началахъ. Они сильно преувеличивали силу и значеніе русскихъ «нигилистовъ» и зачастую имѣли самое фантастическое о нихъ представленіе—благодаря тому, что наша русская печать тогда еще въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь, задыхалась подъ тяжестью всевозможныхъ «усмотрѣній» и обрѣчена была на гробовое молчаніе обо всемъ, что не носило на себѣ печати шаблонности и мѣщанской обыденности и что могло интересовать живыхъ людей...

Такъ какъ рабочія собранія нерѣдко затягивались далеко за полночь, когда прекращалось уже всякое сообщеніе въ общественныхъ экипажахъ, и мнѣ приходилось возвращаться пѣшкомъ въ Josephstadt изъ разныхъ предмѣстій и отдаленныхъ частей города, котораго я не зналъ, то на первыхъ порахъ меня съ любезной обязательностью провожали нѣкоторые участники собранія—рабочіе, жившіе по близости къ Josephstadt. И вотъ, провожатые мои по дорогѣ постоянно разспрашивали меня о разныхъ фактахъ изъ русской жизни. Такъ, неоднократно задавали мнѣ вопросы о Каракозовѣ,—правда ли, что онъ принадлежалъ къ рабочей партіи,—правда ли, что послѣ своего ареста онъ откусилъ себѣ языкъ, опасаясь возможности подъ пыткой проговориться и выдать кого-нибудь и т. д. Особенно интересовались въ то время Нечаевымъ и его организаціей, ибо какъ разъ въ то время въ московскомъ окружномъ судѣ разбиралась дѣло по обвиненію его въ убійствѣ студента Иванова: извѣстно, что швейцарское правительство выдало Нечаева русскому правительству—подъ услові-

[1]) М. Е. Мандельштамъ впослѣдствіи много лѣтъ оставался очень популярнымъ профессоромъ кіевскаго университета и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, занявшимъ выдающееся мѣсто въ сіонистской организаціи.—Роговичъ же вполнѣ былъ вознагражденъ за свой „истинный демократизмъ“: онъ сталъ столпомъ „союза русскаго народа“, служа ему вѣрой и правдой на высокихъ административныхъ постахъ.

емъ судить его въ обще-уголовномъ порядкѣ за простое убійство, что, однако, нисколько не помѣшало вмѣсто каторжныхъ работъ, къ которымъ онъ былъ приговоренъ, заключить его въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, въ которой послѣ многихъ лѣтъ жестокаго заключенія онъ нашелъ свою смерть...

5.

Въ числѣ русскихъ, съ которыми я познакомился въ Вѣнѣ, былъ нѣкій артиллерійскій капитанъ Лобовъ, бывшій ученикъ (по Артиллерійской Академіи) П Л. Лаврова, большимъ поклонникомъ котораго онъ неизмѣнно оставался, состоя въ постоянной съ нимъ перепискѣ. Лобовъ пользовался продолжительнымъ отпускомъ и лечился въ Вѣнѣ.

Отъ него я узналъ, что петербургскими революціонно-соціалистическими кружками и, главнымъ образомъ, кружкомъ «Чайковцевъ» окончательно рѣшено издавать за границей, и именно въ Цюрихѣ, періодическій органъ подъ названіемъ «Впередъ» подъ редакціей П. Л. Лаврова и при постоянномъ сотрудничествѣ Смирнова, Подолинскаго и другихъ по программѣ, тщательно разработанной и многократно пересмотрѣнной и переработанной, экземпляръ которой я отъ него получилъ. Такъ какъ Лобовъ передалъ П. Л. Лаврову сообщенные мною ему (со словомъ Волховскаго) факты изъ послѣдняго періода жизни Г. А. Лопатина, которымъ Лавровъ чрезвычайно интересовался, считая его однимъ изъ самыхъ видныхъ и крупныхъ революціонныхъ дѣятелей того времени, то Лавровъ просилъ передать мнѣ свою признательность за дорогое для него сообщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ просьбу его, если я буду въ Бѣлградѣ, раздобыть тамъ подходящаго корреспондента изъ Сербіи для журнала «Впередъ».

Въ Бѣлградъ же я собирался, чтобы навѣстить старшаго своего брата М. Л., доставившаго мнѣ возможность поѣхать за границу и поступить въ Вѣнскій университетъ, жившаго за границей съ конца 60-хъ годовъ и состоявшаго въ Бѣлградѣ сотрудникомъ мѣстныхъ газетъ.

Миссія П. Л. Лаврова облегчалась для меня тѣмъ обстоятельствомъ, что я былъ знакомъ съ нѣкоторыми студентами сербами, воспитывавшимися въ Вѣнскомъ университетѣ и политехникумѣ, большими патріотами и друзьями русскихъ. Какъ разъ вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Вѣну, оттуда возвращался учившійся за границей инженеръ Пашичъ [1]), пользовавшійся большой популярностью въ средѣ сербской колоніи въ Вѣнѣ: его чествовали пирушкой, на которую и я былъ приглашенъ въ качествѣ русскаго студента. Когда пошелъ тостъ за тостомъ со всевозможными сердечными пожеланіями Пашичу на предстоящемъ ему служеніи родинѣ (сербская молодежь— студенты и рабочіе — возлагала на него очень большія надежды), и предложенъ былъ также въ моемъ лицѣ тостъ за русскую передовую

[1]) Этотъ будущій премьеръ-министръ обращалъ тогда на себя вниманіе лишь оригинальной плотной фигурой съ длинной черной бородой. Говорилъ онъ плохо по-русски и не лучше по-нѣмецки.

молодежь, мнѣ пришлось отвѣтить тостомъ же въ честь сербской молодежи и Пашича. Вотъ на этой пирушкѣ я познакомился съ нѣкоторыми бѣлградскими сербами, которые и снабдили меня, когда я собрался въ Бѣлградъ, соотвѣтствующими указаніями, которыя пригодились мнѣ при исполненіи порученія Лаврова.

Отправился я изъ Вѣны по желѣзной дорогѣ на Буда-Пештъ. Этотъ крупный и оригинальный европейскій городъ очаровалъ меня своимъ чуднымъ мѣстоположеніемъ и великолѣпной панорамой, представляемой имъ по обѣимъ сторонамъ величественно протекающаго здѣсь Дуная. Такъ какъ я тогда увлеченъ былъ до самозабвенія рабочимъ движеніемъ, то я не преминулъ заручиться въ Вѣнѣ рекомендаціей къ одному пештскому портному, принадлежавшему къ формировавшейся тогда и въ Венгріи соціалъ-демократической партіи. Во время посѣщенія этого портного въ его крайне бѣдной квартиркѣ, ютившейся въ окраинной части города, я былъ пораженъ, когда въ числѣ очень немногихъ фотографическихъ карточекъ, развѣшанныхъ на почти голой стѣнкѣ единственной комнаты, оказалась очень хорошей работы карточка Бакунина, о которомъ портной отзывался съ благоговѣйнымъ уваженіемъ и глубочайшимъ почтеніемъ, зная подробно біографію этого «саксонскаго короля». Съ большимъ интересомъ собесѣдникъ мой разспрашивалъ меня о русскихъ и Россіи, а вечеромъ повелъ меня на одно народное собраніе.

На другой день я отправился на пароходѣ Австро-Дунайской Компаніи въ Бѣлградъ. Пароходъ остановился въ пограничномъ австрійскомъ городкѣ крѣпости Землинѣ, откуда я на маленькомъ пароходѣ перебрался въ Бѣлградъ.

На бѣлградской пристани я очутился передъ родной картиной: суровый таможенный чиновникъ принялся тщательно осматривать мой багажъ, а другой чинъ потребовалъ у меня паспортъ и, не возвращая его мнѣ обратно, объяснилъ, что онъ будетъ переданъ въ русское генеральное консульство, изъ котораго я и смогу получить его, когда буду уѣзжать изъ Бѣлграда.

Когда таможенный досмотръ былъ оконченъ, носильщикъ взвалилъ на свои мускулистые полуобнаженные плечи мой чемоданъ, и, поднявшись на гору, двинулся со мною къ квартирѣ моего брата.

Столица сербскаго княжества поразила меня своими мизерными размѣрами и весьма скромными постройками. Не говоря о нашихъ губернскихъ городахъ, но и такіе уѣзные наши города, какъ Елизаветградъ, Кременчугъ, Енисейскъ и т. п. могли бы заткнуть ее за поясъ (говорю, конечно, о первой половинѣ 70 хъ годовъ): по свѣдѣніямъ за 1895 г. въ Бѣлградѣ числилось едва 59,000 жителей, а въ 1873 г. населеніе его, я думаю, не превышало 40.000 чел. Постройки были крайне мизерныя. Исключеніе составляли «Конакъ» князя и зданіе Великой Школы. Почти всѣ дома были одноэтажные (очень немногіе двухъэтажные) деревянные весьма незатѣйливой архитектуры. Еще на главныхъ улицахъ попадались, хоть и очень не многія, зданія европейскаго облика. На второстепенныхъ же, и въ особенности на окраинныхъ, пестрѣли почти исключительно глинобитныя мазанки съ деревянными и даже соломенными кровлями и глинобитнымъ поломъ.

Улицы узкія и немощенныя (кромѣ двухъ-трехъ). Одна или двѣ небольшія гостиницы, нѣсколько кафе, въ которыхъ можно было получать за 5 піастровъ чашечку чуднаго арроматнаго турецкаго кофе,— вотъ и весь городъ. Незадолго передъ этимъ, правда, въ Бѣлградѣ отстроенъ былъ очень миленькій театръ, на сценѣ котораго подвизалась очень недурная драматическая труппа. Мнѣ бросилась въ глаза крайняя патріархальность нравовъ «столицы». Возлѣ нѣкоторыхъ жилищъ наружныя двери открыты были настежъ и подпирались опрокинутыми стульями: оказалось, что по принятому обычаю этимъ предупреждается, что никого дома нѣтъ, и чтобы гости понапрасну не трудились заходить! Шелъ я какъ-то съ братомъ по улицѣ; его останавливаетъ полу-оборванный субъектъ и даетъ ему прочесть какую-то бумагу: оказалось, что онъ приговоренъ однимъ судьей внутри княжества къ годичному тюремному заключенію, его снабдили «бумагой», и онъ разыскиваетъ тюрьму, чтобы отбыть въ ней свое наказаніе...

Въ общемъ, населеніе производило пріятное впечатлѣніе: рослые, широкоплечіе, пропорціонально-сложенные, съ темными волосами и длинными усами, — сербы въ большинствѣ своемъ отличались воинственной и горделивой осанкой.

Помимо правительственной—консервативной партіи въ Сербіи существовала тогда еще партія радикальная («Омладина») и напредняцкая — «прогрессивная», а также (хотя и въ самомъ зачаточномъ состояніи) соціалистическая.

Я полагалъ, что для журнала «Впередъ» цѣлесообразно заручиться сотрудниками-корреспондентами изъ представителей обѣихъ послѣднихъ партій—соціалистовъ и радикаловъ. Я познакомился съ недавно передъ этимъ окончившимъ цюрихскій политехникумъ молодымъ инженеромъ Велеміровичемъ, который примыкалъ къ соціалистической группѣ. Онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе своей простотой, искренностью и во всемъ сквозившей глубокой любовью къ своей родинѣ. Долгое пребываніе за границей превратило его въ совершеннаго европейца—по манерамъ, привычкамъ и обращенію. Благодаря же тому, что онъ въ Цюрихѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вращался въ средѣ русскихъ учащихся, съ которыми онъ былъ очень близокъ, ему не чужды были русскіе интересы, и онъ говорилъ по-русски совершенно свободно и даже литературно. Въ Цюрихѣ онъ женился на швейцаркѣ, съ которой незадолго передъ этимъ вернулся въ Бѣлградъ и поступилъ здѣсь на службу.

Велеміровичъ посвятилъ меня во внутреннюю политику княжества. На княжескомъ престолѣ сидѣлъ тогда еще очень юный Миланъ IV (впослѣдствіи король Миланъ I). Лишь 10-го августа 1872 г. онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и формально вышелъ изъ-подъ опеки регентовъ: Ристича, Блознавода и Гавриловича, которыми онъ былъ окруженъ въ качествѣ правителей, когда онъ, внучатый племянникъ князя Милоша Обреловича, послѣ убійства послѣдняго (въ 1868 г.) вызванъ былъ изъ Парижа, гдѣ онъ воспитывался въ лицеѣ Людовика Великаго. Фактически регенты (главнымъ образомъ,

Ристичъ) продолжали еще править княжествомъ, но Миланъ IV уже давалъ себя чувствовать населенію яснымъ стремленіемъ своимъ къ абсолютизму и нарушенію конституціи, притѣсненіемъ печати и преслѣдованіемъ всѣхъ свободныхъ проявленій жизни. Уже тогда, съ первыхъ же шаговъ, началась непопулярность Милана, и тогдашній молодой секретарь русскаго генеральнаго консульства въ Бѣлградѣ (кажется, князь Ц—въ), когда я явился къ нему за паспортомъ, очень зло и жестоко отзывался о немъ, какъ объ ограниченномъ, тупомъ, злобномъ и самовластномъ самодурѣ...

Я узналъ отъ Велеміровича, что на обратномъ пути изъ Бѣлграда я встрѣчусь на пароходѣ изъ Землина съ самымъ выдающимся въ то время молодымъ сербскимъ писателемъ Марковичемъ: его правительство зло преслѣдовало, онъ пріѣзжалъ въ Землинъ, чтобы сдаться въ Бѣлградѣ «въ руки правосудія», но, узнавъ, что ему грозитъ годичное тюремное заключеніе, которое для него — въ виду совершенно разстроеннаго его здоровья, и отвратительныхъ условій режима въ Бѣлградской тюрьмѣ—было бы смертельно, онъ измѣнилъ свое рѣшеніе и рѣшилъ вернуться въ Венгрію — въ Новый Садъ, гдѣ онъ временно проживалъ.

Велеміровичъ охотно принялъ на себя обязанности корреспондента изъ Сербіи въ журналъ «Впередъ» и условился со мною насчетъ псевдонима. Онъ же порекомендовалъ мнѣ съ этой цѣлью одного изъ видныхъ «омладинцевъ», который также могъ бы быть полезнымъ въ качествѣ сотрудника для «Впередъ». За дальностью лѣтъ, я, къ сожалѣнію, забылъ фамилію этого «омладинца», который произвелъ на меня впечатлѣніе затравленнаго волка. Онъ подвергался безчисленнымъ преслѣдованіямъ за свой безграничный и пламенный патріотизмъ и лишь незадолго передъ этимъ вернулся изъ изгнанія. Со скорбью и довольно рѣзко онъ разсказывалъ мнѣ о возникающей въ Сербіи соціалистической партіи, находилъ ее, по меньшей мѣрѣ, несвоевременной и несоотвѣтствующей условіямъ тогдашней сербской жизни [1]), даже вредной, такъ какъ она раздробляетъ оппозиціонныя силы, объединеніе которыхъ очень важно для успѣшной борьбы съ правительствомъ и его произволомъ. «Омладинецъ» этотъ принялъ также на себя обязанности корреспондента для «Впередъ».

Черезъ нѣсколько дней я оставилъ Бѣлградъ. Какъ только пароходъ Австро-Дунайской Компаніи отчалилъ изъ Землина, изъ нижней каюты [2]) на палубу поднялся довольно молодой еще человѣкъ, весьма

---

[1]) Спустя слишкомъ 23 года — въ 1896 г. изъ общаго населенія Сербіи въ 2.312,484 чел. въ городахъ проживало всего 308,673 чел. (13,3%) и обрабатывающая промышленность находилась въ самомъ „зачаточномъ состояніи“: 10 пивоваренныхъ заводовъ, 105 паровыхъ мельницъ, 1 небольшая суконная фабрика, 4 кирпичныхъ завода, 3 кожев. завода, 2 фабрики галуновъ и позументовъ, 1 химическая лабораторія, 2 фабрики металлическихъ издѣлій и 1 заведеніе искусств. минер. водъ,—вотъ къ чему сводилась вся фабрично-заводская промышленность сербскаго королевства даже во 2-й половинѣ 1890-хъ годовъ!..

[2]) Предосторожность эта была не лишняя. Незадолго передъ этимъ (въ мартѣ 1872 г.) на *австрійскій* пароходъ передъ самымъ отходомъ его изъ *австрійскаго* Землина въ присутствіи пассажировъ, въ числѣ которыхъ былъ и *землинскій* комендантъ генералъ Кризъ, явился агентъ бѣлградской тайной полиціи въ сопровожденіи сербскаго

интеллигентной наружности, и замѣтно изможденнаго вида. Отъ пріятелей, пріѣзжавшихъ къ нему въ Землинъ изъ Бѣлграда, онъ уже зналъ обо мнѣ, да и я, въ свою очередь, узналъ его по подробному описанію Велимировича: это былъ Марковичъ, съ которымъ мы познакомились и пробесѣдовали до самаго Новаго Сада. Онъ воспитывался въ московскомъ университетѣ, гдѣ онъ вращался во всевозможныхъ кружкахъ студенческихъ и близко познакомился съ М. О. Антоновой (Волховской), отъ которой я о немъ многое слышалъ и къ которому я имѣлъ даже отъ нея нѣкоторыя порученія—на случай, если бъ я съ нимъ встрѣтился. Отъ М. О. я зналъ уже, что Марковичъ является нѣкоторымъ образомъ отцемъ сербскаго соціализма, который онъ усердно насаждалъ въ княжествѣ. Его прозвали даже «сербскимъ Чернышевскимъ», такъ какъ онъ ревностно проводилъ въ Сербіи идеи Чернышевскаго, перевелъ на сербскій языкъ его примѣчанія къ политической экономіи Дж. Ст. Милля, также нѣкоторыя другія его статьи и, кажется, даже романъ: «Что дѣлать». Мнѣ говорили, что онъ былъ тогда занятъ переводомъ на сербскій языкъ «Историческихъ писемъ» Миртова.

Марковичъ чрезвычайно обрадовался встрѣчѣ съ близкимъ пріятелемъ его стариннаго друга—Антоновой (Волховской), о которой онъ сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Россію онъ считалъ своей второй родиной, которую онъ очень любилъ и высоко цѣнилъ ея молодое поколѣніе... Разспросивъ меня подробно о русской жизни, онъ въ свою очередь посвятилъ меня въ печальныя подробности жизни нѣжно, страстно и безгранично любимой имъ Сербіи, въ жестокости режима регентовъ, всецѣло овладѣвшихъ волею недалекаго, злого и развратнаго молодого Милана IV.

Въ Новомъ Садѣ мы разстались. Марковичъ жилъ тогда тамъ, принималъ близкое участіе въ издававшемся тогда тамъ (если память мнѣ не измѣняетъ, Милетичемъ) сербскомъ радикальномъ органѣ.

Въ Пештѣ я пробылъ сутки, сообщилъ оттуда П. Л. Лаврову о завербованныхъ для его «Впередъ» сотрудникахъ и ихъ псевдонимахъ и вернулся въ Вѣну.

6.

Какъ извѣстно, въ 1873 году устроена была въ Вѣнѣ 5-я всемірная выставка, которая открылась въ маѣ т. г. Она привлекла массу посѣтителей, направлявшихся въ Вѣну со всѣхъ государствъ Стараго и Новаго Свѣта. Наплывъ былъ необычайный. [1]) Не мало пріѣзжало сюда и русскихъ, которыхъ тогда можно было встрѣтить почти на всѣхъ улицахъ, а въ особенности на Graben'ѣ (здѣсь на витринахъ красовались «запрещенныя русскія изданія») на Ringstrasse, въ Пратерѣ и въ русскомъ отдѣлѣ выставки.

жандарма въ полномъ вооруженіи и съ револьверомъ,--они накинулись на одного изъ пассажировъ, схватили его, свели на пристань, перевели на другой пароходъ и перевезли для расправы въ Бѣлградъ...

[1]) На этой выставкѣ перебывало около 6.700000 посѣтителей,—экспонентовъ было 39500.

Такъ какъ на эту выставку собирались особы русской царской фамиліи, то Вѣна заблаговременно стала наводняться шпіонами, преимущественно польскими изъ Галиціи. Особеннымъ искусствомъ не отличались въ то, такъ сказать, до-революціонное время и русскіе шпіоны, галиційско-польскіе же поражали совершенно своей неловкостью и полной неопытностью и выдавали себя на каждомъ шагу. Они учредили неусыпный «не-гласный» надзоръ не только за всѣми проживавшими тогда въ Вѣнѣ русскими подданными, всюду преслѣдуя ихъ своимъ неловкимъ наблюденіемъ, но и за галиційскими русинами.

Въ одинъ прекрасный день русскіе (въ томъ числѣ и я) получили отъ полицейскихъ комиссаровъ своихъ участковъ приглашеніе пожаловать къ нимъ съ своими паспортами. [1]) Я являюсь къ своему комиссару, предъявляю ему паспортъ и прошу объяснить, въ чемъ дѣло. Конфузясь и краснѣя, комиссаръ завелъ длинную канитель, сталъ задавать мнѣ всевозможные вопросы, по которымъ не трудно было заключить, что вѣнская полиція посвящена русскимъ III Отдѣленіемъ въ біографіи всѣхъ проживающихъ въ Вѣнѣ русскихъ. Оказалось, напр., что комиссару (отъ времени до времени заглядывавшему въ лежавшую передъ нимъ замѣтку) извѣстно, что я окончилъ херсонскую гимназію, состоялъ студентомъ медицинской академіи, исключенъ былъ изъ послѣдней за участіе въ безпорядкахъ, состоялъ затѣмъ подъ надзоромъ полиціи и т. д. Словомъ, было ясно, что попечительное Третье Отдѣленіе не забываетъ своихъ кліентовъ и за предѣлами отечества и что безспорно существуетъ международный союзъ... полицій!.. Наконецъ, комиссаръ, проницательно смотря на меня, поставилъ вопросъ: извѣстно ли мнѣ, что русскій Царь собирается посѣтить Вѣнскую всемірную выставку? Я отвѣчалъ, что я газеты читаю и, стало быть, все въ нихъ сообщаемое для меня не секретъ. Тогда комиссаръ, густо покраснѣвши отъ непривычной роли и не отводя отъ меня глазъ, съ удареніемъ спросилъ меня: а русская колонія и вы сами намѣрены встрѣтить своего Государя? Я рѣзко ему замѣтилъ, что вопросъ его кажется мнѣ чрезвычайно страннымъ и, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ: онъ не русскій,—и что намѣрена дѣлать русская колонія вся въ цѣломъ и каждый въ отдѣльности, его совершенно не касается. Самъ я объ этомъ даже еще и не думалъ и, во всякомъ случаѣ, не нѣмецкой полиціи я буду отдавать отчетъ въ своихъ планахъ и намѣреніяхъ. На этомъ «бесѣда» наша съ господиномъ комиссаромъ окончилась, я получилъ обратно свой паспортъ и отправился домой, погруженный въ невеселыя думы объ интернаціонализмѣ полиціи и о крупномъ прогрессѣ русской «государственности»...

Чрезвычайно любопытно было то, что въ числѣ приглашенныхъ

---

[1]) У меня остановился проживавшій въ Женевѣ эмигрантъ *Гольденбергъ*, работавшій въ русской типографіи въ Женевѣ. Онъ пріѣхалъ для свиданія съ родными, пріѣхавшими на выставку съ паспортомъ познанскаго поляка. Приглашеніе меня къ комиссару побудило его въ тотъ же вечеръ оставить Вѣну, что было вполнѣ своевременно. На другой день нѣсколько любопытныхъ явилось ко мнѣ за справками о Гольденбергѣ, котораго австрійское правительство нисколько не поцеремонилось бы выдать русскому правительству...

къ полицейскому комиссару былъ и Роговичъ, этотъ правовѣрный катковистъ и «принципіальный» поклонникъ монархическаго самодержавія! Допросъ комиссара крайне-удручающимъ образомъ подѣйствовалъ на этого «патріота». Онъ не могъ даже понять, какъ это и *онъ* могъ попасть подъ подозрѣніе вкупѣ богъ знаетъ съ какимъ «сбродомъ». Опасаясь, чтобы какъ-нибудь случайно «не влопаться» въ какую-либо «исторію», а главное—опасаясь, какъ бы не потерять казенную степендію и не потерпѣть ущербъ въ будущей своей «ученой карьерѣ», онъ въ тотъ же день быстро уложилъ свои пожитки и покинулъ Вѣну...

За нѣсколько дней передъ ожидавшимся прибытіемъ на выставку особъ нашей царской фамиліи, закрытъ былъ для публики всегда и во всякое время доступный для нея садъ при дворцѣ, предназначенномъ для пребыванія особъ. Обстоятельство это до—нельзя оскорбило мирныхъ и лойяльно-настроенныхъ вѣнцевъ. Въ нѣкоторыхъ демократическихъ (не соціалистическихъ) органахъ появились по этому поводу статьи далеко нелестныя для русскаго «патріотическаго чувства». Одна изъ нихъ, помнится мнѣ, передавъ этотъ фактъ, продолжала приблизительно такъ: вѣнцы недоумѣваютъ. Они не могутъ понять, за что и почему ихъ лишили возможности пользоваться этимъ садомъ... Неужели это случилось только потому, что тамъ будетъ проживать русская царская семья? Неужели же власти сомнѣваются въ присущемъ вѣнцамъ чувствѣ гостепріимства и въ умѣніи и готовности ихъ позаботиться о безопасности и удобствахъ ихъ гостей?... И т. д. Подозрительность и безтактность русскихъ охранныхъ властей дошла даже до того, что изъ одного отдѣла выставки подъ благовиднымъ предлогомъ на время пребыванія въ Вѣнѣ русскихъ особъ удаленъ былъ завѣдывавшій имъ галиційскій полякъ. Вообще, надѣлана была масса безтактностей и неловкостей, отнюдь не способствовавшихъ поднятію престижа нашего режима и вызывавшихъ скорбь и осужденіе даже со стороны убѣжденныхъ и правовѣрныхъ монархистовъ. На европейскую публику это дѣйствовало тѣмъ болѣе неблагопріятно, что на эту же всемірную выставку являлись высокопоставленныя особы и другихъ государствъ безъ всякаго подобія россійскихъ «предосторожностей». Мнѣ самому пришлось встрѣтить на выставкѣ бельгійскаго короля Леопольда, который, скромно одѣтый въ простую черную пару и въ цилиндрѣ, переходилъ съ очень маленькой свитой изъ отдѣленія въ отдѣленіе, не обращая на себя вниманія и никого не стѣсняя.

7.

Въ 1873 году въ Россіи среди молодежи (въ особенности учащейся) началось серіозное движеніе. Послѣ нѣкотораго затишья студенчество наше вновь зашевелилось. Подготовлялось быстро расцвѣтшее знаменитое въ нашихъ лѣтописяхъ «хожденіе въ народъ». Изданіе журнала «Впередъ» было обезпечено, и со дня на день ожидался выходъ перваго его номера. Появился рядъ новыхъ брошюръ и листковъ.

Русская эмиграція сконцентрировалась больше всего въ Швейцаріи

и главнымъ образомъ, въ Цюрихѣ, гдѣ разыгрался прискорбный и печальный по содержанію и еще болѣе по формѣ конфликтъ между «лавристами» и «бакунистами», завершившійся надѣлавшею въ свое время не мало шума осадой «Бремершлюсселя»—резиденціи «бакунистовъ». А тутъ, какъ снѣгъ на голову, свалилось знаменитое распоряженіе русскаго правительства о немедленномъ возвращеніи на родину изъ-за границы всѣхъ учившихся тогда тамъ русскихъ подъ угрозой лишенія ихъ въ противномъ случаѣ права вернуться впослѣдствіи въ Россію. Распоряженіе это подлило масла въ огонь, вызвало всеобщее негодованіе и настроило рѣзко-оппозиціонно даже ту значительную часть русской молодежи, которая, живя заграницей, занималась исключительно наукой, старательно сторонясь отъ всякой политики. Свое возмутительное распоряженіе правительство мотивировало вреднымъ вліяніемъ на молодежь со стороны русскихъ эмигрантовъ. П. Л. Лавровъ обратился тогда съ воззваніемъ къ «русскимъ женщинамъ»: разбирая это удивительное распоряженіе, П. Л. обращалъ, между прочимъ, (насколько припоминаю) вниманіе на то, что эмигранты *на разстояніи* должны вліять гораздо сильнѣе, чѣмъ вблизи, когда съ ними сталкиваются ежедневно и не могутъ игнорировать ихъ обыденные общечеловѣческіе недостатки и слабости.

Проживая, такъ сказать, на перепутьи между Россіей и Швейцаріей, я невольно сталкивался въ Вѣнѣ со многими, направлявшимися изъ Россіи за границу и оттуда возвращавшимися обратно. Меня посвящали во всѣ подробности текущихъ событій русской жизни и убѣждали, хоть временно, вернуться въ Россію и спеціально въ Одессу, просили взять на себя организацію доставки изъ за границы нелегальной литературы и, главнымъ образомъ, журнала «Впередъ». Съ этой миссіей пріѣзжалъ ко мнѣ даже въ Вѣну, между прочимъ, членъ кружка «Чайковцевъ»—Михаилъ Купріяновъ [1]). Нѣкоторое время я колебался. Меня лично привлекала къ себѣ сравнительно свободная жизнь въ Европѣ и возможность многому здѣсь поучиться и научиться. Но я сознавалъ, что наступилъ моментъ, когда каждый претендующій на званіе гражданина и сына своей родины обязанъ быть на своемъ посту, не считаясь съ вопросами личнаго благополучія и личныхъ удобствъ. Сознаніе долга взяло верхъ. Я рѣшилъ оставить Вѣну и въ послѣднихъ числахъ августа отправился въ Россію на Львовъ.

Здѣсь, во Львовѣ, я встрѣтился съ направлявшимся въ Вѣну на всемірную выставку бывшимъ моимъ учителемъ исторіи въ херсонской гимназіи, Дмитріемъ Павловичемъ Пильчиковымъ, сыгравшимъ не малую роль въ развитіи «украинофильства» въ Россіи. Положительно влюбленный въ «Украйну», о которой онъ не могъ говорить безъ слезъ умиленія, Пильчиковъ всецѣло отдалъ всю свою продолжительную жизнь пропагандѣ украинофильства. Съ обширными историческими знаніями, глубоко убѣжденный патріотъ Украйны, Д. П. своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ привлекалъ къ себѣ сердца чистыхъ и благородныхъ юношей и успѣшно вербовалъ ихъ въ свою вѣру.

---

[1]) См. замѣтку мою: „Страничка изъ воспоминаній“ въ іюньской (1907 г.) книжкѣ „Былого“.

Я познакомился съ Пильчиковымъ еще гимназистомъ 6-го класса, когда онъ перевелся въ Херсонъ преподавателемъ исторіи изъ Полтавы, въ кадетскомъ корпусѣ котораго онъ воспиталъ не мало полезныхъ гражданъ для Украйны. Складъ моего мышленія не располагалъ меня примкнуть къ украинофильству, но я съ наслажденіемъ проводилъ у Пильчикова нѣсколько вечеровъ въ недѣлю, жадно прислушиваясь къ его богатымъ по содержанію и весьма красивымъ по формѣ разсказамъ изъ исторіи Украйны и увлекательнымъ призывамъ къ юношеству. Когда я послѣ «студенческой исторіи» 1889 г. вернулся въ Херсонъ подъ надзоръ полиціи, Дмитрій Павловичъ былъ единственнымъ изъ моихъ бывшихъ гимназическихъ учителей [1]), который встрѣтилъ меня крайне тепло и сердечно, обласкалъ и почти ежедневно приглашалъ къ себѣ для продолжительныхъ бесѣдъ за кружкой пива; онъ же однимъ изъ первыхъ предоставилъ мнѣ у себя урокъ—предложилъ готовить въ гимназію по латинскому языку его единственнаго, страстно любимаго имъ, сына—Колю... [2]).

Извиняюсь за нѣкоторое отступленіе; но я счелъ своей священной обязанностью посвятить хоть здѣсь нѣсколько строкъ этому выдающемуся украинцу, который займетъ, конечно, почетное мѣсто на страницахъ исторіи украинофильскаго движенія...

Итакъ, я нашелъ во Львовѣ Д. П. Пильчикова и громадное удовольствіе, видя, какимъ глубокимъ уваженіемъ и какимъ высокимъ почетомъ онъ пользовался въ этомъ центрѣ свободной части Украйны. Къ нему являлись, какъ бы на поклонъ, всѣ лучшіе представители львовской украинской интеллигенціи—профессора, приватъ-доценты, адвокаты, дѣятели «Просвіта» и др. Пильчиковъ пользовался здѣсь весьма широкой и громкой извѣстностью, такъ какъ въ юности еще онъ былъ близокъ къ кружку Костомарова и Шевченко, и съ тѣхъ поръ продолжалъ неизмѣнно служить пропагандѣ задачъ и идей этого кружка. Если въ Россіи, благодаря постоянному намордннку на печать, Пильчикова тогда знали лишь немногіе, близко съ нимъ соприкасавшіеся, то въ Галиціи, а въ особенности во Львовѣ, имя его пользовалось большой и завидной популярностью. Въ данный моментъ онъ былъ во Львовѣ особенно желаннымъ гостемъ, такъ какъ онъ привезъ значительныя денежныя средства, предоставленныя въ его распоряженіе М—ми для основанія общества и «Друкарни» имени Шевченко.

Радушно встрѣтившись со мною, Пильчиковъ перезнакомилъ меня почти со всѣми активными политическими дѣятелями галиційской Украйны, жившими во Львовѣ. Это была группа прекрасныхъ людей, посвятившихъ себя развитію и просвѣщенію своего народа. Они всѣмъ сердцемъ сочувствовали возникшему въ Россіи движенію и не отказали мнѣ въ своей помощи при устройствѣ пути для перевозки въ Россію заграничной литературы, взявъ лишь съ меня слово, что путь этотъ, въ случаѣ надобности, будетъ служить и для перевозки заграничной украинской литературы.

---

[1]) Другой учитель, товарищески относившійся къ ученикамъ, *Горяевъ* вліялъ исключительно на ихъ литературно-идейное развитіе,—его я уже въ Херсонѣ не нашелъ.

[2]) Н. Д. Пильчиковъ занимаетъ нынѣ каѳедру по физикѣ въ харьковскомъ университетѣ.

Устроивъ все во Львовѣ и получивъ рекомендательныя письма въ пограничный Подволочискъ, откуда «литература» и должна была непосредственно перевозиться въ Россію, я распрощался съ милыми галичанами и чуднымъ, прекраснымъ старикомъ Пильчиковымъ, который горячо расцѣловалъ меня и напутствовалъ меня слѣдующими пророческими словами: «вы идете не моей дорогой, вамъ не миновать Сибири, а, пожалуй, и каторги. Но благословляю васъ, ступайте своей дорогой!»...

Въ Подволочискѣ я пробылъ лишь одинъ день, такъ какъ желѣзнодорожный служащій, къ которому меня направили, былъ уже достаточно подготовленъ и очень охотно принялъ на себя всѣ дальнѣйшія хлопоты по устройству пути.

На другой день я вернулся въ Одессу послѣ 9-ти мѣсячной отлучки.

1873—1874 гг. и народническое движеніе. Арестъ.

I.

Въ Одессѣ я, по возвращеніи, нашелъ замѣтную перемѣну въ настроеніи интеллигентной молодежи. Рѣзко бросались въ глаза бодрый подъемъ духа и большое оживленіе, являвшіеся отраженіемъ наступившаго тогда по всей Россіи всеобщаго бодраго настроенія.

Старые одесскіе друзья и, въ особенности, Волховскіе встрѣтили меня очень тепло и сердечно. Они радовались моему возвращенію, потому что они преисполнены были радужными надеждами на ближайшее будущее и чувствовали большую потребность въ идейныхъ работникахъ.

Кружокъ, который еще въ началѣ 1872 года началъ формироваться вокругъ Волховскаго и меня, значительно расширился и окрѣпъ за сравнительно небольшой 9-ти мѣсячный промежутокъ времени. Въ этомъ сказались, главнымъ образомъ, выдающійся организаторскій талантъ Волховскаго и умѣніе его привлекать къ себѣ симпатіи лучшей части молодежи.

Я вновь принятъ былъ формально въ кружокъ и съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія могъ убѣдиться въ серіозномъ характерѣ и искренней преданности дѣлу всѣхъ его участниковъ.

Кромѣ прежнихъ членовъ, я нашелъ въ составѣ кружка молодого, чрезвычайно симпатичнаго студента-математика (кажется, IV курса) *Виктора Федоровича Костюрина*, тогда еще мало оперившагося, но уже замѣтно выдвигавшагося оригинальностью мышленія и самостоятельнымъ, критически отчетливымъ отношеніемъ къ окружающему,—и нервно подвижнаго, болѣзненно впечатлительнаго бессарабца *Леонида Аполлоновича Дическулло*. Кружокъ находился еще въ первой, такъ сказать, стадіи своей организаціи и не принялъ еще строго-опредѣленной физіономіи, хотя явно отстранялся отъ анархическихъ идеаловъ.

Помимо кружка Волховскій успѣлъ значительно расширить связи свои въ разныхъ слояхъ мѣстнаго «общества», которые могли оказывать намъ разныя существенныя услуги. Ему удалось сойтись кое съ кѣмъ изъ культурно-просвѣтительнаго кружка, заручиться содѣйствіемъ служащихъ разныхъ учрежденій и расположить къ себѣ нѣкоторыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, услуги которыхъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы быть очень полезны для кружка.

Общественное и служебное положеніе самого Волховскаго за это время упрочилось и значительно улучшилось. Онъ уже состоялъ дѣлопроизводителемъ строительнаго отдѣленія городской управы, которымъ завѣдывалъ тогда, занимавшій видное положеніе въ одесскомъ обществѣ крупный сахарозаводчикъ, А. М. Бродскій, щеголявшій своимъ «прогрессивнымъ» образомъ мыслей и «независимостью» и фрондой по отношенію къ администраціи. Бродскому очень льстило то, что ближайшимъ его сотрудникомъ (и подчиненнымъ) является такой выдающійся по уму и дѣловитости человѣкъ, какъ Волховскій, успѣвшій пріобрѣсти въ Одессѣ большую популярность и продолжавшій пользоваться неизмѣннымъ расположеніемъ и уваженіемъ городского головы Н. А. Новосельскаго и всей городской управы.

Мое возвращеніе въ Одессу совпало съ подготовительными работами въ городской управѣ къ назначенной на 5-е сентября (1873 г.) однодневной переписи городского населенія. Я, какъ и нѣкоторые другіе члены нашего кружка, не преминули примкнуть къ числу «счетчиковъ» и, вообще, работниковъ по переписи, такъ какъ это давало намъ возможность, съ одной стороны, стать въ болѣе близкія отношенія къ широкимъ слоямъ населенія, а съ другой стороны—сойтись также тѣснѣе со студенчествомъ, изъ среды котораго меценатомъ учащихся, Новосельскимъ, комплектовалось главное ядро «счетчиковъ», которые, уже по самому характеру своей дѣятельности, не могли не приходить въ постоянное между собой соприкосновеніе. Обстоятельство это имѣло очень существенное значеніе для нашего кружка, такъ какъ въ задачи его входила параллельная работа въ средѣ учащейся молодежи и въ средѣ рабочихъ и ремесленниковъ, преимущественно, въ средѣ существовавшихъ тогда въ Одессѣ рабочихъ «артелей»—каменьщиковъ, плотниковъ, столяровъ, штукатуровъ и др.

2.

Физіономія нашего кружка принимала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опредѣленную окраску и дифференцировку. Программа его принимала постепенно яркій «народническій» характеръ, которымъ явно выдѣлялся уже окончательно къ тому времени сформировавшійся въ Петербургѣ кружокъ «*чайковцевъ*», вступившій въ тѣсный союзъ съ нашимъ кружкомъ и состоявшій въ постоянной перепискѣ съ нимъ по различнымъ практическимъ вопросамъ, пользуясь для переписки спеціальнымъ, временно обусловленнымъ шифромъ.

Связи между «чайковцами» и нашимъ кружкомъ, какъ и нѣкоторыми другими провинціальными кружками, (харьковскимъ, кіевскимъ,

самарскимъ и друг.) поддерживались и укрѣплялись не одной лишь перепиской, но и личными наѣздами «чайковцевъ». За короткое время (4—5 мѣсяцевъ), которое мнѣ суждено было пробыть на работѣ кружка, до моего «изъятія» изъ его среды, въ Одессѣ, напр., побывали, какъ самъ основатель кружка, *Николай Васильевичъ Чайковскій*, такъ и спеціальный, такъ сказать—«ревизоръ»—*Николай Аполлоновичъ Чарушинъ*.

И Чайковскій, и Чарушинъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе удивительной *цѣльностью* своей личности, своей яркой *индивидуальностью*, глубоко-продуманной *принципіальностью* и *убѣжденностью* и беззавѣтной преданностью тому дѣлу, на служеніе которому они безповоротно отдали всѣ свои крупныя силы и недюжинныя способности.

Отличительной чертой этихъ двухъ видныхъ «чайковцевъ», чертой, пріятно бросавшейся въ глаза съ перваго же момента знакомства съ ними, была необычайная ихъ *простота*, скромность и отсутствіе всякой рисовки,—отсутствіе самомалѣйшаго оттѣнка «*генеральства*», которое въ то время присуще было, къ сожалѣнію, многимъ юнымъ «дѣятелямъ», въ особенности изъ среды «бакунистовъ», наровившимъ позировать въ роли Лео, а то и Робеспьера, и быстро стушевывавшимся и поворачивавшимъ круто на-право, какъ только являлась малѣйшая опасность для ихъ ближайшей карьеры. Для меня черта эта въ видныхъ піонерахъ нашей революціонной дѣятельности была особенно цѣнна еще и потому, что мнѣ пришлось достаточно насмотрѣться и за границей на это стремленіе къ генеральству и страсть къ рисовкѣ.

Н. В. Чайковскій прибылъ къ намъ въ Одессу не на совсѣмъ, кажется, легальномъ положеніи, такъ какъ онъ уже на первыхъ порахъ своей дѣятельности взятъ былъ охранными властями «на замѣчаніе». Онъ оставался у насъ самое короткое время, имѣя цѣлью лишь личное ознакомленіе съ членами кружка. Совѣщаніе его съ нами длилось много часовъ подъ-рядъ, въ теченіе которыхъ Н. В. развивалъ profession de foi чайковцевъ, знакомилъ насъ съ ихъ ближайшими задачами и цѣлями и характеромъ ихъ работы, интересуясь взаимно и нашимъ взглядомъ на положеніе вещей, и нашей работой, и нашими чаяніями и надеждами.

Болѣе продолжительно было пребываніе въ Одессѣ Н. А. Чарушина, выработавшаго, такъ сказать, договорные пункты нашихъ союзническихъ отношеній, способы нашихъ взаимныхъ сношеній, районы дѣятельности, способы доставки «литературы» и т. д.

Чарушинъ, какъ помнится, пріѣхалъ къ намъ изъ Крыма уже послѣ продолжительнаго странствованія по Россіи, такъ что его разсказы и сообщенія, основаные на личныхъ наблюденіяхъ и личныхъ знакомствахъ, имѣли для насъ большое и поучительное значеніе. Результаты и выводы его поѣздки подѣйствовали на насъ ободряющимъ образомъ, такъ какъ они наглядно убѣждали насъ въ томъ, что мы далеко не такъ одиноки, какъ мы раньше думали, какъ и въ томъ, что оппозиціонно революціонная дѣятельность дѣлаетъ въ Россіи быстрые успѣхи, проникая въ самые отдаленные и глухіе ея углы.

При первомъ знакомствѣ Чарушинъ пораженъ былъ рѣзкимъ различіемъ въ его и моихъ основныхъ политическихъ воззрѣніяхъ. Въ то время, какъ его симпатіи тогда были, кажется, цѣликомъ на сторонѣ анархизма и анархистовъ, я категорически заявилъ себя «государственникомъ»,—человѣкомъ, не признающимъ возможности дальнѣйшаго прогресса *человѣчества*, какъ такового, иначе, какъ въ формѣ того или иного *государственнаго* строя. Склоняясь всѣми своими душевными и сердечными симпатіями къ *соціализму*, рѣзко-враждебно относясь къ существовавшему у насъ въ Россіи политическому и соціально-экономическому строю, я, тѣмъ не менѣе, не находилъ возможнымъ отрѣшиться отъ *государственности* вообще и *всякихъ* государственныхъ формъ. Я полагалъ (и при этомъ убѣжденіи я остался навсегда), что то человѣчество, которое *я* знаю, и съ которымъ *я* имѣю дѣло, не можетъ, *пока оно останется тѣмъ*, *что оно есть*,— развиваться и прогрессировать иначе, какъ въ опредѣленныхъ *государственныхъ* формахъ, обусловливающихъ общую дисциплину и законо-уполномоченную власть. Н. А. Чарушинъ, какъ и многіе другіе, какъ и нѣкоторые члены нашего одесскаго кружка (хотя отнюдь не большинство его) признавали *тогда* такой взглядъ ересью и просто поражались имъ. Но, къ счастью для общаго дѣла, это нисколько, однако, не мѣшало нашему взаимному уваженію и сближенію. Я, какъ и всѣ члены нашего кружка, разстался съ Чарушинымъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и дружба эта впослѣдствіи, какъ во время процесса 193-хъ, такъ и въ Сибири, когда взгляды наши значительно сблизились, еще болѣе окрѣпла, оставаясь таковой и понынѣ.

Я лично примкнулъ къ «народническому» кружку потому, что для меня ясно было, что русская жизнь не можетъ подвинуться ни на іоту впередъ, пока въ Россіи сохраняется ея самодержавно-неограниченный политическій строй, одинаково угнетающій и личность, и общество. Коренное же измѣненіе политическаго строя и ниспроверженіе самодержавія я считалъ немыслимымъ безъ участія въ этой работѣ самого «народа» въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Тогда (въ 1873 г.), правда, не царилъ уже, какъ года 2—3 назадъ, въ кружкахъ молодежи (въ особенности, студенческой) тотъ односторонній и пагубный взглядъ, что политическія формы не имѣютъ и не должны имѣть для истинныхъ друзей народа существеннаго значенія, и что монархически-самодержавный на демократической основѣ строй предпочтительнѣе-де республиканскаго образа правленія, опирающагося на буржуазію и плутократію [1]). Но, тѣмъ не менѣе, въ кружкахъ радикальной молодежи еще и тогда замѣчалось довольно равнодушное и почти безразличное отношеніе къ вопросамъ политическаго характера, съ чѣмъ мое реально-практически настроенное міровоззрѣніе не могло мириться.

---

[1]) Въ Петербургѣ, въ 1868—9 гг., на собраніяхъ нѣкоторыхъ „радикальныхъ“ студенческихъ кружковъ ставился даже на баллотировку вопросъ: что предпочтительнѣе—самодержавіе и демократическое правительство (sic!) или республика при буржуазномъ правительствѣ? Значительнымъ большинствомъ голосовъ вопросъ рѣшался обыкновенно, въ пользу перваго...

3.

Находясь въ прямыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ петербургскимъ кружкомъ «чайковцевъ», мы, разумѣется, не мало интересовались и другими кружками—въ особенности ближайшимъ къ намъ кіевскимъ, съ которымъ у насъ очень скоро завязались постоянныя сношенія, а также московскимъ, между членами котораго было не мало личныхъ друзей и знакомыхъ Волховскаго. Съ однимъ изъ нихъ, *Наталіей Армфельдъ*, я имѣлъ возможность также познакомиться въ 1873 году.

Не припомню, пріѣхала ли она въ Одессу съ спеціальной цѣлью—познакомиться съ нашимъ кружкомъ, или она остановилась у насъ случайно—проѣздомъ въ Крымъ. Пробыла она у насъ около недѣли, остановившись въ одной изъ фешенебельныхъ гостинницъ съ своимъ сановнымъ братомъ (если не ошибаюсь, губернаторомъ одной изъ остзейскихъ губерній).

Первое мое знакомство съ нею произошло на улицѣ, когда я встрѣтилъ ее съ однимъ изъ членовъ нашего кружка. Уже издали она невольно привлекла мое вниманіе своимъ выдающимся ростомъ и крупной своей фигурой, которые тѣмъ рѣзче выдѣлялись, что ея попутчикъ былъ ниже средняго роста: съ первыхъ же словъ я не удержался отъ встрѣченнаго хохотомъ замѣчанія, что ея фигура и ростъ совершенно неприспособленны къ конспиративной дѣятельности...

Наталія Армфельдъ была одна изъ тѣхъ первыхъ русскихъ женщинъ, которыя рѣшительно и безповоротно, послѣ серьезной борьбы и внутренней ломки, порвали со всѣмъ своимъ прошлымъ,—со всѣми привычками, унаслѣдованными ими отъ барской среды, въ которой онѣ выросли и получили свое воспитаніе,—и беззавѣтно, безъ рефлексій всецѣло отдали себя на великое служеніе дѣлу освобожденія своей родины. Въ ея лицѣ мы имѣли передъ собой глубоко убѣжденнаго человѣка, цѣликомъ воспріявшаго (какъ и весь московскій кружокъ, къ которому она принадлежала) всю программу и все profession de foi чайковцевъ.—Мы воспользовались ея пребываніемъ въ Одессѣ, чтобы войти въ болѣе тѣсныя и непосредственныя сношенія съ московскимъ кружкомъ, условившись насчетъ адресовъ, шифра и т. п.

Помимо чайковцевъ и членовъ другихъ кружковъ, состоявшихъ съ нашимъ кружкомъ въ союзническихъ отношеніяхъ, осенью и зимою 1873 наѣзжали въ Одессу и представители разныхъ другихъ группъ, программа и дѣятельность которыхъ значительно отличались отъ нашихъ. Нѣкоторые изъ нихъ бросали, подобно мнѣ, заграничные университеты и возвращались на родину, чтобы принять непосредственное посильное участіе въ поднявшемся общемъ освободительномъ движеніи. Изъ нихъ одни зачислялись въ студенты Новороссійскаго университета, вербуя здѣсь для себя адептовъ, другіе старались завязывать сношенія съ рабочими, третьи наѣзжали лишь на самое короткое время, чтобы заводить знакомство съ мѣстными общественными силами, популяризировать свою программу и привлекать на свою сторону

мѣстныя организованныя группы. Такъ, вскорѣ послѣ возвращенія моего въ Одессу, я встрѣтился здѣсь съ *Владимиромъ Дебагоріо-Мокріевичемъ*, представителемъ «бакунизма» на югѣ Россіи, *Серіемъ Филипповичемъ Коваликомъ*, братьями *Жебуневыми* и нѣкоторыми другими.

Въ то время, какъ нашъ одесскій кружокъ почти всецѣло примыкалъ къ *пропагандистскому* (лавристскому) отдѣлу народничества и въ основу своего міровоззрѣнія клалъ принципъ, что серьезный государственный переворотъ мыслимъ и проченъ лишь при условіи широкой, систематической и неустанной *пропаганды*, многіе изъ являвшихся къ намъ на гастроли проявляли склонность къ *бунтарскому* теченію народничества: «*бунтари*» или «*вспышко-пускатели*», какъ называли болѣе крайнихъ изъ нихъ, полагали, что недостаточна одна устная или печатная пропаганда, которая сама по себѣ мало де можетъ подвинуть впередъ революціонное дѣло, и что въ интересахъ большей интенсивности послѣдняго слѣдуетъ приступить безотлагательно къ бунтамъ, слѣдуетъ вызывать «вспышки» всюду, гдѣ только представляется благопріятный къ этому случай, такъ какъ только этимъ путемъ, думали они, народная масса будетъ непосредственно сталкиваться съ правительствомъ и эксплуатирующей ее буржуазіей,— только этимъ путемъ она должна будетъ убѣждаться *на фактахъ* въ полной враждебности къ ней и правительства, и буржуазіи—и такимъ образомъ, будетъ-де получать надлежащее *революціонное воспитаніе*.

Единственная и весьма непродолжительная бесѣда моя съ Дебагоріо-Мокріевичемъ убѣдила и меня, и его въ томъ, что между нами нѣтъ ничего общаго.—Въ то время Дебагоріо-Мокріевичъ представлялъ собою чистѣйшій типъ «*бакуниста*», до мозга костей пропитаннаго теоріями и взглядами Бакунина, развитыми имъ въ его извѣстной книгѣ: «Государственность и Анархія». Онъ былъ несказанно удивленъ и пораженъ, когда узналъ отъ меня, что я «государственникъ».—«Какъ! Неужели же вы государственникъ!», воскликнулъ Мокріевичъ съ удивленіемъ,—и въ его вопросѣ - восклицаніи слышались нотки глубокаго изумленія, смѣшаннаго съ пренебреженіемъ. Повидимому, въ то время для Дебагоріо-Мокріевича съ этимъ словомъ связывалось представленіе о чемъ-то крайне непозволительномъ и мерзкомъ, что только можно представить себѣ со стороны оппозиціонно-настроеннаго молодого человѣка. Для меня ясно было, что для Дебагоріо-Мокріевича (*того времени*) для человѣчества не было спасенія внѣ анархіи и анархическихъ идеаловъ, и что всякій, не признававшій универсальной цѣлебности «вольнаго союза общинъ, организованнаго снизу вверхъ», являлся въ его глазахъ чѣмъ-то весьма близкимъ къ реакціонеру.

Съ С. Ф. Коваликомъ, главнымъ представителемъ (совмѣстно съ Ѳ. Н. Лермонтовымъ) Бакунина въ Петербургѣ и, вообще, на сѣверѣ,—я столкнулся лишь разъ случайно на квартирѣ нашей общей пріятельницы—Ольги Разумовской-Романовской. — Онъ, повидимому, уже ознакомленъ былъ со словъ послѣдней съ моимъ міровоззрѣніемъ и съ общимъ настроеніемъ нашего кружка, къ которому при-

надлежала и Разумовская, такъ что, при всей своей слабости къ преніямъ, онъ счелъ даже излишнимъ вступить въ какой-либо диспутъ съ нами. — Коваликъ, если я не ошибаюсь, сочувствовалъ «вспышко-пускателямъ» (по крайней мѣрѣ, болѣе умѣреннымъ изъ нихъ); онъ довольно пессимистически относился къ пропагандистской дѣятельности, полагая, что воздѣйствіе на народную массу возможно лишь путемъ *реальныхъ* фактовъ-бунтовъ, а не путемъ словесныхъ бесѣдъ или распространенія «хорошихъ книжекъ», которымъ онъ, въ смыслѣ возбужденія активной революціонности, почти никакого значенія не придавалъ.

Братья Жебуневы, въ особенности старшій изъ нихъ, Николай Александровичъ, (ставшій, увы! скоро ренегатомъ) и младшій, Сергѣй Александровичъ, производили на меня чрезвычайно сильное и глубокое впечатлѣніе своей *личностью*. Сыновья очень богатаго помѣщика Екатеринославской губерніи (отецъ ихъ, отставной штабъ-ротмистръ, имѣлъ въ Екатеринославскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ до 7000 десятинъ земли), они сумѣли совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ привычекъ своего класса и жили въ обстановкѣ безусловно-демократической и даже бѣдной. Изъ ихъ обихода совершенно изгнана была «прислуга», какъ и всякій само малѣйшій намекъ на барство и зажиточность. Поразительнымъ явился въ этомъ отношеніи Сергѣй (или «Сережа», какъ любовно называли его всѣ близкіе), принципіально не позволявшій себѣ ничего изъ того, что недоступно самому бѣдному рабочему. При встрѣчѣ съ нимъ, никто бы не подумалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ сыномъ богатѣйшаго помѣщика, выросшимъ въ довольствѣ и холѣ, получавшимъ вполнѣ достаточныя средства не только для безбѣдной, но и зажиточной жизни. Тратилъ онъ на себя лишь ничтожную долю тѣхъ денегъ, которыя ему высылали: одѣвался бѣдно, даже нищенски, кормился плохо, хуже многихъ рабочихъ, жилъ въ убогой конурѣ. Львиную долю своихъ средствъ онъ расходовалъ на нужды партіи, на помощь недостаточнымъ товарищамъ.—Таковымъ я зналъ Сергѣя въ Одессѣ, таковымъ онъ остался на всю жизнь, таковымъ онъ былъ и въ тюрьмѣ, и въ ссылкѣ, гдѣ мнѣ приходилось мыкать съ нимъ не мало общаго горя. Пуритански-строгій къ самому себѣ, Сергѣй, однако, былъ всегда терпимъ къ слабостямъ другихъ и, принципіально отрѣшившись отъ всякой личной жизни, отказывалъ себѣ во многомъ существенномъ и необходимомъ, разрѣшая себѣ лишь крайній минимумъ того, что нужно для поддержанія сноснаго существованія, Сергѣй широко помогалъ всѣмъ его окружающимъ, признавая дла нихъ дозволеннымъ то, въ чемъ отказывалъ себѣ лично. Это былъ рѣдкій экземпляръ «кающагося дворянина», претворившій всѣ вѣрованія, чаянія и теоріи послѣдняго въ плоть и кровь и оставшагося навсегда имъ щепетильно вѣрнымъ и послѣдовательнымъ. Его по истинѣ апостольскій образъ жизни и личный примѣръ безукоризненно-чистой и честной жизни служили для многихъ ободреніемъ и поддержкой въ трудную минуту жизни. Такія цѣльныя и непосредственныя натуры мнѣ больше въ жизни не попадались, я встрѣчалъ ихъ лишь въ такихъ романахъ, какъ «Знаменія времени» Мордовцева и ему подобныхъ... Можно съ

такими людьми не соглашаться, можно, пожалуй, считать ихъ непригодными для той или другой сложной общественно-государственной функціи, но передъ ними нельзя не преклоняться всюду и вездѣ и, мысленно вспоминая о нихъ, нельзя не воскликнуть благоговѣйно: «это—*человѣкъ*!»...

Братья Жебуневы временно осѣли въ Одессѣ. Это были чистые лавристы-пропагандисты, не сочувствовавшіе бунтарямъ и вспышкопускателямъ и отрицательно относившіеся къ анархіи и анархистамъ. Старшій братъ, Николай Александровичъ, завелъ, кажется, собственную кузницу, въ которой работалъ онъ самъ и Сергѣй (а впослѣдствіи Трудницкій, предавшій потомъ и ихъ, и другихъ), ведя успѣшно пропаганду между рабочими. Хотя они и сталкивались съ членами нашего кружка, но держались особнякомъ, не вступая ни въ какія союзническія съ нимъ отношенія. Когда пріѣхалъ въ Одессу наиболѣе сильный изъ нихъ по эрудиціи и научно-теоретическому обоснованію ихъ міровоззрѣнія—Владиміръ Александровичъ съ женой—Маріей Александровной (урожденной Блиновой), сношенія «Сенъ-Жебунистовъ» (такъ почему-то окрестили ихъ «власти», а за ними и авторы мемуаровъ) съ другими одесскими группами усилились, и ихъ можно было чаще встрѣчать въ кружкахъ мѣстной интеллигенціи.

IV.

Между членами нашего кружка естественнымъ путемъ совершался процессъ «раздѣленіе труда», и распредѣлялись соотвѣтствующія функціи.

Костюринъ, Дическулло, Ж—скій и нѣкоторые другіе приняли на себя пропаганду непосредственно «въ народѣ», т. е. на первыхъ порахъ—пока я оставался еще «на свободѣ» (а я говорю пока лишь объ этомъ краткомъ періодѣ) въ средѣ одесскихъ ремесленниковъ и рабочихъ. Они разными путями завязывали сношенія съ отдѣльными членами различныхъ артелей и, черезъ ихъ посредство, сближались потомъ и съ другими, обучая ихъ грамотѣ и элементарной ариѳметикѣ, читая имъ разныя книжки и ведя популярныя бесѣды на злобы дня.—Я принялъ на себя письменныя сношенія съ петербугскимъ и другими иногородними кружками и заботы объ устройствѣ путей для полученія изъ-за границы «литературы». Не считая себя способнымъ на непосредственную работу «въ народѣ», я все-таки счелъ себя обязаннымъ сдѣлать хоть слабую попытку въ этомъ родѣ: раза три или четыре я нагружалъ себя разными народными брошюрами (въ родѣ «Митюха», «Дѣдушка Егоръ», «Юривая», «Французскій крестьянинъ» Шатріана и т. п.) и отправлялся съ ними по наиболѣе посѣщаемымъ рабочими трактирамъ, примащивался къ тому или другому столику, за которымъ рабочіе распивали чай, заводилъ съ ними бесѣду, раскладывалъ передъ ними свой «товаръ» (самыя дешевыя «книжечки» цѣною въ одну-двѣ-три копѣйки) и соблазнялъ ихъ пріобрѣтать эти «книжечки», посвящая ихъ вкратцѣ въ ихъ содержаніе. Удавалось мнѣ, правда, сбывать десятокъ-другой «хорошихъ» книжекъ да мало

толку отъ этого выходило, и я нашелъ возможнымъ освободить себя отъ этой добровольно принятой на себя роли.

Ф. В. Волховскій, пользуясь многочисленными заведенными имъ знакомствами, добывалъ «адреса» для разныхъ надобностей, пріобрѣталъ «квартиры» для явокъ и храненія «литературы», запасалъ на случай надобности паспорта, собиралъ деньги, завязывалъ сношенія въ бюрократическихъ сферахъ и т. п. Кромѣ того, онъ принялъ на себя, совмѣстно со мною, вербовку союзниковъ и членовъ кружка въ средѣ интеллигентной молодежи.

Въ Одессу вернулся,—кажется, почти одновременно съ моимъ возвращеніемъ,—изъ административной высылки и Андрей Ивановичъ Желябовъ, который во время подневольнаго пребыванія своего внѣ Одессы коротко сблизился съ семьей виднаго одесскаго общественнаго дѣятеля—гласнаго городской думы и члена городской управы, г. Яхненко Семиренко: Желябовъ жилъ въ домѣ послѣдняго при сахарномъ заводѣ (въ Городищенскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи), давая уроки его дочерямъ, съ старшей изъ которыхъ, Ольгой Семеновной, онъ близко сошелся и впослѣдствіи на ней женился.

Благодаря близкимъ отношеніямъ къ Яхненко, Желябовъ получилъ возможность устроить своего близкаго пріятеля *Зотова* директоромъ одесскаго городского сиротскаго дома и сформировалъ для послѣдняго штатъ дѣльныхъ идеально-настроенныхъ учителей, въ составъ которыхъ входили: онъ самъ, Франжоли, Желтовскій и нѣкоторые другіе, родственные имъ по духу.

Находясь въ глуши, сталкиваясь почти исключительно съ культурными дѣятелями и культурно-просвѣтительной дѣятельностью, Желябовъ и самъ увлекся земской дѣятельностью и въ Одессу вернулся съ вѣрой въ то, что на этомъ поприщѣ можно приносить существенную пользу тому крестьянству, интересамъ котораго онъ, какъ истый крестьянинъ, преданъ былъ всецѣло.

Я познакомилъ Желябова съ Волховскимъ, и мы рѣшили во что бы то ни стало привлечь Желябова къ дѣятельности нашего кружка, не безъ основанія разсчитывая, что при своемъ выдающемся ораторскомъ талантѣ и при его способности увлекать за собою молодежь,—Желябовъ будетъ очень полезнымъ пропагандистомъ и вербовщикомъ въ средѣ послѣдней. Кружокъ вполнѣ согласился со мной, и на меня возложены были переговоры съ Желябовымъ о присоединеніи его къ нашему кружку.

Въ памяти моей живо воскресаетъ, какъ будто это было только вчера, состоявшееся по этому поводу на моей квартирѣ (я нанималъ тогда комнату въ квартирѣ популярнаго еврейскаго писателя, присяжнаго повѣреннаго М. Г. М—са) объясненіе между мною и покойнымъ Андреемъ Ивановичемъ.

Я изобразилъ передъ Желябовымъ тяжелый гнетъ переживаемой нами реакціи, указалъ на всѣ преграды, какія систематически ставятся правительствомъ по пути мирной культурной работы, перечислилъ всѣ тѣ гоненія, которыя предприняты противъ земскихъ учрежденій и земскихъ дѣятелей и отмѣтилъ рѣзкое повальное бѣгство, благодаря этому, лучшихъ людей изъ среды послѣднихъ, потерявшихъ

всякую надежду на сколько-нибудь продуктивную работу на этомъ поприщѣ. Затѣмъ, очертивъ передъ Желябовымъ въ общихъ чертахъ характеръ и задачи нашего кружка, я предложилъ ему войти въ составъ послѣдняго и своей энергіей и выдающимися своими способностями послужить дѣлу освобожденія народа отъ тяготѣющихъ надъ нами гнета и эксплуатаціи.

Все время я внимательно слѣдилъ за чрезвычайно подвижной физіономіей Желябова, и отъ меня не могло ускользнуть то необычайное волненіе, которое все сильнѣе и сильнѣе охватывало его, по мѣрѣ развитія мною сдѣланнаго ему предложенія. Когда я кончилъ, Желябовъ поставилъ мнѣ категорическій вопросъ: какъ я бы поступилъ, если бы на моихъ рукахъ находилась нѣжно-любимая семья: отецъ, мать, братья и сестры, благосостояніе которыхъ всецѣло зависѣло бы отъ меня, и мнѣ, при этихъ условіяхъ, было бы предложено примкнуть къ такой организаціи, принадлежность къ которой сопряжена была бы съ серьезнымъ рискомъ и могла бы, во всякомъ случаѣ, лишить меня возможности быть полезнымъ любимой семьѣ.

Шелъ мнѣ тогда 23-й годъ. Весь и всецѣло я былъ поглощенъ идеей долга передъ родиной и народомъ. Естественно вполнѣ, что я рѣшительно и безъ колебаній отвѣтилъ Желябову приблизительно слѣдующее: конечно, чувства любви къ родителямъ и роднымъ—святыя и дорогія чувства; конечно, каждый изъ насъ безусловно обязанъ заботиться о своихъ близкихъ, обязанъ помогать имъ по мѣрѣ силъ и возможности. Но есть чувства и долгъ болѣе повелительные, чѣмъ эти: это—чувство любви къ родинѣ, это—долгъ по отношенію къ этой родинѣ и къ своему народу,—и если бы мнѣ пришлось выбирать между долгомъ къ семьѣ и долгомъ къ родинѣ, я, конечно, (какъ бы это мучительно для моихъ личныхъ чувствъ ни было) выбралъ бы послѣдній,—тѣмъ болѣе, прибавилъ я, что пока мы еще переживаемъ такое время, когда конфликтъ между этими двумя долгами не неизбѣженъ и возможно еще вполнѣ совмѣстить одинъ съ другимъ.

Въ глубокомъ волненіи Желябовъ съ четверть часа энергически прошагалъ по моей комнатѣ. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ заявилъ мнѣ, что беретъ себѣ на размышленіе три дня и распростился со мною.

Черезъ 3 дня, Желябовъ, замѣтно осунувшійся, явился ко мнѣ и проникновеннымъ голосомъ объявилъ мнѣ, что Рубиконъ имъ перейденъ, корабли сожжены, и онъ окончательно и безповоротно рѣшилъ примкнуть къ нашему кружку. Я ознакомилъ тогда его съ составомъ кружка и предложилъ ему принять на себя пропаганду въ средѣ интеллигентнаго общества. Желябовъ очень охотно принялъ на себя эту миссію, заявивъ, что онъ предоставляетъ себя всецѣло въ распоряженіе кружка.

Съ этого момента народническое движеніе обогатилось крупной выдающейся личностью, которой суждено было впослѣдствіи сыграть первостепенную историческую роль. Это было приблизительно въ ноябрѣ или декабрѣ 1873 года, за два или три мѣсяца до моего ареста...

Еще одну крупную по энергіи и способностямъ личность посча-

стливилось мнѣ въ томъ же году присоединить къ нашему кружку: *Анну Макаревичъ*, урожденную Розенштейнъ, впослѣдствіи извѣстную подъ фамиліей извѣстнаго итальянскаго соціалиста—*Коста*, за котораго она вышла замужъ заграницей.

Молодая, 16-лѣтняя дѣвушка, уроженка г. Симферополя, дочь богатыхъ родителей и воспитанница симферопольской гимназіи,— Анна Розенштейнъ по окончаніи курса послѣдней, увлеченная общимъ движеніемъ, за годъ или два передъ этимъ отправилась въ Цюрихъ, гдѣ послѣ блестяще выдержаннаго конкурснаго экзамена, чуть ли не одной изъ первыхъ женщинъ поступила въ политехникумъ, доступъ въ который былъ далеко не легкій. Какъ ни манила ее къ себѣ на первыхъ порахъ наука, но, при ея очень молодой, чрезвычайно впечатлительной и увлекающейся натурѣ, она не могла оставаться пассивной зрительницей происходившаго тогда около нея интенсивнаго общественнаго движенія въ средѣ многочисленной тогда цюрихской колоніи русскихъ учащихся. Со свойственной ей экспансивностью, она—какъ мнѣ разсказывали—уничтожила свой аттестатъ и свой студенческій билетъ, окунулась головой въ окружающую живую дѣйствительность и примкнула къ кружку лицъ, собиравшихся въ Россію для активнаго участія въ борьбѣ съ русскимъ правительствомъ и поддерживаемымъ имъ соціально-экономическимъ порядкомъ вещей. Въ Цюрихѣ же она близко сошлась и вышла замужъ за одессита, Петра Моркеиловича *Макаревича*, стоявшаго на цѣлую голову ниже ея по уму и развитію, да и въ нравственномъ отношеніи,—и, вернувшись вмѣстѣ съ нимъ въ Россію, поселилась въ Одессѣ.—Не припомню, по какому случаю она поселилась въ квартирѣ того же М—са въ сосѣдней съ моей комнатѣ. Это дало мнѣ возможность близко съ ними познакомиться и, уже за нѣсколько недѣль передъ моимъ арестомъ, присоединить ихъ обоихъ къ нашему кружку.

5.

Завязавъ и упрочивъ регулярныя сношенія съ другими кружками, устроивъ «квартиру» для храненія «литературы», мы должны были позаботиться объ окончательной организаціи «пути» для доставки изъ-за границы журнала «Впередъ» и другихъ изданій. Это былъ весьма существенный и важный пунктъ дѣятельности нашего кружка— тѣмъ болѣе, что и чайковцы, и москвичи возлагали надежды на нашъ южный «путь».

Хотя я передъ возвращеніемъ въ Одессу и наладилъ пересылку «литературы» черезъ Подволочискъ, но я самъ сознавалъ, что путь этотъ—не совсѣмъ надежный, такъ какъ, во 1-хъ, австрійская граница тогда уже слишкомъ тщательно охранялась жандармами, и пограничныя австрійскія власти преисполнены были готовности оказывать всяческія услуги русскому правительству, а во 2-хъ, главный посредникъ при пересылкѣ черезъ эту границу книжной контрабанды—служащій австрійской пограничной желѣзно-дорожной станціи (Подволочискъ) К—скій производилъ на меня впечатлѣніе слишкомъ неопытнаго

человѣка, мало приспособленнаго къ конспиративнымъ сношеніямъ. Поэтому, я осенью 1873 года отправился изъ Одессы на границу Румыніи, по близости которой—въ домѣ молдавскаго помѣщика, мирового судьи—учительствовалъ тогда одинъ изъ моихъ и Желябова знакомыхъ, бывшій студентъ Новороссійскаго университета, В—скій. Имѣніе, въ которомъ послѣдній проживалъ, находилось всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы, и намъ казалось, что было бы очень удобно организовать здѣсь пунктъ для перевозки изъ-за границы «литературы». У В—скаго я пробылъ нѣсколько дней, съѣздилъ съ нимъ на самую границу и заручился его обѣщаніемъ сдѣлать все возможное и нужное въ этомъ отношеніи.

Такъ какъ до свѣдѣнія нашего дошло, что осенью того же 1873 г. произошло нѣсколько проваловъ на Подволочиской границѣ, и носились слухи, что неудачныя попытки нѣкоторыхъ «бакунистовъ» воспользоваться устроенными другими на австрійской границѣ «путями» для перевозки нелегальщины провалили послѣдніе, то я вынужденъ былъ отправиться для провѣрки этихъ слуховъ на австрійскую границу. Взять въ установленномъ порядкѣ заграничный паспортъ было по многимъ соображеніямъ неудобно, и я рѣшилъ добыть въ Волочискѣ какой-нибудь паспортъ у контрабандистовъ.—Хозяинъ квартиры, на которую я заѣхалъ въ Волочискѣ по рекомендаціи «свѣдущихъ лицъ», снабдилъ меня «настоящимъ»» паспортомъ турецкаго подданнаго за 40 рублей, и съ этимъ паспортомъ я явился на другой день на Волочискій вокзалъ и предъявилъ его жандармамъ для отмѣтки. Тутъ произошелъ совершенно непредвидѣнный казусъ, который могъ бы преждевременно повлечь за собою весьма прискорбныя для меня послѣдствія. Хотя я хорошо затвердилъ имя и фамилію владѣльца моего паспорта, и память моя въ то время была рѣдкохорошая, и я могъ вполнѣ на нее положиться, я тѣмъ не менѣе послѣ передачи паспорта жандарму вдругъ, по какому-то странному капризу памяти, забылъ и имя, и фамилію свою по паспорту. Какъ быть? Я моментально рѣшился на отчаянный и единственный выходъ изъ такого положенія. Выждавъ, пока изъ комнаты жандармскаго офицера вышелъ послѣдній пассажиръ съ своимъ документомъ, я стремглавъ ворвался къ жандарму, визировавшему паспорта, и накинулся на него съ напускными рѣзкими упреками за то, что онъ задерживаетъ меня, а поѣздъ-де сейчасъ же уходитъ въ Подволочискъ. Офицеръ смутился и, растерявшись, протянулъ руку къ единственному оставшемуся на его столѣ паспорту и, спросивъ: «Это Вашъ паспортъ?», вручилъ его мнѣ. Я бросился въ свой вагонъ, и поѣздъ умчалъ меня въ Подволочискъ.

Желѣзно-дорожный чиновникъ, русинъ К—скій, нашъ посредникъ по переправѣ «литературы» черезъ австрійскую границу, самымъ положительнымъ образомъ увѣрилъ меня, что контрабандисты, съ которыми онъ состоитъ въ сношеніяхъ, цѣлы и невредимы, заслуживаютъ полнаго довѣрія и будутъ исправно переправлять черезъ границу все, что будетъ доставляться для меня въ Подволочискъ. Успокоившись на этотъ счетъ, я отправился для дополнительныхъ переговоровъ во Львовъ и Вѣну, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, повидав-

шись съ Шаемъ, съ Вернеромъ и нѣкоторыми русскими, проживавшими въ Вѣнѣ. Возвращаясь съ тѣмъ же турецкимъ паспортомъ обратно, я изъ Подволочиска переслалъ съ контрабандистомъ черезъ границу въ Волочискъ чемоданчикъ съ разными русскими и иностранными изданіями. Чемоданчикъ осторожно переданъ былъ мнѣ въ Волочискѣ на станціи послѣ того уже, какъ вещи мои были «досмотрѣны»; я забралъ его въ вагонъ и благополучно привезъ его съ собой въ Одессу.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія вновь начали циркулировать по городу тревожные слухи о правилахъ на австрійской границѣ, о произведенныхъ тамъ арестахъ, о захватѣ большого транспорта съ книгами и о розыскахъ какого-то *Иванова*, которому-де принадлежитъ захваченный транспортъ.

Надо сказать, что «Ивановъ» былъ условленный мною съ подволочискимъ нашимъ сотрудникомъ К—мъ псевдонимъ, подъ которымъ я долженъ былъ являться въ Одессѣ на квартиру нѣкоего З—ча, компаньона пограничнаго контрабандиста, непосредственно съ которымъ велъ дѣло К—скій. Я, по возвращеніи, раза два являлся на эту квартиру, но хозяинъ послѣдней, старикъ-еврей З—чъ, встрѣчалъ меня съ большою осторожностью, заявлялъ мнѣ, что товаръ еще не прибылъ. Прошло нѣкоторое время. Въ виду усилившихся тревожныхъ слуховъ о розыскахъ нѣкоего Иванова, я прекратилъ посѣщенія квартиры З—ча, рѣшивъ съ согласія кружка нѣкоторое время выждать.

Вдругъ, въ одинъ прекрасный день я узналъ отъ близкаго товарища своего по гимназіи (въ то время уже студента Новороссійскаго университета) Г. П—ча, что къ нему являлся какой-то странный субъектъ-еврей ветхозавѣтнаго покроя съ письмомъ изъ Подволочиска и отъ имени подволочискаго желѣзно-дорожнаго чиновника К—го разспрашивалъ его объ адресѣ якобы его, П—ча, знакомаго—*Иванова*. Это обстоятельство внесло неожиданное и серіозное осложненіе. Дѣло въ томъ, что я условился съ К—мъ, что въ экстренныхъ случаяхъ онъ можетъ направлять «вѣрныхъ» людей къ П—чу (адресъ котораго я ему сообщилъ) съ просьбой свести ихъ съ Ивановымъ. Такъ какъ, въ виду моей короткой близости къ П—чу, я у него бывалъ очень часто, то подобная явка къ нему не могла бы оставаться для меня секретомъ.

И вотъ, возникъ очень серіозный вопросъ: какъ поступить? Тотъ фактъ, что «подозрительному» субъекту сообщенъ былъ адресъ П—ча, наводилъ естественно на мысль, что субъектъ этотъ отнюдь не на подозрѣніи у К—го, и что «путь» нашъ, повидимому, не провалился, хотя слухъ о розыскахъ именно «Иванова» и внушалъ самъ по себѣ подозрѣніе. Съ другой же стороны, если допустить, что контрабандистъ насъ предалъ и устраиваетъ ловушку, то избавиться отъ послѣдней было бы уже черезъ-чуръ трудно, разъ уже есть нити—знакомство «Иванова» съ П—чемъ, мои близкія отношенія къ П—чу и частыя посѣщенія его квартиры, знакомство одесскаго компаньона контрабандиста З—ча съ моей физіономіей и т. д. Если бы я, утвердившись въ мысли о предательствѣ, рѣшилъ скрыться (что было бы не трудно), то я уже этимъ навѣрняка и безспорно подводилъ бы

П—ча и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, близко стоявшихъ къ П—чу и совершенно ни къ нашему кружку, ни къ нашей дѣятельности не причастныхъ. Къ тому же, признаться, было крайне жалко, при не безусловной увѣренности въ предательствѣ, бросить на произволъ судьбы громадный транспортъ «литературы» (одного лишь 1-го номера «Впереда» было около 2000 экземпляровъ, да кромѣ него цѣлая масса всевозможныхъ очень интересныхъ брошюръ и книгъ на разныхъ языкахъ), при чемъ это было бы равносильно окончательной потерѣ «пути», съ такимъ трудомъ налаженнаго.

Послѣ продолжительнаго обсужденія въ полномъ составѣ кружка создавшагося положенія вещей, единогласно рѣшено было предоставить мнѣ полную свободу дѣйствій. Я же, взвѣсивъ всѣ вышеизложенныя соображенія, послѣ продолжительныхъ колебаній, рѣшилъ рискнуть: устроить такъ или иначе свиданіе съ разыскивающимъ меня лицомъ и принять отъ него транспортъ, если прійду къ заключенію, что подозрѣніе недостаточно основательно.

Желябовъ и М—чъ, по собственной иниціативѣ, вызвались принять участіе въ моей попыткѣ, соображаясь съ обстоятельствами дѣла, и такъ какъ ихъ предложеніе (въ особенности, со стороны Желябова) было весьма настойчиво и категорично, то пришлось его принять при всемъ моемъ нежеланіи пріобщить къ рискованному шагу кого либо кромѣ меня.

Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ я нагрянулъ неожиданно на квартиру З-ча, чтобы справиться у него объ ожидаемомъ товарѣ. З-чъ сообщилъ мнѣ, что товаръ давно уже полученъ, находился нѣкоторое время на его квартирѣ; но такъ какъ я долго за нимъ не являлся, то его пограничный компаньонъ свезъ товаръ въ другое, болѣе безопасное, мѣсто, гдѣ и смогу его получить, если явлюсь туда съ его компаньономъ.

Я поручилъ З—чу передать его компаньону, что буду ждать его на другой день вечеромъ въ одномъ (точно мною указанномъ) винномъ погребѣ на Почтовой улицѣ, чтобы переговорить тамъ съ нимъ насчетъ товара. Затѣмъ я отправился къ Желябову, мы пригласили М—ча и остановились на слѣдующемъ выработанномъ мною планѣ:

Я загриммируюсь и въ условленный часъ явлюсь въ этомъ видѣ въ погребъ, гдѣ я долженъ былъ встрѣтиться за однимъ изъ столиковъ съ контрабандистомъ. Желябовъ и М—чъ должны были около этого времени устроить на улицѣ возлѣ погреба тщательную рекогносцировку и при удовлетворительномъ результатѣ зайти въ тотъ же погребъ и примоститься, какъ совершенно незнакомыя мнѣ лица, къ ближайшему ко мнѣ столику: если бы они замѣтили что-либо подозрительное, что ускользнуло бы отъ моего вниманія, они должны были подать мнѣ условленный сигналъ и незамѣтно удалиться, а вслѣдъ за ними исчезъ бы и я подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ. Если же ни они, ни я ничего подозрительнаго не замѣтили бы, я долженъ былъ отправиться съ контрабандистомъ за полученіемъ товара, а Желябовъ и М—чъ должны были на нѣкоторомъ разстояніи слѣдовать за мною на извозчикѣ. Если бы они по дорогѣ уже замѣтили, что я попалъ въ ловушку, они должны были исчезнуть, предо-

ставивъ меня моей судьбѣ. Если бы я, въ свою очередь, замѣтилъ что-либо, внушающее серіозное подозрѣніе, я долженъ былъ подать имъ сигналъ, и они должны были моментально удрать. Наконецъ, если бы мнѣ удалось заполучить транспортъ, я долженъ былъ безотлагательно передать его имъ, и они должны были умчаться съ книгами впередъ въ безопасное мѣсто, я же долженъ былъ и обратно возвращаться одинъ и, такимъ образомъ, въ случаѣ рѣшенія жандармовъ забрать меня дома съ поличнымъ, имъ удалось бы осуществить свое рѣшеніе лишь наполовину.

6.

Въ слишкомъ памятный мнѣ вечеръ 27-го Января 1874 года, около 6 часовъ, я зашелъ въ одну изъ парикмахерскихъ на Ришельевской улицѣ, низко обстригся и предложилъ загриммировать меня къ предстоящему-де въ этотъ вечеръ «маскараду».

Мнѣ наклеили черные пушистые усы и большую окладистую черную бороду, а также наклейкой увеличили размѣры и безъ того не маленькаго моего носа. Гриммъ настолько измѣнилъ мою физіономію, что я самъ себя не узналъ въ зеркалѣ. Значеніе гримма состояло въ томъ, что если бы я попалъ въ ловушку и мнѣ все-таки удалось бы скрыться, то чтобы участвовавшіе въ моемъ изловленіи не узнали бы меня.

Около 7 часовъ вечера я былъ уже въ винномъ погребѣ на Почтовой улицѣ и за однимъ изъ столиковъ, по описаннымъ мнѣ З-чемъ примѣтамъ, узналъ того еврея-контрабандиста, который меня разыскивалъ. Я подошелъ къ нему; онъ назвалъ себя («Симха»), я отрекомендовался ему «Ивановымъ» и потребовалъ вина.

Почти вслѣдъ за мной спустились въ погребъ Желябовъ и М-чъ и расположились по близости за отдѣльнымъ столикомъ, не обращая наружно никакого вниманія на мой столикъ.

Симха не проявилъ ни малѣйшаго волненія. Спокойно и съ полнымъ самообладаніемъ онъ сталъ жаловаться на то, что его ввели въ излишніе расходы, что онъ уже разъ, мѣсяца полтора-два тому назадъ, пріѣзжалъ въ Одессу и привезъ съ собой товаръ, но никто на условленную квартиру З-ча за полученіемъ товара не явился, такъ что онъ вынужденъ былъ вернуться въ Подволочискъ и убѣдить К-го дать ему письмо къ кому-либо изъ моихъ (т. е. Иванова) знакомыхъ. К-ій таковыхъ, оказалось, не знаетъ и далъ ему лишь на всякій случай письмо къ своему знакомому П-чу, надѣясь, что, при содѣйствіи послѣдняго, ему, Симхѣ, удастся найти Иванова; однако, и П-чъ ничѣмъ не могъ помочь ему въ его затруднительномъ положеніи, и онъ собирался уже плюнуть на все это дѣло и уѣхать домой, да взыскать съ К-го убытки. Но, на счастье, какъ разъ въ этотъ моментъ къ З-чу отъ имени моего (т. е. Иванова) на его квартиру явился какой-то человѣкъ, который и поручилъ передать ему, Симхѣ, что сегодня Ивановъ явится въ этотъ погребокъ.

Я пытливо вглядывался въ глаза Симхѣ все время, пока онъ говорилъ, и подозрительнаго ничего не замѣтилъ. Я, въ свою очередь,

не отводя отъ него глазъ, рѣзко отчеканивая каждое слово, замѣтилъ Симхѣ, что мы имѣемъ данныя, что имъ устроена противъ меня ловушка,—мы знаемъ, что онъ собирается предать меня въ руки жандармовъ. Я этого не боюсь и предупреждаю его, что если предательство дѣйствительно состоится, то ему, Симхѣ, не удастся уѣхать изъ Одессы живымъ, такъ какъ на группу въ 70 человѣкъ возложена обязанность убить его, если онъ окажется предателемъ. Щадя его и его семью, я совѣтую ему, если онъ дѣйствительно замыслилъ что-либо подобное, одуматься, пока не поздно: никому, кромѣ насъ двоихъ, происходящая между нами бесѣда неизвѣстна, пусть сознается, и я исчезну, заплативъ даже ему условленную сумму за провозъ транспорта, и ни одна душа о его зломъ умыслѣ знать не будетъ.

Симха слушалъ меня совершенно спокойно. На лицѣ его не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Съ нотками оскорбленнаго человѣка онъ увѣрялъ меня, что всѣ эти слухи совершенно вздорные, что на границѣ дѣйствительно перехваченъ былъ большой транспортъ съ книгами, но это не мой транспортъ. Онъ, Симха, споконъ вѣковъ занимается контрабандой,—перевозкой контрабанды занимался и отецъ его, и даже дѣдъ. И въ Волочискѣ, и въ Проскуровѣ его, Симху, всѣ знаютъ, какъ честнаго человѣка; никогда и ни за какія деньги онъ не согласился бы на предательство, которое между контрабандистами считается такимъ тяжкимъ преступленіемъ, что никто изъ нихъ на него не рѣшится уже изъ одного опасенія самой ужасной расправы, и т. д. Словомъ, Симха говорилъ такъ спокойно, такъ убѣдительно и такъ правдоподобно, что хотя подозрѣніе мое и не вполнѣ разсѣялось, но я все-таки рѣшился поѣхать съ нимъ на квартиру его знакомаго возлѣ товарнаго вокзала, гдѣ по его увѣренію хранился транспортъ съ книгами, который будетъ мнѣ переданъ немедленно по полученіи отъ меня условленной провозной платы.

Я расплатился за вино и вышелъ съ Симхой изъ погреба. На улицѣ я опять ничего подозрительнаго не замѣтилъ. Я кликнулъ извозчика и двинулся съ Симхой въ путь. Оглянувшись, я увидѣлъ, что изъ погреба вышли также Желябовъ и М-чъ, сѣли на извозчика и направились вслѣдъ за мною, держась, какъ условлено было, на нѣкоторомъ отъ меня разстояніи.

Ночь была довольно темная, и, когда мы выбрались изъ центральной части города на окраинныя улицы, которыя даже и теперь очень не важно освѣщаются, а тогда очень плохо освѣщались,—я потерялъ изъ вида слѣдовавшаго на нѣкоторомъ разстояніи отъ меня извозчика съ Желябовымъ и М-чемъ. Какъ впослѣдствіи я узналъ, подозрительность послѣднихъ росла по мѣрѣ удаленія изъ центра города, и они, лавируя, то приближались ко мнѣ, то удалялись, замѣчая, что какъ будто бы еще одинъ или два извозчика съ сѣдоками держатъ путь по направленію моего извозчика. Ѣзда была тихая, медленная, такъ какъ дорога къ Большому вокзалу тогда была на половину не мощеная и изобиловала ухабами и неровностями.

Наконецъ, мы подъѣхали къ калиткѣ небольшого невзрачнаго домика. Симха объявилъ, что мы пріѣхали, и предложилъ извозчику подождать, пока мы вернемся съ багажемъ. Онъ открылъ калитку

и вошелъ во дворъ, вслѣдъ за нимъ вошелъ и я,—и ловушка сразу стала очевидна.—Какъ изъ подъ земли выросла крупная коренастая фигура, которая моментально и весьма энергично захлопнула за мною калитку...

Хотя я былъ почти увѣренъ, что извозчикъ съ Желябовымъ и М—чемъ отсталъ отъ насъ за нѣсколько кварталовъ отъ этого домика, но, на всякій случай, я крикнулъ, насколько могъ громко, условленное: «*Кончено*!», и вошелъ вслѣдъ за Симхой въ домикъ, гдѣ очутился въ ярко освѣщенной комнатѣ, въ которой находилось три жандармскихъ унтеръ-офицера при полной парадной формѣ. На Симхѣ, буквально, лица не было,—онъ былъ блѣднѣе полотна и дрожалъ, какъ листъ. Онъ тотчасъ же исчезъ, а мнѣ старшій унтеръ офицеръ предложилъ присѣсть, объявилъ, что я, по распоряженію начальства, арестованъ и долженъ дожидаться здѣсь прибытія властей.

До-нельзя взволнованнымъ, но напрягая всѣ усилія, чтобы сохранить самообладаніе, я сѣлъ и моментально,—не отдавая себѣ даже отчета, что дѣлаю,—сорвалъ съ себя гриммъ—наклеенные бороду, носъ и усы и бросилъ ихъ на полъ. Старшій жандармскій унтеръ-офицеръ отъ неожиданности совершенно остолбенѣлъ, но затѣмъ быстро нагнулся, поднялъ мой гриммъ и укоризненно спросилъ: «что это такое?!» Я отвѣтилъ: «не знаю, это не мое!» Но я тотчасъ же расхохотался и попросилъ его не безпокоиться, замѣтивъ, что все будетъ потомъ въ свое время разъяснено.

Я вдругъ почувствовалъ страшный упадокъ силъ, какъ вполнѣ естественную реакцію послѣ двухдневнаго чрезмѣрнаго нервнаго напряженія. Хотя жандармы, съ присущей имъ «любезностью» и «гуманностью», предложили мнѣ напиться чаю и закусить, но я отъ всего отказался и томительно ждалъ прибытія начальства. А ждать пришлось около двухъ часовъ! Мозгъ усиленно работалъ, какъ бы помимо моего сознанія,—безпорядочно и хаотически.

Наконецъ, раздался стукъ подъѣхавшаго экипажа и скрипъ калитки. Черезъ минуту предо мною стоялъ хорошо уже знакомый мнѣ жандармскій полковникъ *Кнопъ* съ какимъ-то коренастымъ человѣкомъ маленькаго роста въ штатскомъ платьѣ.

Кнопъ отрекомендовался, представилъ мнѣ своего спутника, который оказался товарищемъ прокурора Одесской Судебной Палаты—*Аристовымъ*. Я отвѣтилъ молчаливымъ поклономъ и ждалъ. Тогда Кнопъ съ утонченной вѣжливостью свѣтскаго человѣка обратился ко мнѣ съ упрекомъ: «Молодой человѣкъ! Въ обществѣ принято, что, когда одна сторона представляется, другая отвѣчаетъ тѣмъ же: мы назвали себя, ждемъ отъ Васъ того же». Улыбаясь, я отвѣтилъ, что соблюденіе этой формальности въ данномъ случаѣ я считалъ излишнимъ, такъ какъ онъ, Кнопъ, меня и безъ того хорошо знаетъ.

Пытливо всмотрѣвшись въ меня, Кнопъ взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ: «Вы—Чудновскій?!» Я, улыбаясь, молча утвердительно кивнулъ головой...

«Вотъ», обратился тогда Кнопъ къ Аристову полнымъ укоризны голосомъ: «подите же! Въ этомъ молодомъ человѣкѣ я принялъ горячее участіе, хлопоталъ передъ Третьимъ Отдѣленіемъ о снятіи съ него

полицейскаго надзора по студенческой исторіи. Я хотѣлъ помочь ему, дать ему возможность продолжать свое образованіе, а онъ вотъ—не прошло и полутора лѣтъ—вздумалъ осчастливить Россію, передѣлать русское государство, перевернуть его вверхъ дномъ!..» Затѣмъ, обернувшись ко мнѣ, онъ голосомъ, полнымъ упрека и укоризны, съ горечью замѣтилъ: «А какъ Вы думаете, молодой человѣкъ, мое положеніе будетъ теперь пріятное передъ Третьимъ Отдѣленіемъ? Не скажетъ ли оно мнѣ съ полнымъ правомъ: «а позвольте узнать, полковникъ Кнопъ, какой это Чудновскій занялся революціей,—не тотъ ли это самый Чудновскій, за котораго Вы такъ усердно хлопотали и за благонадежность котораго Вы ручались?!..»

Я попросилъ Кнопа прекратить эту неумѣстную бесѣду, такъ какъ обстоятельства, при которыхъ произошелъ мой арестъ, еще совершенно не выяснились. Можетъ быть, ходъ дознанія будетъ таковъ, что ему—Кнопу—и не прійдется краснѣть передъ Третьимъ Отдѣленіемъ; можетъ быть, дѣло окажется отнюдь уже не такимъ страшнымъ, какимъ онъ его уже себѣ съ слишкомъ большой поспѣшностью рисуетъ. Теперь же я слишкомъ усталъ и разстроенъ и прошу оставить меня въ покоѣ до завтрашняго дня, когда я представлю свои подробныя объясненія.

Переговоривъ въ сосѣдней комнатѣ съ г. Аристовымъ, Кнопъ объявилъ мнѣ, что они принимаютъ къ свѣдѣнію мое заявленіе, но считаютъ своимъ долгомъ теперь же отправиться вмѣстѣ со мною на мою квартиру для производства обыска.

Меня отправили впередъ на извозчикѣ подъ охраной двухъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, а вслѣдъ за мной отправился Кнопъ съ Аристовымъ.

7.

Трудно изобразить, хотя бы и приблизительно, то душевное настроеніе, въ которомъ я находился по пути къ моей квартирѣ.

Воспоминанія о прожитомъ за послѣдніе три-четыре года съ молніеносной быстротой проносились въ моей памяти, чередуясь одно другимъ, перескакивая одно черезъ другое, вызывая во мнѣ самыя разнообразныя впечатлѣнія—то радостное умиленіе, восторгъ и восхищеніе,—то упреки, угрызенія, горькое сожалѣніе. Все пережитое за это время проносилось въ моемъ безбрежномъ тогда воображеніи въ самыхъ яркихъ образахъ и картинахъ, властно и всецѣло мною овладѣвшихъ...

Больше всего мучило меня опасеніе, какъ бы вмѣстѣ со мною не попали въ ловушку и Желябовъ съ М—чемъ, и какъ бы арестъ мой не повлекъ за собой преслѣдованій и другихъ товарищей по кружку.

Морозный воздухъ немного освѣжилъ мою разболѣвшуюся голову. Нервы мои постепенно успокаивались, и я принялъ твердое рѣшеніе энергически бороться и пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы совершенно себя изолирвоать.

Переѣздъ тянулся для меня безконечно долго. Мнѣ казалось, что

прошла цѣлая вѣчность. Наконецъ, мы добрались до Полицейской улицы—до дома Кумбари.

Открылись ворота. Я поднялся на лѣстницу во 2-ой этажъ въ свою комнату съ своими невольными спутниками, а вслѣдъ за мной явились туда Кнопъ и Аристовъ. Первый поставилъ мнѣ вопросъ: живу ли я «*вмѣстѣ*» съ М—сомъ? Я былъ на сторожѣ и категорически заявилъ, что живу «не вмѣстѣ» съ нимъ, а «у него», нанимая въ его квартирѣ комнату, какъ малоизвѣстный ему жилецъ.

Надо замѣтить, что незадолго передъ этимъ я совершенно случайно узналъ, что жандармское управленіе учинило наблюденіе за М—сомъ, подозрѣвая его въ революціонности, хотя никакихъ къ этому основаній не было, такъ какъ М—съ всецѣло отдалъ себя мирной культурно-просвѣтительной и благотворительной дѣятельности на пользу обездоленнаго еврейскаго народа. Онъ полагалъ (я говорю о *томъ* времени, первой половинѣ 70-хъ годовъ), что «еврейскій вопросъ» стоитъ совершенно особнякомъ и что разрѣшать его приходится независимо отъ партій и направленій самимъ евреямъ,—въ особенности въ Россіи, гдѣ евреи, по его мнѣнію, составляли «*пятое* сословіе» съ обособленными классовыми интересами. Между мною и М—сомъ происходили по этому поводу неоднократно очень горячіе споры, и М—съ весьма упорно отстаивалъ свою точку зрѣнія...

Какъ бы то ни было, революціонеромъ М—съ никогда не былъ и ни къ къ какимъ нелегальнымъ организаціямъ онъ не принадлежалъ. Въ канцеляріи Одесскаго жандармскаго управленія были очень плохо, повидимому, освѣдомлены на этотъ счетъ, и Кнопъ хотѣлъ, очевидно, воспользоваться «подходящимъ» случаемъ, чтобы для очистки своей жандармской совѣсти произвести у него обыскъ. Однако, въ то время были еще очень далеко отъ нынѣшняго «конституціоннаго режима» съ его усиленными и чрезвычайными охранами и военной диктатурой, а жандармы и прокуроры кое-что еще помнили и о стыдѣ, и о законѣ, и о корректности. Въ виду моего категорическаго заявленія, Кнопъ распорядился о производствѣ обыска только въ занимаемой мною комнатѣ. «Закономѣрность» того «до-конституціоннаго» времени простиралась даже до того, что прежде, чѣмъ приступить къ обыску, Кнопъ заявилъ мнѣ, что, строго говоря, по закону не полагается производить въ ночное время обыски, такъ что въ случаѣ моего несогласія, онъ долженъ будетъ отложить обыскъ до слѣдующаго дня. Тогда я, въ свою очередь, поставилъ ему вопросъ: будетъ ли отложенъ и арестъ мой вмѣстѣ съ обыскомъ до слѣдующаго дня? Кнопъ объяснилъ, что арестованъ я буду во всякомъ случаѣ теперь же, а для производства обыска въ моей комнатѣ, которая останется подъ охраной, на другой день въ моемъ присутствіи меня могутъ завтра подъ конвоемъ доставить сюда. При подобныхъ условіяхъ, я, конечно, отъ отсрочки отказался, поступившись своимъ «правомъ», и жандармы приступили къ дѣлу.

Само собою разумѣется, что «предосудительнаго» ничего у меня найдено не было, о чемъ былъ составленъ протоколъ, въ которомъ подробно изложены были всѣ обстоятельства, сопутствовавшія моему аресту, и указано было, что я, въ виду взволнованнаго состоянія,

отъ дачи показаній отказался до слѣдующаго дня. Затѣмъ разрѣшили мнѣ взять съ собою первый томъ «Капитала» Маркса, соч. Лассаля и еще нѣкоторыя книги, а также тетради и письменныя принадлежности, и препроводили меня въ помѣщеніе мѣстной полевой жандармской команды.

Было уже за полночь, когда меня повезли къ зданію послѣдней и водворили въ небольшой, но довольно уютной комнаткѣ, въ которой находились: кровать, столъ и два стула. Все отличіе этой комнатки состояло въ томъ, что окно въ ней было съ рѣшеткой, а въ сосѣдней комнатѣ, за дверью моей, стоялъ часовой-жандармъ съ саблей на-голо на плечѣ.

Встрѣтилъ меня сѣдой жандармскій капитанъ довольно суроваго вида. Безъ всякихъ предисловій онъ пригласилъ меня войти въ комнату, куда, по его приказанію, занесены были привезенныя мною съ собой постель и вещи, а также книги, письменныя принадлежности и табакъ. Пожелавъ мнѣ спокойной ночи, онъ удалился.

Я остался одинъ. За дверью моей комнатки мѣрно шагалъ взадъ и впередъ жандармъ съ саблей на-голо, заглядывая отъ времени до времени въ окно моей двери.

Крайняя усталость взяла свое. Я быстро раздѣлся, потушилъ свѣчу, бросился въ постель и моментально заснулъ крѣпкимъ сномъ здоровой юности.

8.

Поднялся я на другой день довольно поздно, отлично выспавшись.—Умывшись холодной-ледяной водой, я почувствовалъ себя бодрымъ и спокойнымъ.

Мнѣ заявили, что мнѣ представляется право получать изъ ресторана обѣдъ за свой счетъ и что я могу вообще заказывать все, что угодно, на деньги, отобранныя у меня при обыскѣ. Я напился чаю, закусилъ и отправился освѣжиться во дворикъ, такъ какъ мнѣ разрѣшено было гулять во всякое время дня по двору, на которомъ весь день «выводили» и обучали лошадей.

Я принялся обдумывать планъ своихъ показаній.

Прежде всего я установилъ положеніе, что я *плѣнникъ*, задержанъ *непріятелемъ* и долженъ считать себя на военномъ положеніи. A la guerre-comme à la guerre,—и въ моемъ положеніи всѣ средства самозащиты вполнѣ допустимы и оправдываемы. Я рѣшилъ, что откровенность и правдивость въ показаніяхъ для меня въ создавшемся для меня положеніи отнюдь и совершенно не обязательны, или—правильнѣе говоря—онѣ обязательны для меня лишь постольку, поскольку это нужно и полезно для безопасности моей и близкихъ мнѣ лицъ.

Задача состояла въ томъ, чтобы весь эпизодъ представить моимъ единоличнымъ дѣломъ, устранивъ разъ на всегда возможность привлечь къ «дѣлу» еще кого либо кромѣ меня. Возникла было у меня мысль вовсе отказаться отъ дачи какихъ бы то ни было показаній, но отъ этой мысли тотчасъ же отказался, находя нецѣлесообразнымъ

рѣзко возстановить противъ себя жандармскую и прокурорскую власти.

Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ размышленій и всяческихъ соображеній общаго и мѣстнаго характера, я остановился на слѣдующемъ проектѣ показаній:

Мнѣ извѣстно было, что въ Одессѣ добываніе запрещенныхъ книгъ отъ кишащихъ въ ней контрабандистовъ—заурядное явленіе; этимъ путемъ я, какъ и другіе, и добывалъ ихъ.—Какъ-то около 20-го января, за недѣлю приблизительно до моего ареста, я столкнулся на Ришельевской улицѣ съ незнакомцемъ, оказавшимся впослѣдствіи Симхой, который предложилъ мнѣ пріобрѣсти у него разныя хорошія нелегальныя книжки. Субъектъ этотъ показался мнѣ подозрительнымъ, и я предложеніе его отклонилъ. Но Симха настойчиво продолжалъ преслѣдовать меня своими предложеніями; наконецъ, я—большой любитель хорошихъ книгъ, крайне враждебно настроенный противъ цензуры, совершенно обезцвѣтившей нашу періодическую печать,—согласился принять его предложеніе и, во всякомъ случаѣ, осмотрѣть предлагаемыя имъ книги, такъ какъ одно это само по себѣ еще ни къ чему меня не обязывало и никакому риску не подвергало. Я условился съ Симхой сойтись съ нимъ вечеромъ 27-го января въ винномъ погребѣ на Почтовой улицѣ, куда и явился въ назначенное время, предварительно заграммировавшись, чтобы не показаться въ своемъ видѣ въ томъ домѣ, въ который Симха долженъ былъ отправиться со мною, и гдѣ я могъ бы столкнуться съ такими лицами, знакомство съ которыми для меня, дорожащаго своей репутаціей, могло бы быть вовсе нежелательно. Симха же, очевидно, завлекъ меня въ коварно сплетенную имъ западню ради своекорыстной цѣли, которая остается для меня загадкой.

Такая система показаній казалась мнѣ наиболѣе подходящей, такъ какъ она давала мнѣ возможность ни о комъ, помимо меня, не говорить, а на всѣ вопросы, какіе предлагались бы мнѣ въ этомъ направленіи, я могъ бы давать естественные отрицательные отвѣты. Конечно, эти объясненія могли бы показаться не совсѣмъ правдоподобными, но такъ какъ бесѣда между мною и Симхой происходила одинъ-на-одинъ безъ всякихъ свидѣтелей, то *доказательствъ* невѣрности показаній, думалось мнѣ, не могло быть. Опасность въ этомъ отношеніи могла явиться со стороны З—ча, на квартиру котораго я являлся за справкой о товарѣ, но вполнѣ допустимо было предположеніе, что послѣдній могъ и не быть причастнымъ предательству Симхи и не сочтетъ нужнымъ, въ интересахъ собственной репутаціи, признать во мнѣ то лицо, которое являлось къ нему подъ именемъ «Иванова»,—тѣмъ болѣе, что посѣщенія мои (всего ихъ было два) были минутныя, и являлся я къ З—чу въ слегка измѣненномъ видѣ. Что же касается подволочискаго посредника К—го, то я полагалъ, что его, какъ австрійскаго подданнаго, врядъ ли рѣшатся привлечь къ допросу и что съ нимъ, во всякомъ случаѣ, товарищи по кружку успѣютъ во-время войти въ переговоры по этому поводу.

Проанализировавъ этотъ проектъ со всѣхъ сторонъ и окончательно на немъ остановившись, я совершенно успокоился, вернулся въ

свою комнату-камеру и приступилъ къ изученію «Капитала», составляя пространные конспекты.

Лишь на слѣдующій день я вызванъ былъ къ допросу въ сосѣднюю съ моей камерой комнату, въ которой я нашелъ Кнопа и Аристова.

Допросъ производился въ весьма корректной формѣ и даже, какъ нынѣ принято выражаться, вполнѣ «закономѣрно». Ровнымъ и вполнѣ спокойнымъ тономъ я представилъ вышеприведенное объясненіе.— Кнопъ и Аристовъ терпѣливо и внимательно слушали, не прерывая моего разсказа, по окончаніи котораго поставили мнѣ нѣкоторые вопросы и заявили, что, по имѣющимся у нихъ даннымъ, показанія мои не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, что давленіе оказывать на меня они не вправѣ, но совѣтуютъ мнѣ въ собственныхъ моихъ интересахъ показывать одну лишь правду, такъ какъ этимъ я могу значительно облегчить свою участь и т. д.—Я твердо стоялъ на своемъ. Составленъ былъ протоколъ, и я, подписавъ его, удалился въ свою комнату.

На другой день послѣ допроса я былъ вызванъ вечеромъ подъ конвоемъ двухъ жандармовъ съ саблями на-голо въ помѣщеніе верхняго этажа, въ квартиру начальника команды. Оставивъ конвойныхъ у наружныхъ дверей со строгимъ приказомъ не отлучаться отъ своего поста, капитанъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, въ которомъ оказался мой старшій братъ, съ большимъ трудомъ добившійся этого неофиціальнаго со мною свиданія, благодаря лишь родственнымъ связямъ съ подрядчикомъ Г—мъ, доставлявшимъ для команды разные предметы, входя по этой части въ разныя «комбинаціи» съ начальникомъ команды.

Ничего общаго въ политико-общественномъ отношеніи между мной и моимъ братомъ, хотя и очень меня любившимъ, не было, такъ что о товарищахъ по кружку я отъ него узнать не могъ, да и считалъ это неудобнымъ. Но я узналъ отъ него, что никакихъ арестовъ въ городѣ не было, что П—чъ цѣлъ и невредимъ, и что товарищъ прокурора Суд. Пал. Аристовъ, у котораго онъ успѣлъ уже побывать («какъ адвокатъ») въ этотъ день, заявилъ ему слѣдующее: «Вашъ братъ безспорно лжетъ въ своихъ показаніяхъ,—это для насъ внѣ всякаго сомнѣнія, хотя онъ и лжетъ съ апломбомъ и весьма увѣреннымъ тономъ; но обстоятельства дѣла такъ складываются, что уличить его во лжи невозможно,—и, поэтому, все его дѣло и выѣденнаго яйца не стоитъ, и прійдется, вѣроятно, скоро его освободить»...

Заявленіе Аристова ободрило меня. Оно совпадало съ моимъ собственнымъ предположеніемъ, и, не разсчитывая все-таки на «скорое» освобожденіе, я продолжалъ свои систематическія занятія политической экономіей вообще и всецѣло поглотившимъ меня «Капиталомъ» Маркса въ частности, отдыхая въ этой «кабинетной» (*sic*!) работѣ отъ напряженной и кипучей нервной жизни послѣднихъ мѣсяцевъ при обстановкѣ съ минимумомъ впечатлѣній.

Однако, я находилъ необходимымъ познакомить моихъ товарищей «на волѣ» съ сущностью моихъ показаній и поставить ихъ въ извѣстность, что ни о комъ изъ нихъ меня и не спрашивали, и что, повидимому, не подозрѣваютъ даже не только о близкихъ отношеніяхъ, но даже и о знакомствѣ съ ними—въ особенности съ Волхов-

скими, за которыхъ я больше всего боялся, такъ какъ мѣсяца два я жилъ у нихъ на квартирѣ, оставался у нихъ до самаго ареста.

Но *какъ* дать имъ знать? *Какъ* имъ написать?

Единственнымъ посредникомъ могъ бы быть кто-нибудь изъ часовыхъ-жандармовъ, караулившихъ у моихъ дверей, но какъ сойтись съ ними, какъ довѣриться имъ? А мнѣ, какъ «министру путей сообщенія» (какъ въ шутку величалъ меня въ веселую минуту Волховскій), объ этомъ слѣдовало позаботиться не только ради даннаго случая, но и вообще, ибо мой арестъ, если и былъ на югѣ Россіи *первымъ*, то врядъ ли можно было думать, что онъ будетъ *послѣднимъ*!..

Часовые у моей двери смѣнялись каждые два часа. Я принялся заводить съ ними разговоры и исподоволь «совращать» ихъ.—Одни совершенно уклонялись отъ отвѣтовъ, другіе, хотя и неохотно, но отрывисто и лаконически отвѣчали на вопросы, все-таки не вступая въ правильную бесѣду; но нашлись двое-трое и такихъ, которые оказались болѣе покладистыми и менѣе пугливыми, охотно вступали въ бесѣду, принимали отъ меня «папиросочки» и сладости, которыми угощалъ меня братъ. Одинъ изъ послѣднихъ—К. особенно охотно и довѣрчиво бесѣдовалъ со мной, выражалъ сердечное сочувствіе моему положенію, жаловался на тяжелую службу, на бѣдственное положеніе семьи, отъ которой его оторвали, и съ большой готовностью принималъ отъ меня «табачекъ» и мелочь «для ребятишекъ». Мнѣ показалось, что въ немъ-то я и найду вполнѣ подходящаго человѣка для сношеній съ «волей». И я не ошибся.

Въ одинъ прекрасный день (на 7-й или 8-й послѣ ареста) я осторожно положилъ на свою толстую тетрадь (для конспектовъ) листъ почтовой бумаги и при помощи шифра, которымъ кружокъ нашъ пользовался для переписки, подробно изложилъ всѣ данныя мною показанія,—подтвердилъ, что ни въ послѣднихъ, ни въ вопросахъ Кнопа и Аристова не упоминался никто изъ членовъ нашего кружка и, вообще, близкихъ лицъ, просилъ ихъ быть на этотъ счетъ совершенно спокойными, просилъ ихъ также дать соотвѣтствующія указанія П—чу на случай, если бы онъ былъ вызванъ къ допросу объ «Ивановѣ», обо мнѣ, о Симхѣ и т. д. При этомъ я просилъ уплатить за доставку письма (и отвѣта) одинъ рубль, пообѣщавъ столько же за каждое дальнѣйшее письмо.—Положивъ письмо въ конвертъ, я написалъ на послѣднемъ лишь три слова: «О, mon Dieu!» Дѣло въ томъ, что у меня была застарѣлая привычка—часто безсознательно восклицать: «Господи, Господи!» Привычка эта была хорошо извѣстна всѣмъ моимъ близкимъ знакомымъ, — восклицаніе это стало даже какъ бы моей кличкой,—такъ что надпись эта на конвертѣ должна была сразу навести на мысль объ авторѣ письма.

Когда К. сталъ на часы возлѣ дверей моей комнаты, я повелъ съ нимъ «пріятельскую» бесѣду. Я объяснилъ ему, что у меня есть «большая пріятельница», живетъ она тамъ-то и тамъ-то, на квартирѣ Волховскаго, зовутъ ее: «Марья Осиповна». Она, навѣрное, очень безпокоится обо мнѣ, и мнѣ очень хотѣлось бы ей написать, но такъ, чтобы никто объ этомъ письмѣ не зналъ,—да вотъ никакъ не могу придумать, какъ это устроить. К. таинственно-лукаво мнѣ подмиг-

нулъ, шепнувъ: «сегодня же я передамъ и отвѣтъ принесу, пишите поскорѣе и передайте мнѣ письмо»... Я вручилъ ему готовое письмо и просилъ его хорошо запомнить адресъ, такъ какъ записать его неудобно. Хохолъ-жандармъ опять лукаво подмигнулъ, взялъ письмо, съ виртуозной ловкостью спряталъ его за голенище, охотно взялъ у меня полтину и, заслышавъ приближающіеся шаги, принялся—какъ ни въ чемъ не бывало—шагать съ саблей на-голо по комнатѣ.

Хохолъ преаккуратно исполнилъ порученіе. На другой же день я получилъ отъ Марьи Осиповны отвѣтъ, изъ котораго я, къ величайшей моей радости, узналъ, что «на волѣ» все благополучно, что Желябовъ и М—чъ цѣлы и невредимы и внѣ всякаго подозрѣнія, что кружокъ нашъ продолжаетъ свою работу и шлетъ мнѣ братскіе привѣты.

Тогда я уже окончательно успокоился. Я чувствовалъ себя бодрѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Усердно и съ наслажденіемъ я изучалъ «Капиталъ», читалъ безпрепятственно доставлявшіеся мнѣ журналы, каждые 2—3 дня переписывался черезъ К. съ друзьями «на волѣ» и терпѣливо выжидалъ обѣщаннаго Аристовымъ «скораго окончанія», «не стоющаго выѣденнаго яйца, дѣла» и «скораго» освобожденія изъ казармы.

Пророчеству Аристова не суждено было, однако, сбыться. Прошло 6 недѣль, пошла седьмая недѣля, а я все еще за рѣшеткой изучалъ «Капиталъ». Къ допросу меня больше не вызывали. Ни Кнопъ, ни Аристовъ больше не являлся. Стали носиться упорные слухи, что меня скоро переведутъ въ тюремный замокъ.

И дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день жандармскій капитанъ предложилъ мнѣ собрать свои пожитки, не объясняя, въ чемъ дѣло. Послѣ обѣда онъ распрощался со мною и отправилъ меня, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, въ тюрьму, находившуюся тогда возлѣ «Куликова поля»—на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ нынѣ красуется зданіе Одесской Земской Управы.

Съ сильно бьющимся сердцемъ подъѣхалъ я къ мрачному зданію городской тюрьмы, въ которой по сентябрьской (1873 г.) однодневной переписи, въ которой и я принималъ участіе, находилось около 700 заключенныхъ всѣхъ видовъ: подслѣдственныхъ, осужденныхъ, пересыльныхъ и др. Я же открылъ теперь рубрику «политическихъ»...

Ворота открылись, и жандармы направились со мною въ «контору», гдѣ меня уже самымъ тщательнымъ и безцеремоннымъ образомъ обыскали, отнявъ при этомъ у меня деньги, часы, табакъ, книги и письменныя принадлежности. Высокій, стройный, съ чисто-разбойничьей физіономіей смотритель Зубачевскій приказалъ надзирателю отвести меня въ надлежащее, заготовленное для меня мѣсто—«въ секретную»...

Открылись передо мною вторыя—внутреннія ворота. Мы прошли черезъ широкій дворъ и вступили въ двухъ-этажное зданіе спеціально для «арестантовъ», спустились въ подвальное-подземное помѣщеніе, прошли темный, до дрожи мрачный коридоръ и остановились возлѣ толстой, желѣзомъ обитой двери.

Отодвинули засовъ, впустили меня въ отвратительное, совершенно-темное со склизкимъ каменнымъ поломъ? («каменный мѣшокъ»), въ которомъ буквально ничего, кромѣ грязной тонкой подстилки и классической «параши», не было.

Захлопнулась за мною тяжелая дверь, загремѣлъ и заскрипѣлъ засовъ, щелкнулъ замокъ,—и я бросился на подстилку съ сразу отяжелѣвшей отъ промозглаго воздуха и необычайной сырости головой.

Меня безсознательно и невольно охватила мысль,—ужасная, страшная мысль, что я заживо погребенъ, что нѣтъ возврата къ жизни...

И потянулись безконечные, долгіе, длинные, жестоко-томительные дни, недѣли, мѣсяцы, годы суроваго одиночнаго заключенія...

С. Чудновскій.

„По Владимиркѣ“.

Да, когда партія централистовъ вмѣстѣ съ присоединенными къ ней отдѣльными лицами и другими партіями, шла въ Сибирь, то она шла именно «по Владимиркѣ».

Это было въ 1881 г. Желѣзная дорога была проведена только до Екатеринбурга. Правда, отъ этого города до Тюмени насъ везли, какъ политическихъ: на лихихъ тройкахъ, съ жандармами. Но начиная съ Тюмени и до самой Кары партія шла хотя и отдѣльно отъ уголовныхъ арестантовъ, но какъ обыкновенная партія поселенцевъ и каторжанъ: до Томска—на баржѣ, отъ Тюмени до Иркутска—такъ называемымъ, «пѣше-этапнымъ» порядкомъ, т. е. отъ этапа до этапа пѣшкомъ, въ кандалахъ (кромѣ, конечно, слабыхъ и женщинъ, для которыхъ и среди уголовныхъ полагаются подводы). Отъ Иркутска до Кары партія шла также обычнымъ порядомъ, за исключеніемъ одного меня: я въ Иркутскѣ захворалъ нервнымъ разстройствомъ, былъ на нѣкоторое время оставленъ и затѣмъ привезенъ на Кару на тройкѣ съ 2 жандармами.

Да и вообще въ описываемое время, т. е. ровно 25 лѣтъ тому назадъ, такъ называемый, Сибирскій трактъ былъ еще въ полной неприкосновенности. Полотно дороги поддерживалось въ исправности, почтовыя станціи и этапы содержались аккуратно, почтовыя лошади, телѣги, сбруя отвѣчали требованію закона [1]), по тракту въ ту и другую сторону двигались безконечные обозы, а за ними—«подрѣзчики» клади, т. е. грабители, тянулись на востокъ (рѣдко на западъ) вереницы арестантскихъ партій. Жизнь при трактовыхъ селеніяхъ отвѣчала требованіямъ времени. Всюду существовали «дворники»,—содержатели дворовъ для остановки обозовъ,—всѣ жители селенія—поголовно «дружки», т. е. люди, занимающіеся перевозкою пассажировъ. Дѣло въ томъ, что на «дружкахъ» часто было удобнѣе ѣхать, чѣмъ на почтовыхъ. Во-первыхъ, по тогдашнимъ законамъ, съ почтовыхъ станцій выдавали лошадей только тѣмъ, кто могъ предъявить «подорожную»,—бумагу, которая выдавалась изъ казначейства за особую плату. Во-вторыхъ, на почтовыхъ иногда обходилось дороже. Въ-третьихъ, иногда лошади на станціяхъ бывали въ разгонѣ, и приходилось ждать, чего не могло быть, если ѣдешь на «дружкахъ». Во всякомъ случаѣ, ѣхать на «дружкахъ» значило: вы нанимаете крестьянина, у котораго обыкновенно и экипажъ, и сбруя, и кони ничуть не хуже, чѣмъ на почтовой станціи, и онъ везетъ васъ на слѣдующій почтовый пунктъ къ своему «дружку», который въ свою оче-

---

[1]) Конечно, все это—въ предѣлахъ доступныхъ административному управленію.

редь повторяетъ ту же исторію. Въ избѣ у «дружка» вы, конечно, также во всякое время можете достать и самоваръ и всякой снѣди.

И жизнь сибирскихъ городовъ вполнѣ соотвѣтствовала условіямъ времени. Въ сферѣ торгово-промышленныхъ отношеній громадную роль играли ярмарки. Горожане презирали разстояніе и время: для красноярца и иркутянина ничего не стоило съѣздить въ Москву, хотя это отнимало массу времени и средствъ. Каждый сибирскій городокъ самъ себѣ довлѣлъ, и, благодаря своей изолированности отъ остального міра, даже міра сибирскаго, являлся вмѣстилищемъ и торговли, и промышленности, и бѣдности, и богатства, и благотворительности, и интеллигентности, и научныхъ силъ, и—почти неограниченной административной власти. Если можно такъ выразиться, въ культурно-духовно-общественномъ смыслѣ каждый городъ велъ «натуральное хозяйство». И потому тогда жизнь въ Сибири представляла исключительно-своеобразный интересъ: чувствовалъ себя, какъ въ отдѣльномъ, незасимомъ, законченномъ міркѣ.

Со всѣмъ этимъ, конечно, мы, арестанты партій, шедшихъ этапомъ, знакомились близко лишь впослѣдствіи, на мѣстахъ поселеній. Но общій характеръ сибирской жизни и сибирскихъ общественныхъ отношеній мы уже тогда улавливали.

Итакъ, мы шли «по Владимиркѣ».

Но прежде, чѣмъ мы до нея дошли, намъ пришлось все-таки передвигаться и на европейскій ладъ.

Собственно, первое время мы чувствовали себя совсѣмъ какъ во Мценскѣ, тѣ же лица [1]), та же группировка ихъ, тѣ же нравы и обычаи. Между прочимъ, старостою попрежнему былъ П. И. Войнаральскій.

Кстати замѣчу, что конвоировать насъ командированы были жандармы изъ Москвы подъ начальствомъ стараго знакомаго нѣкоторыхъ изъ сѣверянъ (между прочимъ, помню, и Войнаральскаго), жандармскаго офицера Василія Ивановича,—а вотъ фамиліи не могу припомнить. «Диктатура сердца» еще не отошла окончательно въ область преданій, хотя герои 1 марта были уже казнены. И главною, если не единственною, заботою Василія Ивановича было недопустить побѣга. Поэтому, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ насъ не очень стѣснялъ.

Итакъ, разница была лишь въ томъ, что мы сидѣли въ вагонахъ и двигались, въ остальномъ—все тотъ же Мценскъ.

Мало измѣнилось дѣло, когда въ Москвѣ къ намъ было присоединено довольно много товарищей. Здѣсь были: Зунделевичъ, Цукерманъ, Зубковскій, Евгенія Фигнеръ (теперь Сажина), Грязнова, Гранковская, Пекарскій, Мартыновскій и Кобылянскій.

Въ Москвѣ мы стояли недолго,—всего нѣсколько часовъ,—и все время просидѣли въ вагонахъ, при чемъ поѣздъ маневрировалъ, передавая наши вагоны на Моск.-Нижегор. ж. д.

На вокзалѣ (кажется, Никол. ж. д.) явился насъ провѣдать бывшій

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ только теперь и вошли въ составъ партіи.—Это Долгушина съ сыномъ, Тулисова съ дочерью, Марія Легкая. Не входя въ составъ партіи, ѣхали съ нами М. Сыцянко и А. Дмоховская.

тогда московскимъ градоначальникомъ, извѣстный уже въ то время, а впослѣдствіи еще болѣе прославившійся ген. Козловъ.

Къ вечеру мы двинулись дальше, по направленію къ Нижнему. Съ присоединившимися мы быстро перезнакомились, и они слились съ общею массою.

Переѣздъ отъ Москвы до Нижняго рѣшительно ничѣмъ не запечатлѣлся въ моей памяти.

Въ Нижнемъ мы должны были пересѣсть на баржу, которая доставила бы насъ въ Пермь. Отъ вагоновъ до пристани мы шли пѣшкомъ; конечно, немедленно же собралась толпа народа, чтобы полюбоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ.

Между прочимъ, на пристани ждалъ насъ В. Г. Короленко, бывшій въ это время въ Нижнемъ подъ надзоромъ. Онъ съ нами раскланивался, а когда сдѣлалъ попытку подойти къ намъ ближе, то конвойный загородилъ ему дорогу. В. Г. огрызнулся, но подойти ему все же не удалось.

Мы размѣстились на баржѣ.

Здѣсь, въ Нижнемъ, къ намъ должны были присоединиться еще товарки: жена Рогачева, Вѣра Павловна, бывшая въ то время въ ссылкѣ въ Вятск. губ. (кажется, въ Котельничахъ), пожелала слѣдовать за мужемъ.

Я стоялъ съ Рогачевымъ у баржевой рѣшетки, и мы наблюдали, какъ въ лодкѣ подъѣзжала къ намъ Вѣра Павловна...

Кажется, теперь уже позволительно бросить на бумагу двѣ-три черты той драмы, которая тутъ разыгралась: и Рогачевъ и Вѣра Павловна—покойники.

Дмитрій Рогачевъ и Вѣра Павловна (Карпова, родная сестра драматурга) были въ фиктивномъ бракѣ. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Рогачевъ, тогда—блестящій артеллерійскій офицеръ, появился съ батареей на горизонтѣ небольшого города центральной Россіи. Тутъ онъ познакомился, между прочимъ, съ дочерью мѣстнаго чиновника. Между молодыми людьми началось духовное сближеніе. Карпова очень скоро перешла въ «вѣру» молодого артиллериста и, чтобы получить свободу дѣйствій, рѣшила вступить въ фиктивный бракъ съ Рогачевымъ. Фиктивнымъ онъ былъ, впрочемъ, только для молодыхъ людей: въ родныхъ и знакомыхъ поддерживалась увѣренность, что бракъ—самый настоящій.

Счастливые «молодые» нѣкоторое время прожили вмѣстѣ... Я опускаю нѣкоторыя подробности этой жизни, извѣстныя мнѣ лишь потому, что я былъ интимнымъ другомъ Рогачева. Но скоро они разстались,—чтобы встрѣтиться затѣмъ, въ первый разъ только... въ залѣ суда по «Большому» процессу («193-хъ»): оба они привлекались по этому дѣлу. Но и на судѣ имъ не пришлось видѣться близко и говорить другъ съ другомъ. Лишь по окончанію судебнаго разбирательства, какъ говорилъ мнѣ Рогачевъ, они гдѣ-то въ коридорѣ сошлись и поговорили... На Рогачева разговоръ этотъ произвелъ впечатлѣніе: ему тутъ показалось, что въ Вѣрѣ Павловнѣ развилось къ нему чувство, уже не какъ къ «брату по духу». Съ этимъ они и разстались: Рогачевъ былъ увезенъ въ централку, Вѣра Павловна пошла въ административную ссылку.

Они завязали другъ съ другомъ переписку. Я какъ-то замѣтилъ [1]), что въ Рогачевѣ была наклонность къ мистицизму. Какъ кажется, это проглядывало и въ его письмахъ къ женѣ. Вѣра Павловна его поддерживала,—въ частности, поддерживала въ немъ и вѣру въ то, что она будетъ его женою и поѣдетъ за нимъ, если его куда-нибудь увезутъ изъ централки. За время пребыванія Рогачева во Мценскѣ они, конечно, имѣли возможность окончательно списаться, и Рогачевъ мнѣ тамъ неоднократно говорилъ, что схожденіе съ Вѣрой Павловной считаетъ уже теперь для себя дѣломъ рѣшеннымъ.

Между тѣмъ, въ самое послѣднее время передъ днемъ, когда должна была присоединиться къ намъ Вѣра Павловна, нѣкоторое обстоятельство стало вносить смятеніе въ душу Рогачева: онъ встрѣтился съ дѣвушкою, къ которой заподозрилъ въ себѣ развивающееся чувство любви, и дѣвушка эта, повидимому, готова была отвѣтить Рогачеву тѣмъ же. Говорю и о томъ, и о другомъ предположительно, потому что, дѣйствительно, къ описываемому моменту «положеніе» окончательно не выяснилось еще. Тѣмъ не менѣе, знаменательно то, что передъ самымъ пріѣздомъ въ Нижній между Рогачевымъ и дѣвушкою произошло соглашеніе—духовно разойтись, чтобы дать возможность выясниться окончательно взаимнымъ отношеніямъ между Рогачевымъ и Вѣрою Павловною. Какъ честные люди, они хотѣли устранить всѣ помѣхи на пути Вѣры Павловны къ счастью. Но знаменательно это въ томъ отношеніи, что, значитъ, существовало уже нѣчто между Рогачевымъ и дѣвушкою, что въ интересахъ Вѣры Павловны нужно было попробовать устранить хотя бы насильственнымъ образомъ...

Итакъ, мы съ Рогачевымъ стояли въ сторонѣ отъ другихъ у рѣшетки баржи и смотрѣли, какъ приближается къ намъ на лодкѣ Вѣра Павловна.

По чести говоря, я видѣлъ по лицу друга, что безполезны съ его стороны всѣ ухищренія: для меня, привыкшаго улавливать малѣйшее движеніе его души на его физіономіи, было ясно, что не Вѣра Павловна владѣетъ въ данную минуту его сердцемъ...

Но драма, настоящая драма началась съ момента, когда мы стали хорошо различать то, что дѣлается въ ближайшей лодкѣ.

Рогачевъ старался владѣть собой. Тѣмъ не менѣе, въ голосѣ его слышался почти ужасъ, когда онъ вдругъ тихо произнесъ:

— Смотри, Коля, вѣдь у нея, кажется, ребенокъ на рукахъ...

Увы! Я замѣтилъ этого ребенка раньше Рогачева; но было еще достаточно времени до момента, когда Вѣра Павловна должна была очутиться на палубѣ нашей баржи, и потому я сказалъ:

— Нѣтъ, это тебѣ показалось...

Онъ вглядывался, и нѣкоторое время между нами царило напряженное молчаніе.

— Что ты говоришь, сказалъ онъ, наконецъ.—Ребенокъ,—несомнѣнно ребенокъ...

Я нашелъ уже возможнымъ подтвердить его слова.

Вѣра Павловна поднялась на баржу. Рогачевъ съ улыбкой,—въ

---

[1]) Въ статьѣ „Въ централкѣ“,—„Былое“ 1906, № 7.

которой была такая доля смущенія,—встрѣтилъ ее. Они облобызались... Но на другой же день, какъ-то за чаемъ, который мы пили, усѣвшись въ кружокъ прямо на полу палубы, съ Вѣрой Павловной сдѣлалась сильнѣйшая истерика: ея судьба была рѣшена окончательно.

Очень долго спустя, въ Якутской области, когда Вѣра Павловна, послѣ смерти Рогачева, была уже женою другого, мы ѣхали съ нею отъ меня въ с. Амгу, гдѣ она жила, и, не доѣзжая до мѣста, заночевали. Здѣсь только въ первый разъ мы коснулись этого эпизода. Она увѣряла меня, что писала Дмитрію обо всемъ. Я не имѣлъ основаній ей не вѣрить, но категорически утверждалъ, что значитъ она писала недостаточно ясно. Я ссылался при этомъ на то, что Дмитрій мнѣ, по всей вѣроятности, сказалъ бы объ этомъ, такъ какъ онъ повѣрялъ мнѣ и болѣе интимныя вещи; съ другой стороны, несомнѣнно, появленіе ея съ ребенкомъ страшно шокировало его, и потому, если бы наличность такового и не заставила его отказаться отъ схожденія съ нею, то онъ несомнѣнно предупредилъ бы обо всемъ товарищей.

Вѣра Павловна говорила, впрочемъ, мнѣ при этомъ и на тему, какъ удивительно, что нѣкоторые проповѣдуютъ «свободу любви», а когда дѣло коснется ихъ самихъ, то «теорія» куда-то испаряется. Не помню точно, что я ей на это сказалъ; вѣроятно, я замѣтилъ, что это не относится къ дѣлу.

Закончу здѣсь же описаніе сердечной драмы Рогачева, чтобы не возвращаться къ ней въ другомъ мѣстѣ моихъ воспоминаній.

Незадолго до моего отъѣзда съ Кары Рогачевъ получилъ удручающее извѣстіе. Перенести ударъ было для него очень тяжело, такъ какъ на этотъ разъ извѣстіе касалось той, которую онъ дѣйствительно любилъ; Вѣры же Павловны онъ не любилъ и согласіе на то, чтобы она слѣдовала за нимъ въ Сибирь, было имъ дано, очевидно, лишь потому, что благодарность за ея участіе въ немъ, когда онъ томился въ централкѣ, онъ принялъ за любовь къ ней—обычная для заключенныхъ аберрація чувствъ.

Но еще тяжелѣе отозвалось полученное извѣстіе на психикѣ Рогачева въ томъ смыслѣ, что событіе совершенно переворачивало вверхъ дномъ его представленія объ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною. Несмотря на свои 30 съ лишнимъ лѣтъ, Рогачевъ вѣрилъ еще въ идеальную любовь. Въ этомъ отношеніи мы съ нимъ сходились, и потому одинаково служили мишенью остротъ для Войнаральскаго, который преувеличеннымъ цинизмомъ хотѣлъ насъ заставить спуститься съ небесъ на землю. Конечно, это оказывало недостаточно сильное дѣйствіе; но жизнь—противъ ея логики и аргументовъ никуда не уйдешь!.. Впрочемъ, я хотѣлъ бы думать, что Рогачевъ и на этотъ разъ не совсѣмъ спасовалъ: онъ лишь остановился въ недоумѣніи передъ «непонятнымъ» для себя явленіемъ. Если это такъ, то можно ему позавидовать: смерть избавила его отъ тѣхъ разочарованій, которыми полна судьба пережившихъ его товарищей и друзей.

Съ тяжелымъ чувствомъ въ сердцѣ Рогачевъ остался на Карѣ, когда я оттуда уѣзжалъ; съ нимъ же онъ, вѣроятно, сошелъ и въ могилу.

Продолжаю прерванный разсказъ.

Привольно жилось намъ на баржѣ! Такимъ обиліемъ воздуха и свѣта, какъ здѣсь, давно уже никто изъ насъ не пользовался. Питались мы по прежнему вполнѣ удовлетворительно. Между прочимъ, южане тутъ впервые узнали, что такое «вобла»: мы закупили ее что-то очень много, она была сброшена въ кучу, въ углу баржи, и каждый бралъ ее, когда и сколько хотѣлъ. Но охотниковъ до воблы, насколько помню, было не много.

Наконецъ, тутъ же на баржѣ, въ первый разъ послѣ Мценска, могъ выступить въ полномъ блескѣ и нашъ хоръ. Чуть, бывало, повѣетъ вечернею прохладою,—и на палубу сзываются пѣвцы, и долго, долго носится по широкой рѣкѣ наша пѣсня. Тихая грусть рѣдко находила для себя выраженіе въ этой пѣснѣ: чаще слышался въ ней молодой задоръ, беззавѣтная удаль.

Но въ этой сферѣ насъ ждало здѣсь новое наслажденіе.

Еще во время переѣзда изъ Москвы до Нижняго публика узнала, что Евгенія Фигнеръ—пѣвица. И тутъ же заставили ее пропѣть. Всѣ ахнули, услышавъ молодой, сильный съ прекраснымъ тембромъ голосъ. Но, въ сущности, какое же пѣніе въ душномъ, тѣсномъ вагонѣ, подъ грохотъ поѣзда? И вотъ, когда мы очутились на баржѣ, то тутъ только могли узнать всѣ прелести голоса Е. Фигнеръ, ея умѣнья пѣть, ея репертуара,—даже, пожалуй, ея школы. Она, дѣйствительно, обладала голосомъ (mezzo-soprano), весьма приличнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и при томъ—съ признаками, что надъ нимъ уже серіозно работали. Сразу было замѣтно, рядомъ съ нами, самоучками, что Е. Фигнеръ—«училась», проходила «курсъ». Между прочимъ, она иногда пѣла пьесу (на итальянскомъ языкѣ), которую готовила, по ея словамъ, къ концерту.

Хорошо и привольно жилось намъ на баржѣ, — это я прекрасно помню, но долженъ при этомъ сознаться, что сама окружающая природа не производила на меня особенно глубокаго впечатлѣнія. По крайней мѣрѣ, въ моей памяти сохранились картины, открывавшіяся передъ нашимъ взоромъ, когда мы плыли на баржѣ, и я не могу воскресить ихъ въ себѣ теперь даже при чтеніи описаній рѣки. Но я никакъ не соглашусь отнести это на счетъ своей неспособности поддаваться обаянію природы. Я тогда уже носилъ въ своей душѣ впечатлѣнія отъ созерцанія швейцарскихъ видовъ, а впослѣдствіи дикую, но грандіозную тайгу и величественную Лену я полюбилъ, какъ родную стихію. Возможно, что здѣсь играло роль то обстоятельство, что меня, воспитавшаго свое эстетическое чувство на созерцаніи морскихъ эффектовъ (я до 15 лѣтъ почти безвыѣздно жилъ въ Одессѣ), — ужъ коли вода, такъ это должно быть что-нибудь необычайное, и потому Лена, разливающаяся весной даже у Якутки на 15 верстъ, еще могла производить на меня впечатлѣніе, но не Волга и не Кама. Возможно, конечно, также, что я въ то время такъ былъ поглощенъ впечатлѣніями отъ общенія со старыми и новыми товарищами, что красоты природы отходили въ моихъ глазахъ на задній планъ.

Такъ ѣхали мы, ѣхали,—и очутились въ Перми.

Здѣсь опять пересѣли мы на поѣздъ, который и доставилъ насъ въ Екатеринбургъ.

Отъ Екатеринбурга намъ уже пришлось ѣхать «серіознѣе». Здѣсь мы прожили нѣсколько дней (3—4 дня) и успѣли отдохнуть и подготовиться къ путешествію на лошадяхъ.

Наконецъ, рано утромъ, къ тюрьмѣ подскочила масса троекъ. Мы стали усаживаться. Ямщики едва сдерживали лошадей, и, какъ только данъ былъ сигналъ, онѣ сорвались съ мѣста. Было что-то гомерическое въ этой бѣшеной скачкѣ.

Какъ кажется, начальство опасалось, что именно между Екатеринбургомъ и Тюменью будетъ сдѣлана попытка къ освобожденію коекого изъ насъ. Вѣроятно, припоминалась попытка освободить Войнаральскаго, когда его везли въ централку, попытки Мышкина къ побѣгу изъ централки и другіе случаи. По крайней мѣрѣ, нашъ Василій Ивановичъ, ѣхавшій сзади, всегда привставалъ въ экипажѣ, чуть замѣтитъ что-нибудь по дорогѣ впереди нашего поѣзда, а при малѣйшемъ замедленіи движенія то и дѣло покрикивалъ: «пашшолъ!.. па-ашшоолъ!.. И ямщики гнали... Но за то и остановки на переѣздахъ между станціями очень часто происходили отъ быстрой ѣзды. Сбруя и тарантасы были прочны; но лошади сдавали. И не было, кажется, ни одного переѣзда, чтобы не приходилось отстегивать выбившуюся изъ силъ, загнанную лошадь. Разъ, помню, въ моей тройкѣ случилось что-то съ коренникомъ и поэтому случаю ему, по общему мнѣнію ямщиковъ, надо было проколоть, хотя гвоздемъ, переносицу; но Василій Ивановичъ былъ противъ всякой траты времени. Тогда ямщикъ натянулъ возжи отъ коренника, не давая ему везти, и мы такъ и доѣхали до станціи на пристяжныхъ.

Бѣшеная скачка эта продолжалась вплоть до Тюмени. Тутъ, послѣ неизбѣжной остановки въ тюрьмѣ на 2—3 дня, мы пересѣли опять на баржу, которая должна была доставить насъ въ Томскъ.

Въ Тюмени находилась въ это время, такъ называемая, «экспедиція о ссыльныхъ», и настоящій этапный путь, настоящая «Владимирка», начинается именно отъ Тюмени. Участокъ отъ Тюмени до Красноярска находится въ вѣдѣніи инспектора, полк. Виноградова. И здѣсь наша партія очутилась, такъ сказать, подъ началомъ двухъ началъ: жандармскаго и этапнаго. Дальше жандармамъ, съ тѣмъ же Василіемъ Ивановичемъ во главѣ, принадлежало только спеціальное наблюденіе за нами, какъ за политическими; но, какъ партія *ссыльныхъ*, наша партія была во всѣхъ отношеніяхъ подчинена этапному начальству.

И вотъ, полк. Виноградовъ, «принимая» нашу партію въ Тюмени, первымъ дѣломъ обратилъ вниманіе на существенное «упущеніе»: изъ лишенныхъ правъ оказались закованными только непривилегированные поселенцы и тѣ каторжане, кто находился еще въ разрядѣ «испытуемыхъ»,—въ то время какъ «по закону», всѣ каторжане, какъ испытуемые, такъ и исправляющіеся, и всѣ поселенцы должны по этапу «слѣдовать» въ ножныхъ кандалахъ. Натурально, насъ рабовъ божіихъ заковали...

Само по себѣ это не вызвало съ нашей стороны протеста. Но кандалы въ совокупности съ другими, болѣе мелкими притѣсненіями, возбудили среди насъ волненіе. И когда мы были уже на баржѣ, и публика наша волновалась, то Мышкинъ, стоя у самой рѣшетки, съ лицомъ, обращеннымъ къ толпившейся на берегу публикѣ, внезапно вскрикнулъ:

«душатъ, душатъ насъ!» Впрочемъ, ни до чего серіознаго дѣло не дошло.

И вотъ, поплыли мы опять. Отъ этого путешествія по Оби до Томска у меня никакихъ воспоминаній не сохранилось,—за исключеніемъ, развѣ, того, что публика упрощеннымъ способомъ стирала бѣлье: опуститъ ношенное бѣлье на веревкѣ въ воду, оно плыветъ за баржей,— и черезъ сутки бѣлье превращается въ бѣлоснѣжное. Смутно припоминаю также, что отъ шнырявшихъ по рѣкѣ остяковъ мы не разъ покупали рыбу.

Еще въ Тюмени кое-кто изъ нашей партіи уже былъ оставленъ. То же было и въ Томскѣ. Это—тѣ, кто былъ приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе или на житье въ Зап. Сибири. Изъ партіи вышли: Пршибысовъ, Филипповъ, Казанскій, Тулисовъ съ семьею, Гранковская...

Наконецъ-то, отъ Томска, началось для насъ движеніе «пѣше-этапнымъ» порядкомъ.

Весь путь отъ Томска на востокъ въ то время былъ раздѣленъ на переходы въ 18—25 верстъ—«этапы»,—и въ концѣ каждаго находилось небольшое тюремное зданіе—«этапъ». Для партіи полагалось потребное число подводъ. На нихъ сажали слабыхъ, больныхъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, всѣ остальные должны итти пѣшкомъ, окруженные солдатами этапной команды подъ начальствомъ офицера; на подводы же взваливались и вещи арестантовъ. Партія, пройдя половину пути, немного отдыхала,—дѣлала «привалъ».

Прійдя на этапъ, этапный офицеръ сдавалъ партію офицеру этого этапа, а самъ уѣзжалъ обыкновенно въ тотъ же день обратно на свой этапъ, команда же его возвращалась пѣшкомъ уже на другой день.

Черезъ два дня въ третій полагался отдыхъ,—«дневка»: партія просиживала на этапѣ ночь, день и еще ночь.

Этапы были всѣ выстроены по одному типу: довольно большой дворъ, обнесенный тюремной оградой,—по-сибирски: «палями»—внутри двора небольшое тюремное зданіе человѣкъ на 50, затѣмъ—казарма для этапной команды, наконецъ—домъ для офицера. Во все время, пока на этапѣ партія, по оградѣ и у воротъ разставляется стража, какъ въ обыкновенныхъ тюрьмахъ.

Къ приходу партіи у воротъ этапа собирались крестьянскія бабы со всякою снѣдью. Конечно, тутъ мы впервые могли познакомиться съ сибирскими «шаньгами»,—родъ нашихъ калачей,—и съ блюдомъ, которое носитъ названіе «усердіе», съ каковымъ «усердіемъ» могутъ быть и пироги. «Усердіе»,—это осердіе,—попросту говоря: потроха. Впрочемъ, въ изобиліи выносили сюда молоко, сметану, масло, хлѣбъ, яйца,— вообще, здоровую пищу, которая при томъ же въ Зап. Сибири чрезвычайно дешева. Продажу водки арестантамъ, разумѣется, монополизировали въ свою пользу этапные солдаты... Вотъ какъ далеко въ глубь вѣковъ уходитъ «казенная» продажа питей.

Такимъ-то «порядкомъ», въ такихъ-то условіяхъ мы прошли по «Владимиркѣ» почти 2 тыс. верстъ,—отъ Томска до Иркутска.

Это было какъ разъ лѣтомъ: только при самомъ приближеніи къ Иркутску насъ, помню, стали мочить осенніе дожди. Въ пути же большею частью погода была очень хороша.

Подводъ намъ отпускали больше, чѣмъ полагалось, и потому, пожалуй, пѣшкомъ шли только тѣ, кто самъ того желалъ. Мышкинъ, наприм., захотѣлъ пройти весь путь пѣшкомъ, и, кажется, это ему удалось. Онъ имѣлъ въ виду закалить себя на случай необходимости итти пѣшкомъ при побѣгѣ. Съ этою же цѣлью онъ велъ дневникъ путешествія, записывая этапы и села, черезъ которые мы проходили, а также краткія свѣдѣнія о нихъ. Кстати, замѣчу, что Мышкинъ, превосходно знавшій стенографію, всѣ свои записи производилъ стенографическимъ письмомъ, изъ-за соображеній конспиративнаго характера. Такимъ образомъ, каждый изъ насъ то присаживался на подводу, то шелъ, держась за телѣгу, у подводъ, гдѣ сидѣли товарищи, съ которыми велъ бесѣду, то, наконецъ, шелъ въ сторонѣ, въ группѣ товарищей.

Кандалы насъ не очень-то стѣсняли. Конечно, еще на баржѣ, тотчасъ послѣ Тюмени, мы въ сущности освободили свои ноги отъ кандаловъ: достаточно было сплюснуть нѣсколько кольца кандаловъ, охватывающія ноги,—и они легко снимались. Такимъ образомъ, спали всѣ мы, не имѣя кандаловъ на ногахъ. Но большею частью и днемъ колецъ не надѣвали на ноги, а прятали ихъ въ голенища сапогъ, привязывая къ ногѣ веревочками. Снаружи не было замѣтно, что кандалы сняты; но это значительно облегчало человѣка при ходьбѣ.

Нерѣдко на подводахъ во время пути происходило даже чтеніе вслухъ. Такъ, въ моихъ воспоминаніяхъ живо встаетъ картина, какъ, полулежа на телѣгѣ, я читалъ какой-то разсказъ изъ «Рус. Мысли» Евгеніи Фигнеръ, и еще кому-то, кто сидѣлъ на той же телѣгѣ.

Общимъ старостою партіи былъ все тотъ же П. И. Войнаральскій. Нерѣдко съ половины пути онъ уѣзжалъ впередъ со своими конвойными и съ этапнымъ офицеромъ. Тамъ онъ исполнялъ заказы товарищей и вообще приготовлялъ все къ нашему пріѣзду.

Обыкновенно мы пріѣзжали на этапъ, когда солнце еще свѣтило во всѣ лопатки, и во всякомъ случаѣ—засвѣтло. И тутъ-то начиналась всевозможная возня.

Прежде всего, конечно, каждый тащилъ съ телѣги свои вещи и старался устроиться на нарахъ поудобнѣе, рядомъ съ близкими товарищами. Не всегда обходилось здѣсь дѣло безъ пререканій и даже столкновеній... Во всякомъ случаѣ, первые полчаса по прибытіи на этапъ были чрезвычайно шумны и суетливы.

Послѣ этого начиналась возня съ приготовленіемъ чая и ужина.

Общей артели у насъ въ то время уже не было. Обыкновенно по отношенію къ дорожнымъ расходамъ публика группировалась въ маленькія артели; но были даже лица, которые вели свое хозяйство совершенно отдѣльно. Впрочемъ, все это не исключало случаевъ, когда дѣлались закупки и для всей партіи. Такъ, случилось какъ-то встрѣтить крестьянина, который предлагалъ барана. Барана купила партія и раздѣлила между желающими. Иногда и пища готовилась для всѣхъ, — наприм., какая-нибудь похлебка или каша. Это случалось обыкновенно при остановкахъ на дневку или въ городскихъ тюрьмахъ. Обычный же порядокъ былъ таковъ, что каждая группа запасала себѣ продукты отдѣльно, отдѣльно же ихъ приготовляла и потребляла.

Долженъ замѣтить, что гурмановъ, вообще говоря, среди насъ,

кажется, вовсе не было. Мы наслаждались великолѣпнымъ таежнымъ воздухомъ, движеніемъ, а главное—неумолчными шутками и разговорами съ товарищами и о пищѣ заботились лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы не умереть съ голоду. И потому, мы охотно соглашались, по части приготовленія пищи, на чередованье, хотя, такимъ образомъ, эта обязанность выпадала иногда на долю тѣхъ, которые не проявляли особенныхъ способностей по части кулинаріи.

— Господа, сегодня Николаша дежурный, — объявляла Е. Фигнеръ.—Ну, и наваришь же ты намъ...

Она съ шутливою укоризною глядѣла на меня и покачивала головой.

И я, дѣйствительно, «наваривалъ»...

— Вотъ, Женя, ты говорила,—замѣчалъ я во время ужина,—а съ какимъ аппетитомъ ѣшь...

Дѣйствительно, всѣ ѣли всегда съ аппетитомъ. Здоровье, молодость, моціонъ, хорошее расположеніе духа,—это, какъ извѣстно, лучшія приправы къ пищѣ.

Впрочемъ, долженъ замѣтить, чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ болѣе скудными становились наши средства, а потому и питаніе наше постепенно ухудшалось. Дѣло дошло до того, что подъ Иркутскомъ у меня, наприм., кожа стала обнаруживать необычайную наклонность къ образованію нарывовъ: чуть царапнешь палецъ,—и тотчасъ же царапина является фокусомъ образованія нарывчика. Стали появляться нарывы и безъ царапинъ. И наши «врачи», Джабадари и Аптекманъ, констатировали, что это — послѣдствіе плохого питанія, вслѣдствіе чего мнѣ было «прописано»... $^3/_4$ фунта мяса ежедневно. И въ Иркутскѣ я продолжалъ получать это «лѣкарство».

Возни съ приготовленіемъ чая и ѣды было не мало, за ѣдой всѣ были поглощены выполненіемъ спеціальной задачи момента. Но и по окончаніи всѣхъ этихъ непріятныхъ процедуръ у насъ оставалось досточно времени для бесѣдъ и для развлеченій.

Что касается первыхъ, то, такъ какъ намъ всѣмъ предстоялъ еще долгій путь, а многимъ изъ насъ—и долговременное пребываніе на Карѣ, съ выясненіемъ различныхъ теоретическихъ вопросовъ никто не торопился. Говорили «при случаѣ», отдѣльными группами и, по правдѣ сказать, не особенно часто.

Во Мценскѣ чистѣйшаго народовольца, умѣвшаго хорошо обосновать свои теоритическія воззрѣнія, мы видѣли лишь въ лицѣ Николая Рогачева. Но въ Москвѣ въ нашу партію влилась цѣлая группа народовольцевъ въ лицѣ Зунделевича, Зубковскаго и др. И вотъ тутъ-то, хотя и медленно, постепенно съ большими перерывами мы могли въ живой рѣчи, въ живыхъ образахъ и въ различномъ изложеніи различныхъ лицъ, ознакомиться съ дѣйствительностью партіи «Народной Воли», съ основными положеніями ея программы и, наконецъ,—что, въ сущности, самое интересное, — съ міросозерцаніемъ и настроеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ партіи.

Съ одной стороны, никакого практическаго интереса наши разговоры не имѣли. Дѣло заключалось вовсе не въ томъ, чтобы *черезъ* выяс-

неніе тѣхъ или другихъ теоретическихъ положеній перейти *къ* совершенію того или другого дѣйствія. Съ другой же стороны, мы ясно сознавали, что къ тому времени, когда каждый изъ насъ получитъ возможность «дѣйствовать», навѣрное, придется разрѣшать предварительно совершенно иные теоретическіе вопросы. И дѣйствительно, многимъ изъ нашей партіи удалось выступить въ качествѣ активнаго общественно-политическаго дѣятеля уже тогда, когда отъ народовольчества, въ его тогдашнемъ видѣ, не осталось камня на камнѣ. Вотъ эти-то два обстоятельства и послужили, вѣроятно, причинами, что, по совѣсти говоря, теоретическіе разговоры среди насъ, хотя и пріобрѣтали подчасъ страстный характеръ, но это случалось чрезвычайно рѣдко, да и вообще всякіе разговоры на эту тему были далеко не часты. Тѣ же обстоятельства лишаютъ теперь мои воспоминанія той отчетливости, которая позволила бы мнѣ изложить предметъ такихъ разговоровъ болѣе или менѣе систематически. Я могу лишь констатировать, что на первый планъ выдвигался вопросъ о томъ, раціонально ли отдавать,—хотя бы, конечно, только въ настоящемъ,—всѣ силы политической борьбѣ. Этотъ вопросъ народовольцами нашей партіи рѣшался въ томъ смыслѣ, что поступать такъ заставила необходимость: опытъ (предполагался, конечно, опытъ 70-хъ годовъ) показалъ, что при отсутствіи политической свободы немыслима соціальная борьба. Въ моихъ воспоминаніяхъ рѣзко выступаетъ такой именно отвѣтъ Зубковскаго.

Было бы, конечно, ошибочно предполагать, что всякій разговоръ, даже всякій теоретическій разговоръ, среди насъ носилъ на себѣ неизбѣжно характеръ политическій. Въ то время жизнь вообще, а въ частности жизнь партіи ссыльныхъ, не была въ такой степени подчинена общественно-политическому элементу, какъ теперь.

Въ настоящее время,—какъ это можно, кажется, безъ преувеличенія сказать,—не только въ Россіи, но и на всемъ земномъ шарѣ только и говорятъ, что о «великой русской революціи», а въ Россіи не только говорятъ, но и дѣлаютъ только или революцію, или контръ-революцію. Достаточно вспомнить, что наука у насъ остановилась: профессора не двигаютъ ее впередъ, студенты и курсистки не просвѣщаютъ ею свой умъ, или что полицейская власть не скандализируется такими «происшествіями», какъ ограбленіе при свѣтѣ бѣлаго дня банковъ на сотни тысячъ, и не скандализируется потому, что въ задачу момента для нея входитъ лишь борьба съ революціей. Но въ то время, о которомъ я пишу, на лицо было лишь революціонное *движеніе* (пришедшее на смѣну революціонному *броженію),* самой же *революціи* еще не было. И потому общія условія жизни были таковы, что вчерашній метатель бомбы сегодня, при обстановкѣ, исключающей для него возможность метнуть еще одну бомбу, *могъ* отдаваться размышленіямъ на общія темы научнаго характера, политико-философскія, литературныя, историческія, объ искусствѣ. Да, 25 л. тому назадъ могъ это сдѣлать *даже* вчерашній метатель бомбъ,—въ то время какъ теперь не можетъ этого сдѣлать *даже* обыватель, мирно отвѣшивающій покупателямъ масло или отмѣривающій холстину.

Характерно при этомъ, что тогда, 25 л. тому назадъ, всѣ теоретическіе разговоры велись безъ задней, такъ сказать, мысли: вопро-

сомъ интересовались an und für sich, не дѣлая изъ положенія, которое защищается одними и оспаривается другими, базиса для того или другого партійнаго или фракціоннаго міросозерцанія. Кантомъ, напр., интересовались тогда,—какъ и до того, и послѣ того; но едва ли не чаще имя Канта соединялось съ именемъ Лапласа, нежели съ именемъ Маркса.

Я припоминаю два-три случая, хорошо оттѣняющихъ мою мысль.

На Карѣ въ 1882 или 1883 году Г. Ф. Здановичъ написалъ статью для грузинскаго журнала и читалъ ее намъ. Въ этой статьѣ онъ поучалъ своихъ собратьевъ-грузинъ, что не слѣдуетъ имъ въ ихъ газетной литературѣ особенно заниматься разсмотрѣніемъ различнаго рода политическихъ «конъюнктуръ» (такъ какъ, молъ, между прочимъ, «Иверію» едва ли читаетъ Бисмаркъ...), а лучше имъ заняться изученіемъ соціально-экономическихъ вопросовъ грузинской народной жизни, потому что *экономическія отношенія — базисъ, а все остальное — «надстройка»*. Скажи онъ нѣчто подобное въ концѣ 1890-хъ г.г.,—и это знаменовало бы собой, что Здановичъ—«марксистъ», скажи онъ это теперь — и мы назвали бы его «эсъ-декомъ». Но тогда, въ 1882 г., противъ защищаемой Здановичемъ мысли мы, которые теперь не марксисты и не «эсъ-деки», ничего не имѣли, видя въ его статьѣ лишь желаніе приблизить своихъ читателей къ научному пониманію вещей.

Другой случай. Нѣсколько позже, въ 1884 или 1885 г., я, будучи въ с. Амга (Якут. обл.) у М. А. Натансона, затѣялъ разговоръ объ объективизмѣ и субъективизмѣ. Отдаваясь, въ теченіе всего своего пребыванія въ централкѣ, а отчасти и на Карѣ, чисто-научнымъ занятіямъ (начиная отъ высшаго анализа и кончая правомъ и соціологіей), я, въ качествѣ неофита научнаго мышленія, стоялъ на точкѣ зрѣнія научнаго объективизма («не плакать, не смѣяться, а понимать»—слова Спинозы). А Маркъ Андреичъ, исходя изъ научно-философскихъ концепцій Лаврова-Михайловскаго, выразился примѣрно въ томъ смыслѣ, что быть объективистомъ—это значитъ разсуждать, копая у себя пальцемъ въ носу... Опять-таки, если бы разговоръ этотъ происходилъ значительно позже, то каждый въ правѣ былъ бы сказать, что спорятъ люди различныхъ политическихъ партій; но не такъ смотрѣли на это мы съ М. А. тогда, и это ясно уже изъ того, что въ настоящее время, какъ кажется, мы съ нимъ не расходимся въ основныхъ политико-соціологическихъ взглядахъ.

Наконецъ, третій случай. Еще позже, этакъ въ концѣ 1880-хъ или въ самомъ началѣ 1890-хъ годовъ, былъ двухъ или трехдневный споръ у меня съ В. М. Іоновымъ на тему: что выше—интересы общества или интересы личности?—Я довольно энергично выражался въ томъ смыслѣ, что наплевать мнѣ на интересы личности, хотя бы и своей собственной, если они идутъ въ разрѣзъ съ интересами общества. Всеволодъ не менѣе энергично «хотѣлъ начхать» на «интересы» общества, если они таковы, что нарушаютъ его, Іонова, интересы. Для современнаго слушателя въ нашихъ спорахъ *все* было бы ясно: сошлись, конечно, въ полѣ брани «индивидуалистъ» (а можетъ быть, и чистѣйшій нитцшеанецъ) съ «общественникомъ». Но на самомъ дѣлѣ для насъ съ Всеволодомъ спорный вопросъ былъ тогда вопросомъ «высшаго порядка», и проявили ли мы себя тогда, какъ «индивидуалисты» или какъ «общественники», — а

насъ съ нимъ теперь не поставитъ этотъ вопросъ въ два различныхъ лагеря, еще такъ недавно игравшихъ нѣкоторую роль въ нашемъ общественномъ развитіи.

Можетъ быть, эти примѣры помогутъ читателю нарисовать себѣ совершенно полную картину нашихъ тогдашнихъ «теоретическихъ» разговоровъ. Но я позволю себѣ все-таки сдѣлать одно замѣчаніе.— Въ разговорахъ этихъ всегда бывало много задушевности. Нерѣдко можно было встрѣтить парочку (honny soit qui mal y pense: это не всегда были кавалеръ и дама), воркующихъ гдѣ-нибудь вдали отъ суеты мірской. Мы съ Рогачевымъ, напримѣръ, прославились въ этомъ отношеніи на всю партію еще съ Мценска. Это значитъ, что люди касаются особенно интимныхъ своихъ чувствъ и убѣжденій. Но и при общихъ разговорахъ обыкновенно спорящіе вкладывали въ бесѣду всю свою душу, и видно было, что не одинъ умъ, но также и чувство, и воля, и желаніе, и вѣра,— словомъ, все существо *человѣка* участвуетъ въ защитѣ извѣстнаго положенія,—что это послѣднее составляетъ часть стройнаго гармонически - развитаго цѣлаго — человѣка - индивидуума; каждый смотрѣлъ въ глаза противнику открытымъ взглядомъ и, казалось, не столько старался убѣдить слушателей, сколько для самого себя выяснить предметъ спора. А люди, которые пользовались въ спорахъ, такъ называемыми, діалектическими пріемами для одержанія побѣды надъ противникомъ, были извѣстны наперечетъ и—не могли похвалиться большими симпатіями публики.

Оговорюсь.

Было бы не только несправедливо по отношенію ко мнѣ, но и прямо-таки ошибочно заключать изъ моихъ словъ, что я, въ качествѣ «старика», хочу набросить тѣнь на *все* настоящее и представить въ болѣе привлекательномъ видѣ *все* прошедшее. Теперь мы переживаемъ моментъ до чрезвычайности обостренной политической борьбы, и ея необходимость и раціональность я, конечно, менѣе кого бы то ни было склоненъ подвергать сомнѣнію. Но за то надо считаться и съ фактомъ, что дѣятелями даннаго момента должны быть именно такіе-то и такіе-то люди. Можно пойти еще нѣсколько дальше и предположить, что настанетъ періодъ, когда уже и не діалектическая ловкость, а физическая сила и выносливость будутъ по необходимости считаться наиболѣе цѣнными качествами человѣка... Но слѣдуетъ ли, тѣмъ не менѣе, закрывать глаза передъ фактомъ, что условія работы для современнаго дѣятеля крайне неблагопріятны, такъ какъ слишкомъ спеціализируютъ его, отдаляя отъ гармоническаго развитія всѣхъ дарованныхъ ему природою способностей?—Отнюдь нѣтъ,—и я убѣжденъ, что на дѣло такимъ же образомъ смотрятъ и сами современные дѣятели. И нѣтъ измѣны великимъ задачамъ переживаемаго момента въ пожеланіи, чтобы,—въ интересахъ не только народнаго развитія, но и втянутыхъ въ борьбу отдѣльныхъ лицъ,—моментъ этотъ какъ можно скорѣе уступилъ свое мѣсто другому, болѣе свѣтлому, когда люди по прежнему, яснымъ взглядомъ, а не черезъ кровавый туманъ, будутъ глядѣть на міръ божій...

Еще одно маленькое, послѣднее сопоставленіе.

Не такъ давно товарищъ по заключенію, Бибиковъ [1]), убѣждая въ

[1]) Письмо въ концѣ августа 1906 г., когда я сидѣлъ въ „Крестахъ“ по дѣлу газ. „Мысль“.

необходимости установить часы, когда прекращались бы разговоры черезъ окна, чтобы тѣмъ дать возможность читать и заниматься, замѣтилъ: «вѣдь вы сами знаете, товарищи, что на волѣ некогда читать». Почти буквально то же я писалъ товарищамъ по процессу въ 1880 г. въ централкѣ. Я сообщалъ, какъ увлекся я чтеніемъ и занятіями, при чемъ, между прочимъ, выразился, помнится, приблизительно такъ: «вѣдь вы сами знаете, что на волѣ не только книгу, но подчасъ и газету толкомъ прочитать нѣтъ времени». Итакъ, общія черты въ этомъ отношеніи имѣются между теперешнимъ періодомъ и временемъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ, и вопросъ сводится до нѣкоторой степени не къ качественному различію, а къ количественному. Значитъ, въ моихъ глазахъ нѣтъ достаточныхъ основаній какъ къ безусловному отрицанію настоящаго, такъ и къ безусловному восхваленію прошедшаго, и я лишь констатирую, что нѣкоторая черта, неблагопріятная для развитія человѣка, какъ индивидуума, теперь сдѣлалась болѣе замѣтною.

Но я слишкомъ уклонился въ сторону и на этомъ кончаю свои сопоставленія.

Кое-кто продолжалъ у насъ поигрывать въ шахматы, кое-когда, главнымъ образомъ, на дневкахъ и въ городскихъ тюрьмахъ, у насъ устраивались «подвижныя игры на воздухѣ». Но главнымъ и постояннымъ развлеченіемъ для насъ служило пѣніе. Конечно, здѣсь первое мѣсто принадлежало Е. Фигнеръ. Я не знаю, насколько ей самой пѣніе доставляло удовольствіе но она охотно исполняла просьбы товарищей и соглашалась пѣть, когда бы ее ни попросили. Особенное удовольствіе она намъ доставляла исполненіемъ Шубертовскаго «Бурнаго потока», красивымъ переложеніемъ на музыку (я не могу до сихъ поръ доискаться композитора) пушкинской «Колыбельной пѣсни» и извѣстной пѣсенки на слова Вс. Крестовскаго «Полоса». Послѣднюю мы, конечно, любили за слова:

А, быть можетъ, и то: въ кандалахъ
По Владиміркѣ пахаря гонятъ,
За широкій, за вольный размахъ
Богатырскую силу хоронятъ!

Слова эти такъ гармонировали съ нашимъ настроеніемъ! И поэтому Е. Фигнеръ всегда пѣла ихъ съ особенною силою и выраженіемъ.

Само собою разумѣется, хоръ нашъ попрежнему отличался. Хотя Першибысовъ, нашъ хормейстеръ и регентъ, остался еще въ Тюмени, но хоръ былъ такъ хорошо дисциплинированъ этимъ способнымъ музыкантомъ, что и подъ моимъ управленіемъ проявлялъ достаточную стройность и разудалость. Впрочемъ, ничего новаго мы не разучивали и повторяли то, что знали еще со Мценска. Но репертуаръ нашъ былъ довольно обширенъ, и, не часто поэтому повторяясь, хоръ нашъ всегда доставлялъ публикѣ неизмѣнное удовольствіе.

Мы пробовали привлечь къ участію въ хоровомъ пѣніи и Е. Фигнеръ. Помимо прочаго, всегда получается особенно пріятный для слуха эффектъ, когда въ хоръ мужскихъ голосовъ вплетается женскій. Къ сожалѣнію, Е. Фигнеръ, какъ привыкшая пѣть только solo и вести за собой

аккомпанирующій инструментъ, оказалась недостаточно дисциплинированной хористкой,—подобно тому, какъ виртуозу никогда не удастся сыграть вальсъ такъ, чтобы подъ его музыку можно было танцовать. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ этомъ направленіи мы перестали настаивать на участіи Е. Фигнеръ въ хоровомъ пѣніи.

Былъ у насъ еще одинъ «хоръ», — шуточный. Великій юмористъ Лейзеръ Цукерманъ, «организовалъ» свой хоръ,—изъ совершенно безголосыхъ и, главное, безухихъ. Обыкновенно, этотъ «хоръ» выступалъ тотчасъ послѣ настоящаго и повторялъ то, что пѣли мы. Какофонія получалась ужасная,—къ вящему удовольствію самого «дирижера» «хористовъ» и всей публики. Особенный хохотъ подымался, когда Цукерманъ начиналъ «сердиться» и «поправлять», немилосердно перевирая музыкальные термины.

Надо признать, что жизнь партіи не отличалась ни богатствомъ ни разнообразіемъ содержанія. Тѣмъ не менѣе, всѣ, кажется, чувствовали себя хорошо.

Прежде всего, конечно, здѣсь игралъ роль тотъ фактъ, что всѣ мы были молоды. Людей за 30 лѣтъ было очень немного, и, наоборотъ, не мало было такихъ, которымъ едва минуло 20 лѣтъ; были и такіе, кому и 20 не исполнилось.

Съ другой стороны, по большей части (мы, централисты, и по процессу «16») народъ у насъ имѣлъ за собой по нѣсколько лѣтъ каторжнаго режима въ одиночнымъ заключеніи, а тутъ—относительная свобода и общеніе съ массою товарищей.

Наконецъ, если питаніе наше,—въ особеннности, какъ я уже сказалъ, подъ конецъ путешествія,—и не было обильнымъ, то чистымъ воздухомъ и движеніемъ мы пользовались вдоволь.

Нельзя не принять также во вниманіе, что для многихъ впереди предстоялъ длинный рядъ годовъ заключенія въ каторжныхъ тюрьмахъ, и такіе съ тѣмъ большею жадностью пользовались временною, хотя и относительною свободою.

Вотъ эти-то всѣ обстоятельства и способствовали тому, что самочувствіе наше было болѣе чѣмъ удовлетворительное. Я рѣшусь сказать даже нѣсколько сильнѣе. Я думаю, что въ тогдашнемъ нашемъ передвиженіи «по Владимиркѣ» было даже немного поэзіи. Близость къ природѣ, оригинальность обстановки, интимное общеніе между отдѣльными лицами, общія хорошія отношенія,—для многихъ, несомнѣнно, эти черты тогдашней жизни придавали послѣдней нѣкоторую поэтическую окраску. По крайней мѣрѣ, въ моихъ воспоминаніяхъ этотъ періодъ ссыльной жизни сохранился именно въ нѣсколько опоэтизированномъ видѣ.

Вотъ собирается нашъ таборъ въ дорогу съ этапа. Неизбѣжная суета, бѣготня, крики, шумъ... Каждый выбираетъ себѣ подводу, укладываетъ свои вещи и вещи товарищей по экипажу, умащиваетъ ихъ, чтобъ было поудобнѣе сидѣть, чтобъ было подъ руками то, что можетъ понадобиться въ пути, чтобъ не попортить вещей, которыя можно раздавить или помять. У лошадей возятся наряженные въ повинность крестьяне, въ послѣдній разъ подкрѣпляя упряжку. Конвойные стоятъ тутъ же, готовясь къ переходу. Они пока еще держатся въ поэтическомъ безпо-

рядкѣ. Кое-кто изъ нихъ сидитъ, дожевываетъ свой завтракъ, крутитъ цыгарку,—стоятъ они еще не на мѣстахъ, а группами, частью даже выпустивъ ружья изъ рукъ и прислонивъ ихъ къ чему-нибудь. Старшій докладываетъ офицерамъ, что все готово. Выходятъ офицеры,—мѣстнаго этапа и нашъ конвойный. Насъ пересчитываютъ и мы трогаемся.

Нѣкоторое время мы движемся въ порядкѣ. Но очень скоро начинаются всевозможныя перекочевыванія среди партіи, состовляются группы пѣшеходовъ и на телѣгахъ. Разговоръ становится громче, перекликаются между собой сидящіе на телѣгахъ далеко другъ отъ друга,—а вотъ кто-нибудь и пѣсню затянулъ... Въ то же время и конвойные перестаютъ слишкомъ строго «соблюдать дистанцію», многіе изъ нихъ уже заломили назадъ фуражки, разстегнули вороты рубашекъ, покручиваютъ цыгарки, вполголоса затягиваютъ пѣсни.

Полдороги. Привалъ. Мы расположились таборомъ, нерѣдко на какомъ-нибудь пригоркѣ, съ котораго открывается передъ нами новый для всѣхъ насъ сибирскій ландшафтъ,—и мы жадно впиваемся взоромъ въ окрестности. Кое-кто ложится на землю навзничъ и глядитъ на плывущія по свѣтло-голубому небу бѣлыя груды облаковъ. Другіе, по необходимости во все время пути сидящіе на телѣгахъ, наоборотъ, вскакиваютъ на землю и разминаютъ члены.

Прошли узаконенные 10 минутъ, и мы трогаемся дальше. Тѣмъ временемъ офицеры уѣхали впередъ, и въ партіи воцаряется еще большее оживленіе.

Мы встрѣчаемъ и насъ обгоняютъ проѣзжающіе на тройкахъ и цѣлые обозы. Изъ встрѣчныхъ какая-нибудь старушка, глядя на насъ, перекрестится. Въ другой разъ угрюмаго вида купецъ или чиновникъ то съ грустью, то съ укоризною покачаетъ головою. Бывали встрѣчи, когда кто-нибудь, по виду—интеллигентъ, тщательно вглядывается въ физіономію каждаго изъ насъ. Тутъ рождается цѣлая масса предположеній: не бѣгущій ли это съ мѣста ссылки политическій?.. не прежній ли товарищъ кого-либо изъ насъ, попавшій на службу или по дѣламъ въ Сибирь, а теперь возвращающійся въ Россію?.. а, можетъ быть, это агентъ—Исполнительнаго Комитета, которому поручено попытаться освободить кого-нибудь изъ насъ?.. Но во всякомъ случаѣ каждая встрѣча привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе на болѣе или менѣе продолжительное время и вызываетъ среди насъ болѣе или менѣе оживленные разговоры.

Но вотъ близокъ этапъ. Каковъ-то онъ будетъ? Чище ли того, въ которомъ мы стояли прошлую ночь? Много ли намъ вынесутъ бабы всяческаго сибирскаго «усердія»?.. Можетъ быть, устроимъ баню?.. или хоть бѣлье помоемъ?

На этапѣ—обычная возня съ переноской вещей и устраиваніемъ ночлега на нарахъ... А тѣмъ временемъ на дворѣ вспыхиваютъ, одинъ за другими, огни нѣсколькихъ костровъ, на которыхъ дежурные той или другой группы кипятятъ воду для чая, и варятъ, и жарятъ что-нибудь къ ужину.

Темнѣетъ. Вокругъ костра усаживается группа, и при веселомъ потрескиваніи въ огнѣ дровъ начинается ублаготвореніе утробъ. Конечно, угрюмости при этомъ не прочтешь ни на одномъ лицѣ: всѣ болѣе или менѣе, смотря по натурѣ, оживлены.

Костры постепенно угасаютъ.

— Евгенія Николаевна! — раздается откуда-нибудь изъ темноты къ тому мѣсту, гдѣ расположилась Фигнеръ, Рогачевъ, я, Вѣра Павловна, Легкая,—«Бурный потокъ»...

— Нѣтъ, «Полосу»—кричатъ въ другомъ углу двора.

— «Никому не скажу» давно не пѣли,—слышится еще откуда-то.

— Ну, что это, право!—говоритъ Е. Фигнеръ.—Не знаешь, что и пѣть...

— А ты, пой, что хочешь,—замѣчаетъ кто-нибудь изъ насъ.

Она встаетъ и начинаетъ «Ты причаль, моя рыбачка»... И всѣ довольны,—будто именно это ее и просили спѣть.

Послѣ первой пьесы—аплодисменты. Она начинаетъ вторую. По окончаніи—опять аплодируютъ...

Но вотъ стягивается хоръ: ему тоже хочется отвести душу.

Я задаю тонъ, «даю» руку. И далеко за предѣлы этапнаго двора, проникая въ глубь души, разносятся то надрывающіе сердце звуки:

А булобъ тоби, а ты, ридна маты,
Тихъ бривъ не даваты,
А булобь тоби, а ты, ридна маты,
Счастье-долю даты!

То разудалый напѣвъ:

Мы—не воры, не разбойнички,—
Стеньки Разина работнички,
Есауловы помощнички!

Рѣзко выдѣляется сильный теноръ Свитыча, его оттѣняютъ легкіе звуки бархатнаго Іоновскаго баса.

Но вотъ постепенно смолкаютъ голоса, утихаетъ возня. Публика скопляется у наръ и начинаетъ стлать себѣ постели на ночь. Ложимся мы рано, потому что и вставать приходится рано. Только кое-гдѣ еще въ тишинѣ слышится перешептываніе: то или неоконченный на дворѣ теоретическій разговоръ, или интимность...

Не всегда намъ удавалось устраивать нашихъ дамъ совершенно отдѣльно. Бывало и такъ, что ложились вповалку. Но слишкомъ цѣломудренны были мы, чтобы это могло смущать кого бы то ни было изъ насъ.

А на утро, послѣ 7—8 часовъ крѣпкаго сна, начиналась на этапѣ та же возня, что и вчера: убирали постели, связывали вещи, готовили чай и ѣду, наскоро консуммировали это, усаживались на телѣги и трогались, наконецъ, въ путь,—до слѣдующаго этапа.

И такъ тянулись дни, одинъ за другимъ, въ безконечномъ числѣ. Но «возня» и «суета», даже однообразіе нашихъ развлеченій мало утомляли насъ и надоѣдали намъ. Даже и тѣ, кто не былъ склоненъ къ наслажденію красотами природы или не отличался особенно общительностью характера, и тѣ старались использовать настоящее въ полной мѣрѣ, — всѣ торопились съ жадностью взять отъ настоящаго все, что можно.

Но находили, конечно, и минуты грусти, тоски,—можетъ быть,

даже отчаянія. Вѣдь мы оторваны отъ любимой работы, почти что—отъ всего міра!.. Каждый шагъ, который мы дѣлаемъ по направленію къ востоку, отдѣляетъ насъ отъ родныхъ мѣстъ, отъ привычной обстановки, отъ близкихъ людей...

А свобода, которою мы пользовались хотя бы и съ жадностью, имѣла очень относительное значеніе. Вѣдь во всякомъ случаѣ мы находились вѣчно «подъ стражей»: на баржахъ, въ городскихъ тюрьмахъ, на этапахъ, въ пути, на привалахъ—всюду насъ окружалъ «конвой», «часовые», «цѣпь»... И каждый, въ моменты самаго сильнаго подъема духа и въ часы беззаботнаго веселья, хорошо помнилъ, что штыки, блескъ которыхъ придавалъ иногда столько «поэзіи» нашему табору, въ каждую минуту могутъ быть пущены въ ходъ противъ насъ по приказанію отмѣнно вѣжливаго Василія Ивановича или раздушеннаго этапнаго офицера. И всякое столкновеніе и даже недоразуменіе съ начальствомъ, конечно, играло роль особенно удручающаго обстоятельства: оно съ неумолимою безпощадностью подчеркивало въ нашихъ глазахъ ужасъ нашего положенія.

Къ счастью, впрочемъ, съ этой стороны дѣло у насъ обстояло все время сравнительно недурно.

Съ нашимъ Василіемъ Ивановичемъ у насъ были очень хорошія отношенія и ни разу никакихъ столкновеній не произошло. Онъ распрощался съ нами въ Красноярскѣ, и распрощался даже съ нѣкоторою трогательностью.

Отъ Красноярска начинался участокъ полк. Загарина, шли мы подъ начальствомъ армейскаго офицера, кап. Попова, подъ конвоемъ солдатъ, назначенныхъ сопровождать насъ до самаго Иркутска, и для «высшаго» надзора командированы были съ нами 4 красноярскихъ жандармскихъ унтеръ-офицера.

О Загаринѣ былъ слухъ, что это звѣрь. По отношенію къ нашей партіи онъ себя такимъ не проявилъ. Кап. Поповъ вначалѣ сталъ съ нами даже въ пріятельскія отношенія, вступалъ въ бесѣду, которую всегда поддерживалъ съ видимымъ для себя интересомъ, не придерживался формальностей. Но постепенно наши отношенія съ нимъ ухудшились: Поповъ оказался субъектомъ нервнымъ и слишкомъ сильно реагировалъ на мелкія тренія. Ему начинало казаться, что хотятъ эксплуатировать его мягкость. И онъ сталъ сдержаннѣе, началъ избѣгать частныхъ бесѣдъ.

Побѣгъ Мартыновскаго (о чемъ разскажу ниже) окончательно испортилъ наши отношенія съ начальствомъ. Поповъ былъ «возмущенъ» и сталъ проявлять придирчивость. Надо замѣтить, что къ этому времени нервы его явно переутомились... [1]). А когда, по его вызову послѣ побѣга Мартыновскаго, явился къ намъ Загаринъ, то у насъ дѣла пошли совсѣмъ скверно. Дошло до крупнаго столкновенія, при чемъ особенно горячился Аптекманъ... Загаринъ внушительно и громко, такъ что всѣ

[1]) Какъ мнѣ впослѣдствіи удалось узнать, этотъ офицеръ, вскорѣ послѣ того назначенный этапнымъ начальникомъ, заболѣлъ чахоткою съ ужаснымъ кровохарканьемъ. Задатки легочной болѣзни онъ носилъ въ себѣ еще тогда, когда велъ нашу партію.

слышали, замѣтилъ: «Аптекманъ, я васъ отправлю отдѣльно!». И дѣйствительно, Аптекманъ былъ увезенъ впередъ въ Иркутскъ на тройкѣ.

Это было около Нижне-Удинска... А въ Иркутскъ мы въѣзжали совершенно успокоившіеся. Помню картину, какъ у телѣги, на которой ѣхала Е. Фигнеръ, подъ самымъ Иркутскомъ шелъ кап. Поповъ, одѣтый уже для представленія начальству въ полную форму, и вполнѣ мирно бесѣдовалъ съ Фигнеръ про происшествія пути; но все же рѣчь шла о томъ, какъ ему было трудно вести нашу партію.

И въ самомъ дѣлѣ, водить партіи политическихъ для офицеровъ было очень «тяжело». Съ одной стороны, предписывается соблюденіе чрезмѣрныхъ строгостей и даже спеціальныхъ правилъ, съ другой — столь же строго предписывается и предоставленіе льготъ, о которыхъ уголовные и понятія не имѣютъ, и доставленіе которыхъ сопряжено съ «излишними» хлопотами, съ третьей — необходимо держаться, опять-таки очень строго, въ предѣлахъ, если не законности, то инструкціи, (а вѣдь каждому офицеру извѣстно, что инструкціи пишутся въ «кабинетахъ» людьми, не знающими «жизни»), въ-четвертыхъ—«чрезмѣрная» требовательность политическихъ, въ-пятыхъ—боязнь, что политическіе, какъ народъ придирчивый и настойчивый, того и гляди подымутъ исторію «изъ-за пустяковъ», а потомъ «кашу» придется расхлебывать ему же, офицеру,—и т. д., и т. д.; самое же главное, конечно,—то, что политическимъ не запрещено «разсуждать» и съ ними,—хочешь-не-хочешь,—необходимо «объясняться». И вотъ въ результатѣ получается, что даже нашъ Василій Ивановичъ, т. е. даже спеціалистъ по части обхожденія съ политическими, — и тотъ, когда пришелъ въ Красноярскъ, не имѣлъ на себѣ облика человѣческаго: осунулся, похудѣлъ. А кап. Поповъ, человѣкъ, къ обращенію съ политическими не привыкшій, да при томъ еще и больной, пришелъ въ Иркутскъ блѣдный-преблѣдный, исхудавшій въ щепку, съ ввалившимися глазами и съ тяжелымъ пессимизмомъ въ груди по отношенію ко всему на свѣтѣ. И не мудрено, что во время нашего продолжительнаго пребыванія въ Иркутскѣ тогдашній иркутскій полицмейстеръ, шаркунъ полк. Тягуновъ, какъ-то при «объясненіи» съ нами, почему насъ такъ долго держатъ въ этой отвратительной тюрьмѣ и не отправляютъ дальше, проговорился: «да я вѣдь и самъ хлопочу, потому что вѣдь, господа, мнѣ съ вами здѣсь — настоящая *каторга*», послѣ чего, вслѣдствіе натиска съ нашей стороны отъ взрыва негодованія за эти слова, онъ долженъ былъ, позорно спиною отступая къ выходу, только утвердиться, конечно, во мнѣніи, что ему, Тягунову, съ нами, политическими, истинная «каторга».

Отъ Томска до Иркутска крупнѣйшая остановка—Красноярскъ. Здѣсь мы «отдыхали» что-то довольно долго, и во все это время къ намъ въ неограниченномъ числѣ допускали мѣстныхъ ссыльныхъ. Въ конторѣ, гдѣ происходили эти «свиданія», толкотня была невообразимая, т. е. буквально другъ около дружки стояли.

Изъ своихъ старыхъ знакомыхъ я встрѣтилъ здѣсь судившуюся по нашему процессу А. В. Афанасьеву (по второму мужу—Чернявскую), да Елиз. Бергъ, одесситку-акушерку. Но моей сестрѣ, которая была въ то время въ административной ссылкѣ въ Минусинскѣ и подавала прошеніе о разрѣшеніи ей пріѣхать на нѣсколько дней въ Красноярскъ для сви-

данія со мною, въ просьбѣ отказали, и мы съ ней такъ и не видѣлись до пріѣзда моего въ Одессу по окончаніи ссылки (въ 1897 г.).

Трогательная была сцена при нашемъ приближеніи къ Красноярску. Еще за городомъ насъ встрѣтили красноярскія власти, а съ ними пришелъ и отецъ нашего Долгушина,—красноярскій губернскій прокуроръ. Когда онъ подошелъ уже совсѣмъ близко къ партіи, нашъ Долгушинъ прорвался черезъ конвойныхъ—и отецъ съ сыномъ бросились въ объятія другъ друга... Конечно, конвойные кинулись было за Долгушинымъ, но власти ихъ успокоили.

Долгушинъ-старикъ былъ такого же маленькаго роста, какъ и его сынъ, и при томъ обладалъ длинною и густою, почти совершенно сѣдою бородой. За это онъ былъ прозванъ у насъ въ партіи «Черноморомъ». Человѣкъ онъ былъ въ высшей степени хорошій и оказывалъ политическимъ нѣкоторыя существенныя услуги.

Въ Красноярскѣ мы оставили кое-кого изъ товарищей. Остался Долгушинъ съ семьей по случаю болѣзни жены, остался Малавскій; можетъ быть, еще кто-нибудь,—не припомню. Изъ Красноярска мы взяли въ партію Цыплова,—форменнаго разбойника, котораго за услугу, оказанную кому-то изъ ссыльныхъ, сопричислили къ лику политическихъ. На него возлагали и въ дальнѣйшемъ кое-какія надежды тѣ, кто собирался бѣжать изъ тюрьмы, и Рогачевъ по этому случаю моментальперешелъ съ нимъ на «ты». Но это былъ «парень себѣ на умѣ», и, кажется, никакого толку изъ него не вышло. А между тѣмъ на Карѣ случайно онъ сыгралъ и нѣкоторую отрицательную роль: когда насъ хотѣли (въ 1882 г.) попугать примѣненіемъ къ намъ тѣлеснаго наказанія (за многими изъ насъ таковое числилось), то Цыплова перваго... высѣкли, разсчитывая, что изъ-за него мы исторіи не поднимемъ (и на самомъ дѣлѣ мы таковой не подняли).

Заранѣе у насъ не было организовано побѣга. Но гдѣ-то съ этапа рѣшили было выпустить Рогачева. Дѣло было до такой степени налажено, что, помню, Рогачевъ наканунѣ перемѣнилъ бѣлье, приготовилъ одежду и прощался съ друзьями. Почему разстроилось дѣло,—я теперь рѣшительно не могу припомнить.

Побѣгъ Мартыновскаго также былъ организованъ экспромптомъ.

Главнымъ организаторомъ здѣсь явился Мышкинъ. Рѣшено было выпустить его съ этапа подъ видомъ солдата. Для этого была приготовлена солдатская одежда: фуражка, мундиръ, кушакъ, шаровары. Во все это (конечно, кромѣ фуражки) нарядился Мартыновскій еще утромъ, и прошелъ переходъ до слѣдующаго этапа, плотно запахнувшись въ арестантскій халатъ. Кандалы у него были сняты, и кольца ихъ, привязанныя къ ногамъ веревочкою, заложены въ сапоги. Освободиться отъ нихъ—дѣло одного мгновенія.

Я уже писалъ, что какъ только партія пріѣзжала на этапъ, то поднималась сильная возня. Каждый стаскивалъ свои вещи съ телѣги и спѣшилъ устроиться поудобнѣе на нарахъ. Это всегда вызывало суету,—и этимъ-то моментомъ и долженъ былъ воспользоваться Мартыновскій.

Громадное большинство изъ партіи было предувѣдомлено о намѣреніи. Поэтому, когда на этотъ разъ мы пріѣхали на этапъ, то возня была усилена искусственно. Былъ поднятъ шумъ и крикъ больше обык-

новеннаго, вещи собирались съ подводъ хотя быстро, но понемногу, чтобы протянуть время и произвести большое движеніе.

Когда я вскочилъ въ этапное помѣщеніе съ частью вещей, то засталъ уже тамъ Мышкина, который окончательно обряжалъ Мартыновскаго: они, конечно, не думая ни о какихъ вещахъ, первые кинулись въ помѣщеніе. Я помню, бросилъ то, что принесъ, куда попало, и кое-чѣмъ тутъ помогъ въ послѣднихъ приготовленіяхъ. Во всякомъ случаѣ, Мартыновскій былъ «готовъ» чрезвычайно быстро,—гораздо раньше, чѣмъ улеглась суета.

Онъ смѣло двинулся къ воротамъ, которые охранялись дневальнымъ. Расчетъ былъ на то, что этапные солдаты примутъ его за одного изъ нашихъ конвойныхъ, а конвойные—за этапнаго. По всей вѣроятности, такъ и случилось. Во всякомъ случаѣ, Мартыновскій благополучно вышелъ за ворота, а затѣмъ—и дальше. Не остановило на себѣ ничьего вниманія даже его одѣяніе: оно было наполовину бутафорское (кумачъ вмѣсто сукна). Мало того: въ Нижне-Удинскѣ (побѣгъ былъ устроенъ за одинъ или за два этапа до этого города) какой-то офицеръ подозвалъ къ себѣ на улицѣ Мартыновскаго, какъ солдата, и далъ ему какое-то порученіе...

Весь вечеръ мы старались вести себя, какъ обыкновенно: вели бесѣды, пѣла Е. Фигнеръ, пѣлъ хоръ. На ночь на нарахъ, для счета, положили чучело. Вообще, удалось оттянуть обнаруженіе побѣга до момента выхода партіи съ этапа [1]).

Но вотъ собираемся мы тронуться въ путь на слѣдующій этапъ. Всѣ разсѣлись по подводамъ. По обыкновенію, насъ пересчитываютъ. Считаетъ старшій жандармъ, считаетъ старшій конвоиръ... Пересчитали разъ—недосчитываются; стали считать другой разъ... Тутъ ужъ, конечно, обнаруженіе побѣга было вопросомъ нѣсколькихъ минутъ. Мы, до того умышленно громко болтавшіе всякій вздоръ, чтобы по возможности не дать считающимъ времени сосредоточиться, тутъ ужъ притихли и — ждемъ, что будетъ. Это замѣтили считавшіе... Подошелъ Поповъ, узналъ въ чемъ дѣло,—помертвѣлъ!

Тогда стали провѣрять по списку, и черезъ 5—10 минутъ было обнаружено, что не хватаетъ именно Мартыновскаго... Мнѣ даже припоминается, будто сами мы сказали, что нѣтъ именно его.

Что-то долго просидѣли мы на подводахъ. Поповъ растерялся и не зналъ, какъ ему поступить.

Впрочемъ, дѣло скоро наладилось.

Были вызваны сельскія власти, а черезъ нихъ собрана погоня. Какъ теперь, помню эту группу. Впереди, на великолѣпномъ иноходцѣ, сидитъ бравый мужчина съ рыжей бородой, а черезъ плечо у него хорошее пистонное ружье. Это—староста или старшина. Тутъ же стоитъ, держа въ поводу крепенькую сибирскую лошадку, старикъ невысокаго роста съ длинной, узкой свѣтлой бородой, будто прилѣпленной къ худому обвѣтренному лицу, съ космами прямыхъ волосъ, падающими изъ-подъ

[1]) Болѣе чѣмъ вѣроятно, что побѣгъ былъ устроенъ наканунѣ дневки. Но въ точности не помню. Въ этомъ случаѣ въ распоряженіи Мартыновскаго были двѣ ночи и одинъ день.

шапки чуть не до плечъ, съ небольшими темными острыми глазами, сверкающими изъ-подъ нависшихъ бровей; ружье у него—старое, кремневое, даже съ козелками. Это—типичный сибирскій «промышленникъ»: такой не проглядитъ ни одного слѣда въ тайгѣ... А тамъ собралась группа вооруженныхъ палками. За ними—опять люди съ кремневками за плечами, на лошадяхъ. Тутъ же, предчувствуя что-то необычайное, отдыхаютъ на привязи собаки.

Всѣ ждутъ точныхъ указаній. Поповъ, по совѣщанію съ этапнымъ офицеромъ и сельскими властями, далъ эти указанія. Особенно громко,—очевидно, въ назиданіе намъ, — онъ сказалъ: «будетъ сопротивляться,—стрѣляйте, не жалѣйте!». Мы это намотали себѣ на усъ.

Но вообще, кап. Поповъ, человѣкъ недалекій, да при томъ еще, какъ кажется, съ нѣкоторою наклонностью къ романтизму, былъ огорченъ происшествіемъ, не только какъ неудачею по службѣ, но и какъ «неблаговиднымъ» съ нашей стороны поступкомъ. Помню, потомъ пришлось его серіозно убѣждать въ истинѣ, что если онъ поставленъ затѣмъ, чтобы не допускать побѣговъ, то это само по себѣ устанавливаетъ наше, такъ сказать, натуральное право бѣжать...

Само собой разумѣется, мы въ душѣ смѣялись надъ всѣми этими приготовленіями. Да, навѣрное, и тѣ, кто устраивалъ всю эту комедію, дѣлали это лишь для того, чтобы имѣть возможность впослѣдствіи рапортовать по начальству: «немедленно же была снаряжена погоня», вѣрить же въ успѣхъ они и сами не вѣрили. И на самомъ дѣлѣ, конечно, снаряженіе погони никакихъ результатовъ не принесло.

Но Мартыновскій былъ все-таки задержанъ черезъ нѣсколько же дней.

Въ окрестности повсюду было разослано сообщеніе о побѣгѣ политическаго изъ партіи. И вотъ Мартыновскій, проходя черезъ какую-то деревню былъ остановленъ. Что это — подозрительная личность, обнаружить было нетрудно: выдавалъ далеко не совершеннаго приготовленія бутафорскій солдатскій нарядъ. Его, конечно, задержали, и скоро онъ былъ опознанъ.

Хотя, какъ я писалъ выше, побѣгъ Мартыновскаго разстроилъ наши добрыя отношенія съ начальствомъ, но это было временно, и мы вполнѣ благополучно прибыли въ Иркутскъ.

Здѣсь, собственно, кончается мое передвиженіе «по Владимиркѣ». Въ Иркутскѣ мы просидѣли очень долго, я успѣлъ тамъ заболѣть довольно серіозно нервнымъ разстройствомъ и не могъ ѣхать на Кару съ товарищами въ партіи, черезъ мѣсяцъ или полтора послѣ нея меня доставили на Кару уже не этапомъ, а на тройкахъ, подъ конвоемъ двухъ иркутскихъ жандармовъ, а это—не «Владимирка». Поэтому, свой разсказъ я на этомъ могу и закончить.

Н. Виташевскій.

По поводу замѣтки Морозова „Отголоски минувшихъ дней“.

Замѣтка Н. А. Морозова,—«Отголосокъ давнихъ дней» по поводу моихъ въ іюльской книжкѣ журнала «Былое», помѣщенныхъ воспоминаній убѣдила меня въ томъ, что личное настроеніе ярче всего сохраняется въ памяти и окрашиваетъ въ соотвѣтствущій цвѣтъ факты пережитыхъ историческихъ моментовъ. Поэтому въ интересахъ исторической правды лучше предоставить наше разногласіе съ Н. А. суду тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нами пережилъ тотъ историческій моментъ, по поводу котораго мы разноголосимъ съ Н. А. Я остановлю вниманіе читателей только на тѣхъ нашихъ разногласіяхъ съ Н. А.,—ихъ всего два, — о которыхъ говоритъ Н. А., и въ послѣдней своей замѣткѣ обойду молчаніемъ тѣ, о которыхъ онъ въ ней умалчиваетъ.

Н. А. говоритъ, что хотя и можно признать кружокъ Натансона родоначальникомъ «Земли и Воли», но назвать этотъ кружокъ «Землей и Волей» значило бы впадать въ анахронизмъ... Кружокъ этотъ въ шутку называли троглодитами, но «Землей и Волей» до выхода нашего журнала называли только прежнее общество 60-хъ гг., сошедшее со сцены еще со времени Чернышевскаго и не имѣвшее съ нами никакой преемственной связи... Я же утверждаю, что нашъ кружокъ назывался «Землей и Волей» съ 1876 года, т. е. съ момента его появленія на исторической сценѣ. Совершенно вѣрю тому, что Н. А., спрашивалъ многихъ дѣятелей конца 70-хъ гг., живущихъ теперь въ Петербургѣ, напр. В. И. Засуличъ и другихъ,—слыхали ли они названіе «Земля и Воля» по отношенію къ кружку Натансона до выхода нашего журнала? Вѣрю и тому, что всѣ говорили ему, «что никогда не слыхали. Но вотъ, напр. III-му отдѣленію осталось не извѣстнымъ то, что въ тѣсномъ революціонномъ кругу, съ легкой руки К—а, называли насъ въ шутку троглодитами, а то, что съ 1876 года появилась на исторической сценѣ партія «Земля и Воля», то до слуха III-го отдѣленія дошло. Извѣстный официальный отчетъ—«хроника соціалистическаго движенія 1878—1887 гг.» точно устанавливаетъ дату образованія организаціи «Земли и Воли», 1876 годъ (стр. 54). А на стр. 41-й этого отчета, гдѣ идетъ рѣчь о дѣятельности революціонеровъ среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ Петербурга въ 1877 г.,—читаемъ слѣдующее: эту новую кампанію (агитацію среди

рабочихъ) открылъ комитетъ партіи «Земля и Воля». Словомъ, III-е отдѣленіе датируетъ появленіе «Земли и Воли» 1876 годомъ, а не ноябремъ 1878 года, когда появился 1 й № журнала «Земля и Воля». Затѣмъ, Н. А., со словъ моихъ или гдѣ-либо онъ еще о томъ узналъ, утверждаетъ, что «разговоры въ кружкѣ Натансона можетъ быть и шли объ изданіи свободнаго безцензурнаго органа до основанія нами «Земли и Воли», но это никого не можетъ удивить изъ знающихъ исторію освободительнаго движенія въ Россіи, ибо не представляетъ изъ себя ничего новаго. Объ этой необходимости всѣ говорили еще со времени декабристовъ и даже не разъ пытались осуществить такія изданія». Я же говорю въ моихъ воспоминаніяхъ, что партія «Земля и Воля» задалась цѣлью издавать органъ «Землю и Волю» съ самаго своего появленія на исторической сценѣ. Это наше второе разногласіе съ Н. А.

Мнѣ еще остается сказать, что я въ моихъ воспоминаніяхъ нигдѣ не утверждалъ что между членами организаціи «Земли и Воли» наканунѣ ея распада не было идейнаго разногласія, а въ моихъ воспоминаніяхъ говорю, что Н. А. преувеличиваетъ эти разногласія. Мнѣ кажется, что я не погрѣшу противъ исторической правды, если скажу, что Н. А. и въ послѣдней своей замѣткѣ точно также поступаетъ, т. е. преувеличиваетъ. «Посмотрите, говоритъ онъ читателямъ только на названія двухъ фракцій, на которыя распалась «Земля и Воля» и вы увидите въ чемъ дѣло». «Первая часть,— продолжаетъ онъ «Земля»—превратилась въ «Черный Передѣлъ», а вторая часть— «Воля»—въ «Народную Волю». А прибавь Н. А. къ этому, что каждая изъ фракцій охотно оставалась бы при старомъ названіи «Земли и Воли», если бъ только какая-либо изъ фракцій уступила право другой такъ назваться, то и фактъ окрашивается въ другой цвѣтъ, и и становится понятнымъ, почему рядомъ съ Н. А. присоединились къ фракціи «Народной Воли» и тѣ, которые не придавали такого преобладающаго значенія борьбѣ за политическую свободу, какое придавалъ этой борьбѣ Н. А. А въ дѣйствительности было такъ: обѣ фракціи пытались удержать за собой названіе «Земля и Воля», но такъ какъ ни та, ни другая не соглашались уступить старое названіе одной, то и порѣшили не уступать—никому.

М. Поповъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ Бѣлоконскаго на страницѣ 30-й въ примѣчаніи (строка 1-я) напечатано **съ 1 ноября**,—слѣдуетъ читать—**съ 6 ноября**,

Въ томъ же примѣчаніи строка 18-я сверху напечатано: **къ двору**; слѣдуетъ читать—**къ Дворцу**.

Черезъ контору журнала „МИНУВШІЕ ГОДЫ“ можно выписывать слѣдующія изданія:

1) „Былое“ журналъ, издававшійся въ С.П.Б. подъ редакціей В. Я. Богучарскаго и П. Е. Щеголева:

а) за 1906 г. книги 1—12.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ.

В. П. Акимовъ-Махновецъ—1-е мая въ Россіи. М. А. Антоновичъ—Арестъ Чернышевскаго. М. Ю. Ашенбреннеръ—Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. В. Я. Богучарскій—1-е марта-3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. В. Л. Бурцевъ—Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. И. П. Бѣлоконскій—Изъ воспомин. объ А. И. Желябовѣ. А. И. Бяловескій—Изъ прошлаго. П. И. Вейнбергъ—4 апрѣля 1866 год. Н. А. Виташевскій—Первое вооруженное сопротивленіе, первый военный судъ и Централка. И. И. Волковъ—Народов. пропаганда среди москов. рабочихъ въ 1881 году. М. О. Гершензонъ—Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. Герасимовъ—Питомецъ воспитательнаго дома. Дж. Гильомъ—М. А. Бакунинъ. М. Р. Гоцъ—С. В. Зубатовъ. Н. Л. Геккеръ—Политич. каторга на Карѣ. Х. Г. Гринбергъ-Конъ—Къ процессу Ковальскаго. Л. Я. Гуревичъ—Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905 года. И. С. Джабадари—Въ неволѣ. М. П. Драгомановъ—Автобіографія. Д-чъ—Арестъ Нечаева. В. С. Ильичъ-Свитычъ—Мое знакомство съ Ковальскимъ. С. А. Ивановъ—Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноеловки. С. А. Иванова-Борейша—Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. М. В. Корольковъ—Поручикъ Кречетовъ, шлис. узникъ XVIII вѣка. Ф. Я. Конъ—У подножія висѣлицы. М. К. Лемке—Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. О. С. Любатовичъ—Далекое и недавнее. Н. А. Морозовъ—Изъ Шлис. мотивовъ (стих.) И. Л. Манучаровъ—Мой процессъ и Эпизодъ изъ жизни въ Шлис. крѣп. Маклецова-Дегаева—Судейкинъ и Дегаевъ. О. С. Миноръ—Якутская драма 1889 г. Н. Я. Николадзе—Освобожденіе Чернышевскаго. М. В. Новорусскій—Въ Шлиссельб. крѣпости. Надинъ—Стрѣльниковскій процессъ. Г. Ф. Осмоловскій—Карійская трагедія. М. Р. Поповъ—Къ біографіи И. Н. Мышкина и „Земля и Воля“ наканунѣ Воронеж. съѣзда. В. С. Панкратовъ—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. А. П. Прибылева-Корба—С. П. Дегаевъ. По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова. Плохоцкій—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ. З. Ралли—С. Г. Нечаевъ. С. Ф. Русова—Мартынъ Лангансъ. Н. Р.—Событіе 1 марта, Н. В. Шелгуновъ. В. И. Семевскій—Вопросъ о преобразованіи госуд. строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Н. Сильванскій—Пестель предъ Верх. Угол. судомъ. Д. В. Стасовъ—Каракозовскій процессъ. А. А. Спандони—Страница изъ воспоминаній. Л. С.—Изъ воспоминаній студента-солдата. С. А. Савинкова—Годы скорби. С. С. Синегубъ—Воспоминанія чайковца. В. А. Старосельскій—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи. Старикъ—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). М. Н. Тригони—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. Е. В. Тарле—Самодержавіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. Н. А. Танъ—Коронація въ Колымскѣ. А. В. Тырковъ—Къ событію 1 марта 1881 года. М. Ф. Фроленко—Милость и Побѣгъ Алеши Поповича. В. Н. Фигнеръ—Шлиссельб. узница Л. А. Волкенштейнъ. А. Р. Хирьяковъ—Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. М. Н. Чернышевскій—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. П. Е. Щеголевъ—П. Г. Каховскій, Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ, Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго. В. Е. Якушинъ—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шевченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма Чернышевскаго, Тургенева. Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова, Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др. Матеріалы (между прочимъ отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Цѣна 9 р. 50 к. съ перес.; безъ перес. 8 р.

б) За 1907 г. Книги 1—10.

(9-ая книжка конфискована впредь до суда)

Краткое содержаніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями были напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы): А. Баулеръ—М. А. Бакунинъ наканунѣ смерти. А. Бахъ.—Воспоминаніе народовольца; В. П. Безобразовъ—Изъ записокъ; К. А. Бороздинъ—Священная дружина и Народная Воля; И. П. Бѣлоконскій—Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы; Бар. Р. Ю. Будбергъ—Союзъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. Д. М. Герценштейнъ—30 лѣтъ тому назадъ. М. О. Гершензонъ—Западные друзья Герцена. В. С. Голубевъ—Государственная Дума 1906 года; О. Гольдовскій—Евреи въ Москвѣ; В. А. Даниловъ—Изъ воспоминаній; И. С. Джабадари—Процессъ 50-ти. В. С. Ефремовъ—Маленькое дѣло. С. А. Жебуновъ—Изъ воспоминаній. Н. И. Іорданскій—Миссія П. С. Ванновскаго. А. И. Иванчинъ-Писаревъ—Побѣгъ кн. Кропоткина и Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ. П. К-въ—Красноярскъ въ концѣ 1905 года. Кафіеро О.—Изъ далекаго прошлаго. Коваленко—11 дней на „Потемкинѣ". А. А. Корниловъ—Изъ семейной хроники Бакунинныхъ. Ю. Н. Лавриновичъ—Въ Архангельской ссылкѣ. Е. Е. Лазаревъ—Гавайскій сенаторъ. Платонъ-Лебедевъ—Красные дни въ Нижнемъ-Новгородѣ. М. К. Лемке—Молодость „отца Митрофана" (Муравскаго), Кн. П. В. Долгоруковъ въ Россіи и за-границей, Матеріалы для біографіи Н. А. Серно-Соловьевича. Эмигрантъ Иванъ Головинъ. Г. А. Лопатинъ—Къ исторіи осужденія д-ра О. Веймара. А. О. Лукашевичъ—Въ народъ. И. Манучаровъ—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ. Милюковъ П. Н.—Памяти М. Я. Герценштейна. Н. А. Морозовъ—Андрей Франжоли, Изъ воспоминаній. С. Р. Минцловъ—14 мѣсяцевъ свободы печати. В. С. Панкратовъ—Къ процессу 12 въ Кіевѣ. Л. Ф. Пантелѣевъ—Дѣла давно минувшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.) П. Н. Переверзевъ—Экспедиція генерала Ренненкампфа. М. Ф. Поповъ—Изъ моего революціоннаго прошлаго. С. Н. Прокоповичъ—Формы и результаты аграрнаго движенія въ 1906 году. А. С. Пругавинъ—Суздальскіе узники. Н. С. Русановъ—П. Л. Лавровъ (отрывъ жизни и дѣятельности), Политика Н. К. Михайловскаго, Идейныя Основы „Народной Воли". С. А. Савинкова—На волосъ отъ казни (воспоминанія матери). В. И. Семевскій—Волненія въ л.-гв. Семеновскомъ полку въ 1820 году. Э. А. Серебряковъ—Революціонеры во флотѣ. Н. П. Сильванскій—Матеріалисты 20-хъ годовъ. С. Сомовъ—Рабочее движеніе въ СПБ. въ 1905 году. В. А. Старосельскій—Дни свободы въ Кутаисской губерніи. Р. А. Стеблинъ-Каменскій—І. А. Попко. М. Ф. Фроленко—Липецкій и Воронежскій съѣзды. М. Н. Чернышевскій.—Послѣдніе дни Н. Г. Чернышевскаго. Чудновскій С. Л.—Изъ дальнихъ лѣтъ. М. П. Шебалинъ—Типографія „Народной Воли" въ 1883 году. П. Е. Шеголевъ—Послѣ 1 марта 1881 г., Декабристъ О. П. Шаховской. В. Е. Якушкинъ—Замѣтки А. Н. Сутгофа о 14 декабря.

Кромѣ того въ журналѣ были помѣщены письма, неизданныя произведенія П. Л. Лаврова, А. И. Герцена, І. И. Успенскаго, Б. Н. Чичерина. П. С. Поливанова, М. А. Бестужева; сводъ показаній, данныхъ нѣкоторыми изъ Государственныхъ преступниковъ (изд. д-та полиціи); изъ обзоровъ важнѣйшихъ жандармскихъ дознаній. Дѣло 16 о покушеніи на г.-а. Трепова и мн. др.

Цѣна 9 р. 50 к. съ перес.; безъ перес. 8 р.

Всѣмъ подписчикамъ „Былого" въ замѣнъ невышедшихъ ноябрскихъ и декабрскихъ книгъ журнала по отпечатаніи будутъ разосланы. 1) Историческій сборникъ объемомъ до 25 лист. ц. 1 р. 50 к. 2) Указатель содержанія и собств. имен. къ журн. „Былое" за 1906 и 1907 г. ц. 75 к.

Типографія „Энергія", Загородный 17.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00028862286